

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I—II

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРВУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Оглавлениe.

Отдѣлъ I.

Стран.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Англо-индійскій „Кавказъ“. Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этнico-исторический и политический этюдъ). Обзоръ столкновеній Авгло-Индіи съ восточными авганскими племенами. <i>H. A. Аристова</i>	3—150
2. Бродачіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Болымой, ихъ этническій составъ, народнѣе, бытъ, брачные и иные обычай и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ. <i>Вл. Йохельсона</i>	151—193

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ: вотяковъ, черемисовъ и мордвы. <i>B. Мошкова</i>	194—212
2. Опытъ сравнительного словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковскій говоръ). <i>Илларіона Свѣнцицкаго</i>	213—229
3. Сборникъ Шанаюта Дыновскаго изъ села Гадичника (въ Дебрахъ). (Продолженіе). Сообщ. <i>P. Ровинская</i> . . .	230—248
4. По говору Любимскаго уѣзда. Сообщ. <i>A. Балова</i> . . .	249—250

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Жреческая организація индогерманцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индогерманцевъ). <i>A. Погодина</i> . . .	251—264
2. Румынскія сказанія о рабманахъ. <i>A. И. Яцимирскаго</i> .	264—272
3. Psihologia penală a teranului de Dem. I. Dobrescu. <i>A. Яцимирскаго</i>	273—277

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I—II

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. Н. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

О ТДЪЛЪ I.

АНГЛО-ИНДІЙСКІЙ „КАВКАЗЪ”.

Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами.

(Этноко-исторический и политический этюдъ).

III. Обзоръ столкновеній Англо-Індіи съ восточными авганскими племенами.

1) Система «закрытой границы» (1849—1879 г.г.).

Не углубляясь въ мало известную и неразработанную исторію восточныхъ авганскихъ племенъ, необходимо однако же имѣть въ виду, что племена эти большую частью сохранили свою независимость во все время владычества въ Индіи и Кабулисташа Бабера и его потомковъ. Почти тоже надо сказать и о времени основателя существующей авганской монархіи Ахмедъ-шаха и его потомковъ, которымъ, какъ и бабериадамъ, подчинялось въ Восточномъ Авганистанѣ лишь населеніе нѣкоторыхъ долинъ. Еще менѣе горные племена признавали власть баракзійской династіи. Откнувшись у баракзійцевъ всѣ земли на востокѣ отъ Инда и подчинившіе себѣ пишаверскую долину и низменность праваго берега Инда сейки не смогли покорить горные племена и должны были, для охраны населенія равнинъ отъ набѣговъ горцевъ, возвести или возобновить рядъ укрѣпленій, преграждающихъ важнѣйшіе выходы изъ горъ въ долины. Захвативъ въ 1849 году всѣ земли сейковъ, англичане унаслѣдовали и ихъ оборонительную въ отношеніи горныхъ племенъ политику. Держаться ея побудило англо-индійское правительство недавній опытъ англо-авганской войны 1838—1842 гг., убѣдившій, что обладаніе бѣдными странами авгановъ требуетъ ничѣмъ неокупающихся усилий и затратъ для исполненной опасностей и тажкой борьбы съ воинственными

племенами, страстно дорожащими своею независимостью и упорно ее защищающими.

Система „закрытой границы“ (Close Border), неуклонно применившаяся более 30 лѣтъ съ 1849 года, состояла, съ одной стороны, въ устраниеніи англійскихъ властей отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла горцевъ между собою и въ отношенія ихъ къ эмиру авганскому, съ другой же—въ строгомъ охраненіи британской территории отъ грабежей и вторженій горцевъ. Содержаніе гарнизоновъ въ 15, не менѣе, фортахъ и 50 постахъ разнаго рода, соединявшихся разъездами, и вообще обереженіе простиравшейся всего до 800 миль или 1200 верстъ границы (свѣдѣнія эти, изъ записки бывшаго секретаря панджабскаго управления сэра Ричарда Темпля, шестидесятыхъ годовъ, приведены въ книгѣ *Sitana: a mountain campaign on the borders of Afghanistan in 1863, by colonel John Adye, London, 1867*, не совсѣмъ полный переводъ которой помѣщенъ въ „Военному Сборнику“ 1873 г., юль, стр. 153—182, и августъ, стр. 351—378) возложены были на особыя панджабскія пограничныя войска. Войска эти, набиравшіяся изъ туземцевъ (сейковъ, индусовъ, панджабскихъ мусульманъ, авгановъ, белучжей и пр.), съ британскими офицерами, имѣли вооруженіе и организацію, одинаковыя съ прочими англо-индійскими туземными войсками, но находились въ вѣдѣніи панджабскаго губернатора, а не общаго военного начальства Индіи. Численность ихъ простирадась отъ 10 до 12 т. ч. въ 12 полкахъ пѣхоты, 5 полкахъ кавалеріи и 6 батареяхъ (*Sitana*, р. 12).

Для предупрежденія беспорядковъ на британской территории горцы допускались въ предѣлы ея только безъ оружія. Туземцы британской территории пропускались за границу въ земли горцевъ для торговыхъ и другихъ ихъ надобностей, но съ отклоненіемъ гарантіи британского правительства за безопасность ихъ лицъ и имуществъ. Пропускъ европейцевъ вообще былъ запрещенъ, британскіе же офицеры не имѣли права отлучаться за границу, даже для охоты, иначе, какъ съ разрѣшенія начальства, которое всегда въ этомъ дозволеніи впрочемъ отказывало. Всѣ эти мѣры значительно устранили поводы и случаи для столкновеній съ пограничными горцами, но по огромному протяженію границы оберегающія ее войска не всегда могли пресѣкать вторженія на британскую территорію какъ отдѣльныхъ хищниковъ, такъ и болѣе или менѣе многочисленныхъ шаекъ, которые иногда успѣвали совершать грабежи и убѣства и уходить за границу безнаказанно. Въ важнѣйшихъ изъ такихъ случаевъ, когда горные племена, которымъ принадлежали грабители, отказывались вознаградить причиненные убытки, или оказывались открыто враждебными, англо-индійское правительство вынуждено было прибѣгать къ военнымъ экспедиціямъ.

Первая военная экспедиция была предпринята уже въ 1849 году, въ ноябрѣ, противъ племени отманхейль и иѣкоторыхъ юсуфзіевъ на сѣверо-западной границѣ пишаверского округа (Раверти, въ газетѣ *The Mail*, 15 апрѣля 1895 г., см. „Сборникъ геогр. и пр. материаловъ по Азии“, вып. 64, стр. 281). Въ томъ же году, собравшись въ числѣ около 6 т., моменды вторгнулись въ пишаверскій округъ около Шабкадара, но отрядъ генерала Кембля прогналъ ихъ, причинивъ значительный уронъ; моменды однако не переставали возбуждать тревоги на границѣ до 1861 года, когда одинъ изъ ихъ вождей Нуабъ-ханъ успѣлъ установить на иѣкоторое время спокойствіе на этой части границы (*The Punjab and North-west Frontier of India, by an old Punjaubee*, London, 1878, см. изложеніе этой книги въ „Военному Сборнику“, 1879 года, январь, стр. 20—32, и февраль, стр. 118—135, въ отдѣлѣ Библиографіи, подъ заглавіемъ „Пенджабъ и сѣверо-западная граница Индіи“, стр. 118). Въ 1849 же году англо-индійское правительство обязалось платить по 570 фунтовъ стерлинговъ (впослѣдствіи платежъ доведенъ до 1370 ф. ст.) ежегодно восточнымъ родамъ афридіевъ за охраненіе дороги по ущелью между Пишаверомъ и Кохатомъ, но чрезъ иѣсколько дней послѣ заключенія договора шайка афридіевъ напала на саперовъ и рабочихъ, занявшихся исправленіемъ дороги въ ущельи, и вызвала возмездіе отъ отряда, дѣйствовавшаго подъ начальствомъ Чарльза Непира. Лѣтомъ 1853 года, афридіи долины Бори сдѣлали иѣсколько набѣговъ въ равнину Пишавера, а кохатскіе закрыли проходъ. Когда въ сентябрѣ того же года, у форта Мекисонъ, близъ входа въ кохатское ущелье, собрался английскій отрядъ силою болѣе 3 тыс. чел., кохатскіе афридіи извѣстили, что закрытіе прохода послѣдовало по недоразумѣнію и что теперь путь свободенъ. Пройдя вслѣдствіе этого часть ущелья безъ препятствій, отрядъ повернулы въ сторону долины Бори и достигъ ее чрезъ горы съ трудными подъемами и спусками; когда отрядъ приступилъ къ сожиганію и разрушенію оставленныхъ населеніемъ деревень, занявшия прилегающія крутизны горцы открыли стрѣльбу, попытки же выбить ихъ изъ занятыхъ позицій не удались. Близилась ночь, а отрядъ не имѣлъ воды и продовольствія кроме сухарей. Англичане благополучно вышли изъ своего стѣсненного положенія, обратившись, по совѣту состоявшаго при сопровождавшемъ отрядъ пишаверскомъ комиссарѣ Лоуренсѣ авганца Фетъ-хана, къ одному изъ мѣстныхъ авганскихъ племенъ, враждовавшему съ другими, съ просьбою о пропускѣ; племя это, соблюдавшее дотолѣ нейтралитетъ между англичанами и сражавшимися съ ними авганцами, согласилось, за приличное вознагражденіе, пропустить отрядъ чрезъ свои земли. Сильно насытившіе на уходившій отрядъ горцы превратили свое преслѣдованіе по вступленіи англичанъ на земли подкуплennаго племени

и къ утру утомленныя войска благоподуично возвратились въ свой лагерь у съвернаго входа въ кохатское ущелье (статья Горлова „Англійская экспедиція въ Кохатскій проходъ въ 1853 году“ въ „Военномъ Сборникѣ“ 1878 года, январь).

Въ теченіе первыхъ тринадцати лѣтъ союзства Англо-Индіи съ афганскими горными племенами противъ послѣднихъ снаряжено было „не менѣе 20 экспедицій“, („Сатана“, стр. 374), изъ которыхъ можно еще упомянуть экспедицію генерала Невиля Чемберлена, съ 6 полками пѣхоты, полкомъ кавалеріи и 3 батареями, противъ занимающаго верхнюю долину р. Курама племени тури, которое дѣлало постоянные набѣги на английскую территорію; такъ какъ обращенія къ кабульскому эмиру, которому это племя номинально подчинялось, успѣха не имѣли, то въ 1856 году, съ согласія эмира, и была предпринята противъ нихъ экспедиція („Сборникъ материаловъ по Азіи“, вып. 16, 1885 года, стр. 129), во время которой произведена была съемка всей долины Курама до перевала Пейваръ (Journal of the R. Geographical Society, 1862, vol. 32, p. 306).

Самая значительная и наиболѣе замѣчательная экспедиція шестидесятыхъ годовъ направлена была противъ „индустанскихъ фанатиковъ“, какъ называли ихъ британцы, или „муджахидовъ“, т. е. воиновъ за вѣру, какъ именовало ихъ мусульманское населеніе. Въ 1823 году, некто Сеидъ-Ахмедъ, по возвращеніи изъ Мекки, собралъ на своей родинѣ, въ Рокилькенѣ, области на востокѣ отъ Дели, населенной давно объиндушившимися по языку афганами, нѣсколько десятковъ единомышленниковъ, отправился съ ними въ Афганістанъ, проповѣдую священную войну противъ невѣрныхъ, и въ 1824 году основался окончательно у юсуфаевъ, въ средѣ которыхъ быстро приобрѣлъ большое влияніе. 31 декабря 1826 года онъ объявилъ джихадъ противъ сейковъ, которымъ подчинялся въ то время Пишаверъ, и принялъ титулъ падишаха. Не будучи въ состояніи противиться общему движенію мѣстныхъ мусульманъ, правившіе Пишаверомъ, въ качествѣ данниковъ сейковъ, баракзійскіе сердари вынуждены были стать подъ знамена Сеидъ-Ахмеда, но весною 1827 года, въ бою при Сайду, сердари эти, по предварительному уговору съ сейками, обратились съ своимъ войскомъ въ бѣгство. Афганское ополченіе вслѣдствіе этого было разбито сейками. Сеидъ-Ахмедъ бѣжалъ въ Сватъ, гдѣ вскорѣ собралъ новыя силы и направилъ ихъ противъ измѣнниковъ. Войска его напали ночью на лагерь выступившаго противъ нихъ Яръ-Мохаммедъ-хана и разбили его, при чёмъ этотъ глава пишаверскихъ сердарей былъ убитъ. Метя за его смерть, родственники его успѣли возбудить противъ Сеидъ-Ахмеда часть юсуфаевъ, недовольныхъ его строгостью; произошло восстание, при которомъ погублено было много муджахидовъ, но самъ

Сендъ-Ахмедъ спасся съ 1.600 ч. муджахидовъ, чрезъ иѣкоторое время перешелъ на лѣвый берегъ Инда и быть убитъ лишь въ бою противъ сейковъ при Балакотѣ, въ 1831 году, во главѣ своего небольшого ополченія. Послѣдователи его сначала разсѣялись, но затѣмъ одинъ изъ его учениковъ Сендъ-Омаръ собралъ остатки муджахидовъ въ иѣстности Ситава, находящейся на восточномъ склонѣ хребта Махабунъ или Махабанъ, на сѣверо-восточной границѣ пашаверскаго округа, въ земляхъ отманзіевъ. Пользуясь сочувствіемъ иѣстныхъ горцевъ и получая помощь деньгами отъ мусульманъ Бенгаліи, съ которыми еще Сендъ-Ахмедъ поддерживалъ непрерывныи сношенія, муджахиды Ситаны не переставали возбуждать иѣстныхъ мусульманъ къ войнѣ противъ невѣрныхъ сейковъ, а потомъ противъ занявшихъ ихъ положеніе англичанъ, и сами подавали примѣръ набѣгами въ предѣлы британской территории. Производимыи ими убийства и грабежи вызвали наконецъ въ 1858 году экспедицію подъ начальствомъ генерала Сиднея Коттона; англичане разбили муджахидовъ, глава которыхъ Сендъ-Омаръ былъ убитъ въ бою, разогнали ихъ, истребили ихъ селенія и заставили отманзіевъ и гадуновъ (племя вѣтви парни гургуштской группы, которое занимаетъ часть южныхъ отроговъ хребта Махабанъ между отманзіями на востокѣ и худу-хелами на западѣ, и обитаетъ также на лѣвомъ берегу Инда) обязаться не дозволять муджахидамъ возобновленія ихъ поселеній въ Ситанѣ. Черезъ иѣкоторое время муджахиды однако вновь появились около Ситаны и образовали поселеніе Мелька (Malka) въ долинѣ Чемла, на сѣверныхъ склонахъ Махабана, въ земляхъ амазіевъ. Отсюда они снова начали дѣлать набѣги въ англійскія земли, производить грабежи, захватывать торговцевъ для вымогательства выкупа и т. д.

18 октября 1863 года, генералъ Невилль Чемберлэнъ, съ отрядомъ изъ 5 тыс. пѣхоты (въ томъ числѣ четвертая часть англичанъ) съ 11 орудіями, направился къ южному подножію Махабана, такимъ образомъ, что муджахиды и горцы должны были думать, что отрядъ идетъ въ Ситану путемъ 1858 года. Вмѣсто того, 19 октября Чемберлэнъ повернулся къ ущелью Умбела, отдѣляющему Махабанъ отъ горъ и земель юсуфаіевъ области Буниръ, расчитывая пройти это 12-ти верстное ущелье, проникнуть въ долину Чемла, расправиться съ муджахидами и возвратиться обратно тѣмъ же ущельемъ прежде, чѣмъ горцы успѣютъ собраться и начать военныхъ дѣйствія, если бы и рѣшились воевать. Вмѣсто съ тѣмъ въ Буниръ были отправлены прокламаціи, завѣрающія, что отрядъ идетъ исключительно и единственно на муджахидовъ, для наказанія ихъ за разбой, и не причинить никакого вреда горцамъ и имуществу. Утромъ 20 октября отрядъ Чемберлэна вступилъ въ ущелье Умбела и авангардъ его въ тотъ же день достигъ выхода въ долину Чемла, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія. Но для главнаго отряда,

и особенно для его обоза, пролегающей по тесному ущелью, обставленному съ обѣихъ сторонъ горами высотою до 6 тыс. фут., путь, идущій по ложу рѣчки, заваленный каменьми и заросшій деревьями и кустарникомъ, оказался до такой степени труднымъ, что ни 20, ни 21 октября отрядъ Чемберлена не успѣлъ добраться до выхода изъ ущелья. Когда же 22 октября отрядъ могъ быть наконецъ двинутъ въ выходу, то посланная послѣ полудня для разведки часть отряда подверглась на обратномъ пути нападению появившихся съ лѣвой стороны ущелья значительныхъ массъ горцевъ Бунира, которые преслѣдовали ее до лагеря главнаго отряда и нападали на самый лагерь до полуночи. Считая возможнымъ, что въ случаѣ ухода отряда въ Чемла горцы займутъ проходъ Умбела, отрѣжутъ его сообщенія и прескѣтъ обратный путь, и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ опаснымъ раздѣлять отрядъ на двѣ части для дѣйствій противъ муджахидовъ и охраненія ущелья, генералъ Чемберленъ потребовалъ подкрѣпленій, до прибытия же ихъ рѣшился занимать ущелье Умбела. Подкрѣпленія эти подоспѣли лишь чрезъ два мѣсяца. Между тѣмъ уже 24 октября бунири и муджахиды произвели на свѣту нападеніе на позиціи отряда съ правой стороны ущелья, но, встрѣтивъ отпоръ, отступили. 26 октября усиленные ополченіями близайшихъ племенъ горцы предприняли аттаку на „Орлиное гнѣздо“, какъ англичане называли одну выдающуюся свою позицію на лѣвой сторонѣ ущелья; отраженіе горцевъ обошлось въ этотъ день английскому отряду въ 129 чел. убитыми и ранеными. Въ ближайшіе засимъ дни силы горцевъ умножились ополченіемъ „сватскаго ахуна“.

Прославившійся подъ титуломъ „сватскаго ахуна“ или „сахиба“ (господина), урождeneцъ округа Ноушехры (въ сѣверной части пишаверской долины), Абдуль-Гафаръ, принадлежащий по происхожденію къ гуджарамъ, одной изъ низшихъ кастъ у индусовъ, прожилъ двѣнадцать лѣтъ съ восемнадцати-лѣтнаго возраста на одномъ островѣ Ида около Аттока, въ качествѣ мусульманскаго отшельника, предаваясь религіознымъ изученіямъ, созерцаніямъ и упражненіямъ. Въ двадцатыхъ годахъ онъ поселился между юсуфзіями Свата и послѣ гибели Сейдъ-Ахмеда пріобрѣлъ надъ ними и другими окрестными племенами огромное влияніе, въ качествѣ всенародного духовнаго наставника, уже при жизни почитавшагося святымъ. Въ противоположность Сейдъ-Ахмеду, съ которымъ состоялъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, Абдуль-Гафаръ склоненъ былъ къ богомольной, мирной и спокойной жизни, а потому оказывалъ весьма благопріятное для Англіи влияніе на авганскія горныя племена, удерживая ихъ отъ столкновеній съ сосѣдами, что особенно было кстати для Англо-Індіи въ 1857 г., во время восстания сипаевъ, когда значительная часть пограничныхъ войскъ была двинута за Индъ для

усмиренія возстанія и вторженія авганскихъ горцевъ могли натворить на граніцѣ большія непріятности.

При всемъ своемъ миролюбіи, сватскій ахунъ не могъ однако оставить безъ вниманія просьбы о помощи отличавшихся особой къ нему преданностью бунирскихъ юзуфзіевъ, угрожаемыхъ отрядомъ Чемберлена, объявивъ священную войну противъ невѣрныхъ англичанъ и явился самъ съ 2—3 т. вскоро собравшихся въ Сватѣ ополченцевъ. 30 октября, одушевленные прибытіемъ своего „пира“, горцы произвели аттаку англійскихъ позицій на лѣвой сторонѣ ущелья, но успѣха не имѣли; напротивъ, дѣйствовавшіе одновременно на правой сторонѣ ущелья муджахиды успѣли, послѣ ожесточенной борьбы, овладѣть „Пикетомъ Скалистымъ“, явившимся весьма важнымъ пунктомъ для обороны англичанъ съ махабанскою фланга. Британцы однако успѣли отбить захваченную позицію обратно и всѣ усилия муджахидовъ вновь овладѣть ею остались тщетными. Они оставили на мѣстѣ 54 тѣла, потери же англичанъ состояли изъ 53 убитыхъ и раненыхъ.

6 ноября, состоявшее при рабочихъ, разработавшихъ прямую дорогу отъ отряда къ долинѣ Чемла, прикрытие подверглось неожиданному нападенію непріятеля; большая часть солдатъ успѣла въ разбродъ добраться до отряда, но командовавшій маіоръ Гардингъ и два офицера съ 34 и. ч. были убиты, а два офицера и 37 и. ч. ранены. Въ ночь на 12 ноября горцы несолько разъ нападали на „Скалистый Пикетъ“, утромъ наконецъ овладѣли имъ, но англичане отбили его, потерявъ 51 и. ч. убитыми и 108 ранеными. Въ авганскихъ народныхъ пѣсняхъ эта позиція называется Каталгаръ, т. е. „крѣпость побоища“, и аттаковывавшіе ее газіи представляются неимѣвшими другого оружія кромѣ дубинъ (Darmesteter, Chants populaires des Afghans, p. 27). Находя затруднительнымъ защищать всѣ свои позиціи вслѣдствіе усиленія силъ горцевъ прибытіемъ предъ послѣднимъ нападеніемъ 3 т. ополченцевъ изъ Баджаура, генералъ Чемберленъ, въ ночь на 18 ноября, очистилъ отъ своихъ войскъ всю лѣвую сторону ущелья, сосредоточивъ свои силы на махабанской сторонѣ. Увидавъ утромъ отступленіе англичанъ, горцы немедленно аттаковали махабанскаія позиціи и оттеснили передовые посты, но дальнѣйшихъ успѣховъ не имѣли. Англичане однако потеряли въ этомъ дѣлѣ 4 офицеровъ и 40 и. ч. убитыми и 75 ранеными. 20 ноября горцы овладѣли утесомъ надъ „Скалистымъ Пикетомъ“. Послѣ упорныхъ стычекъ англичане отняли этотъ утесъ, съ потерей 2 офицеровъ и 25 и. ч. убитыми; 5 офицеровъ (въ томъ числѣ генералъ Чемберленъ) и 105 и. ч. ранены.

Въ концѣ ноября и началѣ декабря, утомленные упорной защитой англичанъ, горцы утратили свою энергию и военные дѣйствія велись вяло. Всего болѣе бремя войны тяготѣло на бунирцахъ, которые должны были продовольствовать

стекшихся изъ отдаленныхъ областей оночченцевъ, явившихся съ незначительными запасами. Воспользовавшись такими обстоятельствами, состоявшій при британскомъ отрядѣ политический агентъ Джемсъ завязалъ съ бунирцами переговоры, которые къ 10 декабря завершились было соглашеніемъ съ старшинами племенъ Бунира о прекращеніи войны на условіи допущенія англичанъ къ уничтоженію дер. Мелька и изгнанію муджихидовъ, но такъ какъ бунирцы поставили предполагаемое соглашеніе въ зависимость отъ утвержденія сватскаго ахуна, а онъ въ своеі одобреі отказалъ, то 14 декабря переговоры прекратились. Между тѣмъ англичане получили наконецъ столь долго ожидавшія подкрѣпленія и могли перейти въ наступленіе. 15 декабря заступившій мѣсто Чемберлена генералъ Гарвокъ (Garvoock), располагавшій 9 т. ч. большую частію свѣжихъ войскъ, двинулся съ 6 т. ч. въ долину Чемла, оставивъ для охраненія ущелья 3 т. ч. Горцы заняли значительными силами одинъ изъ выходящихъ въ долину Чемла отроговъ Махабана, но обходное движение англичанъ съ праваго фланга и фронтальная аттака вынудили ихъ обратиться въ бѣгство. 16 декабря отрядъ вышелъ въ долину Чемла и нанесъ горцамъ еще болѣе рѣшительное пораженіе. Въ теченіи 15 и 16 декабря англичане потеряли убитыми и ранеными 172 ч. Но потери горцевъ были весьма значительны, обезкураженные ополченія изъ Баджаура и другихъ мѣстъ ушли домой, сватскій ахунъ тоже скрылся. Вида невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, бунирскіе мелки явились въ англійскій отрядъ, изъявляя согласіе на примиреніе согласно британскимъ требованіямъ, нѣсколько смягченнымъ. Отрядъ прекратилъ дальнѣйшее движение и 22 декабря посланные съ мелкими британскіе офицеры были свидѣтелями сожженія самими бунирцами выстроенной изъ сосноваго лѣса деревни Мелька, оставленной своими обитателями. 25 декабря англійскій отрядъ уже вышелъ изъ ущелья Умбела въ пишаверскую долину, вида, что слѣдомъ за нимъ горцы уничтожаютъ оставленныя британскія укрѣпленія и портятъ устроенные англичанами дороги. Потери англійскаго отряда за всю экспедицію составили въ общей сложности 36 офицеровъ и 872 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ убитыхъ 238 (изъ нихъ 15 офицеровъ) и раненыхъ 670; въ числѣ послѣднихъ офицеровъ 21 (свѣдѣнія капитана Carter'a въ *Journal of the United Service Institution of India*, 1893, vol. XXII, p. 418, и статья 'The Hindustani Fanatics, by captain A. H. Mason, въ томъ же *Journal*, 1890, vol. XIX, p. 196).

Изложенные свѣдѣнія объ умбеллахской экспедиціи и муджихидахъ взяты мною изъ вышеназванныхъ сочиненій генерала Эдай и „Старого панджабца“, а также отчасти у Дармстетера (*Chants populaires des Afghans*, pp. 5—24, и *Narrative of various journeys etc.*, by Charles Masson, London, 1842,

vol. I, pp. 132—143). Я имѣлъ сверхъ того въ виду выше цитированную статью капитана Месона, которая составлена имъ на основаніи труда под полковника Paget, Record of expeditions against the North-West Frontier Tribes, 1873 г., доведеннаго самимъ Месономъ до 1884 года и изданнаго въ 1885 г. въ Лондонѣ. Изъ этой статьи Месона я приведу и некоторые подробности о муджахидахъ и столкновеніяхъ съ ними англичанъ, отсутствующія въ другихъ источникахъ.

Селеніе Ситана, служившее муджахидамъ убѣжищемъ, принадлежало иѣкоему Сендъ-Экберу, который состоялъ при Сендъ-Ахмедѣ казначеемъ и со-вѣтникомъ, послѣ же смерти его даль пріютъ уцѣльвшимъ его сподвижни-камъ. Они выстроили близъ Ситаны укрѣпленіе, названное ими Mandi. Послѣ перехода Пишавера подъ власть Англии, „сватскій ахунъ“ Абдулъ-Гафаръ побудилъ народъ Свата признать Сендъ-Экбера свѣтскимъ своимъ государемъ (р. 184). Первое столкновеніе съ муджахидами Ситаны съ англичанами произошло въ 1853 году изъ-за отнятія у британскаго данника хана Амба (Amb) форта Котла (Kotla) хасанзіями въ союзѣ съ муджахидами. 6 января 1853 года маоръ Абботъ переправился съ 4 полками черезъ Индъ, про-гналь муджахидовъ изъ укр. Котла, разрушилъ на другой день покинутую населеніемъ Ситану и 8 числа возвратился обратно за Индъ (pp. 184 и 185). Во время возстанія сипаевъ въ Индіи, стоявшій въ сел. Марданъ пишавер-скаго округа 55-й полкъ въ концѣ маѣ 1857 года возмущился и уцѣльвшіе изъ его состава 600 сипаевъ бѣжали въ Сватъ. Если бы духовный глава Абдулъ-Гафаръ и свѣтскій Сендъ-Экберъ-шахъ дружно объявили въ это время джихадъ, то едва ли бы англичане могли удержать за собою Пишаверь. Но Сендъ-Экберъ вскорѣ послѣ принятія бѣглыхъ сипаевъ умеръ, сватскій же ахунъ и старшины юзуфзіевъ возъимѣли опасеніе, что старшій сынъ и на-слѣдникъ Сендъ-Экбера Сендъ-Мубарекъ-шахъ обзаведется регулярнымъ вой-скомъ, зерномъ котораго могли послужить сипаи, и пріобрѣтеть надъ страною деспотическую власть. Для предупрежденія этого юсуфзіи выгнали изъ Свата и Сендъ-Мубарекъ-шаха, и сипаевъ. Послѣдніе выпровождены были за Индъ и большую частью погибли, пробираясь въ Кашмиръ. Уцѣльвшіе собрались по-томъ къ Сендъ-Мубарекъ-шаху въ сел. Пенджтаръ, въ земляхъ худухелей, на южной сторонѣ Махабана, близъ селенія Мангаль-Тана, основанаго частью муджахидовъ изъ Ситаны; въ то же время одинъ изъ старшинъ худухелей пригласилъ въсосѣднее селеніе Чинглай муджахидскаго муллу Иналтъ-хана. Всѣдѣствие этого скоплевія фанатиковъ въ земляхъ худухелей возникли, чрезъ некоторое время, смуты въсосѣднихъ селеніяхъ британской территории, изъ числа которыхъ населеніе дер. Шейхъ-Джана призвало къ себѣ 250 ч. изъ Чинглай. 1 июля 1857 года маоръ Боганъ, командовавшій въ Марданѣ,

выступилъ съ небольшимъ отрядомъ противъ Шейхъ-Джаны и прогналъ оттуда чинглайцевъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого Инаатъ-мулла занялъ горное британское селеніе Наринджи и объявилъ джихадъ. Въ ночь на 18 июля Боганъ, съ отрядомъ въ 700 ч., неожиданно подошелъ къ Наринджи, на разсвѣтѣ напалъ на это селеніе, овладѣлъ нижнею его половиной, разрушилъ ее и вечеромъ отступилъ, потерявъ лишь 5 ч. убитыми и 21 ранеными. 3 августа, получивъ подкуреніе, Боганъ вновь подступилъ къ Наринджи; обойденные частью силъ Богана съ тылу защитники бѣжали и все селеніе было уничтожено; ни одинъ домъ не былъ пощаженъ и даже заборы были разрушены при помощи слоновъ; взятые въ пленъ три индустанца были немедленно повѣшены. Въ отместку, въ октябрѣ того же года, муджахиды неожиданно напали на лейтенанта Хорна, находившагося съ небольшимъ конвоемъ въ Шейхъ-Джана; онъ спасся лишь благодаря темнотѣ ночи, но пять человѣкъ его прислуги были перебиты. Это нападеніе вызвало экспедицію генерала Сиднея Коттона, который, съ отрядомъ въ 4877 ч., двинулся въ апрѣль 1858 года въ земли худухелей и разрушилъ селенія Пенджтаръ и Чинглай. 30 апрѣля той же части подвергнуто сел. Мангаль-Тана. 3 мая отрядъ подошелъ къ Ситаны и на другой день взялъ позиціи муджахидовъ, которые дрались отчаянно, хотя союзники ихъ изъ мѣстныхъ афганскихъ племенъ обратились въ бѣгство. Разрушивъ селеніе, отрядъ удалился, преслѣдуемый непріятелемъ. Потера отряда составила въ сложности 5 убитыхъ и 29 раненыхъ, у индостанцевъ же было убито около 50 ч. и у афгановъ до 10. Взятые въ пленъ два муджахида были немедленно повѣшены въ Ситанѣ. Всѣдствіе этой экспедиціи отманзіи и гадуны обязались не допускать муджахидовъ возобновить ихъ осѣдлость въ Ситанѣ. Индостанцы удалились поэтому въ дер. Мелька, въ земляхъ амазіевъ, на сѣверномъ склонѣ Махабана. Въ 1861 году они вновь появились около Ситаны въ мѣстности Сири и начали посыпать отсюда партія для грабежей торговцевъ на лѣвой сторонѣ Инда; за пропускъ ихъ отманзіи подвергнуты были „блокадѣ“ и за снятіе ея обязались не пропускать впредь муджахидовъ для грабежей. Однако грабежи впослѣдствіи возобновились, а въ началѣ юля 1863 г. получено было извѣстіе о томъ, что индостанцы снова заняли Ситану. Это и вызвало вышеописанную умбеллахскую экспедицію, во время которой индустанцы, предводимые Абдулла-муллою, выставили противъ англичанъ около 900 воиновъ, дравшихся съ фанатическимъ одушевленіемъ (пр. 185—192). По сожженіи деревни Мелька и выходѣ изъ ущелья Умбеллахъ, одна бригада отряда ген. Гарвока двинулась на востокъ для уничтоженія возобновленного поселенія муджахидовъ около Ситаны. По прибытии въ Хабаль, на берегу Инда противъ Торбелы, англичане потребовали отъ отманзіевъ и гаду-

новь разрушения притона муджахидовъ въ укрепленномъ селении Mandi. 4 января 1864 года всѣ постройки были разрушены и окружавшая Mandi стѣна сравнина съ землею, самая же Ситана оказалась находящейся въ развалинахъ, какъ оставлена въ 1858 году. Гадуны и отманы возобновили обязательство не допускать на свои земли индустанцевъ, а отрядъ возвратился 5 января на британскую территорію. Дальнѣйшую исторію муджахидовъ прослѣдить, по словамъ Месона, не легко, но кажется достовѣрнымъ, что послѣ изгнанія изъ Мелька большая ихъ часть, съ муллою Абдуллою во главѣ, удалилась въ страну чагарзіевъ, на сѣверѣ отъ орошающей Буниръ рѣки Беренду. Тамъ они получили земли въ деревняхъ Тангурѣ и Баторѣ, но положеніе ихъ было незавидно, такъ какъ хозяева земель старались возможно больше наживаться на ихъ счетъ, пожертвованія же изъ Индустана были скучны. Сватскій ахунъ также относился къ нимъ недружелюбно, почему они держались партіи соперничествовавшаго съ нимъ въ Бунирѣ Кота-муллы. Въ февраль 1868 года, по приглашенію сторонника Кота-муллы Азимъ-хана, 500—600 муджахидовъ остались Тангурѣ и Батору и переселились въ дер. Беджкетте на р. Беренду, въ центрѣ Бунира. Но 29 мая того же года созванные уполномоченнымъ сватскимъ ахуномъ Мирджи-ханомъ въ общее собраніе муллы и старшины Бунира рѣшили изгнать муджахидовъ изъ своей страны, такъ какъ пребываніе ихъ въ ней непріятно сватскому ахуну и можетъ вызвать раздоръ съ Англіею. Вслѣдствіе этого индустанцы, въ числѣ около 700 ч., ушли изъ Беджкетте въ Мелька, гдѣ начали возводить дома, вступивъ въ соглашеніе съ амазіями. Между тѣмъ Абдулла-мулла лично посыпалъ сватскаго ахуна и нашелъ средства прекратить его враждебность; онъ отозвалъ Мирджи-хана и дозволилъ индустанцамъ остаться въ Бунирѣ. Большая часть ихъ вернулась изъ Мелька въ Беджкетте, но прожить здѣсь имъ привелось не долго, такъ какъ Абдулла-мулла снова присталъ къ враждебной ахуну партіи. Когда 2 августа старшина Зайдулла-ханъ схватилъ проѣзжавшихъ чрезъ ого земли сватскихъ торговцевъ, ахунъ немедленно распорядился изгнать индустанцевъ и умертвить враждебного старшину. Зайдулла-ханъ былъ убитъ, а затѣмъ 12 августа люди ахуна прибыли въ Беджкетте и назначили Абдулла-муллѣ суточный срокъ для удаленія индустанцевъ. Послѣ нерѣшительной попытки къ сопротивленію, муджахиды выступили въ назначенный срокъ, преслѣдуемые бунирцами и подвергшись съ ихъ стороны нападенію въ проходѣ между Беджкетте и Баторою; аррѣгерадъ ихъ, послѣ храброй обороны, былъ истребленъ. Изъ Баторы они бѣжали въ земли чагарзіевъ, но и тѣ, побуждаемые ахуномъ, отказали имъ въ прютѣ. Они нашли наконецъ убѣжище за Индомъ въ Джудба (Judba), но движеніе отряда генерала Wilde вынудило ихъ переправиться обратно на правый бер

регъ Инда и, послѣ неудачной попытки ворваться въ долину Палоси, въ земляхъ хасанзіевъ, уйти въ Такотъ, отсюда назадъ въ Джудба и снова къ хасанзіямъ, которые дали имъ близъ Палоси мѣстность Майданъ, на правомъ берегу Инда, въ 15 миляхъ выше Дербенда, лежащаго близъ границы британскихъ земель съ Ягистаномъ. Въ Майданѣ индустанцы наконецъ и остыли, въ числѣ около 700 ч., имѣя во главѣ Абдуллу-муллу и уплачивая хасанзіямъ ежегодно около 800 рушій аренды за занимаемыя земли; сады и постройки (pp. 196—199).

По свѣдѣніямъ Биддельфа (семидесятыхъ годовъ), селеніе свое индустанцы именовали Кила-муджахидинъ; ихъ было около 500 ч., изъ которыхъ лишь 8—10 имѣли семьи; почти все время свое они проводили въ ученьяхъ, при которыхъ командныя слова употреблялись арабскія; у нихъ было два укрѣпленія, вооруженные пушками, сдѣланнными изъ кожи и приходящими въ негодность послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ; существовали они на средства, доставляемыя сочувствующими имъ жителями Индустана, и вовсе не занимались обработкой земли („Народы, населяющіе Гинду-кунгъ“, переводъ П. Лессара, Асхабадъ, 1886 года, стр. 7).

Въ 1885 г., во время столкновеній Англіи съ бунирцами, индустанцы собирали на случай войны пожертвованія въ Индіи. Во время смуты, вызвавшей въ 1888 г. экспедицію въ Черные горы, индустанцы, въ числѣ 120 ч., подъ предводительствомъ престарѣлого Абдуллы-муллы, участвовали 27 июня въ демонстраціи хасанзіевъ противъ англичанъ. Но когда въ іюлѣ была снаряжена противъ нихъ экспедиція, то Абдулла-мулла уклонился отъ неравной борьбы и только около сотни его людей участвовало въ бою съ горными племенами при Коткаѣ 4 октября 1888 г., гдѣ изъ числа 88 убитыхъ 48 признаны были за индустанцевъ. Черезъ девять дней послѣ этого дѣла англичане переправились черезъ Индъ и уничтожили укрѣпленіе и поселеніе муджахидовъ въ Майданѣ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Индустанцы разбрѣлись между чагарзіями и окрестными племенами. Послѣдня свѣдѣнія, кототорыя имѣль о нихъ Месонъ (статья его напечатана въ 1890 г.), гласили, что около 600 индустанцевъ добивались у амазіевъ дозволенія поселиться въ долинѣ Чемла, въ 5 миляхъ отъ разрушенного въ 1863 г. ихъ селенія Мелька, но согласія не получили (р. р. 199, 200).

Въ телеграммѣ завѣдующаго британскимъ округомъ Хезаре, сосѣдящимъ съ Ягистаномъ, отъ 17 августа 1897 года, сообщалось, что на помощь юсуфзіямъ Свата, послѣ нападенія ихъ на Малакандъ и Чакдере, отправилось около 300 ч. изъ Чемла и отъ худухелей, 200 гадуновъ, около 120 отманзіевъ, 200 индустанцевъ съ небольшимъ числомъ амазіевъ и т. д. (Military operations on the North-west Frontiers of India, vol. II,

London, 1898, p. 86): отсюда можно заключить, что муджахиды продолжают обитать гдѣ-то въ сосѣдствѣ Ягистана, на земляхъ амазіевъ, чагарзіевъ или другихъ мѣстныхъ племенъ, въ числѣ конечно не менѣе 600 ч., такъ какъ высыпали на Сватъ довольно значительную партию.

Большія потери и значительность расходовъ, вызванныхъ умбделахской экспедицією, побудили лондонское правительство выразить порицаніе умноженію числа и размѣровъ карательныхъ экспедицій. Въ особой депешѣ 1864 г. вице-королю статье-секретарь по дѣламъ Индіи Чарльзъ Будъ заявилъ, что наступательная политика „противна истиннымъ интересамъ государства. Успѣхъ экспедицій во всакомъ случаѣ можетъ быть лишь временный; мы могли бы держаться въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ лишь при разорительномъ расточеніи жизней и денегъ. Когда же мы удаляемся, населеніе тотчасъ снова принимается за старое и, въ добавокъ, оказывается вдвойнѣ ожесточеннымъ противъ насъ вслѣдствіе понесенныхъ имъ потерь. Самое вѣрное для насъ, это не мѣшаться въ ихъ дѣла, но заводить и поддерживать дружественные сношенія и стараться убѣдить нашей снисходительностью и ласковымъ обращеніемъ, что для нихъ самихъ всего выгоднѣе быть съ нами въ хорошихъ отношеніяхъ и пользоваться всѣми удобствами, которыхъ неизбѣжно вытекаютъ изъ обмѣна взаимныхъ услугъ и товаровъ“ (Sitana, p. р. 98, 99).

Указанная политика довольно строго соблюдалась до второй половины сорока-семидесятыхъ годовъ. Въ составленной въ 1876 г. запискѣ о пограничныхъ дѣлахъ панджабскому управлению констатировало, что въ послѣднія шесть лѣтъ предпринята была только одна военная экспедиція и что отношенія къ пограничнымъ племенамъ улучшились: „онѣ остались дикими, фанатичными, невѣ-
жественными, но научились вѣрить въ честность нашихъ намѣреній и цѣнить наше управлениѣ настолько, что въ значительномъ числѣ, разставшись съ своею разбойничью жизнью въ горахъ, возворились освѣдо на британской территорії“ (sir Lepel Griffin, бывшій членъ панджабского управления и составитель упомянутой записки, въ Nineteenth Century, 1897, October, p. 512).

При воздержаніи отъ военныхъ экспедицій система „закрытой границы“ действительно могла со временемъ установить дружелюбные отношенія пограничныхъ горцевъ къ англо-индійскому сосѣдству, такъ какъ, помимо устраненія британскихъ властей отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла горцевъ за границею, упразднившаго опасенія племенъ за ихъ независимость, система эта допускала примѣненіе различныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію дружественныхъ чувствъ со стороны горцевъ и ознакомленію ихъ съ благами цивилизаціи. Такъ, для облегченія торговыхъ сношеній, отмѣнены были таможенные пошлины, а также всѣ налоги, которыми при сейкахъ были обложены

въ подвластныхъ имъ земляхъ иностранцы, т. е. главнымъ образомъ авганы независимыхъ племенъ; поземельные сборы съ занимающихъ на британской территории земли горцевъ уменьшены до nominalныхъ размѣровъ; для удобства сообщеній пограничныхъ рынковъ проведены дороги; распространены и развиты ирригационныя сооруженія; устроены лечебницы и заведены безплатный отпускъ лекарствъ и т. п. Доступъ ко всему этому для пограничныхъ горцевъ былъ совершенно свободенъ. Воинственнымъ наклонностямъ горцевъ открыть былъ широкій путь въ видѣ вербовки въ англо-индійскія туземныя войска и въ полицейскія команды. Всѣмъ пограничнымъ должностнымъ лицамъ и военно-служащимъ вмѣнено было въ обязанность заботиться объ утвержденіи дружественныхъ отношеній къ пограничному населенію и о пресечении возможныхъ недоразумѣній убѣжденіями, твердостью и тактомъ, а не силой оружія. Результаты примѣненія этихъ мѣръ и системы „закрытой границы“, по свидѣтельству бывшаго секретаря пенджабскаго управлениѣ Т. Тортона, были весьма успешны, безопасность на британской сторонѣ границы начала утверждаться и набѣги горцевъ на британскую территорію сдавались рѣдкими исключеніями, хотя ссоры за ирригацию иногда отражались насилиями и на британской сторонѣ границы, а кровомщенія продолжались и съ британскими подданными (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1895, July, p. p. 134, 135).

2) Попытки наступательной политики (1879—1895 г. г.).

Система „закрытой границы“ и соединенныхъ съ нею осторожныхъ мѣрошрятій конечно могла достигнуть намѣченныхъ для нея результатовъ, но требовала для этого неуклонного примѣненія въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ. Между тѣмъ быстрое распространеніе владѣній Россіи въ Средней Азіи въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ возбудило въ общественномъ мнѣніи и правящихъ сферахъ Англіи опасенія русского нашествія на Индію и расположение къ рѣшительной и наступательной политикѣ съ цѣлью предупрежденія угрожающей опасности. Объявивъ войну эмиру Авганистана за вступленіе въ связи съ Россіею, положившее начало „империалистской“ наступательной политикѣ министерство Биконсфильда, при заключеніи мира въ Гандамакѣ, приобрѣло для Англіи обладаніе главными путями изъ Индіи въ Авганистанъ и „контроль“ надъ независимыми горными племенами. Либеральное министерство, которому привелось ликвидировать возобновившуюся съ Авганистаномъ войну, возвратило новому эмиру Абдэррахманъ-хану отдѣленный было отъ Авганистана Кандахаръ, но оставило за Англіею обладаніе Сулаймановыми горами и Хайберомъ съ Мични, а также „контроль“ надъ

независимыми племенами, уступая въ этомъ отношеніи приверженцамъ „настулательной политики“, почитающимъ нахожденіе отдѣляющихъ долину Инда отъ Афганистана горъ въ рукахъ Англии необходимѣйшимъ для обороны Индіи условіемъ. Предстоявшаго сопротивленія горныхъ племенъ либеральный кабинетъ думалъ избѣгнуть при помощи примѣненія системы Сендермана.

Состои съ 1866 года „политическимъ офицеромъ“ въ округѣ Дер-Гази-хана, на границѣ съ Белучжистаномъ и юго-восточными афганскими племенами, Робертъ Сендерманъ пріобрѣлъ известность болѣшими вліяніемъ на хановъ и меликовъ белучжей, брахуйцевъ и афгановъ, которыхъ онъ успѣвалъ склонять къ миролюбивому разрѣшенію всякихъ возникающихъ между ними раздоровъ на собранияхъ или джиргахъ изъ почетныхъ и уважаемыхъ людей, вместо обычного обращенія къ насилию, набѣгамъ и кровавымъ столкновеніямъ. Хотя Белучжистанъ состоялъ въ политическомъ подчиненіи Англии со временемъ первой англо-афганской войны 1838—1842 г. г. и въ 1854 г. стъ властующимъ въ странѣ брахуйскимъ ханомъ былъ заключенъ новый договоръ, сдѣлавшій связи съ Англіею болѣе тѣсными за ежегодную субсидію въ 50 т. рупій, но внутрення смуты, происходившія вслѣдствіе раздоровъ между ханомъ и сильными главами племенъ, препятствовали установлению прочного порядка и спокойствія, а также безопасности торговыхъ сообщеній, пока Сендерманъ въ іюлѣ 1876 года не устроилъ на съездѣ въ Местунгѣ общаго между вождями Белучжистана примиренія и соглашенія о разрѣшеніи на будущее время всякихъ споровъ и раздоровъ между ними на джиргахъ. Въ концѣ того же года, при свиданіи лорда Литтона съ ханомъ въ Джекобъ-абадѣ, заключенъ былъ новый договоръ, давшій Англии право проводить по Белучжистану желѣзныя дороги и телеграфы и обязавшій хана и старшинъ, въ случаѣ недостиженія соглашеній на джиргахъ, подчиняться рѣшенію генераль-губернаторскаго агента, постъ котораго занималъ Сендерманъ; субсидія хану доведена до 100 т. рупій. Въ 1877 году ханъ передалъ Англии за субсидію въ 25 тыс. рупій ежегодно управление долиною Кветты, которую еще въ 1876 году заняли британскія войска съ цѣллю охраненія Боланскаго прохода и обезпеченія движенія, въ случаѣ надобности, на Кандахаръ (I. and A. Quarterly Review, 1888, January, Beluchistan and the New Indian Province, by T. H. Thornton, p. p. 55—68).

Благодаря установившемуся въ Белучжистанѣ спокойствію и окрѣпшему британскому вліянію, чрезъ Боланскій проходъ восстановилось прекратившееся уже двадцать лѣтъ торговое движеніе и во время англо-афганской войны 1878—1879 г. г. передвиженія англійскихъ войскъ и транспортовъ совершились по нему въ безопасности; за недостаткомъ въ занятомъ англичанами Кандахарѣ хлѣба, белучжистанскій ханъ, по соглашенію съ Сендерманомъ,

доставилъ туда несметный запасъ провианта. По окончаніи войны, проведя въ Лондонѣ около полугода, Сенденманъ весьма много повліалъ на оставленіе въ рукахъ Англіи приобрѣтенныхъ по гандамакскому договору Кутрама, Пшиши и Сиби, которые либеральное министерство склонно было возвратить Авганистану вмѣстѣ съ Кандахаромъ. По возвращеніи въ Индію, онъ занялся устройствомъ управления въ Пшишинѣ и Сиби, а равно въ прилегающихъ къ Сиби долинахъ Таль-Чогіали, Барханъ и Бори, которыхъ, начинаясь, въ 1887 г. и были формально присоединены къ Индіи, въ качествѣ новой области, названной почему-то „Британскимъ Белучжистаномъ“, хотя, за исключеніемъ Кветты, населеніе принадлежало преимущественно племенамъ авганскимъ. Затѣмъ, по словамъ его биографа, Сенденманъ „въ течение пяти лѣтъ привелъ въ новой области все въ такой порядокъ, что теперь иѣть части британской Индіи, гдѣ наше управление было бы болѣе дѣйствительно и болѣе популярно“; проведены руками населения дороги, устроена дешевая или безмездная врачебная помощь, упорядочена и расширена ирригация, приняты мѣры для охраненія лѣсовъ, произведены съемки и т. д.; доходы провинціи почти покрываютъ расходы по ея управлению. Между тѣмъ, въ 1888 г. Сенденманъ приступилъ къ распространенію своей системы на смежную съ Пшишиномъ и Бори долину Зхоба (правый притокъ р. Гомула, заселенный какерами и другими авганскими племенами). Еще въ 1884 году, для наказанія населенія Бори и Зхоба за производимые въ долинѣ Таль-Чогіали грабежи, былъ отправленъ британскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Теннера, котораго сопровождалъ Сенденманъ. Послѣ пораженія скопища въ 500 чл., населеніе обѣихъ долинъ покорилось и уплатило наложенные штрафы. Долина Бори, чрезъ которую проходитъ часть устроенной въ 1885 году военной дороги изъ Пшиши въ Дере-Гази-ханъ, вошла въ составъ „Британского Белучжистана“, долина же Зхоба оставалась не присоединенна. Послѣ поѣздки въ долину Зхоба Сенденмана, мѣстные мелики заявили просьбу о принятіи ихъ народа подъ ближайшее покровительство Англіи. Просьба эта, по ходатайству Сенденмана, была уважена и въ Зхобѣ учреждено британское агентство. Въ 1891 г. Сенденманъ устроилъ администрацію новаго агентства, резиденцію котораго, селеніе Азовай, была переименована въ фортъ Сенденманъ. 29 января 1892 года Сенденманъ умеръ, не успѣвъ распространить свою систему на племена Везиристана, какъ надѣялись его почитатели. По мнѣнію одного изъ нихъ, Торнтона, согласно съ свѣдѣніями котораго сдѣланъ этотъ очеркъ дѣятельности Сенденмана, успѣшность ея зависѣла частію отъ личныхъ качествъ Сенденмана, частію отъ примѣненія имъ системы *tribale service* и дѣйствованія чрезъ джирги. *Tribale service* состояла въ широкомъ употребленіи туземцевъ, подъ начальствомъ ихъ мели-

ховъ и хановъ, за хорошее вознаграждение, для проведения дорогъ, охраны ихъ, содержания порядка и пр., чѣмъ мѣстные роды заинтересовывались въ поддержании мира и спокойствія; обсужденіемъ же дѣлъ на джиргахъ народъ присовокупилъ къ административной дѣятельности. Сенденманъ не избрѣлъ и не открылъ *tribale service* я джирги, ибо обоми уже пользовалась иногда панджабской практикой, но онъ сумѣлъ широко и искусно примѣнить ихъ, воспользовавшись мѣстными условіями; при непрігодности этихъ способовъ въ другихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, онъ успѣлъ бы найти иные средства для достиженія тѣхъ же цѣлей британской политики (*I. and A. Quarterly Review*, 1895, July, Sir Robert Sandeman and the Indian Frontier Policy, by Thomas H. Thornton, p.p. 136—144, и отзывъ H. N. D. Prendergast'a, p. 203).

Противники „наступательной политики“ утверждаютъ, что система Сенденмана не могла дать прочныхъ результатовъ ни въ Белучжистанѣ, ни въ юго-восточномъ Афганистанѣ, такъ какъ сводится къ подкупу хановъ и мелкокъ или къ „дани разбойникамъ“ (*black-mail*) и опирается въ сущности лишь на британскія войска, которыхъ приходится содержать, для поддержания британской власти, въ готовности. Такъ, хотя во время войны 1878—1880 г.г. Сенденманъ, по выражению Раверти, умѣстилъ дорогу отъ Ида до Кандахара рушами (*I. and A. Q. Review*, 1894, April, p. 319), однако, при первой же серьезной неудачѣ англичанъ (пораженіе бригады генерала Берро при Мейвандѣ) мѣстныя племена приняли враждебное положеніе, разрушили въ нѣсколькихъ мѣстахъ едва построенную желѣзную дорогу и пресѣкли бы, пожалуй, сообщеніи Кандахара съ Индию, если бы англійское оружіе вскорѣ не одержало надъ Эюбъ-ханомъ рѣшительныхъ успѣховъ (*I. and A. Q. Review*, 1893, January, p. 25). Въ 1897 г., во время восстания изуфзіевъ, момандовъ, афридіевъ и другихъ племенъ на сѣверѣ, начинались беспорядки и на югѣ, нѣкоторыя племена белучжей возмущались и производили грабежи; нѣсколько родовъ авганскихъ племенъ ачекзіевъ и каверовъ укочевали изъ Шишина во владѣнія эмира (*Major Yates въ The Scottish Geographical Magazine*, 1898, March, p. 144), и вѣроятно въ „Британскомъ Белучжистанѣ“ и въ Синистанѣ произошло бы общее восстание, если бы англичане на сѣверѣ потерпѣли неудачи. Введеніе британскаго управления въ долинѣ Зхоба совершилось не такъ гладко, какъ описалъ Торнтонъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, посланный въ 1888 г. для изслѣдованія гомульскаго пути англійский отрядъ не могъ исполнить порученія вслѣдствіе сопротивленія горцевъ. Вслѣдствіе этого въ 1889 году снаряженъ былъ значительный оградъ со стороны Британскаго Белучжистана, въ сопровожденіи Сенденмана, для занятія долины Зхоба до западной оконечности гомульскаго прохода, но

этот отрядъ не могъ исполнить своей задачи вслѣдствіе сопротивленія хайдерзіевъ (kidarzais). Лишь въ слѣдующемъ 1890 г. Сенденману, при по-мощи субсидій мелкимъ Зхоба, удалось добиться ихъ согласія на учрежде-ніе британскаго поста въ Апозаѣ, и склонить мелкіовъ везирей на открытие торгового пути чрезъ Гомуль за условленную ежегодную субсидію (I. and A. Quarterly Review, 1893, Januay, p. 18).

Одновременно съ дѣйствіемъ у юго-восточныхъ племенъ системы Сен-денмана, на сѣверѣ продолжала пріимѣняться система „закрытой границы“ съ карательными экспедиціями. Такъ въ 1877 г. предпринималась экспедиція изъ Кохата противъ афридійской вѣтви джовакіевъ, которые отказывались платить 80 т. рупій убытковъ и штрафа за нападеніе на партію строительно-дорожныхъ рабочихъ и выдать четырехъ главныхъ виновныхъ; послѣ упор-наго боя и трехмѣсячнаго пребыванія въ земляхъ враждебнаго племени, от-рядъ долженъ былъ уйти, получивъ лишь обѣщаніе удаленія четырехъ ви-новныхъ изъ среды племени (тамъ же, 1893, July, p. 39). Въ 1878 г. отрядъ Каваньяри предпринималъ походъ на отманъ-хейлей за нападеніе на проводившиe дороги рабочие отряды. Въ 1879 г. производились экспедиціи противъ замустовъ и оракзіевъ, въ 1880, 1881 и 1882 г.г. противъ мо-мендовъ и двухъ вѣтвей везирей. Въ 1883 г. посыпался отрядъ въ земли шираніевъ для изслѣдованій ихъ страны. Въ 1884 и 1885 г.г. ходили от-ряды въ земли какеровъ и везирей. Въ 1886 и 1887 г.г. посыпались экс-педиціи противъ шираніевъ и юсуфзіевъ Бунира (id., p. 39 и слѣд.).

Такъ какъ всѣ эти экспедиціи заканчивались возвращеніемъ англійскихъ войскъ за прежнюю границу, то пограничные племена, земель которыхъ воен-ныя дѣйствія не касались, не придавали имъ большого значенія и считали ихъ въ каждомъ случаѣ счетами англичанъ съ заинтересованными племенами, не касающимися остальныхъ племенъ. Благодаря тому же внушенному пріимѣнявшемуся съ 1849 года системою „закрытой границы“ убѣжденію въ томъ, что Англо-Індія, при всѣхъ столкновеніяхъ съ горцами, неизмѣнно уважаетъ ихъ независимость и неприкосновенность ихъ земель, авганскія независимыя племена болѣею частію сохраняли нейтралитетъ во все время войны Англіи съ Авганистаномъ въ 1878 — 1880 г.г., когда ихъ непріязнь едва-ли не лишила бы англичанъ возможности движенія на Кабулъ хайберскимъ и ку-рамскимъ путями и не измѣнила бы условія войны въ пользу эмира. Юсуфзін отнеслись къ этой войнѣ, какъ къ дѣлу, ихъ не касающемуся. Получавшie отъ эмира Ширъ-Али-хана субсидіи хайберскіе афридіи въ началѣ войны 1878 года держали сторону эмира, но когда англичане овладѣли Али-Мес-джидомъ и предложили болѣе значительныя субсидіи, то часть хайберцевъ приняла эти предложения, по заключеніи же гандамакскаго трактата вошли и

ть соглашения съ англичанами и остальные хайберцы. По окончаніи войны дружественные отношения къ афридамъ были упрочены въ 1881 году окончательно передачею имъ, по особому договору, охраны торгового движения по Хайберскому проходу. Эта охрана, считая содержаніе особыхъ отрядовъ „хайберскихъ стрѣлковъ“, набиравшихся главнымъ образомъ изъ афридѣвъ же, обходилась до 1897 года англо-индійскому казначейству ежегодно до 10 т. ф. ст., изъ которыхъ афридаимъ *) доставалась львиная доля („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“, вып. 41, 1890 г., стр. 50—52).

Сохранивъ, въ видѣ уступки приверженцамъ „наступательной политики“, приобрѣтенные по гандамакскому трактату обладаніе Пшишномъ и пр. и исключительный „контроль“ надъ независимыми племенами, англійское правительство уклонилось, однако, въ первые годы послѣ войны отъ какихъ-либо фактическихъ мѣропріятій по вступленію въ обладаніе Сулеймановыхъ горами между прежней и новой границами и даже по точному опредѣленію послѣдней. Оно только нѣсколько менѣе препятствовало снаряженію карательныхъ экспедицій, а также посылкѣ отрядовъ для съемокъ и изслѣдованій въ земляхъ горцевъ, въ виду предстоящихъ приспособленій Сулеймановыхъ горъ къ оборонѣ Индіи, отказывая однако изъ средствахъ на осуществленіе послѣднихъ. Но завоеваніе Туркменіи, занятіе Мерна и стычка на Кушѣ въ 1885 году, возобновили въ Англіи опасенія сдѣлавшагося не исполнимымъ нашествія на Индію и сильно склонили правительство и общественное мнѣніе въ пользу мѣропріятій, требуемыхъ приверженцами Forward Policy. Въ 1885 же году миссія Локхарта привела Читраль подъ протекцію Англіи. Въ 1887 г. восстановлено было упраздненное съ 1881 года агентство въ Гильгитѣ. Прекращенная по слѣдѣ войны постройка желѣзной дороги отъ Инда къ Кандахару была теперь возобновлена и въ сентябрѣ 1891 года прошелъ первый поѣздъ чрезъ Ходжа-Амранскій тоннель къ Новому Чаману, первой пока станціи на кандахарской сторонѣ горъ. Системѣ Севдемана дасть былъ полный ходъ и въ 1887 г. официально присоединена къ Индіи новая область Британского Белучистана, а въ 1890 г. долина Зхоба. Наступила пора фактическаго подчиненія лежащаго далѣе на сѣверъ Везирстана.

Занимающіе наиболѣе трудно-доступную часть Сулеймановыхъ горъ, между рѣками Гомуломъ и Курамомъ, на протяженіи около 180 верстъ по сейкской, а потомъ англо-индійской границѣ, роды везирей, по свѣдѣніямъ Раверти, составляли изъ общей сложности, въ концѣ XVIII столѣтія, до 100 т. семей, нынѣ же численность ихъ должна быть больше (I. and A. Quarterly

*) Точная цифра получавшихся афридами за охраненіе Хайберского прохода—89.540 рупій въ годъ (The Peshawar Border, by Captain E. G. Burrow, въ Journal of the United Service Institution of India, 1884, p. 74).

Review, 1895, January, p. 165), и хотя свѣдѣнія эти кажутся преувеличеннными, однако обыкновенно принимаемая цифра въ 45 тыс. воиновъ, могущихъ быть выставленными везирями, едва ли далека отъ дѣйствительности. Изъ главныхъ ихъ вѣтвей месуды (*mahsuds*), — въ одномъ изъ трехъ отдѣловъ которыхъ Белью считаетъ 12 тыс. семей (*An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan*, 1891, p. 120), — занимаютъ восточную часть страны, а муса или дервишъ — западную; вѣтвь дервишъ состоитъ изъ двухъ отдаленій: отманзи въ 18 тыс. семей и ахмедзи въ 10 тыс. семей (Белью, р.р. 116—118). Почти всѣ везири кочевники и скотоводы; земледѣльцы занимаются мало по недостатку удобныхъ земель, встречающихся лишь по берегамъ рекъ небольшими участками (Раверти, р.р. 157, 158). По свѣдѣніямъ Эльфинстона (1809 г.), везири живутъ между собою въ замѣчательномъ согласіи: между родами ихъ никогда не бываетъ войнъ и ссоры очень рѣдки (*L'Afghanistan*, par N. Perrin, Paris, 1842, p. 303). По завѣренію Раверти, они и нынѣ отличаются отъ всѣхъ авгановъ своимъ родовымъ единеніемъ (I. and A. Quarterly Review, 1894, April, p. 319). Вмѣстѣ съ тѣмъ однако везири пользуются извѣстностью, какъ самые отчаянные разбойники и грабители, за нападенія на гомульскомъ торговомъ пути на полуостровѣ Ах'овъ. Подъ именемъ послѣднихъ извѣстны кочевники разныхъ племенъ, занимающіеся торговлею и перевозкою товаровъ. Зиму семьи этихъ повиндаховъ проводятъ между Индомъ и Сулеймановыми горами, тогда какъ взрослые ихъ мужчины отправляются съ товарами и кладами въ Индію. Возвращаются они съ приобрѣтенными за Индомъ товарами и принятymi для доставки кладами весною и идутъ съ семьями чрезъ Сулеймановы горы на лѣтovki въ земляхъ гильджиевъ, где опять оставляютъ семьи, а сами расходятся съ товарами по владѣніямъ эмира, а также за Хиндукушъ и въ Бухару. Осенью они возвращаются къ семьямъ и отправляются къ Инду. Эти весенія и осенія передвиженія повиндаховъ совершаются обыкновенно по составляющему кратчайшую дорогу между Газной и Мултаномъ Гомульскому пути чрезъ земли везирей. Такъ какъ выючный и остальной скотъ тысячу повиндаховъ вытравляетъ до тла и безъ того скучные пастибища мѣстного населения, а сами повиндахи нерѣдко обижаютъ тѣхъ при-гольмульскихъ жителей, кто почему либо не успѣлъ убраться подальше во время движенія ихъ массъ, то становится понятнымъ, чтососѣдніе везири относятся къ повиндахамъ съ крайней враждебностью и часто производятъ на нихъ нападенія съ цѣлью грабежа. Съ своей стороны повиндахи всегда вооружены и въ готовности отражать разбойниковъ. При такихъ отношеніяхъ ни та, ни другая сторона не даетъ побѣжденнымъ пощады. Везири однако не обижаютъ ни-

когда попавшихся въ ихъ руки женщины и даютъ имъ возможность добраться до своихъ родовъ.

По словамъ „Старого Ненджабца“, везири оказались такими же бячеными въ южной части границы, какъ африиды въ сѣверной. Сначала всѣхъ бенгальскіе держали себя кабуль-хейли (изъ вѣтви отманзійской), дававшіе частные набѣги на сосѣднюю съ ихъ землями долину Маранзи кохатскаго округа, почему противъ нихъ посыпались три экспедиціи, а въ 1860 году принимались репрессивныя мѣры за укрытие убийцъ одного англійскаго офицера. Противъ вторженій месудовъ пришлось устроить цѣлый рядъ укрѣпленныхъ постовъ и организовать правильную систему патрулей. Но они десять лѣть (съ 1849 года) не прекращали набѣговъ“. Въ 1860 году они подступили къ укрѣпленному городу Такъ или Танкъ, но гарнизонъ отразилъ нападеніе, при которомъ месуды потеряли 200 чел. убитыми. Для наказанія ихъ двинулся изъ Така въ апрѣль 1860 года, съ 5 тыс. пѣхоты и 4 батареями, генералъ Невиль Чемберленъ. Поднявшись по р. Заму, онъ взялъ укрѣпленную позицію месудовъ въ Шулозинъ и разбилъ ея защитниковъ. 1 мая явилась къ Чемберлену депутація месудскихъ меликовъ для переговоровъ о мирѣ, но на уплату потребованной генераломъ контрибуціи въ 1400 фун. ст. и на выдачу заложниковъ не согласилась. Чрезъ два дня, преодолѣвъ продолжавшееся сопротивление месудовъ, англійскій отрядъ занялъ главное селеніе ихъ страны Каниграмъ, заявившее покорность (населеніе его состоитъ, по Белью, р. 62, изъ прилагаюго объясненнаго, неизвѣстнаго происхожденія, племени бараки), и выжегъ до-тла городъ или группу селеній Мекинъ, жители кото-раго оказали сопротивленіе. Такъ какъ сообщенія отряда съ британской тер-риторіей были прерваны уже двѣ недѣли, то Чемберлену пришлось затѣмъ вернуться въ Такъ по долинѣ Кайсоры, не добившись покорности месудовъ („Пенджабъ“ въ „Военномъ Сборнику“, 1879, февраль, стр. 120—123; см. также Banni, by S. S. Thorburn, London, p. 58, гдѣ брит. потери опредѣлены въ 475 убитыхъ и раненыхъ, и статью майора Walker въ Journal of R. Geogr. Society, 1862, vol. 32, p. 315 и 327).

Во время войны 1878—1880 года ближайшіе къ дѣйствовавшему въ бассейнѣ Курара англійскому отряду роды везирей дѣятельно помогали мѣстнымъ племенамъ, нападали на англійские посты и сообщенія и т. д. После войны граница съ везирями и отношенія къ нимъ возвратились къ прежнему положенію, въ которомъ и оставались до поворота къ наступательной политикѣ, послѣдовавшаго за доведенiemъ русской границы въ сосѣдство съ Хератомъ. Въ августѣ 1887 года управление Индіей нашло, что наступило время принять мѣры къ подчиненію британскому „контролю“ и „къ организаціи, въ цѣляхъ защиты противъ внѣшнаго нападенія, той огромной по-

лосы территоріи независимыхъ племенъ, которая лежитъ вдоль съверо-западной границы и которая до сихъ оставлялась грознымъ барьеромъ противъ "англичанъ". Такъ какъ употребленіе силы оружія потребовало бы большихъ затратъ людьми и средствами, то предположено привести племена въ намѣченное положеніе при помощи тѣсныхъ и дружественныхъ отношеній съ британцами. Для начала систематическихъ усилий въ этомъ направлениі индійское правительство признало желательнымъ склонить племена къ открытию, подъ надзоромъ британскихъ пограничныхъ комиссаровъ, торговыхъ путей чрезъ Гомуль и Точи. „Набравъ для охраненія этихъ путей вольнонаемные отряды изъ мѣстныхъ горцевъ, мы привлечемъ на свою сторону заинтересованныя племена и пріучимъ къ присутствію нашихъ офицеровъ въ ихъ средѣ; и надо надѣяться, что такое начало новыхъ отношеній съ нами дасть благоприятные для послѣдующаго результаты“ (Military operations on the Northwest Frontiers of India, London, 1898, С.—8713, vol. I, p. 9). Сообразно этому Сенденманъ и комиссаръ Дереджата (округа Дере-Измайлъ-хана и Бани) Брюсъ (Вгисе) созвали въ 1889 году въ Апозай на Зхобъ меликовъ прилегающихъ къ гомульскому пути племенъ и вошли съ ними въ соглашеніе объ открытии торгового движения и охранѣ его на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ. Въ томъ же и слѣдующихъ годахъ учреждено въ земляхъ везирей, въ ближайшихъ къ британской терраторіи мѣстностахъ гомульского пути, нѣсколько постовъ изъ наемныхъ горцевъ, а нѣкоторымъ меликамъ стало выдаваться жалованье *). Дальнѣйшія мѣропріятія были пріостановлены, такъ какъ выставка упомянутыхъ постовъ и офиціальное присоединеніе къ британскимъ владѣніямъ въ 1890 году Зхоба вызвали протестъ эмира. Основываясь на томъ, что въ гандамакскомъ трактатѣ не упомянуто объ уступкѣ Англіи Зхоба, а равно Гомула и прочихъ земель везиревъ, составлявшихъ издревле часть Авганистана, эмиръ заявилъ на эти земли притязанія и протестовалъ противъ включенія ихъ во владѣнія Англіи. Британское правительство отвергло притязанія эмира на томъ основаніи, что Зхобъ и Везирістанъ не признавали власти его предмѣстниковъ, но эмиръ стоялъ на своемъ и могъ сослаться на признаніе его правъ самими везирами, такъ какъ едва лишь въ январѣ 1892 года два его офицера съ сотнею всадниковъ показались на Гомуль, какъ населеніе, даже получавшее уже жалованье мелики, перешло на его сторону. Раздраженіе Англіи достигло край-

*) 6 тыс. рупій на жалованье меликамъ отпускались уже съ 1881 года, но такъ какъ изъ нихъ производились вычеты штрафовъ за набѣги, то жалованье часто совсѣмъ не доходило до меликовъ. Въ 1888 г. везири не допустили въ свою страну посланную для съемокъ картю и отпускъ жалованья меликамъ совсѣмъ прекращенъ („Сборникъ материаловъ по Азіи“, 1890 г., выи. 41, стр. 43).

ней степени и „Times“ 2 ноября 1892 года угрожалъ прекращенiemъ существованія Афганистана, какъ государства. Но правительство сохранило хладнокровіе и эмиръ по договору Дюранда въ ноябрѣ 1893 года отказался отъ своихъ притязаній, принялъ границу, остававшую въ его владѣніяхъ Хость и Пермуль (верховья р. Точи), и устранился отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла везирей и другихъ пограничныхъ племенъ, предоставленныхъ „контролю“ Англіи.

Въ началѣ 1894 года, въ виду предстоявшаго проведения въ натурѣ границы владѣній эмира съ независимыми племенами, согласно договора Дюранда, комиссіонеръ Брюсь выскажалъ свое мнѣніе относительно дальнѣйшихъ отношеній къ везиріамъ, настаивая на примѣненіи въ Везирістанѣ системы Сенденмана. Сообразно съ этимъ Брюсь находилъ необходимымъ, вместо отпуска 17 тыс. рупій на жалованье меликамъ и содержаніе стражниковъ для охраненія гомульского пути, назначить впредь къ ежегодному отпуску до 100 тыс. рупій на всѣ племена, чтобы распространить британское влияніе и спокойствіе на весь Везирістанъ, открывъ кромѣ гомульской дороги по долинѣ Точи и соединивъ обѣ попеченные сообщеніемъ. Вместѣ съ тѣмъ Брюсь признавалъ необходимымъ, для утвержденія въ странѣ между Точи и Гомуломъ прочного спокойствія, помѣстить въ ее предѣлахъ постоянный отрядъ изъ двухъ полковъ пѣхоты, полка кавалеріи и одной горной батареи (*id.*, р.р. 7—13). Излагая свое заключеніе относительно представленія Брюса, панджабскій губернаторъ замѣтилъ, что рекомендуемая комиссіонеромъ система не примѣнима къ племенамъ везирей, имѣющимъ строго демократическое устройство, такъ какъ мелики ихъ не имѣютъ почти никакой власти; недовѣрчиво также отнесся губернаторъ къ увѣреніямъ Брюса объ общемъ желаніи племенъ подчиняться англійской власти и видѣть въ своей странѣ постоянный британскій отрядъ, поддерживающій спокойствіе, замѣтивъ, что мелики ахмедіевъ Вано, заявленіе которыхъ доставлено Брюсомъ, получая отъ Англіи жалованье, лишились его за переходъ на сторону эмира, а потому, для возврата потерянного, они готовы сдѣлать какія угодно заявленія (тамъ же, р.р. 13—23). При обсужденіи дѣла въ совѣтѣ генераль-губернатора Индіи возникло разногласіе. Вице-король лордъ Эльджинъ, главнокомандующій войсками Индіи Хуайтъ (*White*) и два члена совѣта находили, что для прекращенія все болѣе и болѣе увеличивающихся набѣговъ и грабежей въ Дереджатѣ и особенно въ Зхобѣ и на гомульскомъ пути необходимо усилить англійское влияніе и средства воздействиia въ Везирістанѣ, а потому полагали разрѣшить отпускъ 100 тыс. рупій и выставить отрядъ намѣченной силы, поручивъ переговоры съ меликами и выборъ мѣстъ стоянки войскъ комиссару, имѣющему проводить предстоявшей осенью границу съ владѣніями эмира

(id., p.p. 1—6). Остальные три члена совѣта опасались, что проектируемыя большинствомъ мѣры повлекутъ за собою подчиненіе английскому управлению племенъ везирей, присоединеніе къ британскимъ владѣніямъ ихъ земель, перенесеніе существующей британской границы на новую границу владѣній эмира съ доселъ независимыми племенами, вызовутъ возстанія племенъ и огромныхъ затрудненія и расходы; съ своей стороны три члена совѣта полагали правильнымъ держаться прежней политики,—обсужденійшейся и одобренной лондонскимъ кабинетомъ въ 1893 году и основанной на признаніи независимости племенъ и невмѣшательства въ ихъ дѣла,—ограничившись усиленіемъ обереженія гомульского пути (p.p. 25—30). Статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи тогдашняго либерального министерства Фоулерь разрѣшилъ 24 августа 1894 года исполненіе предположеній большинства (p.p. 31).

Въ сентябрѣ того же года получены были свѣдѣнія, что три месудскихъ мелика, участвовавшіе въ выдачѣ британскимъ властямъ нѣсколькихъ своихъ соплеменниковъ, обвиняемыхъ въ убийствахъ англичанина Келли и одного сипая, въ отомщеніе за ихъ поступокъ убиты родственниками выданныхъ. Пенджабскій губернаторъ ходатайствовалъ о посыпѣ карательной экспедиціи для наказанія виновныхъ въ убийствѣ трехъ меликовъ, но совѣтъ генераль-губернатора отклонилъ ее, чтобы не испортить отношеній къ горцамъ въ виду предстоящаго проведения границы съ Афганістаномъ и мѣропріятій по выставлению въ Везиристанѣ постоянного отряда. Заблаговременно предупредивъ везирей о предполагаемомъ проведеніи границы и посыпѣ для этого уполномоченнаго съ конвоемъ, Брюсъ, назначенный такимъ уполномоченнымъ, прибылъ, въ сопровожденіи значительного отряда въ пость Каджури-вачъ и на другой день, 19 октября, объявилъ собравшимся меликамъ, что идетъ для проведения въ натурѣ границы съ владѣніями эмира, что затѣмъ набѣги за эту границу воспрещаются и обиженные подданными эмира должны обращаться къ британскимъ властямъ, и что въ Вано или другомъ пунктѣ будетъ выставленъ постоянный британскій отрядъ. Мелики дали подписку о полномъ согласіи на объявленныя имъ распоряженія правительства. 25 октября Брюсъ прибылъ съ отрядомъ въ Вано. Положеніе везирей продолжало казаться дружественнымъ, но 28 октября получены были извѣстія о сборѣ Повинда-муллою до тысячи человѣкъ изъ родовичей горцевъ, выданныхъ меликами по обвиненію въ убийствѣ Келли и сипая. Мулла отрицалъ враждебныя намѣренія, но требовалъ освобожденія выданныхъ горцевъ. Собирались послать противъ него летучую колонну, но вечеромъ 3 ноября отъ 1200 до 2000 месудіевъ, преимущественно изъ Мекина, подобравшись незамѣтно, вслѣдствіе условій мѣстности и темноты, напали на британскій лагерь у Вано. Хотя часть нападающихъ ворвалась въ лагерь, но нападеніе было

отражено и горцы вынуждены были спасаться бѣгствомъ, преслѣдуемые кавалерію и артиллерію. Однако потери англичанъ были немаловажны: убито 3 офицера, въ томъ числѣ одинъ англичанинъ, и 18 солдатъ изъ туземцевъ, ранено 6 офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ; сверхъ того убито 23 человѣка и ранено 20 ч. нестроевыхъ. Пока на границѣ сосредоточивались и снаряжались предназначавшіяся противъ месудіевъ подъ начальствомъ генерала Локхарта войска, Брюсъ 18 ноября объявилъ обращавшимъ къ нему за примиреніемъ меликамъ, что правительство даруетъ месудіямъ миръ, если къ назначенному сроку они возвратятъ захваченные при нападеніи 3 ноября 3 т. рупій денегъ, 36 ружей и 15 лошадей, выдадутъ нѣкоторыхъ вожаковъ и удалять на время изъ своей страны Повинда-муллу. Хотя многіе мелики надѣялись склонить народъ къ выполнению поставленныхъ условій и Повинда-мулла распустилъ свое сборище, но противники примиренія одержали верхъ и къ послѣдне назначенному на 12 декабря сроку требованія англичанъ не были выполнены. 17 и 18 декабря войска генерала Локхарта, въ общей сложности около 9.500 ч. съ 18 орудіями, выступили въ страну месудіевъ тремя колоннами почти одинаковой силы изъ Банну, Джандолы и Вано. Вторгнувшіяся такимъ образомъ съ трехъ сторонъ войска прошли земли месудіевъ по разнымъ направленіямъ, не встрѣчая значительного сопротивленія, проникли въ наименѣе доступныя мѣстности, захватили множество рогатаго скота, барановъ и козъ и разрушили башни и укрѣпленія селений. 21 января 1895 года Локхартъ объявилъ меликамъ месудіевъ, что сверхъ выполнения ранѣе поставленныхъ требованій налагается на месудіевъ штрафъ въ размѣрѣ 50 заражающихся съ казенной части ружей, 200 обыкновенныхъ горскихъ ружей и 200 сабель или кинжаловъ; крайнимъ срокомъ для окончанія выполнения требованій и штрафа было назначено 1 марта. Но уже въ концѣ января, въ виду предупрежденія, что войска не будутъ выведены изъ земель месудіевъ до выполнения всѣхъ требованій, выяснилось, что месудія исполнять ихъ до наступленія срока, такъ какъ уже доставили большую часть заложниковъ, Повинда-мулла бѣжалъ изъ предѣловъ Везиристана и т. д., такъ что Локхартъ предполагалъ въ февралѣ вывести войска изъ земель месудіевъ (р.р. 31—41).

Всѣдствіе неожиданныхъ столкновеній съ месудіями предстоявшее въ началѣ ноября проведеніе границы не состоялось, но такъ какъ остальные племена остались спокойными, то въ январѣ 1895 года признано было возможнымъ и съ 28 числа этого мѣсяца выполнено проведеніе въ натурѣ границы отъ Доманди на Гомуль къ сѣверу до пункта Ходжа-Хайдеръ. Дальнѣйшее проведеніе границы въ районѣ долины Точи было отложено до весны. 25 февраля генералъ Локхартъ съ частью войскъ, оставляющихъ

земли месудовъ, и съ войсками изъ Банну, всего съ 6 полками пѣхоты и одной горной батареей, двинулся вверхъ по долинѣ притока Курама рѣки Точи для прикрытия работъ по окончанію проведения границы Везиристана съ Афганістаномъ, которое и было выполнено въ мартѣ и началѣ апрѣля. Часть средняго теченія Точи именуется Даверомъ и подобно соѣднамъ Хосту и Пермулю заселена объявленными таджиками и индійцами, усердно занимающимися земледѣлемъ и склонными къ мирной жизни. Еще во время нахожденія въ Точи силь Локхарта, который, послѣ окончавшаго разграничение, съ большою частью ихъ удалился, производившій разграничение комиссаръ Айдерсонъ заручился 6 апрѣля письменнымъ заявлениемъ 394 меликовъ даверцевъ и 142 меликовъ везирей вѣтвей дервишей, обитающихъ въ долинѣ Точи и смежныхъ земляхъ, о желаніи ихъ находиться подъ британскимъ управлениемъ, съ тѣмъ, чтобы они почтены были жалованьемъ и службой, чтобы мѣстные обычай и права были сохраняны, чтобы дѣла были решаемы по магометанскому закону на джиргахъ, когда возможно, и т. д. (р. 46). Сообразно этому въ Точи назначено было расположение главнаго постояннаго британскаго отряда Везиристана изъ двухъ батальоновъ съ горною батарею и эскадрономъ кавалеріи, второстепенный же отрядъ изъ батальона пѣхоты съ 4 орудіями и эскадрономъ помѣщень въ Вано. Отъ стоянки главнаго отряда въ Датта-хелѣ недалеко авганская граница и лишь около 150 в. до Газы, тогда какъ на востокѣ пролегаетъ хорошая дорога въ Банну, на югъ находится дорога въ Вано, и съ Точи имѣются легкіе доступы въ земли месудіевъ.

Еще войска Локхарта находились въ Везиристанѣ, какъ беспорядки въ Читралѣ и осада тамошнаго резидента Робертсона съ его небольшимъ отрядомъ туземцами вынудили Англо-Индію направить на выручку Робертсона дивизію генерала Лоу чрезъ земли юсуфзіевъ Свата и Пенджкоры. Чтобы отвратить вооруженное сопротивленіе юсуфзіевъ, Лоу объявилъ, что по окончаніи операций въ Читралѣ британскія войска очистятъ земли горцевъ. Однако войскамъ его привелось пролагать себѣ путь оружиемъ. 3 апрѣля Лоу овладѣлъ, послѣ пятичасового боя, малакандскимъ проходомъ между долинами пишаверской и сватской, но сопротивленіе юсуфзіевъ и затрудненія въ переправахъ чрезъ рѣки Сватъ и Пенджкору на столько задержали движение Лоу, что лишь 22 апрѣля передовой его отрядъ достигъ дружественнаго Дири. Между тѣмъ Робертсонъ въ Читралѣ уже 20 апрѣля освободился отъ осады. Выводя по окончаніи похода свои войска изъ земель юсуфзіевъ, англичане признали необходимымъ имѣть обезпеченнное сообщеніе между Пишаверомъ и Читраломъ и выставили постоянные отряды въ малакандскомъ

проходѣ и въ Чакдере, у моста чрезъ р. Сватъ, возведи въ этихъ пунктахъ укрѣпленія и связавъ ихъ съ Диromъ постами изъ наемныхъ горцевъ.

Кромѣ мѣропріятій наступательной политики въ земляхъ везиріевъ и юсуфзіевъ немаловажное значение для возбужденія независимыхъ племенъ противъ Англіи имѣло возведеніе укрѣпленій въ хребтѣ Самана, принадлежащемъ оракзіямъ. Хребетъ этотъ лежитъ на сѣверной сторонѣ долины Миранзай кохатскаго вѣдомства. Въ январѣ 1891 года въ Миранзайскую долину посланъ былъ британскій военный отрядъ для понужденія къ платежу штрафовъ за набѣги въ британской территории. Не встрѣтивъ вооруженного сопротивленія, отрядъ этотъ 24 февраля возвратился, оставивъ прикрытия при начатыхъ въ трехъ пунктахъ хребта Самана постройкахъ фортовъ съ цѣлью прекращенія набѣговъ оракзіевъ. Заявивъ оставленный безъ удовлетворенія протестъ противъ возведенія укрѣпленій на своихъ земляхъ, оракзіи напали на одно изъ прикрытий, которое потеряло 14 человѣкъ убитыми и 7 ранеными; прикрытия при другихъ двухъ фортахъ также были прогваны и работы прекращены. 10 апрѣля горцы нападали на собиравшися противъ нихъ отрядъ, но были отражены, потерявъ до 60 ч. убитыми и ранеными. 17 апрѣля англійскія войска, въ составѣ 17 батальоновъ, 15 орудій и 7 эскадроновъ, приступили къ овладѣнію хребтомъ Самана. Оракзіи оказали значительное сопротивленіе, но были побѣждены. Военные дѣйствія закончились 15 мая, потери же англичанъ за все время ихъ составили до 110 ч. убитыми и ранеными. Три форта были окончены и заняты британскими гарнизонами („Сборникъ материаловъ по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 191—196, и вып. 54, 1893 г., стр. 197 и 198).

3) Восстаніе пограничныхъ племенъ въ 1897 году.

Хотя англо-индійское правительство не переставало объявлять, что признаетъ независимость пограничныхъ племенъ и не намѣreno ни вмѣшиваться въ ихъ внутреннее управление и отношения между собою, ни покушаться на присвоеніе ихъ земель, но выставленіе постоянныхъ отрядовъ въ Везиристанѣ, возведеніе укрѣпленій въ земляхъ оракзіевъ въ хребтѣ Самана, устройство укрѣпленій въ малакандскомъ проходѣ и въ Чакдере въ земляхъ юсуфзіевъ уѣддило не только непосредственно заинтересованныя племена, но и всѣ сѣдни, что Англія стремится постепенно подчинить независимыя племена и овладѣть ихъ землями. Неуспѣшность сопротивленія месудюевъ, оставленныхъ безъ помоши дервичами, оракзіевъ, которымъ запевелившіе было афридіи не дали всетаки поддержки, наконецъ юзуфзіевъ средняго Свата, которые были предоставлены остальными соплеменниками почти однимъ ихъ собствен-

шить силами, указывала конечно необходимость общаго дружного действия противъ сильнаго врага, но въковыя разрозненность, соперничество и враждебность не только между племенами, но и между ихъ вѣтвями, не могутъ еще долго не препятствовать политическому объединению пограничныхъ племенъ въ борьбѣ противъ Англо-Индіи, ибо и при общемъ сознаніи необходимости политического единенія практическія трудности единства дѣйствій безчисленнаго множества независимыхъ демократическо-родовыхъ общинъ очень велики. Однако общая опасность, угрожающая независимости пограничныхъ племенъ, разбудила въ нихъ столь недавно еще дремавшее чувство национальности и, вслѣдствіе единства ихъ религіи и иновѣрія врага, возбудила религиозный фанатизмъ, такъ какъ у национальностей, не имѣющихъ политической самостоятельности или находящихся въ опасности потерять ее, чуждая поработительная религія всегда дѣлается знаменемъ и орудиемъ борьбы за народную самобытность. При возбужденіи религиознаго фанатизма неизбѣжно возвышение политическаго влияния духовенства. Чуждое и по духу ислама, и по не авганскому большему частію своему происхожденію, племенныхъ и родовыхъ распредѣлѣніе духовенство пограничныхъ племенъ оказалось могучею силой для объединенія племенныхъ вѣтвей и даже соѣдникъ племенъ съ цѣлю борьбы съ англичанами. Эти восстанія пограничныхъ племенъ, произшедшія въ 1897 году, мы опишемъ въ ихъ хронологической послѣдовательности въ разныхъ группахъ племенъ *).

*) Источники будуть указываемы съ своихъ мѣстахъ. Главнѣйшимъ служила изданная англійскимъ правительствомъ въ январѣ 1898 года «Синяя книга» Military operations on the North-west Frontiers of India (Papers regarding British relations with the neighbouring Tribes on the North-west Frontier of India, and the military operations undertaken against them during the year 1897—1898. Presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty, London, 1898, два тома). Возстаніямъ 1897 года посвящены двѣ статьи, помѣщенные въ «Военномъ Сборникѣ», именно въ августовской книжкѣ 1898 года, г. Г. В., «Очеркъ Тирахской экспедиціи генерала Локгарта въ 1897 году», стр. 342—384, и въ пяти книжкахъ 1899 года съ января по май, всего около 120 страницъ, г. М. Грулева, «Очеркъ восстаний на сѣверо-западной границѣ Индіи въ 1897 году». Первый изъ этихъ очерковъ даетъ краткое, достаточно обстоятельное, почти исключительно съ специальнно-военной стороны, описание экспедиціи Локхарта, на основаніи умѣло собранныхъ и соображеній газетныхъ и телеграфныхъ извѣстій, причемъ основою служили, повидимому, официальные свѣдѣнія. Въ очеркѣ г. Грулева «фактическая сторона событий, въ виду отсутствія другихъ источниковъ, изложена по англійскимъ газетамъ» (январская книжка 1899 г., стр. 183). Такъ какъ почти за годъ до появленія статьи г. Грулева издана вышеуказанная «Синяя книга» и за полгода и болѣе вышли въ свѣтъ книги полковника Хетчинсона, корреспондента агентства Рейтера Ліонеля Джемса, Спенсера Черчилля и пр., а также много статей въ специальныхъ и общихъ журналахъ, принадлежащихъ людямъ болѣе или менѣе компетентнымъ, большую частью участникамъ экспедицій, то исключительное пользованіе «англійскими газетами» отнюдь не вызывалось необходимостю и весьма неблагопріятно отразилось на качествѣ труда г. Грулева, особенно на исторической, этнической и политической его сторонахъ, потому что газетные корреспонденты обыкновенно не обладаютъ по этимъ предметамъ ни нужными свѣдѣніями, ни компетентностью, на которую естественно и не претендуютъ.

а) Столкновенія въ Везиристанѣ.

Въ депешѣ статѣ-секретарю 1 января 1896 года индійское правительство констатировало, что раздача жалованья (меликамъ) у дервишей и даверцевъ вызвала общее удовольствіе (M. o., vol. 1, p. 50); имъ доставалась львиная доля вышеупомянутыхъ 100 т. рупій. Однако это самое жалованье уже въ февралѣ дало поводъ къ раздорамъ въ одной изъ вѣтвей дервишъ-визирей. Эта вѣтвь, по имени мадда, могла выставить 1600 воиновъ и занимала самую верхнюю часть долины Точи отъ сел. Ширанни до афганской границы. Владельцемъ въ ней меликомъ состоялъ, по своему происхожденію, родству и личнымъ качествамъ, некто Садда-ханъ. 9 февраля 1896 года въ Ширанни произошло сборище до 100 мадда-хелей, по поводу недовольства нѣсколькихъ младшихъ меликовъ на невыдачу имъ доли жалованья, хотя Садда-ханъ получилъ 23 оклада пѣщихъ стражниковъ для удовлетворенія, между прочимъ, младшихъ меликовъ, не получившихъ офицерскихъ окладовъ. Разгорачившись при спорахъ по этому поводу, нѣкоторые участники сходки угрожали выгнать изъ временнаго стражническаго поста въ Ширанни его муниши (писара), а также дѣлали угрозы стражникамъ. 14 февраля принимавшіе участіе въ сходкѣ отправились въ другую вѣтвь мадда-хелей, желая привлечь ее на свою сторону по поводу жалованья меликовъ, но произошла ссора и одинъ человѣкъ былъ убитъ, послѣ чего сходка разошлась. Садда-ханъ 9 и 14 февраля, когда происходили упомянутыя собрашица, былъ въ отлучкѣ въ сел. Миранъ-шахъ, гдѣ первоначально стоялъ отрядъ и пребывалъ политический агентъ. 16 марта, по случаю мусульманскаго праздника, происходило по обычай большое собраніе мадда. На немъ недовольные и нѣкоторые муиллы обвиняли меликовъ, что именно они, по своимъ видамъ, призвали въ страну англійскія войска. Садда-ханъ и другие мелики, отвергая это, принали присягу въ томъ, что британскихъ войскъ не приглашали. По получении обо всемъ этомъ свѣдѣній, политический агентъ Андерсонъ далъ знать меликамъ, что правительство возлагаетъ отвѣтственность за происходящія смуты лично на нихъ. Послѣ этого, по договору съ другими меликами, Садда-ханъ взялъ на себя удовлетворить обойденныхъ меликовъ изъ полученныхъ имъ окладовъ и недовольство ихъ прекратилось. Политические агенты объяснили изложенные смуты возбужденіемъ ихъ Садда-ханомъ и другими старшими меликами съ цѣллю побудить правительство увеличить сумму назначенныхъ мадда-хелямъ выдачъ. Главныя основанія этого мнѣнія: Садда-ханъ приписывалъ волненія сначала тому, что народъ недоволенъ назначеніемъ жалованья ахмедзіямъ, не имѣющимъ земель въ долинѣ

Точи, что къ смутамъ подстрекалъ одинъ авганскій служащій, наконецъ тому, что рѣшеніе правительства не брать въ свои руки полнаго обладанія и управлѣнія страною везиревъ возбудило чувство независимости и побудило народъ возвставать противъ подчиненія своимъ меликамъ; въ виду этого мелики настаивали, чтобы въ земли мадда-хелей были двинуты англійскія войска, на которыхъ они могли бы опираться для возвстановленія своей власти надъ народомъ; когда же мелики увидѣли, что желаемаго увеличенія жалованья не посльдуетъ, и что агентъ признаетъ смуты результатомъ интригъ ихъ самихъ, то Садда-ханъ удовлетворилъ обойденныхъ меликовъ и сталъ утверждать, что смуты не имѣть никакого значенія и что онъ въ силахъ самъ прекратить агитацию. Сообразно этому англо-индійскія власти оштрафовали меликовъ мадда на 1 т. рупій, а главный отрядъ перемѣстили изъ Миранъ-шаха въ Датта-хель, находящійся отъ Ширанни лишь въ 2 миляхъ. Упомянутый штрафъ мелики уплатили (Mil. oreg., v. I, pp. 167—177). Мнѣ кажется, что ни приведенные факты, ни опущенные мною подробности (см. указанія страницы Синей книги), не подтверждаютъ мнѣнія мѣстныхъ англійскихъ властей. Сборища 9 и 14 февраля произошли во время отлучки Садда-хана и несомнѣнно имѣли свою причину невыдачу иѣкоторымъ младшимъ меликамъ доли жалованья и окладовъ, данныхъ англичанами мадда-хеламъ и подлежащихъ по обычаямъ раздѣлу между всѣми частями общины и представляющими ихъ меликами, какъ всякая добыча и иной доходъ родовой общины. На сборищѣ 16 марта выразились уже не претензіи обойденныхъ меликовъ, а общее неудовольствие и раздраженіе племени на присвоеніе англичанами власти надъ ними, и подозрѣнія противъ меликовъ въ томъ, что именно они, изъ корысти и для порабощенія народа, призвали англичанъ и ихъ войска. Правильность такого взгляда доказывается тѣмъ, что послѣ удовлетворенія обойденныхъ жалованьемъ меликовъ и послѣ принятія меликами очистительной присяги, убѣдившей народъ, что во всякому случаѣ англійскія войска заняли страну не по ихъ призыву, смуты у мадда-хелей прекратились и спокойствіе въ ихъ странѣ болѣе года ни чѣмъ не нарушалось, если не считать такимъ нарушеніемъ убійство Хонда Рама, одного изъ чиновъ туземнаго поста, совершенного мѣстнымъ жителемъ, по оставшимся неизвѣсненными причинамъ. Убійство это получило политическія послѣдствія лишь потому, что убійца бѣжалъ за авганскую границу и правительство 7 сентября 1896 г. рѣшило не требовать отъ эмира его выдачи, но взыскать съ мадда-хелей штрафъ въ 2 т. р. (р. 77), впослѣдствіи въ маѣ 1897 г. уменьшенній до 900 рупій (рр. 78 и 136).

Въ Ширанни, какъ уже упомянуто, находился постъ изъ туземцевъ для охраненія дороги въ Газиу и пресѣченія набѣговъ и грабежей. По перенесе-

після стоянки главного отряда изъ Миранъ-шаха въ Датта-хель, постъ этотъ, очутившійся отъ отряда лишь въ двухъ миляхъ, рѣшено было еще въ 1896 г. перенести за Майзаръ, группу деревень и домовъ мадда-хелей, въ девяти миляхъ отъ Ширанни. Въ 1897 году предстояло построить помѣщеніе для поста на новомъ мѣстѣ, а потому, пригласивъ съ собою для совѣта при выборѣ мѣста для поста командующаго отрядомъ въ Датта-хель полковника Бенней, политический агентъ Джи (Gee) 10 іюня 1897 года отправился изъ Датта-хеля въ Майзаръ, въ сопровожденіи конвоя изъ 300 ч. пѣхоты, двухъ орудій и 12 ч. кавалеріи. По прибытии въ Майзаръ, Джи оставилъ здѣсь пѣхоту и орудія, а самъ съ 2 офицерами и кавалеріею отправился осмотрѣть мѣстность до селенія Дотоя. По возврашевіи, около полудня, офицеры и конвой позавтракали. Мѣстные жители дружественно разговаривали съ солдатами конвоя изъ авганъ. Такъ какъ Джи предполагалъ окончить здѣсь раскладку и взысканіе упомянутаго штрафа съ мадда-хелей въ 900 рупій за убийство и для того были собраны мелики, то онъ освѣдомился: пришли ли къ соглашенію о раскладкѣ. Около 2 ч. офицеры находились, по окончаніи завтрака, въ тѣни деревьевъ на возвышевіи и Джи собирался отправиться для избрания мѣста для постройки помѣщеній поста, какъ раздалось два выстрѣла на воздухъ, населеніе отхлынуло и начало стрѣльбу по офицерамъ и конвою. Конвой сталъ отстрѣливаться и орудія открыли огонь. Въ пять минутъ орудія израсходовали весь имѣвшійся запасъ снарядовъ и полковникъ Бенней, уже смертельно раненый, приказалъ конвою отступать. Это отступленіе было весьма затруднительно для обремененного ранеными конвоя, особенно въ началѣ, до пункта Котель, до котораго дорога лежала между возвышеностями и была обстрѣливаема стекавшимся изъ окрестностей населеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь отрядъ понесъ наибольшую потерю. Дальнѣйшее отступленіе продолжалось透过 шесть небольшихъ горныхъ отроговъ. Достигнувъ послѣдняго отрога, за которымъ начиналась уже равнина, отрядъ остановился въ ожиданіи помощи изъ Датта-хеля. На разстояніе въ двѣ мили (3 версты) отъ Майзара до послѣдняго отрога потребовалось болѣе трехъ часовъ времени, потому что отрядъ остановился въ 5 ч. 30 м. Подкрѣпленіе изъ Датта-хеля подоспѣло къ 6 ч. 15 м., при чемъ оно прошло разстояніе въ 9 миль въ полтора часа. Къ этому времени число горцевъ достигло до 1 т. ч., но отрядъ могъ двигаться безъ затрудненій до Датта-хеля, въ который аррьергардъ его прибылъ въ 12 ч. 30 м. по полуночи. Изъ пяти офицеровъ отряда одинъ былъ убитъ, двое ранены смертельно и умерли во время отступленія, двое ранены; раненый также отряда впослѣдствіи умеръ отъ своей раны. Сверхъ того ранены одинъ туземный офицеръ, убито 22 и ранено 30 нижнихъ чиновъ. Потеря мадда оцѣнилась болѣе 100 убитыхъ,

кромъ раненыхъ. Политический агентъ Джи, въ своихъ телеграммахъ и донесенияхъ, признавалъ ничѣмъ невызванное и совершенно неожиданное нападеніе 10 июня произведеннымъ по предварительному соглашенію мѣстныхъ фанатиковъ, съ участіемъ или съ вѣдома меликовъ, возлагалъ главную отвѣтственность на вліятельнѣйшаго изъ меликовъ Садда-хана и требовалъ присылки войскъ для примѣрного наказанія мадда-хелей (M. o., vol. 1, pp. 77, 84, 93—100).

Въ англійскихъ войскахъ долины Точи 10 июня 1897 года состояло 1476 ружей и 120 сабель, 4 орудія и 4 пулемѣта Максима. Снаряженный для наказанія мадда-хелей подъ начальствомъ генерала Берда (Bird) дѣйствующій отрядъ сформированъ былъ изъ шести туземныхъ полковъ, двухъ англійскихъ батальоновъ, 10 орудій и проч., всего болѣе 6 тыс. чл. Такой значительный составъ отряда Берда можетъ быть объясненъ правильно лишь чрезмѣрнымъ опасеніемъ возможности восстania другихъ вѣтвей везирей кромъ мадда, хотя индійское правительство признавало восстаніе наиболѣе опасныхъ изъ нихъ, мексудовъ, мало вѣроатнымъ (р. 79): въ нападеніи на отрядъ Джи принимала участіе лишь часть мадда, отдѣленіе же ихъ кааха поспѣшило заявить, что оно дѣлу не причастно; компрометированный вѣтви чувствовали себя не въ состояніи противостоять англійскому отряду изъ Даттакхеля и уже въ ночь 10 июня одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ ихъ меликовъ спѣшилъ убраться съ своими пожитками за недалекую границу, и конечно многие его общины сдѣлали тоже (р. 98); по имѣвшимся еще въ іюнѣ свѣдѣніямъ индійского правительства, Повинда-мулла, „единственный человѣкъ, который могъ бы соединить разрозненные вѣтви везиревъ“ противъ англичанъ (р. 57), не имѣлъ приосновенности къ нападенію 10 июня и едва ли о замыслѣ его зналъ, когда же мадда, послѣ нападенія, просили его помочи, то онъ обратился къ одному состоящему на британской службѣ въ Вано офицеру изъ мусульманъ съ предложеніемъ своихъ услугъ для заключенія мира съ мадда, но отвѣта не получилъ; вѣроатно онъ попытается,—думали англійскія мѣстныя власти,—поднять племена, но всѣ донесенія сходились въ мнѣніи о невѣроатности, чтобы отрядъ Берда встрѣтилъ какое-либо сопротивленіе (р. 80). Такъ дѣйствительно и вышло.

Вступивъ 8 іюля съ своимъ отрядомъ въ долину Точи, Бердъ изданіемъ 13 іюля прокламацію объявилъ, что идетъ къ Майзару для разрушенія укрепленныхъ зданій въ Майзарѣ и Ширанні и останется тамъ или въ окрестностяхъ, пока виновные въ нападеніи 10 июня не исполнятъ требованій правительства, которые будутъ въ свое время объявлены (р. 79). 20 іюля отрядъ Берда достигъ Ширанні и Майзара, которые оказались оставленными всѣми жителями. 4 августа окончено было разрушеніе построекъ въ Ширанні

и Майзаръ (р. 111). 17 августа Бердъ объявилъ следующія условія дарованія прощенія мадда-хеламъ: выдача Садда-хана и 17 меликовъ, подозреваемыхъ въ качествѣ главныхъ виновныхъ нападенія 10 іюня; возвращеніе всего захваченнаго при нападеніи или уплата его стоимости; уплата штрафа въ 900 рупій за убійство Хонда Рама и уплата деньгами или рабочими для правительственныйхъ построекъ штрафа въ 10 тыс. рупій, налагаемаго на мадда за нападеніе 10 іюня (р. 103). Отъ мадда-хельского отдѣленія казха, не принимающаго въ массѣ участія въ нападеніи, Бердъ потребовалъ выдачи двухъ лицъ, подозреваемыхъ въ этомъ участіи, когда же казха выдачи не произвели до назначенаго къ 26 сентября срока, то ихъ укрѣпленныя жилища были разрушены и неубранныя жатвы уничтожены (р. 115). Продолжая находиться за авганской границей, мадда-хели не переставали извѣщать о своемъ желаніи получить прощеніе, но согласія на выполненіе условій прощенія не изъявляли. Садда-ханъ настоятельно увѣрялъ въ своей преданности правительству и невиновности, но отъ явки къ англійскимъ властямъ уклонялся. Тщательно пропрѣживъ съ своей стороны обстоятельства нападенія 10 іюна и степень участія въ немъ разныхъ лицъ, генералъ Бердъ пришелъ къ заключенію, что это нападеніе не было послѣдствіемъ какого-либо предварительнаго заговора или замысла и что въ частности нѣть никакихъ оснований обвинять Садда-хана и главныхъ меликовъ въ какомъ-либо коварствѣ или предательствѣ (р.р. 137, 139). Поэтому и полагая, что мадда-хели не въ состояніи арестовать и выдать своихъ меликовъ, если бы и желали, тѣмъ болѣе при нахожденіи всѣхъ ихъ на авганской территории, Бердъ призналъ возможнымъ обнадежить Садда-хана, что въ случаѣ добровольной явки онъ не будетъ ни лишенъ жизни, ни подвергнутъ ссылкѣ. 23 октября правительство дало на это разрѣшеніе (р. 145). Послѣ этого, въ виду бѣдствій, которымъ подвергались мадда-хели, лишенные домовъ и жатвъ, на авганской территории и которыхъ должны были особенно увеличиться съ наступленіемъ зимы, а также опасаясь, что англійское правительство окончательно отниметъ, при дальнѣйшей непокорности, у мадда-хелей ихъ земли, Садда-ханъ, не уступая увѣщаніямъ даже женщинъ и дѣтей всѣхъ деревень, встрѣчавшихся на пути, не отдаваться въ руки англичанъ, явился 31 октября къ генералу Берду. Тоже сдѣлали за нимъ и остальные мелики. 14 ноября Бердъ принялъ отъ общей джирги мадда-хелей заявленіе покорности и согласіе на всѣ поставленныя условія, исполненіе котораго они обеспечили заложниками (р. 146).

Дальнѣйшихъ подробностей о дѣлахъ въ Везиристанѣ я не имѣю, во по газетнымъ извѣстіямъ весь 1898 годъ прошелъ тамъ спокойно, хотя, конечно, не безъ обычныхъ въ земляхъ горцевъ и на границахъ мелкихъ набѣговъ и грабежей. Между прочимъ въ декабрѣ того года газеты упо-

мнали о заявленныхъ эмиромъ жалобахъ на грабежи и набѣги везирей из авганской территории.

Во все время нахождения отряда Берда въ сѣверномъ Везирстанѣ онъ не встрѣтилъ серьзного сопротивленія. Были конечно угоны выочныхъ верблюдовъ, нападенія на транспорты и отдѣльныхъ солдатъ одиночныхъ горцевъ или небольшихъ шаекъ и тому под., но все это обычно и въ мирное время. Наибольшее кровопролитіе произвели за все время это не горцы, а сейки британской пѣхоты и кавалеріи, принявъ 7 юля 40 стражниковъ одного поста изъ состоявшихъ на британской службѣ везирей за непріятеля и открывъ по нимъ огонь; правительство выдало семействамъ двухъ убитыхъ и 14 раненымъ везирямъ вознагражденіе изъ казны (р. 105).

Англо-индійскія власти сначала приписывали нападеніе 10 июня взрыву мусульманского фанатизма (р. 81), но вслѣдствіи сдѣжалось общімъ (конечно въ административныхъ инстанціяхъ) мнѣніе, что нападеніе имѣло своимъ источникомъ родовые раздоры по поводу распределенія штрафа за убийство Хонда Рама (депеша вице-короля 4 ноября 1897 г., стр. 130). По мнѣнию стать-секретаря по дѣламъ Индіи лорда Хамильтона, бездѣйствие племенъ везиревъ во время полученія извѣстій о возстаніи горцевъ Сваты и момандовъ убѣждаетъ, что во всякомъ случаѣ религіозное возбужденіе не было главнымъ источникомъ майзарскаго нападенія (M. o., vol. 2, p. 176).

Изъ этихъ причинъ нападенія 10 июня внутренніе родовые раздоры между мадда по поводу штрафа въ 900 рупій, раздоры, о которыхъ впючено въ виду индійского правительства имѣлись лишь смутные намеки и догадки, очевидно должны быть исключены: какимъ образомъ внутренніе раздоры между мадда, возбуждавшіе неудовольствія родовичей лишь другъ на друга, могли повести къ внезапному нападенію на англійскій отрядъ? Съ другой стороны воздержаніе племенъ везирей отъ общаго возстанія по полученіи извѣстій о возстаніяхъ въ Сватѣ и момандовъ объясняется совсѣмъ не отсутствиемъ у везирей религіознаго фанатизма, а просто нахожденiemъ въ предѣлахъ Везирстана большихъ британскихъ военныхъ силъ, справиться съ которыми, послѣ недавней неудачи 1894—1895 года, месуды и остальные племена основательно считали для себя невозможнымъ. Вѣрно, что религіозный фанатизмъ не имѣлъ доминирующего значенія въ нападеніи 10 июня, но доказывается это не воздержаніемъ отъ возстанія остальныхъ везирей, обличаемымъ другими причинами, а тѣмъ, что глава духовенства Повинда-мулла повидимому даже не зналъ о предстоящемъ нападеніи, что не видно въ немъ участія другихъ мулль и что во всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ нападенія нѣть ничего специально проявлявшаго преобладающее религіозное происхожденіе. Вслѣдствіе этого кореннымъ и главнымъ источникомъ напа-

девія 10 іюня слѣдуетъ считать страстную ненависть и вражду мѣстныхъ азганскихъ племенъ къ англичанамъ, возбужденныя попытками подчинить своей власти независимыя племена. Эти стремленія племена везирей ясно и правильно видѣли въ договорѣ эмира съ Англіею объ отказѣ въ пользу по-слѣдней отъ власти надъ горными племенами,—которой онъ на дѣлѣ не имѣлъ и которой племена за нимъ не признавали,—въ проведеніи границы, опредѣленной Англіей и безъ вѣдома племенъ, и въ фактическомъ осуществленіи англійского господства введеніемъ въ земли племенъ войскъ, а также присвоеніемъ власти надъ племенами въ различныхъ формахъ и степеняхъ отъ привлечения старѣшихъ и меликовъ на англійскую службу назначевіемъ имъ жалованья до ближайшаго подчиненія управлекія племенъ англійской власти, какъ въ юго-восточныхъ племенахъ и въ Даверѣ. Эта политическая вражда, благодаря иновѣрію англичанъ, слилась съ мусульманскимъ фанатизмомъ, который развился именно благодаря ей. Вполнѣ яснымъ доказательствомъ такого настроенія въ средѣ мадда-хелей служатъ возбужденныя на народномъ сборищѣ 16 марта 1897 года обвиненія меликовъ въ томъ, что они призвали въ Точи англійскія войска. Присяга меликовъ болѣе или менѣе отклонила отъ нихъ подозрѣнія, но вражда и ненависть въ поработителямъ—англичанамъ остались и возрастили. При такомъ настроеніи народной массы воинственныхъ горцевъ съ расовымъ сангвиническимъ темпераментомъ, достаточно было 10 июня одного или двухъ, вѣроятно случайныхъ, выстрѣловъ на воздухъ, чтобы всегда вооруженные горцы, находившіеся кругомъ конвой Джі, открыли огонь противъ ненавистныхъ враговъ и чтобы въ подмогу имъ, на выстрѣлы, стеклось все окрестное населеніе, даже женщины, которыхъ бросали въ отступавшій англійскій отрядъ камнами, а нѣкоторые стрѣляли изъ ружей (vol. I, p. 96). Нападеніе 10 июня было такимъ образомъ стихійнымъ взрывомъ народной ненависти, которымъ увлечены были даже мелики, особенно майзарскіе, такъ что въ числѣ убитыхъ горцевъ оказалось четыре мелика *). Лишь немногіе изъ меликовъ, подобно Садда-хану, сохранили настолько хладнокровія, чтобы воздержаться отъ участія въ общемъ стихійномъ увлеченії.

б) Возстаніе въ Сватѣ.

По окончаніи читральской экспедиції (отрядъ Лоу былъ расформированъ 27 сентября 1895 года), британскія войска остались въ земляхъ ве-

*) Подтверждениемъ неожиданности нападенія для всего населенія служить между прочимъ присутствие женщинъ и дѣтей, которыхъ, по обычаямъ горцевъ, въ случаѣ предстоящаго боя, всегда отсылаются заблаговременно въ безопасныя мѣста: въ числѣ убитыхъ оказалось 13 женщинъ и дѣтей (vol. I, p. 142).

зависимыхъ юсуфзіевъ лишь въ лагерь на Малакандскомъ перевалѣ и въ форте Чакдере, охраняющимъ устроенный англичанами высокий желѣзный мостъ черезъ рѣку Сватъ. Дальнѣйшее охраненіе дороги въ Читраль произвѣдилось постами наемныхъ стражниковъ изъ мѣстныхъ горцевъ и возложено на отвѣтственность меликовъ мѣстныхъ племенъ и хана Дири. Весною 1896 года и затѣмъ весною 1897 года войска и запасы въ Читраль и смѣнныя оттуда части прошли безпрепятственно, а почты слѣдовали все время исправно. Политическій агентъ Дири и Свата маіоръ Динъ (H. A. Deane), въ отчетѣ о положеніи дѣлъ къ юну 1896 года, признавалъ отношенія мѣстныхъ племенъ къ британскому правительству удовлетворительными и постепенно улучшающимися и опасался возбужденія смутъ лишь со стороны хана Дири, обладающаго беспокойнымъ характеромъ и находящагося въ дурныхъ отношеніяхъ какъ съ родными братьями, такъ и съ подвластными племенами, которыхъ тщетно жалуются ему на притѣсненія его агентовъ. Динъ думалъ, что Дири слишкомъ далекъ отъ Малаканда, чтобы можно было изъ послѣдняго имѣть полный „контроль“, а потому находилъ нужнымъ выставить на лѣто легучую колонну въ долину Адинзай, подчинивъ британскому управлению какъ эту долину, такъ и сосѣдній округъ Талашъ; онъ утверждалъ, что мѣстное населеніе будетъ этимъ довольно, съ ханомъ же Дири не трудно будетъ сговориться. Между тѣмъ окончательно обезпечится вліяніе Англіи на племена Баджаура, Пенджкоры, Дири и Верхнаго Свата. Если же правительство намѣreno держаться политики рѣшительного невмѣшательства и воздерживаться отъ всякаго наступленія впередъ, то Динъ считалъ возможнымъ уменьшить количество войскъ въ Малакандѣ и оставить тамъ вмѣстѣ съ Чакдерѣ только полкъ пѣхоты и одинъ или два эскадрона кавалеріи (M. o., vol. 2, p. 40—47). Вице-король „въ совѣтѣ“, 20 августа 1896 года, не разрѣшилъ движенія войскъ въ долину Адинзай; жадая ограничиться удержаніемъ и охраненіемъ дороги изъ Малаканда въ Читраль и не воспрещая Дину пріобрѣтать личное вліяніе на окружающія племена для достиженія той же цѣли, правительство признало однако, что тѣмъ менѣе британскія власти будутъ вмѣшиваться въ дѣла страны, тѣмъ будетъ лучше; немедленное уменьшеніе войскъ въ Малакандѣ также было отклонено (p. 48). 9 юна 1897 года, въ отчетѣ за истекшій годъ, Динъ доносилъ, что мѣстные племена, дотолѣ скрыто враждебныя, теперь утвердились въ столь великомъ довѣріи (great confidence) къ правительству, оставившему неприкасаемыми ихъ земли, не наложившему податей и не вмѣшивавшемуся въ ихъ дѣла, что правительству представляется возможность побудить ихъ смотрѣть на себя, какъ на союзниковъ (allies), и пренебрегать прописками Адда-муллы въ Баджаурѣ и міанголовѣ въ Верхнемъ Сватѣ, старающихся раздуть фана-

тизмъ и возбудить народъ противъ Англіи. Правительство, если бы захотѣло, легко могло бы собрать у нихъ иррегулярную армію отъ 15 до 20 тыс. человѣкъ, которые не желали бы ничего лучшаго, какъ получить приказъ объ исполненій любой службы (р. 50). Ханъ Дира хорошо обращается съ своимъ народомъ и пост到达ный прежде жалобы на него прекратились. Ханъ этотъ собирается подавить фанатическую партию въ Верхнемъ Сватѣ, расстранивъ на него свою власть; въ случаѣ успѣха, Динъ ожидалъ большихъ выгодъ для правительства вслѣдствіе успокоенія страны (р. 50, 51). Еще за мѣсяцъ передъ тѣмъ, 9 мая 1897 г., Динъ извѣщалъ, что Адда-мулла, Манки-мулла и Паламъ-мулла, главнѣйшіе послѣдователи покойного „ахуна Свата“ (изъ нихъ Адда-мулла жилъ среди момандовъ, Манки-мулла между отмань-хейлеми, а Паламъ-мулла на р. Аушири, лѣвомъ притокѣ Пенджкоры), стараются возбуждать религіозный фанатизмъ, и первый изъ нихъ разосмѣль возвзваніе, объявляющее, что наступило для добрыхъ мусульманъ время восстанія. Съ своей стороны Динъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе хана Дири на Паламъ-муллу, который возбуждалъ стражниковъ британскихъ постовъ по дорогѣ въ Читраль къ дезертирству. Ханъ отвѣтилъ, что движется противъ Паламъ-муллы, управившись съ фанатической партией въ Верхнемъ Сватѣ. Динъ далъ понять хану, что намѣренія его одобряетъ (р. 58). Индійское правительство съ своей стороны 4 июня 1897 г. утвердило дѣйствія Дина (р. 59).

Появленіе хана въ Верхнемъ Сватѣ возбудило большое волненіе. Въ виду всѣхъ извѣстныхъ отношеній этого хана къ Англіи *), племена Свата отправили къ Дину посланцовъ съ просьбою защитить ихъ отъ хана. Динъ отвѣтилъ, что не находитъ основаній вмѣшиваться (р. 59). Тогда 12 июня старшій изъ мянгулей, внуковъ „ахуна Свата“, обитающихъ въ Верхнемъ Сватѣ, обратился къ губернатору Пенджаба съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что изстари состоявшій слугою его дѣда и его самого ханъ Дири 3 июня вторгнулся въ предѣлы Свата, переправился черезъ рѣку и произвелъ у мѣстныхъ племенъ грабежи на сумму отъ 2 до 3 лаковъ рупій, увѣряя, что получилъ распоряженіе отъ правительства и что вся страна поступаетъ въ англійское управление; не вѣра, чтобы ханъ производилъ грабежи и насилия дѣйствительно по распоряженію серкера (такъ называютъ горцы англо-индійское правительство), Сеидъ-Бадшахъ просилъ разрѣшенія противостоять хану силою оружія (р. р. 64, 65). Никакого отвѣта на эту просьбу

*) Въ 1895 году ему подарено, за услуги во время читральской экспедиціи, 40 рублей Снейдера и затѣмъ ежегодно отпускаются къ немъ патроны. Сверхъ того хантъ получаетъ ежегодно 20 т. рупій на поправки дороги въ Читраль и ся охрану (по свѣдѣніямъ англо-индійскихъ газетъ).

не дано, но посланцу объявлено, что онъ можетъ обратиться къ маюру Дину (р. 59), тогда какъ мянгулемъ уже было известно, что на подобную просьбу меликовъ Динъ отвѣчалъ, какъ выше значится, отказомъ.

Въ концѣ юня, съ одной стороны ханъ Дири съ 400 меликами Верхнаго Свата его партіи, съ другой болѣе 1000 меликовъ противной стороны явились къ Дину и были имъ приняты, въ началѣ юля, въ Чакдере. Подлинныхъ донесеній Дина о происходившемъ при этомъ въ „Синей книгѣ“ не напечатано, за исключеніемъ „извлеченія“ изъ письма его отъ 21 юля, очевидно сильно сокращеннаго. По помѣщеннымъ въ депешѣ вице-короля отъ 1 сентября 1897 года свѣдѣніямъ, всѣ мелики признавали страну находящуюся подъ британскимъ вліяніемъ и политическимъ „контролемъ“. Всѣ желали спокойствія и заявляли готовность нести всякую службу, какая нужна правительству, выставлять для этого ратниковъ, когда потребуется. „Главная ихъ просьба состояла въ томъ, чтобы отъ народа не требовалось безплатныхъ работъ и чтобы изгнанные за убийства не возвращались въ общины противъ ихъ желанія“. Маюръ Динъ объявилъ, что правительство не намѣreno вмѣшиваться во внутреннія дѣла и управление племенъ, но желаетъ помогать имъ улаживать раздоры, если за этимъ будутъ обращаться къ политическому офицеру. „Горцы выразили сожалѣніе, что не вошли ранѣе въ дружескія сношенія съ нами, чѣмъ было бы устраниено вмѣшательство хана Дири, который недавно совершилъ удачное вторженіе въ часть враждебной ему страны“. „Главное въ настоящемъ положеніи дѣлъ то,—— писалъ Динъ 3 юля,— что власть міянгулей, связанная съ именемъ ахуна, уничтожена“: міянгули добивались, чтобы племена Верхнаго Свата не входили съ англійскими властями въ непосредственные сношенія, а теперь, въ полученныхъ отъ нихъ Диномъ письмахъ, сами заявляютъ себя слугами правительства. Динъ находилъ особенно успѣшнымъ, что все это достигнуто безъ употребленія британскихъ военныхъ силъ (р. 59, 60).

По напечатанному въ „Синей книгѣ“ извлечению изъ письма Дина отъ 21 юля, занявъ правый берегъ Свата, ханъ по авганскому обычанию выставилъ караулы, „которые обыкновенно производятъ насилия и притѣсняютъ народъ“. Желая отвратить явлюющіяся послѣдствіемъ такого образа дѣйствій смуты, Динъ предложилъ хану явиться къ нему съ признавшими его власть меликами. „Прямыми послѣдствіемъ этого (т. е. поѣздки хана съ меликами его партіи на поклонъ къ Дину) было то, что всѣ лишенные власти и сдѣлавшіеся шпурники или изгнанники (т. е. мелики и вообще жители праваго берега Свата, не пожелавшіе подчиниться насилиемъ и беззаконіемъ хана и вынужденные вслѣдствіе этого бѣжать на лѣвый берегъ Свата) направились

ко миѣ по своему собственному желанію, и съ ними прибыли всѣ мелики муса-хедей" и другихъ племенъ лѣваго берега (р. 65).

Такимъ образомъ, зная, что нѣкоторое, чрезмѣрно впрочемъ имъ преувеличеннное, улучшеніе настроенія мѣстныхъ племенъ въ отношеніи Англіи, въ послѣдовавшіе за читральской экспедиціей два года, произошло вслѣдствіе воздержанія отъ вмѣшательства въ дѣла и отношенія между племенами и вслѣдствіе уваженія къ ихъ независимости, британскій политический агентъ разрѣшилъ хану Дира, или скорѣе подстрекнуль его, насильственно завладѣть независимыми племенами праваго берега Свата. Такъ какъ силы хана были недостаточны, чтобы справиться съ племенами Свата, то ханъ этотъ объявлялъ или давалъ понять, что дѣйствуетъ по распоряженію британскаго правительства, которое вступаетъ въ обладаніе страною. Отказъ Дина воспретить хану его насилия и затѣмъ поведеніе его на съѣздѣ меликовъ не могли не убѣдить племена, что Англія затѣвается, пользуясь дирскимъ ханомъ, какъ ширмою, лишить горцевъ независимости. Въ то время, когда Динъ восторгался ловкостью, съ которой привелъ онъ упрамыхъ меликовъ Верхняго Свата, — казавшихся ему „съ ихъ четками въ рукахъ, скорѣе собирающими фанатическихъ мулль, чѣмъ авганскими старшинами“ (р. 66), — къ заявленіямъ преданности и покорности, съ единственою просьбою не принуждать народъ къ безплатнымъ работамъ, мелики развозили по всей странѣ несомнѣнныя извѣстія о томъ, что дѣйствительно Англія намѣренась лишить племена независимости и подчинить своему управлению. Возстаніе сдѣжалось неминуемымъ. Не доставало только искры, чтобы всыпнулъ пожаръ, который долженъ былъ обнять всѣ сѣверные пограничные племена. Такой искрой оказалось объявленіе джихада, сдѣланное „безумнымъ“ или „плѣшивымъ“ факиромъ.

Появленіе этого факира въ предѣлахъ Свата Динъ относилъ по времени около 18 іюля (р. р. 66, 77), во вѣрнѣ, конечно, свѣдѣнія меликовъ Верхняго Свата, которые утверждаютъ, что факиръ прибылъ изъ Бунира въ Мангаору на верхнемъ Сватѣ около 6 іюля, т. е. немедленно послѣ полученія въ Бунире вѣстей о происходившемъ въ Чакдерѣ на представленіи меликовъ Дину; по ихъ же словамъ, факиръ объявлялъ въ Мангаорѣ, что намѣренъ начать священную войну; отсюда онъ черезъ день отправился въ сел. Лендекей (въ одномъ переходѣ отъ Малаванда), гдѣ и началъ свои проповѣди, утверждая, что получилъ повелѣніе свыше изгнать невѣрныхъ, пушки и ружья которыхъ лишатся дѣйствія противъ мусульманъ, а пули и снаряды обратятся въ воду; онъ увѣрялъ, что пятью пригоршнями риса можетъ насытить тысячи людей и т. под. Народъ однако относился къ факиру недовѣрчиво и считалъ его безумнымъ. 25 іюля факиръ собрался выступить на Малакандъ, но мѣстные жители удержали его, объяснивъ его

поступки безумиемъ. Имъа объ этомъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ меликовъ, Динъ, намѣревавшійся было отправить противъ факира летучій отрядъ изъ Малаканда, счелъ лучшимъ воздержаться, опасаясь придать фанатику серьезное значение и вмѣсто умиротворенія вызвать образованіе сборищъ для защиты факира. 26 июля безумный факиръ, съ другимъ присоединившимся къ нему неизвѣстнымъ факиромъ, въ предшествіи нѣсколькихъ мальчиковъ 13—14 лѣтъ, изъ которыхъ одного выдавали за потомка мусульманскихъ императоровъ Дели, изъ династіи Бабера, двинулся къ Малаканду чрезъ самое многолюдное изъ селеній Свата Тана или Тарна; тутъ къ нему присоединилось нѣсколько мѣстныхъ жителей, такъ что образовалась толпа человѣкъ въ 400, большей частью безоружныхъ. На дальнѣйшемъ пути сборище увеличилось людьми изъ попутныхъ селеній, между прочимъ туземными стражниками изъ британскихъ постовъ между Малакандомъ и Чакдере. Около 9 ч. 15 м. вечера джемадаръ поста въ сел. Харъ прискакалъ въ малакандскій лагерь съ извѣстіемъ о приближеніи скопища факира, а въ 10 ч. 30 м. оно, состоя уже изъ 1 т. ч., напало на англійскія позиціи при Малакандѣ. Нападенія горцевъ продолжались всю ночь почти до утра, но были отражены съ большими для нихъ потерями, какъ и одновременно произведенныя нападенія окрестныхъ жителей на фортъ Чакдере. Силы англичанъ (всего до 4 т. ч., изъ которыхъ лишь малая часть находилась въ Чакдере) первоначально превышали численность нападающихъ, но въ теченіе ночи и слѣдующаго дня толпы горцевъ достигли значительныхъ размѣровъ (р. р. 120, 77, 78, 174).

27 июля на свѣту отправленъ былъ изъ Малаканда, для восстановленія сообщенія съ Чакдере, полкъ пѣхоты съ 4 орудіями и кавалерію, но долженъ былъ возвратиться, такъ какъ путь былъ прегражденъ значительными силами горцевъ; только взводъ кавалеріи пробился до Чакдере. Въ тотъ же день нападенія горцевъ, силы которыхъ постоянно смигались подходившими подкрепленіями, возобновились и продолжались до прибытия 31 июля первыхъ англійскихъ подкрепленій въ количествѣ двухъ полковъ пѣхоты, усиливаясь ночами. Ночью 29 июля безумный факиръ былъ раненъ въ руку, а товарищъ его убитъ. Первоначальное нападенія 26 июля изъ Малаканды и Чакдере производило населеніе ближайшихъ селеній; въ слѣдующіе дни къ немъ постепенно прибыли на помощь юсуфзіи нижнаго Свата, сосѣдящіе съ ними съ юго-запада отманъ-хейли, затѣмъ юсуфзіи Пенджкоры, племена Баджаура, далѣе юсуфзіи Верхнаго Свата и Бунира, а также около 2 т. юсуфаевъ и другихъ племенъ пишаверской долины непосредственнаго британскаго подданства съ винтовками Эн菲尔да, разданными имъ англійскими властями для обороны отъ набѣговъ горцевъ. Общее число дѣйствовавшихъ

противъ Малаканда горцевъ оцѣняется до 12 т. и противъ Чакдере до 8 т., но одновременно нападало на Малакандъ не болѣе 6 т. и на Чакдере до 4 т. Общая потеря горцевъ подъ Малакандомъ и Чакдере опредѣляется въ 2—3 т. убитыхъ кромѣ множества раненыхъ (р.р. 60, 61, 78—80).

Неуспѣшность производившихся пять дней и ночей нападеній на Малакандъ и Чакдере и огромный при этомъ потери лишили горцевъ надежды на успѣшное продолженіе борьбы по полученніи англичанами подкѣплений. Поэтому ополченія ихъ начали расходиться и двинутый 2 августа изъ Малаканда отрядъ изъ двухъ полковъ пѣхоты встрѣтилъ весьма незначительное сопротивленіе при движеніи своемъ къ Чакдере. Мелки близайшихъ къ Малаканду и Чакдере селеній не замедлили явиться къ Дину съ покорностью. Примѣру ихъ послѣдовали близайшія племена праваго берега Свата. Ханъ Дири, укрывавшійся во время возстанія, въ страхѣ, въ своей столицѣ, приступилъ къ наказанію своихъ подданныхъ, принявшихъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (р. 61).

Уже 3 августа Динъ испрашивалъ разрѣшенія двинуться съ отрядомъ въ Верхній Сватъ, гдѣ находился „безумный“ факиръ Сайдулла (р. 68). Для наказанія за возстаніе и для предупрежденія возобновленія въ будущемъ Динъ полагалъ необходимымъ наложить на племена штрафы, отобрать у нихъ все оружіе и обложить близайшихъ юсуфзіевъ податями (р. 80). 12 августа индійское правительство разрѣшило движеніе отряда въ Верхній Сватъ, но съ предварительнымъ объявленіемъ племенамъ, что правительство не намѣreno лишать ихъ независимости и желаетъ лишь принять мѣры для удостовѣренія, что племена эти не нападутъ на его войска снова (р. 74). Выступившая 16 августа съ генераломъ Биндонъ Блудомъ (Bindon Blood) бригада легко разсѣяла 17 числа около Лендекея скопище горцевъ до 1200 ч., прошла до Мангаоры и 24 августа пустилась въ обратный путь, такъ какъ племена покорились, платили штрафы и выдавали оружіе (р. р. 62, 117). Во время движения отряда по лѣвому берегу ханъ Дири шелъ по правому, взыскавъ около 20 т. рушій штрафовъ. Факиръ бѣжалъ въ Буниръ (р. р. 118, 121).

По возвращеніи отряда, Динъ продолжалъ взысканіе штрафовъ и оружія на лѣвомъ берегу Свата, тогда какъ ханъ Дири занимался тѣмъ же на правомъ. Къ концу сентября общая цифра взысканныхъ съ юсуфзіевъ штрафовъ составила 85 т. рушій, оружія же отобрано до 3800 ружей, 1500 сабель, кинжаловъ или ножей и 118 заряжающихся съ казны винтовокъ (р. р. 94, 136). Уже 18 августа, во время движенія отряда по Верхнему Свату, явился къ Дину съ покорностью руководящій молодыми мангудями Пизани-мулла (р. 118); 24 сентября пріѣжалъ къ нему на

поклонъ младшій изъ міянгулей, 14 лѣтъ, съ меликами Верхняго Свата (р. 127). Въ концѣ октября міянгули предложили свои услуги для приведенія къ покорности юсуфзіевъ Бунира, которые присыпали людей на помощь сватцамъ при нападеніяхъ на Малакандъ и Чакдере. Предпринятая ими въ ноябрѣ поездка съ этой цѣлію въ Буниръ осталась однако безуспѣшною. Въ концѣ декабря видійское правительство объявило бунирцамъ, что отъ нихъ требуется присыпка меликовъ съ заявленіемъ покорности, выдача 600 ружей, въ томъ числѣ 50 заряжающихся съ казенной части, и уплата штрафа въ 11.500 рушій; сверхъ того потребовано отъ племенъ долины Чемла 1500 р. штрафа и по 100 ружей и сабель, и подобныя же количества штрафа и оружія отъ племенъ гадунъ и худу (р. р. 171—172). За неисполненіемъ этихъ требованій, двѣ бригады, подъ начальствомъ генерала Блуда, проникли между 7 и 19 января 1898 года въ Буниръ и почти безъ сопротивленія принудили племена уплатить штрафы и выдать оружіе. Безумного факира не нашли въ селеніи Рега въ его жилищѣ, но имущество его конфисковано (р. р. 7—10). Этимъ и закончилась расправа съ юсуфзіями за нападенія ихъ на Малакандъ и Чакдере въ концѣ іюля 1897 года.

Конечно маоръ Динъ никакъ не хотѣлъ признать, что восстаніе было вызвано дѣйствіями руководимаго имъ дирскаго хана и его самого (р. 118). Онъ не переставалъ утверждать, что восстаніе было взрывомъ религіознаго фанатизма, который подготовлялся Адда-муллой, Паламъ-муллой и міянгулями съ 1895 года и не вспыхивалъ лишь за неимѣніемъ подходящаго главы. Глава этотъ явился въ лицѣ безумнаго факира и восстаніе разразилось (р. 81). Однако о Паламъ-муллѣ за все время восстанія не было никакихъ упоминаній. Дѣятельность міянгулей или скорѣе окружающихъ ихъ и дѣйствующихъ ихъ именемъ мулль выразилась по отношенію къ началу восстанія тѣмъ, что міянгули посыпали своихъ людей удалить безумнаго факира изъ Свата, опасаясь, что этотъ человѣкъ натворить бѣдъ, но подѣлать ничего не могли (телеграмма Дина отъ 26 іюля, р. 66); хотя, повинуясь общему движенію, міянгули должны были присоединиться къ восстанію, но сдѣлали это лишь 30 іюля, по переходѣ же англичанъ въ наступленіе никакого сопротивленія не оказывали и являлись съ покорностью не послѣдними. Духовный руководитель отманъ-хейлей и юсуфзіевъ нижнаго Свата, въ томъ числѣ населенія многолюдной Таны, Манки-мулла объявилъ обращавшимся къ нему за указаніями относительно призыва факира къ нападенію на англичанъ въ Сватѣ: „Малакандъ—гора ось; не совѣтую ее трогать“ (допесевіе Дина, р. 80). Этотъ старикъ, 70—80 лѣтъ, получилъ свое прозвище отъ мѣста его родины, селенія Манки, пишаверской долины; онъ

имѣть значительныя земли въ британскихъ владѣніяхъ и пешаверскія власти не слыхали, чтобы отъ него исходили зажигательныя посланія, какъ отъ другихъ мулль (р. 104); во время читральской экспедиціи 1895 года онъ уклонился отъ участія въ дѣйствіяхъ противъ британскихъ войскъ, вторгшихся въ Сватъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что предпринялъ сорока-дневное моленіе обѣ успѣхъ сватцевъ, и это значительно уронило его репутацію, какъ ревнителя ислама (р. р. 106, 107). Что касается до Адда-муллы, то хотя Динъ и утверждается, неизвѣстно на какомъ основаніи, что онъ находился въ сношеніяхъ съ факиромъ между 18 и 22 июля (р. 81), но вѣсти о нападеніи на Малакандъ и Чакдерѣ застали его нисколько неподготовленнымъ въ участію въ войнѣ; разумѣется онъ немедленно началъ собирать своихъ приверженцевъ, но могъ выступить лишь 1 августа и долженъ быть, вслѣдствіе извѣстій о пораженіи сватцевъ, направиться вмѣсто Сата въ соседнюю съ моменданіи часть британской территории (р. 83).

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о религиозно-фанатическомъ происхожденіи возстанія, Динъ указываетъ на то, что считавшіеся наиболѣе преданными и получавшіе наиболѣе выгодъ отъ присутствія англичанъ въ странѣ, но оказавшіеся жесточайшими врагами жители Таны и Алладанда, на вопросы о причинѣ возстанія, давали тотъ единственный отвѣтъ, что ихъ обманула „безумный“ факиръ (81): неужели мелики Таны и Алладанда, находившіеся во власти всесильного послѣ неуспѣха возстаніи Дина, могли сказать ему, что оно вызвано собственными его дѣйствіями? По свѣдѣніямъ же Дина, хань Дири, отказываясь, не смотря на общія увѣщанія, принять участіе въ возстаніи, тѣмъ не менѣе находился въ смертельномъ страхѣ, что обладающій сверхъ-естественными способностями и силами факиръ явится къ нему „невидимкою“ и убьетъ его (р. 81): иѣть мудренаго, что предавшему свой народъ изъ корысти и честолюбія супѣру могли мерещиться всевозможныя вещи. Наконецъ доказательствомъ фанатического происхожденія возстанія Динъ признаетъ тотъ фактъ, что уже во время читральской экспедиціи 1895 г. состоявшіе при немъ на службѣ почетные туземцы пешаверскаго округа внезапно отказались отъ службы и разъѣхались по домамъ, а во время восстанія 1897 г. и экспедиціи въ Верхній Сватъ онъ имѣлъ только одну просьбу о приемѣ такихъ туземцевъ на службу, тогда какъ при прежнихъ экспедиціяхъ не было отбоя отъ желающихъ принять въ нихъ участіе (р. 119). Безспорно, мусульманскій фанатизмъ увеличивается какъ въ независимыхъ племенахъ, такъ и въ населеніи британскихъ владѣній праваго берега Инда и низовьевъ р. Кабулъ-дары, состоящемъ изъ авганскихъ племенъ. Но подъ религиозной оболочкой заключается политическое содержаніе: растеть, выставляя религиозное знамя, чувство национальное. Экзальтиро-

ванихъ фанатиковъ у авгановъ, какъ и у другихъ мусульманскихъ народовъ, всегда было и будетъ въ избыткѣ, но возбуждать национальныи и политическія движения они не въ силахъ, если нѣть подходящихъ национально-политическихъ условий. По свѣдѣніямъ Дина, „безумный“ факиръ проповѣдывалъ джихадъ въ Бунире три мѣсяца до перехода въ Сватъ, „но народъ смотрѣлъ на него, какъ на лунатика, и не обращалъ на него въ то время никакого вниманія“ (р. 119). Такъ же три недѣли относилось къ проповѣдямъ факира и населеніе Свата, но когда онъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу и двинулся съ нѣсколькими мальчиками на Малакандъ, чувство ненависти къ англичанамъ за ихъ покушенія на народную независимость, только что произведенныя въ Верхнемъ Сватѣ подъ ширмою дирскаго хана, вспыхнуло стихійнымъ взрывомъ и на помощь факиру отовсюду устремились тысячи воиновъ, хотя вѣра въ пославничество факира свыше, если она существовала, была уничтожена первыми выстрелами британцевъ, показавшими, что пули ихъ не обращаются въ воду, а иные выстрелы изъ орудій укладываются сразу по 80 горцевъ.

в) Вторженіе момендовъ и усмиреніе ихъ и соѣдніихъ племенъ.

Урожденецъ селенія Аddy или Хадды (Hadda) джелальбадской области Кабулистана Неджмъ-эддинъ, известный подъ именемъ Адда-муллы, имѣть тысячи преданныхъ учениковъ и послѣдователей въ населеніи среднаго тече-нія Кабулъ-дары и между момендами. Около 1890 г., возбудивъ противъ себя неудовольствіе эмира Абдэррахманъ-хана, къ которому вмѣстѣ съ большинствомъ авганскаго духовенства относился враждебно, какъ къ другу невѣрныхъ англичанъ, Неджмъ-эддинъ вынужденъ былъ удалиться изъ владѣній эмира. Онъ водворился въ селеніи Джароби, въ земляхъ близіевъ, главнѣйшей вѣтви момендовъ, на границѣ между владѣніями эмира и территоріею независимыхъ племенъ, предоставленныхъ британскому „контролю“ (рр. 83, 89). По словамъ эмира, моменды и народъ джелальбадской области смотрѣть на Неджмъ-эддина, какъ на своего пророка; Аddy, населенную кожевниками, ученики его называютъ Адда-Шерифъ, т. е. „Благородная Адда“ (р. 89).

Вскорѣ послѣ полученія извѣстій о возстаніи въ Сватѣ, Адда-мулла разослалъ населенію джелальбадской области, шинваріямъ и др. посланія, въ которыхъ значилось, что „соединенное населеніе Свата, Баджаура и Бунира уничтожило войска невѣрныхъ, стоявшія въ Сватѣ, и разграбило ихъ имущество. Да будетъ извѣстно всѣмъ мусульманамъ, что всѣ моменды соединились со мною для похода на Дхери (Шабкаддаръ) чрезъ долину Гандабъ,

сь цѣлію вести священную войну. Надо надѣяться, что и вы, по полученіи сего письма, встанете, если сидите, и двинетесь, если стоите, и, взявъ съ собою необходимые запасы, придете, сколько немедля. По волѣ Божіей настутило время гибели невѣрныхъ. Не будьте лѣнѣсты" и пр. Подписано „Факиръ Адды" (р. 84). Подобныя воззванія къ 4 августа были разосланы афридіамъ и другимъ окрестнымъ племенамъ (р. 70). 7 августа Адда-мулла съ 2—5 т. ополченцевъ, изъ которыхъ около трети подданныхъ эмира, вышелъ изъ долины Гандабъ и въ 4 часа по полудни напалъ на постъ Шабкаддаръ, занятый небольшимъ гарнизономъ пограничной стражи. Прилегающее селеніе индусовъ было сожжено; населеніе его заблаговременно удалилось, оставшіе же два индуса убиты (р. 11). Посланый немедленно на выручку Шабкаддара изъ находящагося въ 18 миляхъ Пишавера полкъ пѣхоты съ 4 орудіями и двумя эскадронами конницы добрался до Шабкаддара 8 числа и на другой день прогналъ занявшія ближайшія горы силы Адда-муллы въ дальнѣ лежащія, болѣе высокія горы. Британскій отрядъ получилъ затѣмъ подкрепленія, но дальнѣйшаго наступленія не предпринялъ. Съ своей стороны Адда-мулла изъ горъ не показывался, ожидая, быть можетъ, открытия военныхъ дѣйствій отъ афридіевъ, главный мулла которыхъ Сендъ-Экберъ назначилъ по этому поводу собраніе мулль и старшии на 6 августа и затѣмъ, по слухамъ, отложилъ до 13 числа (р. 74). Не придавая значенія ходившимъ въ это время слухамъ о намѣреніи ораказеевъ напасть на британскіе форты въ хребтѣ Самана и о враждебномъ настроеніи афридіевъ, пишаверскій комиссіонеръ сэръ Ричардъ Эдни (Udny), въ телеграммѣ отъ 10 августа, настоятельно представлялъ о необходимости немедленной посыпки отрада въ земли момендовъ для наказанія ихъ за набѣгъ на Шабкаддаръ (р. 75). Правительство рѣшило однако отложить расправу съ момендами до окончанія усмиренія Свата и выясненія отношеній къ волненіямъ пограничныхъ племенъ со стороны авганскаго эмира, такъ какъ британскіе пограничные агенты, введенныя въ заблужденіе распускаемыми коноводами смутъ слухами о намѣреніи эмира объявить Англіи священную войну, доносили, что слухи эти подтверждаются нахожденіемъ въ скопицѣ Адды-муллы значительного числа подданныхъ эмира и даже, будто бы, его солдатъ (пр. 3, 62, 74 и др.).

Посланное по этому предмету вице-королевское сообщеніе было 18 августа прочитано эмиромъ на состоявшемся въ тотъ день, по случаю годовщины принятия имъ титула Зія-эль-міллятъ-вад-динъ („Свѣточъ единенія и вѣры"), торжественномъ собраніи сановниковъ, племенныхъ старѣшинъ и духовенства, всего въ числѣ до 3 т. лицъ. Изложивъ исторію вступленія своего на престолъ и отношеній къ Англіи, эмиръ заявилъ, при общемъ подтверждении присутствующихъ, что никогда не думалъ дѣйствовать противъ Англіи и

отнюдь не допускалъ своихъ подданныхъ и солдатъ принимать участіе въ мятежахъ противъ британского правительства; эмиръ торжественно при этомъ клялся, что всегда поддерживалъ дружбу съ англійскимъ правительствомъ и никогда не желалъ причинить ему какой-либо вредъ (pp. 91, 92). Въ прочитанномъ и одобренномъ на томъ же собраніи отвѣтѣ вице-королю значится, что слухи, собранные британскими пограничными чиновниками, не основательны и что эмиръ готовъ лично принять присягу, что ни его солдаты, ни ихъ начальники не принимали ни малѣйшаго участія въ восстаніяхъ противъ британского правительства (88, 89).

Не дождавшись восстания оракзіевъ и афридіевъ и не ожидая большого успѣха отъ повторенія набѣга, подобного шабнаддарскому, Адда-мулла во второй трети августа распустилъ на время свое ополченіе. Когда въ двадцатыхъ числахъ афридіи и оракзіи открыли военные дѣйствія, началъ снова собирать свои ополченія и Адда-мулла. 1 сентября онъ уже предпринялъ съ ними движеніе, но внезапно вновь распустилъ ихъ, подъ предлогомъ полученія отъ эмира извѣщенія о томъ, что онъ отлагаетъ на иѣкоторое время начатіе военныхъ дѣйствій (pp. 82, 88, 110, 115, 126). На самомъ дѣлѣ, какъ справедливо полагали британскія власти (р. 99), Адда-мулла получилъ не какое либо письмо эмира, а вѣсти объ энергическихъ мѣропріятіяхъ эмира къ недопущенію помочи восставшимъ изъ предѣловъ его владѣній. Такъ, иѣроятно къ этому времени относится разогнаніе авганскими властями собиравшагося выступить на помощь Адда-муллѣ въ Лемганѣ скопища въ 30 т. ч., о чёмъ упоминается въ письмѣ эмира вице-королю отъ 10 сентября (р. 122). Между тѣмъ, по окончаніи экспедиціи въ Верхній Сватъ, въ виду слуховъ о намѣреніи Адда-муллы напасть на дирскаго хана, индійское правительство 2 сентября распорядилось, чтобы съ одной стороны генераль Блудъ съ тремя бригадами изъ Свата, а съ другой генераль Эллісъ съ двумя бригадами изъ Пишавера направились на Адда-муллу; по соединеніи съ Эллісомъ и по истребленіи Адды-муллы, большая часть войскъ Блуда должна была идти съ возвращающимися бригадами Элліса на пишаверскую границу для участія въ предполагавшемся затѣмъ походѣ въ Тира (р. 112).

Войска Блуда проникли въ бассейнъ Пенджкоры и въ Баджауръ, не встрѣчая сопротивленія. Ханы Навагая, Хара и Джара держали себя дружественно, племена заявляли покорность и вступали въ переговоры о размѣрахъ налагаемыхъ на нихъ штрафовъ за участіе въ сватскомъ восстаніи. 14 сентября бригада генерала Джейфрея отправилась изъ Хара къ перевалу Раматъ, намѣреваясь войти въ связь съ войсками Элліса, но въ ночь на 15 сентября лагерь Джейфрея въ Макрангѣ былъ окружено населеніемъ долины Мамундъ (Mamund) при участіи отманъ-хельской вѣтви саларзіевъ.

Во время шести-часовой перестрѣлки бригада потеряла двухъ офицеровъ и двухъ сишаевъ убитыми; одинъ британскій и одинъ туземный офицеръ, а также пять сишаевъ были ранены. Всѣдѣствіе этого Джѣффреісъ прекратилъ свое движеніе, дабы расправиться съ оказавшимися въ его тылу враждебными мамундами (pp. 94, 95, 13, 14). Оставшись съ другою бригадою въ Навагаѣ, Блудъ возвратилъ третью на Пенджкору для охраненія сообщеній съ Сватомъ и Малакандомъ (р. 14). Между тѣмъ Джѣффреісъ, ставъ 15 сентября лагеремъ при Ишасть-кала, выступилъ отсюда 16 числа для операций противъ мамундовъ и саларзіевъ; при возвращеніи войскъ къ вечеру въ лагерь, самъ Джѣффреісъ съ небольшимъ количествомъ пѣхоты и саперъ, съ частью артиллеріи, не поспѣлъ до ночи добраться до лагеря и долженъ былъ заночевать въ долинѣ Ваделай въ небольшой деревнѣ, гдѣ по восходѣ луны горцы открыли противъ него огонь и поставили въ весьма затруднительное положеніе, изъ котораго однако выручили подоспѣвшія изъ лагеря четыре роты; бывшія съ Джѣффреісомъ части потеряли двухъ офицеровъ ранеными, 9 нижнихъ чиновъ убитыми и 60 ч. ранеными. Съ 18 сентября Джѣффреісъ возобновилъ операции противъ мамундовъ, занявшиись истребленіемъ ихъ деревень. 19 сентября Блудъ въ Навагаѣ подвергся въ полночь нападенію 1200 ополченцевъ Адда-муллы, спустившихся съ Бадманайскаго перевала, на которомъ они виднѣлись уже нѣсколько дней. Нападеніе было несрѣштительное, но въ слѣдующую ночь возобновлено 3 т. горцевъ; перестрѣлка продолжалась четыре часа и горцы понесли при аттакахъ значительныя потери (pp. 14, 15, 95).

Между тѣмъ двинувшійся 15 сентября отъ Шабкаддара съ двумя бригадами генераль Эллісъ прошелъ перевалъ Караппа и проникъ въ долину Гандабъ, не встрѣчая сопротивленія, такъ какъ силы момендовъ и вниманіе Адда-муллы обращены были противъ войскъ Блуда. Галимзія долины Гандаба изъявили покорность и согласіе на уплату штрафа въ 5 т. рушій, 300 ружей и 300 сабель. Разрушивъ укрѣпленныя жилища сторонниковъ Адда-муллы въ этой вѣтви момендовъ, Эллісъ 19 сентября прошелъ черезъ перевалъ Нахаки, оставилъ здѣсь одну свою бригаду для охраненія сообщеній. 21 сентября, въ 15 миляхъ отъ Нахаки, онъ встрѣтился въ горахъ Лакарай съ генераломъ Блудомъ, который вышелъ сюда изъ Навагая, находившагося въ 6 миляхъ. Отдавъ здѣсь въ распоряженіе Элліса бывшую съ нимъ бригаду, Блудъ самъ отправился въ Джѣффреісу. Эллісъ 23 сентября аттаковалъ Бадманайскій перевалъ и овладѣль имъ послѣ слабой защиты. Адда-мулла бѣжалъ за авганскую границу, ополченіе же его разсѣялось. Разрушивъ всѣ укрѣпленныя дома въ селеніи Бадманай, отрядъ Элліса произвѣлъ 24 сентября такое же разрушеніе въ деревнѣ Митай, а 25 числа въ

селенія Суранъ, и въ тотъ же день прошелъ въ каменистую съ утесистыми съ каждой стороны горами долину Джароби. Не тронувъ мечеть, оказавшуюся и жилищемъ Адда-мулы, отрядъ уничтожилъ всѣ укрѣпленія въ находившейся въ вершинѣ долины деревнѣ, а также въ селеніяхъ непокорявшихся момандовъ. 26 числа Эллісъ пошелъ обратно, принимая покорность момандскихъ и отмань-хельскихъ вѣтвей. Не смирилась только хазаїская деревня Кундъ, которая 28 сентября разрушена. 6 октября отрядъ Элліса возвратился въ британскіе предѣлы. По расчету этого генерала, его экспедиція обошлась момандамъ до 150 т. рупій (pp. 14, 15, 95, 96), считая конечно убытки, причиненные истребленіемъ деревень и т. п. Ружей выдано момандами 1030, сабель 850, заражавшихся съ кавенной части винтовокъ 72; штрафовъ уплачено 15 т. рупій (р. 18).

Карательные операции генерала Джейфрея продолжались до 25 сентября, когда мамунды выказали готовность вступить въ переговоры о примиреніи. Причиненный имъ разрушениемъ деревень и имущественный убытокъ оцѣнился уже къ этому времени въ 25 т. рупій. Генераль Блудъ требовалъ возвращенія 22 винтовокъ, доставшихся мамундамъ отъ британскихъ войскъ и въ 16 сентября, но мамунды отъ возврата отказались, утверждая, что ружья эти взяты помагавшими имъ авганскими подданными, которые удалились за границу, почему отобрать ихъ у нихъ мамунды не имѣютъ возможности (pp. 95, 129, 131, 132, 16). Вследствіе этого Блудъ возвобновилъ карательный мѣры. 29 сентября войска его произвели разрушеніе 15 башенъ и 12 деревняхъ и уничтожили много имущества. 30 сентября, двигаясь на деревни Агру (Agrah) и Гать, бригада Джейфрея встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны мамандовъ въ числѣ 2 т. ч., въ благопріятныхъ для обороны мѣстныхъ условіяхъ. Первая и часть второй деревни были заняты и сожжены, горцы понесли значительный уронъ, но и у англичанъ было убито 2 и ранено 3 британскихъ офицера, убито 10 и ранено 38 нижнихъ чиновъ. 3 октября разрушена была деревня Баделай (Badelai), при слабомъ сопротивленіи, но опять не безъ потерь и у британцевъ: 2 нижнихъ чина убито и 14 ранено (pp. 135, 17). Такъ какъ для овладѣнія долиною мамундовъ, вслѣдствіе недостатка воды и крѣпости позицій, занятыхъ довольно многочисленными и хорошо вооруженными горцами, предстояли значительныя трудности и кровопролитіе, то предложено было баджаурскимъ ханамъ употребить свое вліяніе для склоненія мамандовъ къ покорности; вмѣстѣ съ тѣмъ дано было знать мамундамъ, чтобы они, если желаютъ мира, отослали обратношедшую къ нимъ на помощь отъ авганской границы партию въ числѣ около 1 т. ч. Мамунды немедленно исполнили это требованіе и 9 октября доставили часть требовавшихся 22 британскихъ ружей. 11 октября генералъ Блудъ

лично принялъ покорность меликовъ мамундовъ, доставившихъ остальныхъ изъ 22 винтовокъ, кромѣ трехъ, возвратъ которыхъ они обеспечили; во внимание къ большинствомъ погибшихъ, понесеннымъ мамундами лично (единихъ убитыхъ 200 ч.) и имущественно, ген. Блудъ освободилъ ихъ отъ штрафа деньгами и оружиемъ (пп. 135, 137, 140). Съ 13 по 21 октября Блудъ занимался понуждениемъ къ платежу штрафовъ и выдачѣ оружія саларзіевъ (вѣты отманъ-хейлей) и шамозіевъ (племени юсуфзійского). 23 октября войска его переправились на обратномъ пути къ Чакдерѣ и Малаканду чрезъ Пенджкору и къ концу октября прибыли въ Малакандъ (р. 135). Ханамъ Навагая, Хара и Джара, за содѣйствие британскимъ войскамъ, выдано было изъ взысканныхъ штрафовъ первому 10 т. рупій, второму 3500 р. и третьему 2 т. рупій (р. 142), хотя ханы эти подозревались сначала вътайномъ подстрекательствѣ мамундовъ къ сопротивленію (р. 132).

Такъ какъ часть отманъ-хейлей нижняго Свата уклонялась отъ уплаты штрафовъ и выдачи оружія въ наказаніе за участіе въ восстанияхъ момендовъ и юсуфзіевъ, то въ земли ихъ 23 ноября былъ посланъ особый отрядъ изъ трехъ полковъ пѣхоты съ кавалеріею и артиллериєю. Они поспѣшили выполнить требуемое безъ сопротивленія и отрядъ этотъ, находившійся подъ начальствомъ полковника Рейда, уже 6 декабря возвратился въ британские предѣлы (р. 7).

По уходѣ войскъ Эллиса Адда-мулла возвратился въ Джароби около половины октября, но походъ Рейда въ концѣ ноября повидимому побудилъ его удалиться въ авганскіе предѣлы, такъ какъ эмиръ, въ полученному вице-королемъ 10 декабря письмѣ, уведомлялъ, что, подъ угрою ареста, приказалъ объявить Неджмъ-эдину, чтобы онъ немедленно удалился изъ его владѣній или склонялся въ Кабулъ, а оттуда въ Мекку черезъ Персію (р. 18).

г) Война съ афридіями и оракзіями.

Въ найденномъ впослѣдствіи англичанами, во времія похода въ Тира, въ домѣ главнаго муллы афридіевъ Сеидъ-Экбера письмѣ Адда-муллы,— адресованномъ мулламъ и старшинамъ афридіевъ и оракзіевъ, безъ даты, но относящемся по содержанію къ концу іюля или началу августа 1897 года,— говорится, что высказывавшій до сего времени малодушіе народъ Баджаура и Свата, понявъ свою вину, раскаявшись и устыдившись своего поведенія, всталъ противъ кафировъ, нападаетъ на нихъ день и ночь и приводитъ ихъ въ трепетъ. „Я, съ своей стороны, оповѣстилъ народъ Легмана и Кунара, момендовъ, джелальбадцевъ (Ningragaris) и шинваріевъ, и всѣ они приготовляются принять участіе въ войнѣ“. Призываю и афридіевъ съ орак-

зіами къ джихаду, во избѣжаніе посрамлениія предъ Богомъ въ день страшнаго суда и т. д., Адда-мулла увѣдомлялъ, что посылаеть къ немъ для наставления и совѣта духовнаго главу момендовъ муллу Абдуллу. Съ своей стороны онъ выступить на бой въ опредѣленномъ ими мѣстѣ и въ назначенное время, но просить о рѣшеніи по этому предмету увѣдомить (рр. 39А, 39В). Хотя захваты англичанами земель и подвореніе войскъ въ хребтѣ Самана у оракзіевъ, въ Сватѣ и Везирістанѣ поселили въ горцахъ общее опасеніе за сохраненіе независимости пограничныхъ племенъ и неприосновенность ихъ территорій, но прийти къ соглашенію относительно общей войны съ Англіей было не легко, тѣмъ болѣе, что интересовъ нѣкоторыхъ племенъ, напр. афридіевъ, покушенія англичанъ явно пока не затрагивали. Трудно достичь было единодушное рѣшеніе даже въ средѣ одного и того же племени, такъ какъ вѣти племенъ часто враждебны между собою и имѣютъ разные интересы. По доходившимъ до англійскихъ пограничныхъ властей отрывочнымъ слухамъ, Сейдъ-Экберъ и другие муиллы афридіевъ и оракзіевъ озабочились созывомъ меликовъ и вожаковъ племенъ для совѣщаній о джихадѣ (напр., на 6 августа, на 13 августа, какъ выше упоминалось), но для принятія общихъ рѣшеній потребовалось не малое время. Набѣгъ Адда-муиллы на Шабкаддаръ по всей вѣроатности сильно подвигнулъ совѣщанія у афридіевъ и оракзіевъ. 14 августа командиръ форта Локхартъ въ хребтѣ Самана телеграфировалъ, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ, что оракзіи рѣшили начать войну противъ Англіи въ союзѣ съ афридіами; въ виду предстоящихъ вслѣдствіе этого нападеній горцевъ на форты въ Самана, служащіе въ этихъ фортахъ англичане въ тотъ же день отправили свои семейства въ безопасныя мѣста внутри британской территорії (р. 83). 17 августа одинъ прибывший въ Пишаверъ меликъ извѣстилъ, что 10 тыс. афридіевъ выступили изъ Тира для овладѣнія фортами и постами въ Хайберскомъ проходѣ (р. 84). Продолжавшій не вѣрить возможности восстания афридіевъ пишаверскій комиссаръ Udny и командующій тамъ войсками генераль Элліссъ рѣшили, на всякий случай, предоставить защиту хайберскихъ фортовъ и постовъ занимавшимъ ихъ „хайберскими стрѣлкамъ“, подъ командою ихъ офицеровъ изъ азиатцевъ; начальствовавшій въ Хайберѣ британскій офицеръ былъ отозванъ въ британскіе предѣлы (рр. 90, 91). Извѣстія о воинственныхъ сборахъ племенъ оказались вѣрными. Многочисленныя ополченія афридіевъ напали на хайберскіе форты и всѣми ими 23—25 августа овладѣли послѣ болѣе или менѣе упорного сопротивленія „хайберскихъ стрѣлковъ“. Послѣдніе, частію, въ теченіе сентября, пробрались въ британскіе предѣлы, такъ что изъ числа 836 винтовокъ Снайдера утрачено съ убитыми, ранеными и перешедшими на сторону непріятеля только 274 штуки (р. 96). Изъ вѣтвей афридіевъ остались вѣрными

англичанамъ адамъ-хели, по находящемуся въ земляхъ которыхъ Кохатскому проходу войска и транспорты двигались во все время войны безпрепятственно; отказывалась сначала воевать также вѣтви куки, но, опасаясь сожжения и разграбленія домовъ и имущества, и она 26 августа присоединилась къ восставшимъ (р. 105). У оракзіевъ роды самиль первоначально уклонились отъ войны, но послѣ успѣховъ афридіевъ въ Хайберѣ поднялись и они, начавъ съ 26 августа набѣги и нападенія на британскіе посты между Кохатомъ и фортомъ Курамъ; вѣкоторые изъ этихъ постовъ были оставлены стражниками и сожжены горцами; тогда къ восстанию присоединились и уклонившіеся доселъ восточные шійтскіе роды оракзіевъ, близайшіе къ Кохату. Въ концѣ августа оракзіи начали скопляться къ британскимъ формамъ въ хребтѣ Самана. 3 сентября произвели они первошательное нападеніе на фортъ Гулистанъ, но на приступъ не пошли. Къ 11 сентября прибыли на помощь афридіи съ Сентъ-Экберомъ. Командовавшій войсками отъ Кохата до Курама генераль Етманъ Биггсъ двинулся вдоль подножія хребта Самана и воспрепятствовалъ горцамъ произвести предположенное ими нападеніе на городъ Хангу, но его аррьергардъ подвергся ночью аттакѣ и потерялъ 20 чел. убитыми и ранеными (рр. 97, 24). 12 числа отрядъ, по недостатку воды, долженъ былъ возвратиться въ Хангу. Между тѣмъ горцы аттаковали въ это время большими силами два поста, изъ которыхъ одинъ, въ Сарагари, былъ взятъ ими послѣ мужественной обороны гарнизона, состоявшаго изъ 23 сержантовъ, которые были всѣ перебиты. Ночью 13 сентября британский отрядъ двинулся изъ Хангу, вынудивъ огнемъ своихъ орудій заграждавшихъ путь горцевъ къ отступленію и освободилъ форты Локхартъ и Гулистанъ отъ обложенія (рр. 121, 24, 98). Засимъ, вплоть до начала движенія англичанъ въ Тира 18 октября, военные дѣйствія почти прекратились.

По свѣдѣніямъ капитана Barrow (Journal of the United Service Institution of India, 1884, № 59, р. 74), афридіи могли выставить 23.900 ратниковъ, въ томъ числѣ вѣтви адамъ-хель 4400 чел. и вѣтви закка, куки и меликдинъ по 4 тыс. чел. каждая. Въ 1897 г. пакистанскій губернаторъ полагалъ, что афридіи имѣютъ около 19 тыс. воиновъ, не считая всѣхъ адамъ-холей и части куки, силы же оракзіевъ оцѣнивалъ онъ въ 21.880 воиновъ, не считая шійтскихъ родовъ (Mil. орег., vol. II, р. 151). Такимъ образомъ силы афридіевъ и оракзіевъ составляли въ совокупности около 40 тыс. чел., изъ которыхъ до 2 или, крайнее, до 3 тыс. чел. были вооружены добытыми разными путями винтовками, заражающими съ казенной части, различныхъ системъ. Не имѣя ни кавалеріи, ни артиллеріи, горцы были не въ состояніи противостоять англійскимъ войскамъ въ открытомъ полѣ и были лишены возможности овладѣвать укрѣпленіями, защищаемыми сколько

нибудь значительнымъ изъ регулярныхъ войскъ, а тѣмъ болѣе снабженными пушками. По этимъ причинамъ афрадіи и оракзіи въ продолженіи тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, которые англичане употребляли на сборы къ походу въ Тира, не предпринимали никакихъ движевій въ британскую территорію и готовились, съ большими шансами на успѣхъ, бороться съ англичанами въ своихъ горахъ, гдѣ для кавалеріи нѣть мѣста и гдѣ дѣйствія регулярной пѣхоты и артиллериі значительно парализируются трудными и невыгодными мѣстными условіями, представляющими напротивъ многія удобства для партизанской войны мѣстныхъ горцевъ.

Сознавая свою слабость предъ мощью Anglo-Индіи, въ особенности же предъ ея артиллерию и регулярными войсками, афрадіи и оракзіи обратились за помощью къ эмиру. Посланцы ихъ были задержаны въ Джедальабадѣ, въ письменныхъ же прошеніяхъ, которыхъ привезли они и которыхъ были датированы 5 сентября 1897 года, значилось слѣдующее: „Британское правительство съ давнихъ поръ производить постепенные захваты въ нашей странѣ и даже на авгавской территоріи, и возводить въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія. При многихъ случаяхъ мы жаловались на это авганскому правительству, но ваше высочество не обратили на наши жалобы вниманія. Нынѣ, хотя и малосильные, но опираясь на исламъ и свою твердость въ религіи, мы, по волѣ Божіей, отворили врата джихада противъ сказанаго правительства и прекратили сношенія съ нимъ на всѣхъ путяхъ. Мы разграбили и разрушили пять фортовъ въ Самана, надъ Хангу, фортъ въ Шинавари у подножія Самана на британской территоріи, одинъ фортъ въ проходѣ Облань близъ Кохата“. Поименовавъ затѣмъ мѣстности, гдѣ разрушены семь тана (посты) и одно индуское торговое селеніе, петиціи продолжаются: „Осталось три большихъ форта на вершинѣ этихъ горъ (Самана, т. е. форты Локхартъ, Гулистанъ и меньшаго значенія третій), которые мы еще не взяли, но надѣемся, съ Божіей помощью, разрушить и сжечь. Весь народъ Тира занялъ позиціи на вершинахъ этихъ горъ и у ихъ подножія. Граница оракзіевъ тянется отъ Кохата до Рудъ-и-Кермана въ курамскомъ округѣ, и племена, каждое на своихъ частахъ границы, ведутъ священную войну. И мы не желаемъ подчиниться британскому правительству и сдѣлаться его подданными, и не хотимъ отдавать бразды власти надъ нашей страною въ руки этого правительства. Мы желаемъ, напротивъ, подчиняться правительству государя ислама. Правительству же ислама надлежитъ разсмотрѣть не только наши интересы и обсудить наше положеніе, но сообразить интересы и положеніе всего Авганистана. Посему мы посылаемъ этихъ 18 лицъ изъ нашихъ меликовъ, духовныхъ и старшии съ нашими просьбами къ вашему высочеству. Въ настоящее время мы ведемъ священную войну въ хребтѣ Са-

мана, и просимъ ваше высочество сдѣлать возможное для нашей пользы и блага, а мы, съ Божьей помощью, будемъ дѣйствовать по указаниямъ вашимъ, такъ какъ отдаемъ веденіе и направленіе нашихъ дѣлъ въ ваши руки. Мы употребимъ всѣ старанія для службы вашему высочеству. Теперь время до-сттигнуть цѣлей вашего высочества. Всѣ мусульмане теперь въ распоряженіи вашего высочества, государя ислама. Остаемся въ надеждѣ на помощь вашего высочества регулярными войсками, артиллерию и деньгами. Если британцы окажутся побѣдителями, они раззорять всѣхъ мусульманъ. Всакую службу въ этомъ отношеніи мы готовы нести для вашего высочества. Надѣемся, что, по разсмотрѣніи нашего ходатайства, ваше высочество благо-волите почтить наше отвѣтомъ“ (р. 133).

Данный эмиромъ письменный отвѣтъ,—копія котораго, по донесенію бри-танского агента отъ 25 сентября, была вывѣшена въ Кабулѣ для всеобщаго свѣдѣнія,—состоялъ въ существѣ въ томъ, что въ продолженіе 18 лѣтъ со времени вступленія эмира на престолъ, даже въ то время, когда онъ про-ѣзжалъ для свиданія съ вице-королемъ по Хайберскому пути, а равно и во время проѣзда сэра Мортимера Дьюранда для соглашенія о границѣ, никто къ нему по предмету ходатайствъ горцевъ не обращался. Все время они хранили молчаніе, молчаніе же означаетъ согласіе. Теперь, поссорившись съ англичанами и начавъ съ ними войну, они обратились къ нему. Между тѣмъ онъ, по государственнымъ соображеніямъ, состоить въ союзѣ съ британскимъ правительствомъ и до настоящаго времени англичане, хотя христіане, не по-давали ему никакого повода союзъ этотъ нарушить. Какъ мусульмане, про-сители сами должны знать, что въ коранѣ сказано: „исполнайте свои обяза-тельства“. Онъ не можетъ по одному желанію немногихъ, заботящихся лишь о своихъ выгодахъ, лицъ поерамиТЬ себя самого и народъ свой. Что они извѣсили своими руками, пусть сами и выносатъ на своихъ шеяхъ (р. 132, 134).

По полученіи извѣстій о нападеніи афридіевъ на хайберскіе форты и посты и о прекращеніи вслѣдствіе этого торгового и иного сообщенія Пишавера съ Кабуломъ по прямому пути, англо-индійское правительство немедленно, уже 26 августа, рѣшило подвергнуть афридіевъ строгой карѣ, предпринявъ экспедицію въ средоточіе ихъ земель. Для приготовленій къ ней оно считало достаточными недѣли три (р. 21), но на дѣлѣ для нихъ потребовалось болѣе чѣмъ полтора мѣсяца, такъ какъ движеніе въ Тира начато лишь 18 октября. Угрожаемыя племена имѣли поэтому достаточно времени, чтобы вновь обратиться за помощью къ эмуру. Уже 5 октября англійскія власти получили свѣдѣнія о томъ, что афридіи и оракзіи рѣшили отправить въ Кабулъ новую депутацию съ просьбою о помощи и съ заявленіемъ обязательства племенъ уплачивать за нее впредь по одной рупіи съ каждого плуга

ежегодно (р. 156). 15 октября британский агентъ въ Кабулѣ обратился къ эмиру съ представлениемъ объ отказѣ въ ходатайствѣ вновь прибывшей депутации (р. 167). 17 октября эмиръ собственноручно отвѣтилъ, что не принималъ еще депутатиц, но не откажется во всякомъ случаѣ отъ дружбы съ Англіей, пока живъ. „Что можетъ—писалъ онъ между прочимъ—этотъ жалкий и трепещущій народъ сказать мнѣ такого, что могло бы побудить меня измѣнить свои намѣренія? Если врагъ (несомнѣнно Россія) вступитъ въ борьбу съ славнымъ британскимъ правительствомъ, то не взирая на его мощь и силу и хотя бы моя страна была разорена его руками, я всетаки не откажусь отъ своего союза съ славнымъ британскимъ правительствомъ“ (р. р. 167—168). Въ тогъ же день, послѣ приема депутатовъ, эмиръ дополнительно написалъ агенту, что умы депутатовъ поражены страхомъ и говорить они безсвязно и какъ безумные. Теперь они раскаиваются и очень жалѣютъ. Они не имѣютъ никакой надежды избѣжать заслуженного имъ негодными дѣйствіями, и молятъ Бога, чтобы высокіе сановники славнаго британскаго правительства даровали прощеніе за ихъ преступленія. Они готовы сдѣлаться подданными правительства. Они желали бы знать, можетъ ли правительство простить имъ и на какихъ условияхъ. Эмиръ сомнѣвался было въ ихъ искренности но они клялись, что говорить правду. Если правительство еще не отдало приказанія объ ихъ наказаніи, то агентъ могъ бы спросить—нельзя ли вступить съ ними въ переговоры, о чёмъ эмиръ могъ бы съ ними потолковать. Если же приказанія о наказанії этихъ безумныхъ горцевъ уже отданы, то возражать противъ нихъ нечего. Они заслужили всѣческую кару. „Да будутъ прокляты ихъ муллы“, которые довели ихъ до такого положенія (р. 168).

Предназначенный для похода въ Тира дѣйствующій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Локхарта, былъ составленъ изъ четырехъ бригадъ, соединенныхъ въ двѣ дивизіи; въ каждую дивизію включено было по одному пионерному батальону, по 1—2 роты саперъ, по два эскадрона кавалеріи и по три горныхъ батареи, такъ что въ отрядѣ составилось до 20 т. ч. Сверхъ того для охраны сообщеній дано около 3.500 ч., въ курамской подвижной колоннѣ 2.500 ч., въ пишаверской колоннѣ, выставленной на р. Барѣ, 3.500 ч. и въ резервахъ въ Раваль-Пинди 3.200 ч., такъ что въ общей сложности состояло въ распоряженіи Локхарта до 34 $\frac{1}{2}$ т. ч. Задачами для дѣйствій силъ Локхарта поставлены были достижение британскими войсками центра земель афридіевъ и оракзіевъ, высы Тира, занимающей верховья рѣкъ Бары и притока ея Мастуры, и вынужденіе племенъ къ покорности, къ возврату захваченныхъ въ Хайберѣ 274 винтовокъ Снайдера и вообще всякаго имущества, принадлежащаго правительству и его служащимъ,

сь взаимъщениемъ непосредственныхъ убытокъ въ немъ, и, въ наказаніе за восстание, къ уплатѣ штрафа афридіами 50 т. рушій, оракзіями 30 т. рушій, съ выдачей тѣми и другими по 1 т. заражающихся съ казенной частию ружей (р. 142). Пенджабскій губернаторъ полагалъ, что хотя по всей вѣроятности племена не согласятся безъ боя принять условія прощенія, но тѣмъ не менѣе, по соображеніямъ гуманности и согласно прежней практикѣ въ такихъ случаяхъ, слѣдовало бы объявить горцамъ эти условія до вторженія дѣйствующаго отряда, дабы дать имъ возможность добровольно исполнить британскія требования безъ напраснаго кровопролитія и раззоренія (р. 148), но вице-король „въ совѣтѣ“ рѣшилъ объявить горцамъ условія примиренія лишь по вступленіи британскихъ войскъ въ Тира, дабы возстановить пострадавшій будто бы отъ ничѣмъ невызваннаго восстания престижъ (153). Если бы Англія воздержалась отъ большую частью неразумныхъ и напрасныхъ жертвъ Молоху „престижа“, то сберегла бы много жизней своихъ солдатъ и офицеровъ, такъ какъ по крайней мѣрѣ половина оракзіевъ и афридіевъ, особенно послѣ отказа въ помощи со стороны эмира, готова была покориться во избѣженіе беспомощной и безнадежной борьбы. Въ такомъ настроеніи безспорно находились у оракзіевъ роды самиль (р. 126), не говоря уже о шітскихъ, а у афридіевъ вѣтви куки и отчасти другія. Ихъ примѣръ мѣгъ бы увлечь остальные роды, во всякомъ же случаѣ ихъ уклоненіе отъ участія въ борьбѣ много уменьшило бы встрѣченное войсками Локхарта сопротивление и дальнѣйшее упорство горцевъ въ продолженіи борьбы. Напротивъ, неизвѣстность условій примиренія, при предварительномъ занятіи британскими войсками центра земель племенъ, не могла не побудить всѣ роды къ единодушному сопротивленію, такъ какъ въ числѣ требованій англичанъ могли заключаться не однѣ кары, но отнятіе земель, построеніе крѣпостей, введеніе англійского управления и податей и такъ далѣе. Да и на самомъ дѣлѣ главнокомандующій войсками Индіи Хуайтъ (White) настаивалъ на присоединеніи или постоянномъ занятіи Тира (р. 28), а отвергшее это мнѣніе большинство совѣта съ вице-королемъ во главѣ склонялось однако къ обложению оракзіевъ и афридіевъ небольшими податями въ знакъ фактическаго проявленія англійского верховенства (р. 28), и только лондонское министерство отклонило это предположеніе, справедливо находя, что никакое соглашеніе съ горцами не продержится, если въ него войдетъ установление податей, взиманіе которыхъ сопряжено будетъ съ крайними затрудненіями, тѣмъ болѣе, что даже чисто номинальная подати вызовутъ безполезное озлобленіе (р. 29).

7 октября Локхартъ разослалъ племенамъ извѣщеніе, гласившее, что вслѣдствіе вичѣмъ невызваннаго открытия непріязненныхъ дѣйствій со стороны

афридіевъ и оракзіевъ англійскія войска пройдутъ въ центръ ихъ страны и онъ объявить тамъ окончательныя условія британского правительства, въ случаѣ же непринятія ихъ племенами, онъ принудить ихъ къ выполненію поставленныхъ требованій, а равно и другихъ, какія будуть вызваны сопротивленіемъ племенъ, ихъ частей и отдѣльныхъ лицъ (р. 155). 9 октября Локхартъ отправился изъ Кохата къ хребту Самана, у которого сосредоточился весь дѣйствующій отрядъ. Съ своей стороны ополченія афридіевъ и оракзіевъ собирались въ долинѣ рѣки Ханки (р. 143). 16 октября явіялись въ Джамрудъ со стороны Хайбера депутаціи отъ всѣхъ афридіевъ и оракзіевъ съ мирными предложеніями, но имъ было объявлено, чтобы они представили ихъ генералу Локхарту по прибытіи его въ Тира (пп. 159, 143). Движеніе资料 of its own, собранного въ Шинавари, Локхартъ думалъ направить въ долину Ханки чрезъ проходъ Чагру (Chagru Kotal). Посылавшись для поправки дороги чрезъ Чагру рабочія партіи ежедневно подвергались нападеніямъ горцевъ, устроившихъ сенгеры въ деревнѣ Даргай, за переваломъ (пп. 143, 144). Кажется, Локхартъ не ожидалъ значительного сопротивленія движенію чрезъ Чагру, быть можетъ вслѣдствіе слуховъ о намѣреніи горцевъ сосредоточиться для защиты прохода Самшага (р. 158). Предположивъ передвинуть одну изъ своихъ дивизій чрезъ долину Ханки 22 октября, на слѣдующій день отправить за нею другую дивизію и 24 числа атаковать ссединенными имъ силами проходъ Самшага (р. 26), Локхартъ 18 октября послалъ двѣ бригады подъ начальствомъ генерала Пальмера, изъ лагеря при Шинавари, для очищенія отъ непріятеля Чагру, съ цѣлью безпрепятственной разработки дороги. Направивъ одну бригаду во флангъ защитниковъ прохода, Пальмеръ далъ другой бригадѣ возможность легко овладѣть проходомъ, а затѣмъ въ полдень занялъ и Даргай; пока онъ занимался разрушеніемъ сенгеровъ Даргая, къ горцамъ подошли большія подкрепленія изъ долины Ханки. Въ виду трудности дороги чрезъ Чагру, Пальмеръ, еще до достижения прохода, отослалъ назадъ, въ лагерь при Шинавари, свой обозъ, а потому, по словамъ его телеграммы, „имѣлъ возможность причинить непріятелю столь значительныя потери, что могъ возвратиться въ лагерь при Шинавари, не беспокойный имъ; аррьергардъ прибылъ въ лагерь въ 11 часовъ ночи“; потери состояли изъ 1 убитаго и 1 раненаго офицеровъ, изъ 8 убитыхъ и 44 раненыхъ нижнихъ чиновъ (пп. 26, 144, 161). Оставленіе занятаго было прохода и Даргая отозвалось при предпринятомъ 20 октября движеніи всѣхъ силъ Локхарта въ долину Ханки немалыми затрудненіями. Дойдя безпрепятственно до прохода, дивизія генерала Етманъ Бигса нашла его занятымъ значительными силами горцевъ. Послѣ безуспѣшной атаки позиціи въ продолженіе четырехъ часовъ, генералъ этотъ телеграфировалъ

Локхарту, что пройти невозможно (р. 161: after attacking position for about four hours, he reported it to be impossible to get through). Атака производилась последовательно, но одинаково безуспешно батальоном гурка и двумя английскими батальонами, пока наконецъ въ 3 ч. 15 м. позиция не была взята батальономъ шотландскихъ горцевъ Гордона, поддержанымъ батальономъ сейковъ, подъ прикрытиемъ сосредоточенного огня четырехъ горныхъ батарей (рр. 161, 162, 164, 27). Потери англичанъ состояли изъ 163 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, 3 убитыхъ и 5 раненыхъ британскихъ офицеровъ (р. 144). Оставленіе занятыхъ 18 октября Чагру и Даргая и непосылка 20 октября особой колонны во флангъ защитниковъ Чагру и Даргая кажутся ошибками Локхарта или Пальмера и Етманъ Биггса, но не смотря на продолжавшуюся въ англо-индийской прессѣ и военныхъ кругахъ еще въ 1898 году горячую жолемику по этому поводу возникавшіе вопросы недостаточно выяснены *).

Защищали Чагру главнымъ образомъ ополченія афридіевъ и роды гаръ племени оракзіевъ. О численности ихъ можно судить по имѣвшимся у Локхарта къ 18 октября свѣдѣніямъ о нахожденіи въ долинѣ Ханки афридіевъ въ числѣ 18 знаменъ, или по 300—400 ратниковъ на каждое знамя, отъ 5400 до 7200 ч., оракзіевъ родовъ гаръ 6 т. ч. и оракзіевъ родовъ самиль 3—4 т. ч. (рр. 144, 160).

21 октября дивизія Етманъ Биггса спустилась съ перевала Чагру (5.525 футовъ) въ долину Ханки (4.380 ф.), но передвиженіе ея обозовъ и второй дивизіи, по трудности пути, который пришлось разрабатывать, и дальнѣйшее движеніе отряда къ подножію перевала Сампага потребовали недѣлю времени. Зато перевалъ Сампага (6.550 ф.) взять былъ 29 октября

*) Изъ свѣдѣній полк. Хетчипсона, состоявшего при штабѣ ген. Локхарта, можно заключить, что оставленіе части войскъ въ Даргай и Чагру не входило въ намѣренія Локхарта, наблюдавшаго за операциями 18 октября съ горы Самана-Сукъ, и что войска не могли быть оставлены въ Даргай за неимѣніемъ на мѣстѣ воды, которая находилась въ трехъ миляхъ далѣ и была труднодоступна вслѣдствіе плохого состоянія дороги, подвергавшейся притомъ обстрѣливанію съ сопровождавшихъ ее высотъ. Локхарт предполагалъ прочно занять Чагру 19 октября и отдалъ соотвѣтствующія приказанія, по войска были такъ утомлены движениемъ 18 октября, что ген. Етманъ-Биггсъ нашелъ необходимымъ дать имъ день отдыха; когда Локхартъ, находившійся въ форѣ его имени, узналъ объ этомъ, было уже поздно отмѣнить распоряженіе Етманъ Биггса. При движеніи 20 октября Локхартъ имѣлъ въ виду кроме фронтальной атаки обходное движеніе съ лѣваго фланга въ тылъ непріятеля, но Етманъ Биггсъ призналъ опаснымъ предпринять это фланговое движеніе до взятія командующихъ ущельемъ высотъ, а потому повелъ одну фронтальную атаку (The Campaign in Tirah 1897—1898, London, 1898, pp. 6, 65, 67, 69). За болѣзнью ген. Етманъ Биггса и послѣдовавшій вскорѣ (4 января) его смертью относящіяся до него обстоятельства подвергаются въ некоторыхъ кругахъ сомнѣнію, такъ какъ, по мнѣнію его друзей, генераль этотъ былъ не такой человѣкъ, чтобы дозволить себѣ не исполнить приказаний командующаго войсками.

легко, съ потерю лишь 4 ч. убитыми и 20 ч. ранеными, такъ какъ перевалъ этотъ защищали лишь оракзіи родовъ самиль, при содѣйствіи небольшаго числа афридіевъ, и сосредоточеніе артиллериjsкаго огня на сенгерахъ прохода лишило горцевъ возможности въ нихъ удержаться; ополченіе родовъ гаръ племени оракзіевъ не приняло участія въ оборонѣ вслѣдствіе демонстраціи, которую оно было отвлечено на западъ отъ Самага. Сверхъ того фронтальная атака на Самага была облегчена фланговымъ движениемъ съ востока (pp. 28, 144, 164, 170). 30-е октября войска Локхарта провели въ долинѣ Мастиры (5.880 ф.), а 31 октября взяли перевалъ Арханга (7.050 ф.), слабо защищавшійся афридіями, и спустились въ котловину Майданъ (6.090 ф.), въ верховьяхъ рѣки Бары, въ центрѣ страны Тира. Защитники перевала Арханга были выбиты изъ сенгеровъ артиллериjsкимъ огнемъ, да и число ихъ было не велико, такъ какъ афридіи заняты были удалевіемъ семействъ въ безопасный мѣста; сверхъ того позиціи горцевъ были обойдены съ лѣваго фланга (pp. 28, 29).

По вступленіи въ Майданъ Локхартъ оповѣстилъ племена афридіевъ и оракзіевъ, чтобы старшины ихъ явились къ нему въ лагерь для выслушанія условій, выполненіе которыхъ требуется британскимъ правительствомъ для возстановленія мира. Онъ ожидалъ, что ближайшіе роды явятся 6 или 7 ноября, но прибыли въ 12 ноября лишь мелики оракзіевъ, которыми и объявлены выше изложенные условія, въ которыхъ Локхартъ, по предоставленной ему власти, смягчилъ требованіе относительно оружія, уменьшивъ цифру его до 500 винтовокъ, вѣроятно по трудности, граничившей съ невозможностью, найти у оракзіевъ большее количество заражающихъ съ казны ружей: мелики оракзіевъ заявляли, что и 500 винтовокъ у нихъ не разыщется, но требованіе объявлено окончательнымъ (p. 30, 31). Оракзіи принесли условія, приступили вскорѣ къ ихъ исполненію и къ 18 декабря выполнение этого закончили (p. 37). Съ 9 ноября стали являться мелики иъ которыхъ вѣтвей афридіевъ, но закза держались явно враждебно, а куки камрай и сипа отъ примиренія и покорности уклонялись, такъ что, послѣ тщетныхъ ожиданій общей покорности, Локхартъ къ 21 ноября объявилъ условія словесно вѣтвямъ меликамъ, камбаръ, ака и адамъ-хель (обитающей въ Тира части послѣдней), остальнымъ же послалъ письменные объявленія (pp. 31, 33). Количество штрафа винтовками назначено было въ 800 штукъ (p. 34).

Скорая покорность оракзіевъ, помимо большей легкости доступа для британскихъ войскъ во всеѣ части ихъ земель, не представляющихъ такихъ удобствъ для обороны, какъ земли афридіевъ,— объясняется отдаленностью ихъ территории отъ границы владѣній эмира, почему оракзіи не могли, по-

добно афридіамъ, отправить свои семьи и наиболѣе цѣнное имущество за границу, а должны были удалить семейства свои въ горы, гдѣ проживаніе въ палаткахъ и пещерахъ въ зимнее время сопряжено съ гибелью дѣтей, стариковъ и менѣе крѣпкихъ женщинъ отъ холода и недостатка топлива и продовольствія. Напротивъ афридіи, отправивъ свои семьи, имущество и скотъ за авганскую границу, частію еще до начала движенія Локхарта, частію же потому, отчего Самлага и Арханга имѣли такъ мало защитниковъ, могли затѣмъ вести оборонительную и партизанскую войну, не стѣсняясь заботами о безопасности семей и въ полной мѣрѣ пользуясь благопріятными для такой войны условіями своей страны, въ которой даже долины и котловины изрѣзаны оврагами и ущельями съ труднопроходимыми, узкими пѣшеходными тропинками (Tirah, by colonel sir T. H. Holdich, въ Geographical Journal, 1898, October, pp. 347—348). Вслѣдствіе этого британскіе транспорты въ нихъ прикрытия, а равно отряды, посылавшіеся для рекогносцировокъ, фуражировокъ, разрушенія сенгеровъ, башенъ, домовъ въ деревень, подвергались, особенно при возвращеніи, нападеніямъ горцевъ, пользовавшихся всякой случайностью и возможностью для нанесенія противникамъ вреда, устраивавшихъ засады, производившихъ днемъ и ночью стрѣльбу въ лагеря англичанъ и т. д. Такъ 6 ноября фуражиры въ окрестностяхъ лагеря въ Майданѣ потерпали 2 нижнихъ чиновъ убитыми и 6 ранеными. Того же числа, при ночной стрѣльбѣ въ лагерь, одинъ британскій офицеръ убитъ, другой тяжело раненъ; черезъ одну ночь убитъ еще одинъ офицеръ (р. 30). 9 ноября въ аррьергардѣ разрушившаго 40 башенъ у закка отряда были убиты 1 офицеръ и 20 нижнихъ чиновъ, а 2 офицера и 43 в. ч. ранены (рр. 30, 31). 16 ноября, при возвращеніи колонны генерала Кемпстера изъ Варана въ Майданъ, отдѣлившаяся рота дорсетширского батальона и два сейкскихъ полка понесли значительныя потери (р. 32), именно офицеровъ убито 4 и ранено 6 (въ томъ числѣ 3 изъ туземцевъ) и нижнихъ чиновъ убито 25 и ранено 37 (The Campaign in Tirah, by col. Hutchinson, London, 1898, pp. 145, 146).

Предвидя, что войска скоро придется вывести изъ Тира, такъ какъ наступили холода, Локхартъ испросилъ заблаговременно разрѣшеніе и 27 ноября издалъ прокламацію, гласившую: „Я уйду съ майданской выси, потому что выпалъ снѣгъ и я не хочу держать свои войска на морозѣ. Но я не покину страны афридіевъ. Я останусь въ ней, пока афридіи не согласятся выполнить требованія правительства, и буду нападать на васъ зимою въ другихъ вашихъ мѣстахъ обитанія. Какъ старый другъ некоторыхъ изъ васъ, совѣтуя покориться и перемѣстить женъ и семьи изъ холодныхъ горъ въ свои дома“ (р. 35). Въ ожиданіи результата, Локхартъ съ частью

своихъ войскъ совершилъ, между 27 ноября и 6 декабря, изъ Майдана, походъ въ восточные земли оракзіевъ, на р. Курману, гдѣ племена масузвіевъ и чамкяніевъ не покорялись. 30 ноября тамъ соединилась съ нимъ курамская подвижная колонна. При разрушении деревень масуайскіхъ хані-хейлей встрѣчено упорное сопротивление, высоты брались въ штыки и понесены нѣкоторыя потери. 6 декабря Локхартъ вернулся въ Багъ въ Майданъ чрезъ верховья Ханки (pp. 34—36). Между 7 и 14 декабря, отославъ лишня тяжести обратно въ Шинавари прежнимъ путемъ, Локхартъ вывелъ всѣ свои войска на пишаверскую границу. Одна изъ бригадъ первой дивизіи спустилась по течению Маастуры, захвативъ съ собою другую бригаду, охранявшую сообщенія съ Шинаварі. Вторая дивизія слѣдовала внизъ по рѣкѣ Бара. Обѣ колонны разрушали лежавшія на пути и въ сосѣдствѣ башни и деревни афридіевъ. Трудности пути умножались сопротивленіемъ и нападеніями горцевъ (р. 36). Общая цифра потери за время выхода изъ Тира состояла изъ 33 убитыхъ и 133 раненыхъ (Imp. and Asiatic Quarterly Review, 1898 January, p. 214).

Черезъ нѣсколько дней предприняты были операции для занятія Хайберского прохода. 23 декабря пишаверская колонна заняла форты Али-Мееджидъ и 26 числа достигла конечнаго пункта Хайбера Ленди-котеля. Въ то же время первая дивизія двигалась вверхъ по р. Базару и возвратилась обратно въ Джамрудъ 30 декабря, разрушивъ деревни и башни афридіевъ на своеемъ пути. Сопротивление горцевъ было во время этихъ операций, особенно въ Хайберѣ, незначительное, но безъ потерь, преимущественно при отступлениахъ, не обошлось (pp. 37—39).

Въ концѣ декабря афридіи еще разъ обратились къ эмиру съ просьбою о помощи. На письмо по этому поводу вице-короля эмиръ 3 января сообщилъ, что отпустилъ посланцовъ обратно съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Депутаты вернулись изъ Кабула, потерявъ всякую надежду на заступничество или помощь эмира (р. 39). Въ связи съ этимъ 17 января прибыли въ Джамрудъ мелики всѣхъ вѣтвей афридіевъ кромѣ закка (р. 39).

Здѣсь кончаются свѣдѣнія „Синей книги“, изданной во времена открытия сессии парламента, начавшейся 8 февраля. Изъ газетъ, и вообще изъ печатныхъ источниковъ известно, что въ началѣ февраля заявили покорность и закка, но возвратъ и выдача ружей встрѣчили такія затрудненія и подвигались столь медленно, что, несмотря на назначеніе Локхартомъ разныхъ сроковъ, подъ угрозою возобновленія военныхъ дѣйствій, выполненіе условій закончено лишь въ концѣ марта и отрядъ Локхарта расформированъ лишь въ началѣ апреля 1898 года.

Торговое движение по занятому англійскими войсками Хайберскому про-

ходу возобновилось, подъ охраною восстановленныхъ „хайберскихъ стрѣлковъ“ въ половицѣ марта. Въ октябрѣ 1898 года правительство окончательно объявило афридамъ, что охраненіе хайберской дороги принимаетъ непосредственно на себя; тѣмъ не менѣе африди обязаны помогать безопасности торгового движения, за что вѣтвамъ ихъ будетъ продолжаться отпускъ субсидій въ прежнемъ размѣрѣ, подъ опасеніемъ окончательного ихъ лишенія въ случаѣ новаго нарушенія своихъ обязанностей.

За все время военныхъ дѣйствій противъ афридіевъ и оракзіевъ англійскія войска потеряли убитыми и ранеными 1150 чел., въ томъ числѣ 79 британскихъ офицеровъ, изъ которыхъ убито и умерло отъ ранъ 23 чел., и 20 офицеровъ изъ туземцевъ, которыхъ убито 4 чел. (*The Campaign in Tirah by col. Hutchinson, London, 1898, Appendix*), следовательно болѣе половины общаго урона британскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ разныхъ племенъ на сѣверо-западной границѣ Индіи, состоявшаго съ 10 июня 1897 года по 8 марта 1898 года, изъ 506 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ (въ томъ числѣ британскихъ офицеровъ 44 и нижнихъ чиновъ изъ англичанъ 136, туземныхъ офицеровъ 6) и 1378 раненныхъ (въ томъ числѣ офицеровъ 93 и нижнихъ чиновъ изъ англичанъ 404), итого 1884 чел. Сверхъ того отъ болѣзней умерло англійскихъ офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ изъ европейцевъ 250 и туземцевъ 220, итого 480 чел. (*The Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, April, p. 456*).

Сравнивая экспедицію Локхарта въ Тира съ экспедиціей Киченера въ Хартумъ, одинъ газетный корреспондентъ, участвовавшій въ обѣихъ, справедливо замѣчаетъ, что экспедиція въ Тира требовала такого напряженія мужества и сопрѣжена была съ такой непрерывностью опасностей, какія рѣдко выпадаютъ на долю войскъ. Борьба борьба въ Хартумской экспедиціи ограничилась продолжавшимся два съ половиною часа сраженіемъ при Обдурманѣ, гдѣ, выпустивъ свои пули изъ воздухъ безъ прѣцѣла, въ надеждѣ, что Богъ направить ихъ въ невѣрныхъ, дервиши, съ холоднымъ оружіемъ, устремились на 20 тысячъ англійскихъ и египетскихъ магазиновъ, на 70 орудій и на 30 пулеметовъ Максима; конечно произошло двухъ-часовое избіеніе нападающихъ и немедленно затѣмъ обратившихъ въ бѣгство фанатиковъ, въ сущности не бой, а бойня, которую все и закончились. „Бой же въ Тира не прекращался два съ половиною мѣсяца. Съ момента, когда первый гурка вступилъ, 21 октября, въ долину Ханки, до момента, когда послѣдній солдатъ аррѣгарда вышелъ изъ долины Бары, въ концѣ декабря, не было ни одного часа дnia или ночи, когда бы не происходило стычекъ“. Войска „подвергались выстрѣламъ невидимаго непріятеля на ходу, за обѣдомъ, даже въ постеляхъ, если не спали безъ пищи и безъ подстилокъ; утромъ же ожидало зрѣлище

убитыхъ товарищей арьергарда или обознаго прикрытия, погибшихъ подъ нацоромъ превосходящаго числомъ непріятеля". Войска Киченера, если не плыли по Нилу на судахъ въ полной безопасности и съ завиднымъ комфортомъ, могли дѣлать по прибрежной речной пустынѣ $2\frac{1}{2}$ мили въ часъ; войска же въ Тира, двигаясь по тропинкамъ въ 2 фута шириной, въ постоянномъ ожиданіи нападенія, надъ проастами, проходили $2\frac{1}{2}$ мили въ день (Nineteenth Century, 1898, December, pp. 1041—1047, The Tirah and Khartoum Expeditions. By I. Oppenheim, Correspondent with both Expeditionary Forces).

Помимо многаго другого, существенная разница между противниками англичанъ въ двухъ экспедиціяхъ заключалась въ томъ, что дервишами, фатально шедшими на убой, двигалъ безраздѣльно религіозный фанатизмъ, тогда какъ авганскими горцами руководила привязаніность къ племенной и национальной независимости, религіозное же чувство являлось мотивомъ второстепеннымъ, отнюдь не достигавшимъ фанатической фазы, такъ какъ горцы, въ особенности же знакомые по службѣ въ рядахъ англо-индійскихъ туземныхъ войскъ съ вооруженіемъ и тактикою врага афридіи, вели борьбу свою съ могущественнымъ врагомъ такимъ образомъ, чтобы причинить ему наибольшій вредъ собственными силами и при помощи благопріятныхъ мѣстныхъ условій, а не полагаясь исключительно или предпочтительно на помощь небесныхъ силъ. Въ отношеніи „фанатизма“ свѣдущіе въ англо-авганскихъ пограничныхъ дѣлахъ люди, не несущіе за пограничную политику послѣднихъ лѣтъ непосредственной ответственности, не имѣютъ никакихъ иллюзій. Такъ даже сэръ Ричардъ Темпль, считающій обыкновенно мнѣнія и рѣшенія англо-индійского правительства образцами „политической мудрости“, какъ онъ тутъ же объявлялъ, отозвался однако, что хотя официальные авторитеты признаютъ причину возстаній горцевъ въ 1897 году фанатизмъ, но что-нибудь дало же пищу для возбужденія этого фанатизма: это, по заявленіямъ самихъ горцевъ, захваты ихъ земель и покушенія на ихъ независимость; „конечно, угрозы независимости племенъ далеки отъ намѣреній индійского правительства, но мы безсознательно дѣлали вещи, имѣвшія не тѣ слѣдствія, которыхъ мы имѣли въ виду“. Замѣтивъ затѣмъ, что указавія на допущенные въ разныхъ пунктахъ границы уклоненія отъ правительственной политики сдѣланы были въ замѣчательной рѣчи бывшаго вице-короля лорда Норсбрука въ февралѣ 1898 года, въ палатѣ лордовъ, сэръ Р. Темпль призналъ другой причиной возстаній проведеніе въ натурѣ границы, на основаніи договора Дюранда, въ чемъ племена усмотрѣли явный знакъ лишенія ихъ независимости (The Journal of the Royal United Service Institution, 1899, January, p. 4). Подобнымъ образомъ, по мнѣнію полковника Хетчинсона, корреспондента Times'a

изъ дѣйствовавшаго въ Тира отряда и автора лучшаго поѣднанія этой экспедиціи, проповѣди и внушенія муллъ остались бы безъ послѣдствій, если бы въ горцахъ не были возбуждены онасенія за ихъ независимость проведеніемъ границы и выставленіемъ отрядовъ и постовъ въ Вано, Точи, Малакандъ и хребтѣ Самана (The Campaign in Tirah 1897—1898, by colonel H. D. Hutchinson, Director of Military Education of India, London, 1898, pp. 2, 3, 10, а также сообщеніе его The Story of Tirah, and the Lessons of the Campaign. Lecture by colonel H. D. Hutchinson, въ Journal of the United Service Institution of India, 1898, July, pp. 229, 230). Напротивъ англо-индійскія власти, вообще приписывая восстанія 1897 года религіозному фанатизму, въ особенности упирали въ качествѣ доказательства, на восставіе афридіевъ, которые, получая значительныя субсидіи за охрану Хайбера, рѣшительно не имѣли никакихъ причинъ жаловаться на правительство, не вымѣшивавшееся въ ихъ дѣла и не трогавшее ихъ земель. Лордъ Хамильтонъ, присоединяясь къ этому мнѣнію, находилъ доказательство его правильности въ единодушіи по этому предмету пограничныхъ политическихъ офицеровъ (Military operations, vol. 2, p. 179). Однако это единодушіе есть результатъ не правильности, а единодушной ошибки, являющейся слѣдствіемъ одинаковыхъ обстоятельствъ. Именно, будучи постоянно окружены меликами и другими туземцами, ищущими отъ нихъ великихъ и богатыхъ милостей и непрестанно для того расточающими увѣренія въ преданности своей Англіи, политические офицеры невольно проникались убѣждениемъ, что выражаемыя меликами чувства раздѣляются ихъ племенами. Доставляя постоянно въ такомъ смыслѣ отчеты свои, пограничные агенты въ 1897 году совершенно неожиданно увидали племена восставшими, а самыхъ преданныхъ меликовъ стоящими въ рядахъ инсургентовъ и впослѣдствіи оправдывавшимися тѣмъ, что не въ силахъ были противиться общему движению, руководимому муллами. Понятно, что „политические офицеры“ стали усматривать корень зла въ Адда-муллѣ и другихъ духовныхъ и что пишаверскій, напр., главный комиссіонеръ, не хотѣвшій вѣрить возможности восстанія афридіевъ до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно не овладѣли всѣми фортами въ Хайберѣ, послѣдний включить въ число условій покорности афридіевъ „безусловную выдачу двадцати мулль-вожаковъ, которые принимали главное участіе въ возбужденіи настоящихъ смутъ“ (p. 147). Требованіе это отклонено, согласно мнѣнію пакистанскаго губернатора, который находилъ, что можно было бы домогаться выдачи вожаковъ, муллы они или нетъ, все равно, если бы восстаніе сопровождалось какими либо коварствами, тайной измѣной и т. д., но восстаніе афридіевъ и оракзіевъ произошло открыто и ихъ поведеніе не даетъ никакихъ основаній къ возбужденію подобныхъ

требований (р. 149). Обратившись къ тѣмъ документамъ въ „Синей книжкѣ“, въ которыхъ выражается собственное мнѣніе племенъ и туземцевъ о причинахъ возстаній, найдемъ, что мотивами его сами племена выставляли не фанатизмъ. Такъ, по разспросамъ эмира, причинами возстаній служили стремленія британскихъ властей захватывать земли племенъ и лишать ихъ независимости, прокладывая дороги, вводя налоги, налагая штрафы и т. д., вообще желаніе поставить вольныхъ горцевъ въ то же положеніе, въ какое приведено туземное населеніе Индіи, вопреки постоянныхъ объявлений и обѣщаній правительства уважать независимость горныхъ племенъ; между тѣмъ горцы вообще бѣдны, налоговъ и штрафовъ платить не въ состояніи и въ подчиненіи имъ видѣть свое окончательное раззореніе (р. 123). Въ петиціяхъ эмиру отъ 5 сентября 1897 года афридіи и оракзіи писали, что британское правительство издавна старается постепенно овладѣть ихъ землями и возводить на нихъ укрѣпленія и посты; это и вынудило ихъ возвстать (пп. 133). Даже Адда-мулла, въ наиболѣе интересной изъ своихъ прокламацій, отправляется отъ того положенія, что „кафиры овладѣли всѣми мусульманскими странами“ (р. 39 А). Въ отвѣтахъ на разосланную Локхартомъ 7 октября прокламацію разныи вѣтви афридіевъ и оракзіевъ весьма опредѣленно заявляли, что подняли оружіе вслѣдствіе произведенныхъ англичанами захватовъ земель въ Сватѣ, „священной для мусульманъ землѣ“, и въ хребтѣ Самана, а также вслѣдствіе притязаній Англіи владѣть и распоряжаться въ Хайберѣ, исконной собственности афридіевъ (пп. 158, 160, 168, 169). Нѣкоторые вѣтви жаловались еще на наказанія горцевъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, даже послѣ принятія ими присяги, очищающей по обычаямъ отъ всякаго обвиненія, на невыдачу мужчинъ бѣжалыхъ на британскую территорію женъ ихъ (р. 160), на браки невѣрныхъ съ мусульманками, на возвышение акциза съ кохатской соли (р. 160 и др.). На политическіе же мотивы возстаній указываетъ присоединеніе къ возставшимъ вѣтвей шійтскихъ. Съ другой стороны уклоненіе отъ возстанія нѣкоторыхъ родовъ, какъ кохатскихъ афридіевъ, изъ опасенія лишиться субсидій, хотя мусульманскій фанатизмъ едва ли у нихъ менѣе развитъ, чѣмъ у другихъ, также указываетъ на политическія побужденія. Наконецъ нельзя не видѣть, что покорность племенъ, слѣдовавшая обыкновенно за первыми пораженіями, достигалась главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что, налагая штрафы и требуя выдачи оружія, британское правительство давало однако обѣщанія не посягать на земли горцевъ, на ихъ независимость и самоуправленіе, въ чемъ выдавались племенамъ письменныя удостовѣренія (р. 140). Въ противномъ случаѣ, не одни мамунды и закка продолжали бы упорное сопротивленіе, но вѣроятно большинство возставшихъ племенъ.

Вообще, пограничные племена конечно сильно пострадали вслѣдствіе потерь убитыми и изувѣченными въ бояхъ, а также вслѣдствіе выдачи части оружія, разрушенія жилищъ и сенгеровъ, но сила ихъ далеко не сломлена и отношенія ихъ къ Англіи въ будущемъ опредѣляются тою политикою, которой будетъ держаться британское правительство. Къ разсмотрѣнію этой политики мы теперь и обратимся.

IV. Политика Англіи въ отношеніи афганскихъ пограничныхъ племенъ.

Необходимость заблаговременного принятія мѣръ для обороны Индіи противъ возможнаго нападенія Россіи, въ случаѣ войны съ нею, признается въ Англіи всѣми. Но относительно выбора и оцѣнки ведущихъ къ этой цѣли мѣропріятій существуютъ весьма разнообразные взгляды, которые однако можно свести къ двумъ противоположнымъ политическимъ системамъ. Одна изъ нихъ, известная подъ кличкою Forward Policy, „наступательной политики“, въ виду стратегическихъ выгодъ обладанія Хиндукушемъ и его западнымъ до персидской границы продолженіемъ Паропамизомъ, укрѣпленными и защищаемыми англо-индійскими войсками и средствами, всегда настаивала на перенесеніи англо-индійской границы на Хиндукушъ, съ подчиненіемъ британской власти всего Афганістана, не стѣняясь нужными для выполненія жертвами и расходами, которыхъ съ избыткомъ оплатятся безопасностью и благосостояніемъ Индіи. Противоположная политическая система исходила изъ того убѣжденія, что подчиненіе Афганістана, населенного страстью привязанными къ независимости племенами, потребуетъ,—даже при выполнимости, которая малоѣроятна,—громадныхъ пожертвованій и средствъ, но не усилить, а ослабить оборону Индіи, такъ какъ нашествіе найдетъ въ озлобленномъ до крайности противъ Англіи населеніи Афганістана ревностныхъ союзниковъ; по мнѣнію противниковъ „наступательной политики“, слѣдуетъ, отнюдь не добиваясь насильственного подчиненія афганскихъ племенъ, строго уважать ихъ независимость, содѣйствовать благосостоянію Афганістана, а также усиленію и крѣпости національной правительственной власти въ странѣ и ея военныхъ силъ, и пріобрѣсти этимъ довѣріе и дружбу Афганістана, дабы имѣть въ немъ. въ случаѣ нашествія, вѣрнаго союзника.

Иногда называютъ основателемъ „наступательной политики“ бомбейского генерала Джекоба (Jacob), который, изъ первыхъ, забилъ въ 1856 году тревогу по поводу возобновившихся притязаній Персіи на Хератъ, видя въ нихъ козни Россіи и требуя занятія Кветты и посыпки въ Хератъ двадцатитысячного гарнизона. Но однимъ изъ первыхъ проявлений Forward Policy

была уже война 1838—1842 г.г. *). Ея огорчения были еще такъ свѣжі,

*.) Къ числу основателей «наступательной политики» принадлежитъ безспорно лордъ Элленборо, который въ 1829 году писалъ: «Русские взяли Эрзерумъ и разсѣяли турецкую армию въ азиатской Турции. При каждомъ ихъ успѣхѣ въ этихъ мѣстахъ сердце мое обливается кровью. Каждая победа ихъ кажется мнѣ одержанною надо мною, такъ какъ Азія моя... Иль долженъ сдѣлаться британской рѣкою... Если русскіе овладеютъ Хивою, мы должны занять Лахоръ и Кабулъ. Встрѣтить врага надо не на Индѣ. Если мы не встрѣтимъ его въ Кабулѣ, у подножій Хиндукуша или въ проходахъ чрезъ него, то для насъ лучше оставаться на Сеттеджѣ». Для успѣха борьбы съ Россіею онъ находилъ необходимымъ, во-первыхъ, захватить Египетъ (къ этой мысли онъ возвращался и въ 1841 году когда не имѣлось никакихъ предлоговъ и случаенъ для овладѣнія Египтомъ), и, во-вторыхъ, упразднить ость-индскую компанію и передать управление Индію непосредственно коронѣ, объявивъ короля Великобританіи императоромъ Индіи. Однако имѣнію этотъ самыи лордъ Элленборо, будучи назначенъ на мѣсто лорда Окланда вице-королемъ Индіи въ 1842 году послѣ истребленія авганами англійскаго войска, занимавшаго Кабулъ, распорядился очищеніемъ Афганістана отъ англійскихъ войскъ, прославившись знаменитымъ предоставленіемъ генералу Нотту, подъ его, а не подъ своей, отвѣтственностью, совершилъ отступленіе изъ Кандахара въ Индію не чрезъ Боланскій проходъ, а чрезъ Газну и Кабулъ. Помѣстивъ затѣмъ на медаляхъ въ память авганской войны надпись Pax Asiae restituta, но думая, что неудача предприятия лорда Окланда овладѣть Афганістаномъ произошла отъ неподчищенности Англіи земель между Афганістаномъ и тогдашними британскими владѣніями, лордъ Элленборо рѣшилъ присоединить долину Инда подъ тѣмъ предлогомъ, что владѣльцы Синда будто-бы не исполнили своихъ обязательствъ по договору съ Окландомъ. Конечно слабые эмиры Синда были побѣждены и желаніе Элленборо сдѣлать Индію британской рѣкою было выполнено. Однако директоры ость-индской компаніи нашли себя обязанными заявить лондонскому правительству, что обращеніе вице-короля съ эмирами Синда не можетъ считаться ни справедливымъ, ни политичнымъ, и противно интересамъ и чести индійского правительства. Не смущаясь этимъ, лордъ Элленборо затѣялъ въ 1844 г. войну съ Гваліоромъ и послѣ двухъ побѣдъ такъ расхрабрился, что могъ писать: «Я долженъ имѣть армию, чтобы идти къ Дарданелламъ. Въ четыре мѣсяца у меня будетъ подъ ружьемъ 275.000 ч.». Планъ этотъ остался безъ исполненія уже потому, что совѣты директоровъ ость-индской компаніи, обвиняя Элленборо въ беззаконныхъ и самовластныхъ дѣйствіяхъ и неправильномъ израсходованіи огромныхъ суммъ, постановили отзвать его изъ Индіи, и лондонскій кабинетъ долженъ былъ изъявить на это согласіе. Каррьера лорда Элленборо этимъ не кончилась. Такъ какъ онъ и впослѣдствіи занималъ разныи высоки посты, когда власть доставалась его партии, но понадать на самостоятельныи должности вѣнч. Лондона ему уже не пришлось. Сэръ Спенсеръ Вальполъ изъ статьи котораго (The Nineteenth Century, 1899, July, p. p. 123—130, Lord Ellenborough, by sir Spencer Walpole) все эти сѣдѣнія взяты, заключаетъ, что лордъ Элленборо имѣлъ похвальное стремленіе воззвысить могущество своей страны и предчувствовать направление, въ которомъ будеть расширяться британская имперія, но въ своемъ желаніи увеличить мощь Англіи онъ не обращалъ вниманія на чужія права и справедливость. Онъ не стѣснялся завладѣвать чужимъ, если оно нужно для округленія территорій британской имперіи. Хотѣ совѣтъ его не смущалась захватомъ Синда и предположеніемъ завладѣть Египтомъ, однако онъ не обладалъ мужествомъ, необходимымъ для того, чтобы справиться съ дѣломъ, представлявшимъ дѣйствительный затрудненія: «странно и почти необыснено—какимъ образомъ отступленіемъ британскихъ войскъ изъ Афганістана распорядился тотъ самый человѣкъ, который братся бороться съ Россіею въ Хиндукушѣ и уѣхъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ состояніи будеть идти къ Дарданелламъ».

Мнѣ кажется достаточно яснымъ, что обнаруженный лордомъ Элленборо недостатокъ мужества и твердости предъ неудачей въ Афганістанѣ есть черта личная, индивидуальная; мечтанія его объ императорѣ-королѣ, о походѣ изъ Индіи къ Дарданелламъ и т. под. суть ребяческія фантазіи, къ которымъ способны и не-англичане, но его непомѣрная жадность и циническое пренебреженіе къ чужимъ правамъ и къ требованіямъ нравственности типичны

что правительство не приняло совѣтовъ Джекѣба и ограничились морскимъ воздействиемъ на Персію и заключенiemъ договора съ Достъ-Мохаммедъ-ханомъ. Политика благоразумія продолжала потомъ господствовать почти двадцать лѣтъ, будучи утверждена особенно вице-королемъ лордомъ Джономъ Лоуренсомъ и нѣсколькими его преемниками. Но было однако въ рядахъ англо-индійскихъ дѣятелей недостатка и въ приверженцахъ наступательной политики, выжидавшихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для ея проведения. Къ числу ихъ принадлежали бывшіе бомбейскіе же офицеры Генри Роулинсонъ и Бартль Фрерь. Послѣ завоевавія Самарканда и подчиненія Бухары, въ меморандумѣ отъ 20 іюля 1868 г., поданномъ консервативному статсъ-секретарю по дѣламъ Индіи, сэръ Г. Роулинсонъ, въ виду угрожающихъ Индіи успѣховъ Россіи, настаивалъ на необходимости занятія Кветты, заведенія британского резидента въ Кандахарѣ и т. д. Вице-король лордъ Лоуренсъ въ депешѣ 4 января 1869 г. отклонилъ эти предложения (The Eastern Question etc., by Duke of Argyll, London, 1879, vol. II, p.р. 243—251). Въ маѣ 1874 г., послѣ совершившагося въ февралѣ вступленія во власть торійского министерства Дизраэли, членъ совѣта вице-короля сэръ Бартль Фрерь вновь возобновилъ предложения Роулинсона, но снова встрѣтилъ возраженія лорда Лоуренса, сохранившаго, и по оставленіи поста вице-короля въ 1869 году, влиятельное положеніе. Не стѣсняясь этимъ, Бартль Фрерь 11 января 1875 г. подалъ статсъ-секретарю по дѣламъ Индіи новую записку въ прежнемъ смыслѣ, а 22 января статсъ-секретарь лордъ Солсбери уже продписалъ вице-королю потребовать отъ эмира Ширъ-Али допущенія въ Авганистанъ британскихъ резидентовъ и т. д. Однако вице-король лордъ Норесбрукъ, вѣрный политикъ своихъ предмѣстниковъ и опираясь на мнѣніе своего совѣта, возсталъ противъ „наступательной политики“. Примѣненіе ея замѣнившимъ Норесбрука въ 1876 году лордомъ Литтономъ повело въ 1878 году къ войнѣ съ Авганистаномъ (тамъ же, р.р. 356, 363, 380 и слѣд.).

Какая была къ этому времени у приверженцевъ „наступательной политики“ программа, которой они вѣрны во многомъ и понынѣ, можно видѣть изъ книги ревностнаго ея послѣдователя Бульджера England and Russia in Central Asia (by D. A. Boulger, London, 1879), изданной въ началѣ войны и посвященной Роулинсону. „Для рѣшенія центрально-азіатскаго вопроса мало исправленія границы Индіи, мало удаленія Россіи изъ Кабула, мало приобрѣтенія права содѣржать въ Авганистанѣ британскихъ агентовъ: мы должны занять Хератъ, вооружить туркменовъ и возвратить Персіи ея прежнюю силу. Когда мы достичнемъ всего этого, тогда только мы можемъ

представить судьбъ дальнѣйшее развитіе соперничества между Россіею и Англіею, съ полной увѣренностью въ результатахъ. Тогда только мы можемъ откинуть всяки опасенія русскаго нашествія на Индію" (vol. 2, p. 371). Кандахаръ долженъ остаться въ рукахъ Англіи и обратиться въ сильную крѣпость (p. 318). О пограничныхъ съ Индіею авганскихъ горныхъ племенахъ Бульджеръ замѣчалъ, что въ теченіи 30 лѣтъ обладанія Пенджабомъ британскія войска совершили болѣе 30 экспедицій противъ этихъ горцевъ; потери людьми были немаловажныя, расходы значительны, а результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Болѣе благопріятны были для улучшенія отношеній къ этимъ горцамъ проведение хорошихъ дорогъ, устройство лѣчебницъ, развитіе торговыхъ сношеній, но мѣропріятія въ этомъ смыслѣ требуютъ слишкомъ долгаго времени. Необходимо найти скорые и вѣрные способы для подчиненія безпокойныхъ и опасныхъ горцевъ. Никакая держава не потерпѣла бы продолженія такого положенія индійской границы, при которомъ на ней находится около 150 т. вооруженныхъ людей, пользующихся полной независимостью и питающихъ къ англо-индійцамъ упорную враждебность. Вѣрѣйшей системой для ихъ подчиненія было бы постепенное занятие земель каждаго открыто враждебнаго племени, съ обезоруженiemъ всѣхъ мужчинъ и съ прорваниемъ дорогъ на его земляхъ, присоединяемыхъ къ британскимъ владѣніямъ; въ некоторыхъ случаяхъ слѣдовало бы сверхъ того добавлять къ этимъ мѣрамъ изгнаніе (ejectement) и выселеніе враждебныхъ племенъ, какъ это было сдѣлано съромъ Чарльзомъ Непиromъ въ Синдѣ съ племенемъ jakrani'евъ. Кроме того Бульджеръ находилъ возможнымъ устроить на индійской границѣ нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній, учрежденныхъ Австріею противъ Турциі, но мысли его въ этомъ отношеніи остались не выясненными и мало понятными (р.р. 298, 299, 308—310). „Можетъ быть Провидѣніе въ послѣдній разъ даетъ намъ возможность уничтожить честолюбивые замыслы Россіи“—патетически заключалъ Бульджеръ свои призывы къ „наступательной политикѣ“. — Гандамакскій трактатъ 30 мая 1897 года не удовлетворилъ ее приверженцевъ, такъ какъ возвращалъ эмиру Кандахаръ и Джелальабадъ. Сэръ Генри Роулансонъ объявилъ, что смотрѣть на этотъ трактатъ лишь какъ на переходную ступень между независимостью Авганистана и желательнымъ его присоединеніемъ (Nineteenth Century, 1879, August). Сообразно этому, по возобновленіи войны, министерство Биконсфильда, съ одной стороны, завязало переговоры съ Персіею обѣ отдать ей Херата за союзъ съ Англіею и подчиненіе Туркменіи, дабы предупредить захватъ ея Россіею, съ другой же образовало изъ Кандахара особое вассальное владѣніе. Неудачи возобновленной войны были одною изъ причинъ паденія кабинета Биконсфильда. Ликвидируя его затѣи въ Авганистанѣ, мини-

сторетво Гладстона прекратило переговоры съ Персию, признало эмиромъ Абдэррахманъ-хана и намѣревалось отказаться отъ гандамакскихъ пріобрѣтеній, но русское завоеваніе Ахаль-теке, возобновивъ страхи за Индію, побудило его удержать Пишинъ, Сиби и Курамъ. Правительство однако не принимало мѣръ и не отпускало средствъ для фактическаго осуществленія власти Англіи въ Сулеймановыхъ горахъ. Но присоединеніе Мерва въ 1884 году и особенно стычка на Кушкѣ въ 1885 году дали приверженцамъ „наступательной политики“ поводы возбудить въ Англіи тревогу. Министерству Гладстона удалось избѣгнуть войны, но оно вынуждено было возобновить прекращенную въ 1880 году постройку желѣзной дороги отъ Инда въ Пишинъ до авганской границы и признать необходимость принятия мѣръ къ занятію и укрѣпленію проходовъ чрезъ Сулеймановы горы. Вслѣдствіе этого и такъ какъ приверженцы „наступательной политики“, въ виду вѣрности эмира Абдэррахманъ-хана союзу съ Англіею и враждебности его къ Россіи, отложили выполненіе своихъ плановъ относительно подчиненія или присоединенія Авганистана до смерти эмира, въ политику смѣнявшихъ одно другое съ 1885 года до настоящаго времени консервативныхъ и либеральныхъ министерствъ нѣтъ принципіальной разницы. Либералы нѣсколько менѣе склонны къ наступательнымъ мѣропріятіямъ, консерваторы нѣсколько болѣе, но тѣхъ и другихъ одинаково сдерживаетъ стѣсненное положеніе финансовъ Индіи. Именно послѣднее послужило причиной тому, что въ теченіи послѣднихъ пятнадцати или двадцати лѣтъ для обороны индійской границы сдѣлано немнogo. Существеннымъ можно считать здѣсь лишь доведеніе синдъ-пишинской желѣзной дороги до Нью-Чамана (общаясь она въ общемъ не менѣе 100 милл. рублей), укрѣпленія Кветты и Пишинскаго лагеря (120 т. ф. стер.), занятіе гомульского и точайского путей чрезъ Сулеймановы горы, подчиненіе Гильгита, Хунзы, Нагара, Яссина и Читрала, съ военною дорогою къ послѣднему отъ Кабулъ-дары. Въ отношеніи къ пограничнымъ авганскимъ племенамъ, какъ либеральные, такъ и торайскія или уїониистскія министерства одинаково воздерживались отъ значительныхъ отступленій отъ прежней политики невмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и отъ завладѣній ихъ землями, но не изъ принципіального уваженія къ ихъ независимости и къ неприкосновенности ихъ территорій, а изъ опасенія восстаній и сопротивленій съ ихъ усмирѣніями значительныхъ расходовъ.

Конечно образъ дѣйствій правительства ве удовлетворялъ ни противниковъ „наступательной политики“, ни ея защитниковъ. Первые порицали стремленія правительства подчинить пограничныя племена, приведеніе желѣзныхъ дорогъ на правой сторонѣ Инда, постройки укрѣпленій въ земляхъ горцевъ, занятіе Читрала, устройство военной къ нему дороги чрезъ Сватъ и т. д., призна-

вая лучшюю оборонительною линиою рѣку Индъ, а правильнѣйшею полити-
кою—дружбу и союзъ съ Афганистаномъ и уваженіе независимости погра-
ничныхъ племенъ, и не сомнѣвалась, что, въ случаѣ нашествія, русскія войска
достигнутъ береговъ Инда въ крайне разстроенному, вслѣдствіе трудности
прохода чрезъ враждебный Афганистанъ, положеніи и будуть легко побѣ-
дены. Во время читральской экспедиціи, не разъ выше упоминавшійся по
поводу экспедицій противъ горцевъ, генералъ сэръ Невилль Чемберленъ, напо-
миная, что въ 1881 году онъ настаивалъ на отказѣ отъ Кандахара и
передачѣ его эмиру, рѣшительно высказался за неуклонное и строгое уваже-
ніе независимости пограничныхъ племенъ, доказывая, что невозможно остано-
виться на чёмъ-нибудь среднемъ между полной независимостью и полной
зависимостью, хотя бы имѣлось искреннее желаніе удержаться въ промежу-
точномъ пункѣ: „если въ машину англо-индійского управления туземцами
падетъ одна рука, за нею неизбѣжно втянется все тѣло“ (Imperial and
Asiatic Quarterly Review, 1895, July, p. 200). Сэръ Невилль Чембер-
ленъ имѣлъ въ виду систему Сенденмана. Отвергалъ эту послѣдовательную, какъ
противорѣчащую принципу невмѣшательства, въ посвященной положенію дѣлъ
на индійской границѣ, въ концѣ 1897 года, статья и сэръ Auckland Colvin,
доказывая примѣрами, что примененіе этой системы влекло за собою сопро-
тивленіе племенъ, военная экспедиція и озлобленіе горцевъ. Онъ цитировалъ
между прочимъ слѣдующее мнѣніе одного изъ авторитетныхъ по авганскимъ
дѣламъ генераловъ сэра Генри Грина, помѣщенное въ „Синихъ книгахъ“
(Afghanistan, № 2, 1881, p. 26): „Что сказать о патанскихъ племенахъ? Они не имѣютъ истинныхъ начальниковъ, потому что родовые старшины
пользуются лишь номинальной властью. Патаны—фанатичные мусульмане, ко-
варные, мстительные, незаслуживающіе никакого довѣрія. Они ненавидятъ
всѣхъ европейцевъ, да и туземцы, попадающіе въ ихъ горы, столь же не-
безопасны, какъ 30 лѣтъ назадъ. Единственное ихъ достоинство—личное му-
жество. Эти племена—лучшая оборона англо-индійской границы по вреду,
который они внесутъ аррьергарду и флангамъ арміи нашествія, но лучшая
система обращенія съ ними—держать себя на почтительномъ разстояніи...
Всакая попытка поставить въ горныхъ проходахъ передовые посты, съ цѣлью
защиты или устрашенія независимыхъ горцевъ, поведеть только къ постоян-
ному раздраженію и частымъ экспедиціямъ“ (Nineteenth Century, 1897,
December, p. 262). Генералъ (нынѣ лордъ) Робертсъ въ запискѣ 12 мая
1880 года, высказываясь подобно Грину за удержаніе Кандахара, писалъ
между прочимъ: „Можетъ быть это не лестно для нашего самолюбія, но я
долженъ сказать, что чѣмъ менѣе авганцы будутъ насть видѣть, тѣмъ менѣе
они будутъ насть ненавидѣть. Если Россія вознамѣрится завоевать Авгани-

стать или вторгнуться въ Индію, мы имѣли бы больше возможности привязать къ себѣ авганцевъ, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣла до того времени“.

По мнѣнію одного изъ самыхъ свѣдущихъ въ пограничныхъ дѣлахъ противниковъ „наступательной политики“ сара Лепель Гриффина, умноженіе военныхъ экспедицій и усиленіе ихъ состава, съ громаднымъ возрастаніемъ непроизводительныхъ расходовъ, ведущихъ Индію къ банкротству, находится въ связи съ изыкатѣемъ пограничныхъ войскъ изъ вѣдѣнія панджабской администраціи и съ подчиненіемъ ихъ главнокомандующему войсками Индіи, противъ чего, съ своей стороны, панджабское начальство долго возставало. „Дѣло въ томъ, что казначейство Индіи находится слишкомъ близко къ главнокомандующему, и потому военные экспедиціи снаряжаются все въ большемъ и большемъ составѣ и на границѣ собираются, какъ въ 1897 году, силы въ 60 т. ч., достаточны для отраженія нападенія европейской державы“. Когда командующій войсками, плохо знающій пограничные племена и дѣла, требуетъ усиленія войскъ, калькуттское управлѣніе, мало знакомое съ мѣстными дѣлами и условіями, еще менѣе въ состояніи достигать экономіи. Другая причина огромной стоимости нынѣшней политики заключается въ дурной системѣ разбрасыванія военныхъ постовъ и укрѣплений по территоріямъ независимыхъ племенъ вдали отъ поддержки; въ мирное время войска, содержаніе которыхъ обходится тамъ весьма дорого, занимаютъ эти укрѣпленія безъ всякой пользы, въ военное же время они требуютъ цѣлыхъ армій для своего освобожденія. Слѣдуетъ изъять пограничные войска изъ непосредственнаго вѣдѣнія главнокомандующаго и подчинить ихъ генераль-губернатору, въ вѣдѣніе котораго передать и пограничные округа, учредивъ, подъ его начальствомъ, главнаго комиссара для завѣдыванія пограничными округами и дѣлами, притомъ изъ гражданскихъ чиновъ, а не изъ военныхъ офицеровъ, которые весьма рѣдко обладаютъ необходимой для успѣшнаго отправленія пограничныхъ дѣлъ опытностью. Полная независимость пограничныхъ племенъ есть вѣрийшая защита Индіи. „Мы не должны требовать военныхъ дорогъ чрезъ земли независимыхъ племенъ, потому что дороги эти облегчатъ движение армій нашествія, и не должны обезоруживать населеніе, ибо оно этимъ было бы лишено возможности противостоять нашествію“. Конечно вмѣстѣ съ тѣмъ сэръ Л. Гриффинъ порицалъ проведеніе военной дороги въ Читраль, съ содержаніемъ на ней войскъ, находя, что юсуфзіи справедливо считаютъ это захватомъ ихъ территории вопреки прокламаціи генерала Лоу, обѣщавшей очистить ихъ земли по окончаніи экспедиціи (The Breakdown of the Forward Frontier Policy, by Sir Lepel Griffin, въ Nineteenth Century, 1897, October, p.p. 512—516).

Принадлежащий къ числу наиболѣе ревностныхъ приверженцевъ „насту-

пательной политики“ Дж. Керзонъ, возражая (въ газетѣ The Mail, 17 июня 1895 года) „отставнымъ губернаторамъ и генераламъ“, „изводившимъ по-чти всю прессу“ доводами противъ этой политики по читральскимъ дѣламъ, ссыпался на авторитетъ главнокомандующаго войсками Индіи генерала Хайта (White) и его предмѣстника лорда Робертса. „Положительные выгоды хорошихъ дорогъ для обороны, по его словамъ, неизмѣримо превосходить предполагаемыя опасности отъ пользованія ими со стороны нашествія“. Онъ не желалъ покорять пограничныя племена, ни раззорять ихъ, ни управлять ихъ страною, „но ихъ слѣдуетъ вразумить, что они наши, а не какой либо другой державы; что они не могутъ, по своему произволу, интриговать или сражаться противъ англичанъ; что удержаніе автономіи зависитъ отъ охраненія ими мира и содержанія открытыхъ сообщеній съ нашими передовыми позиціями на границѣ. Тысячи патановъ между Кветтою и Пишаверомъ уже поняли этотъ полезный урокъ. Почему же не понять его живущимъ между Пишаверомъ и Читрадомъ?“.

Возстанія 1897 года показали, что „полезный урокъ“ не усвоенъ и племенами между Пишаверомъ и Кветтою, но „наступательная политика“ дѣйствительно имѣеть большую часть своихъ послѣдователей въ военныхъ кругахъ, какъ это естественно и должно быть. Въ рѣчи, напечатанной въ газетѣ Pioneer Mail 9 октября 1897 года, тогдашний главнокомандующій сэръ Джорджъ Хайтъ высказалъ убѣжденіе, что „цивилизація и варварство, какъ показываетъ исторія всѣхъ временъ, не могутъ существовать въ мирѣ и сосѣдствѣ, при независимости варваровъ... Когда мы имѣемъ на границѣ приблизительно 200 т. воиновъ, принадлежащихъ племенамъ самыми беззаконными, самыми необуздаными и воспламененными фанатизмомъ, мы не можемъ надѣяться на миръ съ ними и должны стоять во всеоружіи и готовности“. Мы упоминали уже, что сэръ Хайтъ высказывался за присоединеніе Тира къ британскимъ владѣніямъ и за обезоруженіе горцевъ. Такъ какъ мнѣнія его не опубликованы, то съ взглядами индійского главнаго штаба можно пока ознакомиться по статьѣ одного изъ офицеровъ этого штаба маіора Юнгхесбанда. Изложенный имъ планъ „прочнаго умиротворенія индійской границы“ во всякомъ случаѣ выражаетъ взгляды, господствующіе въ средѣ наиболѣе энергичныхъ и вліятельныхъ чиновъ индійской арміи, и конечно будутъ, по мѣрѣ возможности, проводиться ими на практикѣ. Подобно главнокомандующему, Юнгхесбандъ отправляется отъ того „великаго закона человѣческаго рода, по которому варварство отступало предъ цивилизацію или поглощалось ею въ Индіи, какъ и вездѣ“ *). Дѣйствію этого закона подлежать и тѣ

*) Маіоръ Юнгхесбандъ могъ бы цитировать слѣдующія строки изъ книги Романовскаго Кавказъ и кавказская война (Спб., 1860 г., стр. 48): Торжество Россіи въ войнѣ

занимающей съверо-западную границу Индіи племена, „которыя, представляясь мирными союзами и добрыми друзьями, въ действительности суть толпы кровожадныхъ и коварныхъ дикарей, готовыхъ въ любой моментъ обрушиться на руку, расточающую имъ ежедневно благодѣяния“. Примѣнявшаяся въ отношеніи къ нимъ пятьдесятъ лѣтъ мѣры не достигли удовлетворительныхъ результатовъ. Такъ, первоначально действовавшая система карательныхъ экспедицій не прекратила ни ихъ враждебности, ни грабежей. Замѣнившая ее „политика рушій“ или субсидій также не увѣличилась успѣхомъ: горцы съ жадностью домогались субсидій, но, вмѣсто приобрѣтенія плуговъ и орудій производства, они употребляли субсидіи на покупку огнестрѣльного оружія и военныхъ припасовъ, не дѣлясьnimало дружественными, а становясь все болѣе и болѣе сильными и опасными. Теперь практикуется третья политическая система: вмѣсто мелкихъ экспедицій стали предпринимать систематические походы большими силами, овладѣвать вражескими твердынями и оставаться въ нихъ продолжительное время, пока предположенные кары и иная цѣли вполнѣ не выполнены и не достигнуты. Опытъ 1897 года доказалъ, что эта система неудовлетворительна. Необходимы другія средства для того, чтобы „избѣжать ежегодныхъ смутъ на границѣ и громадныхъ расходовъ, истощающихъ финансы Индіи. „По всемирной исторіи съ древнѣйшихъ временъ“ первѣшее средство для умиротворенія беспокойного населенія есть его обезоруженіе. Если бы горцы съверной Шотландіи и населеніе Вандеи не были обезоружены, то и понынѣ съверная Шотландія и Вандея были бы столь же небезопасны, какъ горы афридіевъ. Съ обезоруженіемъ пограничныхъ племенъ необходимо соединить, во-первыхъ, постройку желѣзныхъ дорогъ для удобнаго доступа во всѣ части территоріи этихъ племенъ, и во-вторыхъ, переселеніе наиболѣе упрамыхъ и враждебныхъ племенъ или ихъ отдельловъ изъ горъ въ открытые долины. Для примѣненія предлагаемыхъ мѣръ необходимо всю границу подчинить одному военному губернатору, съ резиденціей въ Пинаверѣ, раздѣливъ пограничную территорію на шесть, примѣрно, участковъ, завѣдываемыхъ приставами (deputy governors) изъ офицеровъ. Желѣзныя дороги конечно надо строить такъ, чтобы непріятель не получилъ большихъ противъ теперешнаго удобствъ для прорыва черезъ горы (Nineteenth Century, 1898, February, p. 250--255, The Permanent Pacification of the Indian Frontier, by Major G. J. Younghusband).

При сличеніи программы Юнгхусбанда съ вышеприведенной программой Бульджера легко видѣть, что за исключеніемъ „Военной границы“ на ма-

---

съ кавказскими горцами составляетъ торжество цивилизациіи надъ самыми упорными варварствомъ... На каждомъ великомъ народѣ лежитъ обязанность ...содѣйствовать по мѣрѣ силъ развитію другихъ болѣе отсталыхъ народовъ...» и т. д.

неръ австрійской, о способахъ устройства которой на съверо-западѣ Индіи и самъ Бульджеръ не могъ сказать ничего существимаго, и особаго устройства желѣзныхъ дорогъ, оставшагося секретомъ для читателей (да вѣроятно и для самого автора), обѣ программы тождественны. Послѣ нихъ менѣе радикальныя программы сторонниковъ „наступательной политики“ большого интереса представить не могутъ и я ограничусь еще изложениемъ, въ видѣ образчика, замѣтки по тому же предмету лорда Непира Магдальскаго. „Мы не можемъ,— говоритъ онъ—допустить образованія на нашей границѣ ряда независимыхъ, хорошо вооруженныхъ и неприступныхъ Эльзасовъ (?)“. Предоставленныя самимъ себѣ пограничныя племена, вражда которыхъ къ Англіи питается религиознымъ фанатизмомъ и злобой за помѣхи ихъ грабительству, съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе сильными и лучше вооруженными, съ каждымъ днемъ болѣе убѣждаются въ противоположности ихъ интересовъ съ британскими, съ каждымъ днемъ становятся доступнѣе враждебнымъ вліяніямъ. Положеніе это невыносимо и требуетъ безотлагательныхъ мѣропріятій, такъ какъ политика равнодушія, разнообразившаяся карательными экспедиціями и блокадами, цѣли не достигаетъ. Слѣдуетъ продолжать съ успѣхомъ начатое сэромъ Робертомъ Сенденаномъ на южной части границы подчиненіе племенъ англійскому „контролю“, распространивъ его систему на съверные племена. Надо прежде всего разъединить пограничныя племена другъ отъ друга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природа страны сама этому способствуетъ, ибо племена на съверѣ отъ Кабулъ-дары совершенно отдѣлены отъ афридіевъ, а затѣмъ долина Курама раздѣляетъ афридіевъ и оракзіевъ отъ болѣе южныхъ везиріевъ и т. д. Ключъ къ успѣху лежитъ въ странѣ афридіевъ, наиболѣе труднодоступной и соединяющей племена съвера съ племенами юга. Нельзя допустить, чтобы 20 т. не признающихъ никакихъ законовъ горцевъ ставили упорную преграду политическимъ потребностямъ великой имперіи. „Надо это племя усмирить, во что бы то ни стало“. Долину Тира, центръ страны афридіевъ, слѣдуетъ занимать войсками, пока горцы не покорятся вполнѣ. Можно устроить здѣсь постоянную лѣтнюю стоянку для британскихъ войскъ, чѣмъ, благодаря горному здоровому климату, будетъ сберегаемо больше людей, чѣмъ стояла вся экспедиція. Когда афридіи будутъ усмирены, остальные племена, будучи разъединены, покорятся сдѣлавшемуся неизбѣжнымъ цивилизующему вліянію. Идеальное положеніе для этой границы: рядъ находящихся подъ покровительствомъ англійской власти небольшихъ владѣніицъ, управляемыхъ собственными старѣшинами или собраніями и какъ можно болѣе обособленныхъ другъ отъ друга. Къ каждому племени или группѣ должны быть назначены особые офицеры для веденія дѣлъ съ ними, для пріобрѣтенія ихъ довѣрія и для наблюденія за ихъ вооруженiemъ, и т. д. Возраженія, указы-

вающія на то обстоятельство, что только въ ихъ нынѣшнемъ дикомъ состояніи горныя племена въ состояніи оказать противодѣйствие нашествію, авторъ опровергаетъ соображеніемъ, что трудно предвидѣть чью сторону примутъ горцы: непріятельские агенты могутъ обѣщать грабежъ богатыхъ городовъ и долинъ Индіи, „а что можемъ предложить имъ за союзъ мы?“ Что касается финансовой стороны, то если предлагаемая политика вызоветъ нынѣ значительные расходы, за-то она доставить несравненно большія сбереженія, предотвращая пограничныя войны въ будущемъ (A brief note on the North-western Frontier Policy, by Lord Napier of Magdala, въ Nineteenth Century, 1898, March, p.p. 371—373).

Въ концѣ 1897 и въ началѣ 1898 гг., послѣ вывода войскъ Локхарта изъ Тира, безъ приведенія афридіевъ къ покорности, перевѣсь въ борьбѣ съ горцами казался значительной части общественнаго мнѣнія Англіи и почти всей континентальной прессы находящимся на сторонѣ афридіевъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій весною, съ новыми расходами и жертвами со стороны Anglo-Индіи, неминуемымъ. Вслѣдствіе этого, на основаніи весьма неполныхъ свѣдѣній, содержащихся въ телеграммахъ и болѣе или менѣе плохо осведомленныхъ газетныхъ корреспонденціахъ, политика правительства, дѣйствія Локхарта, организація и дѣятельность штабовъ, интендантства и т. д. подвергались рѣзкой критикѣ и譙ориціямъ. При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, весенняя сессія парламента, открывавшаяся 8 февраля 1898 года, обѣщала имперіалистско-консервативному министерству значительные затрудненія, такъ какъ оппозиція могла воспользоваться непопулярностью и неудачами правительственной политики на сѣверозападной границѣ Индіи. По этой причинѣ статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи лордъ Хамильтонъ озабочился изданіемъ, во времена открытия парламента, сборника документовъ о столкновеніяхъ съ горцами, закончившагося его депешею вице-королю отъ 28 января 1898, очевидно составленной для оправданія политики правительства противъ нападеній и содержащую обзоръ пограничныхъ столкновеній 1897 года съ указаніями относительно будущей политики.

Въ депешѣ этой, главною причиной возстаній лордъ Хамильтонъ признаетъ, какъ уже выше было приведено, мусульманскій фанатизмъ, возбуждаемый муллами. Въ числѣ второстепенныхъ поводовъ онъ указываетъ на проведеніе въ натурѣ границы съ владѣніями эмира согласно договору Дьюранда, которое могло послужить мулламъ предлогомъ для обвиненія правительства въ намѣреніи лишить племена ихъ независимости (Military operations etc., vol. II, p. 177), возвышеніе акциза на юхатскую соль, вызванное необходимостью устраниТЬ контрабанду и содержаніе особаго таможен-

наго надзора, известия о пораженияхъ, нанесенныхъ мусульманами-турками христианамъ-грекамъ, слухи о необычайныхъ неудачахъ Англии и пр. (р. 177).

Приступая къ обсуждению дальнѣйшей англо-видѣйской политики въ отношении къ пограничнымъ племенамъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи замѣтилъ, что задачи правительства въ этомъ отношеніи могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) въ отношеніи къ британскимъ землямъ, непосредственно прилегающимъ къ территории независимыхъ племенъ, 2) относительно „строгаго исключения всякаго вмѣшательства на территоріи племенъ, отданной по предшествовавшимъ соглашеніямъ въ сферу британского политического влиянія“, и 3) „по исполненію нашихъ обязательствъ въ отношеніи Афганістана и по оборонѣ естественныхъ границъ Индіи“ (р.р. 177, 178).

По первому предмету, въ послѣдніе годы произошли значительныя перемѣны, заключающіяся въ томъ, что,—вслѣдствіе развитія пограничной торговли и успѣховъ земледѣлія и промышленности въ приграничной полосѣ,—сношенія между населеніемъ британской терроріи и горцами очень участілись; отъ этого увеличилось, между прочимъ, влияние духовенства независимыхъ племенъ на британскихъ пограничныхъ мусульманъ, возрастаніе же фанатизма выразилось участіемъ британскихъ подданныхъ въ восстаніи въ Сватѣ и въ набѣгѣ монголовъ на Шабкаддаръ (р. 178). Никакихъ однако дальнѣйшихъ выводовъ изъ этихъ фактовъ и какихъ либо указаний на соотвѣтствующія мѣропріятія въ депешѣ не содержится.

По второму предмету, лордъ Хамильтонъ начинаетъ съ замѣчанія, что отношенія къ племенамъ сѣверной части границы, начиная съ Везирістана, отличаются отъ отношеній къ племенамъ белужей, контролируемымъ изъ Кветты, вслѣдствіе различія во внутреннемъ управлении; сверхъ того разнообразны и отношенія къ разнымъ сѣвернымъ племенамъ: даверская часть долины Точи прината подъ непосредственное покровительство, тогда какъ, напр., племена Хайберсаго прохода остаются вполнѣ независимыми, вѣнъ принятыхъ ими на себя обязательствъ по отношенію къ Хайберскому проходу; иные племена, какъ даверцы, платить небольшія подати, тогда какъ другимъ правительство само даетъ субсидіи за военные и полицейскія услуги. Опредѣливъ границу между Афганістаномъ и землями племенъ, состоящихъ въ сферѣ англійского влиянія, соглашеніе Дьюранда имѣло однако и тѣтъ результатъ, что, освободивъ племена отъ вмѣшательства въ ихъ дѣла эмира и упразднивъ исканіе ими помощи противъ эмира у Англіи, оно обратило все ихъ недовѣріе и всѣ ихъ опасенія исключительно на Англію. „Постепенное устраненіе этого недовѣрія должно быть однимъ изъ первостепенныхъ предметовъ предстоящихъ намъ дѣйствій“. Съ умноженіемъ сношеній горцевъ съ британскими туземцами участятся обращенія горцевъ къ пограничнымъ офицерамъ. Увеличается или

уменьшатся вслѣдствіе этого поводы къ враждебнымъ столкновеніямъ—неизбѣжно. Но при надлежащей внимательности и предусмотрительности можно бы надѣяться, что непріязненные столкновенія будутъ устранимы и учащенные сношенія повліяютъ на исправление къ лучшему грабительскихъ и беззаконныхъ наклонностей горцевъ, безъ вмѣшательства въ родовую систему ихъ самоуправления (р.р. 178, 179).

Цо третьему предмету, лордъ Хамильтонъ ограничился констатированіемъ, что принятое въ 1880 году обязательство защищать владѣнія эмира въ случаѣ невызванного внѣшняго нападенія, если эмиръ во внѣшихъ дѣлахъ будетъ слѣдовать указаніямъ британскаго правительства, подтверждено, и оно расшириено соглашеніемъ Дьюранда, „въ доказательство же возрастающаго дружелюбія между двумя правительствами субсидія эмиру увеличена на шесть лаковъ“. Къ сказанному обязательству добавилась обязанность (duty) надзора за пограничными горными проходами въ Индію, а равно содержанія достаточно го „контроля“ надъ главными путами, соединяющими Авганистанъ съ Индіею, „съ цѣлью предупрежденія чьего-либо враждебнаго политическаго вліянія на высокихъ плато, съ которыхъ внутренній Авганистанъ господствуетъ надъ этими проходами“ (р. 179).

Хотя замѣчанія лорда Хамильтона по тремъ группамъ задачъ пограничной политики отрывочны, неполны и довольно неопределены, тѣмъ не менѣе онъ отказывается дать индійскому правительству болѣе точную инструкцію на томъ основаніи, что пограничные дѣла и вопросы столь сложны и разнообразны, что для разрѣшенія ихъ не можетъ быть какихъ либо точныхъ формулъ и плановъ и что, напротивъ, „ всякая попытка дать однообразныя правила для руководства могла бы повредить главному объекту общей политики правительства ея величества, именно уваженіюъ правамъ другихъ, при твердой поддержкѣ своихъ“. „Вмѣстѣ съ тѣмъ однако есть иѣвторые руководящіе принципы, касающіеся пограничной политики, которыхъ правительство ея величества рѣшилось придерживаться“ и на которые обращаетъ внимание вице-короля:

1) Большое протяженіе и трудности горной границы дѣлаютъ желательнымъ, чтобы содержаніе постовъ и постоянныхъ военныхъ отрядовъ было ограничено тѣми позиціями, которыя необходимы для точно определенныхъ нуждъ пограничной политики. Такъ, напр., лордъ Хамильтонъ еще въ августѣ 1895 года указывалъ на необходимость обсудить—настолько ли отрядъ въ Вано полезенъ, чтобы окупались производимые на его содержаніе расходы. Онъ полагаетъ, что такие посты, какъ въ Сарагари (см. выше, стр. 53), должны быть упразднены. Вообще же вопросъ о лучшемъ размѣщеніи пограничныхъ постовъ и о выборѣ подлежащихъ удержанію сообщеній чрезъ по-

граничных земли долженъ быть подвергнутъ тщательному изученію, на основаніи которого слѣдуетъ составить ясный и вполнѣ опредѣленный планъ, соответствующій мѣстнымъ обстоятельствамъ. Посты отъ регулярныхъ войскъ должны быть оставлены лишь въ такихъ мѣстностяхъ и условіяхъ, где возможно скорое и успешное отраженіе всякихъ нападеній на нихъ, постамъ же изъ наемныхъ стражниковъ или милиционеровъ долженъ быть, на сколько возможно, придаваемъ характеръ полицейской, а не военной силы.

2) Второй принципъ, указываемый лордомъ Хамильтономъ, заключается въ избѣжаніи всакихъ столкновеній съ племенами, которыхъ могутъ быть устранимы безъ вреда для насущныхъ интересовъ. Именно по этой причинѣ онъ, по зрѣлому обсужденіи, отказалъ въ своемъ согласіи на обложеніе афридіевъ и оракзіевъ податью. Онъ не отвергаетъ, что такой налогъ былъ бы видимымъ проявленіемъ правъ, пріобрѣтенныхъ по соглашенію Дьюранда; возможно также, что номинальная подать могла бы усилить положеніе мелкокъ противъ проповѣдей мудль и фанатическихъ взрывовъ; боязнь обложенія податьми удерживала бы иногда враждебно настроенныхъ горцевъ. Но, съ другой стороны, желательно избѣгать подтвержденій мысли о томъ, что правительство намѣревается управлять землями горцевъ или желаетъ включить ихъ въ предѣлы индійскихъ провинцій. Сверхъ того лордъ Хамильтонъ опасается, что наложеніе даже номинальной подати можетъ воспламенять умы горныхъ племенъ, доставлять враждебно расположеннымъ людямъ матеріаль для приписыванія британскому правительству намѣреній, которыхъ оно не имѣвъ, особенно же можетъ дать племенамъ возможность выбирать время для отказа въ уплатѣ податей и, чрезъ это, для открытаго возстанія противъ британской власти. Въ такомъ случаѣ единственнымъ средствомъ вынудить исполненіе правительственныхъ требованій, вместо карательныхъ экспедицій и блокадъ, могло бы быть лишь введеніе прямого административного „контроля“ или, наконецъ, присоединеніе къ непосредственнымъ британскимъ владѣніямъ. Но распространеніе прямаго управлениія за границу вызоветъ увеличевіе ответственности, котораго желательно избѣгать, присоединеніе же повлечетъ за собою расширение британскихъ гражданскихъ и военныхъ учрежденій, съ слишкомъ большой и все растущей тяжестью для финансовыхъ средствъ. Между тѣмъ страхъ присоединенія несомнѣнно отращаетъ отъ совершенія насильственныхъ дѣйствій и можетъ оказывать такое вліяніе на сохраненіе порядка, какое отсутствуетъ въ присоединенныхъ земляхъ.

3) По поводу обезоруженія, одобряя помѣщеніе въ числѣ условій покорности возстававшихъ племенъ выдачу такихъ количествъ оружія, какія разумно могутъ быть требуемы, лордъ Хамильтонъ находитъ однако, что всякая попытка держать племена или часть ихъ обезоруженно повлечетъ за

собою серьезные последствия, ибо при томъ отсутствія законовъ и власти, въ какомъ живутъ племена въ британской территории, племена эти не могутъ существовать безъ средствъ для защиты. Пока правительство не приготовилось принять на себя ихъ защиту противъ всѣхъ ихъ соѣдей, отнятію средствъ самозащиты неизбѣжно должны быть опредѣлены какія-нибудь границы.

Въ заключеніе статьи-секретарь по дѣламъ Индіи говоритъ, что хотя взрывъ фанатизма, послѣдовавшій вслѣдствіе пропаганды муллъ, открылъ гораздо болѣе глубокій и шире распространенный источникъ опасности, чѣмъ до сихъ поръ подозрѣвалось, но съ другой стороны мягкость условій покорности, предъявленныхъ возставшимъ племенамъ, и явное нежеланіе правительства посягать на независимость и обычай самоуправлениія племенъ не могутъ не устранить то недовѣріе, которое ранѣе существовало у горцевъ относительно намѣреній правительства. Ближайше предстоящія въ отношеніяхъ къ горцамъ затрудненія соединены, поэтому, не столько съ опасеніями выѣзжательства въ ихъ дѣла, сколько съ неугомонностью (характера) горцевъ. Поэтому вице-король долженъ обратить вниманіе на эту перемѣну положенія и посвятить свои заботы новымъ сторонамъ вопроса. Въ виду же трудностей, съ которыми сопряжено было усмирение восстаний, совпавшихъ съ голодомъ и чумой въ Индіи, индійское правительство будетъ имѣть въ виду, что „никакія новыя отвѣтственности (responsibility) не могутъ быть допущены кроме неизбѣжно вызываемыхъ дѣйствительными стратегическими нуждами и защитою индійской границы“ (р.р. 179—182).

По открытіи парламента оппозиція, какъ и ожидалось, направила свои удары на индійскую пограничную политику. Представители правительства, помимо возраженій по существу, упирали съ своей стороны на то обстоятельство, что правительство было вѣрнымъ продолжателемъ политики либерального кабинета и держалось тѣхъ же принциповъ, принимало такія же мѣры, какъ предшествовавшія либеральнымъ министерства. Дѣйствительно, первое выставленіе военнаго отряда въ земляхъ независимыхъ племенъ, со всѣми последствіями, было, какъ выше излагалось, разрѣшено въ 1894 году либеральнымъ статьи-секретаремъ Фоулеромъ, который нашелъ, что это необходимо для установленія „дѣйствительнаго контроля надъ Везиристаномъ“ (Mil. operations on the North-west Frontiers of India, I, р. 31). Выставленіе войскъ въ Читралѣ и въ Малакандѣ было конечно отнюдь не менѣе необходимо для „дѣйствительнаго контроля“ надъ Читралемъ и Сватомъ, а затѣмъ во всемъ остальномъ лордъ Хамильтонъ дѣйствовалъ совершенно такъ же, какъ поступалъ и поступилъ бы Фоулеръ. При такой постановкѣ дѣла, весьма естественно, что въ палатѣ общинъ внесенная оппозицію поправка къ адресу, выражавшая порицаніе политики правительства на сѣверо-западной

границѣ Индіи, была 15 февраля 1898 г. отвергнута большинствомъ 311 голосовъ противъ 208. Когда, съ другой стороны, защитникъ „наступательной политики“, бывшій главнокомандующій войсками Индіи, фельдмаршалъ лордъ Робертъ Кандахарскій (of Kandahar) выступилъ, 7 марта, въ палатѣ лордовъ, съ заявлениемъ о необходимости энергичныхъ и дѣйствительныхъ мѣропріятій къ подчиненію пограничныхъ племенъ, положеніе которыхъ служить грозою для безопасности Индіи, то правительство заявило свое рѣшительное несогласіе съ мнѣніями Роберта и твердое намѣреніе держаться намѣченной лордомъ Хамильтономъ политики. Противники Forward Policy напротивъ торжествовали: предсѣдатель восточно-индійской ассоціаціи лордъ Reay, въ рѣчи, произнесенной въ общемъ собраніи этого общества 27 мая 1898 года, между прочимъ, утверждалъ, что положеніе, принятое правительствомъ, и принципы, установленные имъ въ депешахъ вице-королю, при точномъ исполненіи, предотвратятъ новые усложненія на сѣверо-западной границѣ Индіи; онъ сказалъ при этомъ: „изъ тѣхъ, кто содѣствовалъ достижению столь желательного результата, первое мѣсто занимаетъ предсѣдатель нашего совѣта сэръ Лепель Гриффинъ, могучее перо которого сдѣлало очень многое“ (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, July, p. 183).

Значитъ ли все это, что Англія отказалась въ отношеніи къ авганскимъ горнымъ племенамъ отъ Forward Policy и безповоротно приняла политику уваженія независимости этихъ племенъ и неприкосновенности ихъ терраторій?

По увѣренію одного изъ англо-индійскихъ публицистовъ, „Синяя книга“ 1898 года ничего не скажетъ тому, кто не умѣеть читать между строками (Vista въ I. a. A. Quarterly Review, 1899, January, p. 10). Но и не претендуя на такое умѣніе, достаточно внимательно въ содержаніе депеші лорда Хамильтона, чтобы убѣдиться, что главною, единствено существенною, цѣлью англійской политики на сѣверо-западной границѣ признается „защита“ Индіи отъ русского нашествія и „стратегическія нужды“ этой обороны. Хотя при достижениѣ этой цѣли предполагается уважать „права другихъ“, при твердой поддержкѣ своихъ“, но въ той же депешѣ англійские „интересы“ отождествляются съ „правами“, права же „другихъ“ оставляются безъ вниманія и попираются, если не совпадаютъ съ англійскими интересами. Такъ, для обороны Индіи важно иметьъ „контроль“ надъ пограничными племенами и ихъ терраторію: Англія присвоиваетъ его себѣ на основаніи гандамакскаго договора съ Якубъ-ханомъ и кабульскаго соглашенія Дьюранда съ Абдэррахманъ-ханомъ, тогда какъ пограничныя племена въ зависимости отъ этихъ эмировъ не состояли, и потому Англія не могла правильно приобрѣсти отъ нихъ правъ, которыхъ сами эмиры эти не имѣли. О независимости племенъ въ депешѣ трактуется только какъ о предметѣ, въ

высшей степени дорогомъ для горцевъ, а не какъ о началѣ, признаваемомъ Англіею. Правительство желаетъ, чтобы индійскія власти возстановили и поддерживали въ горцахъ убѣжденіе въ томъ, что оно не намѣreno посягать на независимость племенъ. Но оно поступаетъ такъ не потому, что твердо и искренно признаетъ эту независимость и право на нее племенъ, а потому лишь, что не видитъ пока лучшаго средства достигнуть умиротворенія племенъ и дружелюбныхъ съ ними отношений. Рекомендуемыя прямолинейными приверженцами „наступательной политики“ насиленіе и мѣропріятія—обезоруженіе, обложение податями, подчиненіе британскому управлению и т. д.—отвергаются лордомъ Хамильтономъ не принципіально, не потому, что они противорѣчать началу независимости племенъ, а только по практическимъ трудностямъ и невыгоднымъ результатамъ ихъ примѣненія. Отклоняя упомянутыя насиленіе и мѣропріятія, правительство приобрѣло по этой причинѣ одобрение своей политикѣ со стороны всѣхъ противниковъ Forward Policy, но сохранило также поддержку всѣхъ умѣренныхъ сторонниковъ „наступательной политики“, которые мириятся съ правительственною политикою, такъ какъ она не находится съ Forward Policy въ принципіальномъ противорѣчіи и стремится къ тѣмъ же цѣлямъ, хотя другими средствами. Такъ стоящій болѣе тридцати лѣтъ въ рядахъ сторонниковъ Forward Policy сэръ Ричардъ Темпль,—мнѣніе котораго о горныхъ племенахъ, высказанное въ шестидесятыхъ годахъ, было мню приведено, — въ любопытномъ сообщеніи, сдѣланномъ 8 декабря 1898 года въ Royal United Service Institution, заявилъ, что если бы результатомъ незадолго передъ тѣмъ законченного столкновенія съ Франциею изъ-за Фашоды была война и сторона Франціи приняла бы Россія, то непріязненные отношенія съ авганскими горными племенами сильно усугубили бы трудности войны для Англіи. Онъ питаетъ надежду, что принятая нынѣ правительствомъ политика освободить Англо-Індію отъ враждебности горцевъ. Изъ иныхъ политикъ ту, которая заключалась бы въ поступлениі съ горцами такъ, „какъ Россія обошлась съ Черкесіею послѣ крымской войны, т. е. состояла бы въ истреблении ихъ“, онъ обсуждать нашелъ излишнимъ, потому что ни индійское правительство ея не приметъ, ни англійский народъ ее не допустить. Политика подчиненія независимыхъ племенъ и управления ими и ихъ землями такимъ же порядкомъ, какъ управляются провинціи Індіи, „была бы слишкомъ дорога и едва-ли имѣла бы успѣхъ, потому что горцы не покорились бы: восстанія и усмиренія были бы безконечны и закончились бы тѣмъ, что я называю черкесскимъ методомъ“. Не годится также примѣнявшаяся на югѣ границы съ успѣхомъ бомбейская политика (езра Роберта Сенденмана, подъ руководствомъ, между прочимъ, стоявшаго одно время его начальникомъ сэра Ричарда Темпла), потому что

афридіи, по своему характеру, совершенно отличаются отъ южныхъ племенъ. Поэтому сэръ Ричардъ Темпль вполнѣ одобряетъ принятую нынѣшнимъ правительствомъ политику не щадить стараний убѣдить афридіевъ и остальные племена, что ихъ независимость будетъ абсолютно сохраняется подъ британскимъ владычествомъ: *that their independence under us is absolutely secure* (*Journal of the Royal United Service Institution, 1899, January*, р.р. 4, 5).

Желавшій въ 1895 году „вразумить“ авганскія племена, что они „наши“, Керзонъ, въ излагавшей впервые, по назначенію его вице-королемъ Индіи, съ титуломъ лорда Керзона-Кедльстона, взгляды его относительно политики на съверо-западной границѣ лахорской рѣчи 30 марта 1899 г., объявилъ, по газетнымъ извѣстіямъ, что намѣренъ уважать независимость племенъ и быть дружественнымъ съ тѣми, кто этого пожелаетъ, но твердымъ въ дѣйствіяхъ относительно тѣхъ, кто нападетъ безъ вызова. Подобно лорду Хамильтону, онъ, однако, уклонился отъ дальнѣйшихъ разъясненій: никто-де не въ состояніи предвидѣть, что можетъ случиться въ столь обильной неожиданностями странѣ, какъ съверо-западная граница Индіи; пограничная политика менѣе зависитъ отъ инструкцій и плановъ, чѣмъ отъ методовъ и средствъ, а еще болѣе отъ людей. Хотя въ рѣчи лорда Керзона-Кедльстона не слышится особаго сочувствія политики лорда Хамильтона, однако, въ теченіе всего 1898 года, при лордѣ Эльджинѣ, и въ 1899 году, при новомъ вице-королѣ, индійское правительство дѣйствовало совершенно въ духѣ миролюбія и воздержанія отъ всакихъ покушеній на вмѣшательство въ дѣла горныхъ племенъ и на неприкосновенность ихъ территорій. По обыкновенію, отдельные лица, шайки и даже мелкія вѣти племенъ производили грабежи и небольшія вторженія на британскую территорію, но пограничныя власти, слѣдя, конечно, инструкціямъ свыше, ограничивались прекращеніемъ безпорядковъ и наказаніемъ виноватыхъ по возможности, не затѣвая большихъ экспедицій и не распространяя ответственности на цѣлые племена, остававшіяся чуждыми возникавшимъ безнорядкамъ. Появлялся въ ноябрѣ 1898 года въ Сватѣ „безумный факиръ“, пытаясь поднять юсуфаевъ противъ хана Дири, но успѣха не имѣлъ, будучи прогнанъ самими горцами. Начинались военные дѣйствія между ханомъ Дири и баджаурцами, но своевременные строгія внушенія не замедлили возстановить спокойствіе.

Хотя заведенное съ начала 1898 года охраненіе Хайберского прохода британскими войсками не вызывало столкновеній съ афридіями, но съ цѣллю окончательного примиренія съ ними и устраненія поводовъ къ столкновеніямъ и неудовольствіямъ, въ марте 1899 года британскія войска выведены изъ Хайбера, и для охраны его сформированы два батальона „хайберскихъ стрѣл-

ковъ", каждый изъ шести ротъ, по 100 ч. въ ротѣ, подъ командою британскихъ офицеровъ; восемь изъ этихъ ротъ вербуются изъ афридіевъ Хайбера, племенамъ которыхъ сверхъ того сохранены получавшіяся ими ранѣе субсидии. Кромѣ того, изъ вышеупомянутаго сообщенія сэра Ричарда Темпля 8 декабря 1898 года слѣдуетъ заключить, что, во-первыхъ, правительство, для успокоенія афридіевъ, отказалось отъ постройки по Хайберу желѣзной дороги, ограничившись проведеніемъ ея отъ Пишавера до Джамруда и заготовленіемъ всего необходимаго для укладки рельсовъ отъ Джамруда до Кабула, когда въ этомъ встрѣтится надобность; во-вторыхъ, во избѣжаніе неудовольствія и столкновеній съ везирями, рѣшено не возводить укрѣплений по Гомульскому пути чрезъ Судеймановы горы и не занимать для этой цѣли пункта около Худайдада, какъ предлагали нѣкоторые военные авторитеты, ограничившись, въ видахъ обороны Гомульского прохода, постройкою постояннаго чрезъ Индъ моста у Дере-Измаиль-хана (The Journal of R. U. S. Institution, 1899, January, р.р. 3, 4, 6, 15—17) *).

* Считаю не лишнимъ привести здѣсь сокращеніе изъ этого же сообщенія сэра Ричарда Темпля (The present situation on the Indian Frontier) соображенія его относительно обороны Индіи противъ нападенія Россіи, такъ какъ эти соображенія составляютъ главнымъ образомъ лишь отраженіе мнѣній и свѣдѣній правительственныхъ сферъ въ концѣ 1898 года, таѣврія, разумѣется, что Англія съ своей стороны желаетъ сохранять съ Россіею миръ и согласіе, оно указалъ на два недавнихъ факта, свидѣтельствующихъ о явно недружелюбныхъ замыслахъ Россіи противъ Индіи: во-первыхъ, проведеніе желѣзной дороги отъ Мерва до Кашка на авганской границѣ, дороги, которая не доходитъ до Херата лишь 70 миль, не имѣть никакого торгового значенія и является угрозою для Авганистана и Индіи, и во вторыхъ, наполненіе авгано-персидской границы въ Сенгистанѣ русскими офицерами и агентами, съ невѣдомыми, но очевидно враждебными цѣлями (р.р. 7, 8). Относительно положенія Авганистана въ случаѣ войны Англіи съ Россіею сэръ Р. Темпль того мнѣнія, что, какъ и во времія столкновеній съ пограничными племенами, эмиръ останется вѣрнымъ Англіи, хотя это можетъ читаться по сердцѣ авгана? (р. 3). Обыкновенно полагаютъ, что русское нашествіе можетъ быть произведено по двумъ направлениямъ: на Хератъ-Кандахаръ и на Балхъ-Кабулъ. Сэръ Р. Темпль убѣждень, что усиленное движение русской арміи на Кабулъ, тѣмъ она встрѣтить британскую армію, соединенную временемъ желѣзной дорогой съ Пишаверомъ, практически невозможно вслѣдствіе чрезвычайной трудности путей чрезъ Хиндукушъ (р.р. 11, 12). Остается направление Хератъ-Кандахаръ. Можетъ-ли Хератъ защищаться и пожелаютъ ли его защищать--этого никто не можетъ знать. Если авгани будутъ хорошо настроены, то я не сомнѣваюсь, что крѣпость можетъ защищаться». Индійское правительство можетъ послать нѣсколько отборныхъ инженеровъ, артиллеристовъ и офицеровъ. Я думаю, что благодаря этому Россіи придется поташовать предъ Хератомъ нѣсколько дней, а можетъ быть и недѣль. Весьма важно, между прочимъ, укрѣпить всѣ высоты кругомъ Херата, съ которыхъ русскіе могли бы командоватъ надъ городомъ. Все это однако надо го не пособить, русскіе возьмутъ Хератъ, и я думаю, что мы не поплемъ своимъ войскъ въ такую дали отъ своей базы. Хератъ долженъ пасть, но задержавшиесь нужное для насъ время (р. 12). Отсюда русская армія направится къ Кандахару и встрѣтится съ британской, которая ее весомѣтно отразить. Если-бы, паче чаянія, позиція при Кандахарѣ не быладержанна и русская армія двинулась бы къ Гомульскому проходу, то тамъ ее встрѣтила британская корниусъ, тогда какъ арьергарду ея будетъ угрожать другой корниусъ, поддерживаемый третьимъ изъ Кветты. Такимъ образомъ противъ одного атакующаго русскаго корниуса, имѣющаго другой корниусъ въ резервѣ, будуть действовать три британскихъ корниуса.

Если бы миролюбивая и благоразумная политика лорда Хэмилтона не была только результатом „урока“ 1897 года, показавшего какія трудности и опасности представляет борьба съ доведенными до крайности горцами, защищающими свою независимость, но имѣла принципиальные основы, а съ ними и прочную устойчивость на долгое время, то по всей вѣроятности Англія въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, не ранѣе, приобрѣла бы мирное сосѣдство и дружбу горныхъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнного и вѣриаго союзника для обороны Индіи противъ нашествія чрезъ Афганістанъ и Судеймановы горы. Къ несчастію не только для авганскоаго народа, но и для самой Англіи, на сколько-

---

Изъ нихъ два, повидимому, будуть взяты изъ индійской арміи, третій же будетъ присланъ изъ Англіи, гдѣ будетъ немедленно приступлено къ формированию второго корпуса. Потребуются значительные расходы, «но я полагаю, что мы возвратимъ эти издеражки съ Россіи, которая должна будетъ выплатить ихъ деньгами или землями въ Китаѣ» (р. 12, 13).

Численность арміи нашествія сэръ Р. Темпль опредѣляеть не выше 100 т. ч., такъ какъ за Каспійской желѣзной дорога, одноколейная и отрѣзанная отъ внутреннихъ губерній Каспійскимъ моремъ, не въ состояніи перевезти большаго количества войскъ и снабжать ихъ продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ, и такъ какъ для движенія отъ Херата арміи въ 100 т. ч. потребуется подъ продовольствіе и другія тяжести не менѣе 100 т. верблюдовъ, между тѣмъ какъ вся страна на югъ до Аравийскаго моря едва ли можетъ дать такую массу верблюдовъ. Вообще этотъ недостатокъ перевозочныхъ средствъ явится главнѣйшимъ затрудненіемъ для русскаго нашествія, тогда какъ индійская желѣзная дорога доходитъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ британскіи войскамъ придется вступать въ бой, и на основаніи своего личнаго опыта по завѣдыванію транспортной частью во время войны 1879—1880 г.г. сэръ Р. Темпль заявляетъ въ возможности добыть въ Индіи любое количество выночнаго скота, 100 т. верблюдовъ и т. д.

Если Россія не предприметъ немедленно по объявлению войны движенія къ Инду, а ограничится овладѣніемъ Хератомъ и Афганскимъ Туркестаномъ, размѣстить свои войска въ этихъ областяхъ и займется здѣсь полгода или годъ приготовленіями для дальнѣйшаго похода на Индію, то, по мнѣнію сэра Р. Темпля, Англія, вслѣдствіе отдалености указанныхъ областей отъ Инду, не можетъ ни защищить ихъ, ни послать войска для отнятія ихъ. Ей придется принудить Россію къ возвращенію ихъ посыпкою флотомъ въ Черное и Балтійское моря, уничтоженіемъ морской торговли Россіи и заладѣніемъ нѣкоторыми приобрѣтеніями ея въ Китаѣ. Сомнительно, чтобы Россія могла долго выносить такую войну, тогда какъ для Англіи она будетъ нечувствительна, ибо ни ея владѣнія, ни торговля, ни сообщенія съ Индіею ни мало не пострадаютъ (р. 13). Если бы, сдѣлавъ всѣ приготовленія для снабженія арміи въ дальнѣйшемъ пути къ Инду изъ Херата и Балхъ, Россія произвела нашествіе, то изготавливавшаяся къ отраженію Англія дала бы ей надлежащія отпоръ и въ Кабулѣ, и въ Кандахарѣ. Сэръ Р. Темпль не допускаетъ одновременнаго нападенія по обоимъ направлѣніямъ, такъ какъ по первому наступленіе невозможно въ зимнее время по причинѣ страшныхъ холодовъ, по второму же въ летнєе вслѣдствіе необыкновенныхъ жаровъ (р. 14).

Завѣренія лектора о легкости снабженія британскіихъ войскъ транспортными животными изъ Индіи столь не согласны съ опытомъ англо-авганскоаго войны, что предѣдѣтельствовавший въ собраниіи генераль лордъ Метуенъ долженъ былъ выразить по этому поводу сомнѣніе, указавъ на затрудненія въ транспортныхъ средствахъ во время экспедицій 1897 года (р. 19). Сэръ Р. Темпль отвѣтилъ, что въ Синдской пустынѣ и въ Раджпутанѣ существуютъ лучшія въ мірѣ пастбища для разведенія верблюдовъ (р. 17). Не трудно однако замѣтить, что мало иметь пастбища, надо развести сотни тысячъ верблюдовъ, а на это потребуются десятки лѣтъ и громадные расходы со стороны индійской казны, ибо разведение выночнаго скота убито въ Индіи желѣзными дорогами.

нибудь продолжительное применение нынѣшней политики разсчитывать невозможнo, во-первыхъ, вслѣдствіе безраздѣльного преобладанія въ англійской политикѣ принципа британскихъ интересовъ, съ попираниемъ чужихъ правъ, и во-вторыхъ, вслѣдствіе крайней нервности правящихъ круговъ и общественаго мнѣнія Англіи и готовности къ рискованнымъ и неразумнымъ насилиямъ въ случаяхъ воображаемой опасности для Индіи. *Salus Indiæ suprema lex*— восклицаніе въ 1893 году въ одной своей статьѣ нынѣшній вице-король Индіи; „я вѣрю, что мы рады бы были бы истратить всѣ снаряды вульвичскаго арсенала и что каждое англійское семейство сть готовностью отдало бы своего послѣдняго сына, чтобы не допустить вступленія врага на индійскую почву“ (*Nineteenth Century*, 1893, August, *India between two fires*, by M. George Curzon). Изъ всѣхъ бѣдъ, грозящихъ Индіи, нынѣшній вице-король считалъ и, конечно, продолжаетъ считать важнѣйшую возможность подкупа и возбужденія фанатизма и вражды противъ Англіи въ средѣ авганскихъ пограничныхъ племенъ: „тогда положеніе можетъ измѣниться изъ сомнительнаго въ неоспоримо опасное, и на протяженіи всей тысячелѣтней границы закипитъ хроническое возмущеніе“.

Вполнѣ естественно со стороны Англіи, если она употребить для защиты своихъ индійскихъ владѣній всѣ свои силы и достояніе, но и при оборонѣ недозволительно нарушать требованія общеобязательныхъ для человѣчества нравственности, гуманности, справедливости и уваженія къ правамъ другихъ; и при законной оборонѣ постыдно, неразумно и невыгодно отдаваться во власть чувствъ страха и мстительности. Между тѣмъ, во всемъ этомъ повинна политика Англіи вообще, между прочимъ и въ отношеніяхъ ея къ народу авганскому. Такъ, въ 1838 году, когда неимѣвшій никакихъ обязательствъ предъ Англіею и нежелавшій подчинять ей безъ всякаго вознагражденія свою политику эмиръ Достъ-Мохаммедъ-ханъ вошелъ въ соглашеніе съ Россіей, то хотя Россія, не желая воевать съ Англіею, отреклась отъ данныхъ ея имѣніемъ обѣщаній и отъ политическихъ сношеній съ эмиромъ, Англія тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ чувства страха предъ предстоявшей Индіи опасностью, хотя вполнѣ миновавшей, и изъ мстительности, обращенной вмѣсто сильнаго и опаснаго соперника на слабый и безвредный для Индіи Авганистанъ, начала войну для подчиненія этой страны. Послѣдовавшая, послѣ эфемерныхъ успѣховъ, катастрофа съ оккупационнымъ отрядомъ обнаружила громадныя трудности удержать завоеванную страну и вынудила англичанъ очистить Авганистанъ послѣ вторичнаго похода для мести и выручки плѣнныхъ. Чрезъ тридцать пять лѣтъ Англія успѣла позабыть полученный урокъ. Когда чрезмѣрныя притязанія англичанъ побудили Ширъ-Али принять русское послѣство, Англія начала войну, снова изъ страха за Индію и изъ мести, хотя

оставленному Россіею безъ защиты эмиру не оставалось ничего другого, какъ признать протекторатъ Англіи на возможныхъ условіяхъ. Вмѣсто принятія неминуемой покорности эмира Авганистана Англія предпочла воевать, чтобы свергнуть Ширь-Али съ престола. Снова за обманчивыми удачами возникли трудности борьбы съ народомъ, мужественно и стойко защищающимъ свою независимость, и снова Англія вынуждена была очистить Авганистанъ, считая счастьемъ, что нашла въ лицѣ Абдеррахманъ-хана эмира, принявшаго условія, болѣе для Авганистана выгодныя, чѣмъ тѣ, которыми удовольствовался бы Ширь-Али. Едва прошло послѣ этого пятнадцать лѣтъ, какъ сторонники Forward Policy начали забывать и этотъ вторичный урокъ.

Въ письмѣ къ редактору газеты „The Mail“ 17 іюня 1895 года нынѣшній вице-король Индіи спрашивалъ уже: „когда въ исторіи британскихъ войнъ оставленіе занятой территоріи было успешно? Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы отступленіе изъ Авганистана въ 1842 году было выигрышемъ, а не потерей. Оставленіе Кандахара въ 1881 году“ нѣсколько извиняется лишь тѣмъ, что Абдеррахманъ-ханъ оказался вѣрнымъ другомъ Англіи, хотя находженіе Кандахара въ британскихъ рукахъ было бы всетаки надежнѣе. Если и принять въ соображеніе, что такія мнѣнія высказывались Керзономъ въ пылу полемики противъ индійскихъ „отставныхъ губернаторовъ и генераловъ, наводнившихъ почти всю прессу“ требованіями о выводѣ британскихъ войскъ изъ Читрала послѣ восстановленія въ немъ англійского вліянія, изъ опасенія возбудить вражду и волневія пограничныхъ племенъ (въ чёмъ, какъ показали событія 1897 года, „отставные губернаторы и генералы“ оказались вполнѣ правыми); что въ Англіи не мало людей, готовыхъ стоять за соблюденіе въ дѣйствіяхъ правительства справедливости, гуманности иуваженія къ правамъ другихъ народовъ, и что Гладстону удавалось иногда примѣнять въ нѣкоторой степени эти начала въ политикѣ Англіи,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что даже Гладстону приходилось дѣлать уступки, между прочимъ, и по авганскимъ дѣламъ, национальному шовинизму и что со смертью его имперіализмъ получилъ рѣшительное преобладавіе.

Лордъ Керзонъ-Кедльстонъ, на постѣ товарища министра иностраннѣхъ дѣлъ, являлся въ 1895—1898 г.г. въ палатѣ общинъ довольно точнымъ и вѣрнымъ выразителемъ умѣренной политики лорда Селсбери, но въ качествѣ публициста, въ предшествовавшіе годы, оказывался способнымъ къ имперіалистскимъ увлечевіямъ. Недавній маскватскій инцидентъ побуждаетъ опасаться отъ него и на постѣ вице-короля Индіи опрометчивой дѣятельности въ томъ же духѣ. Власть вице-короля закономъ и практикою настолько ограничена, что онъ обыкновенно не можетъ предпринимать ничего серьезнаго безъ вѣдома и разрѣшенія лондонскаго министерства. Однако при отсутствіи между мини-

стерствомъ и вице-королемъ иного различія кромъ степени благородства и осторожности, такъ какъ безраздѣльное и неограниченное никакими этическими требованіями господство британскихъ интересовъ признается непреложнымъ, такой талантливый, энергичный и занимающій въ правительственной партии влиятельное положеніе вице-король, какъ лордъ Керзонъ-Кедльстонъ, можетъ давать англо-индійской политикѣ рѣшительное направленіе въ смыслѣ своихъ личныхъ взглядовъ и симпатій. Указаніе его, въ лахорской рѣчи, на зависимость англо-индійской пограничной политики не столько отъ намѣреній и инструкцій, сколько отъ людей и случайностей, даетъ основаніе ожидать, что лордъ Керзонъ разсчитываетъ на свою личную талантливость, энергию, ловкость и счастіе для опредѣленія путей и средствъ будущей англо-индійской политики, причемъ неизбѣжно будутъ имѣть преобладающее, быть можетъ, значеніе его симпатіи къ Forward Policy.

Что касается „людей“, — которыми часто созидаются и самы „случайности“ на границѣ, какъ видѣли мы въ дѣятельности „политическихъ офицеровъ“, предшествовавшей возстаніямъ въ Сватѣ и пр., — то политика лорда Лоуренса и его преемниковъ до лорда Литтона пользовалась среди индійскихъ англичанъ весьма малыми симпатіями. Горды британцы съ трудомъ переносили эту политику, требовавшую необычнойдержанности въ отношеніи наглыхъ пограничныхъ дикарей, тогда какъ вся исторія владычества Англіи въ Индіи пріучила къ совсѣмъ иной системѣ обращенія съ азіатами. По словамъ сэра Джеля Гриффина, военный секретарь лорда Литтона полковникъ Ромегоу Colley, фактически правившій при этомъ вице-королѣ Индію, особенно возмущался воспрещеніемъ британскимъ офицерамъ переходить гравицу съ горными племенами даже для охоты (Nineteenth Century, 1897, October, p. 510). Со временіи лорда Литтона сторонники „наступательной политики“ и имперіализма получили преобладаніе въ гражданскомъ, особенно же въ военномъ управлении Индіи. Рѣчи бывшаго главнокомандующаго войсками Индіи лорда Роберта въ 1893 году въ Лондонѣ, по возвращеніи его изъ Индіи, и въ мартѣ 1898 года, въ палатѣ лордовъ, а также его преемника сэра Генри Хайта въ Индіи въ октябрѣ 1897 года, мнѣнія послѣдняго въ совѣтѣ генераль-губернатора относительно афридіевъ, планъ „прочнаго у marrowенія индійской границы“ маюра Дж. Юнгхесбанда и т. д. не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно настроенія военныхъ круговъ Индіи. По справедливому замѣчанію лорда Reay, въ вышеупомянутой рѣчи его 27 мая 1898 г., отношенія къ горнымъ племенамъ много зависятъ отъ такъ называемыхъ „политическихъ офицеровъ“, которые завѣдуютъ пограничными дѣлами. Недостаточно указать правильную политику; „мы должны обеспечить себя агентами, способными вести ее и внушать горцамъ довѣріе“.

Газетныя корреспонденции изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ горцевъ въ 1887 году, часто заключали въ себѣ жалобы на „политическихъ офицеровъ“, будто бы вынуждавшихъ начальниковъ отрядовъ, къ которымъ они назначались для веденія политическихъ сношеній, къ неумѣстной слабости и снисходительности къ племенамъ, къ уменьшению размѣровъ подлежавшихъ съ нихъ штрафовъ, оружія и т. п. Въ дѣйствительности, какъ ясно изъ „Синей книги“, „политические офицеры“ высказывались болѣею частю за строгія мѣры и высокія размѣры взысканій. Та же „Синяя книга“ показала, что восстанія 1897 года были въ значительной степени послѣдствиемъ вмѣшательства пограничныхъ агентовъ въ дѣла горцевъ, несогласнаго съ правительственною политикою, хотя иногда и одобрявшагося индійскимъ правительствомъ. Трудно думать, чтобы и въ будущемъ пограничные комиссары, сознательно или безсознательно, не проявляли въ своей дѣятельности симпатій къ „наступательной политикѣ“, уже по тому одному, что политика невмѣшательства лишаетъ пограничныхъ агентовъ случаевъ высказывать свои способности въ активной политикѣ.

Вообще, до осени 1899 года, представлялось весьма мало вѣроятнѣмъ, чтобы политикѣ лорда Хамильтона предстояло продолжительное примѣненіе. Казалось, что даже безъ всякихъ особыхъ случайностей, какъ только впечатлѣніе опасностей и трудностей, сопровождавшихъ усмиреніе смуты 1897 года, нѣсколько изгладится, англо-индійское правительство болѣе и менѣе постепенно и сознательно, подъ вліяніемъ воинствующаго имперіализма, возвратится на путь „наступательной политики“ въ отношеніи къ пограничнымъ авганскимъ племенамъ. Поводы къ столкновеніямъ обильны съ обѣихъ сторонъ. Достаточно, напр., индійскому правительству, во исполненіе требованій нѣкоторыхъ военныхъ авторитетовъ, провести желѣзную дорогу по Хайберу или гомульскому пути, съ возведеніемъ въ земляхъ горцевъ соотвѣтствующихъ укрѣпленій, или послать военный отрядъ на помощь хану Дири для поддержки вѣрнаго союзника противъ мятежныхъ подданныхъ или враждебныхъ сосѣдей, и т. под., чтобы возбудить въ горныхъ племенахъ опасенія за независимость и вызвать войну съ ними. Съ другой стороны, сколь ни удручены горныя племена бѣдствіями и разореніемъ вслѣдствіе восстаній 1897 года, тѣмъ не менѣе ненависть и озлобленіе противъ англичанъ столь въ нихъ прочно укрѣплены, что кромѣ обычныхъ грабежей и мелкихъ вторженій весьма возможны стихійные взрывы, подобные восстаніямъ въ Сватѣ и у маддахелей. Въ случаѣ же возобновленія войны съ однимъ или нѣсколькими изъ горныхъ племенъ индійскому правительству едва-ли окажется возможнымъ устоять противъ требованій сторонниковъ „наступательной политики“ относительно обезоруженія, обложенія податями, подчиненія английскому управлѣнію,

занятія стратегическихъ пунктовъ и прочихъ мѣропріятій, составляющихъ „планъ прочнаго умиротворенія“ или „черкесскій методъ“.

Въ такомъ видѣ представлялось положеніе отношевій Англо-Индіи къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ осенью 1899 года, до войны Англіи съ бурами двухъ южно-африканскихъ республикъ, начавшейся 11 октября. Ознаменовавшаяся неудачами и пораженіями англійскихъ войскъ, выказавшая несостоительность Англіи, въ качествѣ военной державы, обнаружившая нравственное и политическое ея одиночество и вызвавшая единодушное порицаніе покушеній Англіи лишить независимости и поработить небольшой численностью, но сильный мужественною привязанностью къ свободѣ народъ, колонизовавшій южную Африку,— порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ, война эта, чѣмъ бы она ни кончилась, не можетъ не оказать огромнаго вліянія на послѣдующія судьбы Англіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на ея политику на сѣверо-западной границѣ Индіи. Возможное выясненіе вліянія совершающихся измѣненій въ положеніи Англіи на отношенія ея къ авганамъ составить одинъ изъ предметовъ заключительной главы настоящаго этюда.

V. Русскій и англо-индійскій „Кавказы“.

Утверждая, что индійское правительство не пожелаетъ и англійскій народъ не допустить примѣненія „черкесскаго метода“ къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ, сэръ Ричардъ Темпль выражалъ господствующее издавна въ Англіи отношеніе къ русскимъ мѣропріятіямъ по покоренію Кавказа, которая подвергались въ этой странѣ, въ свое время, горячимъ и единодушнымъ порицаніямъ. Хотя планъ „прочнаго умиротворенія индійской границы“ есть лишь полная систематизация мѣропріятій „черкесскаго метода“,—примѣнившихся въ разное время, въ различныхъ размѣрахъ и съ неодинаковыми результатами,—однако, не желая навлекать на свой планъ непопулярности „черкесскаго метода“, маіоръ Кингхесбандъ ссылался, вмѣсто кавказскихъ горцевъ, на горцевъ Шотландіи и населеніе Вандей, у которыхъ слишкомъ мало общаго съ авганскими пограничными племенами, ихъ средою и исторію. Между тѣмъ аналогіи между борьбою Англіи съ авганскими горцами и покоренiemъ Россіею кавказскихъ горцевъ столь во многомъ поразительны, что начинаютъ сильно интересовать англо-индійскихъ военныхъ писателей.

Такъ, въ майской книжкѣ Nineteenth Century, 1898 (The Caucasus and Tirah: a Retrospect, р.р. 717—723), лордъ Непиръ Магдальскій:

занялся сравнениемъ военныхъ дѣйствій генерала Локхарта противъ оракзіевъ и афридіевъ съ экспедицію графа Воронцова въ Дарго въ 1845 году. Онъ нашолъ, что „оба театра военныхъ дѣйствій сходны по климату, по топографическимъ условіямъ и по пространству. Если русскіе имѣли невыгоду дѣйствовать въ покрытой густыми лѣсами странѣ, то есть въ иѣкоторыхъ мѣстахъ и въ Тира лѣса, которые давали, въ двухъ или трехъ случаяхъ, афридіямъ иѣкотория преимущества; притомъ Тира вѣроятно много гористѣе и труднѣе для сообщеній, ибо русскія известія упоминаютъ о сопровождавшихъ войска легкихъ колесныхъ экипажахъ, что въ Тира было бы невозможнно“. Въ обоихъ случаяхъ враждебные горцы были сходны, какъ одинаково опасные противники, привыкшіе носить орудіе съ дѣствія и проводящіе всю жизнь въ междуособіяхъ и стычкахъ. У тѣхъ и другихъ одинаково примѣнялась тактика слабаго сопротивленія при наступлѣніи противника и отчаянія на него натиска при отступлѣніи. Но племена сѣверо-западной границы Индіи лучше вооружены, чѣмъ сподвижники Шамиля. Неудачи русскихъ (въ экспедиціи 1845 года) были слѣдствіемъ военныхъ талантовъ Шамиля, успѣхи же англичанъ (въ Тира) зависѣли отъ талантовъ полководца и пре-восходства офицеровъ новѣйшаго времени.

Свѣдѣнія лорда Непира во многомъ неѣрны или неполны, а потому и заключенія его ошибочны. Такъ изрѣдка встрѣчающаяся скудная древесная растительность Тира *) не имѣть никакого сходства съ занимающими огромныя пространства лѣсами Чечни **). Затѣмъ лорду Непиру повидимому неизвѣстно, что кавказскіе горцы были вооружены лучше русской пѣхоты и кавалеріи: „горцы всегда имѣли предъ нами преимущество въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи... Винтовки ихъ уступаютъ въ дѣствіи только новѣйшимъ штуцерамъ и нарѣзнымъ ружьямъ“ (донесеніе князя Барятинскаго военному министру 8 ноября 1857 года, см. А. Л. Зиссермана „Фельдмаршалъ кн. Барятинскій“, Москва, 1890 г., томъ II, стр. 185). Что не таланты Шамиля были

*) См. описание театра военныхъ дѣйствій начальника топографовъ въ войскахъ Локхарта полковника Холдича въ The Geographical Journal, 1898, October, p. 345.

**) Иѣкоторое сходство существуетъ, въ качествѣ театра военныхъ дѣйствій, лишь между Дагестаномъ и Тира и вообще землями авганскихъ горцевъ. По словамъ генерала Смѣкалова (1877 г.), между условіями военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ и Чечнѣ ни сравненія быть не можетъ: «какъ бы ни были труднопроходимы горныя троны Дагестана, вы ихъ все же хорошо видите и опредѣляете издали, что на нихъ есть, тогда какъ въ терской области непроницаемая завѣса лѣсовъ, до самого момента встрѣчи съ опасностью, оставляетъ васъ въ полной неизвѣстности, «гдѣ и чего ожидать» (А. С. «Очеркъ возстанія горцевъ въ Терской области въ 1877 году», Сиб., 1896, стр. 123). Превосходно также выяснено различіе условій военныхъ операций въ Дагестанѣ и Чечнѣ и разница въ системѣ войны между авганцами и чеченцами въ интересной запискѣ генерала Пасека, убитаго въ экспедиціи князя Воронцова 1845 г., напечатанной въ книгѣ Романовскаго «Кавказъ и кавказская война», Сиб., 1860 г., стр. 371—378.

главною причиною неуспѣха экспедиціи князя Воронцова, а лѣса Чечни, это доказывается еще болѣе полнымъ пораженiemъ 10-ти тысячнаго отряда Граббе въ 1842 г. въ тѣхъ же лѣсахъ, пораженіи, нанесенномъ какими-нибудь 2 тыс. мѣстныхъ чеченцевъ въ то время, когда Шамиль съ главными своими силами находился въ другой части Дагестана, въ казикумскомъ ханствѣ. Да же, если генералы и офицеры дѣйствовавшихъ въ 1897 г. противъ авганскихъ горцевъ англо-индійскихъ войскъ вообще стояли на высотѣ требованій отъ европейскихъ войскъ въ настоящее время, то равнымъ образомъ генералы и офицеры составлявшихъ въ сороковыхъ годахъ боевую часть русской арміи кавказскихъ войскъ соотвѣтствовали военнымъ требованіямъ своего времени. Вопреки мнѣнію наслѣдника имени побѣдителя негуса Феодора, сопротивленіе афридіевъ сломлено было отнюдь не какими-либо особыми талантами генерала Локхарта, а превосходствомъ вооруженія британской пѣхоты, превышавшему силы горцевъ численностью англо-индійскихъ войскъ и, главное, артиллерию, которой горцы совсѣмъ не имѣли.

Во всякомъ случаѣ сравненіе отдельныхъ эпизодовъ кавказской войны съ эпизодами англо-авганской не можетъ дать столь цѣнныхъ и поучительныхъ результатовъ, какъ сравненіе той и другой борьбы въ ихъ общихъ условіяхъ и историческомъ развитіи. Изъ всѣхъ примѣровъ борьбы европейскихъ державъ съ нецивилизованными горными народами, страстно и упорно отстаивавшими свою независимость, всего ближе подходитъ въ столкновеніемъ Англо-Индіи съ авганскими горными племенами завоеваніе Кавказа Россіею и Алжиріи Франціею. Но наибольшее сходство принадлежитъ покоренію Кавказа, а потому, намѣтивъ нѣкоторыя главныя черты сходства и различія между кавказскими и авганскими горцами и условиями ихъ обороны, я сдѣлаю краткій очеркъ покоренія кавказскихъ горцевъ и его результатовъ до настоящаго времени, а затѣмъ попытаюсь примѣнить данные кавказскимъ опытомъ указанія къ борьбѣ англо-авганской.

Пространство территоріи кавказскихъ горцевъ почти одинаково съ пространствомъ земель авганскихъ пограничныхъ племенъ. Численность кавказскихъ горцевъ также равнялась численности авганскихъ, составляя около $1\frac{1}{2}$ милли. душъ обоего пола, въ томъ числѣ около 1 милл. въ Восточномъ Кавказѣ и около 500—600 т. д. въ Западномъ. Кавказские горцы находились въ той же стадіи устарѣвшаго и разлагающагося родового быта, какъ авганские, и также раздѣлялись на множество независимыхъ обществъ то демократическихъ, то съ наследственными ханами и остатками аристократическихъ классовъ, какъ пережитками былыхъ нашествій и завоеваній. Мусульманство было религією большинства кавказскихъ горцевъ, но у западныхъ племенъ значеніе его сильно ослаблялось остатками языческихъ и, мѣстами, христиан-

скихъ вѣрованій. Кавказские горцы были столь же воинственны и мужественны, какъ авганскіе, и столь же привязаны къ независимости, но они не составляли какъ авгани, лишь разныхъ племень и дѣлений одной и той же народности, говорящей на одномъ языкѣ, а распадались на десятки особыхъ народностей, различного происхожденія и съ особыми языками. Всѣдѣствіе этого необходимо дное для болѣе успѣшной борьбы съ могучимъ врагомъ единеніе кавказскихъ горцевъ встрѣтило несуществующія у авганскихъ горцевъ препятствія и не могло быть вполнѣ достигнуто. Сверхъ того объединенію Западнаго Кавказа съ Восточными значительно мѣшало раздѣленіе ихъ землями иновѣрныхъ осетинъ и отчасти грузинъ. Другая важная невыгода кавказскихъ горцевъ сравнительно съ авганскими заключалась въ томъ, что территорія ихъ была со всѣхъ сторонъ окружена русскими владѣніями или морами, обыкновенно находившимися во власти Россіи. Напротивъ авганскія пограничные племена всѣмъ тыломъ своимъ прилегаютъ къ владѣніямъ эмира и не только могутъ находить въ нихъ безопасній пріютъ, но разсчитывать и на помоць подвластныхъ эмиру племень авганского народа.

Экономическія условія Кавказа и земель авганскихъ горцевъ, разумѣется, весьма разнообразны, но въ общемъ хозяйственное положеніе кавказскихъ и авганскихъ горцевъ сходно въ томъ отношеніи, что, при отсутствіи иныхъ важныхъ промысловъ кромѣ земледѣлія и скотоводства, населеніе было бѣдно и едва могло пропитываться продуктами своихъ промысловъ.

Доставляемыя горною природою выгоды обороны были вообще одинаковы, но могучая древесная растительность въ Чечнѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ давала кавказскимъ горцамъ значительное предъ авганскими преимуществомъ.

1) *Покореніе Кавказа Россіею.*

Столкновенія Англіи съ авганами происходили всѣдѣствіе желанія ея подчинить своему вліянію или владычеству ихъ страну, съ цѣлью лучшей обороны Индіи противъ болѣе или менѣе возможнаго и вѣроятнаго нашествія съ сѣверо-запада. По распространенному между русскими писателями мнѣнію, „война на Кавказѣ, съ цѣлью его умиротворенія и покоренія русской власти, началась собственно съ 1799 г., со времени занятія нами Грузіи... Россія вовлечена была въ нее силово обстоятельствъ, необходимостью защитить единовѣрцевъ, взывавшихъ къ ней о помощи, а разъ начавъ войну, Россія не могла отступить предъ ея трудностями, не роняя достоинства имперіи, прежде ея совершенного окончанія, которое не могло быть иное, какъ полное подчиненіе Кавказа“ („Военный Сборникъ“, 1864 г., октябрь, стр. 382, „Очеркъ

кавказской войны", безъ означенія имени автора). Однако, для защиты собственно Грузіи отъ набѣговъ горцевъ не было необходимости покорять народы Кавказа, а достаточно было держать въ Грузіи одинъ-два русскихъ батальона, которые, при Екатеринѣ II, съ полнымъ успѣхомъ оберегали Грузію въ 1783—87 г.г. не только отъ горцевъ, но и отъ остальныхъ ея вѣшнихъ враговъ. Мнѣніе о томъ, что покореніе Кавказа, сколь бы громадны ни были требующіяся для выполненія жертвы и усилия, требуется „достоинствомъ имперіи“, сдѣлалось правительственнымъ лишь при императорѣ Николаѣ I. Два его предмѣстника и Екатерина II держались противоположнаго взгляда.

Принявъ по договору 24 іюля 1783 года подъ свое покровительство Грузію, Россія долго не имѣла за Кавказомъ никакихъ владѣній кромѣ этого вассального царства. Ввѣряя графу В. А. Зубову командованіе пред назначенными противъ Персіи войсками, императрица Екатерина II писала ему 19 февраля 1796 года: „Приведя въ желаемому концу дѣла имперіи нашей въ Европѣ..., простили мы вниманіе наше и на азіатскіе предѣлы и съ прискорбiemъ видимъ... злое мучительство свирѣпаго и коварнаго Аги-Махометъ-хана“ (Н. Ф. Дубровина „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, томъ 3, Спб., 1886 года, стр. 70). Поводомъ къ походу послужило совершенное въ сентябрѣ 1795 года основателемъ владычества въ Персіи царствующей и понынѣ каджарской династіи нашествіе на Грузію, откуда русскія войска были выведены во время войны съ Турціею. Сколь ни прискорбно было разграбленіе персами Тифліса, которое притомъ легко могло быть предотвращено своевременною присылкою взятыхъ оттуда войскъ, однако предположенное императрицею завоеваніе Персіи не вызывалось никакой необходимостью, тѣмъ болѣе, что виновникъ нашествія былъ зарѣзанъ своими приближенными до выступленія Зубова въ походъ. Войска наши, впрочемъ, дошли только до Муганской степи, гдѣ и застало ихъ посланное императоромъ Павломъ I, немедленно по вступленіи его на престолъ (6 ноября 1796 г.), повелѣніе возвратиться въ наши предѣлы. Въ концѣ 1799 года, по настоятельнымъ просьbamъ новаго грузинскаго царя Георгія XIII, ссылавшагося на договоръ 1783 года, утвердивъ его въ царскомъ достопочтѣ, Павелъ I послалъ въ Грузію одинъ егерскій полкъ (тамъ же, стр. 251), но на домогательство Георгія, чрезъ особое посольство въ 1800 году, о принятіи Грузіи „навсегда въ полную зависимость и подданство“ приказалъ объявить, что просьба будетъ удовлетворена лишь въ томъ случаѣ, если „грузины вторично заявятъ грамотою о своемъ желаніи вступить въ подданство Россіи“ (id., стр. 338). Хотя, не дождавшись требуемаго вторичнаго заявленія, Павелъ I подписалъ 18 января 1801 года манифестъ о присоединѣ-

нейі Грузіи и указомъ Сенату 6 марта того же года обратилъ ее въ губернію (тамъ-же, стр. 357, 381), но вступившій на престолъ 12 марта 1801 года императоръ Александръ I, сомнѣваясь въ желаніи царскаго дома и народа Грузіи лишиться независимости, „почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли“ („Архивъ Государств. Совета“, томъ 2, Спб., 1888 г., стр. 1191) и признавая для себя обязательнымъ руководствоваться не однѣми выгодами своего государства, а также справедливостью и уваженіемъ чужихъ правъ („пользамъ царствъ земныхъ, въ правилахъ вѣчныхъ, предустановлена другая мѣра, единая истинная и непреложная: справедливость и неприкосно-веннность къ общенародному праву“), 19 апрѣля 1801 года поручилъ командовавшему войсками кавказской линіи Кноррингу удостовѣриться: 1) дѣйствительно ли Грузія не въ состояніи собственными силами устроить свои внутреннія дѣла и защищаться отъ виѣшнихъ враговъ, и 2) точно ли народъ желаетъ поддаться Россіи, такъ какъ присоединеніе Грузіи можетъ быть допущено лишь для ея собственного блага („Исторія войны“ и пр., т. 3, стр. 391, 394 и 395). Совершивъ поѣздку въ Грузію, Кноррингъ 28 іюня донесъ, что по внутреннему и виѣшнему своему положенію Грузія не въ состояніи однѣми собственными силами ни противостоять властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отражать набѣги окружающихъ ее горныхъ народовъ, и что хотя дворянство на половину желаетъ сохранить собственнаго царя и прежніе порядки, но „весь народъ“ жаждеть подданства (стр. 411—414). Въ виду этого и согласно мнѣнію государственного совета, въ четвертый разъ высказавшагося за присоединеніе, Александръ I, 12 сентября 1801 г., предписалъ Кноррингу „въ царствѣ грузинскомъ, ради собственнаго его блага, устроить правленіе и порядки“ (стр. 419).

Первые военные столкновенія между Россіей и горцами Восточнаго Кавказа произошли чрезъ два года послѣ принятія Грузіи подъ покровительство Россіи, которое могло вну什ить горцамъ опасенія за свою независимость, такъ какъ русскія войска оказывались и на сѣверѣ, и на югѣ Кавказа. Въ началѣ 1785 года сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Мансура чеченецъ сел. Алды началъ, подъ вліяніемъ религіозной экзальтациі, проповѣждывать соотлеменникамъ необходимость точнаго соблюденія законовъ ислама, а затѣмъ объявилъ, что, по повелѣнію свыше, ему предстоитъ совершить обращеніе не-вѣрныхъ народовъ въ мусульманство. Командовавшій кавказской линіею генераль-поручикъ Потемкинъ счелъ нужнымъ, въ обращенныхъ къ горцамъ прокламаціяхъ, обличать Мансура, какъ обманщика. Мансуръ отвѣтилъ объясненіемъ газавата противъ русскихъ. Посланый генераль-поручикомъ Леонтьевымъ (Зиссерманъ „Исторія Кабардинскаго полка“, Спб., 1881 г. томъ I, стр. 158—160) съ порученіемъ схватить Мансура отрядъ полков-

ника Шери 6 июля 1785 года захватилъ сел. Алды въ—расплохъ, но Мансуръ успѣлъ скрыться. Когда, разграбивъ и сжегши селеніе, Шери пустился въ обратный путь, то подвергся такому ожесточенному нападенію чечемцевъ, что отрядъ его былъ почти уничтоженъ: 8 офицеровъ (въ томъ числѣ Шери) и 414 и. ч. были убиты и 162 ч. взяты въ пленъ. Во главѣ собравшихся подъ его знаменами горцевъ Мансуръ совершилъ вскорѣ набѣгъ на Кизляръ, но послѣдующія его дѣйствія были неудачны и закончились уходомъ его въ 1787 году на Западный Кавказъ, гдѣ въ 1791 г. онъ попалъ въ пленъ при взятіи турецкой крѣпости Анапы („Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, т. 2, стр. 86—116, 234 и 275). Участіе отряда Шери побудила затѣмъ надолго къ соблюденію въ отношеніи горцевъ оборонительной политики: „Не входя въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ и не касаясь жительства и собственности ихъ, старайтесь предуспѣть сохранить ихъ въ спокойствіи, презирая неважные грабежи, противъ коихъ полезнѣе умножить собственные предосторожности и оными наказывать дерзающихъ, чѣмъ отмѣщать цѣлому народу за грабежи нѣсколькихъ хищниковъ и возбуждать противъ себя взаимное отмѣщеніе цѣлаго народа, и трудными походами въ ущелины терять людей напрасно, тратить время и одерживать побѣды безполезны“... (тамъ же, томъ 3, стр. 82, рескрипѣтъ Екатерины II графу Зубову 19 февраля 1796 г.). Той же политики держался Павелъ I: „Относительно собственныхъ нашихъ границъ мы почтаемъ существенно выгоднѣшими, чтобы линія для сохраненія ихъ наблюдалася была отъ устья р. Кубани... на р. Терекъ до Кизляра... Народы горскіе... удерживать въ крѣпости и повиновеніи ласкою, отвращая отъ нихъ все, что служить къ ихъ притѣсненію или отягощенню“... Изъ добровольно желающихъ покровительства Россіи владѣній кавказскихъ и закавказскихъ Павелъ желалъ составить „федеративное государство, зависящее отъ насъ, яко верховнаго ихъ государя и покровителя, который... ни въ образѣ ихъ правленія мѣшаться, ниже отъ нихъ дани или иная повинности... требовать“ не намѣренъ (тамъ же, стр. 199 и 200). Гуманный и склонный руководствоваться справедливостью иуваженіемъ къ правамъ другихъ народовъ, Александръ I не только предпочиталъ въ отношеніи кавказскихъ горцевъ согласную съ здраво понятymi интересами Россіи оборонительную политику, не только требовалъ соблюденія гуманности, но не переставалъ настаивать на установлениіи и сохраненіи мирныхъ отношеній съ горскими народами, заключаюci съ ними договоры на условіяхъ мирного сосѣдства (томъ 6, стр. 584, 318, 362 и др.). Незадолго до своей кончины онъ писалъ Ермолову по поводу одной экспедиціи за Кубань: „Я не могу перемѣнить объявленное вами убѣждевie мое, что подобные поиски и истребленіе селеній, коихъ

жители не изобличены въ дѣйствительномъ участіи при нападеніи на подданнѣхъ или союзниковъ нашихъ, не усмиряютъ, но по духу сего народа, склонного и обычаемъ и законами къ мѣценію за обиды, ведутъ только къ большему его противу насъ ожесточенію". Онъ отказалъ въ наградѣ офицеру, совершившему экспедицію, за то, что онъ истребилъ "болѣе 300 семействъ, изъ коихъ конечно большая часть женщинъ и дѣтей невинныхъ" (т. 6, стр. 584 и 585, "Записки Ермолова", ч. 2, приложения, 192). Но и на Кавказѣ воспитанникъ Лагарна встрѣтилъ непониманіе или болѣе или менѣе сознательное несочувствіе и противодѣйствіе со стороны исполнителей, выросшихъ въ Россіи XVIII столѣтія и начавшихъ практическую дѣятельность въ почти тридцатипятилѣтніе царствованіе Екатерины II. И здѣсь, ему пришлось допустить примѣненіе политики и мѣроопріятій, въ значительной степени чуждыхъ и противныхъ его намѣреніямъ и инструкціямъ.

Изъ часто смѣнившихъ въ продолженіе первой половины царствованія Александра I правителей Кавказа болѣе другихъ дѣйствовалъ въ духѣ инструкцій императора симпатичный и талантливый князь Цициановъ (1802—1806 г. г.), который правильно видѣлъ главныя средства для умиротворенія горцевъ въ образованіи народномъ, развитіи промышленности, ремесль и пр. (Дубровинъ "Исторія войны" и пр., томъ 4, стр. 389 и 390), и старался упрочить и облегчить покорность и преданность подчинявшихъ Россіи хановъ и владѣльцевъ Дагестана заключеніемъ съ ними договоровъ и сохраненіемъ существовавшихъ въ ихъ владѣніяхъ внутреннихъ порядковъ (т. 4, стр. 523, и т. 6, стр. 225). Генералъ Ртищевъ заключилъ "дружественный договоръ съ чеченцами" *); Александръ I предписывалъ ему "снискивать дружбу горскихъ народовъ дружественнымъ обращеніемъ съ ними, допуская военные дѣйствія лишь въ крайнихъ случаяхъ. Наступательная война противъ горцевъ началась... съ назначеніемъ... Ермолова" ("Очеркъ кавказской войны" въ "Военномъ Сборнике", 1864 года, октябрь, стр. 287 и 288).

На личность и дѣятельность А. П. Ермолова существовали и существуютъ различные взгляды. Отчасти дѣйствія его могутъ быть объяснены тѣмъ, что этотъ энергичный, умный, свѣдущій и талантливый въ своей военной специальности генералъ, будучи назначенъ въ правители Кавказа, пере-

*) Я не знаю—на чёмъ основано это утвержденіе о "дружественномъ договорѣ" Ртищева съ чеченцами, но 16 сентября 1815 г. генералъ этотъ писалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ: «Воля всемилостивѣйшаго государя императора, исоднократно повторенная есть та, чтобы народовъ, Грузіи сопредѣльныхъ, не раздражать и всемѣро уклоняться отъ наступательныхъ на нихъ дѣйствій безъ крайней необходимости... Если, паче чаянія дагестанцы сами начнутъ военные дѣйствія, въ такомъ случаѣ предписываю отражать ихъ силой оружія и оборонительно защищать цѣльность границы» («Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссіею», т. 5, Тифлисъ, 1873 г., стр. 608).

несь въ управлениі и отношения къ мѣстнымъ народамъ тѣ же понятія и приемы, какіе были ему привычны въ войскахъ его времени *). Когда же оказалось, что горскіе народы имѣютъ очень мало общаго съ воинскими частями, а горцы съ солдатами, приказовъ не исполняютъ, угрозъ не боятся и силу отражаютъ силой, то раздраженному послушаніемъ и сопротивленіемъ, десноту по характеру, Ермолову горцы стали представляться какими-то чудовищами, съ которыми дозволительно и даже необходимо всякое насилие и мщеніе. „Плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ—предписывалъ онъ 30 мая 1818 г. „обществу старшинъ чеченского народа“—не медля отдать... Плѣнные и бѣглые или мщеніе ужасное! („Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, т. 6, стр. 300, и „Акты, собранные Кавказской Археографич. Комміssіей“, т. 6, ч. 2, Тифлісъ, 1875 г., стр. 499). Выдачи не послѣдовало, и Ермоловъ 22 июня того же года пишетъ, въ непреложномъ убѣждѣніи: „Сего народа, конечно, нѣть подъ солнцемъ ни гнуснѣ, ни коварнѣ, ни преступнѣ. У нихъ и чумы не бываетъ“ (Дубровинъ, т. 6, стр. 295) съ злобнымъ сожалѣніемъ замѣчаетъ этотъ однако, по своему, добрый въ обыденной жизни человѣкъ. Двѣ трети кабардинцевъ погибло тогда отъ чумы, занесенной нашими войсками изъ Турціи, но распорадившись „истребить“ одно ихъ селеніе, какъ „гнѣздо разбойниковъ и вѣчной почти чумы“, Ермоловъ утверждаетъ, что это народъ столь же „гнусный и подлый, какъ чеченцы“ (стр. 294), что не мѣшало ему имѣть объ остальныхъ горскихъ народахъ отнюдь не лучшее мнѣніе. Горцы въ официальной его перепискѣ и даже въ прокламаціяхъ къ нимъ именовались постоянно „мошенниками“ (мошенниками, повидимому на жаргонѣ военныхъ писарей). „Вы не защищите ихъ (дагестанцевъ),—писалъ онъ 5 ноября 1818 года начинавшему непріязненные дѣйствія аварскому хану,—и если соберете подобныхъ себѣ мошенниковъ, тѣмъ жесточайше наказаны будете. Всегда такова участъ подлыхъ измѣнниковъ“ (стр. 335). Ермоловъ не хотѣлъ знать, что вольные горцы не понимали и не признавали иныхъ отношений между народами, кроме договорныхъ, терявшихъ обязательность въ случаѣ войны. Такъ же конечно смотрѣлъ на свои отношенія къ русскому правительству аварскій ханъ, который получалъ 5 т. рублей жалованья взамѣнъ соответственной дани,

*) Вскорѣ послѣ прибытія въ Тифліс Ермоловъ цвѣль, 29 декабря 1816 г., графу Воронцову: «Я въ такой землѣ, где незнакомые мнѣ предметы занятія, и о роду для меня совсѣмъ новые, даютъ мнѣ чувствовать недостатки моихъ способностей. Безпорядокъ во всемъ чрезвычайный. Въ народѣ врожденная къ нему наклонность, слабостию многихъ изъ предмѣстниковъ моихъ ободренная. Мнѣ надобно употребить чрезвычайную строгость...» («Архивъ князя Воронцова», книга 36, Москва, 1890 г., стр. 174).

платившейся ему царами Грузии за воздержание отъ набѣговъ на грузинскія земли. Брань конечно называла легкую расплату: 11 ноября, „когда войска подошли къ подошвѣ хребта..., съ вершины горы посыпались на Ермолова самыя дерзкія ругательства“ (стр. 336). Неумѣренно щедрыя угрозы Ермолова большую часть оставались безъ исполненія, но не по недостатку желанія, а по безсилію. Разграблялись, сожигались и разрушались селенія, вѣшались десятками аманаты, но непосредственный личный вредъ причинялся этимъ невиннымъ женщинамъ, дѣтямъ, аманатамъ. Подчиненные конечно сливались примѣру корпуснаго командира. Такъ, по словамъ генерала князя Мадатова, дагестанцы „ни удовлетворенія ни въ чемъ не видать и даже ни одного ласковаго слова отъ (генераль-маиора) Пестеля, а слышать одни лишь всегдашнія повторенія его—прикажу повѣсить“ (стр. 301). Однакоже и Пестель, получивъ отъ Ермолова приказаніе повѣсить всѣхъ заложниковъ отъ сел. Башлы, исполнилъ это предписаніе только относительно 17 человѣкъ, остальныхъ же 12 просилъ помиловать, по малолѣтству ихъ и какъ дѣтей лицъ, которые старались удержать башлынцѣнъ отъ возмущенія, но достичь этого не имѣли возможности“ („Акты, собранные Кавк. Арх. Комиссіей“, т. 6, стр. 57). Образъ дѣйствій Ермолова столь былъ извѣстенъ, что императоръ Николай вынужденъ былъ 16 сентября 1826 года предписывать ему: „Я желаю, чтобы, въ мѣрахъ необходимой строгости, вы ограничили всякое мщеніе частныхъ начальниковъ, за что отвѣчаете; лучше прощать, чѣмъ мщеніемъ походить на подлыхъ нашихъ противниковъ“ („Записки Ермолова“, Москва, 1868 г., приложения, стр. 220).

„Однимъ изъ первыхъ распоряженій Ермолова“ было объявление „мирнымъ мошенникамъ“, что если они будутъ пропускать чрезъ свои земли хищниковъ, то находящіеся у нихъ аманаты будутъ казнены, сами же они будутъ казнены оружіемъ и прогнаны въ горы, „гдѣ истребать ихъ или непріятели, или моровая язва“ (стр. 286). Такъ какъ объявление это набѣговъ на линію по Тереку не прекратило, то въ 1818 году Ермоловъ приступилъ къ перенесенію линіи укрѣплений съ Терека на р. Сунджу, чтобы отнять у чеченцевъ хибопахатныя земли и важныя для ихъ скотоводства пастбища между Терекомъ и Сунджою. Чеченскія деревни были „сняты“ и населеніе ихъ выслано подъ конвоемъ до границъ чеченскихъ (стр. 302), въ новой линіи. „Съ чеченцами, народомъ сильнымъ, живущимъ въ состояніи совершенного равенства,—доносилъ Ермоловъ 22 июня 1818 года,—употребляю я единственное средство—терроръ, и рѣшился на оное до 1820 года, зная, что до того времени надобно спо-сить и досады, и потери, но за все то они заплатятъ впослѣдствіи и будуть принуждены обратиться къ жизни спокойнѣйшей, усмирены будучи недостаткомъ самыхъ первыхъ потребностей“ (стр. 294). Разсчеты Ермолова не оправда-

лись. Вытесненные новой линею чеченцы уходили въ горы и въ глубь своихъ лѣсовъ, заводили тамъ на полянахъ и ровчищахъ новые гашти, но не покорялись, а все болѣе озлоблялись и готовились къ оборонѣ. Между тѣмъ наступательныя дѣйствія противъ чеченцевъ и отнатѣ у нихъ земель вызвали общія опасенія и раздраженіе во всемъ Дагестанѣ. И владѣльцы, кромѣ одного шахмала тарковскаго, и вольные народы стали готовиться къ борбѣ съ общимъ врагомъ, не начиная однако военныхъ дѣйствій. Вызвалъ войну Ермоловъ, который,—не стѣсняясь полученнымъ отъ 30 сентября приказаниемъ „приложить все стараніе къ сохраненію мира, ибо войны государю императору ни подъ какимъ предлогомъ не угодно“ (стр. 318),—предписалъ генералу Пестелю двинуться къ сел. Башлы и потребовать аманатовъ отъ акушинцевъ, не покидая страны до исполненія требованія (стр. 315). Послѣ трехдневнаго боя со стекшимися отовсюду ополченіями дагестанцевъ Пестель вынужденъ былъ 26 октября оставить Башлы, потерявъ изъ своего двухтысячнаго отряда убитыми и ранеными 12 офицеровъ и 406 и. ч. (стр. 321) *). Двинувшись самъ съ новой линіей, изъ кр. Грозной, съ 4 т. ч., Ермоловъ прошелъ въ Тарки и оттуда проникъ въ мехтулинское ханство, 14 ноября разграбилъ и предалъ огню столицу его селеніе Джентутай, но этимъ и долженъ былъ закончить военные дѣйствія 1818 года, по недостатку войскъ (стр. 340 и слѣд.), не воздержавшись отъ писанія одному изъ враждебныхъ хановъ непокорнаго Дагестана ижеслѣдующаго: „Всю фамилию подлѣйшихъ дженгутайскихъ беновъ выгналъ изъ ихъ владѣній и первого изъ нихъ—гнуснаго измѣнника султана Ахмедъ-хана аварскаго, и даю слово, что они вѣчно въ своихъ владѣніяхъ не будутъ“ **). Однако Ахмедъ-ханъ продолжалъ властвовать въ своей Аваріи до самой смерти, послѣдовавшей въ 1823 году. „Остаются теперь одни измѣнники, присягѣ свой измѣнившіе и извѣстные скотской глупостью своею акушицы. Если они осмѣяются что-нибудь предпринять: истреблю до основанія скотскій сей заводъ“ ***) (Сурхай-хану казыкумскому, 22 ноября 1818 года, тамъ же, стр. 347).

*) Ермоловъ оказался плохимъ знатокомъ горцевъ и пророкомъ въ письмѣ Воронцову 20 октября 1818 года: «Ожидая, что они придутъ къ городу Башлы..., пострѣляютъ издалека... ■ ...разойдутся по домамъ. Будущей весною ...я приду развѣдаться съ мошенниками въ ихъ собственныхъ жилищахъ» («Архивъ князя Воронцова», кн. 36, стр. 217).

**) Поряцкая, послѣ потери Аваріи въ 1843 году, занятаe ея въ 1837 году при Головинѣ, котораго не любилъ, Ермоловъ утверждалъ въ 1846 году въ письмѣ Воронцову: «Никогда не мыслялъ я объ Аварии...» (Архивъ князя Воронцова, кн. 36, стр. 333).

***) Въ «Запискахъ А. П. Ермолова во время управления Грузией» о тѣхъ же акушицахъ находимъ: «Отличительное народа свойство есть добронравие и кротость. Къ возрасту нѣть наклонности ни малѣйшей, нраzdностъ почитается порокомъ и ободряется трудолюбіе» («Записки А. П. Ермолова», часть-II, Москва, 1868 года, стр. 101). Разумѣется, акушицы не отличались ни «скотской глупостью», ни «добронравиемъ и кротостью»: мѣнилось лишь субъективное мнѣніе о нихъ Ермолова, впадая изъ одной крайности въ другую, одинаково далекія отъ дѣйствительности.

Хотя война была вызвана наступательными действиями и угрозами Ермолова въ Чечнѣ и его подчиненнаго Пестеля въ Дагестанѣ, однако въ донесеніяхъ своихъ онъ старался обвинить горцевъ, себя же оправдывалъ такими разсужденіями: „Здѣсь между народами, загрубѣлыми въ невѣжествѣ, чуждыми общихъ понятій, первый законъ есть сила. Знаю, что недостойно Россіи во зло употреблять ону, но не могу не чувствовать, что она необходима, дабы отразить насилие“. Мало того, „во всякомъ другомъ мѣстѣ“ можно ограничить употребленіе силы отраженiemъ насилия, „но здѣсь этого недовольно: здѣсь надо наказать. Теперь сіе довольно легко, но въ другой разъ не легко могутъ встрѣтиться“ благопріятныя обстоятельства. Онъ заключаѣтъ ходатайствомъ объ усиленіи кавказскихъ войскъ тремя полками пѣхоты и двумя ротами легкой артиллеріи, заявляя, что „съ сими войсками и много въ два года времени Дагестанъ будетъ совершенно въ рукахъ нашихъ, ибо одного акушинскаго народа надо смирить гордость; прочихъ всѣхъ бѣдность и нужда покорять нашимъ законамъ“ (стр. 348). Помимо не вполнѣ вѣрнаго освѣщенія фактической стороны, о чемъ въ Петербургѣ вѣроятно догадывались, въ самыхъ разсужденіяхъ Ермолова былъ очевиденъ существенный пробѣлъ: отсутствіе оснований къ наступательнымъ действиямъ и къ „наказаніямъ“. Поэтому, съ подтвержденіемъ прежнихъ инструкцій, Ермолову дано было знать, что государь императоръ „не одобряетъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ нарушить общее спокойствіе, вопреки намѣренію его и. в., нарочито пекущагося о сохраненіи мира, какъ въ семъ краѣ, такъ и вообще со всѣми державами“. Авторъ „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ по этому поводу замѣчаетъ: „Находясь у самаго дѣла и сознавая, что чеченцы не держава, а шайка разбойниковъ (?), Алексѣй Петровичъ поступилъ по внушеніямъ своей совѣсти и въ интересахъ пользы отечества“ (стр. 362). Но вѣдь и императоръ Александръ I руководствовался внушеніями своей совѣсти, а равно пользами Россіи; какъ глава государства, онъ съ большей компетентностью могъ решить вопросъ не только мѣстнаго значенія, но касавшійся важныхъ интересовъ государства. Вопросъ въ томъ: кто правильнѣе относился къ дѣлу, Александръ I, стоявшій за оборонительную политику, принятую его предмѣстниками на основаніи указаний опыта и совпадавшую съ руководившими имъ высокими началами справедливости и уваженія къ чужимъ правамъ, или кавказскій „проконсулъ“ (такъ называлъ себя самъ Ермоловъ въ нѣкоторыхъ письмахъ), который, въ моментъ установления своихъ взглядовъ (впослѣдствіи, по свойствамъ характера Ермолова, уже не подвергшихся существеннымъ измѣненіямъ) на отношенія къ населенію Кавказа обладалъ весьма недостаточнымъ и поверхностнымъ знакомствомъ

съ горцами, такъ какъ предшествовавшіе полтора года кавказской своей службы провелъ въ посольствѣ въ Персію и въ занятіяхъ дѣлами Закавказья?

Исторія дала на этотъ вопросъ такой отвѣтъ, *) что нельзѧ не жалѣть, что правильность взгляда Александра I не соединялась съ энергией и настойчивостью въ его примѣненіи **).

Такъ какъ война, хотя и напрасная, была начата и требовала средствъ даже для обороны, то достигшія ко времени Ермолова до 45 т. пѣхоты войска были въ 1819 году значительно увеличены и доведены почти до 60 т. пѣхоты (стр. 216 и 360). Въ декабрѣ 1819 года, раззоривъ нѣсколько богатыхъ селеній, Ермоловъ занялъ иаконецъ оставленную жителеми Акушу („Исторія войны“ и пр., т. 6, стр. 382). Въ 1820 году разбитъ и изгнанъ изъ своихъ владѣній ханъ казыкумухскій (стр. 440). Послѣ смерти въ 1823 году Ахметъ-хана удалось привести въ вассальное положеніе Аварію. Но горныя общества западнаго Дагестана и Чечія не покорялись. Разсчеты Ермолова на отнятіе у непокорныхъ средствъ къ продовольствію не оправдались. Такія мѣры, какъ подтвержденіе казачьимъ полкамъ и войскамъ по Тереку и Сунджѣ „дѣлать чеченцамъ всевозможное зло и безъ всякой пощады“ (стр. 363), печально отражались на успѣхахъ благосостоянія и нравственности казаковъ, горцевъ же лишь ожесточали.

Система грубаго насилия, ни чѣмъ въ глазахъ горцевъ не вознаграждаемаго, начинала приносить свои плоды еще при Ермоловѣ. Озлобленные до

*) «Къ великому горю Россії Екатериненскій завѣтъ былъ потерянъ, въ XIX столѣтіи, забытъ...» «Собственно съ походомъ Ермолова въ Чечню и Дагестанъ и открывается та Кавказская война, которая прославила русское оружіе и стоила неимовѣрныхъ жертвъ государству... Быть можетъ, лучше было бы держаться завѣта Екатерины II по входить въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ и стараться лишь охранять свои границы» (В. С. Кривенко «По Дагестану. Чутсвия замѣтки». Спб., 1896, стр. 24 и 26).

**) Объясненіе послѣдняго обстоятельства главнымъ образомъ заключается въ «двойственности» императора Александра I, въ душѣ котораго одновременно жили, противорѣчivo и непримириенно, съ одной стороны гуманно-либеральная идея XVIII вѣка, съ другой же навыки и практика прусско-гатчинского милитаризма. Мечты о дарованіи Россії «либеральныхъ учрежденій», напр., не были еще покинуты въ то время, когда Александръ I твердо рѣшился учредить военные поселенія, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова» («Русскій біографический словарь», т. I, Спб., 1896 года, стр. 352). «Проконсульство» Ермолова относится ипритомъ ко второй половинѣ царствованія, когда прусско-гатчинская практика рѣшительно преобладала. Образъ дѣйствий Ермолова въ сущности ей соотвѣтствовалъ, а потому, изрѣдка журя Ермолова за противные гуманности и миролюбію поступки, императоръ сохранялъ къ нему благоволеніе и удовлетворялъ его представленія, даже плохо мирящіяся съ инструкціями, исходившими по собственной инициативѣ государя. Такъ въ 1818 же году, по особому ходатайству Ермолова, былъ ему посланъ просимый письмъ указъ, которымъ повелѣвалось, какъ Ермолову, такъ и будущимъ его преемникамъ «утвердиться на р. Сунджѣ, поселять казаковъ и вообще покорять горскіе народы постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собою можно, и не распространяться иначе, какъ ставъ твердою ногою и обеспечивъ занятое пространство отъ покушений неспрѣтельскихъ» (Зиссерманъ «Исторія Кабардинскаго полка», т. I, стр. 333).

крайности горцы скоро оказались готовыми на всякие жертвы для борьбы съ жестокимъ врагомъ съ цѣлію возврата независимости. Не доставало только общей связи и организации. Онѣ явились въ мусульманскомъ фанатизмѣ и мюридизмѣ. Возбудителями освободительного движения естественно дѣлались муилы, проповѣдывавшіе войну противъ невѣрныхъ общими силами правовѣрныхъ горцевъ, для чего неизбѣжно требовалось объединеніе разноплеменныхъ и разноязычныхъ народовъ подъ властю единаго духовнаго и свѣтскаго главы. Ученіки—мюриды такого главы—имама должны были служить организаторами, являясь, въ качествѣ уполномоченныхъ имама, правителями обществъ и предводителями войскъ, и служа вмѣстѣ съ тѣмъ отборной и предданной его гвардіей. Въ имамы предстояло попасть одному изъ наиболѣе энергичныхъ, талантливыхъ и счастливыхъ въ своихъ предпріятіяхъ проповѣдниковъ. Вероятно поэтому дѣятельность одного изъ первыхъ пропагаторовъ борьбы противъ русскихъ муилы Магомы арагскаго обратила на себя вниманіе Ермолова, который въ 1824 году распорядился его арестовать. Муил Магометъ или Магома, чуждый впрочемъ по своему характеру и склонностямъ всякихъ притязаній на роль предводителя борьбы, успѣлъ скрыться въ горахъ (стр. 511). Надоумленные, быть можетъ, преслѣдованіемъ Магомы и помнившіе во всякомъ случаѣ обѣ успѣхахъ Мансура вожаки чеченцевъ объявили въ началѣ 1825 года пророкомъ иѣкоего юродиваго Яука, но ничего изъ этого не вышло. Не теряя надежды на успѣхъ съ болѣе способнымъ человѣкомъ, тѣ же вожаки выдвинули маюрутупекаго муилу Магому, который 24 мая 1825 года провозгласилъ себѣ имамомъ, посланнымъ для избавленія отъ русскихъ. Новый пророкъ уклонился отъ боя съ двинутыми въ окраины Чечни въ началѣ лѣта русскими отрядами, объявляя, что еще не настало для борьбы время, но вскорѣ сдѣлалъ удачную попытку начать наступательныя дѣйствія. Передъ разсвѣтомъ 7 іюля 1825 года, незамѣтно подкравшись къ укрѣпленію Амиръ-Аджи-юртъ, чеченцы овладѣли имъ; изъ 155 (или, по другимъ извѣстіямъ, 177) человѣкъ гарнизона спаслось только 2 офицера и около 60 нижнихъ чиновъ, которые успѣли переплыть черезъ Терекъ, начальникъ же гарнизона капитанъ Осиновъ утонулъ (тамъ же, стр. 532 и 533, и „Кавказскій сборникъ“, т. X, стр. 98—104). 9 июля 4 тыс. одушевленныхъ побѣдою горцевъ окружили укр. Герзель-аулъ, но оно было выручено подоспѣвшимъ на выручку значительнымъ отрядомъ. Прибывшій лично Ермоловъ остановилъ восстаніе между кумыками, а неудача попытки взять кр. Грозную (30 августа) прекратила наступательныя дѣйствія и чеченцевъ („Кавказскій сборникъ“, т. X, стр. 106 и слѣд., 132, 133).

Начавшаяся въ 1826 году война съ Персіею отвлекла наши силы и внимание Ермолова и его преемника Паскевича отъ Чечни и Дагестана. За

персидской войной послѣдовала турецкая, кончившаяся въ 1829 году. Между тѣмъ въ эти четыре года возбужденное или по крайней мѣрѣ чрезвычайно усиленное ермоловскою политико-политическо-религиозное движение среди народовъ Восточного Кавказа распространялось, развилось, укрѣпалось и начало организоваться. Изъ среды прошовѣдниковъ борьбы за вѣру и независимость выдвинулся уроженецъ аула Гимры фанатический, энергичный и даровитый Кази-мулла, присвоившій себѣ, въ качествѣ имама, духовную и свѣтскую власть надъ горскими народами и утвердившій ее при помощи своихъ мюридовъ. Подчиненіе власти имама демократическихъ горныхъ народовъ и обществъ не встрѣтило большихъ затрудненій, потому что большинство духовенства и народныхъ массы сознавали необходимость объединенія власти для успѣха борьбы; напротивъ большая часть хановъ, не желая лишиться своей власти, оказала сопротивленіе, то пытаясь найти поддержку въ населеніи своихъ владѣній, то прибѣгая къ помощи русскихъ. Бывшее первымъ проявленіемъ силы Кази-муллы, произведенное имъ въ февралѣ 1830 года на шествіе, съ 6 тыс. чел., на Аварію, не смотря на сочувствіе населенія ханства, кончилось неудачею, такъ какъ предпринятый имъ штурмъ Хунзаха былъ отраженъ ханскими войсками и преданою ханскому семейству частью жителей („Кавказский сборникъ“, т. XI, стр. 171). Однако, благодаря изумительной энергіи Кази-муллы и приобрѣтенному имъ на горцевъ влиянію, онъ въ короткое послѣ каждой неудачи время оказывался сильнѣе прежняго. Въ маѣ 1831 года онъ съ 14 тыс. чел. двѣ недѣли осаждалъ укр. Внезапное, защитники которого потеряли 536 чел. убитыми и ранеными, и затѣмъ нанесъ значительный уронъ отраду генераль-маюру Бековича, у которого было убито и ранено 16 офицеровъ и 365 нижнихъ чиновъ (тамъ же, т. XIII, стр. 234—237). 1 ноября того же года онъ произвелъ успешный грабительскій набѣгъ на г. Кизляръ (тамъ же, т. XIV, стр. 120—123). 1 декабря отрядъ полковника Миклашевскаго, съ потерю 392 чел., взялъ укрѣпленія Чумжескента, съ нанесенiemъ горцамъ большого урона, но Кази-мулла успѣлъ спастись (т. XIV, стр. 148—153). Въ концѣ 1832 года онъ былъ убитъ при взятии барономъ Розеномъ аула Гимры, но дѣло газавата не погибло, такъ какъ мѣсто его занялъ столь же энергичный Гамзать-бекъ, который 18 октября 1834 г. овладѣлъ Хунзахомъ и Аварію, вырѣзать все ханское семейство. Послѣ паденія Гамзать-бека въ 1835 году отъ руки кровомстителя изъ аварцевъ, имамомъ сдѣлался даровитый Шамиль, который въ томъ же году угрожалъ уже Хунзаху, а чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался властителемъ почти всего Восточного Кавказа.

Нѣкоторые изъ низшихъ мѣстныхъ кавказскихъ дѣятелей довольно скоро и вѣро опредѣлили значеніе происходящаго у горцевъ движения. Такъ на-

чальникъ укр. Бурнаго маоръ Ивченко доносилъ 20 января 1830 года: „Навѣрное можно полагать за настоящую ихъ цѣль, что введеніемъ новой секты (мюридизма) поселится въ народѣ единодушіе и рвеніе къ защите свободы“ (т. XI, стр. 149). Но главное кавказское начальство и за нимъ правительство долго еще приписывало это движение, какъ Паскевичъ (т. XII, стр. 78), „необузданности нравовъ“. Хотя Ермоловъ, объѣщавшій въ 1818 году „много въ два года времени“ управиться съ горцами Восточнаго Кавказа, въ его время еще разъединенными, не могъ до оставленія Кавказа въ 1827 году закончить покоренія Дагестана и Чечни, но императоръ Николай I считалъ возможнымъ совершилъ покореніе Восточнаго Кавказа однімъ ударомъ. Желая для этого воспользоваться освобожденіемъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Персіи и Турціи, онъ предписалъ въ планѣ военныхъ дѣйствій на 1830 годъ: „произвести одновременный поискъ противъ всѣхъ горскихъ народовъ, завладѣть всѣми важнѣйшими пунктами ихъ земель, а въ особенности низменностями, и такимъ образомъ, лишивъ средствъ въ пропитанію, заставить ихъ покориться“ (т. XI, стр. 150). Это предписаніе не было выполнено Паскевичемъ, занявшій же его мѣсто въ 1831 году баронъ Розенъ 12 ноября донесъ, что при шестидесяти тысячахъ пѣхоты во всемъ краѣ, онъ не находить возможнымъ дѣйствовать наступательно и полагаетъ ограничиться приведеніемъ линіи въ надежное оборонительное состояніе и затѣмъ укрощать горскіе народы не оружиемъ, а путемъ мирныхъ сношеній и торговли, частію же и постепеннымъ утвержденіемъ нашимъ въ пунктахъ, гдѣ обстоятельства и силы наши позволяютъ (т. XIV, стр. 132). Наиболѣе опытный и талантливый изъ кавказскихъ генераловъ того времени Вельяминовъ не переставалъ въ 1828—1833 г.г. настаивать, что „главное и надежнѣйшее средство въ прочному овладѣнію горами и въ покоренію обитающихъ въ оныхъ народовъ состоитъ въ занятіи укрѣпленіями и важнѣйшихъ въ топографическомъ отношеніи мѣстъ... Средство ускорить покореніе горцевъ состоитъ въ отнятіи у нихъ плоскостей и занятіи оныхъ казачими станицами. ...Истребленіе полей ихъ въ продолженіе пяти лѣтъ сряду дастъ возможность обезоружить ихъ и тѣмъ облегчить всѣ дальнѣйшія дѣйствія“. Полагая, что при обыкновенномъ составѣ и средствахъ кавказского корпуса на покореніе горцевъ потребуется быть можетъ „цѣлое столѣтіе“, Вельяминовъ требовалъ прибавки войскъ и признавалъ въ 1833 году, для выполненія предлагаемаго имъ плана, необходимымъ ежегодное (не менѣе пяти лѣтъ сряду) выставление, сверхъ обычно охраняющихъ кавказскую линію и укрѣпленія войскъ, по крайней мѣрѣ шести отрядовъ, каждый изъ шести тысячъ пѣхоты, 1 тыс. казаковъ и 24 орудій, съ запаснымъ шаркомъ и 500 повозками для подвоза провіанта, больныхъ и раненыхъ („Кавказский сборникъ“:

т. VII, стр. 145, 150, 151, 154 и 155). По соображеніямъ своей европейской политики, Николай I не нашелъ возможнаго усилить на продолжительное время кавказскія войска на счетъ силъ и средствъ западной границы. Когда же, вслѣдствіе недостаточности войскъ нашихъ и усиленія Шамиля, положеніе наше ухудшилось, между прочимъ вслѣдствіе возбудившей Чечню, въ началѣ 1840 года, попытки генерала Шулло обезоружить чеченцевъ и взимать съ нихъ подать (т. II, стр. 31 и 32), то въ 1842 году возвѣщеніе было отвергаемый почти всѣми кавказскими генералами планъ покоренія горцевъ посредствомъ наступательныхъ дѣйствій значительной массы войскъ, посланныхъ на Кавказъ на короткое время. По присыпѣ на Кавказъ 14-й пѣхотной дивизіи, исполненіе плана возложено было на генерала Граббе, который еще въ 1839 году взялъ,—послѣ 76 дневной осады и съ потерей въ 140 офицеровъ и около 2.300 нижнихъ чиновъ,—служившій резиденцію Шамиля аулъ Ахульго (т. II, стр. 22—24). Граббе на этотъ разъ предоставлено было „дѣйствовать независимо отъ распоряженій корпусового командира“ (стр. 56), такъ какъ Головинъ (1838—1842 г.г.), подобно Розену, придерживался осторожной системы дѣйствій.

Выступившій 30 мая 1842 года изъ укр. Герзель-аула отрядъ Граббе направленъ былъ вверхъ по р. Аксаку съ цѣллю достигнуть аула Дарго, сдѣлавшагося послѣ Ахульго резиденцію Шамиля, истребить этотъ аулъ, перейти потомъ черезъ хребтъ и овладѣть Гумбетомъ и Андіею. Отрядъ состоялъ изъ 10 тыс. чел. при 24 орудіяхъ. „Онъ имѣлъ съ собою множество повозокъ и до 3 тыс. лошадей. При движеніи, обозъ этотъ, по трудности дороги, растягивался на нѣсколько верстъ и для прикрытия его, даже рѣдкой цѣпью стрѣлковъ, необходимо было употребить почти половину отряда“ (стр. 65). Въ первый день отрядъ прошелъ только 7 верстъ, еще на вѣтръчая непрѣятеля. Къ вечеру 31 мая, послѣ 15-ти часового марша, отрядъ сдѣлалъ 12 верстъ, при безпрерывномъ боѣ съ горцами, и былъ вынужденъ остановиться для почлега на безводной полянѣ. 1 июня дорога была еще труднѣе, завалы, чаще, число раненыхъ при отрядѣ простидалось до нѣсколькихъ сотъ, общій беспорядокъ часъ отъ часу увеличивался. „Такимъ образомъ въ три дня войска успѣли пройти только 25 верстъ, и генераль-адъютантъ Граббе уѣздилъ, что продолжать движеніе уже не было возможности. Ночью на 2 июня, отказавшись отъ своего предпріятія, онъ отдалъ приказавіе отступить по той же дорогѣ, по которой пришолъ. Какъ ни бѣдственно было описанное движеніе впередъ, но отступленіе отряда было еще несравненно бѣдственнѣе. Войска..., видя необычную для нихъ неудачу, поколебались и упали духомъ, замѣшательство и безнапаціе дошли до крайней степени... Были батальоны, которые обращались въ бѣгство отъ одного только лая собакъ...“

Какъ ни печальна эта картина, но къ сожалѣнію она заключаетъ въ себѣ сущую истину, безъ всяаго преувеличенія... Наконецъ, 4 июня, чеченскій отрядъ возвратился въ Герзель—аулъ, потерявъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 66 штабъ и оберъ-офицеровъ и слишкомъ 1.700 нижнихъ чиновъ, одно полевое орудіе и почти всѣ военные и продовольственные свои запасы". Число горцевъ, дѣйствовавшихъ противъ стряда, „по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ“, „не составляло и 2.000 человѣкъ, потому что всѣ главныя силы находились съ Шамилемъ въ Казыкумухѣ“ (тамъ же, стр. 66 и 67). Въ приведенныхъ цифрахъ потеря значатся 9 офицеровъ и 480 нижнихъ чиновъ убитыми, и 57 офицеровъ съ 1.239 нижними чинами ранеными („Кавказскій сборникъ“, т. VI, стр. 2). „Вся потеря въ войскахъ въ послѣднее четырехлѣтіе (1839—1842 г.г.) во время экспедицій, предпринятыхъ большою частью подъ личнымъ начальствомъ генерала Граббе, составляетъ“ 8.366 чел., въ томъ числѣ убитыми 64 офицера и 1.756 нижнихъ чиновъ („Кавказскій сборникъ“, т. II, стр. 68).

Фiasco экспедиціи Граббе отозвалось въ слѣдующемъ 1843 году необыкновеннымъ увеличеніемъ предпріимчивости и силъ Шамиля. Въ концѣ авгуаста, по окончаніи полевыхъ работъ, онъ вторгнулся въ Аварію и 29 числа истребилъ отрядъ выступившаго на помощь осажденному аулу Унцукулю подполковника Веселитского (12 офицеровъ и 477 нижнихъ чиновъ). Возстаніе мѣстного населенія заставило прибывшаго съ 1350 штыками для защиты Аваріи генерала Клюки фонъ-Клугенау сосредоточить войска въ Хунзахѣ. По прибытіи къ нему сюда на помощь самурекаго отряда, Клугенау, имѣя 4.000 пѣхоты, 1.760 ч. конницы и 17 орудій, выступилъ противъ Шамиля. Не достигнувъ успѣховъ, онъ оставилъ въ Хунзахѣ гарнизонъ подъ командою подп. Пассека, а самъ 26 сентября ушолъ изъ Аваріи въ Темиръ-ханъ-шуру. Съ 11 ноября Шамиль обложилъ его здѣсь и продолжалъ блокаду до прибытія 14 декабря отряда генерала Фрейтага. Между тѣмъ Пассекъ, получивъ приказаніе оставить Аварію, 16 ноября выступилъ изъ Хунзаха въ укр. Зыряны, отсюда же могъ направиться въ Темиръ-ханъ-шуру лишь 18 декабря. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ съ 27 августа по 22 декабря 1843 г. мы потеряли Аварію, 12 укрѣпленій и укрѣпленныхъ постовъ разной силы, 27 орудій, 2160 ружей, 92 офицеровъ и 2528 нижнихъ чиновъ („Кавказскій сборникъ“, т. 6, стр. 54—207).

Приславъ въ 1844 году на Кавказъ 5-й пѣхотный корпусъ, императоръ Николай I поставилъ задачею 1845 года: 1) разбить, буде можно, скопище Шамиля, 2) проникнуть въ центръ его владычества, и 3) въ немъ утвердиться"; для этого предписано двумъ отрядамъ, чеченскому и дагестанскому, изъ 16 батальоновъ каждый, „двинуться одновременно къ Андіи, искать

екопище Шампля, буде можно, разбить его, взять Андю и истребить се-
гнъздо" (стр. 236—238). Замѣнивши Головина въ 1843 году генераль-
Нейгардтъ, „хотя лично и былъ противникомъ той системы подчиненія не-
шокорныхъ горцевъ, что предписывалась изъ столицы, но, по слaboхарактер-
ности своей, не выражалъ противорѣчія, хотя бы въ формѣ сомнѣнія въ
успѣхѣ, и подготовлялъ всѣ распоряженія къ наступательнымъ военнымъ
дѣйствіямъ" (тамъ же, стр. 231). Исполненіе однако вышло на долю наз-
наченаго на его мѣсто главнокомандующимъ графа Воронцова. Вѣря въ
успѣхъ, вопреки мнѣнію всѣхъ кавказскихъ генераловъ, Воронцовъ выступилъ
31 мая 1845 г. изъ лагеря подъ кр. Внезапной, успѣшно преодолѣвъ
трудные пути и сопротивленіе горцевъ и наконецъ 6 юля двинулся изъ аула
Гагатия къ аулу Дарго, имѣя однако уже только 7940 ч. пѣхоты, 1218 ч.
кавалеріи и 16 орудій, съ шестидневнымъ лишь запасомъ провіанта и 5 ты-
сячами подъемныхъ лошадей. Въ тотъ же день, послѣ недѣлгаго боя, съ
потерою 206 ч. убитыми и ранеными, пробившись чрезъ лѣсистыя горы,
отрядъ прибылъ въ Дарго, сожженній и оставленный непріятелемъ. Не желая
возвращаться назадъ въ не считая возможнымъ идти впередъ за недостаткомъ
провіанта, Воронцовъ простоялъ здѣсь до 10 юля, когда на высотахъ за
даргинскимъ лѣсомъ, пройденнымъ 6 юля, показался ожидаемый изъ Темиръ-
ханъ-шурь транспортъ. Въ унѣренности, что транспорту этому невозможно
пройти къ Дарго, Воронцовъ отправилъ къ нему почти половину своей пѣ-
хоты, подъ начальствомъ ген. Клюки фонъ-Клугенау, для того, чтобы люди
доставили на себѣ, разобравъ по рукамъ и въ пустые равны, продовольствіе
для всего отряда на четыре дня. Найдя путь еще болѣе труднымъ, чѣмъ
6 юля, Клюки фонъ-Клугенау тѣмъ не менѣе пробился до транспорта, сильно
пострадавъ отъ натисковъ горцевъ, особенно на арьергардѣ. Переочевавъ,
онъ пустился въ обратный путь. Обремененная ранеными колонна подверглась
такимъ нападеніямъ горцевъ, что едва ли достигла бы Дарго, если бы не по-
лучила помощи отъ высланной на встрѣчу части главнаго отряда. Вообще
въ этой „сухарной экспедиціи" потери состояли въ 2 генералахъ, 17 офи-
церахъ и 537 и. ч. убитыми и 36 офицерахъ съ 822 и. ч. ранеными или
контуженными. Уничтоживъ всѣ тяжести, Воронцовъ 13 юля выступилъ по
направленію къ укр. Герзель-аулу, отстоявшему на 40 верстъ, имѣя въ от-
рядѣ уже только до 5 т. штыковъ и около 2 т. подъемныхъ лошадей. Пройдя въ четыре дня непрерывнаго боя едва половину разстоянія до Гер-
зель-аула и имѣя уже до 1500 больныхъ и раненныхъ, Воронцовъ остано-
вился у аула Шаухаль-берды въ ожидавшіи прибытія на помощь генерала
Фрейтага со стороны Герзель-аула. Соединившись съ Фрейтагомъ 19 юля
послѣ боя, въ которомъ потери отряда Фрейтага составили 107 ч. убитыми

и ранеными, Воронцовъ прибылъ 20 іюля въ Герзель-аулъ. Убыль его отряда съ 14 іюня до 21 іюля составила всего 3510 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 генерала, 34 офицера и 819 и. ч. убитыми, 2 офицера и 177 низшихъ чиновъ безъ вѣсти пропавшими („Кавказскій сборникъ“, т. 6, стр. 291—364).

Послѣ такого исхода экспедиціи князя Воронцова попытки покоренія горцевъ однимъ ударомъ были оставлены. Съ 1846 года въ теченіе десяти лѣтъ мы держались оборонительной системы дѣйствій. Наступленіе произвѣдилось въ ограниченномъ раionѣ, съ большою осмотрительностью и по проведеніи и обезспеченіи путей сообщенія. Военные дѣйствія возобновлялись ежегодно, и хотя не доставляли намъ большихъ выгодъ, но не сопровождались и важными неудачами. Съ другой стороны наступательныя предприятия Шамиля оканчивались постоянно неуспѣшно и въ такой мѣрѣ поселили въ умахъ горцевъ убѣжденіе въ крѣпости нашихъ оборонительныхъ позицій, что во время восточной войны 1853—1856 г.г., когда кавказское начальство, не надѣясь по недостатку войскъ удержать въ нашей власти принадлежащія намъ окраины Дагестана и Чечни, предполагало одно время оставить ихъ, Шамиль напротивъ не рѣшился напасть на насъ въ этомъ направлениі и ограничилъ нападеніемъ на Кахетію. По заключеніи парижскаго мира, новый главнокомандующій ин. Барятинскій испросилъ согласіе на оставленіе на Кавказѣ, съ цѣлью его покоренія, дѣйствовавшихъ въ Азіатской Турціи войскъ и приступилъ къ систематическимъ военнымъ дѣйствіямъ на Восточномъ Кавказѣ. Главныя усиія предприняты были со стороны Чечни и состояли въ постепенномъ овладѣніи ею, съ проведеніемъ дорогъ и возведеніемъ укрѣплений. Работы и военные дѣйствія не прекращались около трехъ лѣтъ ни лѣтомъ, ни зимою. Наконецъ въ началѣ іюля 1859 года предпринято было общее наступленіе съ разныхъ сторонъ трехъ отрядовъ, въ общей сложности около 40 т. ч. изъ 240 т., составлявшихъ въ это время кавказскую армію (Фадѣевъ „Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны“, Тифлісъ, 1860 года, стр. 106). Во второй половинѣ іюля, благодаря отчасти счастливымъ случайностямъ, отряды соединились, и, утомленные многолѣтней войною, безконечными жертвами и деспотизмомъ Шамиля, горцы прекратили сопротивленіе и спѣшили покоряться. Оставленный всѣми, кроме небольшой кучки мюридовъ, Шамиль былъ окруженнъ нашими войсками въ Гунибѣ и 25 августа сдался.

Еще въ 1857 княземъ Барятинскимъ былъ представленъ планъ покоренія Западнаго Кавказа, основанный на очищеніи отъ горцевъ черноморскаго прибрежья и самаго Кавказскаго хребта, съ заселеніемъ ихъ казаками и съ переселеніемъ горцевъ на при-кубанскія плоскости и частію на Донъ, такъ какъ оставленію горцевъ въ ихъ земляхъ представлялось опаснымъ въ случаѣ

исходной восточной войны. При разсмотрѣніи этого плана въ ссобомъ комитетѣ въ Петербургѣ сдѣланы были противъ него различныя возраженія, указывавшія между прочимъ на неизбѣжность ожесточеннаго со стороны горцевъ сопротивленія отнятю у нихъ земель, а также на невозможность успѣшиаго и прочаго водворенія на этихъ земляхъ русскаго населенія по климатическимъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ, но въ общемъ предположенія мѣропріятія были признаны полезными, съ тѣмъ однако, чтобы не оставлять горцевъ безъ достаточнаго земельнаго надѣла и „не ставить ихъ въ отчаянное положеніе“ (Зиссерманъ въ „Русскомъ архивѣ“, 1884 г., вып. 5, стр. 426, и „Фельдмаршалъ кн. Баратинскій“, Москва, 1890 г., т. 2, стр. 348 и слѣд.). Въ 1860 году значительная часть освободившихся на Восточномъ Кавказѣ войскъ была передвинута въ Западный. Въ 1861 году горцы предлагали покорность съ сохраненіемъ неприкосновенности ихъ земель и управления по обычаямъ, но отъ нихъ потребовано было безусловное подчиненіе съ выселеніемъ изъ горъ. Всѣдѣствіе этого горцы взялись за оружіе и весь 1862 годъ напрягали всѣ усилия, но не могли остановить движенія нашихъ войскъ отъ Аиапы къ востоку и отъ Лабы къ западу; вытѣсненное изъ занятыхъ въ этомъ году земель, населеніе частію, въ числѣ 50 т. д., покорилось и поселено на Кубани (письмо начальника штаба кавказской арміи ген. Карцева, цитированное въ статьѣ А. П. Берже „Выселеніе горцевъ съ Кавказа“ въ „Русской старинѣ“, 1882 года, февраль, стр. 340 и 341). Оставшая постъ намѣстника и сообщая преемнику свои соображенія по управлѣнію краемъ, кн. Баратинскій въ декабрѣ 1862 года между прочимъ писалъ, что для покоренія черкесскихъ племенъ необходимо „отрѣзать ихъ отъ моря и вытѣснить въ недра западнаго хребта..., а затѣмъ усиленною колонизациею закубанскихъ земель (казаками) довершить всю прочность его (т. е. покоренія)... Вытѣсненный непріятель конечно будетъ защищаться съ упорнымъ ожесточеніемъ, но... можно облегчить столь желанную развязку, если бы условиться съ Портомъ о водвореніи Шамиля на земляхъ турецкихъ, съ дозволеніемъ ему колонизировать добровольныхъ кавказскихъ выходцевъ. Этимъ мы освободимся скоро отъ недовольныхъ, отъ фанатиковъ и всей теократической партии, одновременно успокоимъ и европейскихъ филантроповъ, и нашу собственную совѣсть, предоставляя черкесамъ исходъ изъ настоящаго отчаяннаго положенія“ („Фельдмаршалъ кн. Баратинскій“, томъ 2, стр. 417).

Эмиграція кавказскихъ горцевъ въ Турцию началась по окончаніи восточной войны, когда исходъ этой войны показалъ, что разсчитывать на вѣшнюю помошь для сохраненія независимости Кавказа нѣть основаній. Съ 1858 года имѣются и официальные свѣдѣнія о числѣ переселившихся, Въ начаѣ 1860 года, констатируя, что „подъ вліяніемъ партіи фанатиковъ, члены

которой ...разжигаютъ въ своихъ единовѣрцахъ подозрѣнія относительно неприосновенности ихъ религии и имущества", наклонность мусульманского населения къ выселенію въ Турцію прогрессивно растетъ, кн. Баратинскій признавалъ необходимымъ „если не пресѣчь совершенно, то по крайней мѣрѣ урегулировать, на сколько возможно", эмиграцію горцевъ; облегчивъ переселеніе фанатиковъ, онъ надѣялся удержать отъ него массу населения: „разъ возмутители и фанатики будуть удалены, несомнѣнно, что народъ успокоятся („Фельдмаршаль кн. Баратинскій", т. 2 стр. 342 и 343). Въ цитируемомъ письмѣ кн. Баратинскаго упоминается о посыпѣ имъ въ Константинополь ген. Лорисъ-Меликова для испрошенія согласія Порты на принятие и водвореніе вдали отъ нашихъ границъ З т. семействъ кавказскихъ выходцевъ. Желаемое разрѣшеніе было получено безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ для упорядоченія происходящаго переселенія горцевъ турецкое правительство еще въ 1859 году обнародовало правила о колонизаціи кавказскихъ выходцевъ и просило наше правительство о возможныхъ распоряженіяхъ лишь къ тому, чтобы переселеніе совершилось партіями, а не массами (Берже въ „Русской старинѣ", 1882 г., февраль, стр. 241 и 242). Вѣроятно кн. Баратинскій предполагалъ въ числѣ этихъ З т. семействъ выселить „возмутителей и фанатиковъ", но едва ли это осуществилось, такъ какъ трудно и придумать, какимъ способомъ это было бы возможно выполнить. Во всякомъ случаѣ выселеніе горцевъ въ Турцію въ 1860—1862 г.г. не прекращалось, но не принимало и значительныхъ размѣровъ.

Возобновившіяся въ 1863 году военные дѣйствія имѣли своимъ результатомъ въ осени того же года окончательное оттѣщеніе горскаго населения на юго-западные склоны хребта и очищеніе имъ съверовосточныхъ, такъ какъ лишь весьма малая часть его согласилась переселиться за Кубань, большинство же, прекративъ сопротивленіе, предпочло эмигрировать въ Турцію и для этого направилось къ Черному морю. 19 мая 1864 года убыхи, послѣднее изъ кавказскихъ племенъ, продолжавшее защищаться, заявили покорность на условіи непрепятствованія имъ переселиться въ Турцію. Такимъ образомъ, къ осени 1863 года „быстрота и рѣшительность дѣйствій нашихъ войскъ возбудили панику въ горцахъ, спѣшившихъ во что бы то ни стало покинуть свои родныя горы и добраться до морскаго берега, чтобы выселиться въ Турцію". Побросавъ или сбывъ за безцѣнокъ свое имущество, „истощенные тяжкими лишеніями на берегу, въ ожиданіи прихода судовъ изъ Турціи, горцы не выдерживали бѣдствій плаванія въ зимнее время, заболѣвали и умирали массами". „Нельзя рѣшить, когда бѣдствія горцевъ достигли болѣе ужасающихъ размѣровъ: въ 1863 или 1864 году" (Берже въ „Русской Старинѣ", 1882 г., февраль, стр. 352—355). „Поразительное зрѣлище

предсталилось глазамъ нашимъ по пути" къ морскому берегу въ маѣ 1864 года,— рассказываетъ одинъ изъ участниковъ „Послѣдней борьбы съ горцами на Западномъ Кавказѣ” въ статьѣ подъ этимъ заглавиемъ („Кавказскій сборникъ”, т. 2, стр. 456): „разбросанные трупы дѣтей, женщинъ, стариковъ, растерзанные, полуубѣдленные собаками; измѣжденные голодомъ и болѣзнями переселенцы, едва поднимавшіе ноги отъ слабости, падавшіе отъ изнеможенія и еще заживо дѣлавшіеся добычей голодныхъ собакъ. Живымъ и здоровымъ никогда было думать объ умирающихъ; имъ и самимъ перспектива была неутѣшительна; турецкіе шкиперы, изъ жадности, наваливали, какъ грузъ, черкесовъ, нанимавшихъ ихъ кочермы до береговъ Малой Азіи, и, какъ грузъ, выбрасывали лишнихъ за бортъ, при малѣйшемъ признакѣ болѣзни... Едва ли половина отправившихъ въ Турцию прибыла къ мѣсту. Такое бѣдствіе и въ такихъ размѣрахъ рѣдко постигало человѣчество”...

Общая цифра выселившихъ въ Турцию горцевъ Западнаго Кавказа съ 1858 до 1865 года опредѣляется по официальными свѣдѣніямъ въ 470,703 души, но въ дѣйствительности вѣроатно составляла около полумилліона душъ или 100 т. семействъ, такъ какъ официальный свѣдѣнія не полны, число же водворившихъ на плоскостяхъ въ нашихъ предѣлахъ не превысило 100 т. душъ („Русская старина”, 1882 года, январь, стр. 163—167, и февраль, стр. 347). Кавказскія власти наши повидиму не были подготовлены къ внезапному массовому выселенію горцевъ въ концѣ 1863 и первой половинѣ 1864 года, потому что 19 сентября 1863 года, когда горцы уже начали толпиться на берегу Чёрнаго моря, командующій правымъ флангомъ графъ Евдокимовъ предпринялъ ходатайство лишь о „поощреніи” горцевъ къ выселенію въ Турцию въ числѣ до 10 т. семей „небольшими преміями”, сообразно чemu главнокомандующій 10 ноября 1863 года вошолъ въ сношеніе съ военнымъ министромъ о назначеніи 100 т. рублей на пособія переселенцамъ, въ видахъ удаленія такихъ личностей, которыхъ отличаются фанатизмомъ и вредно влияютъ на соплеменниковъ. Назначеніе полк. Фадѣева съ двумя помощниками для наблюденія за выселеніемъ горцевъ и выдачи бѣдѣвшимъ провіанта и денежныхъ пособій послѣдовало 28 апрѣля 1864 г. Къ концу 1864 года выселеніе почти закончилось. Всѣ расходы казны по выселенію горцевъ, въ томъ числѣ на пособія не свыше 10 рублей на семью, а также на наемъ судовъ для перевозки, составили 289.678 р. 17 к. („Русская старина”, 1882 г., февраль, стр. 348, 330—362).

Нѣкоторое понятіе о взглядахъ и мотивахъ кавказскаго начальства по выселенію горцевъ въ Турцию и о послѣдовавшихъ чрезъ два-три года въ этихъ взглядахъ измѣненіяхъ могутъ дать слѣдующія строки изъ относящагося къ сентябрю 1867 года письма намѣстника: „Военные соображенія,

руководившія мною въ 1863 году и заставившія не только не препятствовать переселенію горцевъ, но и поощрять въ нихъ тотъ фанатизмъ, который побудилъ все населеніе черноморскаго прибрежья къ поголовному выселенію, нынѣ не могутъ болѣе имѣть вліянія на дальнѣйший взглядъ мой по этому предмету. Если въ 1863 году, въ виду могущей возникнуть европейской коалиціи (по польскому вопросу), быстрое окончаніе кавказской войны было всемъ понятной необходимостью и для достиженія этой цѣли выбора не представлялось, то теперь наискорѣйшее развитіе края и административное его благоустройство побуждаютъ меня препятствовать дальнѣйшему выселенію кавказскихъ мусульманъ, мало по малу начинающихъ пріучаться къ нашему управлению и обѣщающихъ со временемъ сдѣлаться трудолюбивыми поселянами” („Русская старина“, 1882 года, октябрь, стр. 1 и 2). „Изъ числа 500.000 горцевъ, обитавшихъ за Кубанью въ началѣ 1860 года, къ 1865 году осталось не выселившихся въ Турцию всего лишь до 90.000. Безъ сомнѣнія, такая громадная масса переселенцевъ не могла быть подвигнута къ оставленію родины одними лишь мѣрами, извѣнѣ предпринятыми— по разсчетамъ побѣдителя, если бы въ этой массѣ не таилось издавна тяготѣніе къ Турции,... порожденное религиознымъ единствомъ ихъ съ турками.“ („Всеподданѣйшій отчетъ главнокомандующаго Кавказскою арміею по военно-народному управлению за 1863—1869 г.г.“, Спб., 1870 года, стр. 109).

Едва ли религиозный фанатизмъ имѣлъ въ эмиграціи горцевъ Западнаго Кавказа особенно значительное вліяніе, такъ какъ черкесскія племена именно отличались „отсутствиемъ въ нихъ религиознаго фанатизма. Не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ легче было соблазнить отбитіемъ нашего порцоннаго скота, чѣмъ имевшемъ Магомета, въ чемъ они представляли разительную противоположность чеченцамъ и дагестанцамъ“ („Кавказский сборникъ“, т. 7, стр. 465). Переселеніе горцевъ въ Турцию было слѣдствіемъ поддержанаго непреодолимою силой требованія побѣдителя выселиться изъ горъ. При неизбѣжномъ выселеніи, горцамъ представлялся выборъ только между переселеніемъ въ степи между Кубанью и Дономъ и эмиграціею въ Турцию. Въ случаѣ переселенія за Кубань горцы опасались гибели отъ голода и непривычныхъ природныхъ и климатическихъ условій. Естественно, что переходу подъ власть вѣкового врага съ такою будущностью огромное большинство горцевъ Западнаго Кавказа предпочло выселеніе въ земли единовѣрной державы, съ болѣе близкими природными и климатическими условіями.

Въ 1861—1863 г.г., одновременно съ военными дѣйствіями, въ отнятыхъ у горцевъ предгорьяхъ и нѣкоторыхъ долинахъ съверо-восточныхъ склоновъ водворены были казачьи станицы. Всего поселено было здѣсь, съ значительными расходами казны и притомъ принудительнымъ порядкомъ, по-

тому что добровольныхъ переселенцевъ оказывалось мало, 16 т. семей или около 90 т. душъ. Но горы, главный хребетъ и его юго-западные склоны, а также черноморская прибрежная полоса остаются и понынѣ не заселенными. „Въ продолженіе трехъ десятковъ лѣтъ, 1864—1894 г.г., были испытаны разныя мѣры заселенія“ кавказско-черноморского побережья, „но попытки эти, стоявшія большихъ денегъ, оказались безплодными... Настоящее экономическое положеніе края печально, хотя замѣчается иѣкоторый подъемъ къ лучшему“ („Спб. вѣдомости“, 1899 года, 3 мая). Въ горахъ могло сносно существовать многочисленное туземное населеніе, которое, не платя податей и имѣя ограниченныя потребности полудикой жизни, довольствовалось произведеніями небольшого скотоводства и маленькихъ площадокъ удобной для культуры земли, поддерживаемыхъ или созданныхъ вѣковыми трудами человѣка, пользуясь для сообщеній конными или пѣшими тропинками. Русскіе колонисты нуждаются въ несравненно большемъ количествѣ культурной земли, потому что должны производить достаточное не только для собственного пропитанія, но и для сбыта количества продуктовъ; послѣдній невозможенъ безъ хорошихъ дорогъ, устройство же ихъ и содержаніе не по силамъ местнаго населенія, а со стороны государства потребовало бы огромныхъ расходовъ, несоразмѣрныхъ съ результатами. Трудности колонизаціи западныхъ склоновъ и приморской полосы еще болѣе значительны, несмотря на богатство даровъ природы. Теплый и влажный климатъ даетъ не только роскошную растительность, но также и всѣ условія для губительныхъ малярійныхъ болѣзней. Въ немногіе года по уходѣ туземцевъ буйная растительность и воды почти уничтожили всякие слѣды культуры и существовавшіе первобытные пути сообщеній. Поэтому въ большей части Западнаго Кавказа, лишившагося туземного населенія, Россіи предстоитъ тяжкая, съ великими жертвами, борьба для обузданія и покоренія мощныхъ силъ природы.

Что касается Восточнаго Кавказа, то отдаленность его отъ Чернаго моря и другихъ границъ въ значительной степени устраивала опасности враждебнаго настроенія горскаго населенія въ случаѣ внѣшней войны. Притомъ для выселенія изъ горъ миллионаселенія не имѣлось свободныхъ земель. Съ другой стороны малое количество удобныхъ для земледѣлія земель и густота на такихъ земляхъ туземного населенія не позволяли и не позволяютъ сколько нибудь значительной русской колонизаціи. Наставающій не испрѣмѣнномъ водвореніи на Кавказѣ и въ Закавказье сотенъ тысячъ русскихъ переселенцевъ, В. С. Еривенко признаетъ однако, что если бы съ горъ Дагестана „согнать туземцевъ, опытомъ столѣтій научившихся добывать себѣ на бесплодныхъ скалахъ Дагестана пропитаніе, то на ихъ пепелищахъ врядъ ли могли бы обосноваться русскіе колонисты, и двѣ трети Дагестана обратились

бы въ пустыню" („Очерки Кавказа“, Сиб., 1893 года, стр. 179). „Если бы въ 1859 году, послѣ сдачи Шамила, ихъ вздумали заставить покинуть свои горные аулы и переходить куда-нибудь на плоскости, то вѣроятно пришлось бы вновь начинать покореніе Дагестана“ (тамъ же).

Въ 1860 году предположеніе графа Евдокимова переселить часть чеченцевъ въ Кабарду, населеніе которой собиралось уходить въ Турцію, произвело въ Ичкеріи въ аргунскомъ округѣ возстаніе. По усмирѣніи, въ виду предполагавшагося переселенія чеченцевъ въ Кабарду, Евдокимовъ водворилъ въ Чечнѣ пять казачьихъ станицъ, всего около 1 т. семей. Между тѣмъ кабардинцы отъ ухода въ Турцію отказались. Хотя населеніе чеченского округа въ числѣ 81.360 душъ стѣснилось на пространствѣ въ 76 квадратныхъ миль, имѣя не болѣе 2 дес. на душу, тѣмъ не менѣе перейти на лѣвый берегъ Терека оно не соглашалось и для переселенія еготуда пришлось бы прибѣгнуть къ силѣ. Занявшій мѣсто Евдокимова, переведеннаго на Западный Кавказъ, князь Мирскій „не раздѣлялъ его убѣждений; онъ полагалъ, что уже настала пора дѣйствовать въ Чечнѣ мѣрами краткости“. Для разрѣженія населенія, при помощи состоявшаго въ русской службѣ, но пользовавшагося влияніемъ между соотечественниками генераль-маиора Кундухова, часть чеченцевъ склонена была къ переселенію въ Турцію. Въ 1865 году 5 тысячъ семействъ чеченцевъ, подъ предводительствомъ Кундухова и слѣдя его примѣру, отправилась сухимъ путемъ въ Азіатскую Турцію, съ согласія Порты и съ расходами нашей казны въ 130.582 р. 72 коп. Переселенцы эти однако долго доставляли большія хлопоты турецкому правительству и нашему, стремясь возвратиться на родину. Послѣ этого опыта дальнѣйшия переселенія въ Турцію были окончательно прекращены. („Русская старина“, 1882 г., октябрь, стр. 9—19, статья Берже).

Такимъ образомъ съ 1859 года на Восточномъ Кавказѣ для Россіи предстала задача замирить и обратить къ цивилизованной жизни покоренное, но остающееся враждебнымъ миллионное горское населеніе. Конечно задача эта не можетъ, по своей трудности, не требовать продолжительного времени и большихъ усилий. На сколько мало она достигнута, можно отчасти судить уже потому, что чрезъ 18 лѣтъ послѣ покоренія, во время второй восточной войны, въ 1877 году, горцы „возмущились, произвели рядъ дерзкихъ нападеній, вызвали необходимость вооруженныхъ дѣйствій съ нашей стороны и лишили кавказскую армію на театрѣ войны въ Азіатской Турціи содѣйствія двухъ дивизій“ („Фельдмаршалъ кн. Барятинскій“, т. 2, стр. 371), которая пришлось держать на Кавказѣ для предупрежденія новаго возстанія. Едва ли многимъ лучше настроение горцевъ и въ настоящее время. „Чеченцы до сихъ поръ остаются враждебными для нась народомъ, готовымъ, при удобномъ-

случаѣ, почти поголовно возстать”; „кабардинцы... далеки отъ сближенія съ нами” (В. С. Кривенко „Очерки Кавказа”, 1893 года, стр. 15). Такое настроение воинственныхъ и свободолюбивыхъ горцевъ тѣмъ менѣе удивительно, что положеніе ихъ подъ русскимъ владычествомъ ухудшилось во всѣхъ почти отношеніяхъ *). Такъ введеніе русскаго управления упразднило или окончательно расшатало находившійся въ стадіи разложения родовой бытъ горскихъ племенъ и связанныя съ нимъ формы общественнаго устройства **), но кровопролитіе, насилия, убийства, грабежи, воровство не только сохранились, но усилились, ибо не встрѣчаютъ болѣе противодѣйствій въ упраздненныхъ

*) По словамъ г. А. С., пользовавшагося мѣстными официальными источниками, «подчиненіе нашей власти Восточного Кавказа имѣло характеръ не столько покоренія или изложениія, сколько добровольнаго (?) принесенія населеніемъ покорности, т. е. обѣщанія сидѣть смиро и повиноваться постановленіемъ отъ нашего правительства властямъ, причемъ мы, съ своей стороны, обязались оставить неприкосновенными: ихъ религию, права, обычай, которыми опредѣлялись отношенія семейныя и между сословіями; въ числѣ правъ весьма важное и драгоценное для нихъ право ношенія оружія; обязались никогда не облагать ихъ податями и повинностями денежными, какъ и натуральными, въ особенности никогда не привлекать къ отбыванію повинности воинской. Въ какихъ именно выраженіяхъ и при какой обстановкѣ даны были эти обязательства покорителемъ Восточнаго Кавказа, бывшимъ намѣстникомъ, княземъ Барятинскимъ, намъ установить не удалось, но достовѣрно, что въ такомъ именно смыслѣ были поняты горцами предложенія имъ условія и что составленія ими обѣ этомъ зашли хранились въ вѣсколькихъ мечетяхъ». «Горцамъ терской области въ 60-хъ и 70-хъ годахъ жилое подъ нашимъ управлениемъ членъ недурно», но введенія были подводная и дорожная новинности, подати; въ общемъ они теряли одни права за другими и стали относиться «къ намъ въ душѣ съ недовѣріемъ, а потому, весьма естественно, и съ неизрѣзью», опасаясь введенія воинской повинности, отобранія оружія и наконецъ насилиственнаго обращенія въ христіанство. Такимъ образомъ, не въ прижимкахъ, не въ злоупотребленіяхъ ближайшей къ народу администраціи, какъ и не въ фанатизмѣ, заключались причины нерасположенія къ намъ и недовольства горцевъ и причины возстанія 1877 г. (А. С. Очеркъ возстанія горцевъ въ терской области въ 1877 г., Сиб., 1896 г., стр. 19 и 20).

Въ 1886 году, три почетныхъ старика изъ аула Гехи доставили къ князю Амилахвари,—командовавшему войсками, назначенными для усмирения воинствъ въ Чечнѣ по поводу составленія посемейныхъ списковъ съ цѣлью введенія нового налога взамѣнъ отбыванія воинской повинности натураю,—деревянный, окованный серебромъ, ларецъ. Они открыли его, и кн. Амилахвари увидѣлъ оригиналъ прокламаціи, обращенной къ чеченскому народу отъ имени императора Александра II и подписанной собственноручно княземъ Барятинскимъ. Въ подлинности документа сомнѣваться было нельзя.—Эта прокламація—сказалъ старикъ—вручена народу самимъ намѣстникомъ, и хранится, какъ законодательная хартия и основаніе нашихъ гражданскихъ правъ» («Исторія 44 драгунскаго Нижегородскаго полка», составленная В. Потто, Сиб., 1895 г., томъ 10, стр. 51).

**) «Старыя вѣковые основы зданія ихъ (горцевъ) общественнаго порядка и быта замѣняются новыми, и самое зданіе подвергается постѣдовательной и, нужно сказать, вѣсколько посыпшой перестройкѣ» (Всеподданѣйший отчетъ главнокомандующаго кавказской арміею по военно-народному управлению за 1863—1869 г. г., Сиб., 1870 г., стр. 115). Предполагалось, что общественная и частная безопасность «ограждена твердою и бдительною правительственную охраною и (что) такія нарушенія этой безопасности, какъ грабежи и разбои, если и возможны, какъ случаи единичные, не могутъ, однако же, никогда достигнуть размѣровъ новаильнаго, трудно-потребимаго для (тамъ же, стр. 116).

родовыхъ союзахъ и въ обезсиленныхъ и лишенныхъ почти всякой власти и средствъ воздѣйствія обществахъ, тогда какъ русская администрація, уже по одной своей малочисленности, не въ состояніи достигать дѣйствительной охраны личной и имущественной безопасности, при отсутствіи содѣйствія туземныхъ обществъ, немогущихъ его оказывать не столько по недостатку желанія, сколько по безсилію. Развившіеся съ особою силою, отчасти подъ вліяніемъ подобныхъ же причинъ, грабежи и разбои въ Закавказіи вызвали примѣненіе и на Восточномъ Кавказѣ въ послѣдніе годы чрезвычайныхъ и исключительныхъ мѣръ, каковы поголовное обезоруженіе, имущественная ответственность территоріальныхъ обществъ за убийства, грабежи и даже кражи на ихъ территоріяхъ, отнатіе у цѣлыхъ обществъ ихъ земель съ отдачею подъ казачіи поселенія и съ разселеніемъ жителей по разнымъ туземнымъ обществамъ (по „Терскимъ вѣдомостямъ“ отъ 4 марта 1899 года такая мѣра примѣнена къ аулу Баматъ-юртъ, состоявшему изъ 104 дворовъ, за уклоненіе отъ выдачи двухъ абревовъ-разбойниковъ, укрывавшихся, по свѣдѣніямъ мѣстной р. администрації, въ этомъ аулѣ), и т. под. Въ областномъ городѣ Владикавказѣ туземцамъ воспрещено появляться на улицахъ позже девяти часовъ вечера; ингушамъ запрещено почевать въ чужихъ аулахъ и т. д. Будучи соединены съ крайними стѣсненіями для населенія и связанны съ административнымъ усмотрѣніемъ, легко переходящимъ въ произволъ *), подобная мѣропріятія, какъ всегда почти показывалъ опытъ, обыкновенно не приводятъ къ цѣлямъ, имѣвшимся въ виду. Такъ, напр., усиленные старанія по обезоруженію горцевъ ведутъ къ тому, по мѣстнымъ отзывамъ изъ терской области, что „мирные граждане отданы въ жертву разбойникамъ“, ибо лишь послѣдніе успѣваютъ сохранить оружіе («Слб. Вѣдомости», 30 іюля 1898 года) **). Экономическое положеніе туземного населенія

*) По словамъ циркуляра Главноначальствующаго на Кавказѣ отъ 31 декабря 1899 года, «землемѣльческое податное населеніе Кавказа... крайне обременено казенными податями и земскими сборами, подъ названіемъ подымныхъ» и «особыхъ частныхъ сборовъ» и натуральныхъ повинностей, въ видѣ добавочныхъ къ податному и земскому обложению. Стремясь къ устраненію «того ненормального порядка, въ силу которого не только отдѣльные думы, обремененные непосильными податными сборами, но цѣлыя селенія исчезаютъ», циркуляръ этотъ отмѣняетъ между прочимъ, содержаніе постоянныхъ обывательскихъ разѣздныхъ командъ и «произвольное назначеніе на счетъ обществъ жалованья» опредѣляемымъ администрациєю сельскимъ старшинамъ и пизнимъ при нихъ служащимъ изъ размѣръ, иногда превышающемъ всякое вѣроятіе».

**) По мнѣнію сенатора Кони, «циркуляры бакинского губернатора и администраціи терской области, запрещающіе оружіе, увѣнчались успѣхомъ и можно разсчитывать, что при несколько большей энергіи на Кавказѣ разоруженіе могло бы быть достигнуто» («Новое время», 27 января 1897 года). Мѣстная свѣдѣнія гласятъ противное, да и по словамъ г. Кони «написанные законы встрѣчаются часто не примиримымъ противорѣчіемъ съ обычаями: «кавказецъ чуть не родится съ оружиемъ» и «въ силу тѣкового обычая оно составляеть органическую его принадлежность и фамильную драгоценность». Но его же словамъ,

Восточного Кавказа не мене плачевно, отчасти вслѣдствіе недостатка удобныхъ земель, *) главнымъ же образомъ вслѣдствіе неподвижности устарѣлыхъ формъ хозяйства, отсутствія промышленности и т. д.

Культурное развитіе и успѣхи гражданственности невозможны безъ широкаго и прочнаго распространенія въ населеніи школъ, научныхъ и техническихъ знаній и т. д. Выше уже приведено основательное мнѣніе по этому предмету князя Цицанова, выраженное въ началѣ истекающаго столѣтія. Подобнымъ образомъ одинъ изъ командовавшихъ на Восточномъ Кавказѣ генераловъ, Клюки фонъ-Клугенау, заявилъ въ 1843 году, что „слѣдовало бы въ будущемъ обратить вниманіе на образованіе туземнаго населенія, такъ какъ это, безъ сомнѣнія, былъ бы долгій и трудный, но тѣмъ не мене неизбѣжный и достойный имѣнія русскаго пути къ прочному утвержденію нашей власти въ Дагестанѣ“ („Кавказскій сборникъ“, т. VI, приложенія, стр. 35). Конечно и всѣ позднѣйшіе правители Кавказа и его частей раздѣляли это мнѣніе **). Между тѣмъ изъ двухъ областей, между которыми дѣлится нынѣ

обычай кровомщенія такъ глубокъ, что отъ него не спасутъ никакія законныя кары и можетъ спасти одно только образованіе и нравственное воздействиѣ» (тамъ же). Все это ясно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что и обычай ношения оружія столь же мало можетъ быть искорененъ «циркулярами», какъ кровомщеніе; такие обычай упраздняются лишь съ измѣненіемъ быта и условій, ихъ создавшихъ, подъ влияніемъ народнаго образованія, но для этого нужны десятки, если не сотни лѣтъ.

*) Въ дагестанской области «естественный приростъ туземнаго населенія значительно ниже нормального...; причиной этого явления, безъ сомнѣнія, служать крайне стѣсненные экономическія условія» («Памятная книжка дагестанской области», Темиръ-ханъ-шура, 1895 г., стр. 128). «Мѣстное землемѣре... не обезпечиваетъ существование землемѣрца... Мѣстного хлѣба, даже въ урожайные года, не хватаетъ на продовольствіе населенія въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году» (тамъ же, стр. 107). «Народному продовольствію оказываютъ косвенную большую поддержку овцеводство» отходжий промыселъ и кустарный производство» (стр. 117).

Въ терской области, у чеченцевъ (всего въ области въ 1894 г. 193.338 ч., а вообще горцевъ въ области 476.083 д. о. ч.) средний надѣль въ горахъ приходится въ среднемъ въ 1,23 дес. удобной земли, а на плоскости въ 4,11 дес. на 1 муж. душу: отъ 0,05 дес. (въ 6-мъ участкѣ грозненского округа) до 14,9 дес. (въ однѣмъ сел. Мундаръ-юртѣ); у ингушей не превышаетъ (въ 1894 г. 45.016 д.) 1 дес. на душу («Кавказскій календарь на 1897 г.», отдѣлъ 6, стр. 149). Между тѣмъ соедине съ чеченцами казаки имѣютъ на Сунджаѣ 15 дес. на душу, а на Терекѣ даже 30 дес. (А. С. «Очеркъ возстанія горцевъ въ терской области въ 1877 году», Сиб., 1896 г., стр. 18).

**) «Изъ всѣхъ мѣръ... въ цѣляхъ нравственнаго скрѣпленія горскихъ народностей съ Россіею развитіе образования въ средѣ горцевъ есть мѣра самая важная и радикальная» (Всеподд. отчетъ главнокомандующаго кавказской арміею по военно-народному управлѣнію за 1863—1869 г. г., Сиб., 1870 г., стр. 98), но къ 1870 году «всѣхъ школъ, содержимыхъ правительствомъ для горцевъ» было только «7, въ томъ числѣ 4 въ терской и по 1 въ дагестанской и кубанской областяхъ и сухумскомъ отдѣлѣ» (стр. 101); «нельзя не сознаться, что до сихъ порь дано горцамъ въ этомъ отношеніи мене, чѣмъ слѣдовало бы и какъ того требуютъ собственные наши разсчеты, не только нравственные, но и материальные» (тамъ же, стр. 99).

почти весь Восточный Кавказъ, въ терской къ 1895 году „только 6 заведений на 458 учащихся открыты для дѣтей туземцевъ..., численность коихъ въ общей сложности простирается до 421,128 душъ обоего пола“ („Записки Кавказского Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, книжка 19, Тифлисъ, 1897 года, стр. 134), въ дагестанской же области, по отчету попечителя кавказскаго учебнаго округа за 1897 годъ, всего 10 начальныхъ училищъ съ общимъ численностью учащихся 480, въ томъ числѣ горцевъ 264 („Кавказскій календарь на 1899 годъ“), и 1 лечебное заведеніе (приемный покой на пять кроватей) на всю область („Врачъ“, 1898 г., № 31), въ которой перепись 1897 года опредѣлила 586,636 душъ обоего пола.

Итакъ чрезъ 35—40 лѣтъ послѣ покоренія Кавказа, потребовавшаго миллиардовъ денегъ, потоковъ крови и многолѣтнаго содержанія громадной арміи,—что въ совокупности было одною изъ главныхъ причинъ нашей культурной и экономической слабости и отсталости, ибо слишкомъ значительная часть государственныхъ средствъ и сильь отвлекалась почти полвѣка на цѣли, чуждыя развитію народнаго образования, хозяйства и благоустройства,—Россіи предстоитъ: на Западномъ Кавказѣ—заселеніе опустѣвшей и одичавшей страны и тяжелая борьба съ неблагопріятными условіями ея природы, на Восточномъ же Кавказѣ—не менѣе тажкія усилия и затраты къ культурному развитію страны и ея находящагося въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ до завоеванія, туземнаго населенія. Предстоящіе для этихъ задачъ расходы, въ особенности на Восточномъ Кавказѣ, безотлагательны, хотя по свѣдѣніямъ за 24 года (1868—1891 г.г., см. монографію проф. Н. Ясиопольскаго „О географическомъ распределеніи государственныхъ расходовъ Россіи“ въ „Кievскихъ университетскихъ извѣстіяхъ за 1895—1897 г.г.“) государственные доходы Кавказа и Закавказья равнялись лишь $454\frac{1}{2}$ миллионовъ руб., тогда какъ расходы составили 1.136 миллионовъ руб., т. е. дефицитъ составилъ за 24 года $681\frac{1}{2}$ миллионъ руб., или въ среднемъ почти $28\frac{1}{2}$ миллионовъ руб. ежегодно (см. таблицу № 42 при означенной монографіи), причемъ этотъ огромный дефицитъ происходилъ не сть однихъ расходовъ на военные надобности (въ среднемъ, вѣроятно, военные расходы доходили лишь до 23 миллионовъ руб., какъ въ 1887 году, см. таблицу № 6), имѣющія въ виду потребности всей имперіи, а не однѣ местно-кавказскія. По приведеннымъ даннымъ, показывающимъ во-что обходится Россіи обладаніе Кавказомъ и Закавказемъ послѣ ихъ покоренія, можно заключить, что говоря въ 1859 году о „колossalныхъ размѣрахъ“ средствъ и усилий, которыя потребовались для покоренія Кавказа, капитанъ Окольничій не впадаль въ преувеличеніе, утверждая, что „если бы пришлось теперь исчислить всю

шану потерю на Кавказѣ, то цифры эти испугали бы самое смѣлое воображение” („Военный Сборникъ“, 1859 года, январь, стр. 109 и 110).

2) *Англо-Индійскій „Кавказъ“.*

Изъ вышеизложеннаго видно, что борьба Россіи съ кавказскими горцами имѣла двѣ главныхъ фазы: до объединенія горцевъ Восточнаго Кавказа, подъ властью единаго духовнаго и свѣтскаго главы, и послѣ объединенія. Въ первой фазѣ оказывалася два периода; въ одномъ, до Ермолова, преобладала оборонительная система; вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя русскіе правители не оставляли стремленій подчинить горскія ханства и общества, но сохраняли независимость внутреннаго ихъ управления по существовавшимъ обычаямъ и установившимся порядкамъ; во второмъ періодѣ, при Ермоловѣ, прината была наступательная система, ставившая прямую задачу покореніе горцевъ съ упраздненіемъ самостоятельности и внутреннаго ихъ управления: „терзаютъ меня ханства, стыдащія нась своимъ бытіемъ; управление ханами есть изображеніе первоначального образованія обществъ“ — писалъ Ермоловъ уже въ началѣ своего управлѣнія Кавказомъ („Архивъ князя Воронцова“, ви. 36, стр. 185), а демократическое общество, безъ хана, какъ акушинское, одно время представлялось ему, мы видѣли, лишь „скотскимъ заводомъ“.

Борьба Англо-Індіи съ авганскими горными племенами находится уже полстолѣтия, съ 1849 года, все еще въ первой фазѣ, такъ какъ объединенія горцевъ еще не совершилось, но и здѣсь видимъ два ея періода: оборонительной системы — Close Border — съ 1849 до 1876 года, и наступательной со времени лорда Литтона. Оборонительная система выполнялась здѣсь съ несравненно большей послѣдовательностью и твердостью, чѣмъ на Кавказѣ, и хотя многія карательныя экспедиціи и жертвы Молоху „престижа“ и погонѣ за чинами и орденами были совершенію излишни и вредны для достиженія поставленной для этой политики цѣли, однако результаты лишь двадцати пяти-лѣтняго ея примѣненія были достаточно удовлетворительны, такъ какъ горные племена начинали убѣждаться, что англо-індійское правительство не желаетъ посягать на ихъ независимость и уважаетъ неприкосновенность ихъ земель. Благодаря именно этому убѣждѣнію, не имѣя опасеній за свою независимость со стороны Англо-Індіи, большинство пограничныхъ горныхъ племенъ не только не заботилось объ утвержденіи связей съ эмиромъ Авганистана, но отвергало всякую отъ него зависимость, не видя нужды налагать на себя лишенное ярма. По этой же причинѣ, во время войны 1878—1880 г.г., пограничные племена, за немногими исключеніями, не только не пришли сторону эмира, но отчасти, какъ афридіи, брали на себя охрану безопасности сообщеній вторгнувшихся въ Авганистанъ британскихъ войскъ.

Принятая съ 1876 года, подъ вліяніемъ воинствующаго имперіализма и раздуваемаго имъ страха нашествія на Индію, наступательнаа политика имѣла, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, извѣстный успѣхъ въ Белуچистанѣ и у юго-восточныхъ авганскихъ племенъ, но у остальныхъ горныхъ племенъ она встрѣтила полную неудачу. Захваты стратегическихъ пунктовъ и путей сообщенія, выставленіе на нихъ отрядовъ, постройки укрѣпленій и постовъ, попытки подчиненія горцевъ британской власти—все это постепенно убѣдило горныхъ племена въ стремлениі Англіи попрать ихъ независимость и свободу. Соглашеніе Дьюранда, присвоившее Англіи владычество надъ независимыми горными племенами, безъ ихъ вѣдома и согласія, окончательно выяснило намѣреяя Англіи, а потому попытки постановки знаковъ на границѣ съ Авганистаномъ и другія проявленія стремлений Англіи осуществить свое владычество надъ горными племенами вызвали рядъ вооруженныхъ столкновеній и восстаний, заключившихся борьбою 1897 года, охватившую почти всю границу Индіи съ авганскими горными племенами. События 1897 года выяснили, по словамъ лорда Хамильтона, что „боевые силы“ „дѣйствовавшихъ доселѣ порознь“ горныхъ племенъ „и способность ихъ соединяться (для общей борьбы съ Англіею) въ послѣдніе годы возросли одновременно“ (Military operations etc., vol. II, p. 178).

Такъ какъ Англія, по всей вѣроятности, будетъ держаться наступательной политики и возобновленіе борьбы ея съ горными племенами неминуемо въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, то возникаетъ вопросъ: совершился ли объединеніе пограничныхъ племенъ подъ единой властью, для борьбы съ могучимъ врагомъ ихъ независимости, и въ какой оно осуществляется формѣ? Явится ли у нихъ своей Шамиль?

Каждое изъ авганскихъ горныхъ племенъ и каждая изъ племенныхъ вѣтвей такъ дорожатъ своей независимостью и самоуправлениемъ, что соединенія всѣхъ пограничныхъ племенъ подъ властью единаго главы доселѣ, сколько извѣстно, не бывало. Мы знаемъ однако о союзахъ нѣсколькихъ племенъ для завоеваній (напр. союзъ группъ каши и гораҳель для завоеванія низовьевъ Кабулъ-дары и Свата въ XV вѣкѣ) и для защиты противъ виѣшнаго врага (напр., противъ Экбера). Союзы эти распадались по достижениіи непосредственной своей цѣли или по минованіи вызвавшей ихъ виѣшней опасности. Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ проповѣдникъ войны съ невѣрными Сеидъ-Ахмедъ, въ виду угрожавшей горнымъ племенамъ опасности отъ завоеваній сейковъ, успѣлъ соединить подъ свою власть юсуфіевъ и племена низовьевъ Кабулъ-дары. Власть его была сокрушена не столько побѣдами сейковъ, интригами баракзійскихъ сердарей, соперничествомъ „сватскаго ахуна“ абдулъ-Гафара и желаніемъ племенъ освободиться отъ деспо-

тизма падишаха, сколько воздержаниемъ сейковъ отъ попытокъ покоренія горныхъ племенъ. Подобнымъ образомъ паденіе Сеидъ-Мубарекъ-шаха,—наследовавшаго Сеидъ-Экбера, пріобрѣвшему власть надъ юсуфзіями вслѣдствіе опасеній горцевъ за свою независимость со стороны замѣнившихъ сейковъ англичанъ,—послѣдовало вслѣдствіе того, главнымъ образомъ, что разгоравшееся въ Индіи восстание сипаевъ упраздняло для горныхъ племенъ страхъ британскаго завоеванія. Въ настоящее время, послѣ событій 1897 года, несомнѣнно выяснившихъ пограничнымъ племенамъ необходимость, для успѣха борьбы за независимость, объединенія ихъ силъ и средствъ, появленіе имама-падишаха, съ духовной и свѣтской властью надъ всѣми горными племенами, весьма вѣроятно и возможно.

Я могъ бы, конечно, высказать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія и соображенія—изъ какой среды явится имамъ-падишахъ авганскихъ горныхъ племенъ, при какихъ обстоятельствахъ, какими путями и чими вліяніями будетъ онъ выдвинутъ и т. д., но все это были бы лишь гипотезы. Несомнѣнно же одно: авганскіе горцы получатъ вожда для борьбы противъ Англіи за свою независимость, какъ получили кавказскіе горцы Казимулу и его преемниковъ, алжирскіе горцы Абд-эль-Кадера и т. д., если только авганскій эмиръ не станетъ своевременно во главѣ борьбы съ Англію, принявъ подъ свою власть всѣ пограничныя горныя племена.

То обстоятельство, что пограничныя племена составляютъ часть авганскаго народа и что вслѣдствіе этого они получать, рано или поздно, помошь своихъ остальныхъ соплеменниковъ въ борьбѣ съ Англію, составляетъ весьма важное преимущество авганскихъ горцевъ предъ кавказскими и алжирскими и влечетъ за собою самыя большія для Англіи трудности борьбы съ ними. Полтора миллиона пограничныхъ авганскихъ горцевъ не лишены, подобно кавказскимъ горцамъ, единоплеменниковъ и не окружены со всѣхъ сторонъ владѣніями врага, а составляютъ лишь авангардъ двухъ миллионовъ соплеменниковъ Авганистана, располагающихъ силами и средствами трехъ миллионъ подчиненныхъ народовъ. Относительно неминуемости участія Авганистана въ борьбѣ пограничныхъ племенъ съ Англо-Індіею не можетъ быть основательного сомнѣнія, такъ какъ,—помимо естественнаго стремленія авганскаго населенія Авганистана помочь своимъ единоплеменникамъ въ оборонѣ противъ иносплеменаго и иновѣрнаго врага,—нашествія англичанъ 1838—1842 г.г. и 1878—1880 г.г. прочиѣйшимъ образомъ вкоренили въ авганскомъ народѣ ненависть къ Англіи и опасенія возобновленія съ ея стороны покушеній къ порабощенію Авганистана. Мы знаемъ, что въ 1897 году, при первыхъ извѣстіяхъ о восстаніи въ Сватѣ, на помошь своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ немедленно устремились тысячи добровольцевъ изъ смежныхъ

владѣній эмира, а десятки тысячъ (какъ 30 тыс. въ Лемганѣ) готовились слѣдовать за ними. Развитіе этого движенія остановили не столько, быть можетъ, энергичныя мѣры эмира, сколько свѣдѣнія о сохраненіи, со стороны англичанъ, за побѣжденными племенами ихъ земель и самоуправлѣнія.

По свидѣтельству сэра Лепель Гриффина,—состоявшаго британскимъ уполномоченнымъ въ 1880 году при возведеніи Абдэррахманъ-хана на престолъ эмира,—большинство авганскихъ вождей и народа было расположено въ то время въ пользу Якубъ-хана и его семьи, и относилось къ Абдэррахманъ-хану съ нелюбовью и страхомъ, опасаясь его мстительности и жестокости (*A page of Afghan History, by sir Lepel Griffin, въ Asiatic Quarterly Review, 1888, October, p. 250*). Увѣрилъ англичанъ въ своей преданности, на условіи субсидій и поддержки, и указывая имъ—кого изъ вліятельныхъ и подозрѣваемыхъ имъ во враждебности къ себѣ народныхъ вождей слѣдуетъ подвергнуть задержанію, для общей безопасности, Абдэррахманъ-ханъ въ то же время тайно возбуждалъ въ народѣ противъ англичанъ религіозно-національные чувства, дабы пріобрѣсти этимъ путемъ популярность и опору противъ неудобныхъ требованій британскаго правительства (тамъ же, р. р. 250, 257 и др.). Достигнувъ этой „двойной игрой“ престола и утвердившись на немъ, Абдэррахманъ-ханъ далъ волю своей мстительности и жестокости. Результатомъ были возстанія, усмиренія которыхъ сопровождались свирѣпыми пытками и казнями. Лепель Гриффинъ признаетъ вѣрѣвшаго изъ всѣхъ союзниковъ Англіи въ Европѣ и Азіи самымъ жестокимъ (*most cruel*) правителемъ и замѣчаетъ, что Ширъ-Али-ханъ наказывалъ своихъ подданныхъ розгами, Абдэррахманъ-ханъ же сталъ ихъ бичевать скорпионами (р. 255). Другой почитатель эмира, Керзонъ, въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Кабулъ зимою 1894—1895 г.г., утверждалъ, что въ мірѣ не найдется государя, къ которому его народъ питалъ бы чувство страха съ такой полной основательностью. Ненавидимый главами племенъ, духовенствомъ и народомъ и держащійся главнымъ образомъ субсидіями Англіи и ея, въ случаѣ надобности, воинской помощью Абдэррахманъ-ханъ лишь въ крайности можетъ принять сторону пограничныхъ племенъ и рѣшился на войну съ Англіею. Но состояніе здоровья Абдэррахманъ-хана давио уже внушаетъ опасенія.

Вопреки газетнымъ толкамъ о неизбѣжныхъ смутахъ въ Авганистанѣ послѣ смерти нынѣшняго эмира, вслѣдствіе появленія претендентовъ, съ наибольшою вѣроятностью слѣдуетъ полагать, что вступленіе на престолъ назначеннаго Абдэррахманъ-ханомъ въ преемники старшаго сына его Хабибуллы-хана совершится спокойно и никакихъ претендентовъ не появится или претензіи ихъ останутся совершенно безусыпными, ибо Хабибулла-ханъ уже

късколько лѣтъ принимаетъ участіе въ управлениі и замѣняетъ отца въ разныхъ случаяхъ, а претенденты, бѣжавшіе изъ Афганістана уже десять—двадцать лѣтъ (Эюбъ-ханъ въ 1881 году, Исхакъ-ханъ въ 1888 году), не имѣютъ въ странѣ ни значительного числа приверженцевъ, ни шансовъ на успѣхъ. Положеніе новаго эмира будетъ совсѣмъ иное, чѣмъ Абдэррахманъ-хана. Ненависть народа и духовенства не можетъ быть перенесена на сына, невиннаго въ его жестокостяхъ. Съ своей стороны Хабибулла-ханъ, надо думать, пожелаетъ пріобрѣсти расположение своего народа, дабы не быть въ тяжкой зависимости отъ англо-индійскаго правительства и основать свою власть на прочномъ фундаментѣ народной преданности. Разумѣется, чтобы не лишиться возможно дольше ежегодной субсидіи въ 1.800.000 рупій, онъ будетъ выполнять обязательства отца передъ Англіей, но трудно сомнѣваться, что при возобновленіи борьбы пограничныхъ племенъ съ Англіей, онъ вынужденъ будетъ принять сторону единоплеменниковъ, подчиняясь единодушному чувству своего народа и во избѣженіе потери престола. Уклоненіе афганскаго эмира отъ борьбы съ Англіей за независимость афганскаго народа приготовило бы баракзійской династіи участь предшествовавшей ей саддовійской; духовный и свѣтскій глава пограничныхъ племенъ, появленіе котораго было быѣроятно неизбѣжно, столь же легко прогнанъ бы или обратилъ въничтожество баракзійскихъ эмировъ, какъ сдѣлалъ это Шамиль съ дагестанскими ханами.

Какъ бы то ни было, Англія придется, рано или поздно, бороться не съ одними пограничными племенами, но и съ Афганістаномъ. Если $1\frac{1}{2}$ миллиона душъ пограничныхъ племенъ выставляютъ 200 тыс. воиновъ, то въ общей сложности $6\frac{1}{2}$ милл. афганъ и подвластныхъ имъ народностей могутъ, безъ сомнѣнія, дать по крайней мѣрѣ 650 тыс. ратниковъ или десятую часть населенія, въ томъ числѣ до 150 тыс. регулярныхъ войскъ эмира съ ихъ резервами.

По свѣдѣніямъ Бернса, Достъ-Мохаммедъ-ханъ содержалъ въ тридцатыхъ годахъ около 2.500 чел. пѣхоты, вооруженной крѣпостными ружьями, и 12—13 тыс. всадниковъ („Кабулъ“, изд. Голубева, Москва, 1847 года, часть 2, стр. 164). Послѣ войны съ Англіей онъ завелъ регулярное войско, которое въ 1858 году, когда онъ владѣлъ всѣмъ Афганістаномъ кромѣ Херата, состояло изъ 16 полковъ пѣхоты, 3 полковъ кавалеріи и 80 орудій (Юль, статья его Afghanistan въ Encyclopaedia Britannica, изд. 1878 года), всего 12—15 тыс. чел. Ширъ-Али-ханъ, получивъ въ 1869 году въ подарокъ отъ англо-индійскаго правительства 5 тыс. ружей Снайдера и 15 тыс. Эн菲尔да, около 1 мили. патроновъ къ нимъ и 12 орудій, въ томъ числѣ 6 горныхъ, устроилъ выдѣлку пороху, ружей и пушекъ по англійскимъ образцамъ чрезъ

туземныхъ мастеровъ, ознакомившихся иѣсколько съ техникой въ пишеверскомъ арсеналѣ; въ результатѣ, къ войнѣ 1878 года, численность ручного огнестрѣльнаго оружія разныхъ системъ доходила до 50 тыс., въ томъ числѣ болѣе 2 тыс. ружей Снайдера и 8 тыс. Эн菲尔да туземной выдѣлки; имѣлось значительное количество патроновъ, болѣе 1 милл. фунтовъ пороху и 379 орудій (The Afghan War of 1879—1880, by Howard Hensman, London, 1881, p.p. 72—74, 320—327). Самъ Ширъ-Али-ханъ опредѣлялъ численность своей арміи, при переговорахъ съ русскимъ посольствомъ, въ 60 тыс. чel. (И. Л. Яворскій „Путешествіе русскаго посольства по Афганистану“ и пр., Спб., 1883 г., т. II, стр. 149), вѣроятно иѣсколько преувеличено. По свѣдѣніямъ Н. И. Гродекова, собраннымъ въ концѣ 1878 года во время проѣзда по Афганскому Туркестану въ Хератъ, у эмира имѣлось отъ 50 до 60 батальоновъ пѣхоты (30—35 тыс. чel.), около 20 полковъ кавалеріи (около 8 тыс. чel.) и около 200 орудій („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“ вып. V, Спб., 1883 г., стр. 101), значитъ всего регулярнаго войска до 50 тыс. Но изъ этихъ войскъ 15 батальоновъ и 15 кавалерійскихъ полковъ находились въ Афганскомъ Туркестанѣ и 15 батальоновъ въ Хератѣ (тамъ же, стр. 106), такъ что противъ трехъ англійскихъ отрядовъ, вступившихъ въ предѣлы Афганистана, могли быть выставлены лишь 20—30 батальоновъ, пока не подошла часть туркестанскихъ и хератскихъ батальоновъ. Хотя вслѣдствіе недостатка въ транспортныхъ средствахъ англійскія войска, направлявшіяся изъ Пишавера къ Кабулу, употребили почти полгода, чтобы добраться до Джелальабада, во утратившій мужество, рѣшительность и энергию, отличавшія его въ молодые годы, Якубъ-ханъ ничего не сдѣлалъ для организаціи борьбы и заключилъ унизительный миръ. Такую же растерянность выказалъ онъ при возобновленіи войны. Добровольно отдавшись вмѣстѣ съ главными своими министрами въ руки двигавшагося на Кабулъ корамскимъ путемъ шеститысячнаго отряда генерала Робертса, онъ думалъ спасти столицу своею покорностью. Только передъ самымъ Кабуломъ движеніе не встрѣчавшихъ никакаго сопротивленія англичанъ было 6 октября 1879 года остановлено 13 регулярными батальонами, которые наканунѣ возмутились, захватили орудія и военные припасы въ бала-хиссарскихъ складахъ и заняли ведущій къ Кабулу горный проходъ Сенги-Невишта, подъ вольнымъ или невольнымъ начальствомъ дяди эмира Никъ-Мохаммедъ-хана. Въ штабѣ Робертса численность этихъ батальоновъ оцѣнили то въ 9—10 тыс., то въ 4—5 тыс. чel. (Hensman, p.p. 37, 84). Будучи обойдена съ фланга при фальшивой фронтальной аттакѣ прохода, авганская регулярная сила къ вечеру обратилась въ бѣгство, побросавъ свою артиллерию и оставивъ на мѣстѣ около 300 тѣлъ, тогда какъ англичане потеряли лишь 20 чel. уби-

тыми и 67 ранеными. Доступъ къ беззащитному Кабулу сдѣлался для англійскаго отряда свободнымъ. Большая часть авганскихъ батальоновъ разсѣялась. Только три батальона, всего до 2 тыс. чel., съ 20 орудіями, заняли высоты Асмай, прилегающія къ городу Кабулу съ сѣверо-запада. Предпринятое противъ нихъ 8 октября движеніе англичанъ ограничилось перестрѣлкою до наступленія ночи, когда же утромъ 9 октября предпринято было решительное наступленіе, то оказалось, что авгани бѣжали, бросивъ орудія (Hensman, р.р. 41—51). Въ обоихъ дѣлахъ 6 и 8 октября, которыми закончилось существованіе регулярной арміи эмира Ширь-Али-хана, авганскія войска ограничились пассивной обороной. Значительное численное превосходство ихъ артиллеріи и недурной выборъ позицій для орудій не повели ни къ чему вслѣдствіе неудовлетворительности стрѣльбы. Огонь пѣхоты также оказывался недѣйствительнымъ, такъ какъ по невѣрности прицѣла пули авганской пѣхоты такъ же не попадали въ цѣль, какъ снаряды авганскихъ орудій (р. 330).

Видѣвшій авганскія войска передъ войною, въ авганскомъ Туркестанѣ и въ Хератѣ, русскій офицеръ генерального штаба высказалъ мнѣніе, что „пѣхота не годна вслѣдствіе принятія совершенно механически англійскаго устава“ („Сборникъ... матеріаловъ по Азії“, вып. V, стр. 160). Практика на войнѣ выяснила, что ближайшими причинами непригодности авганской регулярной арміи были неудовлетворительность офицеровъ и командировъ, а главное—плохое ознакомленіе людей со стрѣльбою. Надлежащихъ офицеровъ и генераловъ армія эмира имѣть не могла за отсутствіемъ военныхъ школъ и необходимаго образования; лучшіе офицеры были изъ отставныхъ чиновъ англо-индійской туземной арміи, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи сносно руководить движеніями даже одной бригады (Hensman, р. 328). Для обученія стрѣльбѣ каждому солдату выдавалось только три патрона въ годъ, а на каждое орудіе только одинъ снарядъ (р. 332). Не удивительно, что въ октябрѣ 1879 года регулярные батальоны не умѣли стрѣлять, а черезъ два мѣсяца, послѣ иѣкоторой практики, тѣ же солдаты, въ составѣ 20—50 ч. собравшагося противъ англичанъ народнаго ополченія, стрѣляли и дрались весьма сносно. Ополченцы эти нанесли Робертсу пораженіе и вынудили запереться въ Ширпурскій укрѣпленный лагерь. Послѣ восьмидневной блокады и стычекъ, авгани предпринимали 23 декабря штурмъ лагеря. Ночь на 24 декабря осажденные провели съ оружиемъ въ рукахъ, ожидая возобновленія штурма, но по наступленіи дня оказалось, что авганскія ополченія исчезли, разсѣявшись по своимъ мѣстамъ, съ обѣщаніемъ возвратиться въ большихъ силахъ къ веснѣ. Англичане приписывали снятіе блокады приближенію подкѣплений (тамъ же, р. 254), но эти подкѣплѣнія состояли всего изъ 1.400 чel. (р. 268) и едва пополнили убыль отряда Робертса убитыми, ранеными

и больными. Действительная причина въроятно состояла въ недостаткѣ продовольствія. Когда взятый каждымъ ополченцемъ изъ дома на себѣ запасы пищи истощился въпродолженіи двухъ недѣль военныхъ дѣйствій, ополченцамъ оставалось только разойтись по домамъ, потому что окрестности Кабула, въ которыхъ только-что были съ большимъ трудомъ собраны, за огромныи деньги и реквизиціями, запасы для продовольствія отряда Роберта на зиму, не въ состояніи были продовольствовать десятки тысячъ ополченія.

Когда британскія войска уходили въ 1880 году окончательно изъ Кабула, то по усиленнымъ просьбамъ Абдэррахмана-хана было ему подарено 30 орудій, преимущественно малаго калибра (Hensman, p. 459). Въ 1885—1887 г.г., во время разграниченія и опасеній войны съ Россіей, англо-индійское правительство обильно снабжало своего союзника оружіемъ, но никакихъ точныхъ свѣдѣній по этому предмету въ общедоступныхъ источникахъ не имѣется, какъ и о тогдашихъ и продолжавшихъ съ того времени приобретеніяхъ эмиромъ предметовъ вооруженія изъ Европы, провозившихся съ разрѣшеніемъ правительства чрезъ Индию. Сверхъ того эмиръ возобновилъ выдвѣку пороха, ружей и орудій въ Кабулѣ, подъ руководствомъ принятаго имъ для того на службу англичанина Солтера Пайна, который оставилъ службу въ Кабулѣ лишь въ 1899 году послѣ тридцатилѣтняго на ней пребыванія. Если сколько нибудь достовѣрныи извѣстія о томъ, что мастерскія эмира при помощи машинъ, доставленныхъ изъ Индіи, производить по 15 ружей и по 20 тыс. патроновъ въ день и по два орудія въ недѣлю (Statesman's Year-book, 1898, p. 313), то одно домашнее изготавленіе могло дать въ 13 лѣтъ до 70 тыс. ружей англійскихъ образцовъ и нѣсколько сотень орудій. съ подарками же и покупками надо предполагать у эмира болѣе 100 тыс. огнестрѣльного оружія, можетъ быть даже до 200 тыс.

„По свѣдѣніямъ 1882 г. *) регулярная армія эмира состояла изъ 30.890 пѣхотинцевъ, 9.750 всадниковъ и 1.600 артиллеристовъ, при 182 орудіяхъ“ („Сборникъ ...матеріаловъ по Азіи“, Спб. 1896 г., вып. 64. стр. 102, по The Ameer Abdur Rahman, by Stephen Wheeler, London, 1895). Въ Revue militaire de l'etrange (1891, Mai) численность арміи эмира, на основаніи свѣдѣній, приписываемыхъ Керзону, оцѣнялась въ 45 т. пѣхоты и 16 т. кавалеріи. По The Statesman's Year-book, 1898 (p. 313), численность войскъ эмира опредѣлялась по свѣдѣніямъ 1896 года въ 50 т.; тамъ же утверждалось, что въ 1896 г. эмиръ распорядился ввести наборъ по 1 ч. съ каждыхъ 7, но мѣра эта не получила исполненія вслѣдствіе общаго сопротивленія населенія: едва ли это не повтореніе давнишнихъ, ока-

*) Можетъ быть эта опечатка вмѣсто 1892.

зывавшихся невѣрными, газетныхъ слуховъ. Были также въ разное время известія объ образованіи эмиромъ резервовъ для своей регулярной арміи. Во всякомъ случаѣ регулярная армія эмира не можетъ превышать, не считая резервовъ, 50—60 т. ч., потому что онъ не располагаетъ для содержанія большей цифры финансовыхъ средствами.

Афганистанъ—страна бѣдная. „Въкова обработка и искусство въ земледѣліи и орошеніи, стоящемъ даже на болѣе высокой степени совершенства, чѣмъ въ Индіи, превратила многія части“ сѣверныхъ провинцій „въ прекрасные сады и плодородныя поля, какими едва ли можетъ похвальиться и Ломбардская долина. Но только глядя съ вершинъ горъ, можно замѣтить, какъ узки эти ярко-зеленыя ленты плодородной земли, извиающіяся и мѣстами разбросанныя въ болѣе широкихъ долинахъ среди обнаженныхъ склоновъ и унылой пустыни, покрытой песками и скалами. Значительнейшая часть Афганистана представляетъ совершенно и навсегда бесплодную почву, такъ что, каковы бы ни были настоящіе доходы страны, можно съ достовѣрностью утверждать, что они не могутъ быть увеличены посредствомъ распространенія земледѣлія. Я не думаю также, чтобы земледѣльцы могли пойти еще далѣе въ искусствѣ обработки этихъ узкихъ полосокъ пахотной земли. Въ особенности искусственное орошеніе, какъ открытыми канавами, такъ и подземными водопроводами (карызы), доведено до высокаго совершенства. Можно, дѣйствительно, сказать про авганцевъ, что они употребляютъ въ дѣло всю воду, которую имѣютъ. Достовѣрно известно, что река Кабула и Герирудъ... бываютъ въ известное время года почти безъ воды“ („Извѣстія Кавказскаго отдѣла и. р. географическаго общества“, т. 8, Тифлісъ, 1884—5 г.г., стр. 7 и 8, „Географические результаты авганской кампаниі“ 1878—1880 г.г., русскій переводъ статьи полковника Хольдича изъ Proceedings of the R. Geographical Society, 1881, Febrilagу). Хотя часть населенія ведетъ жизнь кочевую и питается главнымъ образомъ продуктами скотоводства, однако земледѣліе даетъ недостаточное для прокормленія количества хлѣба и во многихъ мѣстностяхъ приходится прибѣгать къ питанію сушеными тутовыми ягодами и мукою изъ нихъ. Обрабатывающая промышленность развита слабо и не выходитъ изъ предѣловъ ремесль и кустарныхъ производствъ. Такое экономическое состояніе страны и ея производительныхъ силъ достаточно ясно обнаруживается въ ея внѣшней торговлѣ.

Главные предметы вывоза изъ Афганистана по индійской границѣ суть шерсть, мѣха (лисы, мерлушкы), кожи, лошади и мулы, шелкъ, фрукты, ассасетида, ковры и другія издѣлія изъ шерсти. Ввозятся въ Афганистанъ по индійской границѣ хлопчатобумажныя, шерстяныя и шелковыя ткани, металлы и металлическія издѣлія, чай и затѣмъ незначительныя количества дру-

гихъ товаровъ. Въ 1895—96 финансовомъ году (съ 1 апреля по 31 марта) вывозъ въ Индию составлялъ изъ Кабула цѣнность въ 1.650.030 рушій и по синдо-пишинской желѣзной дорогѣ 5.806.050 рушій (Statistical Abstract relating to British India, Number 31, London, 1897), но по этой же желѣзной дорогѣ привозятся товары не изъ одного Авганистана (чрезъ Кандахаръ), а также изъ Белучжистана и британскихъ владѣній въ юго-восточномъ Авганистанѣ, а потому, принимая приблизительно (сообразуясь съ нѣкоторыми изъ предшествовавшихъ годовъ, когда вывозъ изъ Кандахара показывался отдельно) вывозъ изъ владѣнія эмира въ треть этой цифры, получимъ цифру вывоза изъ всего Авганистана въ Индию приблизительно въ $3\frac{1}{2}$ мілл. рушій. Ввозъ изъ Индіи въ Авганистанъ за тотъ же годъ равнялся по направлению къ Кабулу 3.262.510 рушій и по желѣзной дорогѣ 4.340.570 рушій, что при отнесеніи на владѣнія эмира трети послѣдней цифры, дастъ общій примѣрный итогъ ввоза въ Авганистанъ изъ Индіи въ $4\frac{3}{4}$ мілл. рушій. По границѣ съ русскими средне-азіатскими владѣніями и бухарскимъ ханствомъ въ 1897 году вывозъ изъ Авганистана составлялъ („Обзоръ виѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1897 годъ“, изд. Департ. тамож. сборовъ, Спб., 1899 г.) по цѣнности всего 1.576.751 руб. (противъ 2.093.366 р. въ 1896 г. и 2.485.842 р. въ 1895 г.), т. е. сильно и прогрессивно падаетъ со времени включенія бухарскихъ владѣній въ русскую таможенную черту; вывозъ этотъ состоялъ изъ „жизненныхъ припасовъ“ на 120.081 р. (въ томъ числѣ фруктовъ, ореховъ и т. под. на 75.854 р., риса на 16.779 р., патоки и т. под. 12.474 р., „чаю всякаго“ 228 пудовъ на 9.134 р.), „сырыхъ и полуобработанныхъ материаловъ“ на 1.087.491 р. (кожъ не выдѣланныхъ на 577 т. р., шерсти 223 т. р., хлопка 74 т. р., лисьихъ мѣховъ и прочей „мягкой рухлади“ на 49 т. р.), „животныхъ“ на 240.682 р. (80.418 штукъ мелкаго рогатаго скота на 240.230 р.), наконецъ „издѣлій“ на 128.497 руб. (ковровъ и другихъ продуктовъ изъ шерсти 103.791 р.). Ввозъ въ Авганистанъ по русской таможенной границѣ опредѣленъ нашими официальными свѣдѣніями на сумму въ 479.278 рублей (въ 1896 году 906.571 р., за 1895 г. свѣдѣній не имѣется, кромѣ цифры издѣлій на 558 т. р., сырыхъ и полуобработанныхъ материаловъ на 38 т. р. и животныхъ на 2 т. р., см. „Вѣстникъ финансъ“ 1897 г., № 35), въ томъ числѣ жизненныхъ припасовъ на 13.509 р. (сахарь, табакъ, хлѣбъ), сырыхъ и полуобработанныхъ материаловъ 39.267 р. (шелкъ, бумажная пряжа, желѣзо и другие металлы, нухъ козий), наконецъ издѣлій на 426.278 р. (бумажныхъ тканей 266.941 р., льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій 126.075 р., металлическихъ издѣлій на 9.344 р.). Торговля Авганистана съ Персіей незначительна: въ

1895 году („Вѣстникъ финансъ“, 1897 г., № 5, стр. 269) вывозъ изъ Херата въ Хорасанъ оцѣнился въ 203 т. р. и ввозъ въ 551 т. р. (въ томъ числѣ индо-британскихъ товаровъ на 345 т. р., русскихъ, преимущественно сахару, на 163 т. р. и персидскихъ на 43 т. р.). Взявъ свѣдѣнія за послѣдній извѣстный годъ, мы видимъ изъ вышеизведенного, что ввозъ въ Авганистанъ составляетъ въ сложности около $4\frac{3}{4}$ милл. рупій и около 1.030.000 рублей, а вывозъ около $3\frac{1}{2}$ милл. рушій и 1.780.000 рублей, при чёмъ ввозъ состоитъ изъ произведеній обрабатывающей промышленности, чая и сахара, вывозъ же главнѣйшимъ образомъ изъ продуктовъ скотоводства (рогатый скотъ, лошади, мулы, невыѣланыя кожи, шерсть); въ частности большая часть вывоза въ русскія владѣнія состоять изъ произведеній Авганскаго Туркестана, а не изъ продуктовъ земель къ югу отъ Хиндукуша.

При выясненіи приведенными данными бѣдности страны государственные доходы не могутъ быть значительны. По Эльфинстону (vol. 2, p. 258—260), въ началѣ настоящаго столѣтія, когда шахъ кабульский владѣлъ долиною Инда, Кашмиромъ и пр., государственные доходы Авганистана оцѣнились въ 30 милл. рупій или 3 милл. фунтовъ стерл., но изъ этой суммы 10 милл. оставались въ рукахъ вассальныхъ владѣтелей, изъ остальныхъ же 20 милл., за расходомъ на платежи племенъ, духовнымъ учрежденіямъ и пр., поступало въ казну шаха только 9 милл. рупій, которыя и употреблялись на содержаніе двора, арміи, придворнаго духовенства и пр. Въ послѣдніе годы правленія Достъ-Мохаммедъ-хана доходы достигали до 710 т. ф. ст., изъ которыхъ содержаніе арміи поглощало 430 т. ф. ст. (Юль, въ не разъ упомянутой статьѣ). По свѣдѣніямъ отъ одного министра Ширъ-Али-хана, въ 1872—1876 г.г. доходы составляли 712.968 фунт. стерл. (Statesman's Yearbook, 1898, p. 313). Самъ Ширъ-Али-ханъ, крайне повидимому преувеличенно, оцѣнялъ свои доходы въ 20 милл. рушій (Яворскій „Путешествіе“ и пр., т. 2, стр. 149), тогда какъ по точнымъ исчисленіямъ маіора Хастингса, завѣдывавшаго политическою частію при ген. Робертсѣ во время оккупации Кабула, доходы Авганистана при этомъ эмирѣ опредѣлились въ 7.982.390 рупій (Hensman, p. 327), четверть которыхъ (именно 1.921.195 рупій) расходовалась на военные издержки. О доходахъ Авганистана за время нынѣшняго эмира свѣдѣній вѣтъ, но по всей вѣроятности эти доходы (помимо субсидій) близки къ 8 м. рупій, какъ при Ширъ-Али-ханѣ *), и изъ нихъ также употребляется на содержаніе арміи четверть или

*.) Вѣроятно, вслѣдствіе большей силы правительства и строгости взиманія, налоги поступаютъ въ большей цифрѣ, но за то въ послѣдніе годы таможенные сборы значительно сократились, даже противъ времени Ширъ-Али-хана. Этими сборамъ, достигавшимъ 106 рупій съ верлюжьяго выкупа въ 14 пудовъ, британские писатели приписывали обыкновенно уп-

около 2 милл. рупій. Это даетъ въ среднемъ на 1 ч. 40 рупій, если армія состоять изъ 50 т. ч. При раздѣлении бюджетной суммы всѣхъ военныхъ-сухопутныхъ расходовъ на число чиновъ всѣхъ ранговъ получается для Италии 36 ф. стерл., Франціи болѣе 39, Англіи почти 94 ф., а содержаніе 1 пѣхотнаго солдата (безъ расходовъ на офицеровъ, на вооруженіе и вообще всѣхъ издержекъ, не касающихся непосредственно солдата) обходится во Франціи $16\frac{1}{2}$ фунтовъ стерл., въ Италии болѣе 23, въ Германіи болѣе 22, въ Англіи болѣе $45\frac{1}{2}$ фунтовъ ст. (Journal of the R. United Service Institution, 1899, January, p.p. 96—98). Хотя авганскому солдату неизвѣстны многія потребности европейскаго солдата, а другія удовлетворяются въ несравненно меньшей степени, однако средняя въ 40 рупій столь незначительна, что расходы по вооруженію и часть другихъ относятся, безъ сомнѣнія, на счетъ получаемой эмиромъ отъ Англо-Індіи ежегодно субсидії, достигшій съ 1894 года 1.800.000 рупій. Вмѣстѣ съ тѣмъ кажется очевиднымъ, что Авганистанъ не можетъ содержать регулярной арміи болѣе, чѣмъ въ 50—60 т. ч. за неимѣніемъ средствъ.

Что касается качествъ регулярной арміи Абдерахманъ-хана, то, по отзывамъ англійскихъ наблюдателей, ознакомившихся съ нею во время столкновеній на русско-авганской границѣ въ 1885 году и въ Кабулѣ, армія эта не можетъ успѣшио противостоять европейскимъ военнымъ силамъ по отсутствію европейски-образованныхъ офицеровъ (The Northern Afghanistan, by Major C. E. Yate, London, 1888, p.p. 367, 368 стр.). Относительно стрѣльбы извѣстно, что солдату выдается въ годъ для практики 4—5 пуль (Statesman's Year-book, 1898, p. 314). Повидимому армія нынѣшняго эмира имѣеть почти тѣ же недостатки, какъ при Ширъ-Али-ханѣ.

Помимо неимѣнія финансовыхъ средствъ на содержаніе значительной регулярной арміи, сформированіе ея было бы и безцѣльно, такъ какъ, по недостатку въ странѣ продовольственныхъ средствъ и удобствъ для ихъ перемѣщенія, передвиженія туземной арміи значительного состава были бы столь

докъ вывоза изъ Индіи въ Авганистанъ, особенно зеленаго чая. На самомъ дѣлѣ 106 рупій съ груза верблюда не такъ уже велики, если ихъ сравнить съ русской таможенной пошлиной въ 201 р. 60 к. съ того же верблюжьаго груза (по 14 р. 40 к. съ пуда зеленаго чая). Если еще въ 1887 году, по одному русскому официальному источнику («Сборникъ ...материаловъ, по Азіи», вып. 33, 1888 г., стр. 1—7), въ Бухару привозилось изъ Индіи чрезъ Авганистанъ до 70 т. пудовъ зеленаго чаю, значительное количество индиго, кисси и пр., всего до 100 т. пудовъ на 5.475.000 рублей, а въ 1897 году привезено лишь 228 пудовъ зеленаго чаю на 9.134 р., то сборы эмира тутъ не причемъ. Объясненіе главнымъ образомъ заключается въ томъ, что проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги до Самарканда чай изъ Среднюю Азію направились вмѣсто Авганистана на Персию и Закаспійскую желѣзную дорогу, а съ 1895 года,—со времени включенія Бухары въ русскую таможенную черту и дозволенія транзита чрезъ Батумъ,—по Суэзскому каналу въ Батумъ и на Закаспійскую желѣзную дорогу, все вслѣдствіе большей дешевизны и скорости перевозки, чѣмъ чрезъ Авганистанъ.

же почти затруднительны или невозможны, какъ и для иностранныхъ войскъ. Противъ всякой авганской регулярной арміи Англо-Индія въ состоаніи выставить армію не меньшей численности, но несравненно лучше вооруженную, командуемую и снабжаемую. Не въ регулярной войнѣ при помощи регулярной арміи, а, какъ свидѣтельствуетъ примѣръ Кавказа и опыты англо-авганскихъ войнъ, только въ народной войнѣ можетъ авганскій народъ оказать громадное и многолѣтнее сопротивление всякому врагу. Въ такой войнѣ небольшая регулярная армія можетъ принести оборонѣ драгоцѣнную помощь, въ особенности своею артиллерию, но главнымъ агентомъ являются ополченія воинственного и одушевленного любовью къ независимости и ненавистью къ врагу народа, отстаивающаго шагъ за шагомъ горныхъ твердыхъ родной страны и неустанно нападающаго на силы непріятеля, въ особенности же на его сообщенія, транспорты и охраняющія ихъ мелкія части войскъ. Въ январѣ 1880 года, единственный частный газетный корреспондентъ при только-что испытавшемъ мощь авганскихъ народныхъ ополченій отрядѣ генерала Робертса сообщалъ въ свои газеты слѣдующій, вѣроятно внушенный въ отрядномъ штабѣ, планъ воспользоваться авганами для обороны Индіи; „Когда Авганистанъ обратится въ вассальное государство, руководимое англо-индійскимъ правительствомъ, и народъ убѣдится въ выгодахъ союза съ англичанами“, то Англія получить въ немъ громадную милицію; все населеніе будетъ вооружено заряжающимися съ казны ружьями, будетъ ежегодно собираемо на короткое время для обучения, съ раздачей для учебной стрѣльбы, на глазахъ офицеровъ, обильного количества патроновъ, и образуетъ собою великолѣпный (splendid) военный матеріаль; при распускѣ съ учебныхъ сборовъ, „людамъ будутъ оставляемы ихъ ружья, но безъ патроновъ, которые будутъ выдаваться на руки лишь по распоряженію офицеровъ“, конечно англійскихъ (Hensman, р.р. 332—333).

Сравнительно съ Авганистаномъ финансовые средства Англо-Индіи неизмѣримо громадны. Отпускная торговля Индіи исчислена за 189% финансовый годъ въ 1.127 милл. рупій, при привозѣ почти въ 685 м. рупій (1 рупія равняется 67 к., см. «Вѣстникъ финансъ», 1899 г. № 45, 7 ноября), тогда какъ, напр., весь виѣнній вывозъ Россіи составлялъ въ 1897 г. только 484,4 милл. рѣблей и привозъ 373,3 м. р. Если принять въ соображеніе, что львиная доля отпуска и привоза Индіи направляется въ Англію и обратно; что индійский бюджетъ уплачивается ежегодно правящимъ страною англійскимъ чиновникамъ 200 милл. рупій и что индійская казна отпускаетъ 17 милл. ф. стерл. на расходы метрополіи (The Westminster Review, 1897, vol. 148, р.р. 406—407), то эти факты дадутъ лишь частичное и слабое понятіе о преобладающемъ значеніи Индіи въ образованіи и возрастаніи богатства и благосо-

стоянія Англії. Лишиться Индії съ ея громадными ресурсами и 300 мил. населенія (по переписи 1891 г. болѣе 287 мил. душъ, но приростъ за предшествовавшее десятилѣтіе въ 33 м. душъ убѣждаетъ, что въ настоящее время населеніе уже далеко превысило цифру въ 287 м.) значило бы для Англії потерять главнѣйший источникъ ея благосостоянія и положеніе міровой державы, такъ какъ связи ея съ колоніями слишкомъ слабы и съ утратою Индії Англії предстоитъ занять въ политическомъ отношеніи роль немногого болѣе значительную, чѣмъ та, какую, напр., имѣть Голландія въ Бельгіей. При владычествѣ Англії на моряхъ, британская имперія знаетъ теперь только одну «границу» — отъ Памировъ до Персидского залива: *It is the Achilles heel of the Empire, the one vulnerable point* (*Imp. and Asiatic Quarterly Review*, 1899, July, p. 42). Понятно, что Англія не щадить средствъ подвластной Индії для предупрежденія опасностей на «границѣ». Такъ, съ 1877 года до 1897 года израсходовано на укрѣпленіе и распространеніе владычества Англіи на сѣверо-западной границѣ Индії 714.500.000 рупій сверхъ обыкновенныхъ расходовъ на содержаніе арміи; въ эту сумму входятъ 21 м. ф. стерл., израсходованныхъ на войну съ Афганістаномъ въ 1878—1880 г.г., изъ которыхъ Англія дала изъ своихъ средствъ только 5 м. ф. стерл. (*Westminster Review*, vol. 148, 1897, p. 403). Если бы была возможность обратить Афганістанъ и его населеніе въ прочный и вѣрный навсегда оплотъ Индії цѣною единовременныхъ финансовыхъ затратъ, то едва ли бы размѣръ ихъ могъ остановить Англію: можно бы удвоить, даже утроить государственный долгъ Индії (къ 1897 году около 232 м. ф. ст.), и сама Англія могла бы на много увеличить свою задолженность (въ 1897 г. долгъ ея составлялъ лишь 640^{1/4} м. ф. ст., съ ежегоднымъ расходомъ на проценты и погашеніе въ 25 м. изъ государственныхъ доходовъ въ 106^{1/2} м. ф. стерл.). Богатства Соединенного королевства опредѣлялись въ 1895 году въ 11.806.000.000 ф. ст.; цѣнность имуществъ и капиталовъ, принадлежащихъ британскимъ подданнымъ въ королевства, оцѣняются отъ 2 до 5 миллиардовъ ф. ст., съ ежегоднымъ доходомъ отъ 22 до 50 миллионовъ ф. стерл. (*The Contemporay Review*, 1899, July, *The Imperialism of British Trade*). Но для покоренія Индійскаго «Кавказа» потребуется не единовременный расходъ, а постоянныя огромныя жертвы въ продолженіи десятковъ лѣтъ, такъ какъ свойства страны и съ воинственнымъ населеніемъ позволяютъ оборонять ее многіе годы противъ тѣхъ вооруженныхъ силъ, которыхъ въ состояніи выставлять Англо-Індія. Между тѣмъ многолѣтніе и огромные непроизводительные расходы на безконечную войну, большое увеличеніе налоговъ, финансовые и промышленные кризисы неизбѣжно вызовутъ истощеніе и раззореніе Индії, а вместе съ тѣмъ и Англіи.

Недостаточная численность англо-индійской арміи и невозможность значи-

тельного ея увеличения представляются одними изъ главнейшихъ затруднений для успешности борьбы Англіи съ авганами. Опытъ 1897 г. выяснилъ, что война только съ пограничными племенами, возставшими разновременно и действовавшими разрозненно, потребовала выставления на границу 60—70 т. ч. изъ англо-индійской арміи, причемъ дѣйствовало противъ непріятеля въ каждое данное время не болѣе 10—30 т. ч., остальные же войска необходимы были для удержанія отъ восстаній недавно усмиренныхъ или собиравшихся начать непріязненные дѣйствія племенъ. При войнѣ съ объединенными авганами едва будетъ достаточно 100 т. ч. для обороны британскихъ земель по сѣверо-западной границѣ Индіи отъ вторженій горцевъ на 800 миляхъ ея протяженія, тѣмъ болѣе, что восстаніе вѣроятно обниметъ многія племена белучжей и брахуи, и сторону авгановъ примутъ многіе патаны и другіе мусульмане англо-индійской территории. Эти 100 т. ч. будутъ во все продолженіе войны прикованы къ британской сторонѣ границы и для наступленія въ авганскіе предѣлы понадобятся неизбѣжно другія войска въ числѣ тоже около 100 т. ч., такъ какъ для сколько-нибудь успешного дѣйствій противъ арміи эмира въ 50 т. ч., а съ резервными въ 100 или даже 150 т., вспомоществуемой ополченіями, необходимо по крайней мѣрѣ 50 т. ч. и столько же надо употребить для охраненія сообщеній. Разумѣется 50 т. активно дѣйствующихъ войскъ не въ состояніи будутъ уничтожить сопротивленіе 3¹/₂ миллионнаго воинственнаго горнаго народа, отстаивающаго свое существованіе, скорѣе, чѣмъ въ десятокъ или болѣе лѣтъ, а потому на одно пополненіе убыли двухсотъ-тысячной арміи отъ болѣзней, помимо боевыхъ потеръ, понадобится ежегодно 25—50 т. ч., такъ какъ индійскія войска сильно страдаютъ отъ климата и условій жизни горныхъ странъ. И такъ для войны съ объединеннымъ авганскимъ народомъ Англіи необходимо будетъ выставить по крайней мѣрѣ 200 т. ч., и комплектовать эту армію десятки, быть можетъ, лѣтъ. Между тѣмъ вся англо-индійская армія состоять въ настоящее время изъ 214 т. ч., въ томъ числѣ около одной трети англичанъ. Къ этой цифре можетъ быть добавлено около 18 т. такъ называемыхъ «имперскихъ войскъ», содержащихъ на счетъ туземныхъ владѣтелей, но мало различающихся отъ британскихъ туземныхъ войскъ. Съ призывомъ резервныхъ, образованіе которыхъ началось лишь нѣсколько лѣтъ и численность которыхъ не велика, вся англо-индійская армія можетъ быть съ трудомъ доведена до цифры немного болѣе 250 т. ч. Дальнѣйшее ея увеличеніе представить едва ли одолимыя трудности, такъ какъ, по указаніямъ опыта, вербовка во время войнъ съ авганами у туземцевъ Индіи бываетъ безуспѣшна. Для гарнизоновъ внутри Индіи и на другихъ ея границахъ, а также для предупрежденія восстаній и подавленія смутъ въ самой Индіи необходимы по крайней мѣрѣ 150 т., такъ что за Индѣй можетъ быть дано изъ состава индійской

арміи никакъ не болѣе 100 т. ч., которые едва будуть достаточны для чисто оборонительной войны. 100 т. ч. для наступленія въ предѣлы Афганистана должна будетъ доставить сама Англія, постоянная армія которой въ настоящее время едва доходитъ до 165 т. ч., въ томъ числѣ 75 т. ч. въ Индіи; гарнизоны въ Египтѣ и въ разныхъ стратегическихъ пунктахъ, захваченныхъ Великобританію по всему свѣту, также требуютъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Въ результатѣ, чтобы послать до 100 т. ч. въ южную Африку для войны съ Трансваалемъ и Оранжевой республикой, пришлось созвать не только всѣхъ резервныхъ (считалось до 80 т. ч. къ началу 1899 г.) но частью и милицію, которая однако не можетъ быть употребляема въ Европѣ. Начало войны показало уже, что раздавать двѣ маленькия республики не такъ легко, какъ ожидалось, и что, чѣмъ бы война ни кончилась, Англія надолго предстоитъ бороться съ голландскимъ населеніемъ южной Африки за обладаніе страною и содержать здесь 25—50 т. лучшаго войска, дабы усмирять восстанія буровъ, если они будутъ побѣждены въ первой войнѣ, или защищать отъ нихъ Капскую колонію и другія свои владѣнія съ голландскимъ населеніемъ, если война кончится признаніемъ независимости Трансваальской и Оранжевой республикъ. Во всякомъ случаѣ имперіалистская политика въ южной Африкѣ значительно увеличила трудности для Англіи выслать нужные для успѣшной войны съ авганами 100 т. ч.

Чѣмъ менѣе будетъ выставлено Англію войскъ для наступательныхъ дѣйствій въ Афганистанѣ, тѣмъ война будетъ продолжительнѣе и раззорительнѣе. Доводя къ 1815 году свой долгъ до колоссальной по тому времени цифры въ 861 м. ф. стерл., Англія завоевывала владычество на моряхъ и рынки всего міра для своей промышленности и торговли, захватывала колоніи европейскихъ державъ и обеспечивала бесспорное обладаніе Индію. Истощая и раззоряя Индію и подрывая собственное благосостояніе для покоренія Афганистана, Англія лишь ослабитъ свои силы и средства, необходимыя для обороны Индіи отъ нападенія Россіи, которое будетъ не затруднено, а облегчено скрушеніемъ или истребленіемъ авганского народа, если бы оно и было осуществлено цѣною громаднѣйшихъ для того жертвъ. По вѣрному замѣчанію В. Т. Лебедева, для успѣшности русскаго похода на Индію необходимо или покорить Афганистанъ, «или заключить съ авганскимъ эмиромъ союзъ съ условіемъ оккупации его государства нашими войсками. Покореніе Афганистана—дѣло весьма трудное; это будетъ повтореніе завоеванія Кавказа, только при болѣе нѣвыгодныхъ условіяхъ, такъ какъ англичане будутъ снабжать нашихъ противниковъ усовершенствованнымъ оружіемъ и инструкторами» («Въ Индію. Военно-статистический и стратегический очеркъ. Проектъ будущаго похода», Спб., 1898 г., стр. 79 и 80). Отвергая такимъ образомъ, повидимому, покореніе

авгановъ, г. Лебедевъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и союзъ съ ними, во первыхъ, невыгоденъ, и во вторыхъ, мало вѣроятенъ. Въ виду невозможности ни покоренія Авганистана, ни союза съ нимъ, г. Лебедеву надлежало опредѣлить условія возможности похода на Индію, при враждебности Авганистана, но, къ значительному ущербу его труда, этого не сдѣлано. Между тѣмъ, при враждебности Авганистана, походъ на Индію представляеть трудности чрезвычайныя и почти никакихъ шансовъ для прочныхъ успѣховъ, такъ какъ даже при одной операционной линіи на Кандахаръ (движение на Кабулъ конечно совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста) охрана сообщеній между Хератомъ и Индомъ сдѣлается задачей невыполнимой или пеимовѣрно трудной, а движение за Индъ невозможнымъ или чрезмѣрно рискованнымъ. При враждебности авгановъ къ Англіи и при союзѣ съ ними Россіи, походъ въ Индію будетъ дѣломъ труднымъ, но исполнимымъ; при нейтралитетѣ Авганистана, походъ этотъ гораздо болѣе труденъ и рискованъ, при враждебности же авгановъ къ Россіи и союзѣ ихъ съ Англіею походъ въ Индію имѣть мало шансовъ на успѣхъ. Миѳніе свое о невыгодности союза съ авганами г. Лебедевъ мотивируетъ лишь тѣмъ, что «дѣйствия съ ними въ союзѣ, Россія придется, сдѣлавъ громадныя затраты, ограничиться только платоническимъ желаніемъ нанести вредъ англичанамъ» (стр. 80 и 81). Такъ какъ, въ случаяхъ враждебныхъ столкновеній съ Англіею въ Европѣ и Азіи, Россія можетъ нанести ей чувствительные удары только въ Индіи и такъ какъ союзъ съ Авганистаномъ необходимъ для похода въ Индію, то этотъ союзъ дасть возможность нанести Англіи не «платонический», а самый дѣйствительный вредъ, который въ случаѣ нужды можетъ состоять въ полной для нея потерѣ Индіи или въ освобожденіи отъ ея владычества болѣе или менѣе значительной ея части. Намѣчая условія союза съ Авганистаномъ, г. Лебедевъ полагаетъ потребовать отъ эмира согласія на занятіе важнѣйшихъ пунктовъ страны русскими гарнизонами, на содѣйствіе авганскихъ войскъ и племенъ и на отдачу Россіи Хератской и Кандахарской областей; взамѣнъ эмиру могутъ быть обѣщаны: расширение границъ Авганистана вплоть до р. Инда, гарантія въ полной независимости Авганистана и известная денежная субсидія. «Мало вѣроятія, что союзъ на этихъ условіяхъ состоится»—замѣчаетъ г. Лебедевъ; «развѣ только сознаніе своего бессилія и невозможности бороться съ могуществомъ Россіи, а также личная выгода—сохранить престолъ, заставить эмира принять ультиматумъ» (стр. 81). Къ этому г. Лебедевъ добавляетъ, что «независимость Авганистана, охваченного съ трехъ сторонъ нашими владѣніями, окажется номинальною и не будетъ помѣхой для нашихъ дальнѣйшихъ задачъ въ средней и южной Азіи» (стр. 81).

При обсужденіи отношений Россіи къ Авганистану необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) Россія уже дважды, чрезъ своихъ послан-

цевъ, въ 1838 и въ 1878 г.г. предлагала Авганистану союзъ противъ Англіи, получала согласіе, навлекала этимъ оба раза нашествие на Авганистанъ Англіи и оставляла его безъ помощи, такъ что «авганцы повѣрять нашему будущему посольству только въ томъ случаѣ, если слѣдомъ за нимъ пойдетъ наша армія» (И. Л. Яворскій «Путешествіе русского посольства по Авганистану» и пр., Спб., 1883 г., т. 2, стр. 387). 2) Участь народовъ Кавказа и средней Азіи столь же мало завидна для авгановъ, какъ и положеніе народовъ Индіи, и неѣть сомнѣнія, что они будутъ защищать свою независимость совершенно одинаково какъ противъ Россіи, такъ и противъ Англіи. 3) За свою независимость авганы естественно могутъ болѣе питать опасеній со стороны Россіи, чѣмъ со стороны болѣе слабой, въ качествѣ военной державы, Англіи, тѣмъ болѣе, что полузвѣковой слишкомъ опытъ показалъ, что Англія можетъ довольно вѣрно и строго уважать внутреннюю независимость и самостоятельность управления во владѣніяхъ эмира. Всѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, союзъ Авганистана съ Россіею возможенъ только въ случаѣ войны его съ Англіею и необходимости въ чужой помощи для защиты своей независимости. Война съ Англіею, какъ знаемъ мы, весьма возможна, и при господствѣ въ правительствѣ и общественномъ мнѣніи Англіи имперіализма является лишь вопросомъ времени. При неизминеніи возстаніи пограничныхъ племенъ, всѣдствіе новыхъ попытокъ къ ихъ подчиненію и овладѣнію ихъ землями, Авганистанъ долженъ будетъ принять сторону своихъ единоплеменниковъ и тогда прибѣгнетъ къ помощи и союзу Россіи, но на условіяхъ, не угрожающихъ его независимости. Въ крайности онъ вѣроятно согласится на уступку Россіи Херата, гдѣ коренное населеніе не-авганское, въ обмѣнъ на Пишаверъ и земли до Инда, но отдача Кандахарской области, гдѣ находятся земли дураніевъ и часть гильджайскихъ, если бы и состоялась по волѣ эмира, никогда не получить утвержденія авганского народа и сдѣлается источникомъ вражды въ Россіи и неискоренимымъ зародышемъ Индійского «Кавказа», обращеннаго противъ Россіи. Проходъ русскихъ войскъ чрезъ авганскія земли въ союзной войнѣ противъ Англіи можетъ, конечно, оказаться неизбѣжнымъ, но постоянное занятіе авганскихъ центровъ русскими гарнизонами не можетъ быть допущено, не вызывая опасеній за независимость и враждебныхъ столкновеній съ населеніемъ. Такъ какъ для Россіи было бы крайне неразуміемъ создавать противъ себя новый Кавказъ, который несомнѣнно получить для борьбы съ нею поддержку во всѣхъ силахъ и средствахъ Англіи, то единственнымъ путемъ для уклоненія Россіи отъ той горькой и пагубной чаши, къ которой неудержимо влечетъ Англію ея политика, можетъ быть лишь твердая и неизмѣнная рѣшимость Россіи строго и вѣрно уважать независимость авганского народа и неприосновенность вѣковыхъ его земель. Сообразно съ этимъ, сколь бы ни выгодно было въ военномъ отношеніи обла-

даніе Кандахаромъ и его округомъ, Россіи вѣроятно придется ограничиться пріобрѣтеніемъ, отъ Херата чрезъ Сеистанъ и низовья Хильменда къ Кветтѣ и Инду, лишь полосы земли, необходимой для желѣзной дороги и опорныхъ пунктовъ.

Разумѣется и Англія могла бы освободиться отъ созидаемаго єю для себя Индійскаго «Кавказа» передачею пограничныхъ племенъ и ихъ территоріи авганскому эмиру, согласно его и ихъ желаніямъ, какъ намекали нѣкоторые противники «наступательной политики», не рѣшаясь прямо высказать это предложеніе изъ опасенія задѣять британскую гордость и возбудить противъ себя всѣхъ «джинго». Выговоривъ при этой передачѣ право у устройства укрѣплений въ нѣкоторыхъ точно опредѣленныхъ стратегическихъ пунктахъ Сулеймановыхъ горъ и проведенія къ этимъ укрѣпленіямъ дорогъ, съ обязательствомъ для эмира охраны ихъ безопасности со стороны мѣстного населенія, Англія устранила бы важнѣйшіе поводы къ враждебности и ненависти горцевъ. Несмотря на умноженіе пограничныхъ постовъ и карательныхъ экспедицій, Англія не могла прекратить набѣги горцевъ на свою территорію. Не легко будетъ, на первыхъ порахъ, достигнуть этого и эмиру, но не можетъ быть сомнѣнія, что мѣрами власти и строгости, которыхъ племена не переносятъ отъ британскихъ властей, но стерпятъ со стороны национального государя—мусульманина, эмиръ въ состояніи прекратить пограничные набѣги и низвести правонарушенія на границѣ до предѣловъ обыкновенныхъ ссоръ, кражъ и похищений. За вѣрность эмира союзу противъ нашествія съ сѣвера, Anglo-Индіи нѣть основаній опасаться, такъ какъ Авганистанъ естественно болѣе можетъ страшиться покушеній на свою независимость со стороны Россіи, и притомъ, относительно субсидій, по вѣрному разсужденію сэра Лепель Гриффина и его правительства въ 1880 году, Англія всегда можетъ «дать эмиру больше, чѣмъ въ состояніи предложить ему Россія» (Asiatic Quarterly Review, 1888, October, p. 249)

Весьма мало однако вѣроятно, чтобы Англія избрала указываемый путь, наиболѣшаго для обѣихъ сторонъ установления своихъ отношеній къ авганскому народу. По традиціонной привычкѣ къ политикѣ попирательства чужихъ правъ, своекорыстія и насилия, англійскія правящія сферы и руководимое ими общественное мнѣніе не могутъ смотрѣть на передачу эмиру пограничныхъ авганскихъ племенъ съ ихъ землями иначе, какъ на дѣло невозможное: отдача въ чужія руки Сулеймановыхъ горъ, т. е. лучшей естественной преграды противъ нашествія на Индію, была бы, въ ихъ глазахъ, полнымъ безуміемъ и непростительной слабостью.

Конечно всѣ государства во взаимныхъ отношеніяхъ преимущественно руководствуются собственными интересами, но рѣдкія отличаются такой степенью

своекорыстной жадности и такой наклонностью къ насилию, какъ Англія. Причины этого заключаются въ исторіи и расовыхъ особенностяхъ англійского народа.

Непривившіеся съ материка Европы и завоевавшіе южную половину Британского острова, англо-саксы были въ XI вѣкѣ въ свою очередь покорены франко-нормандами. Образовавшійся изъ смѣшанія аборигеновъ и послѣдовательно завоевывавшихъ страну кельтовъ, англо-саксовъ, датчанъ и нормандцевъ, англійскій народъ *) подчинилъ себѣ долго защищавшіеся кельтскіе Уэльсъ и Ирландію, а также Шотландію. Основанное на усиленной эксплуатациіи порабощеннаго населенія двухъ острововъ, благосостояніе и могущество Англіи, каково бы ни было развитіе ея промышленности и торговли, отнюдь не могли бы, вслѣдствіе незначительности территории и населенія, достигнуть нынѣшнихъ громадныхъ размѣровъ, если бы въ XVIII и XIX столѣтіяхъ она не захватила множества острововъ и странъ въ разныхъ частяхъ свѣта и не подвергла ихъ населенія усиленію эгоистичной эксплуатациіи. Отпаденіе съверо-американскихъ колоній, вслѣдствіе попытокъ такой же эксплуатациіи, побудило Англію отказаться отъ прямой финансовой эксплуатациіи колоній съ европейскимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что коронное управление ими поглощало всѣ доходы и часто требовало платить, почему представление колоніямъ самоуправлениія вызывалось и финансющими выгодами, но въ отношеніи къ главнѣйшему изъ ея захватовъ, къ главному источнику ея богатства, къ Индіи, Англія продолжаетъ и понынѣ держаться системы непосредственнаго управления и усиленной эксплуатациіи. Первые двадцать лѣтъ англійского владычества въ Индіи представляли собою почти сплошной грабежъ и безумную погоню за миллионами; англичане отнюдь не уступали въ этомъ испанскимъ завоевателямъ Перу и Мексики, съ тѣмъ разницей, что испанскіе грабители по крайней мѣрѣ долго оставались въ странѣ и иногда водворялись въ ней совсѣмъ, тогда какъ англійскіе, заграбивъ все воз-

*) Извѣстный антропологъ Топинаръ склоненъ видѣть въ аборигенахъ Англіи вѣты смуглой и длинноголовой средиземноморскойрасы (*L'Anthropologie et la Science sociale*, par Paul Topinard. Paris, 1900, р.р. 547, 152). Но его мнѣнію, короткоголовые кельты, родственные славянамъ, составляютъ вмѣстѣ съ ними очень древнее отвѣтвленіе желтой расы (р. 228), съ чѣмъ едва ли можно согласиться. Дѣля народы на эгоистические или практические и альтруистические или сантиментальные, и считая типомъ первыхъ англичанъ, а вторыхъ — французовъ, онъ полагаетъ, что оба народа составились изъ смѣшанія однихъ и тѣхъ же трехъ расъ (средиземноморской, кельтской и длинноголовой, высокорослой и блондиной — blonde — скандинавской и съверо-германской), разница же въ ихъ характерахъ произошла отъ преобладанія въ составѣ англійского народа скандинаво-германскойрасы и отъ счастливой пропорціи смѣшанія тѣхъ же трехъ расъ во французскомъ народа, изъ каковыхъ расъ первая (средиземноморская) представляетъ собою альтруистический, вторая (кельтская) положительный, практический, но неэгоистичный, и третья положительный и эгоистичный элементы (р.р. 538—540, 544, 547—549). Топинаръ не указываетъ антропологическихъ основъ различныхъ характеровъ расъ. При настоящемъ положеніи научныхъ знаній, мнѣ кажется возможнымъ искать пока причины этихъ различій въ отличіяхъ физиологическихъ основъ расовыхъ темпераментовъ.

можное, спѣшили возвратиться со всею своею добычею въ Англію, уступая мѣсто новой смѣнѣ грабителей, которая поступала точно также (*L'Inde d'aujourd'hui d'apr s les ecrivains indiens, par M. Augustin Filon, въ Revue des deux mondes, 1899, 15 November; p.p. 383, 384*). Съ прибытіемъ, въ 1786 году, лорда Корнуэльса,—перваго генералъ-губернатора, назначенаго короной,—эксплуатація начала постепенно регулироваться и принимать приличныя по виѣшности формы, но въ существѣ система осталась та же самая и понынѣ (тамъ же). Одинъ англійскій писатель опредѣлилъ чистые барыши отъ обладанія Индіею до 1838 года въ 700 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ; въ настоящее время оцѣняютъ ихъ въ 30 м. ф. ст. ежегодно (тамъ же, р. 385), не считая конечно выгода, которыми пользуется отъ индійскаго рынка англійская торговля и промышленность, а также капиталисты, затрачивающіе свои капиталы на разныя предпріятія въ Индіи и получающіе проценты на государственные долги Индіи. Одинъ изъ вице-королей Индіи лордъ Уильямъ Бентинкъ утверждалъ, что англичане заставили туземцевъ Индіи жалѣть во многихъ отношеніяхъ о прежнемъ иусульманскомъ владычествѣ. Туземные писатели дѣйствительно находятъ, что прежніе завоеватели постепенно возвращали странѣ большую часть награбленнаго при завоеванії, Англія же, «вмѣсто продолжавшагося чиста грабежа, обираетъ 150 лѣтъ методически правильно и прогрессивно; вмѣсто избѣснія послѣ проигранного рѣшительного сраженія, народъ осужденъ на медленную смерть, будучи запертъ въ Башнѣ Голода и притомъ—о ужасъ!—размножаясь, ибо при страшной смертности рождаемость еще ужаснѣе». При всемъ томъ, «если бы англичанамъ пришла фантазія сѣсть па корабли въ Бомбѣ и предоставить Индію ея собственной участіи, они нашли бы, по прибытии въ Аденъ, телеграмму, приглашающую ихъ возвратиться», потому что туземцы Индіи не могли бы безъ нихъ обойтись (тамъ же, р.р. 389, 390). Не довольствуясь преимуществами и богатствами отъ обладанія Индіею и другими захватами во всѣхъ частяхъ свѣта, Англія не упускала никакихъ случаевъ и не отказывалась ни отъ какихъ насилий для уничтоженія морской торговли и военныхъ флотовъ другихъ державъ, и благодаря этому сдѣлалась въ XIX столѣтіи владычицею морей и мировой торговли. Недостатокъ войскъ для сухопутной войны не дозволилъ ей употребить силу для господства на внутреннихъ рынкахъ европейскихъ державъ, но въ другихъ частяхъ свѣта она ничѣмъ не стѣснялась для открытия и эксплуатаціи рынковъ. По словамъ прусского исторіографа Трейчке, «это Англія вела самую отвратительную войну, какую когда—либо предпринималъ христіанскій народъ»,—войну для вынужденія Китая къ допуску англо-индійскаго опіума, отравляющаго китайское населеніе.

То же чрезмѣрное преобладаніе корысти и насилия характеризуетъ внутреннюю исторію Англіи. Ограничивъ болѣе сильную въ Англіи, чѣмъ на мате-

рикѣ Европы, королевскую власть, феодальные бароны постепенно усилили значение и права парламента, верхняя палата которого и понынѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ ихъ потомковъ по праву первородства, съ добавленіемъ главъ родовъ служебной и имущественной аристократіи, а нижняя палата многіе вѣка состояла изъ младшихъ членовъ тѣхъ же олигархическихъ родовъ, избираемыхъ въ эту палату общинъ вслѣдствіе имущественного и политического преобладанія въ странѣ олигархіи. Лишь во второй четверти XIX вѣка торговые и промышленные классы, опираясь на народную массу, вынудили олигарховъ дать народу несолько большее вліяніе на составъ нижней палаты, но, получивъ долю власти, значительная часть бароновъ торговли, промышленности и капитала вступила съ земельными олигархами въ союзъ противъ рабочихъ классовъ. По этой и другимъ причинамъ, демократизація политического и общественного устройства Англіи совершаєтъ съ весьма большой медленностью. Весьма важное значеніе должно иметь здесь, мнѣ кажется, расовый темпераментъ англійского народа.

Флегматический или лимфатический темпераментъ англо-саксонской расы, характеризующійся «медленными, по сильными реакціями нервной системы *»), имѣть свои достоинства и свои недостатки. Медленность нервныхъ реакцій даетъ разсудку большее время для обсужденія рѣшеній, а сила реакцій вліяетъ на твердость и энергию исполненія этихъ рѣшеній; въ результатѣ англичане отличаются практичностью и энергию своей дѣятельности. Но съ другой стороны расчетливость и практическость ведутъ къ преобладанію эгоизма, медленность же нервныхъ реакцій легко переходить въ косность, а сила ихъ въ упорство въ этой косности и въ упрямое противодѣйствіе всему новому: англійскій консерватизмъ коренится, между прочимъ, въ особенностяхъ расового темперамента. Будучи предпримчивъ и энергиченъ въ дѣятельности, направленной къ личному обогащению, англичанинъ склоненъ къ консерватизму въ отношеніяхъ соціальныхъ и политическихъ, боится новшествъ и упорно держится традиціонныхъ принциповъ. Когда стремление къ обогащенію преобладаетъ, деньги естественно дѣлаются кумиромъ, бѣдность порокомъ. Эмерсонъ приводитъ слѣдующія слова Чельсона: «Недостаточность состоянія есть преступленіе, котораго я не могу простить» (Revue des deux mondes, 1899, 15 November, p. 477). По замѣчанію Сиднея Смита, «въ Англіи бѣдность позорна» (тамъ же). Такъ какъ эксплуатациѣ другихъ народовъ и вообще слабѣйшихъ есть древѣйший и простѣйший источникъ для обогащенія, то презрѣніе къ чужимъ правамъ и насилие являются коренными основами англійской политики. По словамъ А. Фуилье, величайшій ораторъ Англіи въ послѣднемъ столѣтіи заявлялъ: «Мы прекратимъ

*) По Вундту. См. проф. И. Т. Ортманского «Темпераментъ и характеръ» въ журнале «Жизнь», 1899 г., июль.

свое существование, если будемъ справедливы хотя одинъ день» (*Revue des deux mondes*, 1899, 1 Decembre, p. 581).

Объ политическихъ партіи, поперемъно правящія Англіею, имѣютъ своими руководителями членовъ олигархіи, продолжающей фактически удерживать въ своихъ рукахъ политическую власть, хотя численное преобладаніе на выборахъ въ палату общинъ уже нѣсколько десятилѣтій принадлежитъ народной массѣ. Различіе между той и другой партіями заключается главнымъ образомъ въ томъ, что виги или либералы стремятся къ постепенному упраздненію олигархическихъ привилегій, къ демократизаціи политического и соціального строя и къ улучшенню экономического положенія народной массы; тори или консерваторы упорно отстаиваютъ всѣ олигархическихъ привилегіи и противодѣйствуютъ всѣмъ реформамъ, въ случаѣ же видимой невозможности избѣгнуть ихъ, нерѣдко сами проводятъ требуемыя общественныя мѣропріемства реформы, дабы урѣзать ихъ на сколько возможно и удержать въ своихъ рукахъ власть. Во вѣнчайшей политикѣ либералы стоять обыкновенно на сторонѣ мира, необходимаго для внутреннихъ реформъ, и не чужды склонности къ пѣкоторому примѣненію и во вѣнчайшихъ отношеніяхъ началь справедливости и уваженія правъ слабѣйшихъ, во имя которыхъ требуютъ они внутреннихъ реформъ; консерваторы, напротивъ, держатся во вѣнчайшей политикѣ традиціонныхъ своеокорыстія и презрѣнія къ чужимъ правамъ, не опирающимся на достаточную силу.

Убѣдившись, что непримиримая враждебность въ продолженіе вѣковъ эксплуатировавшихся ирландцевъ *) парализируетъ въ парламентѣ проведеніе необходимыхъ реформъ и можетъ быть крайне опасна въ случаѣ неудачной вѣнчайшей войны, гуманистій и дальновиднѣйший изъ англійскихъ государственныхъ людей Гладстонъ поставилъ, во второй половинѣ вѣсмыдесятыхъ годовъ, во главѣ политической программы либеральной партіи дарованіе Ирландіи самоуправлія съ особымъ парламентомъ. Наиболѣе пропитанные духомъ традиціоннаго своеокорыстія и насилия, члены либеральной партіи отѣлились и вступили въ коалицію съ консерваторами, но масса партіи осталась вѣрною своему вождю, не столько повидимому по убѣждению, сколько изъ дисциплины. Однако, когда проведенный въ палатѣ общинъ ирландскій билль былъ отвергнутъ палатою лордовъ и на выборахъ въ палату общинъ въ 1895 году противники либераловъ, поставившиѣ свою программу самоуправліе Ирландіи и упраздненіе

*) Явилась пословица «убийство ирландца не есть преступленіе» (*It is no felony to kill an Irishman*). Въ царствование Елизаветы, въ нѣсколькихъ ирландскихъ округахъ было произведено систематическое уничтоженіе всѣхъ животныхъ и культуры, чтобы уморить голодомъ населеніе, которое недѣля было истребить инымъ путемъ. Современный поэтъ Спенсеръ описалъ, съ чувствомъ удовольствія, страшныя мученія погибавшихъ отъ этого искусственно устроенного голода (A. Fouillée, *Revue des deux mondes*, 1899, 1 Décembre, p. 582).

или реформу палаты лордовъ, одержали побѣду, то и въ рядахъ либераловъ восторжествовало мнѣніе о несвоевременности обѣихъ предположенныхъ реформъ, вслѣдствіе неодобренія ихъ большинствомъ англійского народа. На самомъ дѣлѣ попытка Гладстона достигнуть примиренія съ ирландцами сдѣлана была весьма своевременно, ибо устраненіе этой вражды было очень важно въ виду вскорѣ выяснившихся весьма неблагопріятныхъ для Англіи міровыхъ событий и теченій, угрожающихъ ея торговому и промышленному преобладанію, а съ нимъ и ея благосостоянію и могуществу. Такъ, возвращеніе многихъ европейскихъ державъ къ протекціонизму сократило или остановило сбытъ въ ихъ предѣлахъ произведеній англійской промышленности. Въ то же время необыкновенно быстрое и успѣшное развитіе промышленности Сосдиненныхъ Штатовъ и Германіи создало весьма опасное для англійской промышленности и торговли соперничество, такъ какъ произведенія этихъ странъ отнимаютъ у Англіи находившіеся въ обладаніи рынки и отчасти успѣшино конкурируютъ съ англійскими издѣліями въ самой Англіи. На поприщѣ завладѣнія остававшимися независимыми внѣ-европейскими странами, съ цѣллю обезпеченія за собою ихъ рынковъ, Англія встрѣтила могучихъ и счастливыхъ соперниковъ во Франціи, которая распространила свои владѣнія въ Indo-Китаѣ, пріобрѣла Мадагаскаръ и захватила огромныя пріестранства въ Африкѣ, сдѣлавъ даже попытку утвердиться въ верховьяхъ Нила, и въ Германіи, которая также заняла въ Африкѣ изрядные куски. Еще хуже для Англіи идетъ раздѣлъ Китая, формально начатый германскимъ захватомъ Цю-чжеу, за которымъ послѣдовали занятіе Россіею Портъ-Артура и французская пріобрѣтенія въ южномъ Китаѣ. Англіи пришлось удовольствоваться завладѣніемъ Вэй-хай-вэемъ, въ качествѣ противовѣса Портъ-Артуру, и притязаніями на бассейнъ Янь-цзы-цзяна, а, выступившая подъ ея протекцію для полученія частицы китайского пирога, Италія потерпѣла решительное фіаско. Весь этотъ рядъ неудач и остановка непрерывнаго доселѣ возрастанія вывоза изъ Англіи естественно возбудили не только въ политическихъ кругахъ, но и въ торговыхъ и промышленныхъ понятіяхъ опасенія за будущее. Разумѣется, всего разумѣе было бы для Англіи бороться съ промышленнымъ и торговымъ соперничествомъ тѣми же средствами, какіе примѣняютъ конкуренты, т. е. удовлетвореніемъ вкусовъ потребителей и удешевленіемъ издѣлій, для котораго развитіе техники и дешевизна въ Англіи капиталовъ даютъ полную возможность. Въ политической сфере, по незначительности ея сухопутныхъ военныхъ силъ, владычицѣ морей надлежало пріобрѣсти прочные союзы съ тѣми или другими европейскими воинствами державами, принявъ на себя болѣе или менѣе тяжкія обязательства и припеся необходимыя жертвы. Вмѣсто всего этого, нерасположенное, по традиціонному своеобразію, къ какимъ либо жертвамъ и уступкамъ для пріобрѣтенія союзовъ, ибо смотрѣть на все величія державы какъ на соперниковъ

или враговъ въ настоящемъ или будущемъ, общественное мнѣніе Англіи оона-
руживало стремленіе исправить неудачи и возвратить потерянное лишь тради-
циональнымъ путемъ насилия и устрашенія недруговъ. При отсутствіи союзниковъ
и непримиримости интересовъ Англіи съ интересами каждой изъ трехъ силь-
нейшихъ державъ Европы, Англіи оставалось выжидать внутренней европейской
войны, а между тѣмъ готовиться къ борьбѣ. Расходы на армію и флотъ уве-
личены были въ теченіе 13 лѣтъ съ 28 м. ф. ст. до 44 милл. (*Revue de Paris*, 1899, 15 Décembre, p. 882). Въ 1898 году, увлекшись желаніемъ до-
ставить британской гордости дешевый тріумфъ, англійское правительство съ
большимъ шумомъ мобилизовало флотъ и потребовало отъ Франціи очищенія
Фашоды. Ни мало не расположенная скориться съ Англіею и не готовая къ
войнѣ, Франція уступила, но естественно должна была принять мѣры къ усиле-
нію флота и морской обороны. Примѣру ея постѣдовали Россія и Германія.
Англіи пришлося готовиться къ увеличенію и своего флота до громадныхъ раз-
мѣровъ. Конечно, увеличивъ податное бремя, она въ состояніи настроить массу
новыхъ судовъ, но умноженіе числа военныхъ судовъ тогда только увеличиваетъ
морское могущество, когда увеличивается удовлетворительного качества личный
составъ. Между тѣмъ, по отзывамъ свѣдущихъ людей, численность командъ
и офицеровъ англійского военного флота и въ настоящее время едва доходитъ
до половины противъ необходимаго, да и изъ этого состава едва половина обладаетъ
соответственными качествами (тамъ же, p. 884). Такъ какъ комплектование
флота, подобно арміи, производится наемной вербовкой, то нельзя ручаться, что
въ морской войнѣ Англіи не могутъ предстоять такія же катастрофы, какія
неожиданно потерпѣла она въ войнѣ съ южно-африканскими республиками.

Пожелавъ воспользоваться наступившимъ къ половинѣ 1899 года за-
тишьемъ въ мировой политикѣ и временными спокойствіемъ на сѣверо-западной
границѣ Индіи для уничтоженія независимости двухъ республикъ Трансваальской
и Оранжевой и для устраненія возможной со стороны голландского населенія
оппозиціи британскому владычеству въ южной Африкѣ, а также движимое жаж-
дой мести за нанесенные въ 1881 и 1884 г. бурами англійскимъ войскамъ
пораженія, министерство Солсбери и Чемберлена вынудило буровъ къ войнѣ
предъявленіемъ все возраставшихъ по мѣрѣ уступокъ буровъ притязаній и уси-
лениемъ своихъ войскъ и вооруженій въ южной Африкѣ. Противъ всякихъ ожи-
даний, вместо предполагавшейся воинной прогулки, вместо отплаты за неудачу
произведенного въ 1895 г. съ вѣдома и одобренія, по всей вѣроятности, ми-
нистра колоній Чемберлена набѣга Джемсона и вместо присвоенія богатѣйшихъ
пока въ мірѣ золотоносныхъ рудниковъ Трансваала, подобно такому же захвату
алмазныхъ пріисковъ Оранжевой республики, англійская войска понесли отъ
буровъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, рядъ пораженій и неудачъ. Такъ какъ

изъ Индіи уже взято отъ 10 до 15 т. англійскихъ войскъ и дальнѣйшее уменьшеніе европейскихъ войскъ тамъ невозможно безъ опасности со стороны между прочимъ туземнаго населенія, въ средѣ котораго голодъ уже вызывалъ волненія, и такъ какъ почти всѣ регулярныя войска и гарнизоны изъ Англіи и колоній отправлены противъ буровъ и большую частію уже понесли отъ нихъ пораженія, то положеніе сдѣлалось критическимъ: за истощеніемъ регулярныхъ войскъ Англіи придется двигать въ южную Африку милицию и волонтеровъ, т. е. сбродъ по большей части непригодныхъ къ военной службѣ людей, которыхъ лишь малая частица можетъ быть, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ обращена въ нѣкоторое подобіе регулярныхъ войскъ.

Такъ какъ война затѣяна была съ общаго одобренія страны, то общественное мнѣніе почти единодушно обвиняетъ министерство лишь въ непредусмотрительности, въ неотправкѣ въ южную Африку достаточнаго числа войскъ заблаговременно, до открытия военныхъ дѣйствій; обвиняются также, по обыновенію, военное министерство, главнокомандующій, генералы, интендантство и т. д. Забываютъ при этомъ, что буры точно также не стали бы дожидаться скопленія англійскихъ войскъ и объявили бы войну при первыхъ къ умноженію войскъ значительныхъ попыткахъ, какъ сдѣлали это 11 октября; что для существенныхъ заблаговременныхъ приготовленій къ войнѣ необходимо было ассигнованіе парламентомъ соответствующихъ кредитовъ, испрошеніе которыхъ также могло вызвать буровъ на объявление войны, и, главное, что корень всѣхъ бѣдъ лежитъ, съ одной стороны, въ традиціонной англійской политикѣ чрезмѣрнаго своекорыстія и насилия, съ другой же, въ отсутствіи необходимыхъ для веденія такой политики, противъ маломальски мужественнаго и обладающаго современнымъ оружиемъ врага, регулярныхъ войскъ, ибо 90 т. войскъ, остающихся за вычетомъ находящихся въ Индіи, совершенно не въ состояніи содержать гарнизоны въ Ирландіи и многочисленныхъ захватахъ. Англіи во всѣхъ частяхъ свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ воевать съ успѣхомъ даже противъ столь слабаго численно непріятеля, какъ буры, которые могли выставить въ началѣ войны не болѣе 50 т. ч. Во всякомъ случаѣ кабинету Солсбери-Чемберлена предстоить паденіе, если не при весеннемъ созывѣ парламента, то при предстоящихъ въ настоящемъ году выборахъ въ палату общинъ, срокъ полномочій состава которой истекаетъ. Торіи и уніонисты потерпятъ по всей вѣроятности пораженіе на этихъ выборахъ, въ наказаніе за неудачную войну. Власть перейдетъ въ руки либераловъ, но либеральная партія находится въ состояніи полного разложения.

Это разложение либеральной партіи есть послѣдствіе общей всему англійскому народу заразы чрезмѣрнаго эгоизма и склонности къ насилию противъ слабѣшихъ. Самъ Гладстонъ до конца дней своихъ не могъ отъ нея освободиться. Его благородная агітация по поводу турецкихъ зѣрствъ въ Болгаріи не по-

мѣшала бы Биконс菲尔ду начать войну съ Россіей, если бы онъ нашолъ союзниковъ. Дарованіе Ирландіи самоуправлениія Гладстонъ оправдывалъ не столько требованіями справедливости, сколько опасностью для Англіи отъ непримиримой враждебности ирландцевъ. Разоблаченія сотоварища Гладстона лорда Кимберлея въ рѣчи 14 ноября 1899 года въ Ньюкастлѣ, выяснили, что признаніе независимости Трансваала въ 1884 году вызвано было не какимъ-либо великодушіемъ, а достовѣрными свѣдѣніями о томъ, что буры Оранжевой республики и всѣ африканеры англійскихъ колоній южной Африки готовы присоединиться къ Трансваалю въ борьбѣ его за независимость: Гладстономъ просто руководилъ здравый разсчетъ и благоразуміе, которыхъ не оказалось у Солсбери, Чемберлена и Ко. Хотя замѣнившій Гладстона, по удаленіи его отъ дѣлъ, во главѣ либеральной партіи лордъ Розбери принялъ въ наслѣдство, всю программу своего великаго предшественника, но вскорѣ обнаружилось, что по иностранной и колоніальной политикѣ глава либераловъ ничѣмъ не отличается отъ послѣдователей Биконс菲尔да; такъ какъ и во внутренней политикѣ онъ обнаруживалъ склонность отдѣляться отъ обременительного наслѣдства, то несогласія съ вѣрными убѣжденіямъ Гладстона либералами понудили Розбери, послѣ пораженія на выборахъ 1895 года, отказаться отъ предводительства либеральной партіею. Занявшій мѣсто Розбери, сэръ Уильямъ Харкуртъ стоялъ нѣсколько ближе къ истиннымъ гладстонитамъ, группирующимся въ небольшомъ числѣ около Джона Морлея, но и онъ въ 1898 году оставилъ предводительство либералами, признавая невозможнымъ устранить раздоры розберитовъ съ радикалами. Новый глава распадающейся либеральной партіи сэръ Кемпбелль-Баннерманъ, не обладающій никакими выдающимися талантами, еще менѣе въ силахъ восстановить въ партіи единомысліе. Разладъ между ея фракціями весьма ясно обнаружился по поводу трансваальскихъ дѣлъ. Въ то время какъ Морлей и Харкуртъ съ самаго начала возстали противъ политики Чемберлена, лордъ Розбери оказался ярымъ ея защитникомъ, а Кемпбелль-Баннерманъ, одобряя эту политику въ принципѣ, критиковалъ лишь приемы правительства въ ея про-веденіи, давая понять, что его партія, принявъ власть вмѣсто торіевъ, стремилась бы къ тѣмъ же цѣлямъ, лишь нѣсколько иными средствами и съ большимъ искусствомъ.

Нѣкоторые изъ членовъ нынѣшняго министерства пробовали отнести съ высокомѣріемъ и насыщкою къ публицистамъ континента, указывающимъ признаки начинающагося паденія Англіи, приписывая подобныя предсказанія легкомысленной зависти. Но на самомъ дѣлѣ трансваальская война обнаружила, съ одной стороны, политическое одиночество и военное безсиліе Англіи, съ другой же окончательно выяснила, что политика Англіи, основанная неизмѣнно на непотѣрномъ своекорыстіи и склонности къ насилию, влечетъ ее къ катастрофамъ.

и паденію, такъ какъ опирается на ничѣмъ неоправдываему жадность и самомнѣніе, а не на дѣйствительную силу: слабость сухопутныхъ силъ Англіи стала очевидна для всѣхъ, что же касается до ея армадъ, то весьма возможно, что морская война обнаружить въ большей части флота Британіи такую же декорацію, какою оказались ея сухопутныя силы. Чтобы избѣгнуть вѣроятнаго низведенія къ роли третьестепенной державы, влачащей свое существованіе подъ протекцією заатлантическихъ Соединенныхъ Штатовъ, Англія должна отказаться отъ своей пагубной традиціонной политики, превратить эгоистическую эксплуатацию подвластныхъ и слабѣйшихъ независимыхъ народовъ и странъ, уважать чужія права и обращаться къ силѣ только для необходимости обороны, послѣ обращенія къ посредничеству постороннихъ державъ и къ третейскому суду, установленному недавнимъ конгрессомъ въ Гагѣ. Сохраненіе Англіи, въ ряду европейскихъ великихъ державъ, при такихъ измѣненіяхъ въ основахъ ея политики, было бы весьма желательно для блага человѣчества, такъ какъ англійскій народъ оказалъ великія услуги цивилизаціи своею долею участія въ развитіи европейской науки и ея примѣненій въ техникѣ и промышленности, а также въ развитіи и обезпеченіи индивидуальной свободы и прогрессивныхъ политическихъ учрежденій. Къ сожалѣнію, внутреннее политическое положеніе Англіи не таково, чтобы переходъ къ новой политикѣ обѣщалъ навѣрное совершение своеевременно, до наступленія катастрофы, къ которымъ влечеть нынѣшняя политика. Консервативная партія, разумѣется, не даетъ никакихъ надеждъ на обращеніе ея къ иной политикѣ, помимо имперіалистской. Большая часть либераловъ находится въ такомъ же настроеніи. Только меньшая часть либеральной партіи, именно радикалы, группирующиеся около Морлея, и ирландскіе депутаты исповѣдуютъ новую политику во вѣшнихъ и колоніальныхъ дѣлахъ, наравнѣ съ внутренними и экономическими реформами въ демократическомъ направленіи, отрѣшившись отъ традиціонной политики олигархизма, эгоизма и насилия. Эта радикальная партія должна естественно пріобрѣсти современемъ неоспоримый перевѣсъ въ управлѣніи Англіею, но потребуется, въ несчастію, не мало времени для того, чтобы народныя массы поняли, что спасеніе и благосостояніе Англіи можетъ быть достигнуто лишь выполнениемъ программы радикаловъ фракціи Морлея. До сихъ поръ, подъ вліяніемъ олигархическихъ классовъ и духовенства, народныя массы во вѣшней политикѣ безусловно шли за консерваторами и либералами, согласно проводившими политику чрезмѣрного национального своеокорыстія и насилия, какъ единствено достигающую величія и благостоянія англійскаго народа. Событія послѣдніхъ лѣтъ, особенно же трансваальская война, вѣроятно выяснятъ рабочимъ классамъ и средней буржуазіи, что политика эта гибельна и что правильные взгляды на вѣшнюю политику имѣютъ только тѣ же радикалы, которые и во внутренней политикѣ стремятся къ преобладанію интересовъ и правъ народныхъ массъ.

Пока народно-демократическая или радикальная партія не пріобрѣсть большинства въ палатѣ общинъ и не преобразуетъ или не упразднитъ палату

лордовъ, слабыя либеральныя и консервативныя министерства будутъ смигать другъ друга, продолжая держаться традиционной политики и навлекая на Англію бѣдствія и катастрофы *). По всей вѣроятности имперіалисты будутъ пытаться ввести въ Англіи обязательную воинскую повинность, потому что вербовка не можетъ доставлять количества войскъ, необходимаго великой державѣ, особенно имѣющей повсюду разбросанныя владѣнія и въ числѣ ихъ Индію, одна защита которой или усмирение восстаний можетъ требовать сотенъ тысячъ европейскихъ войскъ. После эксплуатации Индіи и другихъ странъ, отсутствіе воинской повинности было главнымъ преимуществомъ Англіи предъ другими державами, ибо въ то время какъ остальные европейскія государства уже не сколько столѣтій требуютъ отъ населенія обязательного нахожденія подъ знаменами цвета молодыхъ людей въ лучшіе годы ихъ жизни, отрывая отъ занятій, доставляющихъ средства къ жизни и требующихъ для успѣха ознакомленія съ ними въ первые годы молодости, англичане освобождены отъ этой обременительной и крайне невыгодно отражающейся на промышленной и экономической сторонахъ народной жизни повинности, свободно и безпрепятственно совершая обученіе, подготовленіе и вступленіе на промышленные, хозяйственныя и иные пути добыванія средствъ къ существованію. При мирной политикѣ, устраниющей всякія войны, кроме оборонительныхъ, при островномъ положеніи Англіи и при существованіи сильнаго флота, введеніе воинской повинности едва ли можетъ быть проведено и попытки въ этомъ смыслѣ всего скорѣе могутъ содействовать успѣхамъ радикальной партіи, которая конечно будетъ противиться развитію милитаризма.

Въ предстоящее, критическое для судьбы доселѣ счастливой Англіи, время отношенія ся къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ и къ Авганистану могутъ имѣть доминирующее значеніе. Если бы Англія потеряла всю южную Африку въ результатѣ войны съ бурами,—что невѣроятно,—она все же останется обладательницей Индіи, главнаго источника ся богатства и могущества. Столкновенія съ авганами грозятъ, напротивъ, не только источеніемъ Индіи и самой Англіи для покоренія Индійскаго «Кавказа», но нашествіемъ съ сѣверо-запада и потерю Индіи. Въ настоящее время даже крайніе имперіалисты и аденты «наступательной политики» видятъ выгоды благоразумной политики лорда Хамильтона. Но трудно думать, чтобы эта политика окончательно упрочилась. Какъ только дѣла въ южной Африкѣ уладятся, вниманіе имперіалистовъ обратится на сѣверо-западную границу. Политика лорда Хамильтона подвергнется жесточайшимъ нападеніямъ, какъ ни малѣйше не ограждающая Индію, планы «прочнаго

*) «Послѣ Гладстона, за единственнымъ исключеніемъ г. Джона Морлея (котораго здравомысліе и честность неоспоримы, хотя, къ несчастію, ему недостаетъ всеподчиняющаго вліянія), мы не обладаемъ ни однимъ государственнымъ человѣкомъ, который относился бы къ общественнымъ дѣламъ съ полной добросовѣстностью и самоотречениемъ; взамѣнъ мы имѣемъ тысячу неотвязчивыхъ совѣтчиковъ, циниковъ, подобно лорду Солсбери, или флюгеровъ (triumeters), подобно лорду Розбери, кт которымъ никто въ глубинѣ сердца не чувствуетъ ни малѣйшаго уваженія» (Mr. Robert Buchanan въ Contemporary Review, 1899, December, p. 777).

умиротворенія съверо-западной границы» вѣроятно пріобрѣтутъ горячихъ защитниковъ и популярность, и въ результатѣ, при удобныхъ случаяхъ, которыхъ на «границѣ» и въ Афганистанѣ встрѣтится сколько угодно, Англія заполучитъ Индійскій «Кавказъ».

H. A. Aristovz.

14 января 1900 года.
С.-Петербургъ.

Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этническій составъ, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ *).

Бродячее населеніе тундры между рѣками Индигиркой и Колымой ничто не количествомъ. На пространствѣ приблизительно въ 60,000 кв. верстъ, кочуютъ всего около 800 чл., что составляетъ 75 кв. вер. на одного человѣка. Но для народовѣданія населеніе это представляеть интересъ не малой важности.

Во первыхъ мелкие роды, кочующіе на указанной тундрѣ, разнообразны по своему племенному составу и у нихъ именно этнографія можетъ получить любопытный матеріалъ для прослѣживанія взаимного вліянія другъ на друга въ духовномъ, материальномъ и физическомъ отношеніяхъ представителей разнородныхъ этническихъ группъ. Тамъ отношенія между племенами не отличаются сложностью взаимовліяній большихъ и культурныхъ народовъ, исторія столкновеній между собой отдельныхъ родовъ не отличается древностью и при внимательномъ изученіи, не трудно разобраться въ процессѣ взаимодѣйствія пришлыхъ племенъ, каковы: тунгузы, ламуты, якуты и русскіе пришельцы, иaborигеновъ страны — юкагировъ, чукчей и др. Во вторыхъ бытъ и нравы полярныхъ обитателей тундры нашего крайняго сѣверо-востока весьма мало известны образованной публикѣ, ибо рѣдко кто изъ путешественниковъ имѣть возможность ихъ наблюдать, а тѣ незначительныя свѣдѣнія, которыя попадаются о нихъ въ этнографической литературѣ не отличаются особой точностью.

Главною цѣлью моего изученія въ бытность мою членомъ Якутской экспедиціи въ 1894—97 гг. было маленькое и вымирающее, но любопытное племя юкагировъ, которыхъ этнографы причисляютъ къ такъ называемымъ Гиперборейцамъ. Разумѣется въ классификационномъ смыслѣ терминъ этотъ ничего собой не выражаетъ и известный этнографъ Пешель не даромъ выразился, говоря о некоторыхъ племенахъ Сѣверо-Восточной Сибири и между прочимъ о юкагирахъ, что по отношенію къ nimъ научное зданіе народовѣданія находится еще въ што-

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Рус. Географ. Общ. 29-го октября 1899 г.

говою видѣ. Съ отдельными родами юкагирского племени, родами, разбросанными на громадномъ разстояніи другъ отъ друга между рр. Колымой и Яной, я жилъ и странствовалъ болѣе двухъ лѣтъ. Моеей второстепенной экспедиціон-

Две юкагирскихъ молодыхъ девушки съ реки Ясачной въ лѣтнихъ костюмахъ. Ной задачей было изслѣдованіе полярныхъ якутовъ. Разумѣется, что въ той или иной степени пришлось также знакомиться съ другими племенами, съ которыми обѣ названные народности приходять въ столкновеніе. Изслѣдованіе юкагировъ меня привело также къ бродячимъ родамъ Колымской тундры, на которой я провелъ Январь, Февраль и часть Марта 1897 г., и свѣдѣнія, которыя будутъ приведены въ настоящемъ очеркѣ, заимствованы изъ собран-

собранныхъ мной, но необработанныхъ еще материаловъ для составленія монографіи о юкагирскомъ племени *).

Отъ края лѣсовъ, приблизительно отъ 68° с. ш., къ югу живетъ сѣверный осоколокъ тюркского племени якутовъ, пришедшихъ въ полярный край со скотомъ въ весьма недалекомъ прошломъ изъ Якутского округа, но теперь на половину только оставшихся скотоводами. Къ сѣверу отъ нихъ до береговой полосы Ледовитаго моря бродятъ 4 маленькихъ рода. Два изъ нихъ юкагирскіе: первый и второй Алазейскіе, одинъ родъ Тунгузскій и одинъ Ламутскій. Необходимо тутъ замѣтить, что ламуты и тунгузы суть не отдельныя племена, а родовая названія одного и того же, родственного Манджурамъ, племени—тунгусскаго. На самой сѣверной тундрѣ у береговъ океана, преимущественно въ устьяхъ рѣкъ, начиная отъ р. Колымы до р. Шандрана **), живутъ и кочуютъ немногочисленныя чукотскія семьи, недавніе выходцы съ восточныхъ береговъ р. Колымы. Небольшое число чукочъ живетъ еще на притокѣ Индигирки Іерченъ ***) и отчасти въ нижнемъ теченіи р. Алазеи.

Кромѣ того на Колымо-Алазейской тундрѣ то здѣсь, то тамъ можно встрѣтить въ поискахъ за пищей ламутское семейство съ южныхъ отроговъ Алазейскаго хребта или юкагиро-ламутскій лагерь съ западныхъ береговъ Индигирки.

Прежде чѣмъ характеризовать бытовыя особенности бродячихъ родовъ Колымской тундры, необходимо сказать нѣсколько словъ о природѣ края. Весь крайний сѣверо-востокъ Азіи, вопреки обычному представлению о тундрѣ,

*) До сихъ порь на основаніи собранныхъ материаловъ напечатаны мной слѣдующія статьи: 1) Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. Живая Старина, вып. II, 1895 г.; 2) Къ вопросу объ исчезнувшихъ народностяхъ Колымскаго края. Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества, т. XXVIII, № 2, 1897 г.; 3) Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи инородцевъ крайняго сѣвера Якутской области. (Съ картой маршрутовъ). Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. XXIX, (1898) стр. 9—25; 4) Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. Спб. 1898, Труды Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирикова. Отд. III, т. X, ч. 3; 5) По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Древній и современныій юкагирскій бытъ и письмена. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества, т. XXXIV, вып. 3. 1898 г.; 6) Нѣкоторыя данные о рыбахъ Колымскаго края. Землевѣдѣніе, III—IV. Москва, 1898; 7) Образцы материаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1898 г. Сент., т. IX, № 2; 8) Über die, im Auftrage der Kaiserlich-Russischen-Geographischen Gesellschaft, ausgefÃ¼hrte Untersuchung der Völkerschaften der Provinz Jakutsk Bern, 1899. Сообщеніе, читанное мной въ засѣданіи Бернскаго Географическаго Общества 17 ноября 1898; 9) Über die Sprache und Bilderschrift der Jukagiren. Jahresbericht der Geographischen gesellschaft in Bern, 1900. Докладъ, читанный въ засѣданіи Бернскаго Географич. Общ. 29 июня 1899; 10) In Polargegendeu. Ethnographische Skizzen, журналь Mutter-Erde. Berlin. 1898—99; 11) Скоро выйдетъ: Первый томъ материаловъ по юкагирскому языку и фольклору. Юкагирскіе тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Издание Имп. Академіи Наукъ.

**) Шандранъ—исковерканное юкагирское слово III и d-э и ý, что значить: лѣсистая рѣка, отъ Шал-дерево, лѣсъ и Эну—рѣка. Верховья этой полярной рѣчки покрыты лиственничнымъ лѣсомъ.

***) На картахъ этотъ притокъ Индигирки названъ Эрченъ, но мѣстные инородцы произносятъ І е р ч е нъ.

какъ о понижющейся къ морю равнинѣ, образуетъ настоящую горную страну, скалы которой мѣстами вдаются въ океанъ. Къ востоку отъ рѣки Лены до Тихаго океана, мы встрѣчаемъ въ полярномъ краѣ только три значительныхъ равнинны: въ среднемъ теченіи Индигирки, на пространствѣ между рр. Алазеей и Колымой и въ области р. Чауна къ востоку отъ Колымы.

Райономъ кочевокъ тундренныхъ родовъ служитъ вторая низменность, заключенная между западнымъ, «землянымъ» берегомъ Колымы и восточнымъ, холмистымъ Алазеи. Вся эта область покрыта густою сѣтью многочисленныхъ озеръ, различныхъ размѣровъ — начиная отъ бассейновъ въ сто верстъ въ окружности и кончая тоцами или испаряющимися лѣтомъ лужами. Всѣ озера соединены съ рр. Колымой, Чукочьей, Алазеей или между собою посредствомъ постоянныхъ или временныхъ рѣчекъ, называемыхъ висками. Съ птичьаго полета эта страна озеръ должна быть похожа на рѣшето съ неправильными ячейками.

Образованіе этихъ озеръ надо, повидимому, приписать какъ обильнымъ зицами осадкамъ, такъ и рельефу мѣстности. Слой снѣга достигаетъ недѣлко толщины въ два и больше аршина. Не имѣя весной стока, снѣжная вода заполняетъ всѣ углубленія равнинны. Хотя рѣки Чукочья и Алазея получаютъ посредствомъ высокъ свое питаніе главнымъ образомъ изъ озеръ, но медленное теченіе високъ и ничтожное испареніе воды во время короткаго лѣта способствуютъ сохраненію озерныхъ бассейновъ. Большинство озеръ имѣетъ берега низкие, болотистые, кочковатые; но надъ нѣкоторыми возвышаются невысокіе земляные яры. Часто одно озеро отъ другого раздѣляетъ валъ или кочковатое мѣсто шириной въ нѣсколько сажень или даже метровъ.

Климатъ страны является, послѣ такъ назыв. полюса холода около Верхоянска, наиболѣе суровымъ на земномъ шарѣ. Температура падаетъ зимой до -65° Ц. и ниже. Рѣки вскрываются въ концѣ Мая, а около устьевъ — въ началѣ Іюна, и покрываются льдомъ въ Сентябрѣ. На тундренныхъ озерахъ ледъ стоитъ еще въ концѣ Іюня и даже въ Іюль.

Отсутствіе теченія на озерахъ лишаетъ полярную природу механическаго дѣятеля, разбивающаго и раздробляющаго рѣчные льды, а лѣтнее солнце, хотя и не сходитъ съ горизонта, слишкомъ медленно плавить 3-хъ аршинную толщу озерныхъ льдовъ.

Почва оттаиваетъ на полъ аршина, самое большее на $\frac{3}{4}$ аршина. Собственно говоря, нельзя назвать тамъ верхній слой земной коры почвой, ибо перемѣшанные между собой ледъ, земля и торфъ образуютъ лѣтомъ, когда они оттаиваютъ, тотъ библейскій хаосъ, когда жидкій и твердый элементы еще не были отдѣлены другъ отъ друга. Весь край представляетъ собой лѣтомъ обширное травяное или моховое болото съ многочисленными озерами. Виски, соединяющія озера между собой, часто покрыты болотной растительностью, скрывающей ихъ отъ глазъ неопытнаго путешественника, попадающаго внезапно въ глубокую канаву изъ жидкой черной грази.

Такимъ образомъ сообщенія въ странѣ лѣтомъ затруднены или вовсе прекращаются. Якутския лошади края лѣсовъ бродятъ по брюху въ болотѣ, а на оленяхъ верхомъ можноѣздить только въ гористыхъ мѣстахъ, съ которыхъ вода легко стекаетъ. На тундрѣ же только склоны хохловъ представляютъ собою какъ бы слабую попытку природы отдать воду отъ суши, но попытку недоведенную до конца. Впрочемъ, такое раздѣленіе элементовъ въ полярной странѣ не имѣло бы особаго смысла, ибо и безъ того всѣ жидкости въ теченіе 9 мѣсяцевъ обращены въ твердый массы.

Зимой же край, скованный льдомъ, покрытый снѣгомъ и лишенный свѣта, являетъ собой картину того периода въ исторіи земли, когда она, по расчетамъ астрономовъ, будетъ умирать вслѣдствіе угасанія самаго источника жизни на землѣ — солнца. Стоитъ ему только одно лѣто остаться за горизонтомъ, какъ вся скучная органическая жизнь полярнаго края прекратила бы свое существованіе. Но къ счастью солнце является каждую весну и растительный и животный міръ за короткое лѣто запасается тепломъ и свѣтомъ для длинной зимы. Понятно, что при такихъ климатическихъ условіяхъ материальная культура обитателей края должна быть самая первобытная и жалкая. Высокій градусъ широты предписываетъ имъ извѣстный образъ жизни. Тамъ не только земледѣліе невозможно, но, заведенное съ юга якутами почти до 69° с. ш., скотоводство должно вести жестовую борьбу съ супростью климата. Якуты притундренной полосы, полосы корявыхъ лиственницъ и южнаго предѣла кочевокъ тундренныхъ родовъ, являются уже наполовину собаководами, а свое питаніе они почти исключительно получаютъ отъ рыбнаго промысла на озерахъ.

Что касается до 4-хъ тундренныхъ родовъ, то на особенности ихъ быта, кроме климата, вліяютъ еще этническіе факторы. Ихъ образъ жизни, языки, вѣрованія и обычай такъ же смѣшаны, какъ ихъ племенной составъ. Приведу прежде всего нѣкоторыя данныя о происхожденіи и мѣстахъ кочевокъ каждого изъ тундренныхъ бродячихъ родовъ.

Первый Алазейскій юкагирскій родъ, кочующій теперь по р. Б. Чукочьей, есть остатокъ древняго населенія Большой тундры. Ихъ называютъ Алайми, что значитъ Алазейцы, или Алан-омокъ т. е. Алазейскій родъ. Свѣдѣнія прежнихъ путешественниковъ, въ томъ числѣ и барона Врангеля, объ омокахъ, какъ объ исчезнувшемъ полярномъ племени, основаны на недоразумѣніи. Омб или омокъ по юкагирски значитъ родъ, и омоки и юкагиры одно и тоже племя. Преданіе же объ исчезнувшихъ омокахъ можетъ относиться только къ тому или другому вымершему юкагирскому роду, а не къ племени.

Второй Алазейскій юкагирскій родъ, называющій себя Эрбеткенъ-омокъ или Дудки-омокъ, кочуетъ по западному берегу р. Алазеи. Эрбеткенъ слово ламутское и означаетъ гусиный, отъ «эрбеть»-гусь. Название это связано съ легендой о родовомъ шаманѣ, летавшемъ оборотившись гусемъ. Дудки тоже ламутское слово и означаетъ: на прямки идущій, т. е. человѣкъ, для котораго не существуетъ пренятствій. Значеніе этой клички можетъ служить указаніемъ на

юкагирское происхождение этого рода, ибо эпические сказания рисуют древних юкагировъ храбрыми и ловкими воинами. По преданию, этот родъ пришелъ на Алазею съ р. Индигирки. И действительно, обламутѣвши юкагирскій родъ на Индигиркѣ, официальное называемый Каменно-юкагирскимъ, тоже именуетъ себя самъ Дудки. Тѣмъ же именемъ называетъ себя обѣякутѣвши Омолойскій юкагирскій родъ на р. Янѣ.

Третій тундреній родъ, кочующій на одной территории съ Эрбеткенъ-омокъ и самъ себя называющей юкагирскимъ словомъ Ходейджилъ-омокъ официально числится «Вторымъ каменно-ламутскимъ родомъ» и сохранило преданіе о своемъ приходѣ на Алазейскую сторону съ хребтовъ восточного, гористаго берега р. Колымы, гдѣ и теперь кочуютъ ламутскіе роды. Но трудно утверждать, чтобы происхождение этого рода было чисто ламутское. Въ архивныхъ бумагахъ начала этого столѣтія онъ называется то юкагирскимъ, то ламутскимъ родомъ.

Четвертый родъ Тунгусскій, самый большой, кочующій по тундрѣ между пр. Б. Чукчей и Алазеей, официально называется Тунгусскимъ Бетильскимъ. По сохранившемуся преданію родоначальники этого рода пришли на тундру съ якутской стороны. Ихъ было семь братьевъ, изъ которыхъ старшій шаманъ. Когда они пришли на «Большую реку» *) т. е. реку Алазею, шамана заставили шаманить, чтобы узнать отъ духовъ, гдѣ имъ засѣсть. Послѣ камланія шаманъ оборотился въ орла, сѣлъ на дерево и все перья у него выпали. «На этой землѣ дѣти наши жить будутъ», сказали онъ. Тогда они поселились на рекѣ Алазѣй. Пошли они вверхъ по рекѣ, къ лѣсамъ, встрѣтили якутскую девушку и насильно увезли ее; пошли внизъ по рекѣ, нашли юкагировъ во время пляски. Увидѣвъ ихъ, юкагиры стали луки и стрѣлы готовить, но тунгусскій шаманъ приворожилъ юкагирскихъ девушки, которые перебѣжали къ тунгусамъ и юкагиры не стали съ ними воевать, помирились. Отъ этого союза произошелъ Бетильскій родъ. Судя по этому преданію, въ генеalogии рода участвовали не только тунгусо-юкагирские элементы, но и якутскіе.

Замѣчу, что Бетильскій родъ имѣется у тунгусовъ, какъ Якутскаго, такъ и Вилойскаго округовъ.

Всѣ указанные четыре рода, выбираютъ каждый своего князца, но они соединены еще однимъ общимъ выборнымъ лицомъ, именуемымъ «головою».

Роль князцевъ исчерпывается сборомъ съ родовицей ясака, по 1 рублю съ чѣмъ-то съ души въ годъ, и доставленіемъ его Колымскому исправнику. Они еще заботятся обѣ отправлениіи натуральной повинности по провозу зимой на оленяхъ изъ Средне-Колымска на тундру и обратно исправника и священника. Голова же никакой роли не играетъ. Выборъ головы есть наслѣдіе Зашиверского Комисарства, обнимавшаго въ прошломъ столѣтіи два нынѣшихъ округа Верхоянскій и Колымскій.

*) Р. Алазея на тундренномъ юкагирскомъ нарѣкѣ называется Чомод-Эн у т. е. Большая река.

Тогда голова завѣдывалъ всѣми бродячими родами Полярной части Якутской области, т. е. онъ отвѣчаль за ясакъ и доставляль въ русскія зимовья, такъ называемыхъ аманатовъ т. е. заложниковъ. Еще въ концѣ прошлаго вѣка Зашиберскія власти брали у бродячихъ инородцевъ въ залогъ дѣтей, чтобы

Младший братъ князца первого Азейского Князецъ Бетильского Тунгусского рода съ юкагирского рода. Кортникомъ, пожалованнныи Екатериной II и переходящимъ отъ князца къ князцу.

обеспечить себѣ ихъ покорность и правильное поступленіе ясаку, ибо розыскивать бродячихъ людей на безконечной тундрѣ или въ мало-приступныхъ хребтахъ было не легкое. Бродячіе инородцы сами приносили въ русскія зимовья ясакъ, какъ это и теперь дѣлаютъ. Но случалось, что тотъ или другой родъ забирался

въ невѣдомыя дебри и не являлся нѣсколько лѣтъ. Обязанностью головы было предупредить такое уклоненіе отъ ясачныхъ обязанностей. Большой частью эти «головы» назначались изъ воспитанныхъ русскими аманатовъ. На тундрѣ еще передаются разсказы объ нѣкоемъ «Афонькѣ», бывшемъ головой тундренныхъ родовъ при Екатеринѣ II. Онъ умѣлъ говорить по русски и зналъ даже русскую грамоту. Это искусственное административное объединеніе въ извѣстномъ смыслѣ содѣйствовало ассимилированію различныхъ племенныхъ группъ. По закрытии въ 1822 Зашиверского Комиссарства бродячіе роды къ западу отъ Алазеи и Индигирки причислены были къ г. Верхоянску, а кочевые роды къ востоку отъ Алазеи — къ г. Средне-Колымску. Головой въ то время былъ родовичъ изъ Бетильского рода и такимъ образомъ онъ остался завѣдующимъ 4-хъ маленькихъ родовъ. Теперь голова послѣдними выбирается каждые 3 года, и утверждается губернаторомъ, но вся сго дѣятельность заключается въ томъ, что при встрѣчѣ исправника онъ одѣваеть кортикъ и красный пожалованный ему кафтанъ.

Если навязанное тундреннымъ родамъ административное объединеніе въ лицѣ головы чисто вицѣнное, то внутренней, естественной связью между ними служить общность языка. Всѣ эти роды говорять теперь нарѣчиемъ юкагирского языка. До сихъ поръ это тундренное нарѣчіе считали тунгусскимъ языкомъ. Такъ и теперь его называютъ русскіе на Колымѣ. Таковымъ его считали прежніе путешественники и въ томъ числѣ послѣдній путешественникъ баронъ Майдель, видѣвшій тундренные роды и бывшій на тундрѣ въ 1870 г. Впрочемъ, баронъ Майдель, который, въ бытность свою начальникомъ, такъ называемой Чукотской экспедиціи, былъ назначенъ для удобства изслѣдованія временнымъ исправникомъ Колымскаго округа, очевидно, не зналъ также, что въ Верхнеколымской части, управляемаго имъ округа еще сохранился юкагирскій языкъ. Образцы словъ и фразъ, доставленные имъ академику Шифнеру, были имъ записаны на Анадырѣ въ обруссѣвшей юкагирской семье отъ старухи, помнившей еще свой родной языкъ *). Съ того времени малознученный, но интересный юкагирскій языкъ считался вымершимъ, и еслибы это было такъ, то лингвистика была бы лишена возможности, когда либо определить его родство съ той или другой группой языковъ, а этнографія одного изъ средствъ для классификации племени. Теперь оказалось, что не только языкъ еще сохранился въ Верхнеколымскихъ юкагирскихъ родахъ, но что выработался отдельный тундренный диалектъ. Послѣдній, правда, всосалъ въ себя извѣстное количество тунгусскихъ словъ, но слова эти подчинены законамъ грамматики юкагирского языка. Отъ Верхнеколымского нарѣчія онъ отличается главнымъ образомъ своей фонетикой. Большинство же корней одни и тѣ же въ обоихъ нарѣчіяхъ. Хотя на тундрѣ и сохранилось преданіе, что нарѣчіе тундренныхъ родовъ есть языкъ древнихъ Алаевъ, т. е. Алазейскихъ юкагировъ и что Бетильцы когда то говорили на

*.) Необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ записей образцовъ юкагирского языка, сдѣланныхъ до сихъ поръ, записи барона Майделя оказываются самыми лучшими.

иное́ язы́къ, та́къ не мене́е въ насто́яще время главны́ми представите́лями этого языка являются Бетильскіе тунгусы. Они не только говорятъ «Міт ару—одул—ару т.-е.» нашъ язы́къ есть юкагирскій язы́къ, но сами о себѣ говорятъ одулнгоджайлі т. е. мы «одулы». Одуль — общее племенное название юкагировъ и означаетъ «ирѣцкій», «сильный». Юкагиры сами себя такъ называютъ, по всей вѣроятности, потому, что, какъ я уже раньше замѣтилъ, они считались самыми храбрыми воинами на всемъ сѣверо-востокѣ. Изъ другихъ же народностей края — русскіе называютъ Бетильцевъ тунгусами, подразумѣвая впрочемъ подъ этимъ именемъ всѣ тундrenные роды, и язы́къ ихъ тунгузскимъ, а якуты или «тонгусъ» или хангайи (хангайлар) а язы́къ ихъ хангайскимъ (ханга-тыла). Весьма возможно, что слово хангай заемствовано съ монгольского ханга — охотиться. Слово это усвоено Верхнеколымскимъ юкагирскимъ нарѣчіемъ, промышленникъ называется хангичэ. Хангайлар такимъ образомъ можетъ быть означаетъ — охотники, охотничій народъ. Верхнеколымскіе юкагиры, удаленные отъ тундrenныхъ родовъ тысячеверстнымъ разстояніемъ, называютъ ихъ однимъ именемъ Алан, но подразумѣвая подъ этимъ не родственныхъ себѣ юкагировъ, а тунгусовъ. Сами Бетильцы называютъ тундrenныхъ юкагировъ только родовымъ именемъ Алан; индигирскихъ юкагировъ — Дудки, а колымскихъ — Когимэ. По рассказамъ же колымскихъ юкагировъ Когимэ — есть название одного вымершаго юкагирскаго рода.

Когда я сообщилъ Верхнеколымскимъ юкагирамъ, что тѣ тундrenные люди, которыхъ они называютъ тунгусами, говорять на юкагирскомъ язы́кѣ и име-
ютъ себѣ одул, то они были весьма удивлены первымъ обстоятельствомъ, а по поводу второго возмущены самозванствомъ тунгусовъ. Князецъ пришелъ въ такую ярость отъ моего рассказа, что онъ воскликнулъ: «Еслибъ тунгусъ ска-
заль при мнѣ, что онъ одул, я бы ему лицо разбилъ». Изъ сказанного по по-
воду тундrenного нарѣчія видно, насколько ненадежна народная классификація языковъ и какъ перепуталось тамъ взаимное представление различныхъ пле-
менъ другъ о другѣ. Эта путаница отразилась также въ этнографической лите-
ратурѣ.

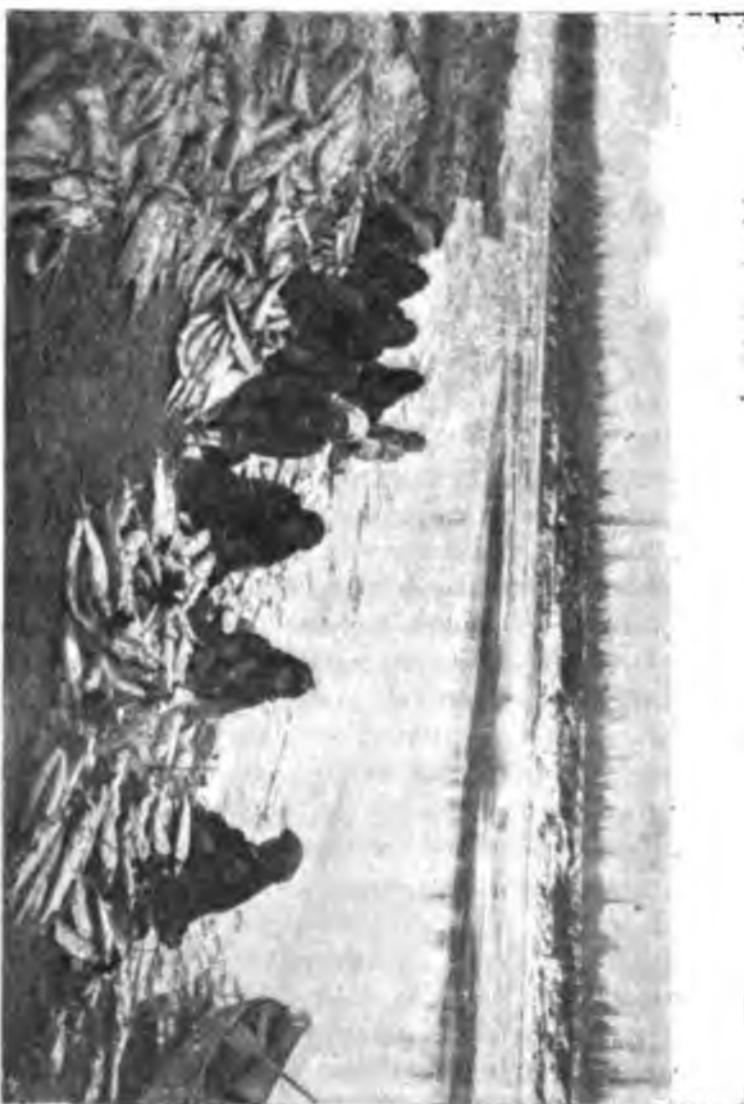
Баронъ Майдель говорить о тундrenныхъ людяхъ Колымскаго края только какъ о тунгусахъ, а г. Сѣрошевский, послѣдний авторъ писавшій о племенахъ краинаго сѣвера-востока, сообщаетъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ о «Якутахъ», со словъ послѣднихъ, слѣдующая свѣдѣнія о мелкихъ народностяхъ глубо-
каго сѣвера. Сѣверные тунгусы дѣлятся на морскихъ и горныхъ. Горные еще распадаются на двѣ вѣтви, схожихъ по виѣшности и обычаямъ, но говорящихъ разными нарѣчіями. Такія же вѣтви есть и среди морскихъ тунгусовъ. Одна изъ этихъ вѣтвей есть народецъ Кангхай *), кочующій съ чукчами въ низовьяхъ Инди-
гирики и Колымы. Къ приморскимъ тунгусамъ причисляются также юкагиры.

Изъ того, что мной сообщено было о юкагирахъ и о тунгусо-камутскихъ

*) См. Сѣрошевский. Якуты, стр. 246.

родахъ Колымского и Верхоянского округа, можно видѣть насколько спутаны свѣдѣнія якутовъ, приведенные указаннымъ авторомъ.

Якутское дѣленіе тунгусовъ на «морскихъ» и «горныхъ» можно назвать топографическимъ. Море и тундра, камень и хребетъ являются въ

Юкагирки на р. Ясачной связываютъ десятками отдаленныхъ общественного прошмыла для дѣлания рыбьи па чюмъ (См. статью: «По р. Ясачной и Корякому», Изв. И. Р. Г. О. 1898 б. 3).

местномъ русскомъ нарѣчіи синонимами, такъ что «морскимъ» человѣкомъ называютъ жителя тунды, а «каменнымъ» человѣкомъ—обитателя горъ. Официальное наименование ламутскихъ и юкагирскихъ родовъ, кочующихъ по хребтамъ, каменно-ламутскими или каменно-юкагирскими основано на этомъ именно дѣленіи. Разумѣется, что въ этнологическомъ смыслѣ оно не существенно. Еще менѣе смысла имѣеть дѣленіе тунгусовъ на двѣ вѣтви, говорящихъ разными нарѣчіями. Всѣ тунгусы и ламуты Якутской области, за исключеніемъ тѣхъ, ко-

торые объякутъли (какъ въ устьѣ Лены или Яны) или обьюкагирѣли (какъ па Колымской тундрѣ и на рѣкѣ Ясачной), говорять діалектами общаго всему племени языка – тунгусскаго, изученнаго Кастреномъ. Народецъ Кангхай очевидно есть Бетильский Тунгусскій родъ, называемый якутами Хангаями и кочующій на тундрѣ между Б. Чукочью и Алазеей, а не въ устьяхъ Индигирки и Колыми. Юкагировъ якуты причислили къ тунгусамъ, должно быть, потому, что на тундрѣ тѣ, и другіе говорятъ однимъ языкомъ—юкагирскимъ.

Специально же въ тундренномъ т. е. юкагирскомъ нарѣчіи мы получаемъ ясное доказательство ненадежности одного языка въ роли признака для классификаціи расъ. Тутъ мы видимъ не только усвоеніе тунгусами юкагирскаго языка, весьма мало общаго имѣющаго съ урало-алтайской группой языковъ, въ которой, по классификаціи Кастрена, принадлежитъ тунгусскій языкъ, но и присвоеніе себѣ ими племенного названія народа, выработавшаго этотъ языкъ; съ другой стороны въ обоихъ юкагирскихъ родахъ тундры физическая свойства не могутъ уже въ настоящее время служить показателемъ древне-юкагирского типа. По отношенію къ Алаймъ именно языкъ является доказательствомъ ихъ юкагирскаго происхожденія. По типу же они вполнѣ приблизились къ тунгусамъ. Не даромъ Миддендорфъ, видѣвшій случайно въ Якутскѣ привезенныхыхъ туда за какое то преступленіе, двухъ Индигирскихъ юкагировъ, причислилъ ихъ къ тунгусской вѣтви монгольской расы.

Къ сожалѣнію я не могу тутъ вдаваться въ подробности о типѣ юкагиро-тунгусовъ. Антропологический матеріалъ мой о юкагирахъ еще не обработанъ, а сравнительными данными о физическомъ типѣ тунгусовъ,—племени, разрозненная части которого разбросаны на громадномъ пространствѣ между Китаемъ и Ледовитымъ океаномъ и Енисеемъ и Охотскимъ моремъ, антропология еще не располагаетъ.

Какъ бы то ни было два приведенныхыхъ мной первостепенныхъ элемента въ вопросѣ о племенномъ родствѣ—языкъ и типъ—достаточно уже указывать на симѣшанность тундренныхыхъ родовъ и на взаимное влияніе составляющихъ ихъ элементовъ. Тунгусы переняли юкагирскій языкъ, введя въ него известное количество тунгусскихъ корней, а юкагиры приблизились къ тунгусамъ по физическимъ свойствамъ, сохранивъ некоторые племенные особенности.

Тѣ же слѣды смѣшанія разнородныхъ этническихъ группъ мы находимъ въ бытѣ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ тундренныхыхъ родовъ. Относительно вѣрованій слѣдуетъ замѣтить, что они носятъ гораздо болѣе юкагирскій характеръ, чѣмъ тунгусскій. Не то съ матеріальнымъ бытомъ и обычаями; въ нихъ тунгусское влияніе довольно сильно.

Мы имѣемъ все данные утверждать, что древніе юкагиры области р. Колымы были рѣчными жителями, собаководами, рыболовами и охотниками. Трудно решить этотъ вопросъ по отношенію къ древнимъ тундреннымъ юкагирамъ, занимавшимъ рѣки Алазею и Большую Чукочью. Рѣшеніе этого вопроса связано съ другимъ вопросомъ—откуда взялся на тундрѣ домашній олень?

Есть указанія на то, что на крайнемъ съверо-востокѣ въ недалекомъ еще прошломъ были мелкіе оленные роды, служившіе связью между юкагирами и чукчами. Къ нимъ можно причислить живущій еще остатокъ чуванского племени. Какой былъ у этихъ родовъ олень—незвестно. Во всякомъ случаѣ теперешній тундренныи домашній олень не чукотскій, а тунгусскій. Чукотскіе и тунгусскіе олени образуютъ по своимъ физическимъ свойствамъ двѣ вполнѣ отличныхъ расы. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что домашній олень пришелъ къ тундреннымъ юкагирамъ съ юга, вмѣстѣ съ тунгусами. Теперь же все четыре рода—оленевые люди. Но оленеводами въ строгомъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать. По произведенной мной на тундрѣ переписи оказалось,

Подледный промыселъ рыбы юкагировъ на р. Ясачной. (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

что изъ 66 шатровъ, составляющихъ 4 рода, одно только хозяйство имѣло 60 оленей, два по 50, а среднее—отъ 10 до 20 оленей. Всѣ же 66 семействъ имѣли вмѣстѣ 1020 оленей, въ то время какъ одинъ богатый чукча западной тундры, Аара, владѣть стадомъ въ 5000 оленей. У большинства изъ указанныхъ семействъ едва хватаетъ оленей на перевозку урасы, семьи и домашнаго скарба при перекочевкахъ. Нѣкоторыя семьи имѣютъ всего 2—3 или 5 оленей, а для того чтобы двинуться въ путь средней семье въ 5 человѣкъ, нужно отъ 20 до 30 санокъ, стало быть 20—30 оленей. Такіе люди кочуютъ въ хвостѣ болѣе богатаго родственника, пользуясь его лишними оленями, или они перевозятъ свое хозяйство по частямъ, причемъ взрослые и здоровые члены семьи ходятъ пѣшкомъ. Такой способъ кочевки называется на Колымѣ «кочевать съ отвозомъ». Такимъ образомъ домашній олень не только не питаетъ тундренныхъ людей, но и недостаточно выполняетъ свою роль рабочаго скота. Какъ и у юкагировъ—собаководовъ, главной пищей этихъ оленевыхъ людей

служить рыба, добываемая ими въ рѣкахъ Алазѣ и Большой Чукочьей и въ многочисленныхъ озерахъ тунды.

Въ рѣкахъ встречается «белая рыба» нельма, омуль, мukeунъ, въ озерахъ чирь, пелядь, щокуръ — это все различные виды *Coregonus* т. е. сига. Въ озерахъ, ближайшихъ къ морю, имѣется красная рыба «краска», одинъ изъ видовъ *Salmo*, кроме того водятся въ озерахъ щука, налимъ. Тундровые озерные чиры (*Coregonus nasutus*) подъ названіемъ Алёрскихъ, отъ имени двухъ озеръ — Большого и Малаго Алёрского, славятся вкусомъ во всемъ краѣ. Промышляются тундровые люди рыбу сѣтами изъ конскихъ волосъ, выѣзжая въ легкихъ членокахъ изъ тонкихъ осиновыхъ досокъ, называемыхъ тамъ вѣтками. При переходѣ лѣтомъ отъ одного озера къ другому тундровые рыбаки волокутъ за собой членоки по мокрому мшистому грунту, точно санки, или переносить ихъ на плечахъ черезъ болота и кочки.

Тундровый рыбакъ переносить свой членокъ изъ одного озера въ другое.

Побочнымъ источникомъ питания служитъ охота на дикихъ оленей. Главный промыселъ оленей производится весной по насту, когда олени изъ лѣсовъ направляются для лѣтняго пребыванія къ морскому берегу, или на острова. Тогда, говорятъ юкагиро-тунгусы, слухъ дикаго оленя притупляется. Зимой же промыселъ на него трудный: олень не подпускаетъ къ себѣ, онъ слышитъ шумъ на далекомъ разстояніи. Это объясняется темъ, что сжатый морозомъ воздухъ является хорошимъ проводникомъ звука. Зимой на тундрѣ малыйший шорохъ передается на десятки верстъ кругомъ. Вы слышите трескъ отъ замерзанія выдыхаемаго пара, и малышие движение въ атмосфѣрѣ отражается въ вашемъ ухѣ какимъ либо звукомъ или шумомъ. Трудна также охота на оленя осенью во время любовнаго сезона. Лѣтомъ тоже по временамъ удается убить олена на озерѣ, куда онъ заходитъ, спасаясь отъ комаровъ, или подкрадываться къ нему на тундрѣ, ползая брюхомъ по мокрымъ мхамъ, ибо тамъ нѣть деревьевъ, за которыми охотникъ могъ бы скрываться во время частаго оглядыванія назадъ преслѣдуемаго оленя.

Интересно указать тутъ, что тундренные охотники употребляютъ еще на охотѣ главнымъ образомъ оружіе костаного вѣка—лукъ и стрѣлы, въ то время какъ у верхнеколымскихъ юкагировъ и лѣсныхъ тунгусовъ мы уже находимъ почти исключительно кремневую винтовку. Отсталость тундренного охотника объясняется не одной недоступностью для него оружія желѣзного вѣка, а также отсутствіемъ на тундрѣ быки, для промысла которой необходимо ружье.

Охота Верхне-Колымскихъ юкагировъ на оленей по насту на лыжахъ (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

Значительнымъ подспорьемъ въ питаніи служить еще лѣтомъ перелетная птица. Утки, гуси и лебеди убиваются всяческими способами—стрѣлами, петлями и сѣтями, а во время линянія—просто пальками, но праздникъ дичи продолжается не долго и, не смотря на то, что въ мерзлой почвѣ тундры всякая вырубленная топоромъ яма является естественнымъ ледникомъ, бродячіе люди мало вкладутъ въ запасъ изъ убитыхъ птицъ. Отчасти это объясняется первобытной непредусмотрительностью, а отчасти краткостью сезона лѣтняго промысла рыбы и птицы.

При всемъ усердіи первобытнаго промышленника трудно тамъ ему за короткое время лѣтнихъ и осеннихъ промысловъ запасті пищу на весь годъ, особенно съ тѣми орудіями, которыя имѣются у жителей колымской тундры.

Лѣтомъ рѣдко у кого есть порядочная сѣть, а зимой нечѣмъ долбить толстый ледъ, чтобы сдѣлать прорубь. Трудно найти на тундрѣ жѣлезное кайло, и саженныи ледъ колютъ топоромъ, или ножами. Надо еще замѣтить, что люди, питающиеся главныи образомъ хлѣбной и другой растительной пищей, не могутъ имѣть яснаго представленія о томъ громадномъ количествѣ рыбы или мяса, которое потребно для годового прокормленія семьи, питающейся исключительно животной пищей. Я вѣмъ весьма мало, но когда отсутствовала другая пища, мякъ нужно было 5 фунтовъ рыбы въ день, чтобы не чувствовалась пустота въ желудкѣ.

Такимъ образомъ по отношенію къ питанію тундренный годъ можно раздѣлить на сытые и голодные сезоны.

Первые бываютъ лѣтомъ во время хода рыбы въ рѣкахъ, осенью во время ея нереста въ озерахъ, а весной, если есть дикие олени. Но оба рода промысла подвержены колебаніямъ и случайностямъ. Нерѣдко бываетъ, что сейчасъ за рѣкоставомъ запасная рыба кончается и начинается недоѣданіе. Въ зимнее же время, когда подъ толщей льдовъ рыба скрывается въ ямахъ озеръ или она уплываетъ изъ рѣкъ въ океанъ, наступающій голодъ заставляетъ тѣ или другія бѣдныя семейства уйти къ востоку отъ Колымы, или въ Индигирскую сторону, или на самой тундрѣ ходить за чукотскими лагерями въ качествѣ приживальщиковъ, пользующихся подачками и отбросами отъ чукочъ. Отношенія между богатыи оленеводомъ чукчей и окружающимъ его станъ голоднымъ бродячимъ людомъ весьма любопытны. Примитивный оленеводъ,—чукча считаетъ себя обязаннымъ кормить голодныхъ людей, точно духъ покровитель стада даетъ его хозяину не въ полную собственность, а только въ завѣдываніе, для общей пользы, а бродячій тунгусо-юкагиръ смотрить на себя, какъ на пайщика въ чукотскомъ стадѣ.

Впрочемъ къ этимъ первобытно-филантропическимъ отношеніямъ примѣшиваются еще обмѣнно-торговая сношенія. Богатый чукча является не только кормильцемъ бѣдныхъ людей, но и торговцемъ-посредникомъ между настоящимъ купцомъ и промышленникомъ и получаетъ отъ своихъ клиентовъ песцовыя шкуры въ обмѣнъ за «ѣдѣнныхъ», какъ говорятъ на Колымѣ, оленей. Разсчеты этого обмѣна бываютъ довольно запутаны, но въ общемъ за одного оленя считаются 2-хъ песцовъ *). Песцовыи промыселъ и въ известной степени нахожденіе мамонтовой кости даетъ бродячимъ тундры также средство для приобрѣтенія русскихъ привозныхъ товаровъ, главнымъ образомъ кирпичного чаю и табаку, платковъ, бисеру, жѣлезныхъ вещей, наконецъ водки. Мамонтовую кость находятъ лѣтомъ въ обвалихъ земляныхъ береговъ озеръ. Обыкновенно ее ищутъ артелями и на каждого пайщика можетъ выйти 1—2 пуда кости. Оцѣниваютъ кость отъ 12 до 25 руб. за пудъ. Песцовъ хороший промышленникъ добываетъ

* *) Какъ въ Верхнеколымской части округа роль монетной единицы играетъ бѣличья шкурка, такъ на тундрѣ обращается песцовая шкура.

отъ 10 до 20 въ годъ и шкурка при обмѣнѣ оцѣнивается отъ 1 до 2 руб. Промышленникъ можетъ такимъ образомъ имѣть отъ 50 до 60 руб. въ годъ. Но если принять во вниманіе обмѣнныя цѣны—1 ф. табаку цѣной у настъ 7 к. засчитывается въ 1 руб., 30-ти копеечный топоръ—въ 3 рубля и т. д.—то покупательная способность охотника будетъ ничтожна и привиты ему какъ вредныя, такъ и полезныя культурныя потребности остаются почти неудовлетворенными.

Главный обмѣнъ между тундренными людьми и русскими и якутскими торговцами производится на ярмаркѣ на Дулбѣ. Это мѣсто на тундрѣ между рр. Б. Чукочьей и Колымой. Туда въ октябрѣ мѣсяцѣ приковчевываютъ бродячіе роды, прїезжаютъ торговцы для обмѣна, исправникъ для получения ясака и походный священникъ для совершения требъ. Я не буду распространяться о характерѣ мѣновыхъ сношеній. Болѣе или менѣе они извѣстны. Они основаны на кредитѣ, на переходѣ долговыхъ обязательствъ по наслѣдству, такъ что каждый

Зимняя ураса у края лѣсовъ семьи князца 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода и его отца.
Направо—женщины, налево—мужчины съ луками и стрѣлами.

инородецъ является на свѣтъ съ готовымъ дефицитомъ, на произволъ въ раз-
счетахъ и чудовищныхъ процентахъ за отсрочки платежей. Если напр. кто ни-
будь не доставилъ на ярмарку 10 песьцовъ согласно обязательству, то къ бу-
дущей ярмаркѣ онъ долженъ доставить 15, т. е. прибавляется 50%. Въ де-
нежныхъ займахъ процентъ доходитъ до 100. Часто случается, что небольшой
рублевый ясакъ, уплачиваемый, по обыкновенію, путемъ займа, выростаетъ, про-
ходя черезъ рядъ отсрочекъ и мѣновыхъ разсчетовъ, въ стоимость полугодового
промысла.

Для иллюстрации мѣновыхъ отношеній я расскажу объ одной характерной сдѣлкѣ, имѣвшей мѣсто на тундрѣ передъ самимъ моимъ прѣздомъ туда. Въ томъ году повезло семейству князца I-го алазейскаго рода. У князца есть еще два брата—лучшіе промышленники на тундрѣ и старикъ отецъ. Это самое почетное и богатое семейство на тундрѣ. Богатство ихъ заключается въ оленяхъ—у князца вмѣстѣ съ отцемъ ихъ около 100, затѣмъ въ числѣ и качествѣ промышленниковъ и наконецъ въ количествѣ наследственныхъ и благопріобрѣтенныхъ долговъ. Степень задолженности тоже служитъ мѣромъ

Жена и сестра
(ламутка)
Князца I-го Алазейскаго юкагирскаго рода.

для представлѣнія о богатомъ человѣкѣ. Около урасы князца, который самъ не-рѣдко сидитъ безъ чаю и табаку, всегда всетаки ютится нѣсколько урасъ болѣе бѣдныхъ родовицей. Въ 1896 году выпало его семейству особое счастье. Братья его вырыли мамонтовый клыкъ въ 6 пуд. Такой вѣсъ чрезвычайно рѣдко попадается. Обыкновенно крупнымъ уже считается трехпудовый клыкъ. Чѣмъ крупнѣе клыкъ, тѣмъ онъ дороже. За особенно большой клыкъ кумы даютъ по 30 р.

сь пуда. Весть об этой находке скоро распространилась по всему округу. Старика, отца князя, различные торговцы соблазняли самыми выгодными предложениями для мѣны, но вѣрный своему постоянному заемодавцу, одному разбогатѣвшему торговлей среднеколымскому казаку, онъ выждалъ его приѣзда на тундру. Чтобы устранить сразу всѣхъ конкурентовъ, послѣдній, не упоминая о долгахъ, предложилъ за кость наличныхъ деньги, товаръ, который весьма дорого цѣнится въ округѣ. Въ виду наличности сдѣлки и старыхъ сношеній сошлись на 100 руб. Получивъ такую кучу денегъ, старый юкагиръ былъ въ восторгѣ. Онъ мечталъ уже о дешевой покупкѣ на деньги чаю и табаку, обѣ уплатѣ за всѣхъ родовичей ясаку и о получении взамѣнъ этого съ послѣднихъ съ выгодой для себя шесцовъ. Послѣ угощенія водкой торговецъ рѣшилъ, что деньги ему нужно получить обратно и началъ въ искусной рѣчи излагать хозяину, какъ онъ, купецъ, всегда вѣрилъ ему, всегда былъ добръ къ нему, никогда не отказывалъ ему въ кредитѣ, всегда откладывалъ платежи; напомнилъ ему, какъ онъ обѣщалъ не разъ заплатить осенью часть долга и такъ какъ онъ теперь имѣть

Средний братъ Князда. Жена Князца (ламутка). Князецъ 1-го Алазейского юкагирского рода.

деньги, то долженъ исполнить обѣщаніе. Старикъ чувствовалъ, что тутъ кроется какая то крупная несправедливость, но всѣ слова купца онъ долженъ былъ подтвердить, ибо такъ оно и было. На возраженія, чѣмъ онъ заплатить ясакъ, торговецъ отвѣтилъ, что онъ никогда не отказывалъ его родовичамъ въ деньгахъ, пусть они къ нему обратятся. Въ концѣ концовъ купецъ получилъ 90 руб., но далъ юкагиру па 200 руб. товаровъ въ кредитъ, а его родовичамъ роздалъ

подъ промысел будущаго года мелкія суммы денегъ для платежа ясаку, на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ.

Кромѣ виѣшняго обмѣна еще производится на тундрѣ внутренній обмѣнъ, по приобрѣтенію предметовъ не привознаго, а мѣстнаго происхожденія. Такъ напр. привозять изъ лѣсной полосы на ярмарку березовое дерево для подозьевъ и копыльевъ нарты, осиновая доски для членковъ и лиственничную сѣру для заливанія швовъ членка; чукчи привозятъ олени жилы на нитки, тюленьи и моржевые ремни для связыванія частей нарты; якуты — коровыи ремни и конскій хвостовой волосъ на сѣти, чаще всего готовыя сѣти. Въ обмѣнѣ на эти вещи идетъ пушница, олений шкуры, оленье мясо, рыба, дичь, мамонтовая кость и даже тундреная морошка, которую доставляютъ русскимъ въ Средне-камыскъ.

Тундренный тунгусъ на бѣговыхъ санкахъ.

Послѣ ярмарки на Дулбѣ, съ наступленіемъ морозовъ и времени отсутствія солнца тунгусо-юкагиры спускаются съ тундры на югъ, въ притундренную полосу края лѣсовъ, где они соприкасаются съ зимниками-юртами полярныхъ якутовъ. Тамъ они ставятъ свои кожаныя урасы и самое сѣверное дерево — лиственница доставляется имъ топливо для очага и нѣсколько защищаетъ отъ сиѣжихъ заносовъ и отъ вѣтровъ, столь безпощадныхъ на тундрѣ во время жестокихъ морозовъ. Но не смотря на постояннр поддерживаемый огонь, температура въ кожаномъ домѣ съ дымовымъ отверстиемъ немногимъ выше, чѣмъ на дворѣ. Впрочемъ за исключеніемъ стариковъ обитатели урасы проводятъ большую часть дня и даже ночи на морозѣ. Защита оленей (для чего нѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ) отъ изобилующихъ на краю лѣсовъ волковъ требуетъ постояннаго надзора за ними со стороны молодыхъ людей; женщины и подростки ставятъ зимой петли на куропатокъ, рубятъ и возятъ дрова, охотники ищутъ пescovъ и дикихъ оленей. Такъ проводятъ они время въ лѣсу, пока еще есть запасы пищи отъ осеннаго рыбнаго промысла. Часто приходится зимой сѣсть весь приплодъ, обмѣнять бѣговыхъ оленей у чукчъ на ёдемныхъ ялъ: если чукчей нѣть вблизи, сѣсть свои перевозочные средства и остаться пѣшими.

Въ апрѣль мѣсяцѣ, когда полярная весна возбуждаетъ новые надежды и вызываетъ заснувшій край къ новой жизни, тунгусо-юкагиры оставляютъ лѣса и начинаютъ двигаться на сѣверъ въ голую и глухую тундру. Бѣдные люди еще раньше уходятъ на сѣверъ, чтобы раздобыть пищу у чукачъ на морскому берегу. Еще стоять 20 и даже 30-ти градусные морозы, но это уже считается теплымъ временемъ. Солнце уже большую часть дня стоитъ надъ горизонтомъ, и непосредственный свѣтъ его лучей въ соединеніи съ ихъ яркимъ отраженіемъ на необозримомъ снѣжномъ покровѣ вызываетъ явленіе, хорошо знакомое альпійскимъ путешественникамъ и известное подъ именемъ снѣжной слѣпоты. Глаза инородца довольно хорошо переносятъ этотъ осѣпшітельный блескъ. Впрочемъ и они употребляютъ различного рода окуляры въ видѣ сѣтокъ изъ чернаго конскаго волоса, металлическихъ пластинокъ или просто кусочковъ березовой коры съ узенькими щелями для глазъ, уменьшающими силу свѣта. Время это представляетъ собой полярную весну и если промыселъ оленей удаченъ, это самое веселое время на тундрѣ.

Въ началѣ іюня, съ таяніемъ снѣговъ и вскрытиемъ рѣкъ и озеръ, сразу наступаетъ полярное лѣто. Тундра покрывается зеленовато-сѣрымъ ковромъ травъ и мховъ, но съ иоря дуютъ холодные вѣтры съ туманами, такъ что тундренныи людямъ нѣтъ необходимости менять зимнюю одежду на лѣтнюю. Они и лѣтомъ носятъ свои кафтаны изъ мохнатыхъ оленыхъ шкуръ, въ то время, какъ верхнеколымскіе юкагиры лѣтомъ одѣваются въ одежду изъ тонкой хорошо выдѣланной замши. Все лѣто тунгусо-юкагиры проводятъ далеко за краемъ лѣсовъ, но на 100—200 verstъ не доходятъ до океана. Какъ и колымскіе юкагиры, это не морскіе *) люди и съ морскими промыслами они не знакомы. Они промышляютъ рыбу въ нижнемъ теченіи Алазеи и Б. Чукочей и на озерахъ. Тамъ для тощива попадаются уже только ползучіе кустарники; иной разъ, чтобы имѣть возможность вскипятить чай, приходитсяѣхать къ морскому берегу за плавникомъ, жечь запасныя жерди урасы или старую нарту. Хотя комаровъ на сѣверной тундрѣ меньше, чѣмъ въ лѣсахъ, но они достаточно мучатъ людей и животныхъ. Чтобы избавиться отъ нихъ, разводятъ дымокуры изъ торфяныхъ кочекъ. Но въ смыслѣ питанія короткое лѣто является самымъ лучшимъ временемъ года. Такъ живутъ тунгусо-юкагиры до наступленія зимы. Потомъ они снова спускаются на югъ, въ зону лѣсовъ.

Изъ краткаго обзора материальнаго быта тундренныхъ родовъ достаточно явствуетъ, насколько онъ является смѣшаннымъ, тунгусо-юкагирскимъ или оленно-рыболовческимъ, но не мѣшааетъ указать еще на нѣкоторыя особенности этого быта. Тундренные люди употребляютъ оленя, какъ въ упряжи, такъ и подъ сѣдломъ, въ то время какъ горные ламутыѣздятъ только верхомъ, а чуки только на нартѣ. Нарта тундренна чукотскаго типа. Ураса же тундренна чисто тунгуз-

*) Здѣсь я слово морской употребляю не въ локальномъ, а въ настоящемъ его значеніи.

сбая. Она состоит изъ нижней цилиндрической части, и верхней—конической. Ни чукчи, ни верхнеколымские юкагиры таковой не ставятъ.

Еще болѣе любопытный материалъ для сужденія о смѣшаніи на тундрѣ различныхъ племенныхъ элементовъ даютъ обычай при сватовствѣ и бракѣ.

Положеніе дѣвушки въ семьѣ до замужества одинаково какъ у тундреныхъ родовъ, такъ и у верхнеколымскихъ юкагировъ. Название для дѣвушки въ языѣ есть «Мархіл», но оно не связано съ понятіемъ о невинности, а со свободой располагать собой. Дѣвушка, достигшая зрѣлого возраста, получаетъ въ урасѣ отдельный пологъ (палатка), и прѣзжай, ночуя въ урасѣ, не лишенъ права расчитывать на благосклонность свободныхъ отъ брачныхъ узъ особъ. Древне-юкагирскій обычай предписывалъ власть гостей на дѣвичью постель. Это была добрачная поландрія.

Тундренный юкагирь старикъ Ягловскій готовить для меня съ женой дорожный чукотскій зимний пологъ изъ мохнатыхъ шкуръ.

Мой переводчикъ юкагирь Долгановъ разъ при мнѣ спросилъ у старика, хозяина урасы на Коркодонѣ, у которого мы остались ночевать:— «Дѣдъ, гдѣ я спать буду? и послѣдній отвѣтилъ: «ложись съ дѣтьми». У старика были двѣ дочери дѣвушки. Въ сказкахъ встречаются разсказы, въ которыхъ глава семьи указываетъ, на чью именно постель лечь—старшей или младшей. Замѣчу, впрочемъ, что на р. Ясачной жена князца на мои разспросы по этому поводу отвѣтила, что умная дѣвушка не снимаетъ передника, если не любить гостя.

Внутри рода отношенія между полами таковы, что юноши рѣдко проводятъ ночь дома. Свободныя отношенія имѣютъ мѣсто среди самыхъ близкихъ родственниковъ, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, несмотря на запрещенія священниковъ *), и что еще болѣе удивительно, по обычаю, родные, двоюрод-

* Юкагиры все православные.

ные, троюродные и т. д. братья и сестры, т. е. каждое данное поколение группы, связанный кровным родством, не должны между собой разговаривать.

Замечу мимоходомъ, что юкагирская система родства вполнѣ похожа на системы родства американскихъ индѣйцевъ, приведенные Морганомъ. Старши-

Левко-Енисейские калмыки отца.
Фото по К. А. Тимирязева.

брать матери называется дѣдомъ, а старший братъ отца называется «большимъ отцемъ». Не смотря на эндогамический характерь брака, обычай не говорить между собой распространяется въ системѣ родства на три группы родственниковъ. Первая группа погольпѣ обнимаеть отца, мать, и старшихъ братьевъ женщины по отношению къ ея мужу и обратно. Вторая группа ніальпѣ обнимаеть отца, мать, старшихъ братьевъ мужчины по отношению къ его женѣ и обратно. Третью группу амджапул составляютъ братья и сестры въ прямой, т. е. родные, и

во всѣхъ боковыхъ линіяхъ т. е. все данное поколѣніе рода *). Эта обычай называется нехійнчи — «взаимно стѣсняются» и очевидно предупреждалъ половые сношения среди известныхъ степеней родства, а между тѣмъ сожительство двоюродныхъ братьевъ и сестеръ не считается за грѣхъ. Интересную юкагирскую семью я видѣлъ на р. Коркодонѣ. Эта самая большая и уважаемая семья. Мужъ и жена — двоюродные братъ и сестра, старики 70—75 лѣтъ. Они говорятъ между собою во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Дѣти считаются незаконными. Старики много разъ обращался съ просьбой, чтобы его обвинчали. Когда я готовился въ 1896 г. фхать съ р. Ясачной на р. Коркодонъ, старики этотъ, по приказанію верхнекамыжского священника, долженъ былъ оставить семью и жить на р. Ясачной у чужихъ. Но, за отсутствиемъ другихъ опытныхъ проводниковъ, я долженъ былъ его взять съ собой и такимъ образомъ онъ могъ увидѣться со своей семьей.

На тундрѣ тѣ же самыя отношенія къ дѣвушкѣ, какъ въ верховьяхъ р. Колымы.

Весьма характерный отвѣтъ я получилъ отъ одного старика Бетильского рода, имѣющаго взрослыхъ дочерей, на мой вопросъ, какъ они смотрять на свободныя сношения молодыхъ людей. «Это не считаемъ за грѣхъ, сказалъ онъ, отецъ дѣвушки не сердится, ибо она сама согласилась. Если парень не нравится отцу, то онъ про себя будетъ недоволенъ, замужъ не дастъ, но ничего не скажетъ, не станетъ ругаться, чтобы дитя свое не конфузить». Вообще родители и др. родственники дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ночныхъ посѣщеній полога дѣвушки молодыми людьми. Но свобода дѣвушки не исключаетъ ся съ стороны предпочтенія того или другого лица, т. е. настоящей любви. Такая связь кончается бракомъ, если родѣніе невѣсты нравится жениху. Женихъ разумѣется является посѣтителемъ полога невѣсты задолго до начала сватовства. Это — периодъ испытанія, насколько прочна привязанность молодыхъ людей. Неофиціальное положеніе жениха весьма часто легализуется услугами и подарками, которые онъ доставляетъ отцу или другимъ старшимъ родственникамъ невѣсты. Женихъ дровъ привезетъ или доставить результатъ своего промысла: рыбу, оленя, пещца и т. д., и отецъ невѣсты принимаетъ приношенія молча, не показывая никакого вида, что онъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Такія услуги разсматриваются на тундрѣ, какъ начало выкупа (уоленгъ — цѣна) и называются ханджай, а у юкагировъ, какъ начало отработки (эймэ). Эти услуги впрочемъ ни къ чему не обязываютъ обѣ стороны. Завязанныя отношенія могутъ прекратиться безъ всякаго ущерба для чести невѣсты. Благоволеніе же отца невѣсты къ услугамъ жениха рассматривается, какъ моментъ благопріятный для начала сватовства.

Начиная съ сватовства и кончая свадьбой, мы уже видимъ въ обычаяхъ тундренныхъ родовъ рядомъ съ юкагирскими и тунгусскими обычаями, значительно

* Полную таблицу системы родства юкагировъ на обоихъ нарѣчіяхъ я помѣстилъ въ печатающихся материалахъ по юкагирскому языку и фольклору. См. прим. стр. 2.

измѣняющіе архаический строй юкагирскихъ семейныхъ отношеній. Для удобства сравненія я предварительно приведу главные моменты въ юкагирской сватовствѣ и бракѣ.

Согласно преданіямъ, надо думать, что сватовство у юкагировъ есть институтъ позднѣйшаго времени, заимствованный у пришлыхъ племенъ, пріобрѣтающихъ невѣсту куплей, а также у русскихъ. Въ старину, разсказываютъ,

Чукча съ женой юкагиркой въ чукотскомъ костюмѣ.

молодой человѣкъ устраивалъ свои дѣла безъ чьего либо посредства. Женихъ или скорѣе супругъ-экстернъ, желая сдѣлаться супругомъ-интерномъ, три дня кололъ дрова передъ урасой тестя, накладывая кучу выше его жилища. На четвертый день послѣдній начиналъ пользоваться дровами, если желалъ принять зятя. Тогда женихъ ночью, какъ обыкновенно, приходилъ въ пологъ невѣсты, но приносилъ уже съ собой свой лукъ и колчанъ со стрѣлами, ставилъ ихъ на видномъ мѣстѣ и утромъ оставался въ домѣ тестя, точно старый членъ. Такимъ образомъ юкагирскій бракъ отличается полнымъ отсутствиемъ какихъ либо свадебныхъ церемоній; я конечно не говорю о церковномъ обрядѣ, совершающемся *post factum*. И теперь женихъ, сватовство котораго принято, является

ночью къ невѣстѣ и утромъ остается у тестя, ничего не принося съ собой, кроме одного кремневаго ружья, ибо говорить юкагиры, онъ приходитъ на «готовое ложе». Онъ у жены находить также новый костюмъ, сю для него сшитый. Любопытно также, что рыболовныя снасти должны быть у невѣсты, хотя сѣти ставить мушки. Только охотничье оружіе приноситъ женихъ. Но со дня вступленія въ домъ невѣсты ея отецъ или старшій братъ перестаютъ обращаться къ зятю прямо, а во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Въ такой формѣ старикъ говоритъ: «На такой то рѣкѣ ловушки не насторожены», ни къ кому не обращаясь, и зять идеть ихъ сторожить или тесть скажетъ: «Сѣти надо бы посмотреть», и зять идеть смотрѣть сѣти.

Изъ записанного мной на р. Ясачной образца юкагирскаго сватовства, я укажу наиболѣе интересныя мѣста. Сватовство рѣдко кончается въ одинъ день. Свать обыкновенно много разъ ходить и уходить съ отвѣтомъ отца невѣсты или старшаго брата, чтобы «ихъ такими рѣчами не встрѣчали». Бываетъ, что родня невѣсты тянетъ нѣсколько лѣтъ, испытывая солидность привязанности жениха или его усердіе на охотѣ, или просто по капризу, потому что такъ принято. Въ первый разъ свать, предлагая союзъ, отъ имени родныхъ жениха просить родню невѣсты сидѣть «у тепла одного очага». Самое характерное и интересное мѣсто въ рѣчахъ свата—слѣдующія слова его, обращенные къ родителямъ невѣсты послѣ ихъ обычнаго первоначального отказа: «Отецъ — пать! моего юношу-сироту къ огню вашего очага отчего не пускаете?» въ каковыхъ словахъ выражается просьба пріобщить жениха къ культу предковъ семьи невѣсты, культу чрезвычайно развитому у юкагировъ. Затѣмъ интересенъ отвѣтъ на это отца невѣсты: «мои люди, моя родня какія слова изрекутъ, я не знаю», указывающій на участіе всего рода въ решеніи вопроса, принять ли въ домъ зятя. Наконецъ, отецъ невѣсты даетъ согласіе, но ставить условіе, что женихъ во всю жизнь не долженъ оставлять его дома. Вообще поселеніе жениха въ домѣ тестя является правиломъ, но и теперь и въ старину бывали исключенія. Напр., если въ семье и безъ зятя достаточно мужчинъ промышленниковъ, то по истечении нѣсколькихъ лѣтъ его отпускаютъ съ женой въ его родъ, или двѣ семьи, по соглашенію, мѣняются дѣвушками, вѣсто того, чтобы зятя переходили изъ дома въ домъ.

Обратившись къ сватовству и браку тундренныхъ родовъ, мы увидимъ, насколько въ нихъ тунгускій элементъ уже смѣшанъ съ юкагирскимъ. Какъ изъ верхнеколымскаго сватовства, я и изъ записанного мной текста сватовства на

Тундренныя тунгуски
въ тунгусскомъ въ чукотскомъ
костюмѣ. костюмѣ.

тундрѣ обращу вниманіе на самыя интересныя мѣста. Женихъ былъ богатый старикъ вдовецъ, а невѣста молодая дѣвушка, любившая уже одного бѣднаго юношу. Это была цѣлая драма. Ее не заставляли выходить за старика, но было оказано нравственное давленіе такъ же тонко, какъ у культурныхъ людей, такъ что подчиненіе обычаю и желанію родни подавило голось сердца.

Духъ рѣчей свата и родственниковъ невѣсты — говорить о вещахъ не прямо, а намеками и аллегоріями — чисто юкагирскій, но содержаніе ихъ уже иное. Сватъ тоже долго ходилъ, пока получилъ согласіе, хотя родня невѣсты очень желала богатаго жениха. На тундрѣ сватъ получаетъ отъ жениха за труды олена, который называется армэтунгель, что значитъ «на починку подошвъ», ибо свату иной разъ приходится не одну пару обуви износить, пока получаетъ согласіе.

Въ тундренномъ сватовствѣ отсутствуетъ самое существенное изъ юкагирскаго сватовства — обращеніе свата къ роднѣ невѣсты о допущеніи жениха къ огню ихъ очага, ибо не женихъ переходить въ домъ невѣсты, а послѣдняя покушается и переходитъ въ домъ родни жениха т. е. материнскій строй семьи рыболововъ-охотниковъ — юкагировъ перешелъ въ патріархально-родовой — тунгусовъ-оленеводовъ. Чтобъ характеръ юкагирскаго матріархата не былъ должно понять, необходимо прибавить, что въ обоихъ типахъ семьи значение мужчины почти одинаково. И въ юкагирской семье, въ которой кровное родство ведется по женской линии, авторитетомъ пользуется, за исключениемъ хозяйственной сферы, старшій мужчина — дѣдъ или старшій братъ матери. Наконецъ, пришлый зять, причисленный къ семье обрядомъ пріобщенія къ семейному культу, становится домоправителемъ, если въ семье нѣтъ старше его мужчинъ.

Какъ на тунгузское влияніе, надо также смотрѣть на усиленіе значенія рода въ дѣлѣ отдачи замужъ дѣвушки. Когда сватъ приходитъ, приглашаются все родственники невѣсты, и сватъ обращается не къ однимъ ея родителямъ, а ко всему роду, и согласіе является результатомъ общаго соглашенія всѣхъ родственниковъ. Основой, какъ материнской семьи юкагировъ, такъ и патріархального рода тунгусовъ, одинаково служитъ кровное родство, въ первой по женской линии, во второмъ по мужской. Но хотя въ материнской семье кровное родство наложне, патріархальный родъ тѣмъ не менѣе дисциплинированѣе.

Но вотъ сватъ истощилъ все свое краснорѣчіе и терпѣніе и получаетъ все-таки отказъ; тогда онъ является съ оленемъ и со шкурой лисицы, песца или болѣе цѣннаго мяча и говорить, что это онъ даритъ родственникамъ невѣсты, чтобы открыть у нихъ ротъ. Это обычай какъ тунгузскій, такъ и якутскій, но не юкагирскій. Наконецъ сватъ получаетъ согласіе. Тогда начинаются переговоры о количествѣ калыма, о чемъ въ собственно-юкагирскомъ сватовствѣ не можетъ быть и рѣчи. Но съ другой стороны, какъ на остатокъ юкагирскаго семейнаго строя надо смотрѣть на роль старшаго брата невѣсты, къ которому въ извѣстномъ мнѣ сватовствѣ отецъ обратился за совѣтомъ, и на рѣшающее значеніе словъ матери, сказавшей, чтобы свата больше не

мучили. Кромъ того, какъ пережитокъ обычая перехода жениха въ домъ тестя, рядомъ съ выкупомъ, остался на тундрѣ обычай отслуживанія. Обыкновенно невѣста не сейчасъ переходить въ семью жениха, а послѣдній послѣ удачнаго исхода сватовства, нѣсколько лѣтъ служить у родныхъ невѣсты. Срокъ службы не бываетъ больше 7 лѣтъ, и тесть довольный зятемъ работникомъ, обыкновенно сбавляетъ количество оленей условленнаго выкупа и увеличиваетъ приданое.

Тундренная свадьба, т. е. переходъ невѣсты въ домъ родителей, бѣдна обрядами, но, по сравненію съ отсутствиемъ въ юкагирскомъ бракѣ какихъ бы

Тундренная свадьба.

то ни было свадебныхъ празднествъ, она является торжественнымъ моментомъ въ однообразной жизни полярного кочевника. Разумѣется свадебныя дѣйствія въ этомъ торжествѣ не юкагирскаго происхожденія. Главнымъ образомъ они принесены тунгусами, но символическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь, при измѣненіи условій брака, потеряло уже всякий смыслъ. Кромъ того на то или другое дѣйствіе очевидно повліяли съ одной стороны якутскіе, съ другой—чукотскіе обычай. Укажу вкратцѣ на главные моменты свадьбы. Передъ переходомъ невѣсты изъ родительского дома въ домъ жениха, родня послѣдняго прикачивается со своимъ стойбищемъ близко къ стойбищу родни невѣсты. За невѣстой отправляется одна только сваха—жена свата. Отецъ невѣсты вѣстѣеть съ другими родственниками тогда ловять оленей, назначенныхъ для приданаго и запрягаютъ ихъ въ нарты, а женщины укладываютъ на нихъ одежду, хозяйственныя вещи, принадлежности женскихъ работъ и постель. Сверху кладутъ подарки для родственниковъ жениха. Потомъ отецъ невѣсты колетъ оленя, и при переодѣваніи невѣсты, ей мажутъ свѣжей кровью всѣ суставы. Этотъ обрядъ называется меріашумъ т. е. вымыwanie или помазаніе. Наружно онъ походитъ

на помазаніе невѣсты жертвенною кровью у чукочъ, но у нихъ это дѣлаютъ въ домѣ родителей жениха, при пріемѣ невѣсты какъ обрядъ пріобщенія ея къ новому семейному культу. Тутъ надо полагать это имѣеть значеніе отлученія ея отъ семейнаго культа родителей. Послѣ этого невѣstu передаютъ въ руки свахи, она сажаетъ ее на первую нарту, къ которой привязаны все остальные и пѣшкомъ уводить поѣздъ къ стойбищу жениха. При отправленіи поѣзда, родственники невѣсты стрѣляютъ изъ ружей холостыми зарядами, чтобы прострѣлить глаза злыжъ дьяволовъ, и возвращаются въ урасу. Подѣхавъ къ урасѣ родителей жениха, сваха три раза обводить по солнцу кругомъ дома поѣздъ, отпускаетъ оленей къ стаду, вымазавъ ихъ рога краской изъ отвара ольховой коры, какъ это дѣлаютъ чуки, и ставить нарты полуокругомъ у того мѣста урасы, гдѣ внутри помѣстятъ постель невѣсты. Изъ урасы никто не выходитъ на встрѣчу, только молодая девушка поднимаетъ шкуру, служащую дверью, и пропускаетъ въ урасу сваху, ведущую невѣstu за руку. Тутъ невѣста кланяется всѣмъ родственникамъ жениха и ставить на очагъ, какъ будущая его жрица, нѣсколько полѣньевъ, а сваха заносить и раздаетъ роднѣ жениха подарки. Затѣмъ женихъ со сватомъ, въ сопровожденіи молодыхъ людей, берутъ оленей, назначенныхъ для выкупа и отправляются къ отцу невѣсты. Въ доставленіи выкупа участвуютъ всѣ родственники жениха, какъ въ снаряженіи приданаго всѣ родственники невѣсты. Отецъ невѣсты, принявъ выкупъ, раздаетъ по оленю родственникамъ, а остальныхъ пускаетъ въ свое стадо. Женихъ со сватомъ, по возвращеніи домой, заявляютъ, что выкупъ принять. Тогда хозяинъ посыпаетъ свата просить родню невѣсты на свадебный пиръ. Во время пиршства женихъ и невѣста отдѣляются за отдѣльный отъ другихъ гостей столъ т. е. имъ кладутъ на шкуры, на которыхъ они сидѣть, отдѣльную доску. Послѣ угощенія раздаются подарки родственникамъ невѣсты.

При описаніи свататовства я уже указалъ, какое значеніе имѣютъ всѣ кровные родственники въ решеніи вопроса о выдачѣ замужъ. Тоже самое мы замѣчаемъ и въ свадебныхъ обычаяхъ. Какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты всѣ родственники участвуютъ въ доставленіи предметовъ для подарковъ, оленей для выкупа и для приданаго. Это весьма характерный признакъ для общественныхъ отношеній, основанныхъ на единствѣ крови и обнимаемыхъ понятіемъ родового быта. Остальная свадебная дѣйствія ужъ не такъ легко объяснить, и то, что могло бы хоть символически указать на прежній обычай умыканія, приписываемаго тунгусамъ, потерялъ теперь всякой смыслъ, ибо, если раньше у пришлыхъ на тундрѣ тунгусовъ, какъ у другихъ вѣтвей тунгусскаго племени, преобладалъ экзогамический бракъ, то теперь подъ юкагирскимъ влияніемъ бракъ сдѣлся преимущественно эндогамическимъ. Значительная часть замужнихъ женщинъ на тундрѣ не только одного рода съ мужемъ, но нерѣдко носить одну и ту же фамилію, что указываетъ на кровное родство. Изъ опроса мной 41 замужнихъ женщинъ Бетильского рода оказалось, что 20 изъ нихъ происходятъ изъ того же рода, а 21 распределены между ламутками, юкагир-

ками и чукчанками. Впрочемъ, только одно свадебное дѣйствіе—обмѣнъ подарками, символически можетъ еще представлять мировую, но мы почти ужъ не видимъ другихъ пережитковъ похищенія. За невѣстой приходитъ одна сваха, а не вооруженный поѣздъ родственниковъ жениха, какъ у якутовъ, родственники невѣсты стрѣляютъ въ злыхъ духовъ, а не въ похитителей, подарки даютъ

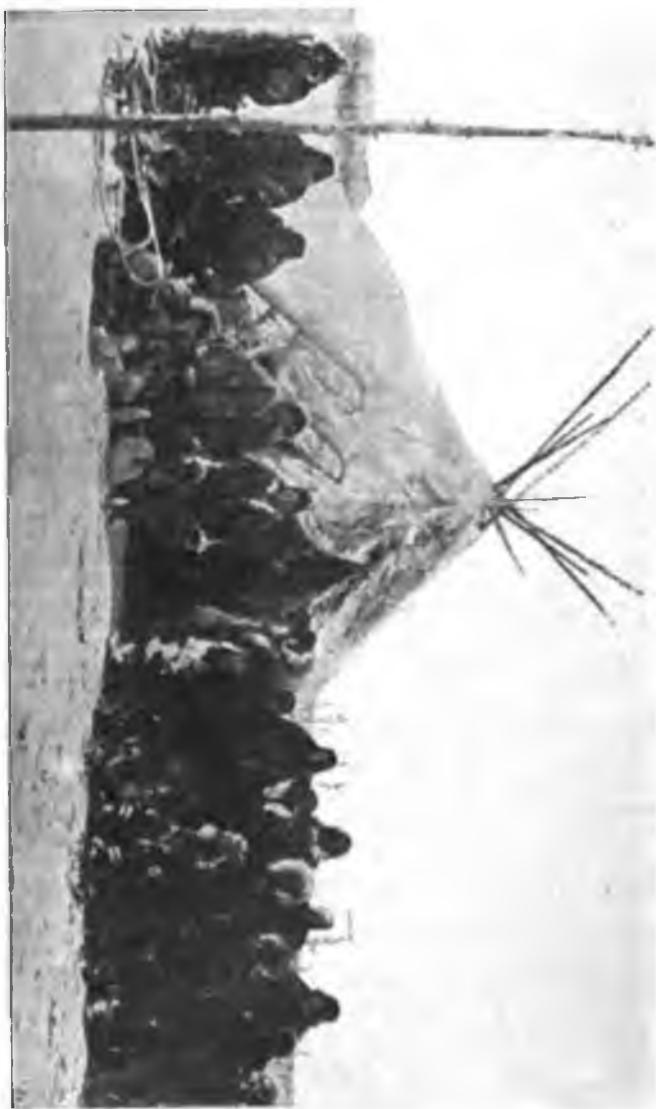

Почтѣ на свѣту на берегу р. Коркодона (см. статью: «По пр. Ясной и Коркодону»).

раньше родственники невѣсты, а калымъ посыпается родней жениха послѣ того, какъ свѣтѣй доставлена имъ невѣста съ приданымъ. Въ якутскомъ бракѣ, въ которомъ есть много слѣдовъ прежняго умыканія, раньше выплачивается калымъ, а потомъ невѣста переходить въ домъ жениха. Отдѣленіе же молодыхъ за особый столъ сближаетъ тундренную свадьбу съ якутской, указывая на подчиненную

роль вступающихъ въ бракъ по отношенію къ группѣ лицъ, связанныхъ единстvомъ крови. Калымъ, какъ вознагражденіе за убытки роду невѣсты, тоже фактически не существуетъ, ибо отецъ невѣсты и ея родственники тратятъ обыкновенно на приданое больше, чѣмъ калымъ стоитъ. Кромѣ того молодые черезъ годъ послѣ свадьбы обѣзжаютъ родственниковъ невѣсты и получаютъ

Иркутскіе чумчи и плахъ, жилище.

назадъ оленей, доставшихся имъ изъ калыма. Этотъ обычай такъ и называется нятмар мэнга т. е. обратно взяли.

Мы видѣли, что во всѣхъ сферахъ тунгусо-юкагирскихъ взаимовліяній въ отношеніи къ языку, быту, обычаямъ и т. д. мы имѣемъ два элемента, изъ которыхъ преобладаетъ юкагирскій, только въ физическомъ типѣ и въ брачныхъ обычаяхъ тунгузскій элементъ выступаетъ рѣзче. Объюкагиреніе же полярнаго

осколка тунгусского племени во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тѣмъ болѣе достойно вниманія, что культура юкагирского племени примитивнѣе, архаичнѣе тунгусской. Если на Ленѣ, Янѣ, въ Туруханскомъ краѣ *) тунгусы ассимилировались съ якутами, то общественная организація и материальная и духовная культура послѣднихъ выше тунгусскихъ, здѣсь же ассимиляція тунгусовъ является пониженіемъ ихъ культурного типа.

Что касается религіозныхъ воззрѣній, то скажу только въ общемъ, что, несмотря на сходство шаманскихъ религій вообще, очень легко опозитъ, что духъ юкагирскихъ вѣрованій взялъ верхъ. Особенно интересенъ кульпъ предковъ, получившій у юкагировъ свое высшее развитіе. Недавнее поклоненіе черепу умершаго представителя рода еще живеть въ памяти тундренныхъ обитателей. Мало того, даже къ западу отъ Индигирки, тамъ гдѣ юкагирскіе роды обламутѣли по языку, мы встрѣчаемъ совершенно юкагирскій характеръ вѣрованій.

Даже на р. Янѣ, гдѣ юкагиры успѣли подвергнуться вторичной ассимиляціи, гдѣ они послѣ того какъ обламутились, теперь, вмѣстѣ съ ламутами, вполнѣ ассимилировались съ якутами, еще сохранились преданія о чисто юкагирскомъ кульпъ предковъ. Я записалъ тамъ тѣжѣ разсказы, какіе мнѣ были записаны въ верховьяхъ Колымы, на 2500—3000 верстъ къ юго-востоку отъ Яны. Согласно этимъ преданіямъ, умершаго шамана или представителя рода анатомировали люди, одѣты въ маскахъ и перчаткахъ, чтобы лицо ихъ не видѣло тѣла покойнаго и голыя руки не прикасались къ нему, потомъ при помощи крючковъ и костяныхъ ножей они снимали и счищали съ костей мясо. Послѣднее валили на солнцѣ, чтобы оно не гнило и клали въ гробницы, поставленныя на высокихъ деревьяхъ или столбахъ, или вмѣстѣ съ собачими жертвами оставляли въ тальничной урасѣ, а кости дѣлили между всѣми членами рода, носившими ихъ съ собой, какъ амулеты, и вопрошавшими ихъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. Черепъ же получалъ старшій въ родѣ. Поставленному на деревянный чурбанъ и одѣтому въ лучшую одежду, черепу воздавали божескія почести, приносили жертвы и называли хоіль т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ нынѣ называютъ христіанскаго Бога **). Въ устьѣ Яны мнѣ передавали, что тамъ и засушеное мясо покойниковъ носили въ кожаныхъ мѣшочкахъ въ качествѣ амулетовъ. Устьянскій священникъ мнѣ говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще нашелъ такой амулетъ у одного омолойскаго юкагира.

*) Я полагаю, что Долгане тоже объякутѣвшіе тунгусы или якуто-тунгусские метисы.

**) Весьма интересно указать на то, что, вскрывал и препарируя покойниковъ, юкагиры сдѣливались хорошими анатомами. Они знали всѣ кости скелета, положеніе внутреннихъ органовъ и въ извѣстной степени ихъ отиравленія. Мало того по названіямъ въ языкахъ кровеносныхъ сосудовъ и сердца можно было бы подумать, что, если древніе юкагиры не предупредили открытие Гарвея, то по крайней мѣрѣ имъ было знакомо, что кровь движется по тѣлу и направляется отъ сердца по сосудамъ. Кровеносные сосуды юкагиры называютъ лапун-чугу т. е. кровавыя дороги и артеріи въ отличие отъ вены называютъ йджун-лапун-чугу, т. е. живая кровяная дорога. Сердце же они называютъ чугоджъ или чубоджъ, что означаетъ—бѣгъ, движение или—я бысъ, я лнгигаю. Выводится пульсъ—яку-чуболжа т. е. маленько сердце.

Чтобы закончить свой докладъ о бродячихъ родахъ тундры необходимо, прибавить кое что объ ихъ отношеніяхъ съ одной стороны къ якутамъ, съ другой къ чукчамъ. Духовное влияніе якутовъ на эти роды выражается въ томъ, что по якутски они все говорять, какъ по юкагирски. Въ Якутской области якутскій языкъ является международнымъ языкомъ. Но физически якуты рѣдко смѣшиваются съ тундренными людьми. Въ числѣ замужнихъ женщинъ на тундрѣ я не нашелъ ни одной якутки точно также якуты рѣдко берутъ тундренныхъ девушекъ.

Чукча съ чукчанкой съ восточного берега р. Колымы.

На сѣверѣ Колымского округа якуты, какъ ни жалка ихъ жизнь, все-таки сохранили сознаніе своего культурнаго превосходства надъ бродячими племенами. Есть нѣсколько примѣровъ, что тундренные бродячие люди поселились въ лѣсу около якутовъ и обзавелись скотомъ, но я не знаю примѣра, чтобы якутъ совершенно вышелъ на тундру—куда между прочимъ отдѣльные промышленники выходятъ зимой для промысла песцовъ и лѣтомъ—озерныхъ рыбъ.—и зажили бродячей жизнью юкагиро-тунгуса. Обладаніе известнымъ количествомъ оленей, которыхъ нѣкоторые богатые якуты Колымского округа держать для содержания почтовыхъ станцій, или для перевозки клади купцовъ, нисколько не мѣняетъ ихъ образа жизни. Пастухами къ оленямъ у нихъ служать главныши образомъ тунгусы. Другое дѣло якуты сѣвера Верхоянского округа между Ин-

дигиркой и леною. Тамъ они лишились рогатаго скота, сдѣлались оленеводами или, по близости отъ моря, собаководами, но надо замѣтить, что они выработали тамъ своеобразный типъ оленеводства. Вернувшись къ Колымскимъ якутамъ, мы съ другой стороны можемъ утверждать, что не только климатическія условія повлияли на измѣненіе типа хозяйства, сравнительно съ хозяйственнымъ бы-

Хозяйство якут-оленевода въ инозылыхъ р. Лены

томъ южныхъ якутовъ, но что, несмотря на ихъ способность ассимилировать другія племена, сами они не ушли отъ вліянія древнихъ обитателей края, юкагировъ. И ихъ обычай и вѣрованія получили во многихъ отношеніяхъ юкагирскую окраску. Приведу два примѣра. Изъ литературы о якутахъ извѣстенъ эзогамический характеръ ихъ брака, а у притундренныхъ якутовъ, по собрал-

нымъ мной даннымъ, большинство браковъ совершаются не только внутри наслега (административная единица, обнимающая большее или меньшее количество родовъ), но и между однофамильцами, что указываетъ на ихъ кровное родство. Большинство притундренныхъ якутовъ не знало названія рода, отъ которого они происходятъ. Вопросъ этотъ ихъ теперь уже не интересуетъ. Только по архивнымъ бумагамъ старыхъ ревизскихъ сказокъ, я собралъ свѣдѣнія о количествѣ родовъ въ каждомъ наслегѣ, объ ихъ названіяхъ и о томъ, изъ какого именно рода происходить опрошенные мной якуты. Этимъ объясняется, почему г. Сѣрошевскій въ своемъ трудѣ о якутахъ для полярныхъ якутовъ сливъ понятіе наслегъ и родъ, отмѣтивъ въ каждомъ наслегѣ только одинъ родъ. Нерѣдки также тамъ сожительства въ такихъ степеняхъ родства, которыя не могутъ быть освящены церковью.

Якутки края лѣсовъ въ праздничныхъ костюмахъ.

Другой примѣръ возьмемъ изъ религіозныхъ воззрѣй. Въ этнографии известенъ мрачный характеръ якутской демонологіи. У якутовъ не только различные демоны (абасы) по природѣ Ѳдятъ людей, причиняютъ имъ болѣзнь и смерть, но и души умершихъ родственниковъ, главнымъ образомъ шамановъ, превращаются послѣ смерти нерѣдко въ демоновъ, именуемыхъ үрѣами, пи-

тающихся человеческими душами. Поэтому якуты питают такой страхъ передъ всмъ тѣмъ, что имѣть отношеніе къ покойнику, и посѣщеніе его духомъ жилицъ считается нежелательнымъ и опаснымъ. Другое дѣло у юкагировъ. Ихъ демонологія мягче. Души покойниковъ добрые благодѣтельные геніи для рода. Тѣни предковъ живутъ въ подземномъ царствѣ тѣней (Аїбідзі) настоящей идеальной жизнью. Переправляются души въ царство тѣней черезъ рѣку, на которой стоитъ готовый челночъ, но безъ лодочника Харона. Только входъ въ подземное царство охраняется старухой съ собачкой. Въ царствѣ тѣней души живутъ родами точно также, какъ на землѣ ихъ живые родственники; тѣни вновь умершихъ присоединяются къ душамъ своихъ предковъ. Тѣни ведутъ такой же образъ жизни, какъ ихъ надземные родственники, но промышляютъ не материальныхъ оленей, лосей и рыбъ, а тѣни послѣднихъ. Тѣни умершихъ родственниковъ несутъ заботу о живыхъ. Между живущими и мертвыми членами рода существуетъ постоянная связь, отъ которой зависитъ самая жизнь и питаніе живущихъ, ибо прежде чѣмъ материальный человѣкъ убываетъ лося или оленя, духъ его родственника предварительно долженъ убить тѣнь обреченного на смерть животнаго, иначе оно не дастся охотнику. Тѣни умершихъ являются покровителями рода, и входъ тѣни умершаго въ новорожденного считается особымъ благоволеніемъ и счастіемъ для ребенка. По большей части въ новорожденныхъ входятъ не случайныя души, а возобновляющія земную жизнь тѣни умершихъ родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ ребенокъ наружно похожъ на умершаго родственника, и когда онъ начинаетъ говорить, онъ прежде всего объявляетъ, какая душа въ немъ поселилась. Въ старину тогда только ребенокъ получалъ имя, и именно имя умершаго родственника. Теперь же дѣти получаютъ имена при крещеніи, но крестное имя съ моментомъ установления личности тѣни, поселившейся въ ребенкѣ, замѣняется именемъ этой тѣни. Поэтому многіе юкагиры, которыхъ зовутъ Иванами, Петрами, записаны въ метрикахъ Михаилами, Васильями. Этотъ же обычай заимствовали отъ юкагировъ и колымчане русскіе, но что еще интереснѣе, я нашелъ его у якутовъ. Ночуя разъ у князца Кангаласскаго наслега, я былъ удивленъ тѣмъ, что онъ назвалъ своего сына Уйбанъ (Иванъ). Изъ переписи я зналъ, что мальчикъ числится Павломъ (Байбалъ). «Почему ты зовешь сына чужимъ именемъ?», спросилъ я его. «Э, отвѣтилъ онъ, это имя нашего родственника, умершаго въ осенний годъ». Оказалось, что способность рѣчи открылась у ребенка слѣдующимъ монологомъ: «Много насть было на Джаргатахѣ (урочище въ притундренной полосѣ), все умерли и только на одной лошади уѣхали». Такъ говорила въ немъ поселившаяся душа родственника «уру – кута».

Дѣло тутъ было въ томъ, что въ оспу 1884 г. умеръ ихъ родственникъ Иванъ, состоятельный якутъ, на его могилѣ закололи по обычаю коня. Въ это же время умерло нѣсколько бѣдныхъ якутовъ, на могилѣ которыхъ не были заколоты лошади. Такимъ образомъ все бѣдныя души усопшихъ должны были

совершить трудный и утомительный путь въ подземное царство на тѣни одной только лошади.

Обратившись теперь къ чукчамъ, мы увидимъ, что ихъ отношенія къ тундренныхъ родамъ интереснѣе якутскихъ и связь ихъ съ ними древнѣе.

Якутскіе рыбаки края Яконы, выжутъ изъ конопли и соломы, для тундровыхъ родовъ.

У бродячихъ родовъ западной тундры сохранилось не мало преданій о древнемъ пребываніи чукочъ къ западу отъ Колымы: на это указываетъ также название рѣки Большой Чукочей.

Согласно упомянутымъ же преданіямъ, Алai, т. е. тундренные юкагиры, воевали съ чукчами, между тѣмъ, какъ у обруссѣвшихъ Омолонскихъ, такъ и у Верхнеколымскихъ юкагировъ я записалъ вполнѣ тождественные преданія о томъ, что юкагиры съ чукчами не воевали, ибо считались родными братьями, послѣ взаимного убийства которыхъ солнце должно было померкнуть. Имеются

ва тундрѣ и материальныя указания на древнее пребываніе тамъ оленного племени — въ остаткахъ жертвенныхъ кучъ оленевыхъ роговъ, складываемыхъ чукчами въ весенний праздникъ роговъ и на могильникахъ; бродачіе жители тундры приписываютъ ихъ чукчамъ, но г. Богоразъ полагаетъ, что это есть слѣды вымершаго племени чааченовъ, служившаго связывающимъ звеномъ между двумя древними племенами края, собаководами юкагирами и оленеводами чукчами. Но кто бы ни были древніе оленные люди тундры, въ новѣйшее время чукчи впервые появились къ востоку отъ Колымы недавно. По даннымъ, почерпнутыхъ мной въ Нижнеколымскомъ архивѣ, въ первый разъ чукчи обратились съ просьбой позволить имъ перейти со стадами на лѣвый берегъ Колымы къ ревизовавшему округъ чиновнику Шевелеву въ 1857 г. Тогда же нѣкоторые чукчи были привлечены къ платежу ясака. Баронъ Майдель приписываетъ себѣ починъ въ дѣлѣ перехода на западный берегъ Колымы и первой попытки обложенія чукочъ, что относится къ 1869 г. Какъ бы то ни было, чукчи, съ вѣдома представителей русской власти, появились на западной тундрѣ въ началѣ второй половины текущаго столѣтія.

Въ 70-хъ годахъ вся тундра была полна чукотскими стойбищами. Многие чукчи перешли р. Алазею и появились не далеко отъ Индигирки, уже въ предѣлахъ Верхоянского округа. Надо замѣтить, что совершенно неправильно считаются р. Алазею границей между Колымскимъ и Верхоянскимъ округами. Не говоря уже о чукчахъ, значительная часть Колымскихъ якутовъ живетъ къ западу отъ р. Алазеи. Осень 1884 года скосила около половины чукочъ западной тундры. Многие изъ богатыхъ чукочъ обѣдились, оставшись почти безъ оленей. Съ одной стороны ихъ обѣдали вѣчно голодные тунгусы и юкагиры, а съ другой стороны разоряли русскіе и якутскіе торговцы водкой и другими соблазнами. Многие чукчи поэтому поспѣшили убраться отъ новыхъ друзей назадъ, къ востоку отъ Колымы. Во время моего проѣзда по тундрѣ съ Колымы на Индигирку около 30-ти чукотскихъ лагерей были главнымъ образомъ расположены на морскомъ берегу въ устьяхъ всѣхъ рекъ къ западу отъ Колымы до Шадрана. Это оленные люди, но зимой промышляютъ также тюленей. За отсутствіемъ лѣса они пользуются для топлива плавникомъ. Нѣкоторое количество чукотскихъ лагерей тундры откочевываютъ на зиму къ лѣсамъ восточного берега Колымы, около устья Омолона. Три чукотскихъ стойбища я во время своего проѣзда засталъ на среднемъ течении Алазеи, а 9 лагерей на р. Іерченъ, притокѣ Индигирки. Къ западу отъ Колымы это самые богатые чукчи, обладатели стадъ въ 3000—5000 оленей. Это также самые западные чукчи. Зимой они живутъ въ долинѣ реки Іерченъ, недалеко отъ устья которого начинается лѣсъ, а лѣтомъ поднимаются къ сѣверу, въ сторону Шадрана и Алазеи. Между стойбищами Іерченскихъ чукочъ и послѣдними жительствами якутовъ Колымского округа съ одной стороны и якутскими семействами на Индигиркѣ съ другой, лежитъ необитаемая гористая тундра разстояніемъ съ обѣихъ сторонъ въ 200—250 верстъ. Путь къ этимъ чукчамъ ле-

житъ какъ со стороны Алазеи, такъ и со стороны Индигирки по отрогамъ хребта, который служить водораздѣломъ этихъ рѣкъ и главная ось котораго

Типы чукочъ съ рѣки Йерченъ (профиль).

тянется діагональю между среднимъ течениемъ Индигирки и нижнимъ Алазеи. Мѣстность состоять изъ голыхъ отроговъ, лишенныхъ растительности. Только

Типы чукочъ съ рѣки Йерченъ (фасъ).

на иѣкоторыхъ сопкахъ и по берегамъ рѣчекъ торчатъ одиноко отдельныя уродливыя лиственницы. Дороги иѣть, ибо тамъ господствуютъ постоянные вѣтры,

которые заносят всякий слѣдъ. Безъ опытнаго проводника тамъѣхать не со-вѣтуютъ. По хребтамъ легко заблудиться, а когда настигаетъ шурга, то при-ходится лежать подъ снѣжнымъ заносомъ, пока она не прекратится. Все это нисколько не мѣшаетъ пилигримству со всѣхъ сторонъ юкагировъ, тунгусовъ и ламутовъ къ чукотскимъ оленямъ. Кругомъ чукотскихъ стойбищъ раскинуты жалкіе кожаные шатры голоднаго бродячаго люда, выжидавшаго подачекъ, выпрашивающаго въ долгъ оленѣаго мяса или предлагающаго себѧ въ паствуhi. Съ самыхъ верховьевъ Индигирки приходятъ «каменные» ламуты, чтобы сдѣ-латься паствуhi чукотскихъ оленей. Когда я проходилъ черезъ этотъ хребетъ, направляясь къ чукчамъ, у меня вдругъ оказалось столько спутниковъ: ламу-товъ, тунгусовъ и юкагировъ, что поѣздъ мой былъ похожъ на переселеніе

Виды гористой тундры.

цѣлаго племени. Это все были спутники приживальщики, присоединившіеся къ намъ подъ предлогомъ быть полезными въ качествѣ проводниковъ, но съ раз-счетомъ, что на ночевкахъ я ихъ не обѣлю чаемъ и сухарями, а мои воз-чики чукчи — мясомъ.

Чукчи, переселившись за западъ отъ Колымы, съ одной стороны внесли новую струю не только въ материальный бытъ другихъ бродячихъ родовъ, но и въ ихъ нравы, обычаи и брачныя отношенія, съ другой стороны сами пе-ренимаютъ многое отъ другихъ племенъ.

На материальный бытъ тундреннаго населенія переселеніе чукчей пов-лжало въ общемъ неблагопріятно. Во-первыхъ первобытная готовность богатыхъ оленеводовъ убивать оленей, для людей нуждающихся въ пищѣ, отвлекала беспечнаго охотника отъ промысла. Во-вторыхъ конфликтъ между хозяйственными расчетами оленеводческой экономии и обычаемъ гостепріимства и ненасытностью проси-телей долженъ былъ разрѣшиться кризисомъ. Одни чукчи обѣдили, другіе пе-реселились на востокъ, третыи перестали давать даромъ оленей, а тундренное

молодое поколение отвыкло от охоты. Старики говорят, что пыншные молодые люди научились быть пастухами чужихъ оленей, но стали плохими промышленниками.

Кромѣ того чукотскій домашній олень захватомъ кормовищъ, вытеснилъ полевого. Тунгусы говорятъ, что дикий олень убѣжалъ отъ домашняго, какъ послѣ пала, и ушелъ на острова. Въ промыслѣ песцовъ молодые чукчи начинаютъ конкурировать съ другими бродячими людьми.

Мой перѣездъ съ р. Алаазеи на р. Іерченъ. Чукчи-ямщики собираются утромъ на почлегѣ оленей, чтобы отправиться въ дальнѣйшій путь.

Съ другой стороны, у чукочъ, въ особенности у Іерченскихъ, тоже произошли измѣненія въ хозяйствѣ. Тунгузскій олень, какъ єздовой и болѣе ручной, цѣнится значительно больше чукотскаго. Чукчи Іерченскіе, при помощи подбора, совершенно измѣнили первоначальную расу своихъ оленей. Они научились промышлять сѣтями на озерахъ рыбу и подобно ламутамъ стали єздить также на оленяхъ верхомъ.

Извѣстно, что примитивныя религіи весьма легко включаютъ въ свой пантеонъ на правахъ божествъ духовъ, которыхъ почитаютъ сосѣдніе народы. Такимъ же образомъ изъ терпимаго отношенія первобытныхъ племенъ къ обычаямъ и обрядамъ другъ друга возникаютъ заимствованія. Но болѣе всего располагаютъ къ нимъ брачные союзы. Значительная часть женъ западныхъ чукочъ состоять изъ ламутокъ, тунгусокъ и юкагирокъ, а въ тундренныхъ родахъ уже встрѣчаемъ чукчанокъ. Чукча, пріобрѣтая куплей тунгуску, подчиняется всѣмъ описаннымъ выше обычаямъ сватовства и брачнымъ обрядамъ. Онъ даже первые дни послѣ прибытія невѣсты въ его домъ носить вышитый тунгусо-юкагирскій костюмъ, привозимый въ числѣ приданаго невѣстой. Старикъ чукча Аара самымъ уморительнымъ образомъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ послѣ женитьбы на тунгускѣ носилъ 3 дня тунгусскій расходящійся кафтанъ и все думалъ, что брюхо у него вылетитъ *). Но тунгуски или юка-

*) Тунгусо-юкагирская верхняя одежда состоить изъ кафтана съ расходящимися полами, а чукотская—изъ глухихъ мѣховыхъ рубахъ.

гирки, перейдя въ домъ чукчи, должны одѣть чукотскій костюмъ, мѣнять об-разъ жизни и подчиняться требованіямъ чукотскаго поліандро-полигамическаго

Чукчанки съ р. Терченъ (фасъ).

браха, названнаго г. Вогоразомъ перемѣнившисъ бракомъ и заключающагося въ

Чукчанки съ р. Терченъ (профиль).

тому, что люди, состоящие въ такомъ союзѣ, имѣютъ взаимное право на ложе

своихъ женъ. Я спросилъ одного почтного тунгуса, сестра котораго передъ этимъ была отдана чукчамъ, будеть ли его сестра жить со смѣшными товарищами мужа. «Поневолѣ будеть, если мужъ прикажеть», отвѣтилъ онъ. Извѣстны случаи подчиненія этому обычая русскихъ женщинъ, вышедшихъ за чукочъ, только якутки питаютъ такой страхъ передъ дикими нравами, образомъ жизни и брачными обычаями чукочъ, что я не знаю ни одного случая перехода якутской женщины въ чукотское стойбище. Я видѣлъ на урочищѣ Сенкель якутскую девулику, проданную было ея дядей чукчамъ за 30 оленей, но, привезенная въ чукотскій лагерь, она сопротивлялась совершенню обряда прѣобращенія ея къ семейному культу т. е. помазанію жертвенной кровью, си-

Группа Іерченскихъ чукочъ.

дѣла безъ сна, безпрестанно рыдая, такъ что чукчи рѣшили ее вывезти обратно къ якутамъ. Разумѣется своихъ оленей они отъ якутовъ обратно уже не получили.

Съ другой стороны тунгусо-юкагиры нерѣдко въ качествѣ пріемныхъ зятей отрабатываютъ у чукочъ какъ Іаковъ у Лавана, а случаи, что они состоять съ чукчами въ союзѣ перемѣнного брака, довольно часты.

Впрочемъ группа западныхъ чукочъ довольно быстро ассимилируется со своими новыми сосѣдями. Они оказываются способными къ усвоеніямъ другихъ языковъ. Молодое поколѣніе говорить хорошо по ламутски, а некоторые чукчи знаютъ по юкагирски и по якутски.

Нравы и обычай ихъ значительно смягчились. Вместо того, чтобы жечь или бросать мертвцовъ на същеніе пещамъ, они уже начинаютъ хоронить своихъ покойниковъ въ землѣ. Стариковъ и старухъ уже не убиваютъ. Лѣтъ пять тому назадъ на Алазѣ еще задавили чукчу Эчайвуке ремнемъ его два

сына, по его собственной просьбе. Съ тѣхъ порь не слышно больше объ исполненіи этого обычая. Можно думать, что черезъ короткое время западные чукичі войдутъ какъ одинъ изъ этническихъ элементовъ, изъ которыхъ состоять бродячіе роды и придаутъ имъ новую окраску.

Если нѣсколько десятковъ лѣтъ достаточно для того, чтобы взаимодѣйствіе разнородныхъ племенъ произвело новые отношенія и смѣщеніе обычаевъ, то нѣсколько сотенъ лѣтъ тамъ могутъ повести къ коренному измѣненію типа. Первобытныя племена, какъ простѣйшіе организмы, весьма мало устойчивы. Два съ половиною вѣка, протекшіе между завоеваніемъ крайняго сѣверо-востока и нынѣшнимъ временемъ, несомнѣнно произвели глубокія измѣненія въ бытѣ и типѣ населенія. Съ тѣхъ порь не только отдельные роды, но и цѣлья племена вымерли, или растворились въ крови другихъ народностей. Такъ на краю мечевновенія находятся теперь два тундреныхъ юкагирскихъ рода. Какъ интересно было бы знать, что представляло собой населеніе тундры во время прихода на нее русскихъ въ 17 вѣкѣ!

Къ сожалѣнію первые завоеватели не интересовались этнографіей, и все свѣдѣнія, которыя мы находимъ къ ихъ донесеніяхъ, касаются количества собранныхъ въ ясакъ мяховъ и въ лучшемъ случаѣ приводятся, и то не всегдаѣрно, имена вновь обложенныхъ племенъ.

В.Л. Йохельсонъ.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Міросозерданіе нашихъ восточныхъ инородцевъ вотяковъ, черемисовъ и мордвы.

Лѣтъ 7—8 тому назадъ мы предприняли собирание народныхъ мелодій чувашихъ, черемисскихъ, вотяцкихъ и мордовскихъ отъ нижнихъ чиновъ Варшавскаго Военнаго округа, съ цѣлью изучить мелодію русской народной пѣсни путемъ сравненія ея съ мелодіями сосѣднихъ народовъ и народцевъ. Такое собирание встрѣчено было съ полнымъ сочувствіемъ, какъ офицерами Варшавскихъ полковъ, такъ и самими нижними чинами, отъ которыхъ приходилось дѣлать подобного рода записи. Ласковое и простое обращеніе съ солдатиками-инородцами производило на нихъ неотразимое вліяніе, едвали не большее, чѣмъ на ихъ сотоварищѣ русскихъ. Эти безхитростные и довѣрчивые полуудики за ласковое слово, имѣ скажанное, за участіе къ ихъ судьбѣ за незнакомый для нихъ, искренній интересъ къ ихъ домашнимъ дѣламъ, готовы были, какъ говорится, душу свою выворотить на изнанку. Передавая намъ свои пѣсни, они сообщали множество восьма интересныхъ разсказовъ изъ своей домашней жизни, свои вѣрованья, суетѣрія, примѣты и прочія вещи, могущія имѣть весьма важное значеніе для этнографіи. Многое токое, о чѣмъ они же сами затруднились бы разсказать постороннему лицу, посѣтившему ихъ деревню, здѣсь, вдали отъ своей родины, въ разговорѣ съ человѣкомъ, который никакого отношенія къ ихъ родной деревнѣ не имѣть, они передавали съ полной откровенностью и со всѣми интимными подробностями.

Это послѣднее обстоятельство заставило насъ измѣнить первоначальное намѣреніе, заставило кромѣ мелодій и пѣсень заносить въ записную книжку и другой этнографический матеріаль, который, если такъ можно выразиться, самъ напрашивался на запись. Сначала такое записыванье мы вели безъ всякаго порядка и почти безъ всякой системы, но затѣмъ стали пользоваться для этого программой Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, изданной въ 1889 году. Такъ собирали мы матеріаль отъ Ногайцевъ Оренбургскихъ и Астраханскихъ, отъ Вотяковъ и Черемисовъ. Что же касается Мордовы, то при собирании отъ нея матеріала, мы пользовались специальной программой, составленной профессоромъ Казанскаго Университета, Иваномъ Николаевичемъ Смирновымъ. Изъ всего собраннаго такимъ образомъ матеріала напечатано уже во первыхъ все то, чѣмъ было записано отъ Ногайцевъ въ т. XII Извѣст. Общест. Арх. Ист. и Этнogr. при Импер. Казанск. Универс., а во вторыхъ часть Мордовскаго матеріала вошла въ составъ Этнографическаго очерка проф. И. Н. Смирнова «Мордва», изданного въ 1894 году. Весь остальной Мордовскій, Вотяцкій и Черемисскій этнографический матеріаль, находящійся у насъ въ рукописи, мы рѣшили соединить вмѣстѣ и напечатать отдельными статейками, по той классификаціи его, какая принесла въ программѣ Моск. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Кромѣ міросозерцанія инородцевъ, составляющаго предметъ настоящаго очерка, у насъ остаются:

- 1) Вѣревамъ и рассказы о божествахъ Вотяцкаго и Мордовскаго Олимпа, т. е. о Ву-Муртѣ, Нюллэсъ-Муртѣ, Гидъ-Муртѣ, Вѣдъ-Авѣ, Варн-Авѣ, Паксъ-Авѣ и проч.
- 2) Обычаи свадебные, похоронные и обычай, соединенные съ различными, годовыми праздниками,
- 3) Моленія и жертвоприношениа,
- 4) Суевѣрія, обряды и примѣты
- 5) Семейная отишениа и названія для разныхъ степеней родства изъ разныхъ мѣстностей
- 6) Коллекція родовыхъ знаковъ (тамгѣ) и Вотяцкихъ языческихъ именъ.

Что касается личностей самихъ рассказщиковъ, то они происходили почти изъ всѣхъ губерній Волжско-Камского края: Вятской, Казанской, Пермской, Самарской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Области Уральской. По вѣроисповѣданію между ними были и православные и язычники (такъ называемые «некрещеные»). Само собой разумѣется, что всѣ они довольно порядочно говорили по Русски, въ особенности Морда. При той массѣ молодыхъ людей, которые привлекаются въ настоящее время къ отбыванію воинской повинности, изъ нихъ легко выбрать такихъ, которые владѣютъ русскимъ языкъ, въ сособности изъ побывавшихъ въ сельской школѣ.

Въ общемъ, какъ это ни странно, всѣ эти полуидики, проходивши передъ нами десятками, производили на насъ несравненно болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ Полѣшушки Минской губ. Волынской и Владавскаго уѣзда Седлецкой губ., отъ которыхъ намъ также доводилось собирать этнографический матеріалъ. Прежде всего это были люди несомнѣнно болѣе любознательные и болѣе наблюдательные, чѣмъ наши Полѣшушки. Хотя объясненіе для различныхъ явленій природы, какъ читатель убѣдится ниже, у нашихъ восточныхъ инородцевъ ребячески наивны, но все таки существованіе такого рода объясненій указываетъ на вопросы, которые стоятъ за ними, и на потребность такъ или иначе объяснить себѣ окружающія явленія природы. Что касается Полѣшушковъ, въ особенности Волынскихъ, то эти послѣдніе, по сравненію съ восточными инородцами, являются отчаянными прозаиками, не интересующимися начѣмъ, кроме того, что непосредственно касается ихъ наущнаго куска хлѣба, бера этотъ вопросъ въ самомъ узкомъ его значеніи. Если имъ задавать тѣ вопросы, на которые отвѣтъ является настойшая статья, то легко убѣдиться, что вопросы эти не только никогда не приходягь имъ въ голову, но даже вызываютъ ихъ удивленіе. Для этого народа даже непонятно, какъ можетъ кто-нибудь интересоваться подобными вопросами.

Некрещеные инородцы, язычники Вотяки, Черемисы, опять таки къ нашему величайшему удивленію, оказались не только не ниже, но пожалуй даже выше своихъ крещеныхъ сородичей. При видѣ ихъ, невольно являлась мысль, что не низкій уровень умственнаго развитія удерживаетъ ихъ отъ принятія христіанства, а что-то другое. Ихъ языческія кѣрованія очевидно приведены въ болѣе стройную систему, а главари ихъ болѣе тверды въ своихъ уѣждевіяхъ и болѣе фанатичны, чѣмъ это было у остальной массы ихъ сородичей «крещеныхъ» передъ тѣмъ, какъ они приняли православіе. Между прочимъ Черемисы-язычники, иззнакомившись съ нами, горько жаловались на презрѣніе и насмѣшки, съ которыми къ нимъ относятся, какъ къ «язычникамъ» ихъ товарищи по полку, и на то, что полковое начальство не признаетъ ни ихъ праздниковъ, ни постовъ, тогда какъ праздники евреевъ и магометанъ всегда принимаются въ расчетъ тѣмъ же самымъ начальствомъ. «Чѣмъ же мы хуже, спрашивали они, евреи и магометанъ? Вѣдь и они также, какъ и мы, не признаютъ Христа?» При этомъ наши «язычники» касались такихъ тонкостей религії, такъ горячо защищали свои религіозныя понятія и обряды, что намъ пришлось значительно измѣнить свои прежніе взгляды на этотъ народъ. Многіе изъ насъ думаютъ, что наши некрещеные инородцы ничто иное, какъ невѣжественное стадо безъ пастыря, то, чѣд поляки называются «быдломъ», т. е. толпа людей-скотовъ, не доросшихъ еще до пониманія высокихъ христіанскихъ истинъ. Если они еще не приняли до сихъ поръ христіанства, то, думаемъ мы, только потому, что у насъ нетъ еще достаточнаго количества школъ, чтобы ихъ просвѣтить, и достаточнаго контингента миссионеровъ, которые могли бы принять на себя ихъ обращеніе въ христіанство. Между тѣмъ оказывается на самомъ дѣлѣ, что въ подобныхъ взглядахъ на нашихъ инородцевъ язычниковъ есть много ошибочнаго. Такъ, напримѣръ, «некрещеные», съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, въ своихъ разговорахъ о вѣрѣ выказывали не только знакомство съ основами мусульманства, но

и порядочное знаніе православнаго Закона Божія, въ томъ объемѣ, какъ онъ преподаётся въ сельскихъ училищахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, окончивши курсъ въ сельскихъ школахъ, были хорошо грамотными и еще въ школѣ изучали православный Законъ Божій наравнѣ съ прочими учениками, а въ полку занимали писарскія или другія вакансіи, на которыхъ требуются люди грамотные. Одинъ изъ такихъ молодыхъ людей между прочими старался намъ доказать, что мы совершенно несправедливо называемъ его религію язычествомъ и идолопоклонствомъ; для этого онъ проводилъ паралель между своей религіей и христіанствомъ, стараясь для каждого изъ известныхъ ему элементовъ христіанскаго вѣроученія подыскать соответствующее вѣроученіе своего язычества. Такъ напримѣръ, среди множества Черемисскихъ божествъ, онъ выдѣлялъ трехъ главныхъ и сопоставлялъ ихъ съ христіанской Троицей, всѣхъ остальныхъ божествъ приравнивалъ къ христіянскимъ Святымъ, свои моленія приравнивалъ къ нашимъ богослуженіямъ, и т. под. Словомъ, наши «некрещеные» перестали намъ представляться такими темными, какъ прежде. Если они, какъ всякая народная масса, представляютъ изъ себя стадо овецъ съ вожаками во главѣ, то ясно, что стадо это не останется въ настоящее время безъ вожаковъ, а вожаки его, по силѣ своего духа и по твердости убѣжденія, не уступятъ вожакамъ старообрядчества или главарямъ нашихъ многочисленныхъ сектъ.

Уже когда были написаны настоящія строки, намъ попалась на глаза замѣтка доктора Н. Тезякова (Новое Слово, 1896, № 4, стр. 9), описавшаго празднства у Вotяковъ язычниковъ Больше-Гондырской волости (Осинского уѣзда). Сообщеніе автора этой замѣтки вполнѣ подтверждаетъ только что высказанное нами наблюденіе. Онъ говоритъ, что «на обращеніе Больше-гондырскихъ Вotяковъ въ христіанство давно уже обращено вниманіе миссионерами. Но обращенныхъ въ христіанство Вotяковъ здѣсь мало: въ 1888 году такихъ всего здѣсь насчитывалось до 20 душъ обоего пола, да и это почти исключительно нищіе».

Н е б о .

Между Вotяками распространено убѣжденіе, что небо представляетъ изъ себя такую же плоскость, какъ земля, что оно не имѣть ни начала, ни конца. То, что мы называемъ небомъ, есть только нижняя свѣтлая его поверхность, верхняя поверхность его такая же темная, какъ наша земля и вообще ничѣмъ отъ нашей земной поверхности не отличается. На этой верхней землѣ живутъ маленькие люди, у которыхъ есть свое небо и свой Богъ. Наша земля съ нижней поверхности также свѣтла, какъ небо, потому что она служить небомъ нижнему миру, расположенному подъ нами, въ которому живутъ некрещеные люди. Такимъ образомъ миръ представляется Вotякамъ трехъ-этажнымъ зданіемъ, средній этажъ котораго занимаемъ мы, обыкновенные люди. [А. В. В. Г.]. Маленькихъ людей верхняго неба нѣкоторые изъ Вotяковъ замѣняютъ святыми (Б. В.), а на нижнее небо помѣщаются кромѣ некрещеныхъ людей еще грѣшниковъ [Б.] (1).

Небо было прежде очень близко къ намъ, такъ что можно было достать его рукой. Но одна баба разъ пекла блины, а въ это время у нея былъ маленький ребячокъ, который обмаралася. Баба, не долго думая, взяла блинъ, вытерла имъ ребенка и положила блинъ на небо. Съ тѣхъ поръ небо отошло отъ насъ далеко. [А.]. (2).

Передъ дождемъ Илья Пророкъ отмыкаетъ небо, а послѣ дожда замыкаетъ его [Л]. (3).

Звѣзды.

Звѣзды на вѣбѣ столько, сколько людей на землѣ, потому что у каждого человѣка есть своя звѣзда. [А. В.]. Когда звѣзда падаетъ, то это значитъ, что умеръ какой-нибудь человекъ. [А.]. (4). Упавшая звѣзда можетъ иногда попасть на домашнее животное,

лошадь, свинью или собаку и зашибить ихъ. Поэтому, если животное заболѣть безъ видимой причины и сложеть такъ, что даже встать не можетъ, то говорять, что на него упала звѣзда (А.).

Млечный путь называютъ Гусиной дорогой [В.] или Дорогой дикихъ гусей [А.]. Созвѣздіе Большой медвѣдицы—по вотяки «Утиное гнѣздо» [А.]. «Гусиной же дорогой» млечный путь называютъ и Черемисы [Д.]. (5).

Кометы, являясь на небѣ, предвѣщаютъ тяжелый годъ [А.] (6).

С о л и ц е.

Астрономическія истини при посредствѣ сельскихъ школъ начинаютъ мало по малу проникать и въ среду нашихъ восточныхъ инородцевъ, правда пока еще въ искаженномъ видѣ: они уже представляютъ себѣ солнце не такимъ маленькимъ, какъ оно кажется и даютъ ему размѣры 30 сажень въ окружности [А.], а иные даже полторы версты [Д.]. Далѣе говорятъ, что не солнце ходить вокругъ земли, а земля вокругъ него, но при этомъ представляютъ себѣ солнце висящимъ на веревкѣ [Д.]. Но другіе еще не слыхали о такихъ новостяхъ и по прежнему представляютъ себѣ, что на ночь солнце прячется подъ землю [Б] или за большія горы, находящіяся на концѣ земли [А.]. (7).

Солнечное затмѣніе объясняютъ себѣ тѣмъ, что солнце, какъ и человѣкъ, старѣется и во время затмѣнія замѣняется новымъ. [А.] (8).

Л у н а.

Темныя пятна на мѣсяцѣ, которыхъ можно различить простымъ глазомъ, какъ Вотяки, такъ и Черемисы представляютъ себѣ человѣческими фигурами [В., Д., Ж.]. По большей части это фигура молодой девушки съ ведрами въ рукахъ [Д., Ж.], о которой Черемисы передаютъ даже слѣдующій разсказъ: У одного крестьянина, когда онъ овдовѣлъ, осталась дочь. Крестьянинъ снова женился, но мачиха стала сильно обижать падчерицу. Развѣ она послала девушку въ ночное время за водой, девушка пошла, но дорогой, глядя на мѣсяцъ, пожаловалась ему: «хотя бы ты меня взялъ». Мѣсяцъ тотчасъ же исполнилъ ея желаніе, и съ тѣхъ поръ на мѣсяцѣ видна фигура девушки [Д.], (9). Иные говорятъ, что фигура на мѣсяцѣ принадлежитъ Маріи Магдалинѣ и что фигура эта не съ ведрами, а съ однимъ ведромъ и весломъ въ рукахъ [В.].

Затмѣніе луны, такъ же, какъ и солнца, Вотяки объясняютъ необходимостью для нея возрождаться каждый мѣсяцъ, потому что она старѣется [А.], но кромѣ того думаютъ, что луну въ это время ёдятъ злые духи (у Черемисовъ ихъ называютъ Буверь [Д.]), иной разъ такъ объѣдять, что мѣсяцъ дѣлается совсѣмъ желтымъ. Отъ этого мѣсяцъ стала гораздо темнѣе, тогда какъ прежде онъ былъ такой же свѣтлый, какъ солнце [Д.]. Или же говорятъ, что мѣсяцъ портятъ колдуны, за то, что онъ ночью свѣтить и мѣшаєтъ имъ поѣдать людей [А.] (10).

При появлѣніи нового мѣсяца, Мордва считаетъ обязательнымъ ему поклониться и прочитать особую молитву на мордовскомъ языке [Е., И., И.], его называютъ Од-го ѿ Матушка [Е.] (11). Иные вѣрять, что при видѣ нового мѣсяца нужно перекреститься, а у кого болѣть зубы, въ теченіи полгода, на каждый новый мѣсяцъ прочитывать «Отче нашъ» [З.] (12).

О б л а к а.

Облака Вотяки представляютъ себѣ въ видѣ киселя. Одинъ крестьянинъ будто бы нашелъ кусокъ облака на полѣ послѣ дождя и положилъ его въ бутылку. Когда

шель дождь, то этот кусокъ разбухалъ и заполнилъ всю бутылку, а когда устами-вливалась сухая, погода, то и кусокъ облака въ бутылкѣ высыхалъ и становился твердымъ, какъ сыръ [А] (13).

Вѣтеръ.

Черемисы объясняютъ себѣ происхожденіе вѣтра тѣмъ, что на концѣ земли сидитъ Святой Мардѣжъ (Мардѣжъ по черемисски — вѣтеръ), который дуетъ своимъ ртомъ. Онъ живеть съ Богомъ, но прикованъ постоянно къ мѣсту на цѣпи. Спустить его съ цѣпи нельзя, потому что тогда онъ бы всю землю перевернула. Этотъ святой-добрый, его ругать нельзя, а нужно каждый день поминать въ особой молитвѣ [Д]. Вотяки же говорять, что вѣтеръ производится шейтаномъ, который сидить на концѣ земли, прикованный на цѣпь. Во рту у него вставлены три медные трубы, черезъ которыхъ онъ и дуетъ. Въ маломъ видѣ вѣтеръ можетъ производить и лѣши (Нѣллес-мурт) (14) [А]. Воздухъ, которымъ мы дышемъ, составляется изъ смѣси того, который идетъ отъ неба, и земного воздуха.

Кругообращеніе на земной поверхности и воды.

Вотяки думаютъ, что если человѣкъ доживеть до 120 лѣтъ, то онъ три раза въ жизни будетъ пить одну и ту же воду, такъ какъ изъ реки вода вливается въ море, а изъ моря подъ землей возвращается въ источники, изъ которыхъ снова попадаетъ въ реку [А].

Громъ.

Черемисы говорятъ, что громъ производить Кюдэрче-юиу (Божество), которыйѣздитъ на тройкѣ лошадей въ колесницаѣ. Направляется онъ туда, где есть нечистая сила, и бросаетъ въ нее камнемъ. Но если нечистая сила заберется въ воду, то тамъ въ нее попасть нельзя. Огня отъ молніиничѣмъ затушить нельзя. Люди, которыхъ убиваетъ молнія, считаются грѣшными и нечистыми. Во время грома грѣшно пѣть и бѣгать, если человѣкъ не сблюдаетъ этой предосторожности, то къ нему привязывается нечистая сила, и онъ можетъ быть убитымъ молніей [Д].

Вотяки приписываютъ громъ и молнію Ильѣ Пророку [А, Н]. Говорятъ, что онъ и его сыньѣздить на тарантасахъ и иногда встречаются между собою и заспорятъ. Молнія происходитъ оттого, что Илья Пророкъ стрѣляетъ въ шейтана. Одинъ разъ этотъ святой заспорилъ съ шейтаномъ и грозилъ, что будетъ въ него стрѣлять. «А если я спрячусь за самого хорошаго человѣка, ты не будешь тогда въ меня стрѣлять?» спросилъ его шейтанъ.—Нѣть, буду, отвѣтилъ ему Пророкъ. Вотъ почему Вотяки считаютъ праведнымъ человѣка, убитаго молніей (15). Яичную скорлупу нельзя бросать въ цѣломъ видѣ на землю, потому что во время грозы въ нее прячется шейтанъ (15). Если молнія ударить въ дерево, то на верхушкѣ дерева можно увидѣть пламя, но это не дерево горить, а кровь шейтана. При первой грозѣ кувыркаются для того, чтобы быть здоровыми во все лѣто и тогда же три раза єзжать землю съ своего сапога, чтобы «сердце не горѣло», т. е. чтобы не мучила изжога. Послѣ грома больные пьютъ воду, чтобы выzdоровѣть. Во время грома нельзя ругаться, шумѣть и стоять противъ окна. Подъ дерево можно спрятаться въ время грозы, но въ него нужно воткнуть ножъ или топоръ, чтобы нечистый духъ туда не забрался [А]. Стоя во время грозы подъ деревомъ, отиудь нельзя свистать, чтобы не привлечь къ себѣ нечистую силу [М] (17). При ударѣ молніи земля въ этомъ мѣстѣ поднимается [А]. Новѣйшее объясненіе грозы, распро-

страняющееся между Вотяками, въроятно подъ вліяніемъ школы,—это то, что она проходитъ отъ столкновенія между собою двухъ тучъ [А].

Радуга.

Радуга, по мнѣнію Вотяковъ, пьеть воду изъ озеръ, прудовъ и рѣкъ, чтобы пополнить убыль воды на небѣ (18). До нея можно добраться, если идти шаговъ 200, не дыша, а если человѣку удастся до нея дойти, то онъ можетъ тамъ достать много золотыхъ вещей: кресты, ковшики, тарелки и т. под. Одинъ человѣкъ пытался дойти до радуги и не дошелъ только шаговъ 10-ти. Онъ увидѣлъ, что тамъ горить, какъ будто бы золото, но въ это время онъ чуть не упалъ отъ того, что долго не дышалъ. Вздохнулъ, и все сразу пропало [А]. Другое говорять, что, если подойти къ радугѣ, то получишь серебряную чашку и ложку [О] (19).

Черемисы говорятъ, что Богъ создалъ радугу изъ 7-ми цвѣтовъ, для того, чтобы она служила для него образчикомъ, когда онъ создавалъ цвѣты [Д]. Къ ней можно подойти, если все время, пока идешь, не дышать. А если дойдешь до нея такимъ образомъ и схватишься за нее рукой, то можно изъ мужчины сдѣлаться женщиной или наоборотъ [Ш].

Метеоры.

Паденіе метеоровъ Вотяки считаютъ полетомъ по воздуху шейтановъ. У одной женщины померъ мужъ. Она сильно горевала и въ горѣ призывала своего покойного мужа. Шейтанъ услышалъ ея призывъ и принялъ на себя видъ ея покойного мужа. Сталь онъ каждую ночь къ ней прилетать. При этомъ онъ всякой разъ приносилъ ей гостинцевъ въ платкѣ. Но какъ только женщина захочетъ попробовать чертовскіе гостины, такъ они обращались въ кости и коровій пометъ. Узнали объ этомъ люди и не пустили женщину на съноваль, куда прилеталъ къ ней шейтанъ. Шейтанъ прилетѣлъ, попортилъ крышу ея дома, разбиль въ избѣ окна и самую женщину убилъ, когда она шла на гумно [Б] (20).

Земля.

Вотяки представляютъ себѣ землю плоской, круглой и окруженной со всѣхъ сторонъ водой. Сама земля лежитъ на трехъ огромныхъ рыбахъ, а рыбы лежать на водѣ. Когда эти рыбы отряхиваются, то происходитъ землетрясеніе [А] (21). Для образования на земной поверхности горъ Вотяки имѣютъ два объясненія, одинъ болѣе старый, что это соръ, который набросаль Богъ [Ж], а другой новѣйшій, что когда-то земля вся горѣла, отъ жару она раскалилась, скипѣла и образовала горы [А].

Мордва думаетъ, что землю Богъ насыпалъ въ морѣ [І] и что она лежитъ на одной большой рыбѣ [Е].

Черемисы думаютъ, что земля была создана сначала ровною, по поднялся сильный вѣтеръ и понадѣлалъ въ ней горы и рѣтвины [Д].

Озера, по мнѣнію Вотяковъ, раскопали шейтани, чтобы было гдѣ имъ скрываться [А].

Камни и металлы.

Черемисы думаютъ, что камни растутъ изъ земли (22), а желѣзо изобрѣтено чортомъ. Чортъ сдѣлалъ себѣ желѣзный топоръ и рубить, а Богъ увидѣлъ и спраши-

ваетъ: «какъ ты это сдѣлалъ?» Чортъ не хотѣлъ открыть секрета, тогда Богъ подослалъ къ нему своего работника, чтобы тотъ выспросилъ будто-бы для себя. Чортъ на вопросы работника объяснилъ, что онъ дѣлаетъ желѣзо изъ земли, накаливать и соль подсыпаетъ. Съ тѣхъ поръ Богъ и самъ сталъ приготавлять желѣзо и научилъ тому же людей [Д].

Любопытно вѣрованье Вотяковъ, что всѣ металлы, камни и деревья имѣютъ свой языкъ. Шейтаны знаютъ всѣ эти языки, и деревянный и желѣзный и золотой. Если въ нихъ стрѣлять, то никакой пулѣ нельзя ихъ убить, кромѣ чугунной, это потому, что только съ чугуномъ нельзя говорить, потому что у него нетъ языка. Говорить, передавалъ мнѣ разсказчикъ, что генераль Гурко во времена войны стоялъ подъ градомъ изъ пуль, и ни одна его не задѣла. Это потому, что онъ зналъ свинцовый языкъ. Дѣдъ разсказчика, по словамъ его, зналъ желѣзный языкъ, но почему-то своему сыну этого искусства не передалъ. Знаніе желѣзного языка даетъ человѣку много выгодъ, такъ напримѣръ, если онъ захочетъ откормить свою лошадь, то можетъ сдѣлать это за три дня. Но есть и неудобства, сопряженныя съ этимъ знаніемъ: если человѣкъ, знающій желѣзный языкъ, куда нибудьѣдетъ, то обязательно долженъ запрягать въ свою телегу пару, потому что если онъ напьется, то къ нему въ телегу непремѣнно подсадятъ же-лѣзо, и тогда одна лошадь воза не свезеть (23).

Человѣкъ, знающій деревянный языкъ, можетъ слышать, о чёмъ разговариваютъ между собою деревья въ лѣсу. А если лѣсь играетъ передъ снѣгомъ и если знающій человѣкъ скажетъ одно слово, то деревья, которыхъ особенно разыгрались и сошли со своего мѣста, не найдутъ уже этого мѣста и засохнутъ [А]. Черемисы также вѣрятъ въ существованіе деревянного языка: «когда вѣтра идѣтъ въ лѣсу, говорить они, а деревья скрипятъ, то это они между собою разговариваютъ» ГП 1941.

Первые люди.

Богъ создалъ человѣка изъ земли. Для этого онъ нарисовалъ на землѣ человѣка и повелѣлъ ему встать, человѣкъ всталъ и пошелъ (Мордва [Р]). Первый человѣкъ, по словамъ Вотяковъ, назывался Аврамъ. Однажды онъ Ѳхалъ на лодкѣ и сказалъ своей женѣ: «садись, жена». Жена не сѣла, по его приглашенію, тогда онъ разсердился и сказалъ: «садись, чортъ». Тотчасъ же явился шейтанъ и съ тѣхъ поръ человѣкъ узналъ шайтанъ [Ж].

Вотяки рассказываютъ, что первые люди были великанами, для которыхъ нашъ лѣсъ былъ все равно, что для насъ трава. Жили они по 150 по 200 лѣтъ, шубы и ваденокъ зимой не носили, а ходили въ одной рубашкѣ и въ лаптяхъ [С и Г] (25). Но въ это время жили также и маленькие люди, меньше насъ (Пичи-мурт), ихъ нужно было 12 человѣкъ, чтобы зарѣзать одного барана. Великанъ разъ набралъ ихъ въ кармань и принесъ показать своей матери: «мы теперь больше жить на землѣ не будемъ, сказъ онъ, а вотъ эти маленькие люди будутъ жить вмѣсто насъ». Такъ оно и случилось, прибавляя разсказчикъ, мы теперь гораздо меньше первыхъ людей, а послѣ насъ будутъ люди еще меньше [С] (26). Прежние люди, по словамъ другихъ Вотяковъ, были мудрые, они знали не меньше самого Бога и могли даже летать по воздуху. Собирались они на моленіе но нѣсколько деревень, и были у нихъ одна женщина и одинъ мужчина знающіе. Собираясь на моленіе, ихъ ждали и безъ нихъ ничего нельзя было дѣлать: Пока они не подлетятъ, люди сидѣли и ждали, пока имъ не прикажутъ встать. И тишина между ними была такая, что будто-бы тутъ никого не было. А когда начнутъ молиться и если кто-нибудь не встанетъ на колѣни, то посыльный былъ такой особый съ плетью, и онъ сейчасъ плетью отрѣбъ. Зато въ то время, о чёмъ ни просили Бога, сейчасъ же исполнялось: если дождя идѣтъ, то помолятся, и сейчасъ дождь пойдетъ, и потому когда жили богато, не то что теперь [А].

Черемисы также рассказывали, что первые люди были великаны. Они ходили въ лаптяхъ и, когда много земли въ лапти набиралось, высыпали ее; отъ этого образовались курганы. Около насъ (въ Уржумскомъ уѣздѣ), передавалъ разсказчикъ, есть

такие два кургана; один из них великанъ высыпалъ изъ правой лапти, а другой изъ лѣвой, а между тѣми курганами есть верстъ 50 разстоянія (27). Такихъ великановъ было немного, всего только два брата. У одного тѣло, какъ у рыбы (въ городѣ Казани около моста есть его портретъ). Одинъ братъ померъ, а другой гдѣ-то сидѣть закованнъмъ. Братья, не смотря на свой огромный ростъ, были очень добрыми людьми, Они помогали малымъ людямъ вырубать лѣсъ: они дергали его съ корнемъ, какъ мы ленъ, и выкапывали за одинъ разъ цѣлую бочку квасу [П].

Очень интересные рассказы передавали намъ Вотяки о первыхъ шагахъ человѣка на пути цивилизаций. Въ старину, говорили они, люди не умѣли отъ костра отодвигнуться, когда ихъ сильно пекло, а засыпали его землей. Отодвигаться отъ огня ихъ научилъ одинъ безногій мальчикъ. Было такое время, что люди не умѣли ни пахать, ни боронить землю, пахали палкой, а боронили граблями, и не умѣли добывать огня. Разъ пришли они въ борь и нашли старый сухой кленъ. «Давайте, говорятъ, повалимъ этотъ кленъ». Повалили, сдѣлали изъ него палочки, и давай ихъ тереть одну объ другую. Палочки загорѣлись. Люди узнали тогда, что такое огонь, и забрали съ собой кленъ, думая, что только изъ клена можно добыть огонь. А потому, когда весь кленъ у нихъ израсходовался, они не знали, откуда можно добыть новый огонь. «Давайте, говорятъ, сходку сдѣляемъ». А въ то время звѣри съ людьми въ ладу жили, говорили по человѣчески и собирались вмѣстѣ съ людьми на сходку. На этотъ разъ собирались всѣ люди и звѣри, только одного ежа не было. Всѣ звѣри пошли за нимъ, чтобы пригласить его на сходку, говорятъ: «иди скорѣй, тебя ждутъ». Ежъ вѣдѣть: «не пойду, я буду черезъ порогъ перелѣзать, еще свалюсь, и всѣ будутъ надо мной смеяться». Долго уговаривали его, онъ все отказывался, но наконецъ пошелъ и дѣйствительно, перелѣз черезъ порогъ, упалъ, и всѣ надѣйались засмѣяться. Ежъ разсердился, но его успокоили и начали расправливать, где и какъ достать огня?

«Развѣ, говорить ежъ, на горѣ нѣть камня? Возьмите, говорить, кремень, возьмите трутъ съ березы и возьмите кусокъ желѣза». Сдѣлали все, какъ сказали ежъ, и стало легко добывать огонь. Впослѣдствіи люди стали ухитряться все больше и больше и приготовили наконецъ спички [А].

Жали хлѣбъ прежде зубами и не знали никакого приспособленія, чтобы обойтись безъ зубовъ. Разъ пошли жать, пришло время обѣда. Сѣли обѣдать, смотрѣть на свои копны и видѣть, что въ ихъ воткнутъ горбатый серпъ. Они подумали, что это змѣя есть ихъ хлѣбъ, испугались, схватили серпъ и понесли его топить въ воду. Размахнулись, а серпъ вмѣсто того, чтобы попасть въ воду, все попадаетъ въ шею тому, кто его бросалъ, всю шею изрѣзаль. Попробовали люди рѣзать имъ солому и видѣть, что такъ лучше будетъ жать, чѣмъ зубами, собрали общество и говорятъ: «мы новость нашли». Стали думать, какъ бы еще и другой такой серпъ сдѣлать, собрали всѣхъ своихъ лучшихъ людей, кузнецовъ въ то время еще не было. Человѣкъ 50 принялъся за серпъ и на другой день сдѣлали что-то вродѣ серпа. Потомъ одинъ изъ нихъ приловился лучше другихъ и стала дѣлать серпы по 5-ти рублей за штуку, а отъ него уже и всѣ научились [А].

Отношеніе къ иностранцамъ.

Свѣдѣнія по этому, очень интересному вопросу, характеризующему нашихъ восточныхъ инородцевъ, къ сожалѣнію, намъ удалось добыть только отъ Вотяковъ. Изъ числа чуждыхъ имъ народовъ, тѣ Вотяки, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, звали только трехъ: Русскихъ, Татаръ и Евреевъ, послѣднихъ, впрочемъ только теоретически.

О Татарахъ намъ сообщили, что ихъ называютъ по вотски Бідер [А] или Бігер [Г и С]. «Татары, говорятъ Вотяки, очень боятся, чтобы на нихъ креста не вадѣли. Мы ихъ не боимся, но не любимъ, потому что они страшные воры, всѣ коно-крады у насъ изъ Татаръ. У насъ въ полѣ, чтобы дѣти хлѣба не мали, дѣлаютъ чу-чело съ палкой въ рукахъ и говорятъ дѣтямъ, что это Татаринъ» [А и Г].

Русскихъ называютъ дютцъ [А], дзютцъ [С], или джютсъ [Г] (очевидно чудь). Въ отношеніи къ нашему народу очень характерно выраженіе некоторыхъ Вотяковъ: «я, говорить они, никого не боюсь, ни волка, ни медведя, а Русскаго боюсь». [А]

Про своихъ богатыхъ однокельчанъ, которые заводятъ у себя все за русскій ладъ, Вотяки говорятъ, что они совсѣмъ забыли Бога, и что у нихъ и свое солнце есть (блестящій самоваръ) и мѣсяцъ есть (лампа), и сами они хотятъ быть солнцемъ (носить красную рубашку) [А].

Что касается Евреевъ, то ихъ Вотяки никогда не видятъ, но тѣмъ не менѣе на основаніи слуховъ, составили о нихъ довольно странное представление. Одного солдата изъ Вотяка я спросилъ разъ, не боялись ли его товарищи Ѳхать на такую далекую отъ нихъ чужбину, какъ Польша? «Страшно боялись», отвѣчалъ онъ.—Чего же вы здѣсь особенно боялись? Мы испугались, когда намъ сказали, что въ здѣшнихъ сторонахъ живутъ Евреи. У насъ дома думаютъ, что евреи—это громные великаны, которые жи-таются обыкновенного человѣка и сейчасъ же его съѣдаются. Поэтому, когда намъ здѣсь въ первый разъ показали Евреевъ, мы ни за что не хотѣли поверить, что это Евреи, думали, что надѣя нами шутятъ. Какъ же можно было поверить, что эти слабые, тщедушные человѣчки, съ десяткомъ я одинъ справляясь, тѣ самые великаны-людоѣды, о которыхъ у насъ дома рассказывали? [А] *).

Ж и в о т н ы е.

Какъ было уже говорено выше, въ старину, по мнѣнію Вотяковъ, животные жили съ человѣкомъ дружно, говорили съ нимъ по человѣчески, давали свои соѣднѣ и собирались съ людьми на сходки, но потомъ все это кончилось, потому что человѣкъ сталъ дурно обращаться съ животными [А].

Медвѣдь. Относительная близость этого животнаго къ человѣку послужила темой для слѣдующаго разсказа о его происхожденіи, передаваемаго Вотяками:

Въ старину одна женщина родила семерыхъ ребятъ за одинъ разъ, всѣ семеро были величиною въ кулакъ. Мать забросила ихъ, одного въ лѣсъ, другаго въ рѣку, третьяго въ озеро и т. дал., всѣхъ пораскидала. Всѣ они стали нечистыми духами. Мальчика, который былъ заброшенъ въ лѣсъ, забралъ къ себѣ и вскоромъ заснулъ, онъ сдѣлся медвѣдемъ. Потому-то у медвѣдя и груди, какъ у человѣка, и хвостъ коротенький, а если снять съ него шкуру, то и совсѣмъ будетъ, какъ человѣкъ [А] (29). Одну половину зимы медвѣдь спитъ на одномъ боку, другую на другомъ, а когда просыпается и перевертывается съ боку на бокъ, то только одинъ палецъ нососеть и съ тѣмъ засыпаетъ (29). Медвѣдь потому такъ долго можетъ спать зимой, что онъ Ѳеть особый сонный корешокъ. Минѣ случилось, передавалъ разсказчикъ, пойти въ лѣсъ на охоту и вругъ вижу, что какой-то звѣрокъ, величиною въ собаку, лапами разрывается

*.) У Болгаръ и теперь жидъ, жида вецъ—исполнинъ, жидовски гробове, подъ самой Софию на Ниинской дорогѣ, двѣ большии впадины, могилы великановъ, нашъ же Жидъ у Болгаръ исключительно—Евреинъ.—Вѣроятно у Вотяковъ тоже Жидъ—великанъ. Это слова и съ этимъ именно значеніемъ (Жид—исполнинъ) напоминаетъ сл. Щоуд-Чуд-Чудъ (соб.), прил. щоуждъ, р. чужъ—быть можетъ дюжъ—предполагаетъ проинавшій дуд (то уждъ), тј дуд. р. чуд, друв. щоуждъ—и дуд (срвн. гратати и гадати), дуд (двожи), дуд (жид), дуд-дид—Жюд-Жид. Отчего только у Болгаръ не Жидъ (срвн. сл.), а р. Жид? Но у Болгаръ есть: чудо, чуден, чудовитъ, чужденица, чуждина, чуждъ и чужна и пр. И это потому что коренинныи согласныи тутъ было не *и*, а *и*, (кјуд), аль Жид—чуд-грид=Жид. Такое смягченіе было въ праславянскомъ языке (по-ко-ий—и-очити, гой—жити). И такъ Жид=Жид было однозначительно съ Кјуд—(чудо-кудесникъ)=Чуд, исполнинъ. Съ другой стороны Гјуд легко переходило и въ Дјуд и въ Юд (стрн. Гюрги, Дюриди и Юрій). Въ извѣстномъ сочетаніи: чудо-юдо, рыбакить—сохранилась память о связи этихъ словъ и по смыслу и по происхожденію. Гуд и Жид—по звуку и по первоначальной однозначности стали употребляться для обозначенія Гудѣвъ.

землю, вытащил какой-то темный корешок и съелъ. Я взялъ кусокъ этого корня, отрѣзаль и принесъ домой. Мой отецъ сказалъ, что съ этого корня медвѣдь сонитъ всю зиму». А то одна женщина поздно жала рожь и видѣла, какъ медвѣдь вырылъ изъ земли желтый корешокъ. Она выкопала этотъ корешокъ и съѣла. Въ тотъ же день она заснула и проспала всю зиму. Ее бросили въ подполье, и она проснулась только на весну [А] (30).

Волкъ. О волкѣ Вотяки рассказываютъ, что онъ есть мясо затравленныхъ имъ животныхъ только тогда, когда очень голоденъ, а въ противномъ случаѣ выпиваетъ изъ нихъ только кровь. Подъ видомъ волка иногда можно встрѣтить людей, которыхъ колдуны обращаютъ въ волковъ. Такъ напримѣръ у одного человѣка была свадьба, а на него одинъ колдунъ сердился. Этотъ колдунъ взялъ и всю свадьбу, когда молодыхъ повезли домой, обратилъ въ волковъ [А] (31).

Свиња. Некрещеные Вотяки считаютъ большими грѣхомъ есть свинину, на таимъ основаніи, какъ они выражаются, что «свинья Вотяку мать была» [Ж].

Ежъ. Этого звѣря, какъ Вотяки, такъ и Черемисы почему-то считаютъ очень умнымъ. Въ добавокъ къ вышеприведенному разсказу о томъ, какъ ежъ научилъ человѣка высѣкать огонь, мы приведемъ здѣсь разсказъ Вотяка о томъ, какъ ежъ научилъ человѣка пахать землю. Прошелъ онъ разъ въ поле и видѣлъ, что человѣкъ копаетъ землю деревянной сохой. «Ты бы, говорить, наложилъ на деревянную соху желѣзко». Человѣкъ такъ и сдѣдалъ [В]. Черемисы добавляютъ къ этому, что ежъ научилъ человѣка правую сторону сохи дѣлать кривой, а лѣвую — прямой [Б].

Летучая мышь. У легучей мыши, говорить Вотяки, нѣть сердца, такъ какъ она умираетъ на зиму. Это ужъ такъ Богъ назначилъ, чтобы тѣ животные, которымъ не могутъ работать зимой, умирали по окончанію лѣта, поэтому онъ и не далъ имъ сердца [А].

Кромѣ обыкновенныхъ звѣрей Вотяки вѣрятъ еще въ существованіе какого-то мифического звѣря Лапчи, котораго насылаютъ колдуны. Если «ланчи» погосеть у коровы молоко, то у нея молока уже болѣе не будетъ. Но узнать по виду коровы, пососалъ ли ее «ланчи» нельзя. Для предотвращенія коровъ отъ такой порчи имъ называемы не шею медвѣжьего сала въ тряпочкѣ [А] (32).

Черемисы думаютъ, что звѣри и до сихъ поръ не утратили своего языка, но только мы его не понимаемъ [Л] (33).

Кавь Вотяки, такъ и Черемисы вѣрятъ въ существованіе выря (теплого мѣста) куда птицы улетаютъ на зиму [А и Л] (34).

Мухи. О происхожденіи мухъ Вотяки имѣютъ правильное представленіе. Они говорять, что мухи происходятъ изъ червей, которые заводятся на падали [А].

Комары. О комарахъ Вотяки думаютъ, что это животное рожится изъ орѣшковъ, которые иногда выростаютъ на листьяхъ деревьевъ [В и Ж]. Черемисы думаютъ, что мухи и комары зимуютъ въ дуплахъ деревьевъ, где имъ очень тепло [Л].

Божья коровка. Если Божья коровка сидѣть человѣкѣ на руку, то Вотяки говорятъ: «если будетъ дождь, — лети, а если нѣтъ, — сиди» [В]. Считается грѣшно убивать это животное, и даже ни одинъ мальчишка-шалунъ никогда его не тронетъ [В А] (35).

Блохи заводаются изъ пыли, если въ нее попадетъ вода [Вот. А].

Вши выводятся изъ угрей, которые вскакиваютъ на лицѣ человѣка [Вот. А].

Тараканы зарождаются изъ углей пихтоваго дерева. Вывести ихъ можно травой «урбд турѣмъ». Если ее положить въ щели хаты, то тараканы издыхаются отъ ея запаху [А].

Клопы заводятся отъ сырости въ избѣ и отъ сырости дерева [А].

Муравьи сердца не имѣютъ, такъ какъ на зиму они умираютъ [А].

Имена расказчиковъ.

- [А]—Вотякъ Лаврентьевъ. Вятской губ., Сарапульского уѣзда, Большедораниской волости, дер. Вишурь-Норья.
- [Б]—Вотякъ Михаилъ Корепановъ } Вятской губ., Глазовского уѣз., Кестомск.
[В]—Вотякъ Лукьянъ Корепановъ } вол., д. Извиль.
- [Г]—Вотякъ Дмитрий Кильдебековъ. Вятской губ., Глазовск. уѣз., с. Елгань.
- [Д]—Черемисъ Иванъ Афанасьевъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз.. Каракелинской вол., д. Ишитычашъ.
- [Е]—Мордва-Мокша Андрей Савкинъ. Тамбовск. губ., Спасск. уѣз., Зарубинск. вол., с. Стар. Селища.
- [Ж]—Некрещеный Вотякъ Туттагуль Забаировъ. Пермск. губ., Осинск. уѣз., Гондырской вол., с. Вольш. Гондырь.
- [З]—Мордва-Эрзя. Фроль Коттинъ. Самарск. губ., Бузулукск. уѣз., Борской вол., с. Коновалова.
- [И]—Мордва. Тимофей Чекаевъ. Пензенск. губ., Чембарск. уѣз., с. Карцаево.
- [И]—Мордва-Эрзя Дмитрий Авдѣевъ. Пензенск. губ., Городищенск. уѣз., Вашелейской вол., с. Пазелокъ.
- [К]—Некрещен. Вотяки Пермск. губ., Осинск. уѣз., Гондырск. вол.: Разимъ Файрушинъ, д. Гожанъ и Арманша Исангуловъ, д. Стар. Кырга.
- [Л]—Черемисъ Михаилъ Федоровъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз., Косолапск. вол., дер. Моркинери.
- [М]—Вотякъ Гаврило Корепановъ. Вятской губ., Глазовск. уѣз., Игринск. вол., почника Верхсеть.
- [Н]—Вотякъ С-менъ Поздѣевъ. Вятск. губ., Глазовск. уѣз., Лудошурск. вол., д. Качкашурь.
- [О]—Мордва-Мокша Михаилъ Ереминъ. Пензенск. губ., Городищенск. уѣз., с. Пазелокъ.
- [П]—Черемисъ Исаевъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз., Кузнецовск. вол., с. Малый Чашкаяль.
- [Р]—Мордва-Эрзя Андрей Пищацкинъ. Симбирск. губ., Ардатовск. уѣз., Пичаурской вол., с. Косогоры.
- [С]—Некрещеные Вотяки: Пермск. губ., Осинск. уѣз., Гондырск. вол. 1) Шамгай Кысматовъ, д. Ватвиюша; 2) Галимина Заанишиновъ, д. Кончакъ и 3) Акмадей Бикташовъ, д. Бараванъ.

B. Мошковъ.

П р и мѣчанія.

1)—Представление о существовании подземного мира известно у многихъ народовъ земного шара. Такъ въ индійскихъ Ведахъ подземный міръ называется Nagaka, у древнихъ грековъ— , у германцевъ—гелла, у славянъ—пекло. О раѣ, какъ жилищѣ Бога и праведниковъ, также существуетъ представление у всѣхъ христіанъ и перешло къ нимъ имѣстѣ съ Ветхимъ Завѣтомъ отъ евреевъ. Что касается понятія о мірѣ, какъ многоэтажномъ зданіи, въ которомъ наша земная поверхность представляетъ собою только одинъ изъ этажей, то и это вѣрованье принадлежитъ къ числу международныхъ. Малороссы, напримѣръ, говорять, что за видимымъ небомъ есть еще шесть такихъ же небесъ, да кроме того и подъ землей есть нѣсколько такихъ же этажей. Отсюда наше выраженіе: «на седьмомъ небѣ». Подобное же выраженіе: «седмь небес» встрѣчается и въ сербскихъ пѣсняхъ. Извѣстно также, что такой же взглядъ на мірозданіе имѣютъ и магометане.

Афанасьевъ. Поэтич. возр. ч. I, стр. 124; ч. II, стр. 402 и ч. III, стр. 16; Чубин. ч. I, стр. 1, 2, 37 и 38.

2)—Вѣрованье, передаваемое изъ этого разсказа, чрезвычайно широко распространено въ Европѣ, несмотря на кажущуюся его безмыслицу. Варианты взятаго нами рассказа есть: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, словенцевъ, болгаръ, латышей, киргизовъ, торгоотовъ, монголовъ, жителей Малой Азіи и нѣмцевъ.

Zb. Wiadom. do Antrop. т. II, стр. 63, № 4; O. Kolberg. Chelten. т. 2, стр. 180; Доброзвольск. Смоленск. этногр. сборн., ч. I, стр. 289, №№ 58 и 59; Антоновичъ и Драгомановъ, стр. 14, № 39; Трейландъ, стр. 43, № 40; Этногр. Обозр., т. 7, стр. 263 и 265.

3)—У русского народа въ древности существовало убѣждѣніе, что языческое божество Перунъ «отираетъ небо и низводить на землю плодотворное сѣмя дождя». Тоже вѣрованье сохранилось у нашего народа и до настоящаго времени, съ тою только разницей, что функция Перуна перешла на христіанскихъ Святыхъ Юрия и Илью Пророка. Такъ вѣрять великороссы и малороссы, а кромѣ того моравы, сербы и болгары. Впрочемъ болгары и моравы выражаются, что Св. Илья Пророкъ отмыкаетъ не небо, а землю, что неизмѣняетъ сущности вѣрованья.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр., ч. II, стр. 138, 402 и 403; Чубинскій, ч. I, стр. 28—7.

4)—Такое вѣрованье есть: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, чеховъ, приморскихъ сербовъ, болгаръ, французовъ, грузинъ, китайцевъ и даже у народа Сахо въ сѣверной Африкѣ. Кромѣ того въ нѣмецкомъ этнографическомъ журнале Am-Urgquell. Monatsschrift fr Volkskunde т. 6, 1805 г. есть статья объ этомъ вѣрованіи Л. Шерманна, къ которой авторъ находитъ извѣстія о немъ въ древнихъ литературныхъ памятникахъ индійскихъ, греческихъ и латинскихъ.

Mluscine revue de mythol. litterat. popul. traditions et usage. т. I, № 19, стр. 456; Cesky lid Cis. 4. Roc. 5, стр. 324; Zb. Wiadom. do Antrop. т. 9, стр. 32 и т. 11, стр. 31; Сборн. за народ. умотв. т. 7, стр. 127; Къ этногр. Китая сообщ. Ю. Талько-Грынцевича въ общемъ собр. Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣл. Примурск. Отдѣла И. Р. Г. О. 26 апрѣля 1895 г. Иркутскъ 1896 стр. 12; А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. ч. I, стр. 161 и ч. III, стр. 810; Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 16, 1894 г., стр. 78; Чубинск. ч. I, стр. 16 и 17; Фр. Гельвальдъ. Естеств. истор. плем. и народ. Спб. 1885, т. II, стр. 304.

5)—Малороссы также думаютъ, что млечный путь—это дорога, по которой дикия птицы улетаютъ въ вырѣй. Литовцы называютъ млечный путь paukszciu kielbs, т. е. птичья дорога, финское linnunrata означаетъ тоже самое.

Чубинск. ч. I, стр. 15; А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. ч. III, стр. 284.

Специальная статья о вѣрованіяхъ, соединенныхъ у разныхъ народовъ съ млечнымъ путемъ, H. Gaidoz и E. Rolland есть во французскомъ этнографическомъ журнале Mluscine, т. 2, № 7.

Что касается вотяцкаго названія для созвѣздія Большой Медведицы,—«Утиное гнѣздо», то мы встрѣчаемъ его и у другихъ народовъ, только въ примѣненіи къ созвѣздію Плеядъ. Такъ у грековъ это созвѣздіе называется Дикий голубь, у нѣмцевъ—Kluckenhenne, A b e n d h e n n e , у французовъ—Poussiniere, а у нашихъ русскихъ крестьянъ—Птичье или Утиное гнѣздо.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр., ч. I, стр. 533.

6)—Страхъ передъ кометой, появляющейся на небѣ, я мнѣніе, что свѣтило это предвещаетъ что-либо необычайное или дурное, какъ кажется, извѣстно въ цѣлой Европѣ, но намъ удалось найти обѣ этомъ указаніе въ этнографической литературѣ только относительно великороссовъ, малороссовъ и литовцевъ.

А. Афанасьевъ. Поэт. возр. ч. I, стр. 74; Чубинск. ч. I, стр. 18.

7)—О томъ, что солнце при закатѣ уходитъ подъ землю или прячется за высокія горы, знаютъ и малороссы.

Чубинск., ч. I, стр. 11 и 12.

8)—Такое же вѣрованье есть и у малороссовъ.

Чубинск. ч. I, стр. 13.

9)—Такой же разсказъ написанъ отъ Вотяковъ и Гр. Верещагинымъ, но въ гораздо болѣе полномъ видѣ онъ передается у словаковъ. Здѣсь также описываются злоключенія девушки по милости ея мачехи, и также ей помогаетъ мѣсяцъ, но въ заключеніе девушки

не попадасть, какъ у Вотяковъ на луну, а остается на землѣ. Въ фигурахъ видныхъ на лунѣ, кромѣ вотяковъ, замѣчаютъ всдру съ коромысломъ и скандинавы.

Гр. Верещагинъ. Вотяк. Сарац. уѣзд., стр. 85; А. Афанасьевъ. Поэт. воззр., ч. I, стр. 356 и ч. III, стр. 265.

10)—Объясненіе солнечнаго, а въ особенности лунного затмѣнія борьбой свѣтила со звѣрями или съ звѣзми духами и пожираніемъ его принадлежитъ къ числу самыхъ широко распространенныхъ вѣрованій, ибо захватывается весь земной шаръ. Самое слово, затмѣніе у нѣкоторыхъ народовъ по своему смыслу указываетъ на народное вѣрованіе, которымъ это явленіе природы объясняется. Такъ персидское название для затмѣнія значитъ захватъ, у ирландцевъ—борьба, битва, у ливовцевъ—разрушеніе, у кельтовъ и англо-саксовъ—боязнь, у китайцевъ—пожирание. Пѣдевіе луны приписываютъ то волку, волкодлаку, или воркулаку, то змѣю, то упырю, то вѣдьмамъ, то просто нечистой силѣ. Когда случается затмѣніе, то многие народы приходятъ въ отчаяніе изъ боязни за участъ солнца или луны, плакать, поютъ жалобныя пѣсни и производятъ страшный шумъ, чтобы напугать и отогнать предполагаемое чудовище: стучать въ тазы, и другую металлическую посуду, трубить въ трубы, бить въ барабаны, стрѣлять изъ луковъ и изъ ружей, кричать, скакать, дѣлаютъ угрожающіе жесты, молятся Богу и т. под.

Вотъ списокъ народовъ, у которыхъ существуетъ интересующее насъ вѣрованіе:

Въ Европѣ: ирландцы, исландцы, древніе скандинавы, шведы, жители Бургундіи, древніе кельты и англо-саксы, сербы въ Крайїѣ, болгары, галицкіе гуцулы, великороссы, малороссы, чуваши, оренбургскіе татары (по нашей записи), румыны, литовцы и сванеты.

Въ Азіи: древніе индійцы, персы, китайцы, Степени въ Сіамѣ, жители о. Суматры, О—въ Индійскаго океана и карагасы (въ Сибири).

Въ Африкѣ: жители верхняго Египта, восточной и средней Африки и готентоты.

Въ Америкѣ: гренландцы, ирокезы, туземцы сѣверной Мексики, чикитосы, гуайкурусы, туземцы Юкатана, перуанцы и караибы.

Voyage dans le royaume de Siam Henri Monhot. Paris, 1872, стр. 163, Am Urquell, Monatsschrift fü r Volkskunde, т. IV, 1895; Allgem. Ethnogr. von Fr. Müller Wien, 1879, стр. 114; Revue des traditions popul. Годъ I, т. I, 1886, стр. 252; Die Huzulen R. Kaindl стр. 97; Начало цивилизаций С. Джонъ Леббокъ, втор. изд. подъ редакц. Корочевскаго, Спб. стр. 160—161 и 152; Сборн. матеріял. для описанія мѣстн. и плом. Кавказа. Вып. X, стр. 90; З. И. Р. Г. О. по отд. этнogr. ч. XVIII, вып. II, стр. 223; Н. Сумцовъ. Культурн. переживан., стр. 268—269; Гр. Верещагинъ. Вотяк. Сарац. уѣзд., стр. 139; З. И. Р. Г. О. по отд. этнogr. ч. VI, стр. 250; Чубинскаго, ч. I, стр. 13; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 112, 755 и 756; ч. III, стр. 805.

Вѣрованіе, что солнце и мѣсяцъ были прежде одинакою ярки, но что мѣсяцъ потемѣлъ, потому что змѣй или колдуны его высосали, съ черемисами раздѣляютъ великороссы Смоленской губ.

Доброловъский, Смоленск. этнogr. сборн. ч. I, стр. 235.

11)—При появлѣніи новой луны, евреи собираются ночью и, глядя на мѣсяцъ, читаютъ молитву. Познанскіе поляки произносятъ особую привѣтственную фразу, которая приносить благополучіе. Люблинскіе поляки читаютъ три раза Отче нашъ, малороссы крестятся, а французы читаютъ молитву, становятся на колѣни.

Но все это только остатки весьма дрѣгнаго и весьма широко распространенного культа луны. У однихъ, какъ у китайцевъ, чувашей и американскихъ индійцевъ еще и до настоящего времени лунѣ приносятъ жертвы, у другихъ совершаютъ празднества въ честь луны, какъ японцы. Наконецъ у большинства народовъ сохранились только различные остатки того же культа въ видѣ супѣрій, запрещающихъ какіе либо работы на новолуніе или наоборотъ рекомендующихъ ту или другую работу въ ту или другую фазу луны и т. п. Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что немного такихъ народовъ найдется на земномъ шарѣ, у которыхъ не было бы никакихъ остатковъ этого культа. Но въ цѣляхъ библиографическихъ мы перечислимъ нѣсколько народовъ, о которыхъ имѣются указанія въ этнографической литературѣ. Вотъ они: великороссы, малороссы, грузины, французы, шведы, венгры, чехи, болгары, древніе индузы, древніе ассирийцы, дааки, волофы въ западной Африкѣ, туземцы южной Африки, туземцы Гуизланы и Бразиліи.

Revue des traditions popul. годъ V, стр. 708; годъ VII, стр. 37 и 94; Melusine 1877, т. I, № 7, стр. 458 и № 4, стр. 95; т. IV, 1888—1889, стр. 91; Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn, годъ I, тетр. I, 1887, стр. 23; Allgem. Ethnogr. von F. Müller Wien. 1879, стр. 358; O. Kolberg Lud. Ser. 7, ч. II, стр. 70 и Ser. 15, ч. VII, стр. 5; Lud. Organ. Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie. Rok I. zesz. IV и V, стр. 131; Вѣстн. Европ., годъ III, т. II, 1868, стр. 33; ibid. Апрѣль 1895, стр. 276; «Русск. мысль», 1896, Іюль, стр. 85; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. III, стр. 776 и 780; З. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр., т. XVII, выш. II, стр. 102; Этногр. Обозр. 1891, кн. X, стр. 77; Д. Афанасьевъ, Ковенск. губ. Сб. 1861, стр. 575; Къ этногр. Китая. Сообщ. Ю. Талько-Грынцевичъ. Иркутск. 1896, стр. 19; Е. Н. Водовозова, «Жизнь Европ. народ.» т. II, стр. 489; Чубин. ч. I, стр. 10 и 11.

12)—Лѣченіе зубовъ наговорами на новый мѣсяцъ есть: у малороссовъ, малороссы и бѣлорусы. Кроме того малороссы, поляки и евреи лѣчать такимъ же образомъ головныя боли.

Materyal. antropol., archeolog. i etnogr. wydan. staran. komisji antropol. Akademii, umiejent. w Krakowie, т. I, 1896, стр. 157; O. Kolberg. Lud. Ser. 7, ч. II, стр. 70; Чубинский, ч. I, стр. 23—24 и 124—126; «Русск. мысль» 1896. Іюль, стр. 85.

13) Русскій народъ, такъ же, какъ и вояки, представляеть себѣ облака иногда въ видѣ киселя или студни.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. ч. II, стр. 134; Чубинскаго, ч. I, стр. 25.

14) Вѣрованье черемисовъ относительно происхожденія вѣтра весьма близко къ малороссійскому преданию, приводимому у А. Афанасьевы: «что теперь витра, это молодъ шатаецца. старый же тильки иноди въ щилинки помижъ губинъ дмуха—и отто бури буваютъ. Якъ бы ему губи раскывать и винъ дмухонувъ на весь ротъ—весь поздувавъ на святы, гори зъ долинами порившавъ, кинецъ спитови бувъ би... Одже козись таки ему раскующа губи».

Средневѣковое искусство постоянно изображало вѣтры въ видѣ дующей человѣческой головы, тоже и на нашихъ лубочныхъ картинкахъ: кроме того старинное искусство представляло олицетвореніе вихрей, дующими въ рога.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 310, 311 и 323.

15) Вѣрованье, что громъ и молниѧ производить божество или святой тѣмъ, что тѣдить по небу или по облакамъ въ колесницахъ и бросаетъ стрѣлы въ демоновъ. принадлежитъ къ числу весьма древнихъ и международныхъ. Въ индійскихъ Ведахъ функция эта приписывалася Индрѣ, у грековъ—Зевсу, у германцевъ—Тору, у славянъ—Перуну. отъ которого, съ принятиемъ христіанства, перешла къ Пророку Ильѣ. Вѣрованье это въ настоящее время съ русскимъ народомъ раздѣляютъ: поляки, сербы, болгары, литовцы, нѣмцы, скандинавы и осетины. Убѣжденіе, что дьяволъ во время грозы прячется за человѣка, кроме вояковъ и черемисовъ, есть у русскаго народа въ Россіи и въ Галиции. Что касается человѣка, убитаго молнией, то о немъ мнѣнія народовъ расходятся, одни считаютъ его, какъ черемисы, грѣшникомъ, а другіе, какъ вояки,—праведникомъ и даже святымъ. Такъ, по древне-еврѣйскому вѣрованью, убитые громомъ «Бога узрять». у малороссовъ думаютъ, что такие люди получать Царство Небесное, такъ какъ молниѧ очищаетъ ихъ отъ всѣхъ грѣховъ. Въ Литвѣ человѣкъ, убитый молнией, признается за святого, а у осетиновъ даже чествуютъ его трупъ.

O. Kolberg. Рокис., ч. III, стр. 91; Караджичъ. Обычаи, стр. 66; Добровольскій. Смоленск. этногр. сборн., ч. I, стр. 226; Чубинскій, ч. I, стр. 19; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 264, 266—7, 480—7, 630.

16) Г. Сумцовъ («Культура. переживан.» стр. 294) говоритъ, что обычай ломать скорлупу яйца, для того, чтобы въ нее не поселился нечистый духъ, существуетъ: въ Малороссии, въ Германии, въ Голландии, въ Англии и въ Португалии.

17) У малороссовъ во время грома нельзя пить и нельзя стоять подъ дубомъ и вербой, а въ Олонецкой губерніи (въ Петрозаводскомъ уѣздѣ), какъ намъ приходилось испытать самимъ, не позволяютъ въ домѣ во время грозы пить, свистать, играть на какомъ-либо инструментѣ или вообще производить какой либо шумъ.

Соответственно вояцкому обычаю при первой грозѣ есть три раза землю, у чеховъ при первой грозѣ три раза цѣлюютъ землю.

Чубинский. ч. I, стр. 22—23, А. Афанасьевъ. Поэтич. возр., ч. 3, стр. 778.

18) Тоже вѣрованье есть у всего русскаго народа, у поляковъ, болгаръ, кашубонь, словаковъ и было въ древности у римлянъ.

O. Kolberg. Lud. Ser. 7, стр. 73; Чубинский, ч. I, стр. 27; А. Афанасьевъ. Поэтич. возр., ч. I, стр. 355.

19) Древніе греки представляли себѣ Ирисъ (радугу) съ золотымъ кубкомъ, въ которомъ она разносила богамъ Стиксову воду. Въ Германіи простой народъ думаетъ, что на томъ мѣстѣ, где упиралась концомъ радуга, остается золотой ключъ или золотые деньги. Болгары думаютъ, что радуга на томъ мѣстѣ, где она сосетъ воду, оставляетъ серебряную чашу. Кто найдеть такую чашу, тотъ узнаеть будущее, и чего бы онъ ни пожелалъ, все ему исполнится.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр., ч. I, стр. 355.

20)—Вѣрованье, что демоны прилетаютъ къ женщинамъ въ видѣ огненныхъ змѣевъ, принадлежитъ къ числу международныхъ. Оно передается въ древне-индійскихъ Ведахъ оно же было известно древнимъ грекамъ (происхождение Александра Македонского), римлянамъ (происхождение Императора Августа) и нашимъ русскимъ предкамъ (происхождение Волха Веславича по русскимъ былинамъ). Въ томъ же самомъ видѣ известно оно въ настоящее время полякамъ и сербамъ. Демоны, вступающие, по народному вѣрованию, въ связь съ человѣкомъ, во времена классической древности назывались фавнами и сильванами. Въ средніе вѣка въ Европѣ между ними различали инкубовъ, демоновъ мужскаго пола, вступающихъ въ связь съ женщинами, (у поляковъ—ишюники) и сукубовъ, демоновъ женскаго пола, вступающихъ въ связь съ мужчинами (у поляковъ—подожники). Вѣра въ нихъ въ средніе вѣка была распространена не только въ простонароды, но и среди правящихъ классовъ, а потому въ то время изъ за нея погибло не мало народу по обвинению въ колдовствѣ и въ сношении съ дьяволомъ. Въ настоящіе времена тоже вѣрованье сохранилось: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, литовцевъ, немецъ, имерстинъ, татарь и туземцевъ на о-вѣ Самоа, въ Австралии.

Деталь того же вѣрованья, что къ женщинѣ, сильно и безутѣшно тоскующей объ своемъ умершемъ мужѣ, покойный мужъ ея будеть лѣтать въ видѣ «огненнаго змѣя», известно русскому народу.

Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 279—280; Чубинск. Ч. I, стр. 16, 33, 80 и 193; Das deutsche Volk in Schilderung von Eduard Duller. Leipzig. 1847, стр. 298; З. Н. Р. Г. О. по отдѣл. этнogr. т. III, 1873, стр. 36; Teodor Narbut. Dzieje starozytne narodu Litewskiego. Wilno. 1835. Т. I, стр. 117; O. Kolberg. Lud. Ser. 15. Ч. VII, стр. 34. А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. Ч. II, стр. 567—579 и ч. III, стр. 815.

21)—Вѣра въ то, что земля покоятся на одной или не сколько рыбахъ, плавающихъ въ морѣ, кромѣ Морды и Вотяковъ, известна русскому народу, сербамъ, бол гарамъ и японцамъ. Но число рыбъ или китоў, поддерживающихъ землю, въ разныхъ мѣстностяхъ измѣняется, начиная съ 1 оно увеличивается до 3, 4 и до 7.

Чубинск. Ч. стр. 37—38; А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. Ч. II, стр. 162, 164 и 166.

22)—Вѣрованье, что камни растуть, существуетъ также и у русскаго народа, въ доказательство чего можно привести пѣсню, известную великороссамъ, малороссамъ и белоруссамъ, въ которой задается загадка: «А что растеть безъ кореня?» На что въ той же пѣснѣ дается отгадка: «Камень растеть безъ кореня».

Шейнъ. Русск. пѣсн., стр. 233, № 87; Шейнъ. Бѣлорусск. пѣсн. 1874, № 159; Чубин. Т. III, стр. 190, № 7 и стр. 314, № 44.

23)—Намекъ на то, что и у русскаго народа, также какъ у вотяковъ, было когда-то вѣрованье въ существование языка металловъ, дастъ слѣдующій русскій наговоръ, произнесенный ратниками при выступлении ихъ на войну: «За дальними горами есть окянъ—море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ пастухъ чугунный... Завѣщасть тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, свинцу, олову, серебру, золоту, каменямъ, пищалямъ и стрѣламъ: подите вы, желѣзо, каменья и свинецъ, въ свою мать землю отъ раба (имя рекъ)....»

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. Ч. II, стр. 438.

24)—Върованье русского народа въ существование языка деревьевъ видно изъ русской сказки, о томъ, какъ человѣкъ напился воды, въ которой варились змѣи и стала нонимать языкъ животныхъ, травъ и деревьевъ.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. Ч. II, стр. 574—5.

25)—Рассказы о томъ, что въ древности были великаны и что великаны эти предшествовали обыкновеннымъ людямъ, общи всѣмъ индо-европейскимъ народамъ. Такъ, по сказаниемъ Эдды, въ началѣ міороданія отъ таянія снѣговъ явился на свѣтъ первородный великанъ Имиръ. По греческому міею, скандинавскимъ великанамъ соотвѣтствовали мѣдные люди, которыхъ Зевсъ истребилъ потопомъ за исключениемъ Довкаліона и Пирры, спасшихся въ ящикахъ. Отъ этой пары произошли предки нынѣшнихъ людей, но только по обыкновеннымъ путемъ, а изъ камней, которые они бросали черезъ голову. Литовскій міеъ о началѣ міра сходится въ общихъ чертахъ съ греческими: предками обыкновенныхъ людей здесь также является пара великановъ, которые воспроизвели себѣ потомство, пересекаясь черезъ камни. Современные малоросы также вѣрять въ существованіе великановъ (Вѣмти) и говорять, что они были до потопа.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. Ч. II, стр. 374 и 637—8; Чубинск. Ч. I, стр. 216.

26)—Совершенно такой же разсказъ о карликахъ, которыхъ «12 человѣкъ будуть молотить въ нашей обыкновенной печи» и которые будутъ жить «послѣ страшного суда» записанъ и отъ малоросовъ.

Чубинск. Ч. I, стр. 212 и 216.

27)—Къ черемисскому рассказу о происхожденіи кургановъ ближе всего подходитъ рассказъ о томъ же, записанный отъ малоросовъ Луцкаго уѣзда, по словамъ которыхъ курганы насыпаны какимъ-то воинствомъ «Бунякъ»¹), которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха воздвигало курганы, насыпая землю своими башмаками.

Чубинск. Ч. I, стр. 39.

28)—О томъ, что медвѣдь произошелъ отъ человѣка, записаны рассказы и отъ малоросовъ, но только по этимъ рассказамъ Богъ обратилъ въ медвѣдя мельника за то, что онъ, спрятавшись подъ мостомъ, хотѣлъ напугать Бога.

Чубинск. Ч. I, стр. 50—51.

29)—Русский народъ также вѣрить, что медвѣдь въ день солнцоворота (12-го декабря) поворачивается въ своей берлогѣ съ одного боку на другой.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. Ч. I, стр. 388.

30)—Совершенно такой же рассказъ, какой мы записали отъ Вояковъ, передается въ одной хорутанской сказкѣ: «Однажды при началѣ зимы медвѣдь откопалъ невѣдомый корень, лизнулъ его нѣсколько разъ и ушелъ въ яму, увида то, человѣкъ и самъ лизнулъ его нѣсколько разъ, послѣ чего немедленно впалъ въ усыпленіе и проспалъ въ лѣсу до самой весны.....»

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. Ч. II, стр. 421.

31)—Рассказы объ оборотняхъ-волкахъ, такъ называемыхъ волкодлакахъ, мы находимъ еще у Геродота, который передаетъ, что каждый изъ Невровъ, народа, жившаго къ Скиѳии, разъ въ году на нѣсколько дней обращается въ волка. Такое же вѣрованье есть у русского народа, у поляковъ, у сербовъ, у нѣмцевъ, у армянъ, у жителей острова Митилины, въ Малой Азіи и у всѣхъ индо-германскихъ народовъ.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возр. Ч. I, стр. 736 и Ч. III, стр. 527—8; Чубинск. Ч. I, стр. 52.

32)—Въ этомъ вѣрованіи слиты два мотива: 1) что женщины-колдуны владѣютъ средствомъ невидимо отъ хозяина отбирать у его коровъ молоко, 2) что колдуны имѣютъ въ своемъ распоряженіи животныхъ прирученныхъ или дрессированныхъ, которыхъ они могутъ подсыпать къ людямъ, для того, чтобы на ихъ счетъ напасть, а самимъ остаться неизмѣнными.

Первое изъ этихъ вѣрованій широко распространено въ Европѣ, оно известно у волкодлаковъ, малоросовъ, болгаровъ, чеховъ, литовцевъ, нѣмцевъ и норвежцевъ.

Второе распространено по Европѣ пожалуй но меныше первого, но характеръ зага-

¹) Память о Полошскомъ Бунякѣ.

Ред.

дочного животного, служащего колдуными, и видъ его сильно измѣняется въ разныхъ мѣстностяхъ.

Намъ удалось записать отъ крестьянъ дер. Малая Дуброница Бѣльскаго уѣзда. Сѣдлецкой губ., малорусовъ, слѣдующій рассказъ, который мы передадимъ здѣсь вкратце: «Есть у насъ, говорять они, звѣрь величиной съ кошку, которого мы называемъ шпоры хомъ. (Изъ дальнѣйшихъ распросовъ и по виду трупа этого животнаго, которого намъ показывали въ деревнѣ, мы убѣдились, что это обыкновенный хомякъ). Шпоры хомы бывають дикіе и домашніе. Дикіе имѣютъ за щеками мѣшки, въ которые они собираютъ для себя зерно на поляхъ и сносятъ въ особыя норы, где они устраиваютъ себѣ запасной магазинъ на зиму. Что же касается шпоры хомъ домашніхъ, то ихъ увидѣть очень трудно, но о существованіи ихъ у насъ всякий знаетъ. Нѣкоторые хозяева держать ихъ у себя подъ величайшимъ секретомъ и посыпаютъ въ чужія поля, чтобы они собирали для нихъ хлѣбныя зерна. Шпоры хомъ очень усердно работаютъ для своихъ хозяевъ и приносить имъ хлѣбъ всякаго сорта, какой только ему прикажутъ, но если хозяева пошлютъ его за деньгами, то онъ, хотя и идетъ, но при этомъ горько плачетъ, такъ какъ денегъ достать несравненно труднѣе по нынѣшнимъ временамъ, когда всѣ обзавелись хорошими замками».

Мы прослѣдили это вѣрованье во многихъ мѣстностяхъ Сѣдлецкой губерніи и между прочимъ узнали, что оно совершенно въ томъ же видѣ известно между бывшимъ уніатскимъ населеніемъ въ Радинскомъ и Константиновскомъ уѣздахъ, съ той только разницей, что въ Константиновскомъ уѣздѣ шпоры хомъ называются споры шомъ.

Между тѣмъ известно, что въ Бѣлоруссии есть вѣрованіе въ какое-то миѳическое существо, также называемое споры шомъ и что тамъ существуетъ даже особыя пѣсни, называемыя спорышевые и, которая поются по окончаніи жатвы, въ такъ называемыя «Дожинки». Вотъ образчикъ одной изъ такихъ пѣсень, записанныхъ въ сборникѣ Бѣлорусскихъ пѣсень Шейна (1874 г. № 357):

Ходзіу Спорышъ по вулицѣ, по вулицѣ по мурасцѣ по зяленой,
А никто Спорыша у дворъ не зовець. Вышла, выѣхала Хвадориха:
«Ходзі, Спорышъ, ко мнѣ на дворъ, ко мнѣ на дворъ, на чисовы столъ,
У мяне столы позасциданы, виномъ кубки поналиваны,
У мяне пирогоу понапечана, у мяне меду понасычана, у мяне каша наварена.
Сядзь, Спорышъ, на покуцѣ, на покуцѣ, да на золоцѣ, пи, Спорышъ, залено вино». Сдоры, Божа, у моемъ гумнѣ, у моемъ гумнѣ, у моемъ дворѣ:
На току вмодоть, а въ дзяжи подходь, а въ печи ростъ, а на столѣ сынцѣ.

Эта пѣсня записана въ с. Цашники Витебской губ. Кроме того въ томъ же сборникѣ есть 4 варианта ея, записанные въ Лепельскомъ уѣзда той же губерніи и 2 въ Дисенскомъ уѣзда Виленской губ. Въ сборникѣ Шейна 1887 года есть 9 вариантовъ той же пѣсни въ числѣ дожиночныхъ: Витебского уѣзда — 1, Борисовскаго уѣзда Минск. губ. — 2, Слуцкаго уѣзда — 2, Игуменскаго — 1, Горецкаго Могилев. губ. — 2 и Слонимскаго Гродненск. губ. — 1. Наконецъ въ сборникѣ 1890 г. есть два варианта той же пѣсни въ числѣ свадебныхъ, одинъ Рогачевскаго уѣзда Могилевск. губ., другой — Игуменск. уѣз. Минск. губ. (стр. 319—320). Во всѣхъ этихъ вариантахъ содержаніе одно и то же, развѣ съ той только разницей, что въ свадебныхъ вариантахъ прибавляется:

Ой радз....., добрую раду,
Я сына женю, я Бога хвалю.

Что касается имени Спорыша, то оно повторяется только въ двухъ вариантахъ Горецкаго уѣзда, а во всѣхъ остальныхъ замѣняется словами: Рай, Раѣкъ, Рой, Богъ и Добропло.

Въ своей замѣткѣ о Спорышевыхъ пѣсняхъ г. Шейнъ приходитъ къ заключению, что Спорышъ или Рай — это древнее божество жатвы. Что Спорышъ — божество, съ этимъ нельзя не согласиться, потому, что въ нѣкоторыхъ вариантахъ нашей пѣсни опь прямо называется Богомъ, но причислить это божество къ числу боговъ общественныхъ, такихъ, которыхъ признавало цѣлое общество и каковыми были, напримѣръ, греческій Зевсъ, славянскій Перунъ и проч., мы бы не рѣшились. Изъ сличенія всего, собраннаго нами здѣсь материала скорѣе можно предположить, что Спорышъ принадлежитъ къ числу бо-

жествъ интимныхъ, личныхъ, вродѣ христіанскаго Ангела Хранителя или же къ числу божествъ домашняго очага, семейныхъ, какъ нашъ русскій Домовой.

Далѣе мы находимъ имя Снорыша у поляковъ Люблинской губерніи. Здѣсь этимъ именемъ называется какое-то миѳическое существо «малое», но могущее по желанію вырости до огромныхъ размѣровъ. Названіе это объясняется тѣмъ, что существо это споритъ людямъ въ ихъ имущественныхъ дѣлахъ.

У поляковъ въ Познани подобное же миѳическое существо называется Скшатъ (*Skzrat*). Это—человѣкоподобное существо небольшого роста, которое можетъ приносить отдельнымъ людямъ деньги и достатокъ, для чего оно обращается въ курь, гусей и т. под.

Въ другой мѣстности Познани то же вѣрованье уже измѣняется: Мѣсто Скшата застунаетъ Дьяволъ или Смокъ (*Zmij*), который человѣку, записавшему ему свою душу, сносить во всю его жизнь все, что этотъ человѣкъ потребуетъ. Такой «Смокъ» влетаетъ въ домъ черезъ трубу и обращается въ цыпленка.

Наконецъ въ третьей мѣстности той же Познани записанъ рассказъ, что одинъ крестьянинъ нашелъ однажды въ полѣ промокшую и продрогшую курицу и принесъ ее къ себѣ домой. Курица эта вскорѣ стала приносить въ его домъ рожь и пшеницу. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ въ одинъ прекрасный день не побилъ курицы и не выбросилъ ее вонъ. Тогда что-то вдругъ загрохотало и, все принесенное курицею жито сразу изчезло.

У литовцевъ Сувалкской губерніи есть вѣрованье въ существованіе нѣкоего Айтвара (*Aitwaras*). Это также человѣкоподобное существо маленькаго роста съ длинными ногами, оно можетъ обращаться въ разныхъ животныхъ, а когда перелетаетъ изъ дома въ домъ, то принимаетъ видъ блуждающаго огонька или огненной палочки. Айтваръ имѣть своего хозяина, которому онъ носить деньги, для чего хозяинъ долженъ вставить въ конекъ своей крыши пустую ступницу отъ колеса, чрезъ которую Айтваръ и сыплеть деньги во внутрь хаты. По другимъ же источникамъ Айтвары соответствовали средневѣковымъ Инкубамъ и Суккубамъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ Литвы то же миѳическое существо въ старину было известно подъ именемъ Ригуса.

Всѣ перечисленныя здѣсь вѣрованія имѣютъ между собою много общаго, а потому несомнѣнно происходить изъ одного и того же источника. Повидимому они имѣютъ широкое распространеніе въ Европѣ, такъ какъ къ нимъ примыкаютъ; 1) весьма древнее и широко распространенное вѣрованье, послужившее основой Гетеевскому Фаусту, гдѣ роль Спорыша играетъ Мефистофель, 2) вѣрованье въ существованіе Инкубовъ и Суккубовъ, о распространеніи которого уже было говорено выше (въ примѣчаніи 20-мъ): демонъ, входящій въ любовную связь, въ тоже время заботится объ его материальномъ благосостояніи и наконецъ 3) къ культу Домового, которого иногда представляли въ видѣ змѣи и который всегда заботится объ имуществѣ资料 of his home.

Dzieje starozytne narodu litewskiego Teodora Narbutta. Wilno. 1835, т. I, стр. 117, O. Kolberg. Lud Ser. VII, стр. 92 и Ser. XV. стр. 25—27; Живая старина вып. 4, годъ 4, 1894, стр. 137; Н. Сумцовъ. Культури. переживан. стр. 264; А. С. Дембовецкій. Опыт. опис. Могилев. губ. ч. Ч. I, стр. 499; Д. Афанасьевъ. Описан. Ковен. губ. Слб. 1861, стр. 574; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. III, стр. 485—500.

33)—Вѣрованье это есть и у другихъ европейскихъ народовъ, да и вообще, какъ известно, очень широко распространено по земному шару, судя по широкому распространению такъ называемаго «животнаго эпоса». Малорусы кромѣ того вѣрятъ, что животные разъ въ году, наканунѣ Новаго года, получаютъ даръ разговаривать между собою на человѣческомъ языке.

Чубинск. Ч. I, стр. 48.

34)—Вѣрованье въ существованіе такъ называемаго Вѣрья, т.-е. мѣста, иногда отождествляемаго съ раемъ, гдѣ господствуетъ вѣчное лѣто и куда улетаютъ на зиму всѣ перелетныя птицы, широко распространено въ Европѣ и неудивительно, такъ какъ оно имѣть реальное основаніе въ существованіи тропическихъ странъ. Оно есть у русскаго народа, у другихъ славянъ, у нѣмцевъ, у древнихъ грековъ и т. д.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. II, стр. 137—139; Чубинск. Ч. I, стр. 38—39.

35) — Маленький жучокъ Божья коровка (*Concinella septempunctata*) пользуется благоплеміемъ и покровительствомъ, повидимому, у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ: у индусовъ, литовцевъ, нѣмцевъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, поляковъ и у русскихъ. Однако народамъ этимъ не только общее покровительственное отношеніе къ этому жучку, но и странный обычай, если животное это сядетъ на руку человѣка, произносить, разъ навсегда установленныя, фразы или словесныя формулы. Мы привели такую формулу, записанную отъ вотяковъ, но она есть и у сербовъ и у нѣмцевъ; русская же формула каждому изъ насторонь хорошо известна:

Божья коровка, улети на волю,
Тамъ тепленько, здѣсь холодненько.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. II III — 204 298.

Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ.

(Галицко-бойковскій говоръ).

Горцы южно-западной части Калушскаго, южныхъ частей Стрыйскаго, Дрогобычскаго и Самборскаго повѣтovъ (уѣздовъ) и въ цѣломъ Турчанскомъ уѣздѣ южной Галичины зовутся «Бойки». Занимаются они земледѣльствомъ, скотоводствомъ и торговлею. Почва карпатскаго подгорья и сами Карпаты, производятъ только овѣсъ и картошку, изобилуютъ хорошими пастбищами и сѣножатиями. И потому-то бойко является главнымъ образомъ скотоводомъ-овчаремъ. Громадная выдѣлка овечьяго сыра—брѣзы толкаетъ его къ торговлѣ. Предпринимчивый духъ бойка указалъ ему дорогу къ расширению своей торговли,—бойко взять въ свои руки и овощную торговлю. Почти въ каждомъ большомъ городѣ Австрии, а даже и за ея предѣлами можно встрѣтить крестьянъ съ долгими волосами, въ расширеныхъ насыденыхъ рубахахъ, въ тулузчикахъ и въ ластахъ, предлагающихъ вамъ лѣтомъ венгерскія сливы и виноградъ, зимой же орѣхи, яблоки, сушенные сливы и померанцы—это наши галицкіе бойки.

Различіе въ говорѣ, характерѣ и этнографическомъ отношеніи обратило на себя, уже въ начаѣ истекающаго столѣтія, вниманіе этнографовъ и ученыхъ и вызвало ближайшее изученіе этого народца.—Шафарикъ, основываясь на запѣчаніи Константина Вагринароднаго о землѣ «боевъ» лежащей за Молдавіей, высказываетъ въ Slovansky-hъ Starozitnost-яхъ мнѣніе, что бойки живутъ именно въ этой землѣ боевъ. Это мнѣніе развивается дальше и шире галицкій поэтъ-этнографъ, Вагилевичъ въ статьѣ о бойкахъ, напечатанной въ Щасорії-ѣ щескѣ Museu 1841 г., относя происхожденіе бойковъ къ кельтическому племени боевъ. Я. Ф. Головацкій опровергаетъ это мнѣніе о кельтическомъ происхожденіи галицкихъ бойковъ на основаніи факта, что Несторъ въ другіе лѣтописцы, упоминая о галицкихъ жителяхъ, не упоминаютъ о бойкахъ, какъ инородческому племени—и что у бойковъ и кельтическихъ племенъ нѣть особыхъ общихъ чертъ; въ виду же факта, что горцы бойки, считаются названіе «бойко» постыднымъ, а предпочитаютъ названіе «гуцуль», предполагаетъ онъ, что названіе «бойко» есть остатокъ стародавнихъ жителей Карпатскихъ горъ, бояевъ, порабощенныхъ и прогнанныхъ русскими элементами. Особый же типъ бойка есть послѣдствіе географическаго положенія и климатическихъ условій. (Народчая пѣсни,—историко-географические очерки Карпатской Руси. Москва 1878 г.) Въ рецензіи на сборникъ Я. Ф. Головацкаго, напечатанной въ Отчетѣ о 22-омъ присужденіи наградъ гр. Уварова (37-ой т. Записокъ Академіи Наукъ) высказывается А. А. Потебня слѣдующимъ образомъ: «Разъ мы въ брутѣ возможностей, можно допустить и то, что прозвище Бойковъ дано окрестнымъ русскимъ населеніемъ по неизвѣстнымъ причинамъ въ родѣ приводимыхъ лѣтописью о Радимичахъ (подъ 896-ымъ г.) и принадлежитъ языку этого населенія. Въ такомъ случаѣ можно бы думать о связи съ «боятися» (Бойка изображаютъ робкимъ—между тѣмъ какъ Гуцуль является удалымъ молодцомъ).... Возможно, что прозвище «бойко», которое становится документально извѣстнымъ одновременно съ именемъ Гуцловъ (1703—4 г.), относится не къ столь глубокой древности, какъ думаютъ, и сложилось

подъ вліяніемъ мысли о противоположности характера Бойковъ и Гуцуловъ... въ окончательной своей формѣ не можетъ быть древище имени Гуцуловъ т. е. по всей вѣроятности, XIV в., времени переселенія Румынъ въ Буковину, но и. б.—гораздо позднѣе». (стр. 86—7).—Въ Галичинѣ былъ поднятъ этотъ вопросъ о происхожденіи бойковъ мѣстными учеными А. С. Петрушевичемъ, И. Верхратскимъ и О. Партицкимъ въ 80-ыхъ годахъ. Говорили и о румынскомъ происхожденіи бойковъ, и относили название «бойко» къ слову «бойкій», и мѣстной поговоркѣ «бо-й-е» (вотъ, ибо и есть).

Професоръ Верхратскій собралъ и издалъ небольшой словарь галицкихъ говоровъ (Знадоби до словаря южно-руского. Львовъ 1877). Въ словарѣ обратилъ онъ отчасти внимание какъ на фонетическая, такъ и синтаксическая особенности этихъ говоровъ.— Въ «Временникахъ» Ставроигіївскаго Института въ Львовѣ помѣщалъ о. И. А. Гоцкій въ 1895—1900 гг. части своего бойковскаго словаря. Оба упомянутые словаря и приняты въ основаніе предлежащаго «Опыта».

Сопоставленіе бойковскаго говора съ другими русскими говорами указываетъ, что названія растеній, животныхъ, блюдъ, снастей, сосудовъ, одеждъ во многихъ случаяхъ общіи бойковскому и сѣверо—и юговосточнымъ русскимъ говорамъ; напр.: боръ, бусекарь, головастень, грузъ, зимозель, зурбоникъ, команка; бабецъ, зюпка, казачка, мия; варь, верхнина, глаза, киселица, перепечка; бичева, бѣгало, верея, вершка, драниця; канька, кушка, саганъ, саква; волокъ, кучма, оплеча и др. Нѣкоторые обряды, игры, суетбрія, какъ «досватки, жмурки, громовые дни, паликопа» обозначены этимъ же самимъ называемъ. Въ нѣкоторыхъ великорусскихъ и бойковскихъ говорахъ суффиксы съ употребляются для обозначенія прошедшаго времени: лѣто-сь, зиму-сь.—Съ другой стороны замѣчаемъ и слѣдующее: слова употребляемы въ великорусскихъ говорахъ въ значеніи дѣйствія въ бойковскомъ означаютъ состояніе или снарядъ: вывертка, вывозъ, говѣти, задавка, напоръ, важимъ. Во многихъ случаяхъ употребляется часть въ значеніи цѣлаго и на оборотъ: валъ, завора, ошашня; окончаніе средняго и мужскаго вида мѣсто мужскаго и женскаго рода: было, бабецъ, бичевикъ, облавъ. Относительно окончаній имѣнъ можно слѣдующее замѣтить: окончанію щикъ отвѣчаетъ въ бойковскомъ никъ: вѣяльникъ, вязальникъ; окончаніе аша чередуется въ бойковскомъ съ а-сть и а-шть: любась, гуляшъ. Для означенія повторительного или продолжительного дѣйствія интерполируютъ бойки согласный къ: здоровкати, ревкати, или ст въ словѣ «молиститися». Согласные къ, дъ, тъ; хъ, съ, мъ; я, ръ; съ, шъ (передъ къ, въ а даже и передъ гласнымъ) замѣняютъ часто другъ друга: обыдлатися (обыкнѣлый), кѣсто (тѣсто), табатерка, (табакерка, ср. Даль-Тол. Сл., твр. в ор.); обчесати (обчехнати), рубатка (рубашка); пролубъ (прорубь); шкарадъ, шкитевый, шкrebтачка, шкали, швайка, шадый (сѣдой), шуница.— Въ нѣкоторыхъ словахъ отбрасывается префиксъ, или приставляется: (у-) жасъ, (и-) иржище. Пазвукъ неударяемаго о—а находится въ словѣ лана и нье.

Большое количество словъ, свойственныхъ однѣмъ бойкамъ (въ Галичинѣ) и говорамъ сѣверно-русскимъ можетъ привести къ слѣдующему заключенію: 1) если горцы—бойки старожилы въ галицкихъ Карпатахъ, тогда лишній разъ подтверждается, что въ свое время былъ одинъ русскій языкъ, не раздѣленный на нарѣчія и говоры; 2) если же бойки, элементъ пришлый въ Карпатахъ, такъ можно предполагать откудова пришелъ, именно отъ сѣверо-востока. Второе предположеніе, конечно останется предположеніемъ, пока не будетъ указано такое же сходство между бойками и сѣверинами въ этнографическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ.

На первомъ мѣстѣ стоить слово бойковскаго говора, дальше слѣдуетъ слово изъ Толковаго словаря В. И. Даля 1880 г.—Употребленія сокращенія слѣдующа: б. = бойковское слово изъ мѣстностей Ясень, Сливки, Небыловъ, Прислопъ и Майданъ; Др. = дрогобычскій у., Кал. = Калушскій у., Крс. = Красне въ Калушскомъ, Либ. = Лигогора, Оп. = Опака, Самб. = Самборскій у., Син. = Синеводско, Стр. = Сурыйскій у., Сян. = Сяноцкій у., Тур. = Турка, Ўгр. = Угриновъ, Ур. = Уричъ, Яс. = Ясень.— Сокращенія взяты изъ Толковаго словаря приняты извѣстными.—Въ предлежащемъ «Опытѣ» сохранено этимологическое правописаніе, слѣдуетъ однако отмѣтить, что у бойковъ и вообще въ малорусскихъ говорахъ произношение и = ы, е = ы, ю = и (за извѣстіемъ слова мрѣвый, где сохранилось правильное произношеніе подъ вліяніемъ

т е ж р е (-я-) в и й). Для отмѣненія мѣстныхъ фонетическихъ измѣненій введены а, е, произносимые какъ ы, и г, произносимое ы, при общепроизносимомъ л.

Б а б е цъ (Яс.), б а б и ца (пск.), родь рыбки, головастая рыбка.

Б а г о ръ (Сиц.), косякъ; (Т. С.), желѣзный крюкъ....

Б а г р а (б.), черная корова; б а г р я н а я (Т. С.), чисто бурая, кофейная гончая собака.

Б а д у л и т и (б.), работать, заходитьсь около чего: б а д р о в ъ (Т. С.), начало дѣла, причина; б а д р о в а т ь (арх.), замышлять, затѣвать.

Б а я т и (Либ.), б а и т ь (Т. С.), шептатать, ворожить.

Б а л б е н к о в а т ы й (б.), балбесъ, болванъ.

Б а л т а (б. ориб.), топоръ; (б.), отмѣтка на ушахъ овецъ, чтобы можно было ихъ въ толпѣ узнавать.

Б а р л о къ (б.), висящій подбородокъ у скота; б а р л о й (Т. С.), мѣхъ; б а р л о в и на (в.-сиб.), шкура оленя или козуды.

Б а р ы ш е в и къ (Самб.), барышникъ, посредникъ, маклеръ.

Б а р ы ш е в и е (Самб.), барышевка, ряды.

Б е б е н ѿ (Яс.), малыя рыбки; б е б е н я (влд.), родь саламаты, кушанье.

Б е й к а т и (Сиц.), кричати на волка «бей-бей» (въ Галичинѣ общеупотребительно повел. нахи. б е й - б ї й).

Б е л е н д ъ т и (Кал.), белендрисить, балагурить.

Б е н д ю г а (б. ивр.), рычагъ, бревно.

Б е р в е н о (Яс.), бервио (южн.-зап.), колода, чистый пень.

Б и л о (б.), билень, короткая палка у цѣпа, которой бьется.

Б и ч е в и къ (Самб.), пристяжъ; б и ч е в а (Т. С.), веревка для тяги судовъ, лошадьми или людьми.

Б о г о д ъ л а т и (б.), молить, просить кого; б о г а д ъ л ь с т р о в а т ь (Т. С.), богорадствовать, призрѣвать нищихъ.

Б о г и (б.), кудесники; (Т. С.), минимые управители вселенной.

Б о р ъ (б. сиб. сам.), родь чернаго проса.

Б о ч и т и (б.), колоть рогами, гнѣваться; б о ч и т ь с я (Т. С.), принимать важный видъ.

Б р и д к а в о (б.), о состояніи погоды, ненастье; б р и д к о й (пск.), рѣзкій вѣтеръ.

Б у д и т и (Син.), коптить ветчину; (С. Т.), буженица, буженина.

Б у с е к и ръ (б.), родь травы; б у с е н е цъ (вlgd. при. арх. сиб.), чичерь; (орл.) ситникъ.

Б у т и нъ (б.), мѣсто по срубленномъ лѣсу; б у т и я (арх.), сухая моховина.

Б у т и т и (б.), бутыскать (свѣ. вост.), бодать, пырять.

Б у з у н к а (б.), яловка, которая первый разъ обходилась; б у з а (ват.), хвостъ; б у з у н и я (при.) ласковое название жены.

Б ъ г а ч а к а (б.), рычагъ, которымъ передвигаютъ борону; (п о б ъ г а л о (б.), кольцо на улуку бороны); б ъ г и (волж.), снасть, веревка, тяга.

Б ъ л и ч к а (б.), белка.

Б а л ь (Кал.), пласть скосенаго сѣна; (тмб. пен.), куча сѣна, скатанная граблями изъ одного пласта.

В а р и т ь (Крс.), говоря о солнечномъ зноѣ; в а р ъ (Т. С.), солнечный зной.

В а р ъ (б.), овощная похлебка; (Т. С.), похлебка.

В а т а ж о къ (б.), самый старшій пастырь овецъ; (раньше название предводителя опришковъ-разбойниковъ); (Т. С.), предводитель шайки, толпы, артели.

В е л ъ т и (Син.), велѣть, приказать.

В е р е д и т и с я (Син.), хвастаться, важничать; в е р е д у х а (Т. С.), пакостникъ, про-казникъ, худой, бѣдовый баловникъ; в е р е д л и в ы й (Т. С.), нѣженина, недотрога.

В е р е т е н и ца (б.), ядовитая змѣя; (Т. С.), мѣдянница хрупкая, неядовитая змѣйка.

В е р е я (Кал. Т. С.), столбы, на которые навѣшиваются полотенца воротъ.

В е р х и п на (Стр. Слав.), в е р х и (ярс. вlgd.), сливки, снимки верхъ удоя.

В е р ш к а (б.), верша, рыболовный снарядъ изъ прутьевъ.

В е с е л к а , в е с е л и ч к а (Син. Либ. пск. сил.), радуга.

В е с н о в а т ы й (Стр.), тощій (Скотъ подъ весну); в е ш и я т ь (арх.), доѣдать послѣднє запасы къ веснѣ.

- Волоки (б. южн.-зап.), отборы, завязки у постолъ, лаптей.
- Волотка (б.), вершина снопа, колось; (смб. кст.), стебель, горсть стеблей.
- Ворошки (б.), веревки, на которыхъ висить люлька; ворошить, ворохать (Т. С.), трогать, шевелить.
- Ворохъ (б.), толпа, куча; въ вороху, вмѣстѣ, общими силами; (Т. С.), горка сыпучаго.
- Время (б.), иенастье; (Т. С.), состояніе воздуха, погода.
- Вывертка (б.), дерево опрокинутое вихремъ; (Т. С.), дѣйствіе въ значеніи: класть что въ переверть (состояніе—дѣйствіе); выверть (Яс.), земля у опрокинутаго дерева.
- Вывозъ (б.), дорога на гору; (Т. С.), дѣйствіе въ значеніи глагола.
- Вывѣживати (б.), вывѣдывать, вывѣдать.
- Выдруститися (Самб.), выдрыхнуться, высаться.
- Вѣдавъ (б.), вѣдь, вѣдай.
- Вѣяльникъ (б.), вѣяльщикъ.
- Вязальникъ (б.), вязальщикъ.
- Вязи (б.—вѣзи), вязки, связки нѣкоторыхъ частей телеги, саней.
- Гавзунъ (Кал.), корчага, большой горшокъ; гавезъ (ряз.), множество, тьма, пропасть.
- Гарасиковатися (Син.), спорить, ссориться; гарасить (кал.), ударить.
- Гачуга (Яс.), букъ, дерево; гачки (сиб. орн.), сосновое лыко, облонь, мезга.
- Гинтай (б.), парень, (гонтай—гоняться?); гиль (Т. С.), шутникъ.
- Глаза (Син.), яичная каша; глазуха (пск. кал.), гороховая кашка съ крупой.
- Глѣй (Яс.), грязь; (ивр.), глина; глевъ (Т. С.), слизь, покрывающая рыбу; глѣнь (Т. С.), сокъ, влага.
- Гнетенка (б.), кружочекъ сыра, находившійся или находящійся подъ камнемъ; гнетень (твр.), прижимъ, нажимъ.
- Говѣти (б.), истощаться; (Т. С.), поститься.
- Година (Яс.), хорошая погода; (Т. С.), время, пора, часть.
- Головастень (б.), раст. головастикъ.
- Голенатый (Стр.), голеняй, долгоногий.
- Гонтина (б. Т. С.), короткая дранка, расколотое бревенчко.
- Гроза (Либ.), большущій, исполнійский; (ивр.), много, ужасъ сколько, прощастъ.
- Громовый день, (б.): дни свв. Илии, Пантелеимона, Кирилла; (Т. С.): день св. Илліи.
- Грузъ (б.), груздъ (пск.), грузделокъ (сиб.), груzenъ (вят.), сѣдомый грибъ.
- Гуляшъ (б.), пастырь въ горахъ; гуляшки (б. Т. С.), праздношатательство; гулевой скотъ (Т. С.), не рабочій, отгуливавшійся на пастбищѣ.
- Гуркало (Стр. Самб.), болтунь; гурлить (сар.), болтать.
- Гурный (Либ.), гордецъ; гурлить (вагд.), хвастаться.
- Гутити (б.), густы, гудить.
- Давнѣчно, давѣ (Син.), давичка, не такъ давно, еще сегодня.
- Даинъ (Либ. Т. С.), подать, оброкъ.
- Дата (б.), кормиъ данный скоту дача (Т. С.), пайка, мѣсчина.
- Двичи (б.), двоича (тиб.), двоичи (южн.-зид.), два раза.
- Девяносто (Син.), девяносто, (въ Галичинѣ общеупотребительно: девятдесятъ).
- Дзюня (б.), дюшка, зюжка (твр.), поросенокъ.
- Днѣвка (Либ.), работа одного дня; (Т. С.) проведение цѣлаго дня за занятіемъ.
- Домарити (Яс.), домашничать.
- Долгунья (б.), долгая рубашка у малыхъ дѣтей; (Т. С.), великорослый человѣкъ или другой предметъ.
- Дѣ-разъ (Либ.), доразу (кал. кур.), сразу.
- Досватки (б.), рукобитье, согласие насчетъ приданаго.
- Драинца (б. Т. С.), колотыя, сосновыя дощечки для кровель.
- Другарь (б.), рычагъ у плотины, къ которому привязываютъ кормило; дружокъ (спб.), петля, вѣваемая въ бердо.
- Дужатися (Либ. зид.), бороться; дужай (энд. юж. кур. твр. кал. б.), крѣпкій.
- Дучайка (Син.), дучка (Угр. юж.), дырка, дыра.

- Жало** (б.), жалива, крапива.
- Жаркий** (Самб. Т. С.), горячий, раскаленный.
- Жасати** (Симб. Кал.), ужасати; **жасъ** (*ibid*), ужась.
- Жиръ** (б.), буровые желуди; (Т. С.), масло, приволье, тропинки дикихъ звѣрей.
- Жиеня** (б.), малый снопикъ соломы; (смл.), горсть чего; **жина** (каз.), горсть колосьевъ.
- Жиохати** (кал.), жиакать, жиокать (ряз. арс.), бить, болотить.
- Жиурки** (Либ. Т. С.), игра.
- Завора** (б.), ворота мъ овинахъ; (Т. С.), засовъ, застава.
- Заворотъ** (б.), чадъ; (Т. С.), на дворѣ, иенастье.
- Задавка** (б.), дифтеритъ; (Т. С.), задавление.
- Задарь** (Либ.), задаромъ, шонапрасно.
- Задубѣти** (Либ.), задубѣть, окрѣпнуть.
- Зазорити** (Самб.), начинаетъ разсыпать; (квг.), засѣтить, зажечь.
- Замѣтати** (Стр.), заметать, завѣтать.
- Запечекъ** (б., скамья между печью и стѣною; (Т. С.), промежутокъ между печью и стѣною.
- Зарубъ** (б.), небольшое огражденное мѣсто для скота; (Т. С.), засѣка.
- Зарѣдити** (б.), дать въ нишу молока или масла; (Т. С.), дѣлать что-либо рѣже прежнаго.
- Запоръ** (Крс. Т. С.), запирка.
- Затворка** (б.), окно; (твр.), ставень лавочки.
- Затесъ** (б.), желѣзная трубка у колеса, чтобы ось не стирала его; (Т. С.), затесанное мѣсто, засѣка.
- Затынити** (Ур. Т. С.), обносить тыномъ.
- Захистъ** (б.), что захичаетъ избу отъ стужи и вѣтра; **захитить** (Т. С.), защищать отъ стужи и вѣтра.
- Заходистый** (б.), неспокойный; **заходчивый** (Т. С.), скорый.
- Зачерети** (Самб.), зачерпнуть.
- Звонецъ** (Яс. Т. С.), раст. синелька.
- Здоровкати** (Стр.), здороваться.
- Зимозель** (б.), раст. зимовикъ.
- Зубровникъ** (б. Т. С.), растеніе.
- Иванъ**, самое обиходное имя; **Иванъ головатый** (Ис.)—растеніе похожее на клеверъ, цвѣтеть бѣло; **Иванъ-трава** (Т. С.) кипрей.
- Истина** (б. стар.) Капиталь.
- Иржюще** (Ис.), ржаное пожниво.
- Ка, ко** (б. Т. С.), частица, присоединяемая къ повелительному наклоненію въ цѣли поощренія.
- Каблюкъ**, (клобукъ), каблучекъ, суконный или кожаный колпачекъ; ср. **кебана** (Либ.).
- Кавушъ**, боченокъ, употребляемый горцами при приготовлении овечьего сыра—брѣнды;
- кавшикъ**, (при., сиб.), плетенный взъ прутьевъ плоскій ковшъ для выборки изъ котла пельменей.
- Казачка**, медвѣдь; **казакъ** (при.), боровъ; **казачекъ** (при.), поросенокъ; (сиб.) самецъ кабарги; **казачиха** (арх.), самка моржа.
- Казити** (Самб.), портить, разбить стекло, искашать.
- Кайлакъ**, отбросокъ дерева въ лѣсопильныхъ заводахъ; **кайла** (Т. С.), землекопное орудіе.
- Каленица** (Стр.), сосудъ для приготовленія глины; **каленка** (Т. С.), банная печь, каменка.
- Калѣчина** (Либ.), уродъ, хромой; **калѣка** (Т. С.), увѣчный.
- Канатъ**, самая толстая вервь, веревка.
- Каникко** (произносится кенъятко), малый сосудецъ; **канька** (арх.), деревянная кружка, жбанокъ; **конюхъ**; (вер. ниже), ковшъ, ковшикъ; **канка** (Самб.), украшение головы у крестьянокъ.
- Капакъ** (Ср.), плугъ, ср. **копать**; **ламакъ** (*ib*), сопникъ, лемехъ, ср. **ломать**,

- Капустянка (Либ.), капустное поле послѣ уборки капусты; (прм.), помочь для рубки капусты.
- Катранъ, передникъ; катраинъ, катръ (Т. С.), растеніе, серпуха.
- Кваснина (Либ.), кислое козье (или овечье) молоко, наз. у горцевъ жентица; квасъ (Т. С.).
- Кедровка (Яс.), птица проживающая въ кедровыхъ лѣсахъ, *Nucifraga caryocatactes*.
- Кервянка, кровянка (Лаб.), кровь, (твр. иск.), сукровица.
- Кійлье, (б.) кій, которымъ глушать рыбу; кіемъ глушать рыбу подо льдомъ (Т. С.).
- Кілавка (инож.—й, Яс.), неспѣлая слива, выродокъ, падочка; кілавое дерево (Т. С.), дерево съ наростами.
- Килиндати (б.), медленно заниматься чѣмъ; Килиться (иск.), мѣшкать, медлить, возиться.
- Кипѣти (б.), волноваться, кипѣть.
- Кирина (б.), беспорядокъ, грязь; киръ (астгр.), пропитанная нефтью земля.
- Киселица (б.), борщъ изъ ржаной муки; киселина (Т. С.), кисельный растворъ, супой.
- Китайка (Либ.), китъ, китица у папахи; китица (Син.), соломенная витушка, горсть соломы; кіть (иск.), соломенная плетеница.
- Кичер(к)а (Либ.), обрывистая гора, покрытая лѣсомъ; кичить (Т. С.), кичень (твр. иск.), гордецъ; кичерюга (ол.), берестянка.
- Кладній (б.), копна; кладъ (Т. С.), стогъ, скирда.
- Клепачъ (Либ.), клепецъ (Г. С.), молотокъ, которымъ отбиваютъ косы.
- Клубъ (б.), дерево, опрокинутое съ корнемъ; клубъ дерева (Т. С.), сучья, вѣтви п листья.
- Клюка (Либ.), крючекъ съ загибомъ.
- Клянчвти (б. влгд.), просить, кучиться, каничить.
- Кобелецъ, тычекъ надѣть кроватью, для повѣски платья: коба (ивг.), кобель (вост.) коль, тычекъ.
- Ковбидя, ковбокъ, ковбий, ковбани (Стр.), певъ, для рубки дровъ; воба, коблюхъ (Т. С.), коль, пень, надолба; ковня, паковальня.
- Ковыряті (Яс.), долго хворать; ковѣркать (Т. С.), гнуть, ломать, иять, сгибать. Его падучая коверкаетъ; ковырять, копать, рыть; ковылѣть, хрюматъ; поживать кой-какъ; всѣ перековыли, перехворали; кыркать (твр. иск.), хворать, недомогать.
- Козелъ (б.), долгая жердь у кормы; (Т. С.), ручной воротъ; (влгд.), два кола на крестъ перевязанные вицей.
- Колесни (об.), двухколесная тележка у плуга.
- Колосйна, колосинъ (-я) (Стр.), ветря, выположенные или недомолоченные колосья для корма скота; (сѣв.) колосяга.
- Колоситися (б.), колоситься, растить на себѣ колось.
- Колотилецъ (б.), палка съ колокольчиками, употребляемая свадебнымъ бояриномъ; колотило (Т. С.), клепало, желѣзная доска, въ которую бѣютъ сторожа.
- Колотушка (об.), колотивка (о.), колотилка, снарядъ для колоченья.
- Колубахъ (Стр.), водоворотъ; колостьба (Т. С.), дѣйствие и состояніе по знач. глагола.
- Колыба (б.), изба горцевъ изъ досокъ и коры: колыбель (Т. С.)... ролина, мѣсто рожденія.
- Колядованье (б.), обрядъ хожденія по домамъ, въ дни Рождества и Нового года, съ поздравленіями и пѣснями; ходить парни и девушки; коляды, коледа (юж. зап.), святы, праздникъ Рождества Христова и всѣ дни до Богоявленія.
- Коль (б.), коли, если, буде.
- Комаїка (Яс.), клеверъ, трилистникъ; команіка,—ица (твр.), ягода, перелеть, латочный горошокъ, *Gesweiner Hornklee*.
- Комаринъ (Стр.), плетеная постройка, гдѣ спать пастыри и гдѣ хранить овечий сыръ; (арх. астр. урлыс.-каз.), холчевая накидка, калпакъ на всю голову, съ щѣткою изъ конского волоса передъ лицемъ.
- Конюхарити (Самб.), быть конюхомъ.

- Коюшна (об.), клеверъ, трилистникъ: (твр. пск.), раст. коинскій щавель.
- Копаня (Либ.), доска у устья печи, печная заслонка; копаница (кур.), одноручная кирочка печниковъ.
- Копанн (об.), пара санихъ полозьевъ.
- Копыль, копылья (Стр. Либ.), въ сания полозья вдолбленные копылы.
- Коржъ, овсяный хлѣбъ; (юж.), прѣсная лепешка.
- Королька, королица (Ис.), растеніе, родъ трилистника; садовыя корольки, (Т. С.), красный, стручковатый перецъ.
- Кортѣчка (Самб.), нетерпѣливо выраженіе, страстное влеченіе; кортѣть (вост.), жадно выжидатъ.
- Корчага (Сан.), корчула (Стр.), глиняный сосудъ съ узкой шейкой; (Т. С.), большой горшокъ.
- Космогруды (Самб.), съ косматой грудью.
- Котячка (б.), овечья волна, скѣшанная съ шерстью; котиться (тмб.), объ овцахъ или козахъ, ягнитъся; котъка (ряз.), ягня.
- Кочерига (Си.), брюква, нѣмецкая рѣпа; (Т. С.), хрящеватый кочанный стебель.
- Кочёрга (б.), кочергъ, печная клюка.
- Кохать (б.), заботливоходить около скота; кохать (ся), (смл. зпд.), любить (ся).
- Крешатина, крешатое полотно (Либ.), полотно въ крестахъ; крешатый (Т. С.) въ крестахъ.
- Кривуля (Си.), что либо кривое, изогнутое.
- Крошия (Самб.), плетеная корзина, для ловли рыбы; долгая плетенка съ холщевой крышкой для телегъ.
- Крутарь, (Либ.), сумасбродъ, пройдоха, обманщикъ; крутила (Т. С.), крутящий что-либо; крутиль (Либ.), крутильня, отдѣленіе канатнаго завода, гдѣ крутятъ веревки; крутило (Стр.), крутивѣцъ (Си.). пучина, водоворотъ, крученіе (Т. С.); крутить (б.), приготовлять дерево къ спуску, въ рѣку; круть, крутиза (Т. С.), обрывъ, утесь, скала; круторогій (об. Либ.), волъ.
- Крученка (Самб.), крендель; кручинки (ярс.), гостины, лакомства, приносимые женщикомъ невѣстѣ.
- Крушна (б.), рабина; (Т. С.), горная береза, карлушина.
- Крыжовница (б.), поперечный шесть между дышломъ и грядками саней; крыжеватъ (Т. С.), вязать на крестъ.
- Крыша, крытіе, прикрытие, кровля.
- Крикнути (Либ.), грязнуть, ударить.
- Кубашка (б.), деревянный сосудъ съ ушкомъ для питья; кубышка, (Т. С.), деревянный или кожаный сосудъ для питья.
- Кугава (Си.), обрывъ, ярь; когва, когма (арх.), второй слой лѣду, намерзающій отъ морскихъ приливовъ; куговина (сред. и юж.) мѣсто заросшее кугою, тростникомъ; вуйва (Калуш.), престарѣлая изба; (кал.), неопрятный растрѣпа.
- Куканица (Ис.), вешній цвѣтокъ; куколица (Т. С.), раст. *Melandrium pratense*, лѣсной куколь.
- Кумбукъ, —чъ (Яс.), кривое, выбракованное дерево; комель (Т. С.), толстый конецъ бревна; комлюхъ (твр.), дубина, комель; комъ (Т. С.), обломокъ, кусъ.
- Курта (Стр.), короткая мужская одежда; куртый (Дрог.), короткій; (Т. С.), курта, куртикъ (дон.).
- Курево (Стр.), служащее для вурки, дымленія въ пасѣкѣ.
- Кучица (б.), шапка изъ цѣлаго бараиза; (Т. С.), выслоухая, мѣховая шапка.
- Кушка (Калуш., вор.) у косарей, бурачекъ съ водою и съ брускомъ для правки кось, ср. то чѣкъ.
- Кущавый (б.), больной, истощенный, сухощавый; кущникъ (арх.), старикъ-отшельникъ.
- Лавка (б.), пѣшеходный мостики, кладка: (юж. ивг. ярс.) лава.
- Лагодный (б.), готовый, снаряженный къ дѣлу; лагодиться (юж.), собираться.
- Ладкати (Стр. Самб.), пѣть свадебная пѣсни; ладо (Т. С.), мужъ; ладковатъ (Тул.), сватать.

- Лазъ (б.), изба горцевъ въ полѣ, гдѣ проводятъ все лѣто: (Т. С.) тѣсный проходъ, нуть, гдѣ проходятъ звѣри.
- Ламанье (отъ ломатъ, Либ.), ломанье, дѣйст. по знач. глагола (ломать стручки, лопатки кукурузы).
- Латити (лин.), покрывать избу латинами; (кур.) лата, латвина; (юж. эпд. твр.) латѣть. Легинъ¹⁾ (б.), парень, холостой человѣкъ; легастый, легостай (вигд.), вѣтренный опрометчивый человѣкъ.
- Легдовище (б.), място на пастбищѣ, отведенное для скота; логовище (Т. С.), лежка, лежище, постель животнаго.
- Лежанка (Син.), тиф; лежка (ивг.), повальная болѣзнь.
- Лежень (б.), лѣтний, лежебокъ.
- Лелетка (б.), сова, сычъ; птица, которой появленіе па гумѣ предвещаетъ смерть члена семьи; лелекъ (Т. С.), козодой; лелетка (смл.), овсяная иякина; лелетки (Либ.), блѣстки: лелеять, (кур. вор.), мелькать, блестѣть.
- Леличъ (б.), родъ дерева, растущаго въ горахъ, можевельникъ, сухія ягоды котораго употребляются, какъ кадило; лельямъ (Ряз.), куренія, благовонія.
- Леска (б.); плетеная изъ прутьевъ сѣть; леса (вят.), лесодѣльство (твр.), леска, лѣса, нить или шиуръ на удѣ.
- Липина (б.), скликва, которой свѣтить по вечерамъ: (кур.) липовая лучина; лапникъ (Калуш.), лѣпецъ (Т. С.), вареный бутылочный медъ (съ липового сока).
- Липиниця (Яс.), липучка (Т. С.), раст. прида.
- Лихва (об.), ростовщики проценты.
- Логинъ (Син.), лежащее дерево; логъ, логовища (Т. С.), балка, ущелье, долина.
- Ломскій (б.), о молодомъ баранѣ говорить; (Т. С.), ломаться, о коровахъ: быть въ порѣ, въ течкѣ; (прм. вят.), метаться во второй половинѣ стельности, ломоватый, неуклюжий, грубый: ломовитый, дюжій, плотный, здоровый.
- Ломыгати (Либ.), бить вого ломагой, палкой; ломыхать (ивг. иск.), ломать, коверкать, мять.
- Лопарь (Либ.), лопата; (названія разныхъ лопатъ, какъ: заступъ, городникъ, общеупотребительны въ Галичинѣ).
- Лопата (б.), городникъ, деревянная лопата съ оковкою, гора непокрытая деревомъ и зеленою; глядѣть подъ лопату, готовиться умирать; во время грозы выносить лопату или кочергу на дворь; (ср. Т. С.).
- Лопатень, напарій, кошь сверлять ступицы, колеса.
- Лопатка (б.), стручекъ гороху; (об.) деревянная дощечка съ рукоятью, усыпанная по смолѣ пескомъ для правки косы.
- Лоскавѣцъ (б.), растеніе василекъ, служащее къ украшенію; (Т. С.) лоскутникъ, лоскутица, раст. василекъ, волошки.
- Лоточить (б.), бранить, ругать; лотошить (юж. курс. тмб. вят.), лепетать, болтать, молоть языкомъ бойко.
- Лубье (об.), лубъ, лубки, кора.
- Луговина (б.), лоза, изъ которой плетутъ корзины; (Т. С.), небольшой лугъ; (ниж.), мурава, дернъ; пролѣсокъ, прогалина.
- Лудити (Либ.), манить собаку; (Т. С.), обманывать.
- Лукавити (б.), ненавидѣть; (Т. С.), дѣйствовать коварно.
- Лутъе (б.), лыка; лутъё (кур., раз.), молодой липнякъ, годный для съемки лыкъ.
- Лучиниця (Стр.), лучина, щенавъ.
- Лѣвакъ, лѣвакъ (об.), лѣвво, лѣвачъ, лѣвшакъ.
- Лѣпакъ (Самб.), вареникъ: (Т. С.) лѣпакъ, липкій комъ, лепешка.
- Лѣпана (Самб.), мазь изъ воска, смолы и сала; (окончаніе)!
- Лѣтеній (Либ. иск.), тейловатый, о водѣ.
- Лѣто-съ (об.), лѣтомъ, прошлымъ годомъ.
- Лѣторость (Син.), лѣторосль, вѣтка.

¹⁾ Мадьярск. Lege и у — парень, молодецъ.

- Любасъ (б.), любаша, избранный.
- Лютый (об.), свирѣпый, звѣрскій.
- Лягити (Яс.), увидѣть что: (пск. твр.), тянуть, иѣшкать.
- Манна (б. юж.), медовый опадъ въ теплую лѣтнюю ночь; (юж.) собираемое въ южной Россіи по рѣsistой травѣ сѣмя.
- Мановцы (об. гал. мановцы), оманецъ (Самб.), дорога наугадъ, прямкомъ, (Т. С.) мановъе мъ, мановъю.
- Мантарь (Самб. Стр.), манила, манищикъ (Т. С.), обманщикъ, надуватель.
- Маточина (Самб. юж. зап.), колесная ступица.
- Маценъя, маценъятко (Син.), мацичча (Самб.), маходня, маходтка (раз. тул. тиб.), кашничекъ, маленький горшечекъ.
- Мжа, мжиця (Син., тиб. тчл. вят.), холодный, мокрый туманъ, мелый дождь; мга (кал. тул. кур.).
- Медвяный (б.), дорогой, сладкий.
- Ментусъ (б.), мантусъ (Смб.), рыба менъ, налимъ.
- Метель (об. Либ.), вихорь со снѣгомъ.
- Міръ (Яс.), народъ, громада.
- Митья (Син.), на поперекъ бросить; ср. опрометью (Т. С.).
- Миюхъ (б.), родъ рыбы; (Т. С.), менъ, рыба; мия, обжора.
- Мокрышъ (б.), родъ зелья; мокринникъ (Т. С.), растеніе.
- Молиститса (Стр.), маливать, покорно просить.
- Молодина, верхнина (Либ.), сливи; молодъ, молодизна (Т. С.), пѣна на недобрившемъ пивѣ, меду, квасу.
- Молотилка, молотильня (об.), илодтия (Самб.), молотильная машина.
- Молотъ (Стр. об.), дѣйствіе и состояніе по знач. глаг.
- Мороквѣ (Либ.), тонкое болото; ср. мокрота, мокредина и мордка.
- Москати (Дрог.), ударять со стукомъ; (нѣг.) москотать.
- Мостъ (б. сѣв. вост. орл. тиб. раз. смл.), избной поль, помость.
- Мостовка, мустъ (Син.), навозная жижа; мустъ (Т. С.) виноградное сусло, ягодный соекъ.
- Мощина (-и), кошелъ, сумка, киса.
- Моча (Син.), урина.
- Моцаръ, мочарь (Либ.), мощный, крѣпкій человѣкъ.
- Мочило (б.), прудъ; колдобина, прудъ (Т. С.).
- Мрѣвый (б.), дождливый, болзны; мрѣть, мрѣять (Т. С.), маячить, мерцать, неясно обозначаться въ иракѣ.
- Мудерный (Калуш.), мудреный, искусственный.
- Мурандиль (Либ.), морандель (Дрог.), муравей.
- Мурашовникъ (Яс.), муравынная трава.
- Муреша (б.), овца съ желтыми пятнами; мурашанъ (Т. С.), о шерсти коровъ, собакъ: волнистый, мрамористый, рыжебурый съ черною волною, желтоватый съ темнобурою волною, темночестрый, въ волнистыхъ полосахъ и пятнахъ.
- Мургатый, мурганистый (Самб.); мурый, мурастый, муругій (Т. С.), темночестрый.
- Мучанка (мученка, Либ.); мученка, мучница (арх.), мучнянка (Т. С.), мучная болтуша, саламата.
- Мушеникъ (Тур.), мошенникъ.
- Мѣровникъ (Яс.), землемѣртель, инженеръ.
- Мѣрчили (Син.), братъ установленное количество зерна за молотье въ мельницѣ; мѣрка (Т. С.), мѣрение.
- Надега (б.), надѣжа (ирд.), надежда; ср. помога у (Некрасова: Морозъ, красный восьмъ XXII).
- Надчалистый (Либ.), наглый; чалить (Т. С.), привязывать, наставать, напирать на кого (отдѣльно наплавистый (Либ.), наглый).
- Нанизати (Либ.), нанизывать.

- Напоръ (Стр.), ступица у колеса; (Т. С.) напиранье.
Нараквицы (Яс.), вязанные или суконные рукавчики.
Нарожницы (Син.), угловые снощи крыши.
Нà-силу (Либ.), насильственно; нà-стежъ (об.), распахнуль.
Настримокъ (об. гал.), остримокъ (смб. пен. вд. ниж.), возышка съна.
Начахолити (Самб.), нарубить дерева; чахнуть, чахлый (Т. С.).
Нàшибка (Яс.), варынь; нашибать (Т. С.), сбивая ронять что, ударять.
Недоходокъ (Яс.), недоноска (обуви).
Нетеча (б.), малый ручей; нетека (Т. С.), остановка течений.
Норичка (б.), норка, водяной звѣрекъ въ родѣ выдры.
Нѣмота (об.), нѣмецъ, всякий иностранецъ, не говорящій по русски.
Нѣтъ (б.), нѣть.
Нюхтити (Яс. сиб.), причувать, искать чутьемъ, слѣдить.
Обгоняика (б.), открытый овнъ для овецъ; обгонокъ (Т. С.), небольшой участокъ дороги, где гурты обгоняютъ верхомъ.
Облавъ (Самб.), облава (зад.), осова.
Облазъ (б.), облазная тропа, (Т. С.), узкая окольная дорога, тропа.
Облиця (Либ.), облецъ (влгд.), облѣкъ (кур.), круглое неколотое полѣно, пень, чурбанъ.
Облукъ (б.), скрученная обечайка; (Т. С.), грядки на телегахъ, санихъ; облучать (Т. С.), обогнуть, обнести лучкомъ.
Ободъ (об.), гнутое дерево, образующее колесо.
Оболонка (б.), оконное стекло; (кур. кал. зап.), болонка, оконная, оконное стекло.
Оборины (б.), этотъ моментъ свадьбы, когда женихъ идетъ къ невѣстѣ, чтобы идти съ ней въ церковь; обирать (юж. марс.), избирать; отыывать, грабить.
Оборень (б.), ушко въ лапѣ.
Оборины (б.), опора, столбы, на которыхъ покоятся передвижная крыша.
Обручъ (б.), обечайка, которой привязывается крышу «оборога» (стога) къ столbamъ оборицамъ.
Обсѣкати (об.), обсѣкать, обтесать; (б.), обносить землею молодую картошку.
Обухъ (об.), обнимающій ухо сѣкиры, тупѣй.
Обчимати, обченисати (Самб.), обчѣкать, обрѣзать, обчакрыжить.
Обчѣрати, обчерсти (Яс.), очерчивать деревья, сбивать кожу, лупить кору.
Обыдлатися (б.), прижиться, обытѣть: обычный (Т. С.), къ дѣлу навычный, привыкливъ.
Обыльце, (обельце), (Яс.), стебель растенія; обельнѣй (сиб.), округлый, облѣцъ (влгд.), круглое полѣно.
Огарокъ (об.), остатокъ свѣчи.
Оденокъ, одонокъ (б. гуц.), одѣнье, одонокъ (вд. сар. кур. ора. новг. тамб. тул.), круглая скирда.
Одностебелица (Яс.), родъ травы; одностебельный (Т. С.), о растеніяхъ.
Отъ (Либ.), чтобы; (мск. ряз.), неузн, трэли.
Ожеледиця, ожеледъ (Син. юж.), гололедъ.
Озниця (Сам.), дыра въ крыше, на мѣсто трубы; ср. сквозной.
Окидъ (б. кстр.), изморозь, иней.
Околотовати (Син.), полуобмазывать; околотъ, околотокъ (об.-гал. вд.), околовченный, обитый сношъ.
Окопище (об.-гал.), еврейское кладбище; окопъ (тул.), окопанное кладбище.
Окуръ (Яс.), огонь разведенный для окурки комаровъ; (Т. С.), окуривание.
Омачка, мачка (б.), юшка въ мундштуку, табачная жвачка; обмачка, обмакивалье; (новг.) вареный и мятый картофель въ маслѣ.
Омяснутися (Либ.), ошибаться; омягнуть (зап.), утомиться, изнемочь.
Ондѣ, оногда (пар. об.), тамъ, недавно.
Опачина (б.), корма плотины; опашня (сиб.), гребокъ, весло.
Оплета (Самб.), оплеть, плетенка.

- Оплетины (Либ.), плетенка для косы.
- Оплеча (Либ.), женская рубашка; оплечникъ, оплечье (Т. С.), нараменикъ, шитокъ женскихъ рубахъ.
- Опой (Дроп.), опиуиъ, отрава; (Т. С.), опиванье, перепой.
- Оскарбъ (Самб.), топорь; оскарибить (вор. моск. ряз.), оцарапать.
- Осквернится (Либ.), запачкаться, оскверниться въ посты.
- Оскепище (Дроп.), древко, грабельная рукоятка; (стар.), древко коня.
- Оскорбъ (Син.), оскорбленье, несправедливость.
- Ослепени (б.), кривые дрюки, подпирающие хижину горцевъ; оследь, оследина (при. вят.), ослопъ, ослопина (свв. вост.), бревно, жердь, дрюкъ, колъя.
- Ослонъ (Самб. зап. юж.), лавка, приставная скамья: (новг. иск.), жерди, для сушки сноповъ, оставинъ.
- Остебия (Самб.), жѣлѣзная драбина; остебать (Т. С.), строчить, остегать.
- Остѣга (Самб.), колосовая ость; остѣга (Т. С.), околотень, отбоишъ.
- Островъ (б. иск. твр. новг. птроб. прм.), лѣсина съ остриками для сушки хлѣба въ конвахъ.
- Островки (Син.), оборни, ушки въ лаптяхъ.
- Отбой (б.), бревна плотинъ, вздѣрывающіе воду рѣкъ; (Т. С.), отталкиваніе, отраженіе.
- Отказать чѣм кому, (об.), завѣщать.
- Охаба (Стр. Син.), толстое бревно; лужа сухое русло рѣки; охабка, (Т. С.) вязка дровъ, соломы.
- Ошую (б.), человѣкъ, никѣмъ не любимый; ошутять (Т. С.), быть отвержену.
- Падаличина (б.), изломы въ лѣсу, взломанные деревья; падалица, падалище (Т. С.), обояшь, плоды обитые вѣтромъ, вѣтробой, обронь.
- Патъ (Ис.), пазъ (Т. С.), узкая и длинная щель, скважина, желобовина въ доскѣ.
- Паздерить (Др.), паздерить (влгд. арх. при.), сдирать, драть, сѣть, наказывать.
- Паленя (Либ.), паленикъ, паленка, лепешка, испеченная въ золѣ.
- Палій (об.), день св. Илія 20-го июня; паликопа (юж.), паликопна (ря.)., день Бориса и Глѣба 24 июля.
- Памолодокъ (Самб.), отприскъ, побѣгъ у растеній.
- Паморока (Син. свв.), морось, пасмурная, мрачная погода.
- Памятки (б.), память (Т. С.) церковная служба въ честь святыхъ или въ поминовеніе усопшихъ.
- Паренити (Самб.), парить (Т. С.), пахать первый разъ.
- Паровина (Дроп.), дубина, толстая палка; парня (Т. С.), устройство для распарки и гнутія деревъ, для выѣлки ободьевъ, дугъ.
- Пасклемъ (б.), клинь у косы; павленки (Т. С.), короткіе обрубки бревенъ; паскальникъ (кмч.), тонкая жердочка.
- Пасѣка (Самб. ивг. еск.), посѣка, лѣсорубъ, где лѣсь рубится.
- Пастъ (Самб.), ловушка, слопецъ, западня.
- Пеня (б. юж.), выговоръ, упрекъ, бѣда.
- Первоха (б.), корова съ первымъ телатемъ; (Т. С.), кличка коровы.
- Перелѣсокъ (б.), несплошной, прогаллистый лѣсъ.
- Перенѣтка (б.), бѣлое, холщевое рядно, которымъ прикрывается невѣста при входѣ въ церковь; (Либ.), кладка.
- Перенѣтъ (б.), переметь, переметикъ (Т. С.), поворы, паутины, плетенка изъ прутьевъ.
- Перепечка (б.-гал.), перепечь (прм.), хлѣбное печенѣе, собираемо попами.
- Перепонина (б.), ремень которымъ сшиты носы лаптей; перепона (Т. С.), болона плена, кожа.
- Перерубъ (Самб.), перегородка въ амбарѣ, житницѣ.
- Перила (б.), переводина въ амбарѣ; (Т. С.), поручья, обносъ, ограда въ поясъ, переводина на столбикахъ.
- Перистый (Син.), пестрый; (Т. С.), оперенный.

- Пе́ртъ (Стр.), пе́ртъ (Син.), тропа, которой овцы ходятъ; (Арх.), хилая изба.
Печура (б.), печена картофель; (Т. С.), заломчикъ въ печи, где ставить, грызть
или сушать кое что.
- Пи́ли (б.), шибко, живо, скоро; пиль (Т. С.), пора жаркой работы, лѣтнія работы,
страда.
- Пипакъ (Либ.), пипка (Т. С.), опухоль, нарость или высокая бородавка.
- Порхнути, порхнути (Син.), порхать, порхнуть, взлетѣть.
- Плавця идти (Либ.), плынуть, пловкомъ гонить, плавить.
- Платати (Либ.), чинить одежду, (об.-гал.) латати.
- Платка (Либ. пск. твр.), заплатка.
- Платина (Самб.), платы (прм.), платокъ, фата, платье.
- Плаха (Кал. Яс. Т. С.), колода, плашковатая (гал.), плашниковая (Т. С.),
древа, колотая пополамъ, плашка (Яс.), скамья.
- Плесо (б.), глубокое мѣсто въ тихо плывущей рекѣ; плесо, (Т. С.), плесь (дои.)
плесина (тмб.), прямое теченіе, между двухъ изгибовъ.
- Плете́ръ (б.), плетень (Т. С.), тынъ, заборъ изъ хворосту.
- Плоскай (Либ.), плоскость, ровная поверхность.
- Плотникъ (б.), сверло, употребляемое при стройкѣ плотинъ; (Т. С.), топоръ, долото
и другія орудія плотника.
- Пово́лити (Яс.), поволить (сѣв.), соизволить, дать въ чемъ волю, оставить (б.);
повилатъ (Т. С.), уклоняться.
- Повѣковати (Либ.-об. гал.), повѣковать, долго пожить.
- Погаръ (б.), гарь, погорѣлый лѣсъ.
- Погдї (Либ.), погоди, подожди, (въ скороговоркѣ и въ другихъ говорахъ о не
слышно).
- Погодити (Яс.), счастливо случиться, повезти говоря о ведрѣ.
- Погостити кого (Кал.), угостить кого; погостить (Т. С.), гостить у кого.
- Подавно (Др.), подда ви (вар. вост.), давно.
- Подобо́й (Син.), подкладка, подшивка.
- Поддувати, поддудти (б.), раздувать плами, зажигать скибку.
- Подкладка (б.), подкладъ подъ сѣдло; (Т. С.), вещь подсунутая подъ чтѣ либо.
- Подиебѣ́ье (Стр.), сводъ печки; подиебина (тмб.), подставка подъ верхъ.
- Подиевокъ (Яс.), нива, требующая одного дня для вспаханья; поденины (Т. С.),
денной, въ теченіе дня бывающій; подѣ никомъ (твр.), поденоно, поденінной.
- Подорожникъ (б.), мохъ; (Т. С.), иѣсколько родовъ растеній.
- Подпѣчины (Яс.) подпѣчье, подпѣчекъ (Т. С.), опечекъ, основанье печи.
- Подплетень (б.), обечайка изъ прутья; подпилетать (Т. С.), проплѣтать.
- Подстолини (Либ.), подстолье, часть стола: ножки съ обвязкой.
- Подушка (б.), брусье, поддѣлка подъ передокъ телѣги для шворня; (Т. С.), всякая
подложка, для упору.
- Подъ (б.), поведит. наkl. = пойди.
- Позирати (Либ.), позирать, посматривать.
- Поимитись (б.), приняться, вяяться за чтѣ; поиматься (новг.), обѣщаться,
вяяться за чтѣ.
- Покроведъ (Самб.), покрывало; общеупотребительно въ значеніи: платье, которымъ,
покрываются дѣлкось.
- Пола (Син.), плита; полье (Собир.), плиты.
- Полата (б.), полка, куда горцы кладутъ сырь; полати (Т. С.), помостъ и подмостъ.
- Полегки (Либ.-Дрог.), полегку, легко (въ значеніи: мнѣ полегку жить).
- Полица (б.), полка, сошная полица, отвалъ, лопата, придѣланная повыше сошика
для отвала зеили.
- Полка (об.-гал.), передникъ, пола.

¹⁾ Лит. *pirtis*—баня, также сушильня (для льна—ja úja). Папертъ—старый предл. па (па-житъ, па-мять, па-ѣка). Нын. папертъ—не первоначального, а переносного
значенія.

- Полубка (Угр.), ситиная обечайка; полубина (пен. смб.), лубъ, лубокъ, кора старой липы годная на крышу; полубь (пск. твр.), береста для повивки горшокъ.
- Полянка (Самб.), поляна, лѣсная прогалина.
- Пометь (Стр.), хлѣбъ въ нокостѣ, покошенный хлѣбъ.
- Помолодится (Кре. говоря о небѣ), помолаживаетъ на дворѣ (ивг. кстр.), клонится къ дождю, къ ненастѣ.
- Пониже, повыже, ниже, выше (б.), ниже, выше. (Общеупотреб. нижне, выше).
- Понюрити (б.), заниматься, трудиться; понурый, понурый (Т. С.), наклонный, потупленный.
- Порожникъ (Самб.), уголъ у порога, для метлы; (Т. С.), понурость, склонъ, передъ устьемъ топки.
- Посоромити (б.), бранить кого; иосрамить (Т. С.), пристыдить, осрамить.
- Постникати (Либ.), постничать, поститься.
- Посудокъ (Ур.), сосудъ; посудъ (смл.), столовая посуда.
- Потаращiti (Угр.), потащить; (Т. С.), потаращить глаза.
- Потахнути (Кал.), потухнуть, погасить.
- Потроити (Либ.), измять, растоптать посѣвъ; тропать (ивг. арх.), топать, стучать ногами; тропотъ (Т. С.), топотъ многихъ тропа, дорожка.
- Потя (гал.), украшеніе, въ видѣ гусынь дѣтенышней, на свадебномъ караваѣ; потька, поточкa (влгд. вят.), пичуга, птичка.
- Приайникъ (Либ. гуд. праиникъ), ирапинъ.
- Праскати (Либ.), трескатъ; (орнб.), праскъ, трескъ.
- Привой (б.), ремень, которымъ привязываютъ молотъ колокола; навой, привитый конецъ веревки.
- Пригатокъ (б.), малая плотина у берега рѣки, пруда; пригатить пруда (Т. С.), увеличить его, отнести плотину ниже.
- Придурковатый (об.-гал.), придурковатый, глуповатый (общерусск.).
- Прилавокъ (б.), полка вънизу шкафа; (Т. С.), глухая придѣланная къ чему лавка (тоже).
- Прилуда (Стр.), узкая полоса луга, земли; прилугъ (сиб.), порѣчье; прилужать (сѣв.), залужать, задернѣть.
- Приимѣрокъ (б.), набавка; приимѣрка, приимѣръ (Т. С.), излишекъ оказавшійся въ чёмъ икрою, противъ назначения и счету.
- Присѣнокъ (Сим.), сѣнцы, пристроенные сѣни.
- Притиомъ (б. юж. зап.), внезапно и спѣшно, безотложно.
- Притыка (б.), часть телѣги, соединяющая ея тыльную часть съ передней, шкворень; (Т. С.), затычка.
- Прищебсти болѣзнь (б.), прекратить ее лѣкарствами; прищебенить (Т. С.), посыпать щебнемъ; прищемъ (Т. С.), придавленіе.
- Прищепа (б.), привитая вѣтка; прищепъ (Т. С.), привой, насадка.
- Причолокъ (Оп.), чело избы, причёлана (сар.), подоконникъ, дощатая приборона верху дверей или воротъ; (орл.), бабій головной уборъ.
- Провалъ (Стр.), проваль, провалына, ущелье.
- Проведити (Др.), пробить ножемъ или остріемъ, повредить.
- Прогайневати (об.-гал.), прогалунить (Т. С.), промотать.
- Проглубъ (Стр.), глубь; проглублять (Т. С.), углубить напр. рѣку.
- Прогоня (Либ. Т. С.), прогонная дорога, въ изгородяхъ, гдѣ прогоняются скотъ на выгонь.
- Прозрѣніе (Оп.), получение зрѣнія.
- Пролубъ (Либ., Т. С.), прорубь, прорубанное во льду окошко.
- Прометный (Яс.), пронырливый, любопытный; прометчивый (Т. С.), опрометчивый, скорый и неразсудительный.
- Пронущикъ (б.), птица рыболовъ; пронырщикъ (Т. С.), проныра, пролазъ.
- Простой человѣкъ (Стр.), простой, добродушный человѣкъ.
- Протесъ (Либ.), протесъ (инж.), самый толстый тесь для построекъ.

- Прохвата́я дорога (Стр.), дорога черезъ горы и долины; прохватокъ, (пск., тир.), разстоянье, пространство, которое надо пройти, прохватить работой; прохватка (Крив.), усталость.
- Прочухра́ти (Кал.), высѣчь, избить; прочуханка (Т. С.), головомойка, розги.
- Проща (б.), рѣчъ у могилы покойника; прощать, иростить (Т. С.), освободиться отъ муки и страданій, упокоиться.
- Пруда, приу́да (б.), сила, молодой сильный человѣкъ; (Т. С.), ребенокъ, который прудится въ постель; пруга (Т. С.), пружина.
- Пу́га (б. юж. зап.), кнутовище.
- Цупакъ (б.), падочка у сливы, неуспѣвшій развиться зародышъ; пупокъ, пупочекъ (Т. С.), зародышъ, почка на растеніяхъ.
- Пусты́й (б.), пустой, плохой, тщетный.
- Путь (б.), дорога.
- Пчелинецъ, пчёльникъ (б.), пасѣка; пчелинецъ (ниж.), пасѣчникъ.
- Пы́пляти (б.), пы́плять (зап.), шипшить, дѣлать чтò копотно, мѣшкотно.
- Пѣнка (б.), сливки, сметана; (Т. С.), плены или корка, осаждающаяся на остывающей жидкости.
- Пѣхурка, пѣшакъ (б.), тропинка для пѣшеходовъ; (Т. С.), шахматочная пѣхота.
- Пя́лы (б.), шесты, служащіе для уставлениія сѣтей на рыбу; доска, натягивающая веревку у пилы; пяло (Т. С.), шесть, доска, для разтяжки чего либо.
- Пятакъ (б.), пятерикъ, бревно пяти сажень длины.
- Равашъ (Яс.), слѣдъ послѣ раны; равча (ол.), железа, опухоль, волдырь.
- Ревкати (Яс.), ревѣть, громко кричать, бранить кого; ревѣть, ревка (Т. С.).
- Ретити́ся (Стр.), биться; рети́ться (Т. С.), горячиться, храбриться.
- Ровень (Син.), равнина.
- Рогатина (Яс.), рѣзное украшеніе въ видѣ рога; (Т. С.), ручное оружіе.
- Роженъ (б.), шесть, тычекъ у граблей; копыль, заостренный шесть.
- Розлу́чка (б.), овца, разлученная отъ общаго стада, для отдачи хозяевамъ подъ зиму; (Т. С.), дѣйствіе по глаголу разлучать.
- Розсоха (Ур. Син.), разсоха, развилина, вилы.
- Роско́ль (б.), плетеная ограда, где стоятъ разлученные овцы «розлучки»; раско́ль (Т. С.), дѣйствіе по глаголу «расколоть».
- Ростерети (б.), растирать, растереть, молоть.
- Росточка (Самб.), росточь, оврагъ, водорона.
- Ростока (б.), растокъ рѣки на два рукава.
- Росцарапати (Угр.), расцарапать, разодрать ногтями.
- Рубатка, рубатя (Стр. Либ.), рубашка.
- Рукопа́чъ (б.), усердно приниматься за дѣло; рукопашь (Т. С.), схватка, ручной бой.
- Рунокъ (б.), пруть, тонкій хворость; руно (арх.), ростовая трава на пожнѣ, китина, вырванный повойный кустъ.
- Рунтовати (Яс.), уничтожать раззорять; (г) рунтовати (?), сравнивать съ землей; рунь (Бестр.) рубище, лохмотье.
- Рыбарати (Яс.) нвг.), ловить рыбу.
- Рындъ (б.), платье; рында (стар.), тѣлохранитель, оруженосецъ.
- Рѣзецъ (Син.), всякое орудіе для рѣзки.
- Рѣзу́ха (Яс.), родъ травы; рѣзу́ни (арх.), трава, которой скотъ не пасеть.
- Саганъ (Самб. дис.), большой горшокъ, миска.
- Саква (б.), холщевая сумка.
- Самодругъ (Син. Либ.), самъ-другъ, вдвоеемъ. Самодесятый (Син.), вдесятеромъ, самъ-десять. Самодвадсатый (Син.), вдвадцатеромъ. Самотреть (Син. Либ.), втроемъ. Самочетвертый (Син.), вчетыремъ.
- Самосѣвный (Яс., Т. С.), все родящееся отъ сѣмянъ, само собою.
- Свищъ (Син.. Т. С.), проточенный червемъ и выѣденный орѣхъ (общерусск.).

Своловъкъ (Яс. сѣв. вост.), валь. навой у кросенъ, на который навивается основа.
Своловчиця съ кѣмъ (б.), своловчиться съ кѣмъ, завести любовныя сношения.
Свѣдомый (Кре. Т. С.), знающій чтд., увѣдомленный о чёмъ.
Свѣтичъ (Либ. Т. С.), родь шандала для лучины; (Яс.), длинная жердь съ свѣткой
на концѣ, служаща до зажиганія свѣчей въ церкви.
Свѣчурка (Яс.), свѣтка, растеніе.
Сепелявити, сепеляти (Стр.), шепелять, шепелявить.
Сербати, сёрбати (Стр.-зап.), хлебать вслухъ.
Серповинікъ (Яс.), серпникъ, кошръ.
Сигла (Либ.), горскій лѣсь; (запад.), зыбучее болото, трясина.
Скала (Яс.), деревянное мѣрило молока, сосудъ; (Т. С.) чашка вѣсовъ; скалина
(сѣв.), пивка, черпачекъ для питья.
Скатерь (б. Т. С.), платье, ширинка, кою покрываютъ столъ (общер.).
Скалье (Самб. Т. С.), сколотая кора, лубъ, скебки.
Скверна (Син. Т. С.), мерзость, гадость.
Скебка, скібка, скіпа (б.), мелкие куски дерева, которыми свѣтятъ: (сил., орл.,
кур., вѣг.), щенка, ломоть.
Скомити (б.гал.), скомить (сѣв.), болѣть, ныть, щемить.
Склончити (Яс.), склонить, нагибать.
Скоблити (Самб.), скоблить, скрести, дратъ.
Сколотина (Син.), сколотина, сыворотка изъ-подъ сбитаго масла.
Скородъ (Яс.), скорода, полевой, дикий лукъ и чеснокъ.
Скотарити (б.), скотничать; скотарь (б.), скотникъ.
Скрутеть, скрутень (б.), твердо свитый листъ табаку, который горцы очень ра-
но курятъ и даже жуютъ; скрутокъ (Т. С.), витокъ, витень, свертокъ.
Скусъ (Дрог., вѣг., влгд., пск., твр.) вкусъ; скусны; (ib.), вкусный.
Слабинѣ (Яс.), пахъ, подвздохи, (Т. С.), отвистость, припускъ.
Слопъ слопецъ (б.), тенета, ловушка на мышей; (сѣв.-вост.), ослопъ, шесть, родъ
ловушки на мелкихъ звѣрей.
Смутолоха (б.), наスマркъ; смутолокъ (арх.), смутолока (пск., вѣг.), бев-
порядокъ, неурядица, безтолочь.
Сновалка (б. Т. С.), станъ, на которомъ готовятъ основу подъ ткань.
Сновы (б.), дверные крюки; (Т. С.), жердочки, кресты, на коихъ пчелы строятъ соты.
Снѣтъ (Син.), чурбанъ, колода; (пск.), снятокъ, рыба; снѣть, родъ завихи, доска.
Солодышъ (б.), солодыжникъ, буя, раст. солодковый корень.
Солянка (б.), солонка.
Соплавый (Либ.), сопливый, возгривый.
Соха (б. Т. С.), столбъ, подпора.
Спадать (б.), идти въ помочь, спасать; (пск.), сѣять, слетать, сходить и воро-
титься скоро.
Сплечитися (Угр.), свихнуть плечи; (Т. С.), свихнуть ногу лошади.
Спрокудити,—ся (Стр.), охота пришла; спрокудить (сѣв.), нашалить,—ся,
провиниться, капризничать.
Старшининикъ (Стр.), старшина.
Стая (б.), хѣсто, гдѣ овцы дольше время пасутся; (твр., вят., прм', ол., влд., орнб.
саб., влгд.), хлѣвъ, сарай, овинъ.
Стихъ (б.), минуточка; (народи. Т. С.)... состояніе, внезапная блажь, странность.
Стоговиця (б.), стожаръ (сѣв.), шесть втыкаемый твердо посреди стога.
Столбины (б.), ниры для свадебныхъ гостей послѣ вѣнчанія; столбуха (вост.-
сѣв.), большой стаканъ хмельного; столбушки (Т. С.), круговая игра.
Сторонскій (б.), сторонній, чужой.
Судникъ (б.), сосудъ; (южн.-зап.), ларь, прилавокъ для посуды и прилавокъ.
Суета (б.), мученіе, болѣзнь; (Т. С.), пустота, хлопоты.
Сусѣчница (Самб.), сусѣкъ (вост.), засѣкъ, закромъ.
Сушни (Син.), всякое устройство для сушки.

Сухий (б.), храбрый смѣльчакъ; (Т. С.) сухой, о дѣйствіяхъ человѣка: суровый, неласковый.

Суетиться (Оп.), бѣдствовать; суетиться (Т. С.), метаться потерявъ слѣдъ, торониться.

Текучка (б.), нефть; (Т. С.), смола, самотекъ; (пек.), текучая вода.

Темесити (б.), догадываться; теметь (вят.), твердить одно и то-же; тмить (кур.), долго помнить; темесить (Т. С.), бить кого.

Тенеты (Самб.), тенето, сѣть.

Теслиця (Самб.), тесла, маленькое желобчатое орудіе.

Тирса (б. Т. С.), метлица, костра.

Тогодъ (б.), прошлого, того года.

Толкания (б.), толченная картофель съ кукурузной мукой, блюдо; толокница, толокнишка (Т. С.), ъда, толокно съ водой; толокно (Т. С.), толченная, немолотая мука.

Тропъ (б.), узкая лѣсная тропа, тропинка.

Трояники (б.), трояшки, тройчатки, трерогія вилы.

Трусакъ (Син.). трусь, трусики (южн.-запдн.), кроликъ.

Тупакъ, туицъ (Либ. Стр. Т. С.), тупой ножъ, скобель.

Тушъ (Яс.), тѣло безъ головы, туша.

Тынянка (Либ.), тынина, заборная доска.

Тяга (б.), вѣсъ; (Т. С.), центръ тяжести, равновѣсія; тяжка (арх.), беремя, ноша.

Тягло (б.), пара воловъ, лошадей; мужъ съ женою и съ семьей (Т. С.).

Тяжъ (Стр.), ремень или веревка у плуга; (Т. С.), веревка отъ оглобли до переднейки.

Убезвѣчили (Лаб.), изувѣчить, укоротить вѣку.

Увѣзъ (Син. стар.), сѣвѣдъ, дорога въ лощинѣ.

Увязка (Либ.), увязь, ремень, веревка.

Ужва (Либ.), ужица (сѣв.-вост.), вервь, обечайка.

Узденица (Син.), уздечка, конская взбуя.

Улогъ (Яс.), опрокинутое дерево; на - улогъ (Т. С.), наповалъ.

Уплетка (б.), уплетъ, косоплетка.

Урвитель (Дрог.), урванецъ, урвенъ, сорвиголова.

Урядно (Син. Т. С.), порядочно, хорошо.

Устѣкъ (б.), сѣверо-восточный вѣтеръ; (Кола, Онега, Байкалъ), восточный вѣтеръ.

Утирало (Либ.), утиральникъ (сѣв.-вост.), утириникъ (южн.), утирышиль (твр. иск.), полотенце, ручникъ.

Уторы (Син.), уторы, нарѣзка въ клепкахъ обручной посуды для дна.

Утамити (Либ. Кал.), запомнить, запримѣтить.

ѹха (б.), уши содица, пасолица.

Ущемокъ (б.) кисточки у платья; ущемъ, ущимка (Т. С.), сдавленіе, сжиманіе.

Фанта, фантъе (Калуш.), платье; фанты (нвг.), фантцы (кал.), боры, складки, полы одежи.

Фатѣвъ (Либ.) фатией, розиня.

Хандра (Угр. Т. С.), скуча, тоска, сплинъ.

Хирѣти (Самб. Стр. смл. влгд. тмб.), болѣть, хилѣть.

Хлѣбакъ (б.), хлѣбникъ, хлѣбный настольный ножъ.

Ходули (Стр.), два шеста, на коихъ ходятъ (общер.).

Храпа (Син.), неровная, бугорчатая дорога послѣ мороза; (волж.), неровный, бугорчатый ледъ на рѣкѣ.

Худобы (б.), худобы (пек.), худой, бѣднякъ.

Цапа (б.), бревна въ плотинахъ; (тмб.), карши, подводные кряжи, затопшій хворость.

Царина (Стр.), засѣянное поле; (Т. С.), пахотныи земли.

Цвѣтина (Яс.), цветенье, цветочная пыль.

Цурaxи (Угр. Син.), способъ заклинанія отъ нехорошихъ глазъ; цураться (южн.), отекаться, заклиняться.

Цѣлина (Дрог. Т. С.), перелогъ, залежъ (общер.).

- Цѣлушка (об.-гал.), цѣлуха (ряз.), горбушка хлѣба.
- Цяката (об.-гал.), цякати (вят.), зубами щелкать, стучать, чавкать.
- Чебрикъ (б.), растеніе, цвѣтущее синимъ цвѣтомъ; чаберъ (Т. С.), чеберь, чобрецъ.
- Чевка (Самб.), (чѣлка—чѣлка—чевка), челка, чубъ у лошади.
- Челядно (Яс.), много людей; челядня (нвг. твр.), большая семья.
- Червiti (Крс.), черить, сносить яички.
- Червонюкъ (Син.), родь съѣстныхъ грибовъ; червеникъ, червеница, червивка, (Т. С.), растенія.
- Четвертдкъ (Либ.), четверикъ, мѣра сыпучаго.
- Чечъ (б.), ручей; чечень (вост.), сажалка, садокъ; чечуга (нвг.), стерлядь.
- Чечки (Яс.), чечва (Стр.), цвѣтъ растенія, болотныя растенія; чечина (Т. С.) горчакъ, брылена.
- Чипера, чацера, чацерга (Самб. Син.), разсошная вѣтвь; чипа (арх.), малый, наносный лѣсь, береговой выкидъ; чипоракъ, чипорыга (нвг.), шиповникъ, кустъ дикой розы.
- Чистецъ (б.), болотное растеніе, похожее на крапиву; (Т. С.), растенія, гребникъ, живушки.
- Чопашъ (б.), олены слѣды; чопурокъ (лапл.), олений теленокъ.
- Чуравый, цуравый (б.), чурилья (иркт.), замарашка, грязный.
- Чухнуги (Яс.), ударить, попасть; чушиться (прм.), дратъся.
- Шаръ (Яс.), рядъ досокъ, составляющихъ часть кровли; (Т. С.), слой, рядъ, скатъ кровли; (Самб.), рядъ, площадь.
- Швайка (б.), проволока, которой прочищаются трубки; (южн., нвг.), свайка, коточикъ.
- Шелопати (кал.), шелошить, шелестѣть.
- Шерехатый (Самб.), шероховатый.
- Шибкій (Стр. Т. С.), быстрый.
- Шишакъ (б.), игра при умершемъ (одинъ ложится на полъ, другое же поочередно ударяютъ его такъ долго, пока онъ не отгадаетъ, кто ударили); шишмонить, (нвг.), шалить, баловаться.
- Шлыкъ, шешлакъ (Стр. Самб.), папаха, остроконечная шапка; (твр., тамб., прм.), шапка, колпакъ, кокошникъ.
- Шонтавый (Либ.), оборванецъ; шони (прм.), розиня.
- Шпака (б.), спонка (смл.), запонка, застежка.
- Шпеникъ (Стр.), шпинъ, гвоздь безъ шляпки.
- Шпинъ (б.), верхъ горы; (Т. С.), шипъ, тычекъ.
- Штамбъ (б.), изломанное дерево; (Т. С.), стволъ дерева (нѣм.).
- Шулёкъ (б.), косячка, въ которую причутъ лопатку отъ косы; шуло, (Т. С.), ятва, ядра.
- Щитъ (б.), поперечные шары крыши; (Т. С.), крыша сводомъ.
- Щуплати (кал.), щупать.
- Язъ (Сян. сѣв.-вост.), котцы, родъ плетня поперекъ рѣки (общер.).
- Язва (Угр.), вѣдьма; баба-яга; язва (Т. С.), въ значеніи худого человѣка.
- Язвина (Син.), язва (сѣв.-вост.), щель, трещина, выбоина.
- Ярыга (б.), ерыга, ярыжникъ (Т. С.), пыаница.
- Ящикъ (Самб.), ящикъ.

Сборникъ Панаюта Дыновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ).

Сообщилъ П. А. Ровинскій.

(Продолженіе).

Редакціонная замѣтка.

Послѣ описанія обычаевъ слѣдуютъ пѣсни, которые представляютъ весьма важный матеріалъ, какъ по содержанію, весьма разнообразному, такъ и по своеобразному языку.

Весь этотъ богатый матеріалъ П. Дыновскимъ далеко не былъ приведенъ въ порядокъ и заключался во множествѣ отдѣльныхъ листковъ, написанныхъ различными руками (кромѣ его, еще четыре различныхъ почерка), часто очень неразборчиво, испорченію, испещрено поправками; а есть писанное и карандашомъ, который почти совсѣмъ стерся. Поэтому, сколько мы ни старались все хорошо разобрать и точно переписать, кое-что осталось нами неразобрано, иное механически только воспроизведено или-же осталось неправильно нами прочитано.

Правописаніе этихъ записей крайне непослѣдовательно, иногда преисполнено явныхъ несообразностей. Самъ Дыновскій знакомъ съ новымъ сербскимъ правописаніемъ, поэтому употребляетъ ј, слитныя л. и ль, особые знаки ѡ, ћ и ц, въ словахъ, оканчивающихся на согласную, въ концѣ не ставить ъ и т. д.; но рядомъ съ этимъ онъ употребляетъ й, я, ю, ъ, є, послѣднему придаетъ особенное, ѡтиированное произношеніе или какъ-бы передъ нимъ стоять ъ; иногда встрѣчается и с. У другихъ не замѣтно знакомство съ новымъ сербскимъ правописаніемъ, изрѣдка только попадается ј. Каково-бы ни было правописаніе, мы старались соблюсти его вполнѣ, позволяя себѣ иногда не писать слитно ѡ и љ для облегченія типографіи и отбрасывать на концѣ ъ, гдѣ онъ въ большей части рукописи выбрасывается. Въ иѣкоторыхъ рукописяхъ ъ и љ пишутся одинаково или-же съ очень малымъ различиемъ; по возможности мы старались уловить это различіе; но тѣмъ не менѣе вполнѣ разобрать не могли, и потому писали по догадкѣ. Не исправляли мы иногда и явныя ошибки, если они повторяются и совершаются въ духѣ того языка напр., плечи-те вм. пчели-те (два раза или больше) по тому-же закону, какъ: тиока кошуля (тонка), лизгавье (изглавье), сона вм. носа (носить), Паязите вм. Паязите (Баязить) и т. п. Мѣстами встрѣчается дивячье вм. девойче. Все это мы оставляемъ безъ измѣненій, такъ какъ нашу задачу составляетъ обнародованіе матеріала во всей его оригиналности. Отъ себя мы ставили только знаки препинанія, которые въ иныхъ рукописяхъ совсѣмъ отсутствуютъ, и сообразовались при этомъ со смысломъ, какъ мы понимали текстъ. Есть случаи, гдѣ мы не поняли смысла слова или цѣлого выражения, и тогда мы копировали текстъ.

По содержанію пѣсни, кроме нѣсколькихъ эпического характера, всѣ метрическія, выражающія личное чувство и настроеніе, хотя-бы и на эпической подкладкѣ, и всѣ

поются, а не сказываются, какъ поющіяся подъ аккомпанементъ инструмента, какъ говорять сербы уз гусле. Изъ нихъ мы ставимъ въ особый отдѣлъ пѣсни, пріуроченные къ особыи дніямъ и временамъ года и свадебныи, какъ то дѣлаетъ и самъ собиратель, сдѣлавъ надписи: божичански, великански, сватовски и т. д., и собственно лирическими мы назвали пѣсни, не идущія ни въ одинъ изъ этихъ отдѣловъ, при чёмъ и между ними различаемъ обыденныи, надъ которыми мы изрѣдка находили надпись любовны, а то все безо всякаго обозначенія. Это собственно се когаши пѣсни т. е. поющіяся во всякое время, но съ этойю надписью мы нашли только 4 пѣсни, изъ которыхъ три поставили въ концѣ (стр. 25—26, № 35, 36 и 37), а одну по характеру ея въ шутливыхъ (стр. 40, № 12). Сообразно съ надписями въ оригиналахъ мы выдѣлили пѣсни: жалобныи, кардальскія, аргатскія, а также подъ общимъ названіемъ пѣсень при играхъ и забавахъ въ хороводахъ и на качеляхъ. Тамъ-же мы помѣстили и билярскія (при собираниі травъ), хотя ихъ можно-бы помѣстить въ числѣ особыхъ, по временамъ года.

Относительно послѣднихъ замѣтимъ, что нѣкоторыи изъ рождественскихъ и пасхальныхъ названы также однѣ зимними, другія весенними, поэтому мы такъ ихъ и соединили, хотя-бы это общее название и не стояло на всѣхъ. Одна пѣсня названа осеннею; мы ее отдѣлили, но поставили рядомъ съ рождественскими, такъ какъ у сербовъ (южныхъ) говорится: «Божич—есенски светацъ».

Свадебныи пѣсни мы распредѣлили по различнымъ актамъ свадьбы сообразно съ именуемиимися въ оригиналахъ надписями, въ домѣ жениха или невѣсты и при совершенніи различныхъ обрядовъ. При этомъ встрѣчается иногда и непослѣдовательность, вслѣдствіе того, что часть ихъ мы переписывали съ отдѣльныхъ листковъ на отдѣльные-же листки, а одну часть дѣлой тетрадкой оригинала мы вставили между ними, не касаясь распределенія въ ней.

Вообще о распределеніи пѣсень слѣдуетъ замѣтить, что точныхъ, неизмѣнныхъ признаковъ для него не существуетъ: пѣсня свадебная легко можетъ попасть въ обыденныи и наоборотъ, и также и въ другихъ отдѣлахъ. Эту перетасовку мы замѣтили прежде у И. С. Ястребова (обычаи и пѣсни Турецкихъ Сербовъ 1886 г.) то-же самое, хотя въ меньшей степени, мы встрѣчаемъ и въ собраніи Дыновскаго.

Что касается содержанія и формы пѣсень, то ихъ можно считать вполнѣ оригиналами и въ массѣ новыми. Многія изъ этихъ пѣсентъ, особенно свободныхъ, встречаются въ богатомъ собраніи И. С. Ястребова, но очень рѣдко онѣ бываютъ совершенно одинаковы: всегда есть разница, если не въ содержаніи, то въ расположенніи, въ вставкахъ или пропускахъ въ томъ или другомъ собраніи, особенно-же въ языке. У Ястребова рядомъ съ пѣснями, виолвѣ сохранившими языкъ добрскаго нарѣчія, есть измѣненный въ сторону сближенія съ чисто сербскимъ языкомъ; а въ одной пѣснѣ вм. юак у г. Я. стоптъ србия (Ястр. 423, Дын. въ свадебн. стр. 40, № 73). Поэтому собраніе Дыновскаго, настоящаго дебранина, имѣетъ для насъ цѣнность по несомнѣнно важному дialectу языка, и въ тоже время даетъ намъ любопытные варианты и сравненіе съ подобными же материаломъ, напечатанными у И. С. Ястребова. Для этого мы во всѣхъ случаяхъ одинаковости пѣсень отмѣчаемъ страницу съ изд. Я—ва; эпическихъ пѣсень неянного, но онѣ по нашему мнѣнію, важны и кажется, новы въ печати. Изъ сказокъ одна вполнѣ напоминаетъ мотивъ русскихъ сказокъ, а двѣ другихъ не окончены. Изъ нихъ «бабушка и дики козы» сколько мнѣ припоминается (слушалъ или читалъ, не припомню) оканчивается тѣмъ, что козы отдаются бабушкѣ за ея уходъ за ними; и тогда что сказка выражаетъ взглядъ сербовъ на прирученіе двухъ животныхъ, все равно какъ въ первой сказкѣ выражена связь между человѣкомъ и остальными животными міромъ и ихъ взаимопомощь.

Много можно-бы сказать еще по поводу этого сборника, но здѣсь не мѣсто.

Пѣсни А. Лирическія.

I. Обыденныя.

1.

Цутит ружа, цутить ружа
Лелей ружа тамо долу.
Тамо долу, тамо долу,
Лелей ружо под село-то.
Послѣ:
    въ ливаѣо-то
    ни исосены
    ни исосены.
Размириса, размириса,
Лелей ружа тамо горе.
Тамо горе, тамо горе,
Лелей ружа въ планина-та.
Овчару му, овчару му
Лелей ружа помириса.
Слезе овчар, слезе овчар,
Лелей ружа да я берет.

од татка.

2.

Мор, чуму ти беше,
    Бре Елењко моме!
    На друм да седиш,
Мор, на друм да седиш,
    Бре, Елењко моме!
    Карван да чекаш.
Мор, карван да чекаш,
    Бре, Елењко моме!
    Вино да служиш,
Мор, вино да служиш.
    Бре, Елењко моме!
    Вино-ле немерено,
Мор, вино да служиш,
    Бре, Елењко моме!
    Пары да береш.
Мор, пары да береш,
    Бре, Елењко моме!
    Пары-ле неброяни.

3.

Садило моме,
Мор моме, рап бел босилек (2).
Как го садило моме,
Мор моме, не го видело (2).

Кога го виде моме,
    Мор моме, орман се сторил (2),
Орман се сторил, моме,
    Мор моме, конь да пладнуват (2),
Конь да пладнуват, моме,
    Мор моме, и лудо и младо (2).
Туе помина, моме,
    Мор моме, лудо и младо (2).
«Тако ти Бога, моме,
    Мор моме, дай ми босилек» (2).
— Ак си жненато, лудо,
    Бре младо, оди поть-от 2.
Оди поть-от, лудо,
    Бре младо, скърши си черет-от (2).
Ако си неженат, лудо,
    Бре младо, скочи, прескочи (2),
Скочи, прескочи, лудо,
    Бре младо, сам набери си. (2).

од татка, 1880 г.

4.

Слице ме зайде—мале-ле-майко!
    На врѣ планина;
Едно ме зайде,
    Друго ме огрея.
Си заборавиф,
    Дома да дойда.
Кога помина
    Овчар со овцы,
Оту ме рече:
    «Добор ти вечер!»
Того ми темно,
    Али е вечер.
Заилиф (стегнаф) коня,
    Дойдоф дома.
Дойдоф си дома
    В петлены добы.
Порты си найдоф
    Се затворены.
Занилиф коня,
    Прескочиф порты.
Врагиф си коня
    Долу все тремот.
Оту се качиф
    Горе на диван.
Тамо си найдоф
    Пуста постеля.

А до постели
Манко-но дете
Какъ повіено,
Неразвіено.
Оту си излегоф
На мала врата;
На мала врата,
Во градина-та.
Тамо си кайдоф
Млада невеста.
Глава-та клала
Во босилек-от;
Роцѣте клала
Во трандафил-от;
Нози-те клаала
Во каранфил-от.
Жалба ми беше,
Да я разбуда;
Пожаль ми беше,
Да я остава.

5.

Ветор повея, мори, ветор повен,
Достум Стано, мори, по рамно поле.
Не было ветор, мори, не было ветор,
Достум Стано, мори, по рамно поле,
Достум добро, мори, по рамно поле.
Ток быле моми, мори, ток быле моми,
Достум Стана, мори, от жетва идет,
Достум добро, мори, от жетва идет,
От жетва идет, мори, от жетва идет,
Достум Стано, мори, песни пеѣт,
Достум добро, мори, песни пеѣт.

6.

Свири ми свирви,
Митре-ле дълноземче
Как що свирише.
Как що свирише,
Митре-ле дълноземче,
На дълна земя,
Митре-ле дълноземче,
На дълна земя».

— Как да ти свириам,
Юдо-ле самовило,
Как да посвирим,
Юдо-ле самовило,
Как да посвирим?

Моя-та майка,
Юдо-ле самовило,
Црина ми кърпа носит;

Юдо-ле самовило,
Црина ми кърпа носит.
Црина ми кърпа носит,
Юдо-ле самовило,
Мене ме жалит;
Юдо-ле самовило,
Мене ме жалит.

7.

Що ми е жалба?
Де море, пиле Іове, море
Дека ѡа умрам;
Де море, пиле Іове, море,
Дека ѡа умрам.
Дека ѡа умрам,
Де море, пиле Іове, море,
Младо ѹ зелено
Де море, пиле Іове,
Младо ѹ зелено.
Младо ѹ зелено;
Де море, пиле Іове, море
Скоро женато;
Де море, пиле Іове, море,
Скоро женато.

Ѡа си оставам?
Да море, пиле Іове, море,
Млада невеста:
Де море, пиле Іове, море
Млада невеста.
Млада невеста;
Де море, пиле Іове, море,
Не нальбена.
Де море, пиле Іове, море,
Не нальбена.

Ѡа си оставам?
Де море, пиле Іове, море,
Бела промена;
Де море, пиле Іове, море,
Бела промена.

Бела промена,
Де море, пиле Іове, море,
Не напосена;
Де море, пиле Іове, море
Не напосена.

Ѡа си остава?
Брза коня,
Не канвана.

8.

О, на кого си намутена,
Стано-ле, малка Стано?
О, на кого си намутена,
Стано-ле посестримо?

Иль на татка, иль на майку,
Стано-ле, малка Стано?
Иль на татка, иль на майку,
Стано-ле посестримо?
Да-ли татко те кароно,
Стано-ле, малка Стано,
Стано-ле посестримо?
Да-ли майко те тепала,
Стано-ле, малка Стано,
Стано-ле посестримо?—
«Нито татко мекарало,
Димо ле мил побратим;
Нито майка ме тепала,
Димо-ле, дели Димо,
На тебе сум намутена,
Димо ле, дели Димо,
Димо-ле лели побратим.
Що атави дервенье-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил побратим.
Ладоско-то, Ваденско-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил побратим.
Ти ѝ зеде Дебранче-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил по братим.

9.

Ситно просо, црино око,
Не стой спроти мене! (2).
Си продадоф брза копа
Се заради тебе (2).
Си продадоф чиф' пицоли,
Се заради тебе (2).
Си продадоф остра соби,
Се заради тебе (2).

10.

Софекео дивойче с гърло превързано,
С гарло превързано с Велешка шамлія,
С Влечешка шамлія, не стой спроти мене;
Не стой спроти мене, изгореф за тебе,
Изгореф за тебе, како лен за вода;
Како лен за вода, босилек за сенка;
Босилек за сенка, карафиль за роса;
Карафиль за роса, трандафиль за сълнице.

11.

Крени се глава, Софке, од перница-та,
Крени се глава, добро, од перница-та!

Ей Софке, Софке, мори, битольско моме!
Ей Софке, Софке, мори, ягне сугаре!

Вързи си глава, Софке, со ал-шамлія,
Вързи си глава, добро, со ал-шамлія;
Ей Софке, Софке, мори, битольско моме?
Ей Софке, Софке, мори, ягне сутаре!

Сум ти донесол, Софке, сладка понада!
Сладка понада, Софке, саан сутліач, и т. д.

При мѣв ч. Сугаре — теза ягне, що се обагнуватъ найдоцна спроти друга яганца; ал или клосанъ — жълтоцрвена боя; саан — сосуд од бакар: сутліач — орис, варен со пресно мялко, во кого дур се варит, клават и малу мас и шефер, и кога ѡа се сварит, да не останеть чорба.

12.

Извор вода извореше,
На ледино разлеваше;
На ледино разлеваше,
Мало моме налеваше;
Мало моме налеваше,
С раки — сапун се мѣше;
С раки — сапун се мѣше,
Со калемър се бришеше;
Со калемър се бришеше;
С огледало се гледаше.
«Как сум бело и црвено,
Уще да беф црино-око;
Уще да беф црино-око,
Ѣа ме земет царево-но;
Ѣа ме земет царево-но,
Царево-но азнатарче,
Царево-но азнатарче,
Деня ѹ ноћа азно бронг;
Деня ѹ ноћа азно бронг,
А на угро кафе пієт;
А на утро кафе пієт,
А на пладне вино пієт,
А на вечер книга пишет.

13.

Наднала-ли Шар-планино, Калино!
Каливори вито перо зелено.
Поклопила три овчари, Каливо!
Пущи мене, Шар-планино!
Едень су си у майчица,

ћа ме чекат стара майка.
Вгори овчаръ се молеше:
Цущи мене, Шар-планино,
Да я су си завършено,
ћа ме чекат девойка-та.
Трећи овчар се молеше:
Цущи мене, Шар-планино,
Старо су се оженато
ћа ме чекат невеста-та.

14.

Со иоћ шетаф, нищо не уловиf,
Кад бы зора, слѣгоф край село-то.
Си украдоf едно мало моме,
Го украдоf татку од постелья,
Го украдоf майке од пазува,
Си го фрлиf зад себе на коня,
От си пойдоf горе во планина,
Вразф коня за витана ефла;
А девойче фатиф за рочица.
Легнаf ирви я да се предрема;
Кога станоf, девойче не найдоf,
Ни девойче, ни бѣрза—на коня.
Си отидаf на нова—пазара;
Тамо найдоf девойче убаво:
Продаваше моя бѣрза коня,
Си го зедоf девойче убаво
И си зедоf своя бѣрза коня.

У Ястребова вта пѣсни нѣсколько иначе, привѣдятся два раза въ свадебныхъ пѣсняхъ (стр. 340 и 375), а одинъ разъ въ обычныхъ пѣсняхъ Призрѣнскаго округа (стр. 193); и она-же постоянно поется въ Черногорії, тоже нѣсколько иначе.

15.

Легнало моме, преслало,
Нот тая дръво маслено.
Повея ветор отъ море,
Укрыши ветка маслено,
Угоди моме по лицо.
Лъято си моме проклъна:
«Бог да убияет ветор-от;
Дал се га найде да веет,
Малку си лжах и заснах,
Голем си сончик сопевах;
Що помина до тримана:
Прѣви-от беше свекор-от,
Втори-от беше миа девер,
Трети от беше син сокол».

У Ястреб. нѣсколько иначе эта пѣсня два раза: въ юрьевскихъ (стр. 153) и въ свадебныхъ (стр. 365).

16.

Що си наплакана, бре, Анке?
Да-ли татка жалиш,
Да-ли майка плачеш?
«Нито майка жальа,
Нито татка плача;
Токо си го жальа мой-то мило брате,
Мой-то мило брате, горска арамаја,
Мир ако го видиш, бре, горо,
Да му речеш, дома да си доест.
Майка па го скрѣт во шарени ковчег,
Татко ћа го скрѣт во десет цепови,
Сетры ћа го скрѣт во десни пазуи.
Мори да го вида, бре, Анке, не го позна.
«Само е позновито, бре горо, мое-то брате:
На сина коня яват, на сино седло одит,
Зелен байрак държит.

(Лазорополе).

Послѣдніе 4 стиха напоминаютъ окончаніеъ сербской пѣсни: «Киша пада, трава расте, гора зелени...»

17.

Не жалай, Стано мори, не плакай,
Не мачкай сайче шарено.
Не мачкай сайче, мори, шарено,
На Едрене ми е предено.
На Едрене ми, мори, е предено,
На град Стамбала е ткаено.
На град Стамбала е ткаено,
На средно село е белено.
На средно село е белено,
Во Московія е кровено.
Во Московія е, мори, кровено,
Во Мисир ми е шіено.
Во Мисир ми е, мори, шіено,
С триесетмина терзи.
С триесетмина, мори, терзи
И петнаесеть шагрти.
Дури се сайче, мори, сошило,
Двесте се игли, мори, скършиле.
Двесте се игли, мори, скършиле,
Триста-се-мина убили.

(Од Велика Тарунція од село Вранешница, Кичоска околина; слушана на бачило).

18.

Що си глава, ѡпди Димо, превързало?
Да-ль ти коньи, ѡнино, бутур удрил?
Да-ль ти овци, ѡнино, метиль фатил?
«Нито коньи, мой дружино, бутур удрил.
Нито овци метиль пофатило.
Су съвршено од далеку,
Кажуает, болничава,
Болничава, грозничава».
— Несъм земи си, ѡлди Димо, девет коньи,
Нель пойди ти во село-то,
Во село-то од моме-то.—
От си зедо Димо девет коньи,
От си пойде во село-то.
Си го виде малой моме
Со глава-та превързана.
Му изговори ѡлди Димо,
Си го прания малой моме:
«Що си глава превързало?
Су съвршено на далеку,
Кажуает, болничава».
Изговори ѡпди Димо;
— Ай ти тебе, бре девойко,
И су ти тебе момче».
Се испознае . . . .

(Лазорополе).

19.

Тембиф сторил войвода-та,
Петкано мори, Петкано!
Крген — чазма да не носит
Петкано мори, Петкано!
Турчин впю да не піт,
Петкано мори, Петкано!
Турчинъ тембиф не да държи,
Петкано мори, Петкано!
Тек си пойде на меана,
Петкано мори, Петкано!
Шак ти куни паря винце,
Петкано мори, Петкано!
Пара винце, паря лебец,
Петкано мори, Петкано!
Се наиде, си се напи,
Петкано мори, Петкано!
Си се напи, си се опи,
Петкано мори, Петкано!

20

Девойкиня, мори, гугувчия,
Потъ правите, мори, да помина (2).
Нищо занял, мори, не ви чина.
Како ще, мори, суредени,

Тако сте ми, мори, соред мили.
За алтана, мори, алтан дава,
За невена, мори, невен дава,
За Мария, мори, душа дава.
Роцы ми се, мори, во цепови,
Пълни ми се, мори, леблеби,
Негде — где, мори, гурабин (чи.: суво грайзе).
Есть конецъ и иначе:

Измешано, мори, суво грайзе,
Но где — где, мори, бадем, шићер
Но где — где, урубий, чемберли.

21.

Расипи ми, Мендо-ле, мођля-ва,
Расипи ми, добrole, мођля-во,
Коня вода, Мендо-ли, пешяк 'ода,
Коня вода', добро-ле, пешяк 'ода.
Первые два стиха повторяются; за тѣмъ:
Пушка носа', Мендо-ле, со страф ода,
Пушка носа', добро-ле, со страф ода
Леб си нося, Мендо-ле, гладен ода
Леб си нося, добро-ле, гладен ода
Вода газа, Мендо-ле, жеден стоя,
Вода газа, добро-ле, жеден стоя.

22.

Слице но одит, заодит
Мирче-е войвода на поле;
Мирче войвода на пле,
Со самовила зборвеше.
Со самовила зборвеше:
«Самдвалице, сестрице!
Самдовилице сестрице:
Код-е-ћа ноћ ноћеваме?»
— Но'оди Мирче войводо
До високи-те ясники,
До высоки-те ясники,
Ту-е-ћа ноћ ноћеваме,
Ту-е-ћа ноћ ноћеваме,
Ту-е-ми одит Янкула.

23.

Млад ме питат (просит),
За старо ме дават;
Млад ме питат,
Старо аро, како я'ор дърво,
Старо зро;
Млад не женат — катка босилк-о-ва,
Млад не женат.

24.

Собралисе сите а и ти арамии;
Да ми одит, мори, тамо горе,
Тамо горе, мори, в Горничево;
Тамо горе, мори, в Горничево,
Да се мирит, да се токмит.
Що имаше мори, одно власе,
Ни со мирит, ни се токмит:
Ток се шетат горе и долу,
Ток се шетат, море, горе и долу;
Негде—где, мори, посвирнуват
И се Богу помолуват,
И се Богу помолуват:
«Дай ми, Боже, моририъ (?) sic) на пролет,
Стреде зима коложега!»
А си пойда дур во Влашко,
Да набере се Власина,
Що не гноет куршум рана.

25.

Добранче-то, чоляк Дойчин,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле или побратим.
Чоляк Дойчин од Галичник,
Димо-ле, дели Дима,
Диме-ле или побратим,
Од Галичник, од Мурговци,
Димо-ле, дели Диме,
Димо-ле или побратим.

26

Угур-ола, море, Шабан-аго,
Угур-ола, море, Шабан-Гега,
Угур-ола, море Шоябан-ага!
— Угур-ола, море, Шабан-ага
Угур-ола, море, Шабан-Гега
Угур-ола, море, коде ѡа одиш?
Я ѡа си одам, коре, дури ва Скопъ,
Дури на Скопъ, море при Амзи-пашо.
Дури на Скопъ, море при Амзи-пашо.
Амазате, море Амзи-паша,
Чни ми конак, море, не оставо ме на

двор (2).

Чни ми конак, море; не оставай ме на двор;
Вере сум удрен, море, рана ми болит (2).
Конак му стори, море, Амзи-паша,
Конак му стори, море, таин му пущи (2).
Конак му стори, море, таин му пущи,
Прати кулук-от, море, го кардисаје (2).
Бога си позна, море, Шабан-ага,
Тога се позна, море, Шабан-Гега,
Тога се позна, море, Шабан-ага.

Си изговори, море, Шабан-ага,
Си изговори, море, Шабан-Гега:
«Ди ай ви вами, море, верна дружино.
Да ай ви вами, море, верна дружино,
Подседлайте ми, море, ата дория (2).
Подседлайте ми, море, ата дория,
Я да си пойда, море, при Амзи-паша (2).
Му подседлаје, море, ата дория.
Оту си пойде, море, Шабан-ага,
Оту си пойде, море, Шабан-Гега;
Оту си пойде, море Шабан-ага,
Оту си пойде, море, Шабан-Гега,
Оту си пойде, море, при Амзи-паша.
Му изговори, море, Шабан-ага
Му изговори, море, Шабан-Гега.
Му изговори, море, Шабан-ага.
«Ананате, мори, Амзи-паша!

Пущи ме мене, море, во широко поле.
Пущи ме мене, море, во широко поле,
Коде ми играт, море, моздрак и сабя.
Коде ми играт, море, моздрак и сабя,
Коде ми играт, море, ата дория.
Коде ми играт, море, ата дория,
Пущи кулук-от, море, нека ме фтит.
Му одговори, море, Амзи-паша:
— Я не те пущам, море, Шабан-ага,
Я не пущам море, Шабан-Гега;
Я не те пущам, море, во широко поле;
Ток ѡа те пущам, море, во град Битоля.
Так ѳе те пущам, море, во град Битоля,
Во град Битоля, море, при садравак-от.
Тамо те чекат, море, да два ченгели,
Тамо те чекат, море, да два ченгели *).

27.

Скарал се Стоян, скарал се со негова-та
стара мајка;
Побегнал Стоян, побегнал, токмо дванаесет
години;
Казандисал що, казандисал токмо дванаесет
хплиди;
Токмо дванаесет хиляды се руди-бели овци,
со руди-бели ягњица;
Со руди-бели ягњица, со дванаесет овчари.
Клисал дома (да) доидет, си дошол дури
во село;
Си дошол дури во село, во село дури пред
чешма;

*) Шабан-ага бил голем арамиј; той бил глава на 600 души арамиј; правил зулум кон Серес. На враќање го удриле на ченгел, околу 1830 г. Крсте Чавеј од с. Раосоки бил со него доброволец.

На чешма си я нађде негова-та невеста, той

си я позна, тая не го позна.

Спроговори млад Стоян: «Невесто, млада неве-

сто!»

Али мат конак у вас да дођда?»

Си пойде Стоян, си пойде, таман си легна

да спиет,

Стана си майка му го отет...

(не оконч.).

28.

Кинисала моме на вода

Со два обрника во роцы.

Стемнило ми се, смоглило;

Загреши моме потица,

Огде горе в планина,

На Димово-то бачило.

Овчари овце мълзеј,

Кога го моме видое,

Си-те на нози станое,

Си-те на нози станое,

И си ведра-та турие.

Димо ћеја не стано,

И си ведро-то не тури.

Говорит Димо ћеја:

«Овчари, верна дружино!

Уфатите го моме-но,

Доведите го при мене.

Пойдите дому во село,

Викайте попа и кума,

Да си го венчаме моме-во».

Пойдое долу во село,

Викнае попа и кума,

Да го венчает моме-то.

Кога ми в црков одое,

Крвава роса зароси;

Кога од црков одое,

Дробни каменя пађае.

Говорит Димо ћеја:

«Овчари, верна дружино!

Да го прашаме моме во,

Да ни я кажет рода-та,

Кој му е татко и майка,

Кој му се браћа и сестры».

От го прашао моме-то,

Моме-то велит — говорит:

Мени е майка велела,

Еднега брата си имаш,

На десна нога мал пръс немат.

Говорит Димо ћеја:

«Девојче лепо-убаво!

Тргни ми скорен од десна нога;

Погледай ми я нога-ва».

Му тргни скорен од нога,

Му тргни скорен од нога,

Му я погледа нога-та.

Кога му виде нога-та,

Се изнайдае братац и сестра.

Запишана от М. К. Ѓиноска.

Послѣ 2-го ст. току же рукой вычеркнуъ стихъ: И дукат алтина на чело, который дѣйствительно тутъ не умѣстенъ: кромѣ того, каждый стихъ повторяется, чего мы не исполняли и отъ чего происходит иѣ-которое несоответствіе въ расположении сти-ховъ. Тою-же рукою вычеркнуты слова. лишнія въ размѣрѣ, какъ мали (пѣрс), десна (нога); но мы ихъ оставили ради смысла, который въ нихъ заключается.

29.

Кавелска песна т. е. овчарска.

Засвирил ми челник Пейо,

Засвирил ми с писан кавел,

Ог утрена до вечера.

Изговори челник Пейо:

«Ай ви вами, бре, дружино!

Срце ми се распяло,

Уста ми се расвирела,

Ил је на зле, ил на добре»?

Уще реч та не изрече,

Караман ми подлађиуват,

Дофатасале арамији,

Арамији злејидији,

Го фатије челник Пейо,

Му вразе обе роцы,

Обе роцы наопаку.

Му забрале рудо стадо,

Го терас до река-та,

До река-то, до Ситница.

Рудо стадо не им врвят.

Тога рече челник Пейо:

«Ай ви вами, арамији,

Арамији злејидији!

Пущите ми обе роцы,

Да посвира в писан кавел,

Да заврвят рудо стадо.

Рудо стадо је научено,

С писан кавел го потерува,

С писан кавел го повабува».

С' излогаје арамији,

Арамији злејидији,

Му пущије обе роцы.

Не засвири челник Пейо,

Да заврвят рудо стадо;

Ток засвири челник Пейо,

Да го чуэт Аићелина,
Ћиди росна детелина:
•Дал ме чуеш, Аићелино,
Ћиди росна детелино!
Ако спеш, разбудисе,
Ак вечераш, освестисе!»
Дофтасе арами,
Арами злећиди;
Ми вързае обе роцы,
Обе роцы наопаку.
Ми забрае рудо стадо,
Ме тераје до река-та,
До река-та, до Ситница,
Ток да зберек бећари-те,
Бећари-те неженати,
Да трчает на потero,
На реката, на Ситница.
Си го дочу Аићелина,
Ћиди росна детелина;
От си собра бећари-те,
Бећари-те неженати.
Излегое на потero,
На река-та, на Ситница;
Си отнае рудо стадо,
Го пуште челник Пејо.

(Я. стр. 219 совсмъ иначе).

Пријѣчаніе. Овеа песна имат промлечен и жалостлив глас. од К. П. Ћиноски.

30.

Шетал — прошетал, мори, Митре делия,
Шетал — прошетая, мори, долу под село,
Долу под село, мори, долу в ливађе;
Видел — догледал, мори, Дунав девойка:
Коня сепенат, мори, с бела коприна,
Во лице светит, мори, как јасно синце,
А бело гърло, мори, как месечина.
Оту си дойде, мори, Митре делия,
Огу си дойде, мори, дома на дворье.
Оту си впкина, мори, постаро мајко,
Лепо говорит, мори, Митре делия.
Що су догледал, мори, Дунав девойка,
Дунав — девойка, мори, долу под село,
Долу под село, мори, долу в ливађе;
Во лице светит, мори, какъ јасно синце,
А бело гърло, мори, какъ месечина:
«Мила мајко-ле, мори, опитай мя я,
Мила мајко-ле, мори, со злум ћо пойде,
Со злум ћа пойда, зло ћа учини».
Тога говорит, мори, Митрова мајка:
«Мили синко-ле, мори, со злум не оди,
Со злум не оди, мори, злумъ не учини».
Митре делия, мори, мајка не слушат:

Тако си собра, мори, си-те делім,
Си-те делім, мори, се сироти него.
Оту је пойде, мори, Дуне на порты;
Дуне на порты, мори, ноћа на полноћ.
Порты си найде, мори, се затворени,
Порты ѝ втера, мори, в трећо маало,
Оту се качи, мори, горе на диван,
Тамо си найде, мори, Дунав-девойка,
Загушена је, мори, с брата Ђорђија.
Оту си зеде, мори, Дунав-девойка,
Си я донесе, мори, дома на дворье.
Се разбудила, мори, Дунав-девойка,
Се разбудила, мори, се распутила.
Кога видела, мори, Дунав-девойка,
Кућа не тая, мори, љубје не тие.

Слушана од баба Петревица Ћиноска, коя умре на 1873 г. јуња.

31.

Ми кинисале два брата роћена,
Ми кинисале по бели друмови.
Им ох излегое клемти айдуци,
Ми го фатије сиромаф Стојано.
Го поведе да го продавает,
Го однесе на Нова-пазара.
Ми ји сустрети млада вдовичица,
Ми изговори млада вдовичица:
«Да је ви вами, клемти айдуци!
Кой го носите сиромаф Стојана!
Си го носиме, да го продаваме,
Цена-та му је три илиди гроша.
Оту си посегна млада вдовичица,
Оту си посегна во свилни цепови,
Оту си извади три илиди гроша.
Си го откуни сиромаф Стојана,
Си го однесе дома на дворови,
Оту му даде три дућани стока.

Дервенски глас. Записана од татка. 1882 г.

32.

Стойке седеше в градина,
Стоян от овцы идеше;
Стоян от овцы идеше — леле;
Стойке е фръли яблъко,
Стойке е фръли яблъко — леле!
Со урубив на него.
Стояно го љуто вроклине — леле!
«Стояне, море, делиа!
Стояне, море делиа, — леле!
Не мой фрълай ми яблъко

Не мой фрълай ми ябълко,—леле!

Не сторевай ми ядови;

Не скоревай ми ядови,—леле!

Коде су само ядови.

Каде сум мошне ядови,—леле!

Дека сме пусте ролниче.

Татк-от, татк-от, две (sic) брата—леде!

Ай ти два (sic) братучеди».

33.

Илинчице *), высока планино!

Од тебе се Сари-Шабан ** гледат;

Од тебе се Сари-Шабан гледат

И во Шабан шабански калдърми,

И во Шабан шабански калдърми,

По калдърми лепи Стоян шетат;

По калдърми лепи Стоян шетат,

Въ роци държит сребрна аршина.

34.

Излези, злато мори, излези—леле!

Излези, да видиш златно ябълко.

Що чудо идет, злато, оздола—леле!

Що чудо идет оздола:

Силно ми стадо, злато, без овчар—леле!

Силно ми стадо без овчар.

Толку пред стадо, злато, имаше—леле!

Толку пред стадо имаше

Едно малечко, злато, овчарче—леле.

Едно ми мало овчарче.

Списан ми кафел, злато, свиреше—леле!

Списан ми кафелъ свиреше.

Во кавель песна, злато, пееше—леле!

Во кавель песна пееше:

Дей юди, село, злато, големо—леле!

Дей юди, село големо.

Дей юди, рамни, злато, ливагъ—леле!

Дей юди, рамни ливагъ.

Дей юди, поле, злато, широко—леле!

Дей юди, поле широко,

Дей юди, ягне, злато, сугаре—леле!

Дей юди, ягне сугаре.

На мрамор-плоча, злато, заклано—леле!

На мрамор плоча заклано;

На чемерика, злато, одрано—леле!

На чемерика одрано.

На суви трески, злато, печенис—леле!

На суви трески печенис,

На студен извор, ядено—леле!

На студен извор ядено.

*) Илин-планина е меѓу Охрид и Битола (на тая планина имать црквица - Илинска црковь).

**? Сари-Шабан-гр дче зад Драза.

35.

Сеногашни

Майко, майко, пали свекя,

Парусия болно лежит (2).

Парусия болно лежит,

Са лудо се засакала (2).

На вечер се завършило,

На полночь се разболело (2),

На полночь се разболело.

На утрине душа дало(2).

На утрине душа дало

Проклетіи оставило (2):

«Молим ти се, моя майко,

Ти да ме закопаш,

Во наймало-то, во наймало-то

Бавчиче.

Молим ти се, мило сестро,

Сестро Анђелийо,

Да му речеш на лудот,

На вечер да дойдуват,

На вечер да дойдуват.

Китка цвекъ да остават.

Молим ви се, мои другачки,

Многу слъза не фръляйтъ,

От слъза-та яз си умрех,

И от веков си загинах.»

36.

Ей Стано единъ (? sic),—Стано!

Качи се горе на диван,—Стано!

Да упали се стръвница,—Стано,

Да упали се Струмница,—Стано!

Струмница—пръна темница,—Стано!

Ти ѝ си видит брата ти,—Стано!

Како с руво променат:

На шиа-шиа синцир носеше,

На нози томрук имаше,

На роци белези имаше.

37.

«Калино моме калешо, добро ягне,

Що многу синої седафтѣ?

Що многу синої седафтѣ моме (добро),

Що мили гости имафтѣ?»

— Дей юди лудо, бре младо цанъм,

Майке је браћа дойдоје:—

Майке је браћа дойдоје, лудо (младо),

Мон-те мили вуйчеви.

«Калино моме калешо, добро,

Ложи, кого да изложеш;

Ложи, кого да изложеш, каљо (добро),

Мене не можеш да ложеш.

Мене не можеш да ложеш, моме (добро),
 Я синоћ си беф зад врата;
 Я синоћ си беф зад врата, моме (добро),
 Кога ти пртеш даваје,
 Кога ти прстен даваје, моме (добро),
 Ти им го прстен враћаше.
 Кога го веде майка ти, моме (добро),
 Жалбъ ми падна на срцо.
 Жалбъ ми падна на срце, моме (добро),
 М'идеше да се убода, каљо (добро),
 Со цирички-те ножеви.
 Жалба ми падна за майка, каљо (добро),
 Дека беф еден у майка,
 Дека беф еден у майка, каљо (добро),
 Да не останет без мене.

II. Пѣсни жалосны.

1.

Извикнал Стоян, мори, подвикнал,
 Отоде, лелей, каламарія,
 Зад папино-то, лелей, корія:
 «Жалвай ме, майко, мори, плакай ме,
 Змія не влезе в пазува,
 Не можа, лелей, да я извад'а.
 — Жалвам те, синко Стояне, жалвам те,
 Лур да се, лелей, море исушит,
 Чайри, лелей, да се учимит.
 Во чаир бостан да сади,
 Я да си скина од бостан,
 Устава да си олада.—
 Извикнал Стоян, мори, подвикнал,
 Отоде, лелей, каламарія,
 Зад папина-та, лелей, корія:
 «Жалвай ме, сестро, мори, плакай ме, .
 Змія ми влезе в пазува,
 Не можа' лелей, да я извада'».
 — Жалвам тè, брате Стояне, жалвам те,
 Дур да ми грамна разместит,
 Трендафиљ да се учимит,
 Трендафиљ да се учимит,
 Я да си скина трендафиљ,
 На пояс да си го клаца, на иояс.
 Извикнал Стоян, море, подвикнал,
 Жалай ме, љубо мори, плакай ме...
 — Жалам те, Стояне море, жалам те,
 Дур да се врата од граба,
 Дур да си дойда до дома.
 Дур да си влеза в градина,
 Китка да цвећа набера,
 Другого да си преложа.

У Ястребова въ пѣснѣ «Овчар свири у плавани» (стр. 178) тотъ же самыи фактъ, что овчару или Стояну вѣзла змија за пазуху, и онъ просить вынуть ей поочередно матерь, сестру и жену; но характеръ и заключеніе другіе: у Ястребова конецъ такой:
 Дође љуба, љуту змију
 Да извади из шедар.
 Не видела верна љуба љуту змију,
 Но видела ситан бисер у недрима.

2.

Зайде, найде, с лице,
 Лелей-лелей, майко-ле моя,
 Зад зелена гора;
 Ох лелей-си, майко-ле моя,
 Зад зелена гора,
 Зад зелена гора — лелей-лелей!..
 Зад бело бигорье,—ох лелей-си...
 Постой, постой с лице — лелей!..
 Да се избройме — ох лелей-си...

Гри юнацы не маєт — лелей!...
 Три ми орли летаєт. — Ох лелей-си

Три ми орли летаєт — Лелей..
 Три нишани носеа. — Ох лелей-си

Први орел носит — Лелей...
 Од юнака глава — Ох лелей-си...

Од юнака глава — Лелей...
 Со се туно-фесе. — Ох лелей-си...

Втори орел носит — Лелей...
 Од ювака рока — Ох лелей-си...

Од ювака рока — Лелей...
 Со се бурма пърстем. — Ох лелей-си .

Со се бурма пърстем.
 Трећи орел носит — Лелей!...
 Од юнака нога. — Ох лелей-си..

Од юнака нога — Лелей...
 Со се десе... скорен. — Ох лелей-си...
 Со се десе.. скорен.
 Овая е песна во песни Миладин. 245.

3.

Посакале се момче и мома;
 Мома то лежет со бело лико,

Момчето ложет со пръво грайзе.
Си и догледа кучка монче,
А да сие пойде на Нова-азар,
Да сие купи пара бияче,
Да си ѝ отру монче и мома.
Мома-та умре сутру на утро;
Момче-то умре к вечер на вечер.
Мома закопа пот света црква,
Момче закопа на света црква.
Мома излезе винена лоза,
Момче излезе да фине дръво.
Расте си и спорастое,
Да се ставце връше и връше.
Си догледи кучка монче,
Да сна скина винена лоза,
Да си я фърчи в огнь да гори,
Да си го собра бели-от чепель,
Да си връли горе на нива,
Да си излезе бела пченица,
Да си я собра бела пченица,
Да си я сожле бело-по брашно,
Да си я шеси бела няфара,
Си я однесе на света црковъ свети Георгия.

4.

Пукна пушка пот Будина-града,
Тие бее деветина браћа;
Си те браћа пот байрак се скрило.
Али и барактарче в рамо го удрие,
В рамо го удрие, куршум не излезе;
Що ми стоя Али и три дни и три ноќи,
Кога фати Али да умират,
Си и вика деветина браћа:
«А ви вами, деветина браћо,
Лел викните моя милна вана.
Да е рече на моя-та вана,
Да е даде три ћемери азно:
Еден ћемер жамиа да правит;
Други ћемер чешма да ми правит,
До чешма-та кона да ми връзет,
На копа-та байрак да ми запнет;
Да се знаест, ал е Али умрел.
Трећи ћемер вана да го яде.

5.

Разболел ми се левени ћурђе,
Разболел се и ми умрело.
Да шо ми ћурђе и рода немаше;
Толко ми ћурђе рода имаше,
Рода имаше една сестрица,
Една сестрица и бела Мария
И тая беше далек на далек,

Далек на далек, дур в Мориово.
Да ми пущи до два Анђела.
Да ми го викнет бело Марие;
Изговори до два Анђела:
«Да ай ти тебе, бело Марие!
Лел' промени се во бело руво,
Во бело руво, во невестинско,
На главе кладе се девойчинско».
Иак ми киниса бела Марие,
Ми пооделе и що пооделе.
Си пзговори бела Мария:
— Да ой ви вами, до два Анђела,
До два Анђела, два побратима,
Що ми мирират темјановина,
Темјановина и восковина?—
«Да ой ти тебе, бело Марие:
Во гора имат секакви билки:
Едни мирират како на темји,
Други мирират на восковина».
Одое, що ми одое, ми изговори бола Марий:
«Да ой ви вами, до два Анђела!
Що ми се слушаг, како на тога,
Како на тога, како на песка?»
Изговори до два Анђела:
В гора имаат секакви пилици;
Едно ми веет, како на тога,
Друго ми пеет, како на пѣсни.—
Кога ми пойдо, бело Морија,
Кога ми пойда дома на дворъ,
Туе ми найде девет попови,
Девет попови, десето ги че,
Коде го пеет левени ћурђе,
Коде го пеет, да го кревает
Тога ми писна бело Мария:
«Да ай ти тебе, левени ћурђи!
Що не ми прати до два Анђела;
Но го мя легле, болно да ложа.
Бдиуш со усто п'да проговора!»

III. Песни кардальски (или кардарьски)

1.

Мпирко по двори штешаше, юри,
Русо сп перче чешляше,
Со църно и криво гребенче
«Годай ме, маме, годай ме!»
— Годам те, сынко, годам те,
Годам ти Стойна попова,
«Нећум я Стойна попово:
Сакам я Мара Стойкова»
— Не ти я, спико, даваат
«Сакам я, мамо, сос добро,
Зер ћа я земам сос лошо»

2.

Мори, я ѡа одам на град Солун
Додо Алтано, мори милно ии бебе!
Порочай ми, що да ти купам.
«Мори, да ии купиш ал-шамия.
Бебе Божине, море милно ии дода!
Я да носа, ти ме гледаш»
Бебе Божине, море милно ии дода!
— Я ѡа одам на град Негуш.
Додо Алтано, мори милно.. ии бебе!
Порочай ми, що да ти купам.
Додо Алтано, мори милна ии бебе!
— Да ии купиш сръм-колан.
Бебе Божине, море милно ии дода!
Я да носам, ти да ме гледаш.
Бебе Божине, море милно ии дода!
Я ѡа одам на град Воден,
Додо Алтамо, мори милно ии бебе!
Порочай ми, що да ти купам.
«Да ии купаш татар-бунда
Бебе Божине, мора милно ии дода!
Я да носам, ти да ме гледаш»,
Бебе Божине, мори милно ии дода!

IV. Песни за смѣшнъе (смешны).

1.

Мори жабо, мяко меشه,
Ак те фата, ѡа те щипна.
Море раку, тв'рдо коре,
Ако скокма, ѡа те мокна.

2.

Посакал ми рак-от
Жабина-та ѡерка.
Му говорит раку
Жабина-та ѡерка:
«Даль те не знам. раку,
Да коя си стока?
Напрет, незат лазиш,
Во дупка си влазиш».
Налъти се рак-от,
Напрчи мустаћ-от,
Напрчи мустаћ-от,
Накриви колицак-от
— Даль те ме знам, жабо,
Да коя си стока?
Кога, жабо, къркаш,
Гуша-та напинаш:
Гуша-та напинаш,
Очи-те ѹ пуплиш.

Посеяла Мара до три ии просо,
Расте просо, расте, расте испорасте;
Расте, испорасте глувцу до колена,
Глувцу до колена, жабе до рамена.
Ток се чудит Мара, како ѡа го берет.
Пособрала Мара од три села момчи,
Од три села момчи, од три села момчи.
Ток се чудит Мара, с'ощо да ѹ гостит:
Да заколет Мара иува иловица.
Страф я беше Мара, да не им не фасат:
Пак си закла Мара бълва щираквица;
Си изгостит Мара од три села момчи,
Од три села момчи, од три села момчи.

4.

Петель свадьба чинит:
Чудо за чудење,
Чудо да големо!
Вратци—побратими,
Патки подковани,
Петли подседлани,
Гуски зауздани.
Чудо за чудење,
Да големо чудо

5.

Цуцерве гойда пасеше — цупуле!
По край река Ситница,
Туй помина лисица:
«Помоги, Бог, цуцуле!»
— Дай Бог добро, лисице!
«Що е врева во село?»
— Комар свадьба чинеше;
Мушичка е невеста.
Комар вино точеше,
Мушичка му светеше,
Си ок'риши нога-та.
— Не дайте бре сељани,
Да не ибеть и'рцина;
Глава-та на старцы-те,
Да си правит мезенце:
Каки-те на момчи-те,
Да мацкает пусад-от;
Чрена-то на момчи-те,
Да им растет косы-те;
цигер-от ма невесты,
Да ии быдет црвени.

6.

Оженифсе в собота,
За таткова страмота

Зедоф жена работна,
Мошне кућа метеше,
Настред кућа бунище,
На бунище мантарки (печурки).
От си набра мантарки,
Меси зелник мантарник.
От го крена на глава,
Да го носит на иива.
Къркна жаба в зелиник-от;
Си-те ми я дочуе,
Си-те рекое: «Чудо е!»
Поп-от рече: «Чума е!»
Си-те фате ридища;
Поп-от фати долища.
Си-те дойдое трети денъ;
Поп-от дойде пети денъ;
Си-те дойдое со круши,
Поп-от дойде без уши.

Та-же пѣсня иначе.

Оженифес в субота,
За таткова страмата.
Зедоф жена работна,
Що немаше кошуља.
А я си беф подскоклив.
Скокнаф горе и долу,
Си пронабраф протици
И габрови колици.
Е суградиф кошуља,
Я облекоф во нея.
Я подведооф по мене,
Си-те ми я видое,
Си-те рекое: «Чудо е!» (конецъ оди-
наковъ).

7.

(За пресмевање на невеста).

Невестица-сиротица;—дос-дос *)
Момче беше малечаво.
Си го прати на орање.
Фърца вол-от с опашка-та.
Го запрета во бразда-та.
Брано гракна, иейзе текиа.
Търчаница тамо пойде,
Си го найде во бразда-та,
Си го зави в скучина-та,
Го донесе дури дома,
Си го кладе до мешарка.
Момче беше касканція;
Се раскара с кокоши-те,
Му искульва очиня-та.

Невестица-сиротица
Си го кладе во юше—то.
Момче беше касканція:
Се раскара со глувцы-те,
Му изтрызае ушиня-та.
Невестица-сиротица
Си го кладе по край оготъ.
Момче беше завис'ливо,
Се раскара со петли-те.
Пърфна (пафна) петко со криля-та
Го запрети во сила та (жар-от).

8.

(За пресмевање на старица-та).

Дей ѡиди моме, моме седмаиниче!
Да кога си било од седомъ години,
За що ти е чело, чело збърчавено? (2).
«Дей ѡиди лудо, дей ѡиди младо!
Я вчера сум яло кисели ябълки;
За те ми е чело, чело збърчавено.»
Вопрос повторяется,
За що ти се косы, косы побелени?
«Я вчера сум было долу в воденици,
За те ми се косы, косы побелени». — За що ти се плеји, плеји згърбавени?
«Я вчера сум было пънушки вежано;
Зате ми се плеји плеји згърбавени» — За що ти се зоби, зоби попађани?
«Я вчера сум яла од вълно ядна;
За те ми се зоби, зоби попађани».

9.

Цушуль пасет говеда,
Цушулица — тельци-те,
По край река Ситница.
Туй помина лисица:
«Добро утро, цушуле!» — Дай Бог добро, лисице.
«Що е врево ио сел?» — Комарец се женеше,
Мушичка се можеше,
Вошка кућа метеше,
Бълва вода носеше,
Мечка тесто ваљаше,
Глушац попан биеше,
Вълчко сурла свиреше,
Лия сваћа месеше,
Гнида сваћа шареше,
Жаба комат месеше.

*) Такой прищѣвъ повторяется иъ каж-
домъ стихѣ.

Пърда мува зад уво,
Лойла баба да темит:

«Мълчи ми, мълчи, мушичко!
Утре ѩа пойда на пазар,
Ща ти купит симитче;
Ако мълчиш ѩа ти дода,
Ак не мълчиш.—шънаканица.

Вошка кућа метоше,
Отколе я меташа,
Повеће я расеше.

Бълва вода носеше,
Отколе я носеше,
Повеће я пеше.

Мечка тесто ваљаше,
Повеће го лапаше.

Од глуше мене,
Пълно вино;
Од вошка кожа,
Пълна ракия.

Жаба комат месеше,
Отколи го месеше.
Повеће му зељ редеше;
Скокна жаба в зельник-от,
Клекна, мокна, наслочи.
пцуцъль, пцуцилица=чучук=ћућу.

10.

Собрале ми се, набрале до 70 юнаци,
До 70 юнаци и едно старо старчище,
Едно старо старчище от 70 години:
Кои ће профрълят зелен бор,
Тои да си земет Янинка,
Янинка, бело-грађанка.
Си-те редом редие до седом,
Десет юнаци редие до седом;
Какои зелен бор ќе прескочи.
Стана ми, стана старо старчище:
Запрегна поли рокави,
Си го прескочи зелен бор;
Си го прескочи зелен бор,
Да си я зеде Янинка,
Янинка бело-грађанка,
Кога си дочу Анишка,
Писна Анишка да плаче:
«Да ле-ле-ле до Бога!»
Как ѩа се любят старчище,
Старчище с бело брадище!
Со ноћ да го любам,
Ноћ-т да го губам!»
Седна ми старо да тешет:

«Млачи ми, млачи, Янинке,
Янинке, бело-грађанке!
Утре има сбота,
Зад утре-ми е недела;
Ща си пойда на пазар.
На пазар на бербер
Я се ѩа си брада избрчала,
Ща се стора имат юнак
От дванадесет години.
Я ѩа си купа в водица,
Да си истръгна жебурки.
Пак се Анишка не тешет:
•А можъ, старо старчище,
Кога си имаш 70-години!»

У Ястребова гораздо короче (стр. 220).

11.

О, зададе се темен облак, Велия море!
О, зададе се темен облак, Душманин море!
О не им было темен облакъ, Велия море!
О, не им было темен облакъ, Душманин море!
О, так ми было ћор Матлія,
О, ћор Матлія со Матли
О, ћа се бјет со Приленци,
О, со Приленци тутунџи.

Первые 4 стиха повторяются, а затѣмъ добавляется:

О, ћа се бјет со Кичевци,
О, со Кичевци, бостанџи.
О, ћа са бјет с Гостиварци,
О, с Гостиварци, со тиквари.
О, ћа се бјет со Тетовци,
О, со Тетовци, со гушавци.

Каждый стихъ повторяется и въ первомъ случаѣ заканчивается словами: «Велия море», а во второмъ — «Душманин море».

Мат-нахъ изъ иѣсколькихъ селъ, расположенныхъ по другую сторону Арина и къ юго-западу отъ Горной Дебры: жители же его назыв. въ ед. ч. Матлія или Матлія и ец, а во множ.—Матлій или Матани.
(Примѣчаніе собирателя).

12.

(Секогашна).

Море лудо, бре будала!
Що не си се оженило,
Кога беше евтиния?
Пара и пол ведро вино, по три пари ракия-та,
Десет пари товар жито.

Весело стой, повесело, како пръва та година.
«А мори, малко свекръво, со що кя бида
[весело?]

Са оцо кя бида весело, ал со сини-ти будала:
Ако одиме на гости, си седит на чело, това
[седит в дечишча].

VI. Пѣсни при играхъ и забавахъ.

1.

Берите си девойки на собор, на собор:
Ил се собор без девойки не берет, не берет.
Берите си певести на собор, на собор:
Ил се собор без невести не берет.

V. Аргатски.

1.

Пособрала Нѣда до девет аргати,
Да ми я жнеет бела пченица.
Жнеет, що пожнее и си собирае,
Си дойдое дома на вечера.
Си те вечерата, Теме не вечерат,
Е dado е Теме свекра, да им светят.
На сите платие, Теме не платие,
Теме е дадое еден злат прѣстен.
Се молеше Теме на нейзини дружки:
«Кя и знадет майка, за мене да прамат;
Майка да речете: з мия я изиде.
Змия я изиде за наймали-от прѣс.

2.

Разигралося яблъко.
В цареви парты удрило.
Цар го яблъко прашаше:
«Яблъко, пресно яблъко!
Що те аргати пущи?»
Ми изгдвари яблъко:
— Вечера да им готовите
Варено-то ягнє, печено.

3.

Порой потече, ниво голема, да те однесе:
Да те однесе, ниво голема, дур в Мириово. Позив:
По излегое, ни во голема, Мириовски-те,
Те пожнея е, ниво, бела пченица,
Те пожнея е и те собирае,
И те кладое в нови амбари.

4.

Ужина дойде леле до-Бога, а ручекъ немат;
Али заспа, леле до Бога, ратаица-та?
Нози-те кладе, варай до Бога, во огнище-то.
Му изгорело, варай до Бога главенище-то.

Кога се туруват оро-то.

Вода водит мала моме во Цареви порти; (2)
Сам Цар седит, сир гледат, коде вода одит; (2)
А Царев син Бога молит: «Мое да-би било!» (2).

Въ друг. списъкъ:

Край цареви порти
Цар седит на порты-те, моме бо го гледат.
— Мое да е моме
(и въ числѣ свадебныхъ).

3.

На расипуванье оро (Лазорополе).

Я си иде, моме, од ораъе,
Од ораъе, добро, од копанье.
Я ти рекох, моме, добор вечер!
Ти никако, моме, не ми рече.
Глуво-ли си, моме, чуй ме мене;
Слепо-ли си, моме, опули се.
«Ни су глуво, лудо, ни су слепо:
Да беф брало, лудо, како тебе,
Градина бы, лудо, заградило,
Тебе подар, лудо, бы те клало,
•Да ми браниц, лудо, босилек-от

4.

На два хора.

Елаго овамо, девойки море,
На наша страна:
Овамо греѣт, девойки море,
Две ясни сълица,
Две ясни сълица, девойки море,
Две месечине.

Одговор:

Ни ви идемо, девойки море,
Ни ве сакаме:
Овам' имаѣт, девойки море,
Лепи момчичье.

5.

На нишалька.
Сведи се, сведи, сей чише връбо,
Долу, подолу.
Да си приважа,
Зло и неволя:
Терзия има,
А елек нема.
Майстора има,
Одая нема.
Мехния има,
Кожувче нема.

13

На невеста, кога се нишот на
нишалька.

Чія лелька на нишалька? Лельо!
    їурїе-ле Лельо!
Крестова е мила сиона, Лельо!
    їурїе-ле Лельо!
Василькова е невеста, Лельо!
    їурїе-ле Лельо!
Василько е на потица, Лельо!
    їурїе-ле Лельо!
Утро вечер на потица, Лельо!
    їурїе-ле, Лельо!
Василько е во град Солун, Лельо!
    їурїе-ле, Лельо!
Ток се мешат на чаршія, Лельо!
    їурїе-ле, Лельо!
И се чудит, що да купит:
    їурїе-ле, Лельо!
Аъ да купит чиста фута,
    їурїе-ле, Лельо!
Чиста фута с девет колца;
    їурїе-ле, Лельо!
Аъ да купит чисти чегли,
    їурїе-ле, Лельо!

1

Кога се нишат момче.
Момче се лъзват, мома го гледать—
Брайно-ле!
— (Саво-де *) мила — сестроли!
Кротку нишай го лудо-то;
Кротку нишай го младо-то.
Или е гнило (цървливо) дърво-то,
Иль е козливо юже-то;
На паднет, на се отенкат;

(Или: Дан' паднет, да се убiet).
Каждый стихъ повторяется.

8.

Море мои буковки, море буковки!
Какъ садите пипер-от, мори пипер-от?
Дупни дупче, клай коренче.
Го садиме пипер-от, мори пипер-от.
Море мои буковки, море буковки!
Как вадите пипер-от, мори пипер-от?
Така вака подклепки, море, подклепки.
Го вадиме пипер-от, море, пипер-от.
Море мои буковки, море буковки!
Как прашите пипер-от, море пипер-от?
Така вака с нокти-те, с ноктите?
Го прашиме пипер-от, море пипер-от.
Море мои буковки, море буковки!
Как берете пипер-от, море, пипер-от?
Така вака скани шушка, клай в к'шнице.
Го береме пипер-от, море пипер-от.
Море мои буковки, море буковки!
Как тълчете пипер-от, море, пипер-от?
Така вака с петница, море, с петница.
Го тълчеме ципер-от, море пипер-от.

VII. Пѣсни билярскія (биярски, бияречки).

1

«А девойче, Задгорянче!
Аль си было на Задгорѣ?»
— И су было, ѹ су дошле.
«Аль имаше многу цвеће?»
— Многу беше, дробно беше.
Само цвеће нарочуват:
Како знает момчинл-та,
Нека дает да ме берет,
Да ме носит под фесови.
Како знает девойки-те,
Нека доест да ме берет,
Да ме носит на пояси.
Како знает невесты-те,
Нека доест, да ме берет
Да ме носит на сокай,
Да ме носит под гърла-та,
Под гърла-та окованы.

(Я. 148).

^{*)} Се споменат имена на нишачка-такако що я викват, на прилника: Сава (Савета), или юнаку, Цвето-ле, Ружо-ле, Магдо-ле, Сирмо-ле, Маро-ле, Като-ле, Доро-ле, Невено-ле, Восилько-ле, Румено-ле.

2.

Де в село идет, Синжирой-моме, два коня вода.
 Два коня вода, Синжирой-моме, еден за тебе,
 Еден за тебе, Синжирой-моме, други за мене.
 Той, ишо за мене, Синжирой-моме, от звезда узда;
 Той, ишо за тебе, Синжирой-моме, от перо седло.

3.

Расипи оро, Радо невесто,
 Пойди си дома!
 Побди си дома, Радо невесто,
 Браћа ти дошли.
 Браћа ти дошли: Радо невесто,
 Пешкиш донесле.

Пешкиш донесле, Радо невесто,
 Чиста-на фута.
 Чиста-на фута, Рао-невесто,
 Со девет кольца.
 Доте ти плачет, Радо невесто,
 Браћа ти дошли,

(Я. 148).

4.

Качуичце-сиротице!—билиро-билиро!
 Що си излегло во стред зима?—билиро-билиро!
 В стреде зима, въ коложега,—билиро-билиро!
 Кога изръзе дърво и камень?—билиро-билиро!
 — Да я има зло иощеа,—билиро-билиро!
 Ща не рано скоревало;—билиро-билиро!
 Да излега в стреде зима,—билиро-билиро!
 В стреде зима, в коложега,—билиро-билиро!
 И да плета, и да веза.—билиро-билиро!

(Я. 148).

5.

Не оди в гора, Радо невесто, не бери билье,
 Не бери билье, Радо невесто, под зелен ѹор:
 На ѹор имать, Радо невесто, славейно пиле,
 То-ва ми пеѣт, Радо невесто, славейно пило:
 Пойди си дома, Радо невесто, гости ти дошли;
 Гости ти дошли, Радо невесто, татко и майка,
 Татко и майко, Радо невесто, и деветь браћа;
 И деветь браћа, Радо невесто, и осомь снои;
 И осомь снои, Радо невесто, седом внучния
 Гости ти дошли, Радо невесто, пешкиш донесле:
 Но-стари братец, Радо невесто, пешкиш донесол.
 Пешкиш донесол, Радо невесто, чиста-на фута:
 Но-страдни братец, Радо невесто, пешкиш донесол,
 Пешкиш донесол, Радо невесто, срмени келан;
 Но-мали братец, Радо невесто, пешкиш донесол,
 Пешкиш донесол, Радо невесто, чиста-не чехли.

6.

Кинисала бела билька,—билиро!
 Да ми одит на биячки:—билиро!
 Ни лиено, ни чешлано,—билиро!
 А от сите по убаво—билиро!

По говору Любимского уѣзда.

Абызъ—чѣловѣкъ, имѣющій смѣшную наружность. «Зачѣмъ ты сбралъ бороду? теперь абызъ какою то сталъ!.. Бабанѣжиться—долго потягиваться въ постели. Бяго—стуль деревянный, вокругъ котораго загиба-тся полозъ. Бѣль—льняная пряжа, выбѣлен-вая на насту. Бредень—небольшой неводъ. Варево—жидкое, сваренное кушанье: уха, похлобка, щи. Холодное съ квасомъ или жареный картофель варевомъ уже не будутъ. Веретѣо—лохмотье. Варя пива—количество пива, варимое за одинъ разъ. Вилдѣкъ—кочанъ капусты. Вѣцы—ивовые канаты и веревки, которыми деревья связываются въ плоты. Вѣзепатъ—призвать человѣка незнакомаго за знакомаго. «Я думалъ тогда тебя окликать, да побоялся не вклепаться бы...» Вымочка—низкое мѣсто на пашнѣ, гдѣ весной долго застаивается вода, отъ которой «вымокаетъ» посѣянное зерно и погибаетъ. Горбуша—коса на короткой палкѣ. Дылда—нескладной человѣкъ высокаго роста. «Экой ты дылда какой!» Дѣвача—дѣвушка.—«Ты, дѣвача, это не дѣло говоришь!» Жигало или жгало—жало у пчелы. Длинный желѣзный прутъ, накаливая который провортываютъ дирочки въ разныхъ предметахъ: цѣвкахъ и т. п. Заволока—при лѣченіи вѣкоторыхъ лоша-динахъ болѣзней, подъ кожей лошади на плечѣ пропускаютъ тонкую восковую свѣчку. Когда произойдетъ нагноеніе, то свѣчку передергиваютъ и способствуютъ лучшему вы-дѣлевію гноя. Заворъ—ворота въ изгороди. При каждомъ проѣздѣ, жерди въ этихъ воро-тахъ выбираются, а затѣмъ по проѣздѣ вставляются вновь. Завянутъ—подсохнуть. «Цѣвѣты завили» Закрайна—кайма воды между берегомъ и льдомъ на рекѣ весною. Зала-вокъ—то же что и посудникъ. Залудѣть образуетъ кору послѣ дождя (про пашню). Зариться—сильно желать приобрѣсти себѣ какую нибудь вещь. «Онъ позарился сильно на лошадь та, да и купилъ ёё». Застить—затѣнять. «Отайди—не засти». Зачичеревѣть—за-худѣть. «Совсѣмъ темномъ то у насъ зачучеревѣло!» Зыбка—люлька, но съ ободкомъ, сдѣ-ланнѣмъ изъ луба. Изурочить—слезитъ. Исправный—зажигочный. «Ипать мужикъ хер-шій, исправный.. Кадъ—кадка; мѣра старинная. «Возится, какъ съ говѣнной кадью». Катаники, катаницы—валенки. Каталажиться—куражиться. Кунды-мунды—носильное имущество. «Собрала всѣ свои кунды-мунды». Квашённикъ—тряпка, которую завязывается сверху квашни. Коко—ласкателное название яицца: «Васъ коко нужно дать»... Комель—нижняя часть древесного ствола. Кортома—аренда: «Онъ свою землю ужъ третій годъ, какъ въ кортому отдается». Космачеть—ходить т. е. безъ платка. Крыльца—лонатки рукъ. «Между крыльцами у меня чешется».. Курица—елка выкоанная съ корнемъ. Въ такихъ курицахъ утверждается пригнетицъ въ соломенной крышѣ крестьянской избы. Пригнегинкъ—жерди. Курикъ—пирогъ съ курицей. «Рыбникъ»—пирогъ съ рыбой. Легчи—лечь. Легчить—кастрировать животныхъ. Лодырь—лѣтний, шаловливый. Лопотинъ—лохмотье одежи. Молосный—скоромный. Молосный день—скоромный день. Мумлять—муслить, обмачивать смелою. Накдна—старинный головной убор замужнихъ женщинъ. Намарушка—пирогъ съ начинкою намазанною на него сверху. Навѣтки давать—дѣлать памяти. «Она навѣтки то мнѣ давно давала». Обѣчка—деревянный ободокъ у сита или рѣшета. Оболокиться—одѣваться. Окутываться—покрываться одѣяломъ. Скутывать печь, овинъ—закрывать печь или овинъ. Обсказывать—разсказывать все подробнѣ. «Мнѣ все сказали». Обычить, наячить—обмануть, надуть. «Меня наячили». Огорѣваться—съ трудомъ приобрѣсти какую нибудь вещь. «Болого только разъ огореваться, да купить, а тамъ и лучше будетъ». Оклематься—оправиться (о больномъ). «Онъ оклемывается стать теперь понеможку». Осердь—часть внутренностей животныхъ: легкія, сердце и печень. Отѣва—молодая зеленая трава, выростающая на лугу вторично послѣ уборки

съна. **Очесливый**—вѣжливый. **Нечестливый**—невѣжливый. **Ошарашить**—внезапно ударить когонибудь напр. палкой, коломь. **Пауть**—водь. **Паяться**—наряжаться. «Для че ты сегодня въ новую то кофту выняллась?...» **Переметь**—рыболовный снарядъ, состоящій изъ шнура съ прикрепленными къ нему крючьями. **Печатная сажень**—сажень, имѣющаю ровно три аршина; въ отличіе отъ «маховой» сажени—(пространство между средними пальцами распостертыхъ рукъ взрослого человѣка). **Плаха**—толстая доска. **Плѣсо**—видимое пространство рѣки между двумя ея изгибами. **Илесо Дрожжениковское** напр.:—по имени берегового владѣльца.—**Дрожжі** и т. д. **Полушалокъ**—небольшой, теплый шерстяной плаюкъ. **Понимать**—топтить, заливать. «Водой все поле поняло»... **Порость**—некладеный быкъ. **Поскотина**—мѣсто на которомъ пасется скотъ. **Пошевинъ**—санки, обѣзанные лубьями или рогожею. **Прокурать**—насмѣшникъ, забавникъ. «Экой прокурать какой!..» **Пурга**—сѣжная матерь. **Пята**—нижняя часть двери; нижняя часть воротъ. **Раструсить**—разбросать по мелкимъ частямъ. «Раструсить навозъ». **Рушникъ**—подотенце. **Рукотерникъ**—тряпки для вытирания рукъ. **Садокъ**—ящикъ съ драми, который плаваетъ по водѣ и въ которомъ держится пойманная рыба. «Семишиникъ», «семицѣтка»—мѣдная монета въ 2 копѣки. **Сляшить**, **стибрить**—украсть. **Сбондитъ**—тоже самое. **Сумерничать**—спать во время сумерекъ, пока не зажгутся огни. **Сыромолстный**—хлѣбъ, обмолоченный безъ предварительной сушки на овинѣ. **Сѣра**—древесная смола. **Убородный сиѣгъ**—рыхлый, глубокій сиѣгъ. **Удушье**—кашель. **Умолотъ**—количество зерна, намолачиваемое съ известного количества грудь или суслоновъ. **Усолѣть**—осолиться окончательно. **Уторы**—мѣсто соприкосновенія стѣнокъ кашочки съ ея дномъ. **Хилыи**—слабый. **Хайло**—глотка. «Ты чего хайло то дерешь?» **Хлипкій**—нѣжный, чувствительный. **Шалашъ**—дѣлаютъ пастухи изъ прутьевъ, чтобы укрыться отъ дажды. **Шаркунецъ**—булбенчикъ. **Шеломъ**—верхняя часть соломенной крыши. **Шепериться**—тоторщиться. Встрѣчаются при разговорѣ съ дѣтьми ласкателльныя формы глаголовъ: «спатеньки»—спать, «питеньки»—пить и т. д. **Какъ** кличутъ и гоняютъ различныхъ животныхъ. **Коровъ** кличутъ: тирукъ! торукъ! труко!.. Гоняютъ: ксы-ксы-ксы. **Телять** кличутъ: псе-псе-псе.. исенюшка... **Овчъ** кличутъ; башъ, башъ, башъ!.. **Шишь** шишь! шивара!.. **Свиней**: рюхъ-рюхъ рюхъ!.. чушки-чушки! **Курицы**: ципъ-ципъ-ципъ!.. Собакъ—призываютъ мызгаютъ. **Утокъ**: ути-ути-ути!.. Кошекъ—кись, кись... Гоняютъ—брьсь. Голубей: гули-гули-гули!.. **Индюшкъ**: пырь-пырь-пырь! Гусей: тига-тига-тига!.. Всѣхъ птицъ гоняютъ: шишь! кши.. шишь!. Лошадей кличутъ; пго-псо-псо! О беременности животныхъ говорятъ такъ: «совошлась» т. е. забеременѣла. **Беременная корова**—«стельная», лошадь—«жереба», свинья—«супороса». **Овца**—«супына», кошка и собака—«сувошна». **О рожденіи животныхъ** говорятъ: о коровѣ—«отелилась», о лошади—«ожеребилась», о свинѣ—«опоросилась», о кошкѣ—«окотилась», о собакѣ—«ошенилась», обѣ овцѣ—«объягнилась».

Періодъ, въ который корова передъ отеломъ не доить, называется «мешмолоки». Корова тотчасъ отелявшаяся называется «новотельною». Корова отелявшаяся въ первый разъ—«нервотелокъ». Корова необходимившаяся совсѣмъ—«яловую». Градаціи коровы по возрасту: теленокъ, на 2-й годъ поутёлокъ, и, затѣмъ тѣлка, а потомъ уже корова. Быкъ «полуденникъ» называется бычкомъ по второму году. «Порозъ»—быкъ не кастрированный. Градаціи лошади: «сосунъ», «стрігунъ» и «учка» т. е. лошадь, которую уже начинаютъ пріучать къ работе.

Про курицу, когда она снесетъ первое яйцо говорятъ: «обновилась». «Молодка» молодая курица. «Болтунь»—яйцо жировое безъ зародыша; изъ него цыплять не вырастаетъ. «Недоносокъ», «носокъ»—яйцо безъ яичной скорлупы въ одной только пленкѣ. Крестьяне вѣрять, что курица носить таиня яйца тогда, когда ушибется обо чтонибудь.

«Двужелтшное» яйцо—яйцо съ двумя желтками. «Подкладень»—яйцо которое оставляется въ куриномъ гнѣздѣ для того, чтобы курицы не покидали его.

Клохта, клохтуния—насѣдка.

Сообщилъ А. Балогъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Жреческая организация индогерманцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индогерманцевъ).

I.

Извѣстный трудъ О. Шрадера: «Sprachvergleichung und Urgeschichte» (2 изд. 1890 г.) служить точкой отправленія въ новѣйшемъ изученіи индоевропейской (или индогерманской) культуры. Этимъ значенiemъ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что, не порвавъ въ методологическомъ отношеніи связей съ прежнимъ направлениемъ этой науки, онъ соединилъ весь матеріаль, который современная лингвистика считаетъ возможнымъ относить къ древней стадіи развитія индогерманскихъ языковъ. Поэтому онъ могъ считаться показателемъ того уровня нашихъ знаній о культурѣ гипотетического индогерманского народа, какого достигла наша наука. Если теперь, т. е. лѣтъ черезъ 9—10 послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія книги Шрадера, мы въ значительной степени измѣнили наши воззрѣнія на индогерманскую древность, то въ основѣ такого измѣненія все-же лежать тѣ данные, которые заключаются въ обстоятельномъ трудѣ Шрадера. Какъ всякое крупное явленіе, этотъ послѣдній вызывалъ рядъ отзывовъ и возраженій, отмѣтившихъ его достоинства и недостатки. Подъ вліяніемъ его появились книги Рейнакса («L'origine des Aryens». Paris. 1892) и Зейлера («Die Heimat der Indogermanen». Hamburg. 1894), представляющія рефератъ новѣйшей литературы вопроса; страстная полемическая выходка П. ф.-Брадке: «Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Altertumswissenschaft», который уже и раньше выступалъ противъ Шрадера съ брошюрою: «Beiträge zur Kenntniss der vorhistorischen Entwicklung unseres Sprachstamms» (1888), брошюрою, въ которой среди общихъ мало подходящихъ къ дѣлу разсужденій встречается нѣсколько остроумныхъ мыслей о той средѣ завоеванныхъ и низшихъ, среди которой совершалось воспитаніе молодыхъ арийцевъ. Хотя мы не можемъ, конечно, вѣтъ съ ф.-Брадке бросить въ лицо Шрадеру упрекъ въ «безнадежномъ отсутствіи ясности и проницательности мысли», тѣмъ не менѣе въ книгѣ Шрадера не мало и методологическихъ погрѣшностей, въ виду которыхъ всѣмъ специалистамъ стало особенно ясно, въ какомъ направлениі должно было двинуться послѣдующее изученіе индогерманской культуры. Прежде всего, Шрадеръ обращался довольно неосторожно съ лингвистическимъ матеріаломъ, заключая отъ существованія слова въ разныхъ индогерманскихъ языкахъ къ присутствію его въ общемъ индогерманскомъ словарѣ, хотя на самомъ дѣлѣ слово могло распространиться впослѣдствіи путемъ культурныхъ заимствованій; во-вторыхъ, въ матеріалѣ Шрадера было такъ много прорѣхъ, что самъ же онъ почувствовалъ необходимость для дополненія картины оставить въ сторонѣ лингвистику и прибѣгнуть къ даннымъ археологии, отожествляя съ культурой индогерманцевъ культуру свайныхъ построекъ ІІївейцаріи. Никогда еще, кажется, изученіе индогерманской цивилизаціи не пользовалось такимъ вниманіемъ, какъ теперь, послѣ Шрадера: за него берутся не только специалисты-лингвисты (Кречмеръ, Гирть и др.), но и юристы (Лейстъ, Йерингъ), и археологи (Мухъ), и съ особымъ рвениемъ антропологи, въ числѣ которыхъ къ Пенкѣ, продолжающему свои фантастическія изслѣдованія въ старомъ лукѣ.

присоединились Аммонъ, Лапужъ и др., отстаивающіе права долихокефаловъ (=«арійцевъ») на первенство въ исторіи человѣчества *).

Въ одинъ годъ съ книгой Шрадера появилось прекрасное изслѣдованіе Дельбрюка: «Die indogermanischen Verwandschaftsnamen», въ которой былъ сдѣланъ, между прочимъ, слѣдующій важный выводъ: существование въ общенидогерманскомъ словарѣ двухъ формъ: *r̥ot̥i (господинъ) и образованной отъ него *r̥ot̥i (госпожа) указываетъ, по словамъ Дельбрюка, на такое состояніе общества, при которомъ домомъ управляетъ не жена воображаемой эпохи патріархата, но мужчина, мужъ. Другой весьма интересный фактъ, открытый вслѣдованіемъ Дельбрюка, заключается въ обилии общихъ названий для родни по мужу (свекрь и свекры, дѣверь, сънха, зъльва, жѣты), почему можно думать, что женщина въ общенидогерманскую эпоху входила въ домъ мужа, который не имѣлъ сношений съ домомъ жены. Обратно, общими являются, по мнѣнію Дельбрюка, только слово зѣты, хотя определить первоначальное значеніе этого имени изслѣдователь отказывается. Однако, въ скромъ времени было указано еще другое слово того же рода: это инд. ведійское (Rg.-Veda I, 109) s̥yālās (брать жены), сопоставленное Гофманомъ (Bezzemberger's Beiträge. XXI), со слав. шуръ, шурикъ (инд. अ इ॒ आ॒ अ॑ = уста), сопоставленіе, принятое Бругманомъ во второе изданіе его Grundriss'a.

Вопросъ, поднятый Дельбрюкомъ, настолько важенъ, что было необходимо выяснить съ методологической точки зрѣнія степень переживанія и условія новообразованія названий родни. Эту задачу взять на себя романістъ Э. Ташнолетъ, которому наука обязана очень интересными изслѣдованіями: «Die romanischen Verwandschaftsnamen» (1895). Оказывается, что въ этой области языковой жизни господствуетъ большое оживленіе: на 16 словъ, унаследованныхъ отъ почтеннейшей старины, пражодится бѣдьше 100 романскихъ новообразованій, при чёмъ развитіе языка въ этой области такъ же, какъ и въ остальной Европѣ. Такъ напр., рядомъ съ вульгарно-латинскимъ шампа, давшимъ множество рефлексовъ, слово тата осталось совершенно бесплоднымъ (стр. 35), да и вообще, по какому-то странному закону, «иниціатива новообразованія возникаетъ почти всегда въ области названий мужской родни» (стр. 50).

Въ томъ же 1890 году, когда явились книги Шрадера и Дельбрюка, Фикъ подарилъ наукѣ новое, 4-е изданіе своего знаменитаго «Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen», где словарю такъ наз. пра-языка (Grundsprache) посвящено болѣе полутораста страницъ. Изъ важныхъ культурныхъ словъ, которыхъ вѣтъ у Шрадера, здѣсь будетъ не лишнимъ упомянуть лат. ergis, era (господинъ)=zend. arihīs, остроумное и многознаменательное сопоставленіе лат. ciscirvita (дѣвка) съ санскр. sagbhata (огурецъ), вед. ha u a съ армян. z̥i (кояя) и т. д.

Въ настоящее время и словарь Фика уже устарѣлъ: для того, чтобы почерпнуть почти весь общенидогерманский словарь, надо обращаться и не къ Шрадеру, но ко второму изданію первого тома Бругмановскаго: «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen sprachen» (1897).

До сихъ поръ шла рѣчь о такихъ явленіяхъ науки, которые остались въ сфере влиянія Шрадера. Теперь передъ нами несколько трудовъ, которые такъ или иначе принимаютъ въ расчетъ взгляды этого ученаго и пытаются расширить или видоизменить его выводы и методы.

Прежде всего слѣдуетъ назвать книгу М. Муха: «Die Kuirfserzeit in Europa und ihr Verhältnis zur Kultur der Indogermanen» (1885), вышедшую вторымъ (значительно дополненнымъ) изданіемъ въ 1893 году. Въ методологическомъ отношеніи мы встрѣчаемъ здѣсь ту же вѣру въ достовѣрность и полноту лингвистическихъ данныхъ, что и у Шрадера; то же стремленіе связать выводы лингвистической археологии съ результатами раскопокъ. Какъ не специалистъ въ этой послѣдней, крайне таинской, области, я

*). Для ориентировки въ этихъ вопросахъ я позволю себѣ сослаться на свои же статьи: «Новые изслѣдованія о языкахъ и культурахъ индогерманцевъ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г., № 2) и «Къ вопросу о национальныхъ особенностяхъ» (Русский Филологический Вѣстникъ. 1899 г., № 3 и 4).

могу сказать только съ большой осторожностью, что картина, нарисованная Мухомъ на основаніи доисторическихъ находокъ, представляется мнѣ заманчиво вѣрной; другой вопросъ, насколько она покрывается словарными данными. Дѣло въ томъ, что Мухъ пришелъ къ убѣждению, что между эпохой шифованныхъ камня и бронзовыми вѣкомъ лежитъ періодъ, характеризуемый предметами, сдѣланными изъ одной мѣди безъ присадки цинка или олова. Такие предметы раскинуты по всей Австро-Венгрии, Нѣмецкой имперіи, Италии, Франціи, Испаніи, Англіи и Ирландіи, Швейцаріи и Норвегіи и восточной Россіи; они найдены на греческихъ островахъ и на Кипрѣ, встрѣчались въ Троѣ и въ Палестинѣ; всего такихъ мѣстъ теперь найдено свыше 400, въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ мѣдными присадками каменные или бронзовые издѣлія, и, чтѣ весьма важно, мѣдные вещи изготавливались не только на украшения, но и на всякую потребу: тутъ есть и скіпты, и топоры, и застежки, и мечи, и кольца, но въ основѣ мѣдной промышленности, повидимому, лежало изготавление плоскихъ топоровъ, книжаловъ и шилъ. Первый является замѣстителемъ каменныхъ топоровъ и имѣть ту же форму, что и они; книжалъ выдѣлывался по образцу призматического трехъ-или четырехъ-граннаго кремневаго ножа; вообще же надо сказать, что сходство мѣдныхъ вещей очень велико повсюду, на какомъ бы разстояніи одна отъ другой они ни были найдены. Поэтому вся масса находокъ представляется автору книги однѣмъ болѣшиль цѣлымъ, общими признакомъ котораго служить плохая обработка поверхности предметовъ и отсутствіе украшений, происходившее отъ того, что плохими каменными и костяными орудіями было невозможно орнаментировать твердый металль.

Обработка мѣди, продолжавшаяся долгое время и оставившая наиболѣе слѣдовъ въ Венгрии, окончилась съ переходомъ человѣчества въ бронзѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнию Муха (стр. 234), мѣдь при своемъ появлѣніи въ Европѣ стоитъ еще въ тѣснѣйшей связи съ каменнымъ вѣкомъ, встрѣчается нечасто и носить слѣды рѣдкаго и бережливаго употребленія. Вскрѣ послѣ того, какъ она начинаетъ попадаться въ болѣшемъ обилии, является на сцену уже и бронза, скудная въ процентномъ отношеніи олова къ мѣди, и въ издѣліяхъ съ простѣйшими формами; при этомъ еще не исчезаютъ совершенно и каменные орудія: «ихъ сохраняютъ бѣдные люди или старая традиція». Наконецъ, и мѣдь и бронзы становятся настолько достаточно, что даже бѣднякъ можетъ не отказывать себѣ въ металлическихъ вещахъ, и эти два металла начинаютъ попадаться рядомъ, тогда какъ камень уже окончательно выходитъ изъ употребленія; въ некоторыхъ мѣстахъ мѣдь еще сохраняется не надолго перевѣсь надъ бронзой. Эта эволюція совершилась во всей Европѣ, но особенно ярка она въ юго-восточной части Испаніи, изслѣдованной братьями Сиреть (Siret).

Далѣ, Мухъ ставитъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ изготавлялась мѣдь первобытными обитателями Европы, и къ какому времени восходитъ начало этого кузнецаго ремесла? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ положительнымъ заявлениемъ, что мѣдь при появлѣніи ея въ находкахъ уже плавили, а не обкочивали молотомъ, какъ это известно въ американскихъ древностяхъ. Это доказывается неоспоримо тѣмъ фактомъ, что уже въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи (напр., въ Робенгаузѣ, Турги и мн. др.), где нѣть еще слѣдовъ знакомства съ металлами, найдены въ большомъ числѣ тигели и литеинныя ложки (Gusslöffel); перечисленію этихъ находокъ посвящена 5-ая глава книги Муха. Всѣдѣ за тѣмъ изслѣдователь старается опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ Европы происходила добыча мѣди. Въ результатѣ этого изысканія получаются слѣдующія три положенія: (стр. 277). На Альпахъ въ Бишофсгофенѣ и Китубюгелѣ мѣдные кони занимали значительныя пространства; подъ землей они доступны до сихъ поръ; здѣсь же добытая руда подвергалась полной обработкѣ посредствомъ плавки; найденные на этихъ пространствахъ остатки сосудовъ принадлежать по своимъ свойствамъ еще цѣликомъ каменному вѣку и представляютъ полную аналогию предметамъ, сохранившимся въ свайныхъ постройкахъ Австріи и Швейцаріи. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще толькъ весьма важный фактъ, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Бишофсгофеномъ въ Готченбергѣ каменные издѣлія приготавливались для сбыта, а глиняные вещи были того же рода, какія употреблялись съ одной стороны въ мѣдныхъ копяхъ, съ другой, въ свайныхъ постройкахъ того же каменнаго вѣка. Оставляя въ сторонѣ перечисленіе мѣдныхъ

копей, отысканныхъ доселъ въ Средней Европѣ (стр. 282—283), я передаю прямо къ вопросу о происхождении мѣдной плавки, вопросу, который разрѣшается Мухомъ въ томъ смыслѣ, что начало этого искусства восходитъ къ Европѣ, гдѣ при рѣтѣ мѣдныхъ копей, достигавшихъ значительныхъ размѣровъ (50 и 60 футовъ глубины), люди имѣли не мало случаевъ познакомиться съ плавкостью этого металла, хотя первоначально имѣли въ виду обдѣлывать его при помощи молота. Такимъ образомъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, полная возможность (стр. 306) думать, что европейское населеніе неолитической эпохи дошло самосостоятельно до открытия металла (мѣди). Отсюда можно сдѣлать выводъ, что культура такъ называемый Kupferzeit совпадаетъ съ культурой каменного вѣка, а такъ какъ современные лингвисты рѣшительно переносятъ родину индогерманского племени въ Европу, то для Муха не представляется никакого затрудненія отождествить такъ называемую индогерманскую культуру съ цивилизацией «мѣдного вѣка» тѣмъ болѣе, что и въ опредѣленіи этой родины лингвисты сильно расходятся: одинъ переноситъ ее въ Скандинавію (Пенка), другой въ Германію (Л. Гейгеръ), а Шрадеръ помѣщаетъ ее поблизости отъ Швейцаріи, тогда какъ Томашекъ ищетъ родину индогерманцевъ на нижнемъ или среднемъ Дунайѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложению книги Муха, я замѣчу, что и этотъ ученый отождествляетъ культуру съ расой и языковой группой, а потому я совсѣмъ не буду повторять его разсужденія о древнемъ орнаментѣ индогерманцевъ. Зато очень интересна и поучительна картина культуры свайныхъ построекъ, которую авторъ рисуетъ передъ вами въ 8-ой главѣ. Мы живо представляемъ промышленный и осѣдлый народъ, въ которомъ склонны вмѣстѣ съ авторомъ видѣть индогерманскія племена. Совсѣмъ другой вопросъ, слѣдуетъ ли или, лучше сказать, стоять ли отождествлять его съ еще нераздѣльнымъ индогерманскимъ племенемъ. Самое положеніе, съ котораго начинается 9-я глава, посвященная «пробѣрѣ археологическихъ фактовъ по даннымъ сравнительного языкознанія», представляется мнѣ очень фальшивымъ. Оно гласитъ слѣдующимъ образомъ (стр. 348): «если выводы, сдѣланные на основаніи археологического материала (т. е. утвержденіе, что среднеевропейское населеніе неолитической эпохи узнало мѣдь и, кромѣ нея, знало хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, золото) справедливы, то подтвержденіе ихъ должно оказаться въ культурномъ состояніи и бытѣ арийцевъ, составлявшихъ еще одни народъ и говорившихъ однимъ языкомъ». Точно эти два единства совпадаютъ, и точно раздробленіе народа всегда равносильно видозмѣненію культуры!

Такимъ образомъ передъ нами провѣрка археологии со стороны лингвистики. Представителемъ этой послѣдней для Муха служить Шрадеръ, который видѣть въ лат. a e = гор. a i z = скрт. а у аз мѣдь и предполагаетъ, что только этотъ металль и былъ знакомъ индогерманцамъ. Рядомъ съ этимъ словомъ является другое древнее название металла: скрт. h i g a p u a = слав. з л а т о, которое Мухъ не рѣшаются относить къ обще-индогерманской эпохѣ. Зато онъ рѣшительно отряцає знакомство этой эпохи съ серебромъ, хотя общее название его (скрт. г а j a t a и т. д.) распространено по всему югу «арійскаго» мира. Аргументъ археолога въ этомъ случаѣ довольно произволенъ. «Если обратить вниманіе на то», говорить онъ (стр. 358): «что именно въ Индіи (Guneria) и въ Испаніи серебро встрѣчается рядомъ съ мѣдными топорами, т. е. восходить къ праарійскому времени, то это предположеніе (о существованіи его въ обще-индогерманскую эпоху) получаетъ въ археологическую основу; но было бы черезъ-чуръ рисковано ставить находки въ Guneria въ связь съ индійцами, а находки испанскія съ арійцами». Такимъ образомъ вся теорія Муха, поскольку она касается данныхъ лингвистики, для нея въ сущности совсѣмъ не нужныхъ, основывается на предположеніяхъ, что a e s означало мѣдь; но это-то и спорно. По крайней мѣрѣ, немецкій археологъ Гостманъ (Ch. Hostmann. Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie. 1890) съ жаромъ доказываетъ, что санскр. а у аз означаетъ не мѣдь, а желѣзо, безъ которого, напримѣръ, немыслимо устроить такую повозку, существование которой приписывается индогерманской культурѣ. Онъ думать, что первый металль, который знали наши предки, былъ же лѣзо, а не мѣдь и не бронза. Мнѣ кажется, что прибѣгать къ лингвистическому материалу въ данномъ случаѣ совершенно бесполезно: та интересная картина культуры, которую намъ даетъ Мухъ въ своей книгѣ,

должна прояснять и наши возврѣнія на древній быть индогерманцевъ, такъ какъ при однообразіи этой картины во всей Европѣ временъ свайныхъ построекъ мы не можемъ не думать, чтобы участниками ея не были и древнія индогерманскія племена, разъ доказано съ большей или меньшей вѣроятностью, что родину этихъ племенъ слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ Европѣ.

Такимъ образомъ уже Мухъ, въ сущности, порываетъ съ лингвистикой при изслѣдовании древнѣйшей индогерманской культуры, и это отношеніе къ даннымъ языкоznанія начинаетъ пріобрѣтать все больше и больше права гражданства въ современной наукѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ обзору этого направлѣнія, я остановлюсь еще на одной книгѣ, где проповѣдена новая попытка опѣнить словарный матеріалъ и примѣнить къ нему иныхъ, болѣе строгія, требованія. Эта книга замѣчательный трудъ П. Кречмера: «*Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*» (1896). Авторъ ея ставитъ своей задачей опредѣлить исто грецескаго языка въ семье индогерманскихъ языковъ, указать его предковъ и сестрѣй. Поэтому онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ вопроса объ индогерманскомъ языкѣ, о прародинѣ гипотетическаго обладателя этого языка и объ относительной древности его пребыванія въ Европѣ. Далѣе Кречмеръ переходитъ къ опредѣленію первоначальныхъ, доисторическихъ сестрѣй грековъ, отъ нихъ—къ народностямъ, соединившимъ съ этими послѣдними уже въ историческую эпоху, т. е. къ египетцамъ и иллірійцамъ. Наконецъ, авторъ подробно останавливается на выясненіи до-эллинскаго населенія Греціи, остатки которого онъ находитъ въ малоазіатскихъ непиндогерманскихъ народахъ, языки которыхъ характеризуются смѣнной *p t* въ *p d*. Содержаніе этой интересной книги ззканчивается на образованіи греческаго языка, какъ отдѣльной единицы. Я коснулся ее лишь постольку, поскольку Кречмеръ касается культуры индогерманцевъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ относится съ большимъ скептицизмомъ не только къ возможности возстановлять характеръ индогерманскихъ звуковъ (въ родѣ совантовъ, качества долгаго *e* и т. д.), но и къ достовѣрности лингвистическихъ выводовъ о культурѣ этого народа. Свои взгляды онъ высказываетъ въ слѣдующемъ положеніи (стр. 65): «николиъ образомъ нельзя оснаривать, что распространеніе индогерманцевъ основано на расхожденіи ихъ изъ одного центра, собственной прародины, равнымъ образомъ невозможно отрицать существованіе пра-народа, но все это теряется въ глубинѣ вѣковъ и недоступно изученію». Дѣло въ томъ, что, какъ бы далеко мы ни углублялись въ рядъ вѣковъ, повсюду мы встрѣчаемся со словами, которыя распространялись путемъ заимствованія отъ одного народа къ другому, отъ одного человѣка къ другому. Процессъ созданія новыхъ словъ и звуковыхъ измѣненій идетъ безостановочно, но такъ же непрерывно совершается и распространеніе ихъ, а потому говорить о единомъ «пра-народѣ», не знавшемъ діалектическихъ подраздѣленій, абсолютно невѣрно. Если мы встрѣчаемъ одно и то же слово во всѣхъ индогерманскыхъ языкахъ (что бываетъ крайне рѣдко), то и отсюда мы можемъ заключить вовсе не то, что это слово принадлежало уже «пра-языку», а лишь то, что оно вышло изъ одного центра и распространялось путемъ перехода отъ одного народа къ другому еще въ ту эпоху, когда эти послѣдніе были близкими сестрѣями между собой. Вотъ почему Кречмеръ со своей точки зрѣнія правъ, утверждая (стр. 97), что, «если подъ родственной системой нѣсколькихъ языковъ понимать сумму ихъ древнѣйшихъ культурныхъ сношений, то вопросъ о родствѣ ихъ нельзя разрѣшить при помощи какой-нибудь одной теоріи: отвѣтомъ на него должна служить вся древнѣйшая исторія этихъ языковъ». При этомъ Кречмеръ (стр. 413) отмѣтываетъ слѣдующее заблужденіе, въ которое впадаютъ изслѣдователи этого праязыка: они признаютъ словарные совпаденія за древній элементъ языка, тѣ же слова, которые извѣстны лишь въ одномъ—двухъ языкахъ, склонны считать новыми. Но вѣдь при допущеніи діалектического развитія пра-языка не мало старыхъ элементовъ должно было сойти со сцены, вслѣдствіе чего кое что не с впадающее можетъ относиться къ древнѣйшимъ временамъ языка: въ исторіи языковъ постоянно дѣйствуютъ два принципа, центробѣжный и центростремительный. Въ зависимости отъ того, который изъ нихъ одерживаетъ верхъ, изъ языка выдѣляются діалекты или же, наоборотъ, различные діалекты сливаются въ одно языковое цѣлое; въ результатаѣ послѣдняго процесса явилась языковые и культурные группы кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д. Ассимиля-

руючий принципъ создалъ въ извѣстной группѣ племенъ сходство языковъ, обычаевъ, вѣрованій и материальной культуры; это все болѣе обособляло эту группу отъ соседнихъ. Напротивъ, въ образованіи греческой, италійской и арійской націй Кречмеръ (стр. 413—414) склоненъ видѣть дѣйствіе географической изоляціи (географич. обособленія).

Итакъ, необходимо предположить существование «пра-народа», но невозможно (по даннымъ лексикальнымъ) говорить объ его культурѣ. Исторія должна начинать не съ него, а съ совмѣстной жизни цѣлой группы индогерманскихъ народовъ. «Любопытно», замѣчаетъ Кречмеръ (стр. 64): «что въ поискахъ за какимъ-нибудь уголкомъ Азіи или Европы, который могъ бы годиться въ смыслѣ пра-родныи индогерманцевъ, совершенно проглядѣли тотъ фактъ, что лексикальныи отношенія индогерманскихъ народовъ, въ сущности, лучше всего подходить къ тѣмъ самымъ мѣстностямъ, какія они занимаютъ въ историческое время, такъ что нѣтъ ни малѣйшей необходимости предполагать очень значительную перемѣну ихъ мѣстожительства. Это особенно ясно въ названіяхъ животныхъ и растеній». На основаніи этого заключенія Кречмеръ высказываетъ мнѣніе, что семья индогерманскихъ народовъ въ началѣ своей исторіи занимала степные пространства, которая тянутся отъ Франціи черезъ всю Среднюю Европу и Киргизкія степи и Азіи до самого Ирана *) (стр. 60). Тѣ возраженія, какія можетъ представить антропологія со своимъ измѣреніемъ череповъ и археологія со своей теоріей перерыва между палео- и неолитической культурами (послѣднюю Шрадеръ, какъ извѣстно, приписываетъ индогерманцамъ), — эти возраженія Кречмеръ отклоняетъ указаніемъ на полную недостовѣрность выводовъ изъ давнихъ краевометрій, привезенную теперь самими антропологами, и на отсутствіе археологического перерыва, подтверждающеющеся новыми находками. Въ виду всего этого онъ предполагаетъ, что индогерманцы искони вѣковъ жили въ указанныхъ пмъ границахъ, тѣмъ болѣе, что и въ историческое время перерыва между иранцами и западными индогерманскими народами еще не было: они были заполнены скіеями.

Какъ же вышеприведенные умозаключенія подтверждаются языковыми данными? Для примѣра возьмемъ слово соль, которое занимаетъ мѣсто въ словарякѣ всѣхъ западныхъ индогерманцевъ, но отсутствуетъ въ языкахъ восточныхъ; тѣмъ не менѣе, и эти послѣдніе не могли не знать соли, которая покрывала почву ихъ степей. По теоріи Кречмера, этотъ фактъ объясняется очень просто: западные народы получали соль изъ одного общаго источника, тогда какъ восточныи не для чего было привозить ее съ запада: у нихъ и на родинѣ соли было не мало; поэтому и название соли оказалось разнымъ у разныхъ народовъ.

Нѣть сомнѣнія, что при такомъ взглядеѣ не можетъ быть и рѣчи объ одномъ пра-народѣ, который выдѣлилъ изъ себя нѣсколько племенъ, унаследовавшихъ и развившихъ его культуру. Оперируя на данныхъ лингвистики, къ другому выводу нельзѧ было и прийти, и потому позиція, занятая Кречмеромъ, мнѣ представляется вполнѣ возможной. Одно только возбуждаетъ мое недоумѣніе: можетъ-ли такой богатый и уже упорядоченный языкъ, какимъ оказывается общеиндогерманскій, принадлежать народу, о культурѣ котораго намъ нечего сказать. Напротивъ, мнѣ кажется, мы можемъ смѣло утверждать, что этотъ народъ стоитъ уже настолько высоко въ культурномъ отношеніи, что среди него есть люди, на попеченіи которыхъ лежитъ систематизация языка, т. е. жрецы, слагающіе гимны и ритуаль. На основаніи этого взгляда, высказанного въ недавнее время М. Бреалемъ (въ книгѣ «Essais de Sémantique»), я склоненъ видѣть въ индогерманскихъ племенахъ потомковъ одного культурного племени, а въ ихъ культурѣ искать продолженіе и развитіе тѣхъ принциповъ, на которыхъ создавалась уже цивилизациѣ пра-народа. При тежестѣ культурныхъ принциповъ трудно видѣть одно заимствованіе, хотя это положеніе не надо понимать слишкомъ узко въ томъ смыслѣ, что и антропо-

*) Здѣсь же распространена особая форма пользованія рогатымъ скотомъ въ смыслѣ денежной единицы, на которую въ послѣднее время съ особенной силой указалъ Ridgeway въ книгѣ The origin of Metallic currency and weight standards. Cambridge. 1892. Дѣйствительно, на всемъ этомъ пространствѣ одна культура (см. книгу Муха); здѣсь же проходила уже въ неолитическую эпоху древнѣйшая торговая дорога (см. Ridgeway, стр. 105, 111).

логически все индогерманские народы потомки одного предка. Здесь речь идет только о языке и культуре, принципы которых являются наследием общего (по культуре) предка. Несомненно, и в словарях сохранилось много старого; но дать на основании его полную и верную картину культуры этого народа невозможно так же, как и на основании романских языков нельзя было бы возсоздать быть римского народа во всех его частностях. У нас есть другой материал для этой цели. На первом месте ради удобства я поставил материал историко-ботанический и зоологический, на втором юридический. Первым я старался воспользоваться в своей вышеназванной статье, где ставил уровень материальной культуры народа очень высоко. К тому же выводу приходит и немецкий ученый Г. Гирт (Hirt), которому принадлежит ряд статей о родине и культуре индогерманцев, напечатанных частью в журналах: «Indogermanische Forschungen» (т. I и V) и «Geographische Zeitschrift» (т. I и IV), частью в других изданиях. Гирт, как Кречмер и отчасти Брадке, является продолжателем метода Гена, который в своем знаменитом сочинении: «О культурных растениях и домашних животных в их переходе из Азии в Европу» (последнее издание 1894 года приготовлено Шрадером, внесшим много нового лингвистического материала) возсоздает картину древней европейской культуры на основании истории растений и животных. Правда Ген стоит на шаткой почве излишнего доверия к словарным совпадениям; правда, со времени его книги и по доисторической ботанике (о ней см. книгу Бушана) и по доисторической фауне (о ней книги Гана, Отто и д.) открыто много нового; тем не менее, поскольку метод Гена состоит в изучении культуры по положительным фактам истории флоры и фауны, а не по лингвистическим данным, он оказывается в высшей степени плодотворным и точным. И интересно отметить, что Герман Гирт в последней из (известных мне) статей возсоздает эту культуру почти совершенно независимо от словарных данных. Вопреки Шрадеру, приписывающему своим индогерманцам быть скотоводческим, он (в томе «Indog. Forsch.») говорит об их земледельцах, а теперь (в 1898 г. в IV т. «Geograph. Zeitschrift») перечисляет даже те культурные растения, которых они должны были знать. Работы Гирта по вопросу о родине индогерманцев мне представляются чрезвычайно тенденциозными и, поскольку речь идет об этиологических выкладках, малонадежными, но статья об их культуре мне очень нравится. По мнению Гирта, индогерманцы были земледельцами, знали собаку, овцу, рогатый скот, а, может быть, и козу, свинью и лошадь, а из культурных растений жолудь, который шель, вероятно, в пищу, ячмень и некоторые плодовые деревья. Объяснение развития индогерманской культуры подчиняется ей вавилонскому влиянию, Гирт находится под впечатлением книги Леринга: «Vorgeschichte des Indo-europäer» (Leipzig, 1894). Эта последняя принадлежит那人 автора «Духа римского права», который далеко не был специалистом в интересующей нас области; поэтому, его книга носить дух дилетантизма в самой сильной степени. Она вся построена на предположении, что культура индогерманцев была исключительно деревянная, чуждая каменных построек, тогда как выделка кирпича, субSTITУТА камня там, где его нет, предполагает культуру высшую; родина этой последней лежит в Вавилонии, откуда ведут свое происхождение постройки крупных зданий, кораблестроение, времячисление, деление дней на праздничные и будничные и т. д. Есть сомнения, что человечество обязано очень многим досемитической культуре Вавилона, но утверждать это голословно по отношению ко всем культурным завоеваниям мы не имеем никакого права. Подобно нравственной философии Ницше, историческая теория Леринга интересна, как попытка изложить развитие души (у Ницше) и культуры (у Леринга) с двух резко разграниченных точек зрения: только инстинкт господства или инстинкт смирения у первого, только камень или дерево у второго; в времени и пространства, в какой-нибудь стране. Уточни оба ученые совершенно правы, но горе в том, что на земле абсолютных границ нет, и потому индогерманцы не должны были тщательно оберегаться от самостоятельного ознакомления с каменными постройками и т. д., а Вавилония нечего было брать на себя роль культуры-трехеров индогерманцев и в этом отношении, тем более, что в языке последних нет несомненных семитических заимствований, хотя съ предвзятой целью

ихъ не разъ отыскивали и, конечно, находили (Лог. Шмидтъ, Гаммель, у Іеринга стр. 232). Такимъ образомъ, у Іеринга культура Вавилонианъ вышла черезчур высокой (уже въ 4-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. они знали мореплаваніе и доплывали до Индіи), а культура индогерманцевъ слишкомъ низкой. Совершенно смѣшавъ послѣднихъ съ индійцами, онъ смѣлой рукой рисуетъ намъ черты ихъ национального характера, и путемъ цѣлаго рода ложныхъ построений *) приходитъ къ слѣдующей картинѣ индогерманского быта (стр. 103). Это былъ пастушескій народъ, крайне отсталый въ области вѣтшней культуры. Онъ не зналъ ни земледѣлія, ни обработки металловъ; у него не было желѣзныхъ орудій или оружія, а были только каменные топоры и деревянные копья; металлическихъ денегъ у него также не было, а ихъ мѣсто заступалъ рогатый скотъ. Употребленіе камня для построекъ было ему чуждо; онъ не вѣдалъ каменныхъ домовъ, а зналъ только хижинъ изъ дерева, прутьевъ и соломы; онъ жилъ не въ городахъ, а въ деревняхъ съ отдѣльными домами. Не зналъ онъ и торговли съ чужеземными народами, чьи продукты онъ могъ получать въ обменъ, то, а что онъ производилъ самъ, не выходило изъ самыхъ скромныхъ предѣловъ. Его право не вышло язъ зародыша (*überg die dürfstigsten Ansätze*), даже самое слово право въ отличие отъ обычавъ было ему неизвѣстно. И для того, чтобы достигнуть этого низкаго уровня культуры, ему потребовалось десять тысячелѣтій,—когда на это было бы совершенно достаточно и одного,—девять тысячелѣтій прошло въ полной культурной неподвижности.

Цивилизаторами явились финикийцы, усвоившиѣ себѣ культуру у Вавилонианъ и перенесшіе ее къ грекамъ и римлянамъ.

II.

Итакъ, все сдѣланное до сихъ поръ очень мало выяснило культуру того народа потомками которого въ отношеніи языка и цивилизациіи явились такъ называемые индогерманскіе народы. Эти изслѣдованія нарисовали намъ картину жизни Европы въ древнія времена, но не научили насъ распоряжаться съ данными лингвистики и не показали намъ, какое мѣсто въ доисторической жизни Европы занимаютъ индогерманцы. Область, которую они пытались освѣтить, осталась въ сущности такою же темной, какой была и раньше. Единственнымъ ученымъ, которому удалось пролить на нее нѣкоторый свѣтъ, оказывается, по моему мнѣнію, Іенскій профессоръ В. Лейстъ, авторъ трехъ огромныхъ томовъ: «Alt-Arisches Jus Gentium» (1889) и «Alt-Arisches Jus Civile» (1892—1896, 2 тома). Успѣхъ, которымъ, по моему убѣжденію, увѣничалась его попытка, зависѣлъ не столько отъ эрудиціи и остроумія автора, сколько отъ правильности пути, по которому онъ пошелъ, и который одинъ только, пожалуй, и могъ привести къ надежнымъ результатамъ. Слаченіе различныхъ «арийскихъ» (какъ называетъ индогерманцевъ Лейстъ) институтій должно привести къ раскрытию древнѣйшей организаціи той среды, которая ихъ породила. Это не случайное или очевидно заимствованное совпаденіе мифологическихъ или quasi — мифологическихъ возврѣній, на которыхъ строили гордое зданіе индогерманской мифологии В. Шварцъ, Г. Мейеръ и др.; но совпаденіе такихъ институтій, которая лежать въ основѣ жизни и эволюціи всѣхъ правовыхъ системъ Греціи, Рима и др. Даже Іерингъ при всемъ поверхностномъ отношеніи къ своей задачѣ не могъ не замѣтить нѣсколькихъ замѣчательныхъ совпаденій между римскимъ и индійскимъ правомъ: позорный столбъ для должниковъ, битъ этихъ послѣднихъ пальмами и т. д. Однако эти совпаденія не помѣшили ему заявить (стр. 87), что у гипотетического пра-народа не было еще никакого права, что это былъ, однимъ словомъ, народъ «безъ всякой практической жилки», діаметральная противоположность римлянамъ.

*) Можно было бы привести множество образчиковъ ихъ; я этого не дѣлаю въ виду общаго характера моей статьи, но вотъ одинъ примѣръ: (стр. 48) германцы не знали и придалиаго. Die Germanen, welche am lngsten von allen Indo-europ鋓ern in der zweiten Heimat verweilten, haben die Einrichtung des unterjochten Volkes angenommen». Укажу страницы съ такими же построеніями: стр. 21, 23, 26—27, 54, 58, 81, 119 и т. д.

Лейстъ стоялъ на совершенно иной точкѣ зреія. Прежде всего онъ устанавливаетъ рѣзкое различіе между схемами, въ которыхъ складываются права народовъ, достигшихъ извѣстнаго уровня культуры, складываются независимо и подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого уровня, и между институціями, сущность которыхъ Лейстъ формулируетъ такъ (I. Civ. I, 7): «подъ институціями я разумѣю акты (Akte) и отношенія, которые передаются народомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію съ извѣстной постоянной властью (mit gewisser fester Wirkung)». Эти институціи могутъ быть религіозными, могутъ быть просто обычаями, наконецъ, могутъ быть правовыми, и при томъ правовыми не только въ значеніи *ius civile*, но и, въ смыслѣ *thémis-fas*.

Первое и, какъ мнѣ кажется, лучшее изъ сочиненій Лейста въ разсмотриваемой вами сферѣ посвящено этому послѣднему праву. Въ основѣ развитія греческаго и римскаго *Jus civile* лежитъ право такъ сказать обрядовое, религіозное, жизнь, подчиненная требованіямъ, предъявленнымъ людьми самимъ Богомъ; это индійское *dharma*, греческое *thémis* и лат. *fas*. «Соціальный строй, поконвѣшился на извѣстныхъ, самой природой установленныхъ элементахъ *ratio*», говоритъ Лейстъ (ibd. 17), принялъ духовную оболочку (*ein geistliches Gewand*) уже у предковъ грековъ и римлянъ. Онъ считался (подъ именемъ *Феміс* или *fas*) за установление боговъ, сообщенное людьмъ черезъ посредство жрецовъ толкователей. Это *Jus divinum*, при всемъ разнообразіи его развитія у различныхъ племенъ, считалось общимъ достояніемъ *gentes*, которымъ видѣли источникъ права въ охраняющемъ и карающемъ богѣ отца Завсѣ. Подобное *Jus gentium* ничего не теряло въ своемъ значеніи и при существованіи частной законодательной власти (складывались-да ея постановленія въ государственное обычное право или въ законѣ). Старое *Jus gentium* стояло слишкомъ высоко для того, чтобы отойти на задній планъ передъ авторитетами маленькаго частнаго государства. Но оно состояло изъ немногихъ общихъ и ясно выраженныхъ положеній, и чувствовалась потребность дать ясныя опредѣленія все возраставшему числу отдѣльныхъ пунктовъ и примѣнять кары, налагаемыя управляющими и судящими государственными властями ради сохраненія порядка въ общинахъ. Таково положеніе вещей, которое надо имѣть въ виду, чтобы встать на правильную точку зреія при выясненіи древнихъ основныхъ элементовъ греко-италійского права».

Изложенію древнѣйшаго божественного права посвящено «*Alt-Arisches Jus Gentium*». Вся жизнь древнихъ арійцевъ (пользуюсь здѣсь этимъ терминомъ ради краткости) зиждалась на сохраненіи домашняго очага, на культе предковъ, ради котораго высшей цѣлью семьи признавалось продолженіе рода. Вслѣдствіе этого арійскій бракъ былъ учрежденіемъ священнымъ: мужъ и жена представлялись совмѣстно жрецами домашняго храма, посвященнаго душамъ умершихъ предковъ; это было *divinitus humanum* *Juris communis*; только законная жена имѣла право на совершение наравнѣсь мужемъ домашнихъ обрядовъ, и потому брачнаѧ церемонія сопровождалась торжественными обрядами. Зажигая огонь на своеемъ домашнемъ очагѣ, новобрачный становился законнымъ продолжателемъ рода, въ сохраненіи котораго такъ же, какъ въ жертвахъ предкамъ, состояли его главныя обязанности (ср. «*La cité antique*» Фюстель де Кулланжа).

Де *erbites* ведеть домашнєе хозяйство; это *oikonomos*. Въ то время, какъ въ древнѣйшую эпоху у древнихъ индійцевъ поселеніе отдѣльной родственной группы въ какой-нибудь *grata* было еще, кажется, очень свободно и совершалось на мѣстахъ, которая легко покидалась и легко избѣгалась, въ то же время племена, прибывшія въ Грецію и Италію, явились сюда съ опредѣленной земельной организацией. Отдѣльнымъ лицамъ была роздана по единому плану земля, и при этомъ не разъ случалось такъ, что часть земли, предназначавшаяся для обзаведенія собственнымъ домомъ, лежала въ центрѣ поселка, другая же находилась виѣ его, при чемъ и здѣсь для веденія хозяйства были необходимы жилыя постройки» (I. Gent. 89).

Цѣлью жизни арійца было безсмертіе, но, по заявлению браминовъ, подъ которыми подпишались бы и грекоиталійскіе жрецы: «ты возродишься въ своеемъ поломствѣ; вотъ, смертный, твоё безсмертіе». «Да и на глазъ замѣтно», продолжаетъ та же книга (афоризмы Апастамбы): «что сынъ воспроизводить своего отца; ведь сходство ихъ оче-

видно, и только тѣла у нихъ разныя. Тѣ сыновья, которые живуть, умножаютъ, совершая обряды, изученные по ведамъ, славу и небесное блаженство своихъ почившихъ предковъ. Такимъ способомъ каждое послѣдующее поколѣніе умножаетъ славу и блаженство предковъ». Но можетъ случиться, что боги не наградили бракъ сыновьями или даже вовсе не дали ему дѣтей. Какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Для этого есть нѣсколько выходовъ: или усыновленіе, или продолженіе рода черезъ дочь, когда таковая есть на лицо, или соединеніе жены съ другимъ мужчиной, если отъ мужа у нея нѣть сына. Въ первомъ случаѣ сына даютъ отецъ и мать, почему усыновленный называется *данимъ* (инд. *datta*, лат. *datus*) или, если родители покинули его, *самоданнымъ* (инд. *svaya m datta*, лат. *a se ipso datus*). То учрежденіе, по которому жена бездѣтнаго мужа должна сойтись съ другимъ мужчиной, основывается на убѣждѣніи, что въ бракѣ жена становится собственностью не одного своего мужа, но всего рода; поэтому обязанность продолженія этого послѣдняго возлагается прежде всего на брата мужа. Продолженіе рода черезъ дочь, хорошо известное въ древнеиндійскомъ и греческомъ правѣ и сохранившееся въ римскихъ легендарныхъ воспоминаніяхъ, является, по мнѣнію Лейста (Jus Gent. 108), однимъ изъ поразительныхъ явлений арійской родовой организаціи. По толкованіямъ браминовъ, отецъ, не имѣющій сыновей, можетъ сосватать свою дочь и, принесяши жертвы Агни (т. е. богу домашнаго очага) и Праджапати (богу произрастанія), обратиться къ жениху со словами: «пусть ради меня будетъ твое мужское потомство». Сынь, родившійся отъ такого брака, считался не внукомъ, но сыномъ资料 his родителя, прямымъ продолжателемъ его рода.

На основаніи этого развитія родовой организаціи арійцевъ нельзя сомнѣваться, что римская формула *pater est quem nuptiae demonstrant* восходитъ уже къ индогерманской эпохѣ, такъ какъ въ основѣ всего ея лежитъ бракъ, совершившійся съ перемоніями такого же исконнаго происхожденія. Сидѣніе на шкурѣ, соединеніе *aqua et ignis*, произношеніе формулъ (*quando tu Gaius, ego Gaia*): все это ведетъ свое происхожденіе отъ того времени, когда арійскій народъ составлялъ еще одно цѣлое, цѣлое культурное. Завѣданіе домомъ возлагало на домохозяина, старшаго въ семье, цѣлый рядъ религіозно-нравственныхъ обязанностей, какъ исполненіе культовыхъ обрядовъ, такъ и сохраненіе заповѣдей, изложенныхъ въ краткой формѣ скатыхъ требованій. Эти заповѣди, по мнѣнію Лейста, распадаются на двѣ группы: къ первой относятся слѣдующія четыре заповѣди, восходившія къ временамъ еще до арійскихъ (*urarisch*): что боговъ, почитай родителей, почитай отчизну, почитай гостя; вторая группа охватываетъ требованія, которыхъ приписываются миѳическому основателю человѣческихъ законовъ, Ману, и изложены не въ положительной, но въ отрицательной формѣ: держись въ чистотѣ, не распускай чувствъ, не убивай, не кради, не лги. Лейстъ думаетъ, что вторая группа происхожденія болѣе поздняго, хотя нѣть сомнѣнія, что обѣ они относятся ко временамъ общеиндогерманскимъ. Первая группа заповѣдей требуетъ поченія къ богамъ, къ родителямъ (т. е. духамъ отца, дѣда и прадѣда) и болѣе древнимъ родственникамъ по прямой линіи, изъ чего развилось представленіе объ отчинѣ, наконецъ ко всѣмъ нуждающимся въ защитѣ и помощи.

Такимъ образомъ домашній очагъ былъ окруженнъ массой религіозныхъ (*sacralrechtlich*) институцій. Здѣсь уже успѣлъ развиться строгой распорядокъ стола (*Speiseordnung*), въ основѣ которого лежала та мысль, что домохозяинъ обязанъ добывать пищу для всѣхъ своихъ, а хозяйка должна ее приготовлять. Право на получение пищи принадлежитъ всѣмъ членамъ семьи. Брачный союзъ хозяина и его жены представляется не ихъ личными отношеніями, но только средствомъ и предположеніемъ для сохраненія дома. Поэтому *in domum deductio* является настоящимъ исходнымъ пунктомъ семейной жизни, которому предшествуютъ, особенно въ бракѣ куплѣй (отъ которого у арійцевъ сохранились только символы), двѣ подготовительные ступени, заключеніе брака и вступленіе въ бракъ. Домъ въ полномъ смыслѣ этого слова переходитъ только къ сыновьямъ, и только эти послѣдніе могутъ быть наследниками, между которыми дѣлится имущество отца; женщины сначала не имѣютъ выдѣленной собственности. У арійскихъ народовъ былъ въ большомъ ходу тотъ способъ установить угасающей родь, о которой мы говорили выше, и который заключался въ признаніи сына дочери за собствен-

чаго сына. Всё принадлежащие к семье составляют общину (коинонию) с определенными религиозными обязанностями. Для обеспечения ей расположения боговъ и душъ предковъ учрежденъ домашній культъ, въ которомъ собственнымими жрецами служить домохозяинъ и его жена, и изъ которого впослѣдствіи развился болѣе тѣсный кругъ родни ближней, въ отличіе отъ дальней.

Рядомъ съ домашней общиной стоитъ широкий кругъ всей родни, которая выдѣлялась мало по малу изъ одного дома; это братство, которое заключаетъ въ себѣ специальную арійскіе зачатки общественного строя, начинаетъ складываться въ монархическую форму быта и сохраняетъ право и обязанность кровавой мести. Даѣе, къ роду примыкаетъ племя: это древне-арійскій военный строй, военная организація родственныхъ братствъ. Племя тоже принимаетъ монархическую форму, и племенные *rati* (*phylobasileis*), власть которыхъ представляетъ подражаніе власти домохозяина, ложатся въ основаніе арійскаго царскаго достоинства. Даѣе этого арійская государственная организація не пошла. За предѣлами племени арійцы знаютъ сначала только слабыя, произвольныя, международныя сношенія (*Leist. Altarisches Jus civile*. II, 379—380).

Таковы тѣ результаты, къ которымъ пришелъ Лейстъ послѣ десятилѣтнихъ изслѣдований. Картина, которую я начертілъ здѣсь въ самыхъ грубыхъ общихъ чертахъ, разработана имъ до мелочей, и мы не можемъ сомнѣваться, что большинство тѣхъ учреждений, которыхъ онъ относитъ къ общепарадогерманской эпохѣ, действительно, къ ней и относятся. Отсылая читателей за подробностями къ подлиннику, я коснусь здѣсь только такихъ частностей, которые показываютъ, что по учрежденіямъ индогерманцевъ прошла не разъ и не два чья-то опытная рука. Кому принадлежитъ эта рука, мы увидимъ ниже. Похоронный и свадебный ритуалъ древнихъ индійцевъ разработанъ до мелочей и представляетъ много совпаденій съ ритуалами древнихъ народовъ, такихъ совпаденій, которые не могутъ быть случайными и настолько сложны, что должны были иметь не народное, а индивидуальное происхожденіе. Изъ этихъ совпаденій отмѣчу нѣкоторыя. Послѣ рожденія ребенка и послѣ смерти родственника семья или роженица считаются пачистыми и должны очиститься путемъ особыхъ жертвоприношеній. Время, въ которое семья считается нечистою, у грековъ, римлянъ и индійцевъ одинаково продолжается девять дней, причемъ особенно нечистыми признаются первые три. Черезъ годъ послѣ смерти покойника изъ разряда ближайшихъ родственниковъ переходить въ группу предковъ, пзъ которыхъ три первые (отецъ, дѣль и прадѣль) еще называются по именамъ. Перенося покойного отца въ разрядъ усопшихъ предковъ, индійцы тѣмъ самымъ вводили прадѣла въ группу уже безыменныхъ духовъ предковъ. Поэтому въ первую годовщину смерти отца вся родня собиралась на торжественный обѣдъ, на которомъ совершалась тризна по покойномъ. Этотъ обѣдъ извѣстенъ и грекамъ, и римлянамъ подъ названіемъ *regifera*-*pi* и *solicorpi*; греки, которые культь предковъ не выработали до такой ясности, какъ индійцы, исходили однако въ этомъ случаѣ изъ убѣжденія, что до году покойникъ еще не совсѣмъ умеръ и нуждается въ успокоеніи; по словамъ Платона, который сохранилъ самый яркий образъ древне-греческаго *Фемис*, онъ только черезъ годъ достигаетъ своей цѣли; на этомъ пиру присутствуютъ у всѣхъ трехъ названныхъ народовъ лишь тѣ родственники, которые носятъ у нихъ особыя наименованія, т. е. юсти, внуки и правнуки, и въ развитіи этого родственного начала опять нельзя не видѣть древне-арійскаго учрежденія.

Теперь я укажу на очень знаменательное совпаденіе въ области арійского счиленія времени. Въ отличіе отъ семитического 12-личного счиленія арійцы уже въ древнѣйшую эпоху своего совмѣстнаго жительства выработали систему счета по десяткамъ и сотнямъ. Уже давно сдѣлалось, кроме того, ходячей истиной, что впервые начали наблюдать теченіе небесныхъ свѣтиль жители Месопотаміи, откуда начатки астрономіи перешли въ Египетъ и другие центры древней цивилизациі. Насколько все это справедливо, я не спорю, но только я думаю, что и арійцы, для которыхъ рождение ребенка представлялось дѣломъ такой первой важности, не могли не обратить вниманія на связь, существующую между лунными фазисами и теченіемъ утробной жизни ребенка. И вотъ они пришли къ убѣждению, что «годъ беременности» состоять изъ 10 лунныхъ мѣсяцевъ, а отсюда было не далеко до обобщенія, что годъ состоять всегда изъ 10 мѣ-

сцівъ. Слѣды этого лѣтосчисленія, уже очень вытѣсненаго семитическими вліяніями, сохранились въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ не только въ Индіи, но и въ Греції и въ Римѣ. (*Altarisches Jus Gentium.* 266—268). Объ этомъ есть прямыя свидѣтельства Овидія и Цицерона, а Авль-Геллій, черпавшій изъ старыхъ источниковъ, положительно утверждаетъ, что «во времена Гомера такъ-же, какъ въ эпоху Ромула, годъ состоялъ не изъ 12, но изъ 10 мѣсяцевъ». Въ брахманической литературѣ выраженія въ родѣ: «черезъ годъ родился ребенокъ» далеко не рѣдкость.

Слѣдующее совпаденіе, на которое я хочу указать, я беру изъ области нравственныхъ воззрѣй грековъ и индіевъ. Платонъ передаетъ ученіе Мистерій, по которому убіцу постигаетъ въ адѣ возмездіе со стороны убивающаго его здѣсь своей рукой; это ученіе даже по выраженіямъ согласно съ древнейшій теоріей, высказанной въ одной изъ брахманическихъ книгъ. Обосновывая свою теорію о загробной жизни, Платонъ, этотъ вѣрный хранитель древне-арійскихъ жреческихъ традицій, восклицаетъ: «все, что имѣеть душу, измѣняется, потому что заключаетъ въ себѣ самомъ причину измѣненія». Съ этимъ взглядомъ Лейстъ соопоставляетъ (*ibid.* 280), и мнѣ кажется, не безъ основанія, браминскіе догматы: «никакое дѣйствіе не пропадаетъ» и «преступление не можетъ оставить преступника».

Однимъ изъ способовъ взысканія долга въ Индіи былъ слѣдующій: кредиторъ въ случаѣ, если онъ принадлежитъ къ браминской кастѣ, усаживается передъ домомъ должника и, держа въ рукахъ ядъ и книжалъ, угрожаетъ лишить себя жизни, если должникъ пройдетъ мимо него. Съ этой минуты онъ начинаетъ поститься, и обычай заставляетъ неисправнаго должника, спящаго такимъ образомъ подъ домашнимъ арестомъ, продолжать тоже самое. Кто дольше выдержитъ этотъ добровольный постъ, тотъ и выходитъ побѣдителемъ изъ этой странной борьбы. Въ древне-арійскомъ правѣ существуетъ поразительное подобіе этому способу взысканія долга, состоящее въ такомъ же «переношваніи» лица, которое надо побудить къ тому или другому поступку (*J. Gent.* 475). Врядъ-ли здѣсь можетъ быть рѣчь о случайномъ совпаденіи.

Для того, чтобы дать образчикъ совпаденія между римскимъ и иллійскимъ долгомъ правомъ, я приведу общеарійское учрежденіе, заставляющее должника, отрицающаго свои обязательства, уплатить двойную сумму долга. Браминское положеніе гласить такъ: «кто лжетъ и удачень, долженъ заплатить деньги, и столько же дать царю» или такъ: «кто приноситъ ложную жалобу, долженъ уплатить вдвое противъ требуемой суммы»; римскій законъ принялъ почти ту же форму.

Я могъ бы привести еще очень много совпаденій изъ различныхъ областей древне-арійского права, такъ какъ до сихъ поръ я бралъ примѣры лишь изъ первой, важнейшей книги Лейста, но, чтобы не утомлять вниманія читателей, я ограничусь однимъ, послѣднимъ замѣчаніемъ. Уголовное право грековъ, какъ и индіевъ, развилось изъ того уображенія, что изъ всѣхъ преступленій непростительно лишь одно: отцеубийство. Къ нему мало по малу примкнули другія преступленія путемъ правового развитія, характерного для обоихъ народовъ: въ Индіи на ровную ногу по своей преступности стало сначала убийство учителя, потомъ ученаго и брамина, а въ Греціи сначала убийство братьевъ и другихъ родныхъ, путемъ убийства сочленя той же филы и наконецъ убийство согражданина. (*Leist. ibd.* 443). Отсюда можно сделать тѣль выводъ, что въ общеарійскую эпоху жрецъ еще не занималъ того положенія, до котораго онъ достигъ въ Индіи. Тѣмъ не менѣе, отрицать значеніе жрецовъ уже въ ту пору нѣть никакой возможности. Дѣйствительно, въ Индіи рядомъ съ жрецами стоятъ брамины, въ Римѣ *flamines* и *pontifices*, въ Греціи экзегеты и жрецы; и институтъ этихъ экзегетовъ, комментаторовъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести къ древнейшій эпохѣ исторіи индогерманцевъ. «Основные элементы права, освоенно арійскаго», говорить Лейстъ (*Jus Civile II,* 398): «предшествуютъ возвиновенію народа (*sind vorvolkliche*). Они существовали уже тогда, когда были еще только арійская семья, роды и племена, еще не доросшіе до народовъ *qui s p i s legibus vel moribus reguntur*. Право еще не есть фиксированное въ мѣстныхъ территоріальныхъ границахъ и находящееся подъ свѣтской опекой народное сознаніе, но есть господствующая въ арійскихъ племенахъ религіозно-нравственно-правовая вѣра въ то, что извѣстный строй вещей богамъ угоденъ, но добиваться его

каждому съ помощью боговъ предоставлено самому. Въ виду такого характера права было естественно, что первыми толкователями его были жрецы. Благодаря прежде всего имъ, нормы, сначала еще не установившися и не определенные, мало по малу приобрѣли болѣе постоянную форму». Въ Греции на экзегетахъ лежала прямая обязанность законодательства, въ Индии браминамъ принадлежитъ огромная юридическая литература, въ Римѣ на pontifex'ахъ поконился рахъ дѣйтъ, обусловленный правильнымъ соблюдениемъ обрядовъ.

Въ виду того, что весь строй арійской жизни покоился на кульѣ предковъ, а ему должна предшествовать теоретическая разработка учения о загробномъ существованіи духа, разработка, связанная съ практической регламентацией обрядовъ, и не колеблюсь приписать огромное значение въ дѣлѣ образования общинындогерманской культуры жрецамъ и говорить о жреческой организации индогерманцевъ.

Отдельные обряды и формулы могутъ заимствоваться и, дѣйствительно, переходя отъ народа къ народу, но если дѣлѣ культуры построены на одномъ и томъ же принципѣ, здѣсь на одинаково развитомъ и систематически истолкованномъ культовѣ предковъ,—то это можетъ объясняться двояко: или обѣ культуры являются наследницами потомками третьей, или одна изъ нихъ принадлежитъ народу, совершенно усвоившему себѣ чужую культуру. Для насть оба случая тождественны: въ обоихъ случаяхъ древность происхожденія того кульурного строя, который изслѣдовалъ Лейстъ, отодвигаетъ очень далеко, къ той эпохѣ, когда такие индогерманскіе племена, какъ арійцы и итальянцы, были еще союзниками.

Рамки своего изслѣдованія Лейстъ ограничилъ материаломъ древненіндійскимъ и греко-італійскимъ, исключивъ изъ подробнаго разсмотрѣнія другія народности. Какое-же положеніе по отношенію къ древней культурѣ заняли кельтскія и германскія племена? Та это мы находимъ у Лейста слѣдующій отвѣтъ (Jus. Civ. I, 476): «Ірійская фамилія знаетъ систему близкаго родства, которая въ своихъ основныхъ элементахъ является очевидно тождествено съ системою індійскаго sapinda, греческихъ и римскихъ propinquai. Ірійская организация рѣзко отличается отъ индогрекоіталійской только въ томъ отношеніи, что въ послѣдней выдвигается на первый планъ ея связь съ культомъ предковъ, тогда какъ въ первой ея нѣть вовсе или уже не осталось. Арійская фамилія обнимаетъ отношенія между живыми людьми и даетъ основанную на нихъ систему наследственного права. Въ этомъ можно видѣть доказательство того, что при множествѣ фундаментальныхъ совпадений между арійскимъ и индогрекоіталійскимъ строемъ они въ пѣкоторыхъ отношеніяхъ разошлись такъ же далеко, какъ и ихъ языки. Что касается германцевъ, то и въ отношеніи къ системѣ правового дѣленія на близкое и дальнее родство (ibd. 491), и въ другихъ отношеніяхъ германцы, равно какъ и славяне, стоятъ дальше отъ індійской культуры, чѣмъ кельты. Такимъ образомъ, по словамъ Лейста (492), *«die indogrikoitalo-keltische Institution der Nahverwandschaft zu den Germanen nicht gelangt, oder bei ihnen wieder verschwindet ist»*. Нѣть сомнѣнія, что Лейстъ склоняется ко второй части судебнаго, и что въ германцахъ онъ видѣтъ одичалыхъ потомковъ культурныхъ предковъ. Такъ напр., «у германскихъ народовъ, у которыхъ вслѣдствіе супровости (Wildheit) времени на огромное большинство случаевъ убийства стали смотрѣть какъ на преступления простительныя, вѣра достигла точно установленной системы» (Jus Gentium 294). Подобно этому Лейстъ думаетъ, что у германцевъ вся жреческая организація (das gesamme Priesterwesen) отошла на задній планъ (ibd. 349) ¹⁾.

На славянскаго этнографа изслѣдованіе Лейста налагаетъ очень важныя задачи. Для меня нѣть сомнѣнія, что оракѣи и геты, эти язычники древности держались культа предковъ, что при развитіи у нихъ жреческаго сословія и о обилии мистическихъ культовъ мы встрѣчаемся съ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ формъ религіознаго строя. У одной изъ оракѣйскихъ народностей (у агаѳирсовъ) мы видимъ и старую форму этого религіознаго закона. Я приведу здѣсь замѣчательное сообщеніе

¹⁾ Здѣсь я напомню совпаденіе древне-індійскихъ и древне-германскихъ заговоровъ, давно уже отмѣченное поразительное сходство (въ родѣ запрещенія бобовъ, мистической символики чиселъ) піеагоровскаго (жреческаго?) учения съ до буддійской системой самікъ, о которой прекрасное изслѣдование принадлежитъ Гарбѣ и т. д.

Аристотеля (проблемы 28): «Почему некоторые пѣсни называются вріи. Не потому--ли, что до избрѣтенія письменности пѣли законы, чтобы не забыть ихъ, какъ это и теперь еще въ обычай у агаонсовъ!»

Славяне издавна сосѣдили съ различными оракійскими племенами; явившись на балканский полуостровъ они еще напили тамъ остатки старого оракійского населения (бессовъ и др.) и заимствовали отъ нихъ мѣстныхъ названія, въ родѣ Эмона (Haemus), Осема (Atemus), Янтра (Iatrus) и др. (Jirecek. Fürstenthum Bulgarien. в. 4, 9). Да и не говоря объ этомъ сосѣдствѣ, и безъ того чрезвычайно любопытно прослѣдить принципы древне-славянской жизни, поскольку они выясняются изъ современной славянской этнографіи.

A. Погодинъ.

Румынскія сказанія о рахманахъ.

Собирая матеріалы для этнографіи бессарабскихъ румынъ, я часто встрѣчался съ румынскими разсказами и повѣрьями, въ которыхъ играетъ роль фантастической народъ рахманы. Напечатаніе собранныхъ мною свѣдѣній о рахманахъ было пріостановлено появленіемъ въ журнальѣ ясскаго профессора Аарона Денсутяну, *Revista critica-literară*, anul IV, 1896 ап., № 4—5, pp. 108—118, 129—139,—статьи известнаго румынскаго этнографа, сочавскаго священника и профессора семинаріи S. Fl. Magia и подъ заглавіемъ *Pascile Roșcanilor* *), гдѣ изслѣдователь съ обычной ему тщательностью и особенностью любовью къ румынскому народу приводитъ въ извѣстность обширный матеріалъ, сообщенный ему его бывшими учениками. О рахманахъ румынскихъ преданий онъ говоритъ:

«Рокманы, иначе называемые и рогманы, рахманы и роіманы и блаженные, по вѣрованію и сказаніямъ румынъ многихъ мѣстностей Буковины, это—христіане, живущіе въ далекой странѣ; что же касается названія страны и даже части свѣта, гдѣ она находится, никто наѣврное не знаетъ.

Такъ, жители села возлѣ Хоморского монастыря (Ношог) вѣрять и разсказываютъ что рокманы живуть у великихъ водъ, въ которыхъ выливаются всѣ реки, рѣчки и ручьи; жители Бойча и Команешти говорять, что рохманы живуть въ огромныхъ пустыняхъ у края моря; жители Сучавы и Радауць—на морскихъ островахъ, жители Илишешти—въ языческой странѣ, и что язычники не позволяютъ имъ разговаривать до тѣхъ поръ, пока тѣ не получать скромной пищи отъ другихъ христіанъ; жители с. Маржиня передаютъ, будто гдѣ-то въ какой-то весьма отдаленной странѣ на востокѣ, въ большихъ темницахъ заперты на всю жизнь христіане и будто въ этихъ темницахъ некому сказать, когда настанетъ Пасха, а узнаютъ они о наступлении Пасхи только тогда, когда увидятъ иль оконъ своихъ темницъ, что но водѣ плыветь яичная скорлупа, брошенная въ реки и рѣчки другими христіанами. Жители с. Михальча говорять, что рахманы—это румыны, такие же какъ и они, но даже лучше молдаванъ и что живуть они далеко за морями, тамъ гдѣ жили евреи, гдѣ Иерусалимъ, немного только поближе; другие жители того же села говорятъ, что рахманы живуть на томъ свѣтѣ, подъ землей, гдѣ у нихъ есть и города и села, какъ и у насъ; жители с. Баешешти

*) Множественная форма слова *Pastă* служить доказательствомъ для румынскихъ шовинистовъ латинского происхожденія этого слова и христіанства у румынъ. А. Д. Хенороль въ своей *Istoria românilor din Dacia traiana*, ed. pop. vol. II. pag. 86—87 говоритъ: *Pastă*—слово, употребляющееся только въ множественномъ числѣ. Происхожденіе его отъ еврейского *rashā* и находится и въ греческомъ πάστα и латинскомъ *rasha*. Но доказательствомъ того, что румынское слово происходитъ отъ латинскаго, подобно и французскому *Râches*, служить то, что въ обоихъ языкахъ это слово находиться во множественномъ числѣ и римляне обыкновенно называли этотъ праздникъ *Pashatii diei* (*Synanthasius*), тогда какъ въ греческомъ языкѣ это слово средняго рода и въ единственномъ числѣ τὸ πάστα. Точно также и въ славянскомъ языкѣ эти слова всюду въ единственномъ числѣ.

То же соображеніе высказываетъ и Lasar Saineanu въ статьѣ своей «Incerare asupra semasiologiei limbelor române» in *Revista istorie arheologică și filologică*, vol. VI, pag. 253—254.

вѣрятъ и рассказываютъ, что они живутъ рядомъ съ раемъ и что въ ихъ странѣ всегда тепло.

«Рахманы или же блаженные не живутъ какъ мы въ домахъ, такъ какъ домовъ у нихъ нѣтъ совсѣмъ, а живутъ подъ тѣнью виноградниковъ, ходить безъ одежды и питаются виноградомъ, растущимъ въ пустынѣ. Происходить они изъ сѣмины Сиоова, сына Адама; они очень добры, благочестивы и блаженны,—за что они такъ и прозваны другими народами. У рахмановъ нѣтъ другихъ занятій кромѣ молитвъ, возносимыхъ къ Богу; единственный возгласъ ихъ въ молитвѣ: «Иди къ Богу и приди къ Богу!» Поэтому и считаютъ ихъ безъ всякаго грѣха, настоящими святыми, которые по смерти идутъ прямо въ рай, где живутъ вмѣстѣ со святыми. Затѣмъ, они и безгрубы, такъ какъ только разъ въ годъ встремляются со своими женами и проводятъ съ ними нѣсколько дней, послѣ чего снова расходятся, а остальное время года проводятъ отдельно мужчины и отдельно женщины. Время свиданія съ женами—ихъ Пасха, а срокъ свиданія точно опредѣлить нельзя. Такъ, жители с. Баешешть говорять, что Рахманы живутъ со своими женами шесть недѣль т. е. отъ Великаго Четверга и до Вознесенія, а жители Баешешть указываютъ болѣе короткій срокъ а именно только тридцать дней... Въ эти промежутки они и женятся и выходятъ замужъ, а лишь только проходятъ опредѣленные для свиданія дни, они снова расходятся и не встречаются до слѣдующаго года.

«Великій посты у рахмановъ продолжается—по вѣрованіямъ и рассказамъ румынъ изъ с. Браешешть—десять недѣль. Но потому уже, видя, что очень много ихъ умираетъ отъ этого поста, Богъ сократилъ его до восьми недѣль... А иные говорять, что рахманы постятся круглый годъ и, если бы они не замѣчали на водѣ скорлупы отъ крашеныхъ и некрашеныхъ яицъ, бросаемыхъ другими христіанами въ Великую Субботу,—то они никогда бы и не праздновали Пасхи, потому-что у нихъ и нѣтъ другого способа узнать время Пасхи. Когда скорлупа доходитъ до ихъ страны, рахманы знаютъ, что другіе христіане уже отпраздновали Пасху и тогда и они празднуютъ ее и только тогда разговариваютъ тѣмъ, что осталось отъ яицъ у скорлупы. Поэтому, буковинскія румынки обыкновенно каждый годъ собираютъ яичную скорлупу, какъ отъ яицъ обыкновенныхъ, идущихъ на приготовленіе разныхъ печеньй, пирожныхъ и пасхальныхъ кушаньевъ, такъ въ особенности отъ крашеныхъ пасхальныхъ яицъ, почемунибудь разбившихся, и хранятъ до Великой субботы въ корытѣ, ситѣ или же корзинѣ, а когда всѣ приготовленія къ пасхѣ уже окончены, она берутъ скорлупу, идутъ къ проточной водѣ и бросаютъ ее въ рѣки, рѣчки и ручейки для того, чтобы она—достигла страны рахмановъ или же блаженныхъ и, такимъ образомъ, возвѣстила бы имъ о наступлѣніи Пасхи. Если-же кто-нибудь изъ крестьянокъ не соберетъ скорлупу въ одно мѣсто и не бросить ее въ проточную воду, то считается, что она сдѣлала великій грѣхъ. Скорлупа, брошенная въ проточную воду начинаетъ плыть по течению и доходитъ до страны рахмановъ—по однимъ сказаніямъ—черезъ недѣлю послѣ Пасхи, по другимъ—только во вторникъ третьей недѣли по пасхѣ, а то и по позже—во время Русалій. Достигнувъ ихъ страны, скорлупа снова дѣлается цѣльной, какъ была и раньше, и однимъ яйцомъ разговариваются двѣнадцать душъ. Тогда наступаетъ Пасха рахманъ. «Увидя плывущую по водѣ скорлупу, рахманы радуются и такъ какъ они не живутъ вмѣстѣ со своими женами или же съ чужими, то тогда они начинаютъ сходиться въ одно мѣсто и праздновать пасху. Но виду того, что со времени пусканія на воду скорлупы и до прибытія ея въ страну рахманъ проходить довольно большой промежутокъ времени, то рахманы празднуютъ свою Пасху гораздо позже, чѣмъ румыны. Вотъ почему некоторые румыны изъ Буковины вѣрять и рассказываютъ, что Пасха рахмановъ или же Пасха блаженныхъ празднуется на четвертый день т. е. въ четвергъ пасхальной недѣли; иные говорятъ, что она празднуется черезъ недѣлю послѣ нашей Пасхи т. е. въ воскресеніе Оомы и продолжается до вторника; иные—черезъ двѣ недѣли послѣ нашей и, наконецъ, некоторые—черезъ три или же четыре недѣли и всегда Пасха приходится во вторникъ; большинство буковинскихъ румынъ того мнѣнія, что рахманы празднуютъ свою Пасху въ понедѣльникъ послѣ Оомина воскресенія. Тотъ день, на который падаетъ Пасха рахмановъ,—какой бы онъ ни пришелся—празднуется

и румынамъ, въ особенности женщинами... Въ этот день т. е. въ день рахманской Пасхи, который празднуется главнымъ образомъ для того чтобы не болѣли ноги и руки и чтобы посѣви дали хорошій урожай, румыны—въ особенности женщины—выходятъ въ рощи и лѣса на поляны, покрытыя травой съ разнообразными кушаньями и напитками: куличами, красными яйцами, жареными ягнятами, свининой, водкой, переваренной съ медомъ и виномъ. Тамъ они проводятъ цѣлый день, ёдятъ, пьютъ и веселятся, болѣе богатыя женщины, а въ особенности горожанки, приглашаютъ съ собой музыкантовъ. Что же касается остатковъ отъ трапезы, падающихъ на землю, и напитковъ, проливающихся на траву, то румыны вѣрять, что это не пропадаетъ, а души убитыхъ разбойниками, застрѣлившихся, повѣшившихся и утопленниковъ ёдятъ и пьютъ эти остатки и хотя этимъ разговляются. Поэтому, чѣмъ больше крошекъ падаетъ и капель проливается, тѣмъ лучше и тѣмъ пріятнѣ Богу. Жители с. Бояна и Цатрауцуль празднуютъ рахманову Пасху всегда во вторникъ четвертой недѣли по Пасхѣ, такъ какъ—по ихъ вѣрованію—въ этотъ день празднуютъ и рахманы свою пасху; однако въ этихъ двухъ селахъ Пасха рахмановъ не празднуется, какъ въ выше упомянутыхъ салахъ, въ рощахъ и лѣсахъ, или же на кладбищахъ, какъ иногда празднуютъ сучавскія румынки,—но просто въ домахъ и только женщинами, которыхъ ходятъ въ гости другъ къ другу. И если случайно въ домѣ найдется какое нибудь питье, то они угощаютъ гостей по стакану въ память счастливыхъ блаженныхъ. Что же касается мужчинъ, то они не празднуютъ, а работаютъ и около избы и въ полѣ.

Мы нарочно привели въ русскомъ переводеѣ все, что собралъ румынскій этнографъ относительно этого повѣрья; въ обширныхъ примѣчаніяхъ подъ текстомъ Маріану указываетъ при каждой фразѣ, въ какихъ именно салахъ существуетъ данная версія и упоминаетъ каждый разъ фамилію и родъ занятій или общественное положеніе своего корреспондента. Послѣднее дѣлаетъ статью его весьма цѣнной и устраиваетъ всякую мысль о его личномъ участіи въ «подбиранії» материала. Этого, между прочимъ, мы не можемъ сказать о другихъ трудахъ почтенного ученаго, где всякий читатель увидить его неуклонное стремленіе къ явной романизаціи самыхъ обычныхъ данныхъ этнографіи, общихъ и южныхъ славянамъ и малоруссамъ, народамъ съ которыми румыны жили въ сосѣдствѣ. Въ свое время мы укажемъ на некоторая изъ подобныхъ примѣровъ, теперь же займемся вопросомъ: что до сихъ поръ было известно изъ вѣрованій относительно рахманской Пасхи въ румынской литературѣ.

Елена Сева етосъ, известная собирательница сказокъ и авторъ капитальнаго изслѣдованія о народной румынской свадѣбѣ, въ «Сельской Газетѣ» (Газета сеѧніи, ап. VIII, 1891 ап., р. 151) разсказываетъ объ предпасхальныхъ обычаяхъ слѣдующее: «Когда румынки разбиваютъ яйца для куличей и бабъ, скорлупу бросаютъ въ ручни, которые ихъ отнесутъ въ страну блаженныхъ и дойдутъ туда только на второй день послѣ Фомина воскресенія; и только тогда узнаютъ блаженные о наступлении пасхи. Тогда и они устраиваютъ пасху, дѣлаютъ куличи, крашенные яйца и празднуютъ Пасху. А если бы женщины не бросали на воду скорлупу, то блаженные воѣки не имѣли бы Пасхи, такъ какъ и не узнали бы, что Пасха пришла. Блаженные, это родъ людей очень добрыхъ; удаленные совершенно отъ другихъ народовъ, они никому не причиняютъ зла и никто не обижаетъ ихъ. И даже ихъ собственные жены живутъ отдѣльно отъ мужей и встрѣчаются только разъ въ годъ, когда родители женятъ своихъ дѣтей. Дѣвочки воспитываютъ женщины, а мальчиковъ—мужчины, отнимая огъ матерей дѣтей сейчасъ же, какъ только послѣднія начинаютъ ходить и сами єуть.

Другая румынская писательница г-жа Воронка описываетъ тѣ же повѣрья въ Молдавіи и Бессарабіи такимъ образомъ («Români literară» журналъ, изд. въ Вухарештѣ, за 1891-й годъ, № 17-й, стр. 130): «Скорлупу отъ яицъ, которымъ разбивали передъ пасхой, бросаютъ въ ручей, а кто не сдѣлаетъ этого, принимаетъ на душу большой грѣхъ. По рѣкѣ онѣ плывутъ внизъ, пока не дойдутъ по морямъ до блаженныхъ—такъ ихъ называютъ въ Молдавіи, а въ Буковинѣ—рохманами. Они въ далекѣ отъ свѣта не знаютъ когда бываетъ пасха и только, когда замѣтятъ скорлупу, доплывшую до нихъ, тогда узнаютъ о пасхѣ и только тѣмъ разговляются

что остается въ скорлупкѣ.. Въ Молдавіи и Бессарабіи говорятъ, что рохманская Пасха приходится въ понедѣльникъ послѣ Фомина воскресенія. Этотъ день благовѣйно празднуется въ Бессарабіи народомъ въ память блаженныхъ, а въ Молдавіи въ этотъ день наши бабушки собираются всѣ яйца, оставшіяся отъ Пасхи, и кладутъ на траву въ саду или во дворѣ; съ травы ихъ должны взять дѣти или женщины для поминанія. Это дѣлается ради блаженныхъ, такъ какъ бѣдные считаются принадлежащими къ имъ роду.

Подобный же вѣрованія существуютъ въ древнѣйшемъ гнѣздѣ румынского народа, въ легендарномъ Марамурешѣ, откуда вышли основатели молдавского княжества. Марамурешскій викарный епископъ Титъ Будъ въ томъ-же «Критико-литературномъ Обозрѣніи» (*Revista critical literara* ed. A. g. Densusianu, 94 ап., pag. 407), задаетъ специалистамъ вопросъ о рохманахъ. «Пользуясь случаемъ—пишетъ онъ—я спросилъ бы тѣхъ, кто занимается народными обычаями, разъяснить: что такое такъ называемая рѣгманская пасха? Много разъ меня спрашивали народъ, когда придется рѣгманская пасха и я не зналъ, что имѣтъ отвѣтить. Народъ говорить, что эта пасха наступаетъ послѣ нашей и продолжается до Вознесенія. Но что означаетъ эта пасха и когда она празднуется, я пока не могъ найти. Я бытъ бы благодаренъ тому, кто меня этому научилъ бы».

Такимъ образомъ, этихъ повѣрій не существуетъ—по крайней мѣрѣ о нихъ ничего не говорится въ очеркѣ С. Фл. Маріану—въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, населенныхъ румынами: Валахіи, Трансильвании, Валахіи и Венгрии. Что же касается македонскихъ румынъ, то трудно сказать что-нибудь о существованіи у нихъ разсказовъ о рахманахъ, такъ-какъ Маріану этимъ не поинтересовался, мы же справлялись въ книгахъ Вейгана и Т. Бурада по этнографіи, такъ называемыхъ, цинцаровъ или куцовлаховъ, но ничего объ этомъ не нашли, литература же по этнографіи македонскихъ румынъ крайне скучна. Если же эти повѣрія и существуютъ у нихъ, то оно самаго позднѣго происхожденія.

Пользуясь указаннымъ материаломъ, тщательно собраннымъ неутомимымъ исследователемъ изъ огромнаго количества писемъ—отвѣтовъ на запросы его по поводу рохмановъ, С. Маріану пытается дать слѣдующее курьезное объясненіе, присоединяясь—такимъ образомъ къ мнѣнію г-жи Воронки: «Пожалуй, вотъ гдѣ истина. Рахманы будь-ли то румыны въ Азіи, живущіе ближе къ намъ чѣмъ евреи, поселившіеся тамъ до принятия христіанства, такъ-какъ у нихъ нѣтъ яицъ,—или же румыны «заморскіе» въ римской имперіи въ связи съ мыслью о христіанствѣ—хотя національность достаточно ясно раздѣлена отъ религіи,—говорятъ что рахманы это гораздо лучшіе румыны чѣмъ тѣ, которые населяютъ Молдавію. А римляне развѣ не были блаженные?!» Вѣдьная румынская этнографія! Неужели же ни одинъ вопросъ не обойдется безъ римлянъ? Въ заключеніе почтенный ученый обращается къ румынскимъ историкамъ и филологамъ съ просьбой разрѣшить этотъ запутанный вопросъ: кто такие были рахманы или блаженные и отъ кого румыны приняли кульгъ ихъ? Постараемся отвѣтить на оба эти вопросы.

Прежде всего обратимся къ тому изъ славинскихъ народовъ, который не только съ давнихъ порь жилъ въ сосѣдствѣ съ румынами Молдавіи, Бессарабіи, Буковини и Марамуреша, но во многихъ мѣстностяхъ живеть съ румынами смѣшанно. Вполнѣ ясно, что мы говоримъ о малоруссахъ, которые въ Буковинѣ извѣстны у румынъ подъ именемъ рутеновъ, хуцановъ, лемановъ и проч. Мы болѣе удивимся, когда узнаемъ, что румынскому этнографу хорошо извѣстно существованіе подобныхъ повѣрій и у малоруссовъ, но въ силу его національно-политическихъ идей у него даже не явилась мысль видѣть въ румынскихъ повѣрьяхъ отраженіе малорусскихъ преданій о Рохманѣскомъ Великомъ Дви...

Извѣстный буковинскій ученый L. A. Staufe-Simiginowicz въ своей чрезвычайно интересной книжѣ «Volkssagen aus der Bukowina», Czernowitz, 1885, pag. 95 въ популярномъ изложеніи сравниваетъ румынъ съ малоруссами. «Румыны и рутены—одно и тоже!—говорить онъ—оба народа эти рассказываютъ о народѣ рохманахъ, живущемъ у устьевъ буковинскихъ рекъ. Рохманы отличаются благородствомъ и надѣлены

всякими добродѣтелями; въ ряду остальныхъ существъ они стоять между божествами и людьми. Несмотря однако на это, они никогда не знаютъ точно время празднованія пасхи; конечно, это большой недостатокъ и случается съ ними каждый годъ, такъ-какъ живутъ они среди язычниковъ. А для того, чтобы они имѣли съѣдѣнія о христіанскомъ календарѣ, каждая крестьянка—румынка или рутинка—собирастъ скорлупу отъ яицъ, идущихъ на приготовленіе кушаний и печений къ Пасхѣ, и бросаетъ ихъ въ ручей. Поэтому во время Насхи всѣ проточныя воды въ Буковинѣ покрыты яичной скорлупой *). Ручки несутъ эту вѣсть рѣчкамъ, рѣчки-рѣкамъ болѣшимъ, а у ихъ устья рапманы получаютъ эту желанную вѣсть. Затѣмъ они спѣшатъ приготовить—по мѣрѣ силы и возможности, въ четвертую среду по пасхѣ—всё нужное для ихъ пасхи. Въ честь ихъ походу въ Буковинѣ тоже празднуется четвертая среда по пасхѣ. Кто не приметъ участія въ этомъ празднику, тотъ заслужить небесный гиѣвъ. Что же произошло не далѣе какъ годъ тому назадъ? Одинъ крестьянинъ изъ Петричанки не хотѣлъ праздновать этотъ день и объявилъ, что существованіе рапмановъ могла выдумать лишь праздная голова, чтобы подражать сумасшедшемъ. Но лишь только произнесъ онъ эти слова, вдругъ его убило громомъ, а чрезъ нѣсколько минутъ пастухи привнесли при сильномъ дождѣ женщину, убитую молнией. Это была жена богохульника, а молния—наказаніе Божіе ».

Въ этнографическомъ изслѣдованіи о бытѣ буковинскихъ рутеновъ R. Fr. Kaindl и A. Monastyrsky, «Die Rutenen in der Bukowina», Czernowitz, 1890, th. II, p.р. 20—21 находимъ слѣдующее мѣсто о существованіи преданій о рапманахъ: «Скорлупу яицъ, идущихъ на приготовленіе куличей, бросаютъ въ рѣки и ручи въ страстную пятницу и пасхальную субботу. У устьевъ этихъ рѣкъ живутъ рапманы, которые наполовину люди, наполовину рыбы. Пока эти скорлупы яицъ достигаютъ страны рапмановъ, они снова превращаются въ цѣльныя яйца; каждымъ яйцомъ преобращаются двѣнадцать рапмановъ, но и этого имъ хватаетъ. Когда яйца доходятъ до страны рапмановъ и рапманы ихъ съѣдаются, тогда празднують и рутены, подаривши эти яйца, другой праздникъ. Опять называется рапманскій вѣликдень т. е. рапманская пасха и всегда совпадаетъ съ средой четвертой недѣли послѣ пасхи».

Въ извѣстной книжѣ ученаго доктора R. Fr. Kaindl'a, «Huzulen, ihr Leben, ihre Sitten und ihre Volksüberlieferung», Wien, 1894, p. 76 und 78, мы находимъ точно такія же повѣрья, существующія у гуцуловъ. «Черезъ двадцать пять дней послѣ пасхального воскресенія т. е. всегда въ среду четвертой недѣли послѣ пасхи празднуютъ они рапманскую пасху, Rachmanski waledkup. Рапманы живутъ далеко, внизу, у устьевъ рѣкъ и благодаря своимъ добродѣтелямъ могутъ служить иримѣромъ для людей. Имъ посылаютъ хуцаны по рѣкамъ и ручьямъ скорлупу освященныхъ яицъ, такъ какъ яйцо не доходить до рапманъ, а скорлупа доходить туда. По мнѣнію другихъ, рапманы—это карлики, живущіе далеко у края моря и такие маленькие, что двѣнадцать лушъ могутъ помѣститься въ печуркѣ. Но они не знаютъ, когда имъ праздновать пасху. Поэтому люди рѣшили давать имъ знать объ этомъ, а для этого они бросаютъ скорлупу яицъ, служащихъ для приготовленія кушаний къ пасхѣ, въ рѣчки и большія рѣки, для того, чтобы они уже извѣстили карликамъ. Поэтому, когда скорлупа доходитъ до нихъ, рапманы празднуютъ пасху. Съ той поры и до нашихъ дней они празднуютъ каждый годъ, а вмѣстѣ съ карликами празднуютъ и люди. Въ день рапманской пасхи въ Кутахъ бываетъ большая ярмарка, которая вообще называется «Rachmanski jerga gok». Обширныя выписки изъ труда проф. Кайндля недавно были помѣщены въ двухъ фельетонахъ «Московскихъ Вѣдомостей» (см. №№ 6 и 13 за 1900-ый годъ); къ сожалѣнію г. рецензентъ ни слова не упоминаетъ о существованіи у гуцуловъ этого интереснаго повѣрья.

Указавъ, такимъ образомъ, на малорусскія параллели къ румынскимъ повѣрьямъ о рапманахъ, постараемся выяснить значеніе слова блажинъ въ румынскомъ литерату-

*) Есть еще и другая причина. Въ этомъ случаѣ каждый припомнитъ и утопленники. Ихъ души, живущія въ водахъ, вспоминаютъ при видѣ скорлупы о дняхъ пасхи.

турномъ и народномъ языке. Это будетъ тѣмъ интереснѣе, что С. Маріану не говоритъ объ этомъ ни слова.

Въ сказкѣ обѣ умной дѣвушкѣ, попавшей въ шайку разбойниковъ, записанной и изданной г-жой Еленой Севастосъ подъ заглавиемъ «*Lăcomia perde omenia*» т. е. «Жадность губить человѣчность», въ концѣ встрѣчается фраза: *Dar pe sora talharilor ca re o sorilă neînțitrică și blajină... o dămes, te cu jumătate din avutia botilor = о сестрѣ разбойниковъ, какъ несовершеннолѣтней и кроткой дѣвочкѣ... дарить половину разбойничыхъ сокровищъ.* (Elena Sevastos, *Povesti. Sasi*, an. 1892 г., р. 138). Въ словарѣ своемъ др. Полизу опредѣляетъ значение слова *блажинъ* слѣдующими нѣмецкими *sant*, *zah*, *gütlich*, *geduldig*, *gutherzig*, *gut-müthig*, изъ чего уже видно, что слово *blajin* имѣть въ румынскомъ языке обширное значеніе (Вокабулар роман-шерман de F. A. Полизу, Брашов. 1857, р. 47); въ другомъ словарѣ, неудачномъ описанѣи введенія искусственного языка, А. Т. Laurianu и J. C. Massimi говорится о славянскомъ происхожденіи этого слова и даются такія латинскія значенія *mansuetus*, *benignus*, *affabilis*, *comis*. (*Glossariu care cuprinde vorbele din limbă română...* Bucuresci 1871 an., pag. 71). Въ оленскомъ изданіи малаго словаря А. Клеменса 1821 года слова *блажинъ* не находимъ совсѣмъ. Въ переводѣ извѣстнаго сонета Спинозы Sully Prudhomme на румынскій языкъ, принадлежащемъ еврею A. Steuermanu, читаемъ такія заключительныя слова *Ce om blajin si nolil fu Baruh de Spinosa.* (Anuar pentu israeliti de dr. M. Schwarzfeld, vol. XVIII, Bucuresci, 1897 an., pag. 178).

М. Луаеску даетъ такія однозначущія слова выраженію блажинъ,—*surișu*, *ascultătoriū*, *bună la înimă*, *cărgiă pînă place a se rupe gău și nimene* т. е. покорный, послушный, добродушный, которому не нравятся дурные отношения съ другимъ. «*Sedetea gea*», revistă p. literatura etc. an. II, 1893, р. 29. Въ своей «исторіи румынъ траяновой Дакіи» А. Д. Хенорол употребляетъ это слово въ тавихъ, напримѣръ случаяхъ: *boieriu de aice său arătat mai blajină* т. е. тамошніе (валашскіе) бояре показались болѣе кроткими или: *Văzina Rusia pe Poarta altăea blajină*, *se hotărâste a-l da o mare lovitură* т. е. Видя Порту столь покорной, Россія рѣшилась нанести ей большой ударъ (для выбора примѣровъ мы взяли на удачу IX томъ). См. *Istoria romanilor* etc. ed. populara, vol. IX, р.р. 140 et. 225). Въ то-же время слово славянское *блажинъ* переводится латинскимъ *felix*, напримѣръ заповѣди блаженства (Матеей, V, 3) въ изданіи дьякона Кореса 1560—61 г. читаемъ *ferecati măserii cu sufletul cii acelora e înprățiea cerului* (см. далеко не удачное изданіе архієрея Герасима Тимура съ предисловіемъ проф. Ербичану «*Tetraevanghelul diaconului Coresi*» Bucur, 1889 an. pag. 7) или въ изданіи русскаго библейскаго общества. С.-ПБ. 1819 года, стр. 4.

Итакъ, С. Маріану тщательно собралъ народныя преданія о рабманахъ, изложилъ ихъ въ связной формѣ, снабдилъ нѣсколькими упоминаніями въ литературѣ—и только; какогонибудь объясненія этого повѣрья у него мы не найдемъ. Поэтому, здѣсь очень жестки привести все, что извѣстно о рабманахъ въ славяно-византійской литературѣ, а также и тѣ, что было сдѣлано по этому вопросу русскими учеными.

Какъ доказано проф. В. М. Истриннымъ Александрия не имѣла въ своей первой редакціи статьи Палладія о рабманахъ, а статья эта уже цѣликомъ вошла во вторую редакцію, явившуюся изъ первой, изъ средневѣковой греческой поэмы *Βίος Ἀλεξανδροῦ*. Въ изданіи Новаконича читаемъ «и тіи соуть нагомудрыци, родивше же се отъ Сита. Адамоу оубо вѣноци суть», въ новогреческомъ народномъ пересказѣ находимъ подобное же мѣсто: *Μετὰ καὶ ρόν ἐγεννήθη ὁ Σῆφ, ἀνετράφη, καὶ ἔτεχνο ποίησεν εἰς τὸ γῆρας αὐτὸ τῶν Μάχαρων οἱ ὁ ποιοι Μάχαρες εἶναι ἀπὸ τὴν γενεάν τοῦ Σῆφ*. Въ Кирилло-Вѣлозерской рукописи XV вѣка рабманы говорятъ: «Не намъ пища сія, но вами, иже же пища сія отъ дерева сего есть, питію же отъ источника сего есть, земно-ю (и) би есть тѣло, отъ матери земли питается, одѣніе же ми есть листыне, а умъ а шь есть на небесахъ. Не печемся ни о чемъ земныхъ спроста. А житіе наше бес-

страшно есть, а на много лѣта продолжаемся... сынове Сифовы есмѧ сына Адамова... У насъ есть жены но не суть зде, но во иномъ островѣ противу намъ суть, на годъ единого сѣмо приходить къ намъ 30 день, паки возвращаются во свои островъ. Егда же конь родится дѣвицѣ, не кому отецъ его с женой сочтается. Аще мужъ сынъ породится, трехъ лѣть взимаемъ его, аще ли женскій поль родится, с женами пребываютъ» (А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, Спб., 1886 г., стр. 267, 269—270). Нетрудно видѣть въ приведенныхъ словахъ оригиналъ румыно-малорусскихъ преданій о рахманахъ, ускользнувшій отъ С. Маріану, несмотря на иѣсколько изданій и изслѣдований по румынской Александрии, существующихъ въ румынской ученой литературѣ. (См. dr. M. Gaster, *Literatura populara romana* Bucuresti 1883 ап., pp. 7—31 и др.).

Сравнивая описание страны блаженныихъ въ Александри и сказания о рахманахъ (рехавитахъ) въ хожденіи Зосимы, академикъ А. Н. Веселовскій говорить о сходствѣ обоихъ сказаний, что вполнѣ справедливо. Нагой мужъ, котораго встрѣтилъ Зосима, говорить: «азъ единъ отъ блаженныихъ человѣкъ». Далѣе они говорятъ о своемъ житіи, что они не бессмертны, но безгрѣшны, питаются земными плодами и водой отъ корня дерева, молятся одни днемъ и ночью, иѣть у нихъ никакого домашняго имущества, ни сокровищъ. «А иже поминаетъ жену собѣ, дондеже будетъ у него двѣ чадѣ, и по двою детей разлучается другъ отъ друга и пребываетъ оба въ чистотѣ, не вѣдущи, была ли коли въ совокупленіи, но яко же исперва чистоту хранящи... И нѣсть у насъ числа лѣтомъ, ни годомъ, ни мѣсяцемъ, ни днемъ, но икоже единъ день тако вси суть... Въ 3 часть вкушаешь но вся дни, исходитъ бо плодъ въ 3 часть и ямы и пиемъ отъ него, дондеже насыщемся». Другія параллели къ приведеннымъ румынскимъ сказаниемъ находимъ далѣе. Новому іерусалимскому царю донесли, что есть у него люди, которые не смѣшиваются съ женами. «Призванные царемъ, они ссылаются на запѣть Рехома, который не хотять переступить, почему и ввержены въ темницу...» блаженные говорятъ, что ангелы вѣщають имъ о дѣлахъ людей, и что они молятся о нихъ; что постомъ деревья перестаютъ приносить плоды, взамѣнъ ихъ падаетъ съ неба манна, а въ днѣ Воскресенія Христова деревья снова даютъ плоды: такъ они узнайютъ смиѳну года. Время своей смерти они провидятъ и подробно говорятъ о ней... (см. тамъ же, стр. 297—299). «Лѣта же жития нашего сту, иже отъ юности преставится, животъ его на семъ свѣтѣ лѣть 300 и 60; аще лѣ состарѣвся, отыдеть свѣта сего, днѣ жития его лѣть 800 и 800». Дано же есть намъ отъ ангель днѣ икончания нашего видѣти...» (Н. С. Тихонравовъ, Памятники отреченнной русской литературы, II, 88). Глубокая рѣка отдѣляетъ грѣшный міръ отъ страны блаженныихъ: «есть бо широта рѣки тоя и облака того 30 верстъ, облакъ же есть отъ нея до небесе, глубина же рѣки тоя есть до бездны» (тамъ же, стр. 83. Ср. въ I томѣ сочинений Тихонравова, стр. 200 и дополненія М. Н. Сперанскаго, стр. 123—125). И въ этихъ отрывкахъ мы находимъ черты румынскихъ сказаний.

Вопросу о рахманахъ у малороссовъ посвящена 39-я статья интересной книги проф. Н. Ф. Сумцова, «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаний и пѣсенъ». Кіевъ, 1888, стр. 137—139. «Въ ряду малорусскихъ народныхъ сказаний о рабѣ и блаженныихъ людяхъ—говорить почтенный этнографъ—видное мѣсто занимаетъ сказание о рахманахъ и о рахманскомъ Великоднѣ. Съ этимъ сказаниемъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ древней, приписываемой Истории, лѣтописи, причемъ указаний и византійскій источникъ сказания, или точнѣе, одинъ изъ его византійскихъ источниковъ, хроника Георгія Амартола: «Глаголеть Георгій въ лѣтописаніи.. законъ же Вактрянъ, глаголеши Врахмане и остроници, еже отъ прадѣль наказаніемъ, благочестіемъ, мяся не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, ни нанося же злобы творяще, страха ради многа Божія» (Лавр. сп. стр. 14). Затѣмъ Я. Ф. Сумцовъ передаетъ вкратце сказания рахмановъ о своемъ образѣ жизни и переходить къ тѣмъ повѣрьямъ у малороссовъ, которыхъ можно считать отголосками книжныхъ сказаний о зосимовыхъ рахманахъ. «Сказания о рахманахъ въ южной Россіи проникли въ глубь народа, причемъ особенно привилась къ южно-русской почѣ частность о рахманскомъ свѣтломъ праздникѣ. Въ липинскомъ уѣздѣ говорить, что рахманы-христіане. Они не

имъють собственного счисления времени и потому празднуютъ Пасху тогда, когда доплываютъ къ нимъ скорлупы яицъ. Вследствіе этого существуетъ въ народѣ обычай выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которая доплываетъ къ ракманамъ черезъ три съ половиною или четыре недѣли, и ракмане тогда празднуютъ Пасху (Чубинскій, Труды этнограф. стат. экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. Материалы и изслѣдованія т. I, стр. 220). Искаженіемъ повѣрья представляется дополнительная черта, что ракманы живутъ подъ землей. Въ Галиции существуетъ повѣрье, что скорлупы, доплыvъ въ ракманскую траву, обращаются въ яйца, и каждое яйдо идетъ на 12 ракмановъ, питающихся отъ него въ теченіе года. Пускаютъ скорлупу въ воду, сохраняютъ молчаніе или приговариваютъ «плывите въ ракмански край». На ракманский великань, бывающій въ среду на четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи, не работаютъ. Говорятъ, что въ галицкомъ селеніи Герасимовъ, одважды въ этотъ день мужикъ выѣхалъ въ поле орать. Онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ иогоничемъ, плугомъ и волами, и если въ день ракманского свѣтлаго праздника приложить ухо къ землѣ, то можно слышать крики иогонича о помощи. Въ селѣ Чертовецъ говорятъ, что въ этотъ день слышенъ колокольный звонъ отъ провалившіейся подъ землю церкви. Баба, мывшая бѣлье на ракманский великань, умерла на другой день (Ко Івег Рокисіе, т. I, отр. 199). На Украинѣ на ракманский великань ломаютъ березовыя вѣтки, приписывая имъ цѣлебное значеніе («править кости»); ракманский великань называется въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи «правой средой».

Аeанасьевъ въ своей книжѣ «Поэтическія возврѣнія славянъ на природу», т. I, стр. 578, говорить, что малороссы разсказываютъ, что гдѣ-то за моремъ живеть блаженный народъ «навы»; чтобы сообщить имъ радостную вѣсть о празднике Воскресенія Христова, они бросаютъ въ рѣку скорлупы крашеныхъ яицъ, которые проплываютъ къ навамъ въ зеленый четвергъ «Навскій великий день». Слѣдуетъ еще прибавить, что сказанія о ракманахъ внесены въ древне-руssкія Космографіи (см. Изборникъ къ хронографамъ А. Попова. Ср. Д. Ровинскій, Русскія народныя картины, ви. IV, стр. 466).

Въ Галиции существуетъ поговорка: «постимо якъ ракмане», несомнѣнно взятая изъ извѣстныхъ сказаний, приведенныхъ у многихъ ученыхъ (Григорій Илькевичъ, Галицкіи приповѣдки и загадки, у Вѣдни, 1841 г.). Говорятъ о дакскіихъ отшельникахъ, называвшихся плистами, преосв. Пороирий Успенскій приводить галицкую поговорку и прибавляетъ: «Не даромъ костромичи, помнятіе, что Дунай есть сынъ Ивановичъ, говорятъ: она ходитъ какъ ракманная. Такія поговорки, составленные людомъ не книжнымъ, стариннымъ испоконъ вѣковыя, доказываютъ, что и у нашихъ пращуровъ были строгопостные и тощіе отшельники, похожіе на индійскихъ ракмановъ, на дакскіихъ плистовъ и на гетскіихъ ктистовъ и канноватовъ» (Востокъ христіанскій. Исторія Алона, ч. III, стр. 307). Конечно, изслѣдователь упуститъ изъ виду исключительно книжное происхожденіе преданій о ракманахъ, но во всякомъ случаѣ важно то, что онъ указываетъ на параллель слова ракманинъ и браминъ. Несколько намъ извѣстно, первый указалъ на связь этихъ двухъ словъ Игнатій Ганушъ. Онъ говоритъ, что «скорлупу отъ красныхъ яицъ бросаютъ во многихъ селахъ Галиции и теперь еще въ рѣку, вѣри, что только тогда, когда эта яичная скорлупа дойдетъ до ракманской страны, они (т. е. ракманы) празднуютъ свой праздникъ. Кто такие эти ракманы, никто не можетъ сказать; быть можетъ это—искаженіе слова бракманы, брамины». Dr. Ignat. Johann Hanusch, Die Wissenschaft des slawischen Mythus im weitesten, den altpreuissisch Lithauischen Mythus mitumfassenden Sinne, Lemberg, 1842, p. 197.

Такимъ образомъ, происхожденіе сказанія о ракманахъ объяснено и акад. А. Н. Весоловскімъ и проф. Н. Ф. Сумцовъ; происхожденіе же обычая бросать скорлупу въ воду—несомнѣнно—должно поставить въ связь съ слѣдующими мѣстами изъ хождевія трехъ иконъ къ Макарію.

Иаисівський сборникъ XIV вѣка: Сборникъ А. Яцимирскаго 1448 г.
п. 394 об.

да аще хоще кто мину се мѣсто. сего ради иже хощетъ минаги сіе то на лѣво ідѣт. исмъ бо воды мира сего ѿ лѣвое страны приходж. да іже видъ мира сего ѿ десныѧ страны исх- сял тѣхъ водъ надержи. то ідѣ на сѣверъ да иже съ тѣхъ држит. на сѣверъ и на деснную страну съ горы велики. исходить. а на лѣвоъ странъ горы вы- сокы суть и стромнины и езера плахи т єзеро полно зми...

(Тихонр., Намятн. II, 61).

Моск. Синод. библиотеки XII—XIII в. | Моск. Синод. библ.—ки XV в., № 351.
№ 3.

ό θέλων ἐνδότερον εἰσελθεῖν πάντα ὁ θέλων οὖν ἐνδότερον εἰσελθεῖν εἰς τὰ
ἀριστερὰ περιπατείτω, πάντα γὰρ τὰ ἀριστερὰ μέρη περιπατείτω, πάντα γὰρ
ὑῦδατα τοῦ κόσμου ἐκ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τὰ ὕδατα τοῦ κόσμου ἐκ τοῦ ἀριστηροῦ μέ-
-ἐκπορεύονται. ὁ διεργόμενος τῇ φωνῇ ρους ἐκπορεύονται: ὁ γοῦν διεργόμενος τὴν
τῶν ὑδάτων ἀκολουθείτω καὶ ἔξελεύ- φωνή τῶν ὑδάτων ἀκολουθείτω καὶ εἰσε-
σεται εἰς φῶς, τὰ δὲ δεξιά μέρη ὅρη λεύσεται εἰς φῶς, τὰ δέ δεξιὰ μέρη ὅρη
εἰσι πάντα καὶ κρημνοὶ καὶ λίμνη παρμα- εἰσι: καὶ κρημνοὶ καὶ λίμναι παρμεγένεται: οὔφρων καὶ σκορπίων μεμεστωμένα...

(A. Vassiliev, *Anecdota graeco-byzantina*, pag. 142).

Если все воды міра приходять слѣва, то для того, чтобы выйти изъ страны блаженныхъ надо идти на-лѣво; слѣдовательно, на-право нужно идти въ страну блаженныхъ. А такъ какъ все рѣки текуть слѣва, то въ страну блаженныхъ можно попасть слѣдуя внизъ по течению рѣкъ. Вотъ почему и бросаются женщины скорлупу въ ручейки и рѣки. Въ какую бы рѣчку ни бросили скорлупу, она всегда дойдетъ до страны блаженныхъ и доставитъ имъ вѣсть о наступлениі пасхи, хотя въ это же время въ ихъ странѣ снова расцвѣтутъ деревья, не дававшія плода въ великомъ посту.

Укажемъ еще, что въ одной былинѣ Соловей-разбойникъ называется рахманомъ (Рыби. III, 14) или птицей рахманной (Гильф. 987). Это дало поводъ В. И. Ягичу видѣть въ Соловьѣ индійское его происхожденіе и сравнивать такія же показанія относительно царя Соломона (Лѣтопись Тихонравова, IV, отд. 2, стр. 120). Конечно, мнѣніе это ошибочное.

Наконецъ, для полноты очерка отмѣтимъ (у Маріану объ этомъ нѣть и намека), что въ Румыніи существуетъ цѣлый рядъ сель и мѣстностей, въ названіи которыхъ можно видѣть корень слова блажин, а именно: Blaga, Blagea, Blajul, Blageasca, Blageni, Blagesti, Blajanca, Blajan, Blejan, Blejanii и др. Marele Dictionar geografic al României, vol. I, Bucuresu, 1898 ап., р.р. 467—473 или у D. Frundesici, Dictionarul topografic si statistic al Român, р. 46, а также въ областныхъ словаряхъ, изданныхъ Румынскимъ Географическимъ Обществомъ. Несомнѣнно, подобная же названія можно найти въ Галиціи, Буковинѣ, Бессарабіи и др. странахъ, населенныхъ румынами и малороссами. Слѣдуетъ еще прибавить, что русская фамилія Рахманиновы — чисто румынского происхожденія конца XV вѣка. См. наши замѣтки о кнѣзѣ Василенко, Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ. Кіевъ. 1895 г., въ Русскомъ Архивѣ за 1896 г., кн. II и въ Revista critică-literară de Ar. Dencusianu, 1896 ап., № 10, а уже отъ фамилій — мѣстныхъ названій, напримѣръ, Рахмановскій переулокъ въ Москвѣ.

А. И. Яцимирский.

Psihologia penală a teranului de Dem. J. Dobrescu, Bucuresci, 1899 an. 8°.

Просвѣщенный прокуроръ Букарештскаго трибунала г. Добреску въ вышедшей осенью брошюркѣ передаетъ свои наблюденія надъ оригиналными показаніями крестьянъ-свидѣтелей въ преступленіяхъ людей, заявившихъ себѣ отважными и ловкими разбойниками. Онъ удивляется, что въ большинствѣ случаевъ крестьяне показываютъ въ пользу преступника и рассказываютъ о необыкновенныхъ подвигахъ завѣдомо преступныхъ людей, подъ-часть лишенныхъ въ своихъ поступкахъ всякой мысли. На допросахъ крестьяне иногда высказываютъ свои сомнѣнія, чтобы властямъ удалось поймать или не упустить изъ тюрьмы смѣлаго разбойника. Авторъ прежде всего раздѣляетъ крестьянина въ психологическомъ отношеніи на два разныхъ типа: насколько онъ теряется, когда видѣтъ, что другое лицо покушается на его имущество, настолько онъ иногда совершенно безразличенъ, когда дѣло идетъ о его собственной жизни или жизни ему подобныхъ, другими словами, его материальные интересы превосходятъ нравственные и его симпатіи къ разбойнику-герою, который никогда не падаетъ духомъ, побѣстинѣ заставляютъ удивляться. Авторъ объясняетъ это низкой степенью состоянія чувства у крестьянина, его вѣчной нуждой и непосильной работой для достижениія самаго необходимаго для существованія. Извѣдая показанія свидѣтелей въ дѣлахъ знаменитыхъ атамановъ Жану, Тунзы и Здрели, г. Добреску находитъ въ нихъ извѣстную дань удивленія предъ необъятной смѣлостью героевъ, находитъ въ нихъ намеки на то, что герои одарены сверхъестественной силой и что всѣ показанія проникнуты искренней симпатіей къ обвиняемому, сожалѣніемъ его дальнейшей судьбы. Крестьянинъ-свидѣтель всегда на сторонѣ обвиняемаго разбойника, всегда преувеличиваетъ преступленія исключительно для эстетического удовлетворенія и съ поэтическимъ, жаромъ описываетъ подъ-часть самыя ординарныя продѣлки ихъ, въ особенности, когда разбойники глумятся надъ полиціей и не даютъ ей въ руки несмотря на усилия постыдней.

Брошюра Д. Добреску одинъ изъ первыхъ вкладовъ въ область изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ румынъ и касается того же вопроса, которому мы посвѣтили одинъ изъ первыхъ своихъ печатныхъ трудовъ. Я говорю о статьѣ своей «Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ», помѣщенной въ *Этнографическомъ Обозрѣніи* за 1895 годъ, № 3-й. Пользуемся случаемъ, чтобы познакомить русскихъ этнографовъ съ нѣкоторыми отрывками изъ румынскихъ авторовъ, писавшихъ о томъ же предметѣ. Въ пятомъ томѣ своей «Исторіи Румыніи» проф. А. Д. Ксенополь говорить о народномъ эпосѣ и разбойническихъ разсказахъ слѣдующее: Многія гайдуцкія пѣсни, какъ-то «Миху младенецъ», «Фома Алимошъ», «Выдра», «Румынъ Груи Грозданъ» и другія могли получить свое начало въ эпоху полную насилия и создать подобныхъ героевъ, пренебрегающихъ законами и живущихъ раздельной жизнью, защищаемую палашомъ и скрываемую въ тѣни лѣсовъ. Но въ виду того, что подобное положеніе переходить и въ слѣдующія эпохи, многія пѣсни получили болѣе новыя черты, которыхъ, умѣряя ихъ пыль, приближаютъ героевъ ихъ къ разбойникамъ современнымъ (*Istoria românilor din Dacia traiana*, Vol. V ed. populara, pag. 187). Въ сборникахъ народныхъ пѣсенъ Ярика Бырсани встрѣчаемъ нѣсколько гайдуцкихъ пѣсень: въ одной изъ нихъ гайдукъ обращается къ своему кою:

«Мургуль, грива завитая, ну-ка вынеси меня еще разъ на гору, окину я взоромъ вокругъ и посмотрю на весь свѣтъ, гдѣ я когда то бродилъ, и вынеси меня до Тисы, такъ какъ тамъ расположень лагерь и тамъ подъ малыми буками— могилы усопшихъ витязей!»

Въ другой пѣснѣ гайдукъ говоритъ: «Матушка моя приказала мнѣ чрезъ птенца-ласточку прийти къ ней, а я отвѣтилъ ей чрезъ птенца-кукушку, что— Кй-Богу—не могу пойти, такъ-какъ нахожусь подъ тѣнью сосны, подъ властью чужеземца. До ужина я ему служу подсѣвчикомъ, а когда ужинъ готовъ, я приготовляю ему постель, а когда она уже легъ, я поздно принимаюсь за ужинъ. Веру нохъ чтобы отрѣзать себѣ хлѣба, слѣзы ручьемъ текутъ. Кто не вѣритъ моимъ словамъ, тому не поможетъ Пречистая». Въ преданіи о гайдукѣ Войку разсказывается, что женщины—жены

палачей и судей не могли смотреть на повышеннаго гайдука. Это мѣсто мнѣ напомнило одну изъ пушкинскихъ пѣсень западныхъ славянъ:

«Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили—
А и тутъ глядѣть ва нихъ не смѣли:
Такъ имъ страшенье былъ Хризичъ съ сыновьями».

Румынскій писатель М. Ганеа такъ художественно описываетъ покаяніе гайдука Кодряна: «Rocainta lui Codrănu».

«Испытавъ втеченіе жизни много душевныхъ страданій, Кодрянъ, атаманъ гайдуковъ пришелъ добровольно къ господарю страны.—«Здравствуйте, ваше высочество—сказалъ онъ, кланяясь до земли. Я—Кодрянъ атаманъ, за голову которого ты назначилъ цѣну золотой казны!» Господарь испугался, услышавъ эти слова. «Не беспокойтесь, ваше высочество, я безъ оружія, а пришелъ съ повинной головой для того, чтобы принять наказаніе за содѣянныя мною злодѣянія. Дѣлай съ мной, чтѣ хочешь, такъ-какъ я пресытился и разбоями и жизнью». Господарь приказалъ заключить его въ тюрьму и собралъ бояръ на совѣтъ, чтобы опредѣлить соотвѣтствующее ему наказаніе. Одни говорили, что слѣдуетъ его повѣсить, другіе—посадить на коль. Но господарь, знаяшій тайну Кодряна, говорить такъ: Вотъ мое предложеніе!—ни вѣшать его, ни садить на коль, но раскрыть двери темницы и выпустить на свободу... Исполненіе удивленія бояре пересматривались, не понимая думъ господаря.—«Да, прибавилъ онъ—смерть для него благо, такъ-какъ онъ желаетъ этого и самъ дался въ наши руки. Не слѣдуетъ наказывать его, какъ онъ самъ желаетъ, но лучше наказать его тѣмъ, чтобы онъ жилъ и чтобы, страдая вѣчно, ходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ смерть. Такое наказаніе для него самое большое, мы же не нарушимъ совѣта стариковъ, которые учать не рубить преклонной головы». «Вы правы, ваше высочество», отвѣчали бояре. Двери темницы раскрылись на обѣ половины, и Кодрянъ, гонимый смертью, какъ неуязвимый, вышелъ печальный съ поникшей головой съ руками на груди, тихо проходя между людей, которые сторонились съ его дороги. Онъ снова вошелъ въ лѣсъ, который самъ казалось не отвергалъ его отъ своего лона, тамъ усталый сѣль онъ на пень и долго просидѣлъ тамъ положивъ голову на руки въ состояніи замиранія, такъ что всякия думы его оставили. Но поздно уже онъ опомнился и, оглянувшись кругомъ, онъ замѣтилъ въ голубой дали вершины горъ. Тогда лицо его просияло свѣтомъ радости. Онъ взялъ дорожный посохъ, перекинулъ мѣшокъ черезъ плечо и отправился...

«Съ той поры имя Кодряна не слышалось болѣе въ странѣ... Тридцать лѣтъ спустя послѣ этихъ происшествій, въ пещерѣ на склонѣ горы Чахлэу скончался старый отшельникъ, котораго не могли перестать оплакивать сироты, вдовы и бѣднавки, такъ какъ тридцать лѣтъ подрядъ онъ былъ ихъ благодѣтелемъ. Этотъ отшельникъ достигъ глубокой старости, имѣть бороду до колѣнъ и такія длинныя брови, что поднимали ихъ при помощи палки. Онъ всегда ходилъ босой и витался однимъ древеснымъ сокомъ. Откуда онъ пришелъ и кто былъ раньше—никто не зналъ, но также никто не могъ исчислить благодѣяній, содѣянныхъ имъ во всѣ дни. Имѣть ли кто дѣло съ противницами своимъ, у него находилъ правый судъ, которому подчинялись обѣ стороны; имѣть ли кто горе, находилъ утѣшеніе; боленъ ли быть, находилъ травы для лекарствъ. Поэтому всѣ горцы считали его святымъ. Питался онъ только коренями и голова его не отыхала на чѣмъ нибудь иномъ, какъ только на голомъ камнѣ. Каждое утро онъ молился, обращаясь къ востоку, но молитва его была короткая и такая горячая, что по ея окончаніи лицо его казалось принимало цвета солнечного восхода. За два часа до смерти онъ исповѣдалъ духовнику свою прошлую жизнь, какъ онъ разбойничалъ, какъ добровольно дался въ руки иправосудія, которое его простило, и эта исповѣдь настолько облегчила его душу, что онъ принялъ смерть съ блаженной радостью, какъ прощеніе отъ Бога.

«Могила его покрылась цветами, и горцы всякое утро молились за душу его, говоря: «Господь да уложитъ его на томъ свѣтѣ, такъ-какъ много добра онъ здѣсь сдѣлалъ».

Въ своей «Исторії румынскай литературы», проф. Ааронъ Денсушяну причисляетъ гайдукія пѣсни къ разряду героическихъ, «но въ иномъ смыслѣ». Герой—говорить онъ—борется съ иноземцемъ—угнетателемъ, ненавидимымъ въ странѣ, съ чѣкоемъ (=бариномъ), который не дерется съ оружиемъ открыто, но тайнымъ образомъ, угнетаетъ и дѣлаетъ невыносимо жизнь, какъ господинъ или чиновникъ, съ которымъ бѣдный румынъ «цѣльные года судился и не выигралъничего»; какъ поющікъ, какъ арендаторъ, какъ купецъ, какъ трактирщикъ». Затѣмъ онъ приводить слѣдующую гайдуцкую пѣсню «молодцовъ изъ зеленаго лѣса», прекрасно характеризующую смыслъ гайдучества:

«Нѣть у меня червонцевъ въ кошелькѣ, заплатить подати, за бумаги, за солдата и за проклятаго Іуду.. Побей вѣсъ крестъ, чѣкои! вырваться бы иѣ отъ вѣса; и снова пойти въ лѣсъ, и дѣлать расправу въ странѣ! Когда я вижу бѣдного человѣка, я опускаю руку въ кошелькѣ и избавляю его отъ муки и страданій. Пойдите-ка, ребята, къ тѣмъ дубамъ, отрѣжемъ себѣ иѣсколько дубинъ, и будемъ очищать страну и избавлять ее отъ чудовищъ».

Оттуда изъ лѣса они, какъ молния, нападаютъ на чѣкоевъ и держать въ страхѣ всѣхъ угнетателей меньшихъ братьевъ. «Вотъ каково происхожденіе гайдуцкихъ пѣсень, распространенныхъ среди всѣхъ румынъ, такъ какъ всѣ они страдали одинаковымъ образомъ. Эти пѣсни очень часто преисполнены силы и неподражаемой окраски, и въ нихъ находимъ не только чувства высшаго патротизма, но и высшей человѣчности. Знаменитые гайдуки, обратившіеся въ легендарныхъ, слѣдующіе: Корбя, Винти, Бужоръ Гипшай, Дағе, и др. Типъ ужаснаго и удивительнаго гайдука по имени Бурлы конца XVII вѣка намъ описывается Кантемиръ: *Istoria limbiei si literaturae române Jasi* 1894 ап., pp. 163—164. Затѣмъ г. Денсушяну приводить списокъ сборниковъ разныхъ народныхъ пѣсень, где могутъ быть и гайдуцкія, но отдельно не указывается на сборники, содержащіе именно пѣсни гайдуцкія. Мы можемъ указать на 34 гайдуцкихъ небольшихъ пѣсень въ коллекціи Михаила Каніану. *Poesii populare. Doinc, cniene etc. de Mihail Canianu. Iasi*, 1888 ап., pp. 211—239; 23 пѣсни въ коллекціи Виктора Оинішора. *Doinc si strigatur din Ardeal, culese de V. Onisog, Iasi* p.p. 85—94 и др.

Для изслѣдований о румынскихъ гайдукахъ слѣдуетъ собрать побольше документовъ, какъ напримѣръ сдѣлали проф. G. Tocilescu относительно гайдука Яику Жіану, подвизавшагося въ Олтениѣ около Краюви въ 1738 году; впослѣдствии родственники умершаго уже гайдука жертвовали много денегъ для спасенія души гайдука, о чёмъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ документовъ начала XIX вѣка. *Revista istorie, archeologie si filologie* ап. II, vol. I, p.p. 236—240, vol. II, p.p. 411—414.

У румынъ нѣть другихъ народныхъ изданій кроме романовъ о приключеніяхъ гайдуковъ. Въ нашей коллекціи собраны слѣдующія книжки изданія для народа N. D. Popescu, *Codreanu haiduci nuvela originala*, ed. II. Bucuresci, 1892 ап. p.p. 1—146 съ 4 иллюстраціями; *Rapait Macri, Bujor capitan de haiduci*. Bucur. 1891 ап. p.p. 1—131, съ иллюстраціями; *Alaxandru Munte Stancanul, Fraur Vulpoi, grozavul capiten de haiduci sau tainele padurei, povestire dramatic-romantica de mare sensatie*. Craiova, 1893 ап., p.p. 1—91; *P. Macri, Mihu capitan de haiduci*. Bucur, 1887 ап., p.p. 1—112 съ иллюстраціями; *Boerii gaiduci, Capitan Basdugan, Iancu Jianu Zarcin, Iancu Jianu Haiduc, Moartea lui Bujor, Basboiul dintre haiduci si rusi*—всѣ изданія Букарештскія, нѣкоторыя съ иллюстраціями. Слѣдуетъ также отмѣтить сказки, гдѣ говорится о разбойникахъ; о Бужорѣ, обѣ умной дѣвушкѣ, жившей и гайдуковъ и проч., напримѣръ у *Elena Sevastos, Povesti*. Iasi. 1892 ап., p.p. 37—45, 136—138; упоминанія о нападаніяхъ разбойниковъ у A. D. Хенорога *Istoria romanilor etc.*, vol. II 8, V 187, VI 28, 218, VII 253, IX 40, 184, 211, 242, *Melchis edec episces. Notite istorice si archeologice*, p.p. 120, 208. A. I. Filippide, *Incercari asupra storiei sociale poporului roman in trecut*, Iasi, 1881 ап. p.p. 22—39 и др.

Румынскій историкъ V. Onitѣ такъ объясняетъ причину появленія гайдуковъ въ XVII—XVIII вѣкахъ. «Эпоха нашей национальной борьбы—говорить г. Оницѣ—начи-

нается сейчас же послѣ основанія княжества, то есть въ XIV вѣкѣ. И Молдавія и Валахія были основаны колонистами, вышедшими изъ подъ гнѣта венгерскихъ королей; поэтому имъ требовалось поддерживать свою самостоятельность предъ Венгрией. Молдавія имѣла еще противъ себя и польскихъ королей, которые претендовали на то же, на чѣдъ и венгры. Поэтому еще въ XIV вѣкѣ начинаются волненія, дипломатическая борьба, чаще—войны, изъ которыхъ румыны не разъ выходили побѣдителями. Немногого спустя турки наступаютъ изъ Азіи въ Восточную Европу; всѣ самостоятельныхъ государствъ балканского полуострова побѣждены и стерты съ карты Европы на многія столѣтія. Въ 1373—Сербія, въ 1369 болгарское царство, въ 1453 Византія—падаютъ разгромленные къ ногамъ турокъ, въ 1392-мъ году подчиняется туркамъ Валахія. Съ этого времени начинается новая борьба, борьба отчаянная и неравная, такъ какъ силы врага были въ десять разъ больше. Эти сраженія съ турками и татарами продолжаются болѣе столѣтія, и Стефанъ Великий настѣнкою своими нравственными высокими качествами своей любовью къ отечеству румынъ, вѣчной памятью о которой намъ осталась въ тѣхъ сорока монастыряхъ, основанныхъ львомъ Молдавіи, лучшемъ свидѣтельствѣ сорока пораженій враговъ нашего отечества. Какими средствами люди совершаютъ эту немирѣнную и отчаянную защиту націи? Сраженіе ведется румынскими руками, а не чужеземными наемными. Главнокомандующій—господарь страны, а войско—румыны. Бояре тѣхъ временъ не были предателями, интересантами, какъ бояре XVII и XVIII вѣковъ, а воинами первыхъ рядовъ. Подъ державой Стефана оно иначе и не могло быть. А крестьянинъ, основа страны?—Онъ въ это время еще не былъ порабощенъ боярину. Большая часть ихъ была свободна, большинство ихъ были резеши (однодворцы, мелкие владѣльцы), но и остальные не были настоящими рабами, такъ какъ они еще владѣли землей. Поэтому вполнѣ естественно, если въ бояринѣ крестьянинъ видитъ типъ героеvъ и патріотовъ; онъ ихъ понимаетъ въ битвѣ за благо всей страны, а потому и крестьянинъ слѣдуетъ въ битву за боярина съ любовью, поражается его храбростью, обожаетъ его. Лѣсные разбойники въ тѣ времена—всеобщіе враги и для боярина и для крестьянника. Вотъ почему и крестьянинъ ихъ ненавидитъ. Эта, и только эта эпоха можетъ быть исторической, къ которой относятся поэтические образы Миху, Груи, Алимоша. Герои—бояре, сражающіеся за отечество и любимые народомъ!...

«Въ срединѣ XIV вѣка румыны соединенными силами защищаются и физически и нравственно. Неравная борьба, продолжавшаяся столько времени, высосала всѣ ихъ силы. Всеобщая слабость настаетъ въ обоихъ государствахъ: блестящая эпоха подвиговъ за отечество переходитъ въ мрачную эпоху государственного ничтожества. Престолъ страны становится продажнымъ, бояре вмѣстѣ съ господаремъ—а это вмѣстѣ съ турками и греками-боярами—терзаютъ страну и законнымъ образомъ. А терзаемые—крестьяне. О какой-нибудь национальной защитѣ сраженій за отечество нѣтъ теперь и рѣчи! Теперь бояринъ становится жестокимъ мучителемъ интересантъ, такъ какъ онъ уже не румынъ, а грекъ! Немногочисленные румынскіе бояре не могутъ сдѣлать ничего... Эта эпоха обнимаетъ періодъ болѣе двухъ вѣковъ съ половиной, до наступленія XIX вѣка. Это—время, когда крестьяне—не имѣя уже, что терять,—соединяются въ шайки подъ начальствомъ извѣстныхъ храбрецовъ и мучатъ важныхъ бояръ, преимущественно грековъ, и дѣлаются такимъ образомъ орудиемъ мести отъ лица бѣдныхъ крестьянъ. Вѣка XVII и XVIII наполнены гайдуками. Народъ ихъ любить, какъ мыльныхъ сыновей своихъ, и память о нихъ сохраняетъ въ гайдуцкихъ пѣсняхъ.

«Вторая половина XVI, вѣка XVII и XVIII—это эпоха гайдуковъ въ нашей истории крестьянъ. Кодрянъ, такъ же недопустимъ во времена Стефана Великаго, какъ и немыслимъ румынскій бояринъ Груи во времена фанариотовъ. Иные времена, иные государственные положенія, другое отношеніе между боярами и крестьянами создали Грую, а иныхъ—Кодряна».

Такой блестящей и полной смысла и правды характеристикой кончаетъ свой очеркъ румынскій патріотъ В. Оница. Вотъ какими выводами долженъ быть руководиться г. Добреску въ своей статьѣ и удивленіе предъ сочувствующими разбойнику-герою показаніями крестьянъ-свидѣтелей объяснять грустной исторической истиной румынского склада общественной жизни. Если въ Румыніи, въ «просвѣщенной» странѣ, которую

сами румыны называют «восточной Балгей» могут и теперь появляться разбойники, о которыхъ народъ разсказывает чудеса и держать ихъ сторону, не вѣря даже, что администраціи удалось поймать то самое лицо *), а не другое, — то трудно говорить объ истинномъ просвѣщеніи страны и ея соціальному равновѣсіи.. Во всякомъ случаѣ, трудъ почтенного этнографа-криминалиста можно привѣтствовать и пожелать побольше подобныхъ работъ, имѣя еще ввиду, что подобные вопросы въ румынской ученой литературѣ почти не затронуты (кромѣ статей Б. Хыждеу, Филиппиди, Сеулеску и немногихъ другихъ).

A. Яцимирскій.

П. Лупповъ. «Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка». С.-Петербургъ. 1899 года. VIII + 333 стр. 8°. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп. Трудъ г. Луппова заключаеть въ себѣ 16 главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію вотяковъ, ихъ бытъ, занятія, промыслы, знакомить съ физическими типомъ и психическими особенностями этого племени, наконецъ, предлагаетъ свѣдѣнія о вотской языческой религії. Главы эти, хотя и имѣютъ этнографический интересъ, тѣмъ не менѣе, являются для цѣлей автора побочными, не заключаютъ въ себѣ материала совершенно новаго, который не былъ бы уже извѣстенъ въ этнографической литературѣ. Поэтому мы не будемъ подробно останавливаться на содержаніи этихъ главъ, а ограничимся лишь указаниемъ на нѣкоторыя частности, которыя являются въ печати впервые, или же заимствованы авторомъ изъ малодоступныхъ публикъ земско-статистическихъ изслѣдований. Такъ, едвѣди не въ первый разъ мы встрѣчаемся въ сочиненіи г. Луппова съ попыткой сдѣлать сводъ численности вотяковъ и географического распределенія ихъ въ Европейской Россіи въ настоящее время. Всѣхъ вотиковъ авторъ насчитываетъ болѣе 360 тысячъ. Въ трехъ губерніяхъ — Вятской, Казанской и Самарской, по даннымъ земскихъ подворныхъ описей послѣдняго 12-лѣтія (1883—1894 г.г.), они распредѣляются по этимъ губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

№ по порядку.	Название губерній и уѣздовъ.	Число воло- стей, въ ко- торыхъ жи- вутъ вотяки.	Общее число вотского на- селенія обо- его пола.	Годъ, къ ко- торому отно- сятся свѣдѣ- нія.
I. Вятская.				
1	Глазовскій	23	137.197	1890—91
2	Сарапульскій	22	91.290	1890
3	Малмыжскій	17	58.388	1884
4	Елабужскій	11	47.928	1887
5	Слободской	2	5684	1891
6	Уржумскій	1	626	1884
Итого . . .		76	341.113	—

*) Иѣтомъ 1893 го года въ мѣстахъ, окружающихъ Нимецкій монастырь у подножия Карпатъ, скрывался гайдукъ въ полномъ смыслѣ этого слова, бѣжавшій съ катаржныхъ работъ (солиная мина въ г. Тыргу-Окна), Гоанъ Флоря. Въ это время я занимался въ монастырской библиотекѣ и по цѣльнымъ вечерамъ приходилось мнѣ слушать удивительные рассказы о похожденияхъ Флори, которая частью записаны и со временемъ будутъ напечатаны. Въ юлѣ мѣсяца Флоря былъ убитъ жандармомъ Херцой въ пѣсколькоихъ шагахъ отъ

	II. Казанская.			
7	Казанский	1	296	1884
8	Мамадышский	4	6,674	1887
	Итого . . .	5	6,970	—
	III. Самарская.			
9	Бугульминский	3	1,740	1885—86
	Всего	84	349,823	1884—91

Кромъ того есть вотяки въ Пермской и Уфимской губерніяхъ, но такъ какъ подворное изслѣдованіе въ этихъ губерніяхъ еще не закончено, то точныхъ цифровыхъ данныхъ о числѣ вотскаго населения не имѣется. Въ Уфимской губ., по свѣдѣніямъ Центрального Статистического Комитета, относящимся къ 1870 году, вотяковъ насчитывалось 12,521 чел., а въ Пермской, по Энциклопедическому словарю проф. Авдеевскаго, приблизительно 3,000 *).

Чрезвычайно любопытны также данные о колонизационномъ движении русскихъ въ среду вотскаго населенія. Слѣдя, вмѣстѣ съ Вятскимъ статистикомъ Романовымъ, за движениемъ населения въ нѣкоторыхъ вотскихъ районахъ Вятской губерніи, авторъ замѣчаетъ необыкновенно сильный приростъ жителей въ этихъ мѣстностяхъ и причину этого видѣть въ русской колонизации. Для примѣра авторъ беретъ три района Вятской губ., бывшихъ въ прошломъ столѣтіи почти исключительно вотскими: 1) область по лѣвую сторону р. Вятки въ Малмыжскомъ уѣзда, 2) 6 сѣверныхъ волостей Сарапульского уѣзда и 3) мѣстность по течению р. Чепцы въ Глазовскомъ уѣзда. Сравнивая приростъ населения въ этихъ мѣстностяхъ съ среднимъ поуѣзднымъ приростомъ за времена съ 1795 г. по 1878 г., авторъ получаетъ слѣдующую любопытную табличку:

Годы ревизій.	% увеліченія населенія.					
	Малмыжскій у.		Сарапульскій у.		Глазовскій у.	
	Въ вотской мѣстности по лѣвую сторону р. Вятки.	По всему уѣзду.	Въ 6 сѣвер- ныхъ вот- скихъ воло- стяхъ.	По всему уѣзду.	Въ вотской мѣстности по р. Чепцѣ.	По всему уѣзду
1795	15,1°	10,3	41,6	34,7	5,6	13,6
1811	21,7	15,7	41,6	34,7	18,6	26,1
1834	69,4	53,8	46,5	30,4	31,2	34,9
1858	47,9	30,4	37,4	31,1	53,2	42,9
1878	54,6	39,2	72,8	49,5	51,5	37,4

монастыря, голова Флори была отослана въ Букарешть, а тѣло похоронено въ лѣсу. Лѣтомъ 1899-го года я самъ видѣлъ могилу Флори, украшенную цвѣтами и вѣнками, которая приносить туда не только дѣти изъ окрестныхъ селъ, но и интеллигенція, живущая лѣтомъ въ монастырѣ на курортѣ.

*) Цифры эти, по мнѣнію автора, несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ. Такъ въ Тезяковъ въ статьѣ «Праздники и жертвоприношения у вотяковъ язычниковъ» насчитываются въ семи деревняхъ Большѣ-Гондырской волости Осинского уѣзда Пермской губ. до 5.600 душъ («Новое Слово», 1896 г. Январь).

Изъ этой таблицы видно, что въ Малинскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ %^о увеличевія населенія въ вотскихъ мѣстностяхъ уже съ 1795 г. начинаетъ превышать такой же средній по каждому изъ этихъ уѣздовъ; въ Глазовскомъ уѣздѣ это замѣчается только послѣ переписи 1834 г.; съ 1858 г. разница между %^о увеличевія населенія всѣхъ трехъ вотскихъ мѣстностей и среднимъ по каждому изъ уѣздовъ становится особенно замѣтною. Причина этого явленія кроется въ русской колонизаціи вотскихъ мѣстностей. По послѣднімъ земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ оказывается, что въ настоящее время въ Вятской губерніи нѣть уже ни одной волости съ исключительно вотскимъ населеніемъ. Этого мало: въ каждой волости съ вотскимъ населеніемъ русские расположились не отдельными поселками только, но главнымъ образомъ въ тѣхъ же деревняхъ, где живутъ и вотяки. Изъ 1704 вотскихъ селеній Вятской губерніи 806 или 47,3%^о имѣютъ уже русское населеніе, причемъ въ 168 деревняхъ или почти въ 10%^о русские въ количественномъ отношеніи даже преобладаютъ надъ вотяками. Послѣдствія такого тѣснаго сожительства вотяковъ съ русскими не замедлили отразиться на всемъ строѣ жизни этого племени. Русскіе, какъ болѣе сильные въ культурномъ отношеніи, начали ассимилировать себѣ вотяковъ; въ деревняхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ вотякъ сталъ мало-по-малу усваивать русскій языкъ, перенимать у русскихъ различныя подробности житейскаго обихода, заимствовать понятия, началь критически относиться къ своему прежнему почти языческому міросозерцанію, усваивать себѣ христіанскія религіозныя представленія. Въ послѣднее время выступилъ новый факторъ ассимиляціи—народная школа, къ которой вотяки обнаруживаютъ большую склонность. Въ результатѣ влияния русскихъ на вотяковъ, по мнѣнію автора, должно явиться полное ограждествоеніе, слияне вотского населенія съ русскимъ.

Послѣ предварительныхъ общихъ свѣдѣній о вотякахъ, авторъ приступаетъ къ разрѣшенію прямой своей задачи—прослѣдить исторію распространенія среди вотяковъ и усвоенія ими христіанской религіи, причемъ изложенію предмета предпосыпается обзоръ источниковъ (глава III). Изъ этого обозрѣнія мы видимъ, что кромѣ печатной литературы по рассматриваемому вопросу, кстати сказать литературы весьма скучной, авторъ пользовался главнымъ образомъ архивными материалами: неизданными дѣлами и документами архивовъ Св. Синода (47 дѣлъ), Вятской Духовной Консисторіи (229 дѣлъ) и бывшаго Елабужскаго Духовнаго Правленія (18 дѣлъ). Въ виду этого сочиненіе приобрѣтаетъ особенный интересъ и научную цѣнность.

Въ дальнѣйшихъ восьми главахъ (IV—XII) излагается исторія распространенія христіанства среди вотяковъ. При этомъ вотяки раздѣлены на двѣ группы—вотяковъ сѣверныхъ, жившихъ по берегамъ р. Чепцы и верхняго течения р. Вятки и тяготѣвшихъ къ г. Хлынову (Вяткѣ), и вотяковъ южныхъ, судьбы которыхъ въ XVI, XVII и частью въ XVIII вѣкахъ были тѣсно связаны съ судьбой г. Казани, бывшаго для нихъ гражданскимъ и церковнымъ центромъ. Мѣры къ распространенію христіанства среди вотяковъ на Вяткѣ и въ Казани принимались не одновременно и осуществлялись не всегда одинаковымъ способомъ.

Впервые христіанство занесено въ страну вятскихъ вотяковъ новгородскими ушкуйниками, начавшими съ XIII в. колонизовать Вятскія земли. Оттѣснены аборигеновъ и водворившись на новой землѣ, пришельцы поставили города и построили церкви и часовни. Такимъ образомъ вотяки получили возможность знакомиться съ христіанствомъ. Но, разумѣется, должны были пройти еще вѣка, чтобы вотяки стали принимать христіанство. Первое, исторически известное обращеніе вотяковъ въ христіанство относится лишь къ 1557 году, когда вотякъ Сырянскій волости, Слободского уѣзда, Ожмекъ Черной былъ челомъ царю Иоанну Грозному отъ лица 17 вотскихъ семействъ, сообщая о намѣреніи «креститься и прити въ православную христіанскую вѣру». Дальнѣйшие случаи обращенія вотяковъ въ христіанство относятся уже къ началу XVIII в. и являются, какъ и первый случай, результатомъ сожительства вотяковъ съ русскими, совершившему независимо отъ какихъ бы то ни было миссионерскихъ воздействиій. Какъ въ числѣ вотяковъ, крестившихся при Грозномъ, такъ и въ числѣ обратившихся въ началѣ XVIII столѣтія, въ числѣ 16 человѣкъ были лица, уже въ язычествѣ носившія христіанскія имена и отечества (Ортемовъ, Петровъ, Сенькинъ, Денисъ, Осипъ, Никита,

Михайло, Овдоть, т. е. Авдотья). Если мы примемъ во вниманіе существовавшій у вотяковъ-язычниковъ, а мѣстами и теперь еще существующій, обычай давать новорожденному имя того лаца, которое первымъ встрѣтится отцу новорожденного на дорогѣ или войдеть въ его избу, то для насъ станетъ яснымъ, что упомянутые новокрещенныи вотяки имѣли тѣсныи сношения съ русскимъ христіанскимъ населеніемъ, жившимъ по госядству. Очевидно первыхъ новокрещенныхъ дали деревни, въ которыхъ вотяки начали уже ассимилироваться съ русскимъ населеніемъ.

Съ 20-хъ годовъ XVIII ст. начинается уже миссионерская дѣятельность правительства и духовенства. Первый возводилъ предъ высшей духовной властью вопросъ обѣ обращеніи вотяковъ Вятскій епископъ Алексій. Любопытно, что, задумавъ заняться обращеніемъ въ христіанство вотяковъ, Алексій писалъ въ Кабинетъ Царскій, что «безъ указу приводить невѣрныхъ языковъ въ вѣру христіанскую не смѣеть и для того просить, чтобы о томъ прислать къ нему указъ». На этотъ запросъ Вятскому епископу была послана отъ св. Синода инструкція «для приведенія въ вѣру христіанскую невѣрныхъ языковъ и другихъ разныхъ народовъ и вѣръ, обрѣтающихся въ Вятской епархії». При этомъ епископъ крещено было 59 вотяковъ, составившихъ 8 отдельныхъ семей. При одномъ изъ преемниковъ Алексія, преосв. Вениаминѣ Сахновскомъ, миссионерская дѣятельность на Вяткѣ значительно оживилась; въ короткій срокъ (14 мѣсяцевъ) крещено было 168 вотяковъ (103 м. и 65 ж.) изъ 16 деревень, изъ коихъ въ 13 не было еще христіанъ; а вскорѣ послѣдоваль и знаменитый указъ 11 Сентября 1740 года, изданный «для умноженія въ вѣрѣ новокрещенныхъ и новѣрцевъ» Волжско-Камского края. Характерную особенность этого указа представляли разнообразныи материальныи выгоды, которыми предполагалось привлекатъ въ христіанство ино-родцевъ. За новокрещенными утверждалась льготы въ платежѣ податей и отбываніи рекрутской повинности, при чёмъ уплата податей и поставка рекрутъ за новокрещеныхъ возлагалась на некрещеныхъ. Кроме того за воспріятие крещенія инородцы награждались крестами, одеждой, обувью и деньгами. Затѣмъ указъ предписывалъ выселять новокрещеныхъ изъ прежнихъ мѣстъ жительства, если тамъ находились некрещеные, и водворять ихъ на новыхъ мѣстахъ или отдельными населеніями, или вмѣстѣ съ русскими. Мѣра эта, впрочемъ, скоро была замѣнена другой, болѣе рѣшительной—выселеніемъ всѣхъ некрещеныхъ изъ деревень, где есть новокрещенные. Податныи льготы и льготы по рекрутской повинности, а также денежныи награды сильно дѣйствовали на вотяковъ. Они, какъ въ Казани, где дѣйствовало особое учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ «Новокрещенской конторы», такъ и на Вяткѣ стали креститься тысячами. «Нерѣдко лакомые до денегъ раза по два и по три въ разныхъ мѣстахъ крестилися». Съ нежелавшими креститься, несмотря на льготы, впрочемъ, не особенно церемонились: ихъ крестили насилино. Вотяки сопротивлялись, били миссионеровъ и сопровождавшихъ ихъ гражданскихъ чиновъ, но всетаки крестились.

Такъ продолжалось до 1764 года, когда паконецъ правительство убѣдилось, что принятія имъ мѣры къ обращенію язычниковъ въ христіанство внесли страшную правительстvenную деморализацію въ инородческое населеніе и материально раззорили его. Некрещеные инородцы обнаруживали сильную злобу на новокрещеныхъ, какъ непосредственныхъ виновниковъ ихъ податнаго обремененія и, пока новокрещеные уступали имъ въ числѣ, всячески старались выместить на нихъ свою злобу. А вносливствіе, когда число новокрещеныхъ увеличилось, положеніе некрещеныхъ стало весьма печально въ материальному отношеніи. Переложеніе податей съ новокрещеныхъ на некрещеныхъ скоро привело къ тому, что обычный годовой окладъ податей съ язычниковъ возросъ въ 2, 3 и болѣе разъ; равнымъ образомъ и рекрутъ требовали съ одного и того же общества некрещеныхъ инородцевъ по 2, 3 и даже по 4 раза въ одинъ наборъ. Злоупотребленія «команды» свѣтскихъ чиновниковъ, приставленныхъ къ миссионерскому дѣлу, и самихъ членовъ Новокрещенской конторы и многочисленныхъ проинвѣнниковъ довершали дѣло. Въ 1764 г. правительство вынуждено было отмѣнить законъ 1740 года. Количество обратившихся вотяковъ въ христіанство сразу замѣтило сократилось. Тѣмъ не менѣе, къ началу текущаго столѣтія, по приблизительному подсчету автора, число крещеныхъ вотяковъ въ Вятской губерніи достигло 980/0.

Предметомъ слѣдующихъ трехъ (XIII—XV) главъ служить выясненіе дѣятельности правительства, а также различныхъ учрежденій и лицъ по утвержденію новокрещенныхъ ватяковъ въ христіанской вѣрѣ въ теченіе XVIII вѣка.

Переходимъ къ послѣдней (XVI) главѣ, представляющей наибольшій интересъ въ этнографическомъ отношеніи. Въ этой главѣ авторъ рисуетъ состояніе христіанства среди новокрещенныхъ ватяковъ въ XVIII в. Обращенные въ христіанство въ большинствѣ случаевъ подъ давленіемъ разнообразныхъ материальныхъ выгодъ, а частью даже насилия, ватяки первое время были христіанами только по имени, не проявляя почти никакихъ признаковъ своей принадлежности въ иной религіи и, напротивъ, всецѣло тяготѣя къ своимъ прежнимъ богамъ.

Изъ архивныхъ документовъ видно, что въ ватскихъ новокрещенскихъ селеніяхъ оставались языческіе молитвенные чумы или шалаші и послѣ обращенія ватяковъ въ христіанство. Помимо чумовъ новокрещенные устраивали молебія на открытыхъ мѣстахъ: на берегу рѣчекъ, ручейковъ, на лѣсныхъ полянахъ и т. д., куда собирались нѣсколькими семьями и даже цѣльными селеніями. Священникъ Федоръ Ившинъ доносилъ въ Консисторію: «приходу его дер. Лековаевской новокрещень изъ отяковъ Егоръ Ушаковъ съ товарищи, всего въ десяти семьяхъ, по ихъ прежнему ватцкому суевѣрю общекуплю отъ всей деревни іюля 31 дня, взявшіи быка и выведши въ поле, закололи и, сваривъ, съѣли, а остаточное на другой день уже, августа 1 числа, т. е. по начатіи поста въ первый день доѣдали... Деревни Убыцкой, которая отстоитъ отъ церкви въ 40 верстахъ, новокрещенные изъ отяковъ Сысои Трефиловъ съ товарищи, всего въ восьми семьяхъ, по прежнему суевѣрю отъ всей деревни кололи быка на улицѣ и, сваривъ, съѣли». Новокрещенный дер. Мутнинской, Волковъ, писалъ о жителяхъ своей деревни въ Консисторію: «1) въ 1751 г. въ іюлѣ Даниль Степановъ Чирковъ по рѣчкѣ Мутнѣцѣ по прежнему суевѣрю кололь барана, помолась, съ семействомъ своимъ, употребили; 2) въ 1752 г. въ февралѣ, въ чистый понедѣльникъ, жители Мутнинской деревни вѣтѣсь съ жителями Якшинской деревни въ Мутнинскомъ полѣ у рѣчки Мутны кололи жеребца по отяцкому суевѣрю, помолась, употребили, а попомъ былъ новокрещенный Кузьма; а мнѣ, Волкову, за необъявленіе дано овса; 3) въ 1753 г. въ августѣ новокрещены въ дер. Пѣтуховской подъ рѣчкою Мутнѣцю но обѣщанію—не єли-бъ черви озими—кололи быка, коего по своему суевѣрю послѣ моленія употребили; 4) въ 1753 г. предъ осеннимъ праздникомъ Иоанна Богослова дер. Мутнинской вово-крещенный Иванъ Волковъ за скорбь семьи его глазами кололи нѣсколько утокъ и по ихъ злочестію молились и со всѣмъ семействомъ єли». Діаконъ с. Глазовского Іаковъ Невоструевъ въ 1754 г. доносилъ въ Консисторію, что 17 октября онъ засталъ въ полѣ подъ елками новокрещенаго ватяка Абросима съ семьей и «видя, что у нихъ варится, въ котлѣ гусь да утка, изъ которыхъ нутро и перье лежитъ близъ того огня подъ елками, спрашивалъ, для чего то они въ полѣ, а не въ домѣ варять, и притомъ объявилъ ему, дѣякону, помянутый Абросимъ, что-де у брата моего Василія болитъ поясница и о выздоровленіи той болѣзни обѣщались по отяцкому суевѣрю молиться, для того-де нынѣ тое и варимъ».

Въ январѣ 1752 г. новокрещенные дер. Подборновской Романъ, Петръ и Димитрій Касаткины да дер. Чигиринской Иванъ Корешановъ собрались въ дер. Чигиринской и говорили: отъ дѣда его, Романа, бывшаго въ прежнемъ отяцкому суевѣрі, послуено отправить мольбище; по крещеніи въ христіанскую вѣру за неотправленіе того мольбища вымерло въ дер. Чигиринской мужск. и женск. пола 20 человѣкъ», и говорили Пиминову, чтобы купить жеребца шерстью сиваго и, когда Пиминовъ сказалъ имъ, что у него такой жеребецъ есть, то они купили его за два рубля и сговорились учинить мольбище за недѣлю до заговѣнья. Въ назначенный день моленіе было совершено при рѣчкѣ Варышъ, съ принесеніемъ въ жертву жеребца; народу собралось не малое число. 19 января 1752 г. ватяки южной части Вятской провинціи, Игринского и Чутырского концовъ, въ немаломъ числѣ, при деревнѣ Потырь-Кушинской, за рѣчкою Лозою, въ лѣсу подъ елью молились надъ чалымъ жеребцомъ, бѣлымъ быкомъ, двумя черными баранами и двумя гусими; животныхъ закололи, мясо сварили и єли; кости, головы и

избытки сожгли, причемъ, по приказанию жреца, посыпали кресты, съ нѣкоторыхъ же онь самъ срывалъ ихъ.

Жертвооприношения совершились не только языческимъ богамъ, но и умершимъ родственникамъ (культъ предковъ).

Въ 1770 году на допросъ въ Слободскомъ Духовномъ Правлении новокрещенныи села Глазовскаго Максимилианъ показалъ, что «когда онъ былъ боленъ, разсудилось ему помянуть по прежнему отцомъ сувѣрью умершихъ своихъ родителей, чтобы чрезъ то отъ болѣзни получить свободу, и, сваря въ домѣ свою каши, взивъ съ собою, отвезъ одинъ на кладбище, где они погребены, и раскладывъ оную въ разныя мѣсяцы на сиѣгъ, просилъ при томъ умершихъ своихъ родителей, чтобы они сдѣлали ему отъ той болѣзни свободу».

Но пути авторъ касается вопроса и о существованіи у вотяковъ въ XVIII столѣтіи человѣческихъ жертвооприношений, и решаетъ его отрицательно на томъ основаніи, что ни въ ученыхъ запискахъ путешественниковъ того вѣка, ни въ архивныхъ документахъ синодальныхъ, консисторскихъ и Министерства Юстиціи, нѣть ни малѣйшихъ намековъ на существование подобныхъ жертвооприношений, хотя по даннымъ архивовъ можетъ быть возстановлена довольно полно религиозная жизнь вотяка того времени.

Приверженность вотяковъ къ язычеству шла, однако, параллельно съ усвоенiemъ ими и христіанства. Вынужденные на первыхъ порахъ, хотя и вѣнчаними мѣрами, исполнять нѣкоторыя требования христіанской религіи, вотяки начинаютъ привыкать къ вѣнчаниемъ христіанскимъ формамъ, сживаются съ ними и затѣмъ понемногу начинаютъ вѣнчаниемъ соединять черты язычества и христіанства. Въ результатѣ этого процесса является двоевѣріе. «Признавая единство невидимаго Бога,—пишетъ миссионеръ Стефановъ, но не знала онаго истинно и не умѣя почитать его достойно, вотяки новокрещенныи стараются воздавать подобающую ему честь подъ именемъ Имара и въ лицѣ земнородныхъ угодниковъ его. Таковы суть: Вожиудь, Инву, Илля Пророкъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Николай Чудотворецъ и Иисусъ Христосъ. Вожиудь и Инву, богатые благодѣтели язычники, по смерти чудесно вышедшие изъ воды; Илля—земной пророкъ, Му-Кылчинъ, будучи другъ Божій, чудесно вошелъ въ землю, где и живеть не умѣя; Николай Чудотворецъ, хотя и умеръ, однакоожъ явился съ Великой Рѣки *) чудесно; Иисусъ Христосъ—пророкъ Кылчинъ, а по нѣкоторымъ—Единородный Сынъ Божій,—Кылдысинъ, хотя умеръ, но воскрѣсъ». Сверхъ того, пишетъ миссионеръ, воздаютъ божескую честь св. иконамъ, называя ихъ русскими богами—Дѣзюць Имартъ. На поляхъ своихъ селеній приносятъ въ жертву Иліи пророку хлѣбъ, пиво, кумысъ, иногда быка, жеребенка, барана и гуси, коихъ кости съ частью прочихъ жертвъ скрываютъ въ землю для употребленія пророкомъ въ пищу. Св. Пасху празднуютъ русскому Богу. Жители дер. Вотскій Порѣзъ празднуютъ днѣвъ св. безсребренниковъ Косьмы и Даміана, св. ап. Петра и Павла, Богоявленія Господня, ибо эти дни—праздники приходской церкви. Итакъ, Иисусъ Христосъ и христіанские святые въ сознаніи вотяковъ стали дѣлаться такими же богами, какъ ихъ прежние Имартъ, Кылдысинъ; «русскими богами» вотяки начали поклоняться также, какъ они поклонились и своимъ вотскимъ. Въ вотскихъ шалашихъ (чумахъ) на полкахъ вмѣстѣ съ идоломъ хранились иногда христіанскія иконы или же онѣ приносились сюда изъ домовъ лишь на время моленій. Процессъ слиянія двухъ міросозерцаній—языческаго и христіанскаго начался и идетъ непрерывно до нашихъ дней. Сожительство съ русскими, смѣшанные браки, школа и книга сильно ускоряютъ его.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги г. Луппова. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ предметомъ мы отсылаемъ къ самой книгѣ, написанной съ большимъ стараніемъ и любовью къ дѣлу. Къ книгѣ приложены цѣлкомъ наиболѣе важные и интересные архивные документы, указатель именъ личныхъ и географическихъ и именъ авторовъ, упоминающихся въ сочиненіи, а также географическая карта

*) Село Вятской губерніи.

вотского района, съ нанесениемъ на нее, по возможности, всѣхъ упоминаемыхъ въ книгѣ мѣстностей и селеній.

Послѣднія приложенія значительно облегчаютъ пользованіе книгой.

И. Сирнег.

Nová mapa království českého Sestavil V. Kotyška, kreslil N. Hanf. Měřítko 1 : 200.000. Praha. 1897. 12 №.

Недостатокъ въ подробныхъ географическихъ и этнографическихъ картахъ славянскаго племени представляетъ одно изъ осозательныхъ доказательствъ той низкой ступени, на которой находятся развитіе вслѣдовательныхъ дисциплинъ славяновѣдѣнія. До сихъ поръ мы не только не имѣемъ общей научной карты географического и этнографического распространенія славянскаго племени, но даже ири изученіи географическихъ и этнографическихъ границъ территоріи отдельныхъ славянскихъ народовъ читателю приходится нерѣдко пользоваться совершенно случайнымъ и необъединеннымъ материалямъ. Послѣднее положеніе одинаково вѣрно какъ для такихъ разбросанныхъ по разнымъ государствамъ народовъ, какъ сербскій или польскій, такъ и для такого могущественнаго своимъ единствомъ племени, какъ русскѣе, которое до сихъ поръ не знаетъ точно предѣловъ своего распространенія *). Неудивительно поэтому, что славянскому этнографу приходится преодолѣвать при разыскиваніи извѣстнаго населенного пункта массу совершенно вицѣнныхъ трудностей, которая были бы немыслимы при иномъ положеніи картографическаго дѣла въ славянскихъ земляхъ. Каждый, кто занимался, напр., чешской, польской и т. д. дialectологіей, знаетъ, какъ иногда бываетъ безнадежно трудно найти какое-нибудь село или деревню, хотя и маловажную въ административномъ отношеніи, но зато тѣмъ болѣе интересную въ лингвистическомъ.

При такомъ болѣе, чѣмъ печальному состоянію національной картографіи въ славянскихъ земляхъ, весьма полезно изданіе географическихъ картъ, хотя и касающихся одной какой нибудь славянской націи, то зато съ такимъ масштабомъ, какого требуютъ все увеличивающіяся нужды славяновѣдѣнія. Превосходный образецъ такого рода карты получили недавно чехи въ видѣ труда, заголовокъ которого мы привели выше. Въ масштабѣ 1 : 200.000 (т. е. въ размѣрѣ 1 см.=1 км.) эта громадная карта отмѣчаетъ рѣшительно въ населенные пункты страны, не исключая одиночныхъ усадебъ (т. и. samotъ), мельницъ, церквей и т. д. Тщательно нанесенный на нее особенности орографического строенія Чехіи даютъ наглядное понятіе о рельефѣ страны, а столъ же добросовѣстно начертанные мелкія рѣчки и сухопутные пути—о ея коммуникаціонныхъ линіяхъ. Практическое пользованіе картой имѣло облегчается тѣмъ, что она раздѣлена на двѣнадцать тетрадокъ, изъ которыхъ: I-я—воспроизводить центральную Чехію, II-я—сѣверо-восточную (Крконоши), III-я—сѣверную, IV-я—юго-западную (Шумаву), V-я и VI-я—сѣверо-западную (Рудогорье), VII и IX-я—южную, VIII-я—восточную, и XI-я—юго-восточную, XII—заглавный листъ.

Остается пожелать, чтобы г.г. Котышка и Ганфъ вслѣдъ за географической картой своей родины издали такую же подробную карту этнографическую.

Г. Ильинскій.

Smíchovsko a Zbraslavsko. Společnou prací učitelstva. Redaktor prof. Fr. Hanf, c. k. okresní školní inspector. Se 362 vyobrazeními a 3 přílohami. Na Smíchově. 1899. 80. 658 str.

Пятидесятилѣтіе царствования императора Франца Йосифа, въ продолженіи котораго чешскій народъ сдѣлалъ такие гигантскіе шаги на пути къ экономической, нрав-

*) Извѣстная этнографическая карта Россіи ген. Ритиха въ настоящее время не можетъ быть признана удовлетворительной ни въ какомъ отношеніи.

ственной и духовной эмансиацией своей отчизны от чужено-родного элемента, породило въ интеллигентныхъ кругахъ чешского общества счастливую мысль ознаменовать юбилейный годъ изданиемъ серии всестороннихъ описаний отдельныхъ округовъ чешской земли. Читателямъ «Живой Старины» мы сообщали уже объ одной такой попыткѣ, сдѣланной для Ново-чинского округа учителями этой провинции *). Нынѣ мы считаемъ своимъ долгомъ обратить внимание на другой подобный трудъ, посвященный одной изъ центральныхъ областей Чехии—Смиховскому гетманству и исполненный также исключительно мѣстными педагогическими силами.

Смиховское гетманство лежитъ на лѣвомъ берегу Влтавы, непосредственно примыкая своюимъ главнымъ городомъ, котораго носить название, къ Прагѣ: только небольшой холмъ Петрина отдѣляетъ г. Смиховъ отъ столицы Чехии. Политически гетманство раздѣляется на два округа: Смиховскій и Зbrasлавскій, границей которыхъ на востокѣ служить гетманства: Карлинское, Виноградское и Бенешовское, на западѣ—Кладенское и Горовицкое, на югѣ—Сланское и на югѣ—Прибрамское.

Описание раздѣлено на семь частей.

Въ первой части (стр. 9—105) знакомимся съ естественными условіями края: съ его географическимъ положениемъ, пространствомъ и границами (гл. I), устройствомъ поверхности (II и V), съ геологическимъ строеніемъ почвы (III), его минеральными, растительными и животными богатствами (IV, VII и VIII), наконецъ, съ его метеорологическими условіями (VI).

Вторая часть (стр. 107—124) посвящена изложению первобытной истории страны: здѣсь описаны, между прочимъ, всѣ важнѣйшія археологическія находки, сдѣянныя въ области: самыя древнія изъ нихъ относятся къ эпохѣ ледяного періода.

Предметомъ третьей части (стр. 125—162) служить краткій исторический очеркъ округа, составленный на основаніи сочиненій извѣстнѣйшихъ чешскихъ историковъ. Особенное вниманіе обращено въ немъ на исторію соціальныхъ классовъ населенія и отношение ихъ другъ къ другу.

Въ четвертой части (стр. 163—456) находимъ перечень всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ ихъ алфавитномъ порядкѣ. При каждомъ городѣ или мѣстечкѣ приводятся указанія на мѣстоположеніе, число жителей, достопримѣчательности и, въ заключеніе, сообщается его краткая исторія.

Пятая часть (стр. 457—486)—этнографическая. Здѣсь описаны главнѣйшіе обычай населенія, его нравы, способъ постройки его домовъ, характеръ его одежды и т. под.

Въ шестой части (стр. 485—552) находимъ исторический очеркъ и современное состояніе школьнаго дѣла въ округѣ.

Наконецъ, въ седьмой (стр. 595—657) сообщаются статистическія свѣдѣнія относительно всевозможныхъ явленій экономической и промышленной жизни края.

Многочисленные художественно исполненные рисунки, диаграммы и статистические таблицы, планы и др. (географическая и археологическая) карты служить такимъ же вышнимъ достоинствомъ книги, какимъ ея фактическая содержательность и объективность—внутреннимъ.

Г. Ильинскій.

Starozitnosti země české. Díl I. Čechy předhistorické. Na základě praehistoricke sbírky Muzea Krále Českého Sestavil Pič. Sv. I. V Praze 1899. Большое 4° 220 стр.—LXXXVII табл.—4 карты.

Эта книга представляетъ только первый выпускъ грандиознаго изданія, предпринятаго г. Пичемъ при ближайшемъ содѣствіи Чешской Королевской Академіи и имѣющаго задачей описать бытъ и судьбы доисторическихъ обитателей Чехии. Произведя подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ не мало археологическихъ раскопокъ въ разныхъ мѣ-

*) См. «Жив. Ст.», вып. III (1899 г.) отчетъ о кн. «Moravsko Kravařsko».

стахъ Чехіи, и состоя въ теченіе многихъ лѣтъ хранителемъ доисторического отдѣла въ Чешскомъ Музѣѣ, сдѣлавшагося благодаря его непрестаннымъ заботамъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, г. Пичу пришлось пересмотрѣть на своемъ вѣку огромное количество предметовъ и остатковъ доисторической культуры своей родины. Не смотря на постоянное общеніе съ сырьемъ материаломъ, г. Пичъ никогда не былъ простымъ систематизаторомъ фактовъ, но всегда оставался истиннымъ ученымъ, стремящимся связать груду разнородныхъ фактовъ идеей закономѣрности. Это качество его работъ дѣлаетъ ихъ интересными и важными не только въ описательномъ, но и принципиальномъ отношеніи.

Въ настоящей работе, составляющей итогъ всей научной дѣятельности чешского археолога, первая сторона выражается въ обстоятельныйхъ строго фактическихъ характеристикахъ быта двухъ древнѣйшихъ народностей Чехіи, оставившихъ слѣды своей жизни на ея территорії: безымянного народца диллювіального периода и непосредственно смѣнившаго его «поколѣнія скорченныхъ скелетовъ» *). Глубокое изученіе предметовъ первобытной культуры дало возможность автору нарисовать очень рельефную картина личной и соціальной жизни автохтоновъ Чехіи, ихъ одежду, пищу, жилища, домашнюю утварь, оружіе, предметы торговли, способы погребенія ихъ покойниковъ и т. д. Наглядности описанія очень способствуетъ многочисленность иллюстрацій въ текстѣ, представляющихъ точные снимки съ археологическихъ сокровищъ Музѣя. Не удовольствовавшись такого рода украшеніемъ своего текста, г. Пичъ присоединилъ къ книгѣ 87 большихъ таблицъ, изображающихъ предметы доисторической культуры, извлеченные изъ мѣстъ погребенія, такъ и «стоянокъ» туземцевъ. Изданная отдельно, эти таблицы составили бы сами по себѣ очень цѣнный археологический атласъ. Если прибавить, наконецъ, что къ книгѣ г. Пича приложены различные чертежи и карты, поясняющія расположение находокъ, то мы поймемъ, какой богатый кладъ всякаго рода материаловъ представляеть книга г. Пича для археолога.

Но кромѣ этой описательной стороны въ книгѣ г. Пича, какъ мы сказали, есть и теоретическая, которая выражается въ стремленіи пролить свѣтъ на происхожденіе и историческая судьбы указанныхъ двухъ народцевъ. Правда, скучность археологическихъ находокъ относительно быта населения диллювіального периода Чехіи не позволяетъ ему сдѣлать никакихъ серьезныхъ выводовъ относительно происхожденія и времени прихода этого «безымянного» народа, но зато тѣмъ подробнѣе авторъ говорить о судьбахъ преемника этого народа—«поколѣнія скорченныхъ скелетовъ». Мы сообщимъ здѣсь только главный итогъ его изслѣдованія. Сравнивая предметы культуры, найденные въ гробахъ этого племени, съ подобными вещами, открытыми въ другихъ мѣстахъ Европы, г. Пичъ приходитъ къ выводу, что племя «скорченныхъ скелетовъ» пришло въ Чехію около 1500 л. до Р. Х. изъ Тюрингіи; переселеніе это произошло недобровольно, но подъ давлениемъ какого-то другого народа; укрѣпившись въ сѣверной и срединной части нынѣшней Чехіи, это племя достигло сравнительно высокой и притомъ самобытной культуры. Въ материальномъ отношеніи представлявшей переходъ отъ каменного вѣка къ бронзовому; не смотря на своеобразие своей культуры, «поколѣніе скорченныхъ скелетовъ» не жило замкнуто, но находилось въ довольно живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Италией и восточноальпійскими странами; поддавшись подъ владычество кельтскихъ воинственныхъ ордъ, оно сохранило свою индивидуальность и подъ ихъ господствомъ, пока не было поглощено этнографически и культурно какимъ-то другимъ племенемъ, жившимъ въ южной Чехіи и практиковавшимъ при погребеніи сожиганіе. Случилось это незадолго до Р. Хр.

Таковы только самые главные результаты трактата автора. Насколько они вѣрны, покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія. Здѣсь мы замѣтимъ только, что если специалисты-археологи и сомнѣваются въ теоретическихъ конструкціяхъ г. Пича **), то при-

*) Названного такъ по тому способу, какимъ оно погребало своихъ покойниковъ.

**) См. подробный вѣмецкій разборъ этого труда г. Бухтѣя, приложенный къ III вып. «Vestnika Slov. Star.» Нидерле (стр. 1—42 стр.).

чина этого лежитъ не столько въ недостаткѣ критицизма у автора, сколько въ свойствахъ того материала, которымъ ему приходилось оперировать, а также вообще въ не-выработанности метода подобного рода работъ. Во всякомъ случаѣ, какъ трудъ, подводящий итоги работъ нѣсколькихъ поколѣній и пролагающей путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, книга г. Пича имѣть большое значеніе, и значеніе это будетъ все расти, по мѣрѣ того какъ содержаніе труда будетъ приближаться къ историческимъ временамъ.

Г. Ильинскій.

Rodinný nedil čili zádruha v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastním. V Praze. 1898. 8°. 136 str..

Къ числу труднѣйшихъ задачъ славянской этнографической науки принадлежитъ объясненіе причинъ того необыкновенного разнообразія соціальныхъ формъ, которое такъ характеризуетъ современный бытъ славянского племени. Представляется ли это разнообразіе явленіе исконное, или есть только результатъ естественной дифференціаціи одной первоначально общей вѣтви славянамъ формы? Произошло ли оно подъ влияніемъ соціальныхъ учрежденій другихъ народовъ, или путемъ самобытнаго органическаго развитія? Какой народъ и въ какой степени сохранилъ первоначальный укладъ славянской жизни въ наибольшей чистотѣ? Вотъ вопросы, которые остаются столь же открытыми, какими были и пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда Шафарикъ клалъ первыя основанія наукѣ «славянскихъ древностей».

Правда, втеченіе этого времени въ славянскихъ литературахъ (въ особенности русской, польской и чешской) явилось не мало теорій, съ большими или меньшими остроуміемъ пытавшихся проникнуть въ тайну вопроса, но всѣ эти теоріи (одно нерѣченіе которыхъ заняло бы, можетъ быть, цѣлую страницу) имѣли тотъ капитальный недостатокъ, что своей положительной стороной исходили изъ особенностей общественнаго строя какого-нибудь одного славянского народа, совершенно игнорируя соціальный бытъ его ближайшихъ соплеменниковъ. Этимъ самимъ заранѣе обрекалась на неудачу и ихъ главная цѣль—реставрація праславянскаго строя, такъ какъ древнѣйший бытъ одного народа далеко не всегда совпадаетъ съ древнѣйшей фазой соціального развитія всего племени.

На совершенно иной и гораздо болѣе надежной почвѣ стоять молодой чешскій ученый г. Карль Кадлецъ, который въ своей работѣ «Семейная община *») въ славянскомъ правѣ попытался сдѣлать не впервые не только на словахъ, но и на дѣлѣ взглянуть на явленіе съ широкой общеславянской точки зрѣнія. Сравнивая правовое положеніе членовъ сербской задруги съ такимъ же положеніемъ русской крестьянской «большой семьи», авторъ пришелъ къ выводу, что въ основѣ и той и другой лежать одинъ и тѣ же нормы обычного права. Это заключеніе, сдѣланное на основаніи тщательного изслѣдованія лучшихъ сборниковъ обычного права (и главнымъ образомъ, Богиція и Якушкина) и подкрепленное анализомъ соответствующихъ историческихъ документовъ обѣихъ народностей, г. Кадлецу естественно пришло распространить также на чешскую и польскую семью; но такъ какъ послѣдня уже давно получила организацію римскаго положительного права, то доказать это ему удалось развѣ только въ отношеніяхъ къ ея историческому прошлому. Установивъ такимъ образомъ фактъ существованія одного и того же общественнаго института у всѣхъ славянскихъ народовъ, г. Кадлецу оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы прийти къ убѣждѣнію, что «нынѣшняя русскія и югославянскія учрежденія представляютъ продуктъ того глубоко древняго времени, когда всѣ славяне составляли единое племя». Юридический характеръ этого учрежденія онъ опредѣляетъ понятіемъ «задруга», въ которой видѣть «извѣстную систему частнаго (soukromého) права, основанную съ одной стороны на

---

* Такъ мы переводимъ крайне неудачный, но постоянно употребляемый г. Кадлецомъ терминъ *nedil*, который, какъ отрицательный, слишкомъ широкъ для такого точнаго понятія, какъ «задруга».

началахъ семейнаго (*rodinného*) права, съ другой стороны на принципахъ всеобщаго (коллективнаго) имущественнаго права на недвижимости (*výslovo práva k nemovitostem*). (стр. 136).

Таковъ, говоря вкратцѣ, главный результатъ изслѣдованія г. Кадлеца. Хотя теорія чешскаго ученаго сама по себѣ и не нова—о задругѣ какъ учрежденій пражскаго говорили еще Палацкій у чеховъ и Леонтовичъ у насъ—тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ полнаго вниманія нашихъ ученыхъ, какъ первая попытка решить вопросъ на основаніи сравненія обычныхъ учрежденій въ сѣ хъ славянскихъ народовъ. Того же требуютъ и другія внутреннія достоинства труда г. Кадлеца: строго выдержаній сравнительный методъ изслѣдованія, объективность, выражаящаяся въ стремлѣніи говорить не словами, а фактами, и стройная систематичность изложенія. Значеніе работы г. Кадлеца ослабляется правда такими крупными недостатками, какъ слишкомъ широкая и растяжимая юридическая терминология автора, благодаря которой онъ неѣдко соединяетъ явленія, имѣющія только отдаленное сходство, и довольно тѣсный кругъ историческихъ источниковъ автора: г. Кадлецъ пользуется только самыми извѣстными изъ нихъ, «классическими»; но вопросъ, затронутый г. Кадлецомъ, такъ сложенъ и запутанъ, что авторъ оказалъ бы услугу читателю даже въ томъ случаѣ, если бы его книга только ориентировала въ вопросѣ. Но она даетъ гораздо больше...

Г. Ильинскій.

Führer durch Dalmatien. Herausgegeben von Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. Verfasst von R. E. Petermann. Wien. 1899. 8°. XV + 602 + LX стр.

Основанное въ 1894 году въ Вѣнѣ «Общество содѣйствія народно-хозяйственнымъ интересамъ Королевства Далмациі» задумало издать такое цѣльное и систематическое описание Далмациі, которое точныя данныя специальнаго географического сочиненія излагало бы въ порядкѣ и формѣ общедоступнаго путеводителя. Хотя совмѣщеніе въ одной книгѣ двухъ столь разнородныхъ задачъ теоретического и практическаго изученія и иметь свои неудобства, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что лишь такимъ путемъ популяризация географіи извѣстной страны можетъ принести прочные результаты, въ особенности, когда она производится такимъ опытнымъ ученымъ, какъ г. Р. Петерманнъ.

Уже одна внѣшность книги производить на читателя самое благопріятное впечатлѣніе. Этотъ компактный томъ заключаетъ въ себѣ около 700 страницъ довольно мелкаго текста, на пространствѣ которыхъ помѣщено 165 художественно исполненныхъ рисунковъ, изображающихъ то наиболѣе живописные ландшафты Далмациі, то различные типы ея населенія, то виды ея городовъ, то снимки съ различныхъ историческихъ достопримѣчательностей; четыре географическихъ карты, съ славянскими названіями на первомъ мѣстѣ и итальянскими на второмъ, воспроизводятъ какъ общее мѣсто положеніе Далмациі, такъ и окрестности городовъ Задра, Сплѣта, Дубровника и Боки Которской; четыре плана трехъ важнѣйшихъ населенныхъ центровъ Далмациі: Задра, Сплѣта и Дубровника, а также исторической Солоны столь же изящны по своему исполненію, сколько подробны по своимъ указаніямъ; наконецъ, обиліе разнообразныхъ приложенийъ, между которыми обращаютъ особенно внимание статистическая таблицы распределенія населенія по различнымъ округамъ Далмациі, увеличиваются уже не только внѣшнюю, но и внутреннюю цѣнность книги.

Что касается послѣдней, то она обусловливается главнымъ образомъ, свѣжестью и точностью сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній. Книга открывается введеніемъ, въ которомъ послѣ краткой характеристики Далмациі какъ страны, и въ географическомъ и въ культурномъ отношеніи составляющей переходъ отъ востока къ западу, г. Петерманнъ перечисляетъ важнѣйшія описанія Далмациі, существующія въ литературѣ, и опредѣляетъ задачу своей книги. Послѣ практическихъ указаній относительно продолжительности путешествій по Далмациі, средствъ ея сообщенія и т. д., слѣдуетъ общее описание Далмациі,

гдѣ разсмотрены географическое положеніе и размѣръ площиади страны, ея оро- и гидрографическое устройство, геологическое строеніе, климатическая условія, характеръ флоры и фауны, а также явленія экономической и промышленной жизни края, какъ-то состояніе земледѣлія, винодѣлія, лѣсного промысла, рыболовства, скотоводства и т. п. Перечислены также пути сообщенія края и приведены статистическая данная относительно распространенія различныхъ народностей и религій. Особая глава посвящена очерку исторіи Далмациі, съ эпохи заселенія края иллірійцами до присоединенія королевства къ Австріи. За этимъ обширнымъ общимъ описаніемъ Далмациі слѣдуетъ болѣе специальное, причемъ различные пункты страны описываются по мѣрѣ ихъ удаленія отъ сѣвера на югъ. Такимъ образомъ, читатель объезжаетъ виѣтъ съ авторомъ всю Далмацию, начиная свой путь у Поля и кончая его Черногоріей и островомъ Корфу.

Г. Ильинский.

Гуцульщина. Написав проф. Володимиръ Шухевичъ. У Львові, 1899 (Матеріали до українсько-руської етнографії, вид. етногр. комм., Т. II). 8°. 144 стр.

Отсутствіе всесторонняго этнографическаго и антропологическаго очерка гуцоловъ составляло до сихъ поръ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ пробѣловъ русской этнографіи. Кромѣ небольшихъ этюдовъ профессора Черновицкаго университета Кайндля, предметомъ которыхъ служили только буковинскіе гуцулы, въ литературѣ нельзя указать никакихъ систематическихъ руководствъ относительно быта гуцоловъ, такъ какъ отдѣльные мелкія статьи и замѣтки, посвященные этому загадочному народцу, или слишкомъ поверхностны и мало самостоятельны, или касаются только одной какой-нибудь стороны культуры гуцоловъ, напр. языка.

Тѣмъ съ большіемъ удовольствіемъ мы должны привѣтствовать монографію проф. Шухевича, первый томъ которой вышелъ въ прошломъ году во Львовѣ. Основанная на свыше 20-ти-лѣтнихъ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ, она впервые даетъ намъ картину физической организаціи и быта въ сѣхъ галицкіихъ гуцоловъ, не вдаваясь въ описание частныхъ и единичныхъ особенностей этого быта.

Книга раздѣлена на восемь главъ. Первая (стр. 1—24), наименѣе самостоятельная, посвящена описанію естественныхъ условій края: его устройства поверхности, геологического строенія, климата, флоры, фауны, минеральныхъ богатствъ и т. д. Вторая (стр. 25—53) посвящена этнографическому очерку гуцоловъ: авторъ излагаетъ здѣсь исторію ихъ племенного названія, заимствованного вѣроятно отъ румыновъ (гоц—по румынски знач. разбойникъ, ул—уменьшил. суффиксъ), описываетъ особенности ихъ языка, мелодіи ихъ пѣсенъ, семейныя отношенія, занятія и промыслы, нравственныя и духовныя качества и въ заключеніе устанавливаетъ семь причинъ ихъ возрастающаго обѣднѣнія: 1) избытокъ населенія, 2) пьянство, 3) непосильныя подати и налоги, 4) чрезмѣрно легкій кредитъ, удѣляемый гуцуламъ множествомъ разбѣянныхъ по всему краю банковъ, 5) постоянные судебные процессы, которые гуцулы ведутъ между собой нерѣдко только изъ тщеславія, 6) еврейская эксплоатация и 7) недостатокъ просвѣщенія.—Въ третьей главѣ (стр. 54—73) сообщается подробная статистическая данная распространенія гуцоловъ по тремъ повѣтамъ Галиціи: Коссовскому, Печенѣжскому и Надворнянскому, а также по ихъ отдѣльнымъ селамъ, причемъ оказывается, что общее число гуцоловъ не превышаетъ нынѣ 60 тысячъ. Цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ показываетъ распределеніе по общинамъ пашенъ и различныхъ угодій, относительное распределеніе домашнихъ животныхъ, подато- и налогоспособность громадъ и проч. Въ четвертой (стр. 74—85) и пятой (86—114) главахъ находимъ описание устройства гуцульскаго села и дома, а въ шестой (стр. 115—119)—церкви. Эти очерки носятъ чисто фактический характеръ, также какъ и седьмая глава (стр. 120—139) и восьмая (стр. 140—144), посвященная описанію одежды и пищи гуцоловъ.

Съ виѣшней стороны книга издана безукоризненно: кромѣ трехъ цѣнѣнныхъ иллюстрацій, изображающихъ мужской и женскій типы гуцоловъ и ихъ одежду, въ требстѣ

помѣщено множество разнообразныхъ рисунковъ, воспроизведенныхъ большою частью съ собственноручныхъ фотографическихъ свидковъ автора.

Г. Ильинскій.

Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія Науков. Тов. ім. Шевченка. Т. VI. Галицько-руські анекдоти. Зібрав В. Гнатюк. У Львові. 1899. 8°. XII. стр. + 370.

Такъ-называемые «простонародные» юмористические рассказы и анекдоты до по-
слядніаго временія не пользовались особынныимъ расположениемъ г.г. этнографовъ. Потому-
ли, что не была сжата до сихъ поръ вполнѣ богатая нива пѣсенъ, сказокъ и легендъ,
или потому, что этой «низшій» родѣ литературы самъ по себѣ не могъ привлечь
пытливаго ума изслѣдователя, но наблюдатели народного быта записывали ихъ до сихъ
поръ только мимоходомъ и въ своихъ сборникахъ удѣляли имъ място лишь въ самыхъ
скромныхъ размѣрахъ. И если исключить старый сборникъ Врчевича *), въ славянской
этнографической литературѣ до сихъ поръ не было ни одного сборника, посвященнаго
специально произведеніямъ народного остроумія.

Этотъ крупный проблѣ, по крайней мѣрѣ, въ области одной этнографической
индивидуальности—малорусского народа, восполняетъ г. Гнатюкъ книгою, название ко-
торой мы выписали выше. И по обилію матеріала, и по научности его изданія, по-
слядніе не заставляетъ желать ничего лучшаго. Въ сборникъ вошло 700 рассказовъ,
записанныхъ исключительно въ Галицкой Руси и разделенныхъ на три отдѣла. Въ
первой находимъ анекдоты, содержаніе которыхъ касается разныхъ слоевъ населенія
вообще: крестьянъ (причёмъ рассказы о «бабахъ» напечатаны отдѣльно отъ анекдотовъ
о «мужикахъ»), слугъ, нищихъ, калѣкъ, преступниковъ, ремесленниковъ, школьноръ,
духовныхъ лицъ и господъ. Это—самый богатый отдѣлъ, такъ какъ изъ общаго числа—
700 въ его составѣ вошло 355 №. Второй отдѣлъ содержитъ (№ 356—586) анек-
доты, высмызывающіе племенные недостатки различныхъ народностей: русиновъ (бойковъ
и гуцуловъ), поляковъ, великороссовъ, чеховъ, нѣмцевъ, евреевъ и цыганъ. Наконецъ,
третій отдѣлъ (№ 586—700) посвященъ историческимъ анекдотамъ, между которыми
первое място по числу занимаютъ рассказы о «Каневскомъ» или Ник. Потоцкому (1712—1782),
польскомъ магнатѣ, перешедшемъ изъ католичества въ унію, и потому
необыкновенно популярнѣмъ въ сельскомъ населеніи Галиции. Въ третій же отдѣлъ
включены и анекдоты о глупцахъ, а также рассказы, описывающіе приключенія мало-
русскихъ бароновъ Мингаузеновъ.

Всѣ анекдоты изданы фонетическимъ правописаніемъ, многіе съ обозначеніемъ
удареній; при каждомъ точно указывается время, когда, и място, где былъ записанъ
извѣстный разсказъ; приводятся также фамиліи лицъ, сообщившихъ и записавшихъ
анекдотъ. Но что особенно намъ пріятно встрѣтить въ сборнике г. Гнатюка,— это
обильныя бібліографіческія указанія на изданныя уже другими изслѣдователями парал-
лели къ разсказамъ, напечатаннымъ малорусскимъ этнографомъ. Благодаря этому обстоя-
тельству, въ значительной степени облегчается работа будущаго изслѣдователя лите-
ратурной исторіи этихъ разсказовъ.

Г. Ильинскій.

**Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ,
загадокъ и проч. XVII—XIX ст.** Собралъ и приготовилъ къ печати П. Симони.
Вып. первый. I—II. Изд. Отд. р. я. и с. И. А. Н. Спб. 1899. 8°. XIX стр. + 216 +
8 + XII.

Настоящая книга — только первый выпускъ начатаго г. Симони восьмитомнаго

*) Српске народне приповијетке. Беогр. 1868 г.

издания памятников народной словесности гномического содержания. Важность такого издания очевидна. Главный вопрос, къ которому обыкновенно сводятся разысканія ученыхъ въ области произведеній народно-поэтическаго творчества, есть вопросъ о ихъ происхождѣніи. Но опредѣлить (хотя бы только приблизительно) генетическую зависимость между десятками и сотнями вариантовъ одного и того же произведенія возможно лишь при наличности такого критерія ихъ древности, который бы, съ одной стороны, давалъ намъ средство сравнивать ранѣе записанные и потому мало еще подвергнувшіяся трансформаціи произведенія съ такими же произведеніями поздніхъ записей, съ другой стороны, устанавливала точку соприкосновенія съ литературой искусственной. Подобнымъ критеріемъ и могутъ служить разные старинные сборники пословицъ, поговорокъ и т. д., которые, давая готовый основной текстъ для пословицъ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣнное пособіе для будущаго критического издания произведеній этого рода народной литературы.

Нельзя не быть глубоко благодарныемъ г. Симони, что онъ не побоялся предпринять многотрудное издание подобного рода сборниковъ, общее число которыхъ достигаетъ 30. Дѣвъ трети изъ нихъ (19 №№) до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны, и если были известны ученымъ, то лишь по названіямъ рукописей, въ которыхъ они сохранились. Хотя остальную часть составляютъ печатные сборники и хотя некоторые изъ нихъ знакомы каждому занимающемуся русской литературой (сборникъ Чулкова, импер. Екатерины и др.), тѣмъ не менѣе переизданіе и этихъ сборниковъ въ высшей степени желательно уже потому, что они давно являются библиографической рѣдкостью. По времени только 3 сборника относятся къ началу нашего вѣка (2—рукоп., 1—печатн.), большая же часть принадлежитъ къ серединѣ или концу XVIII в., а именно къ годамъ: 1741 г. (ркп.), 1738—1743 (ркп.), 1753 (ркп.), 1754 (ркп.), 1755 (ркп.), 1758 (ркп.), 1769 (печ.), 1770 (печ.), 1770 (печ.), 1773 (печ.), 1781 (печ.), 1782 (печ.), 1785 (печ.), 1788—1795 (ркп.), 1790 (ркп.), 1790 (печ.), 1794 (печ.), 1798 (печ.).

Безъ опредѣленной даты къ тому же времени относится шесть рукописей. Кроме того, два рукописныхъ сборника восходятъ къ нач. XVIII в.,—одинъ къ 1714 г., другой—безъ даты, а одинъ—даже ко второй половинѣ XVII в.

Въ составъ настоящаго первого выпуска этого собрания вошли только два послѣднихъ памятника. Изъ нихъ особенно интересенъ второй, который хранится въ очень разнообразномъ по своему содержанію сборникѣ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Хотя на основаніи его бумажныхъ знаковъ время его написанія относятъ къ 1681—1694 гг., содержаніе его можно бы признать, по крайней мѣрѣ, на цѣлый вѣкъ старше, если только вѣрить словамъ „предсловія до читателю“: „она же писана нѣдроєвлѣ, мню такш лѣ“ за стш или болѣш“. Изъ приложенного къ книгѣ этюда проф. О. Е. Корша о языке этого сборника, видно, что сборникъ былъ составленъ гдѣ-нибудь въ области Московскаго говора. О личности составителя сборника ничего положительного неизвѣстно, но по догадкамъ издателя имя могъ легко быть ближайшій сотрудникъ Епифанія Славинецкаго, монахъ Чудова монастыря Евѳимій (+ 1705). Пословицы расположены въ алфавитномъ порядкѣ, также какъ и въ другомъ изданіи здѣсь же сборникѣ. Эта послѣдній, составляющей нынѣ собственность Академіи Наукъ, относится уже къ Петровскому времени и представляетъ собой также только часть сборника смѣшанного содержанія. Языкъ его носить въ себѣ явные черты сѣвернаго (вологодскаго) нарѣчія.

Къ изданію обоихъ этихъ памятниковъ народной мудрости г. Симони приложилъ строго-научные пріемы. Оба собранія напечатаны слово въ слово, буква въ букву, съ точнымъ сохраненіемъ ихъ правописанія и даже интерпункции; единственныя отступленія отъ подлинника издатель позволяетъ себѣ въ печатаніи собственныхъ именъ съ прописной буквы и въ раздѣленіи словъ. Изданію обоихъ памятниковъ предшествуетъ очень подробное, переходящее иногда въ скрупулезность, описание виѣшнаго вида рукописей, а также обстоятельный обзоръ ихъ содержанія. При этомъ, авторъ не жалѣтъ места на дословныя выписки изъ статей, представляющихъ какой-либо интересъ въ

литературномъ отношении; таково, напр., «Выданіе о доброправіи», которое заключается въ указаніи уже архивномъ сборникѣ, и которое г. Симони привелъ цѣликомъ въ сличеніи съ егопольскимъ прототипомъ «*Politica dworskie przez Jana Zabczusa*» (по рукп. библ. гр. Замойскаго). Привложенные къ книгѣ XIII таблицъ свидковъ прекраснѣ объясняютъ палеографическая особенности рукописей.

Вообще пріемы изданія памятниковъ такъ безукоризнены и такъ образцовы, что сказать что-нибудь противъ нихъ нѣтъ никакой возможности. Мы можемъ выразить только сожалѣніе, что авторъ не присоединилъ къ своей книгѣ примѣчаній, въ которыхъ были бы приведены параллели печатаемыхъ здѣсь пословицъ, или, по крайней мѣрѣ, не отмѣтилъ звѣздочкой тѣхъ изъ нихъ, которые являются въ научной литературѣ въ первый разъ.

Г. Ильинский.

О Т ДѣЛЪ IV.

С и ъ в ь.

Смерть, похороны и причитанія.

(Этнографический материалъ Калужской губерніи).

Смерть, похороны, причитанія.

Умреть человѣкъ. Умершему несутъ муки всѣ сосѣди ближніе и дальніе; кто принесетъ свѣчай, кто принесетъ денегъ. Деньги идутъ на панафидки.

Когда умреть покойникъ, его обмываетъ особенная старушка, «наздѣвается» на него чистенькую рубашку, обуваетъ его въ «башмачки», обкрываетъ всѣго саваномъ (саванъ дѣлается изъ полотна); накрываетъ покойнику глаза полотномъ.

Когда приходить священникъ, накрываетъ покойника ризою. Покойника подымаютъ въ церковь и несутъ по сторонѣ, и всякий около своего дома служить панафидку.

Когда покойника опускаютъ въ могилу, бросаютъ въ могилу деньги: каждый сколько можетъ—въ вѣковѣчный домъ.

«Хозяевъ» приглашаютъ батюшку на домъ, созываютъ родныхъ, сосѣдей, и всѣ служать панафидки по покойному. Потомъ хозяева приглашаютъ батюшку и всѣхъ присутствующихъ сѣсть за столъ и поминуть за трапезой покойного.

За похороны платить батюшкѣ рублей пять.

На похоронномъ обѣдѣ подается холодецъ, солонина, баравнина, свѣжина.

На шестинедѣльномъ поминовеніи подается кисель съ медомъ.

Плачутъ женщины и причитываютъ, когда причищаются покойного, когда хоронятъ, когда поминаютъ.

Если быдѣть встрича, когда несутъ покойника, то ждуть еще покойника въ скоромъ времени.

Когда покойникъ умреть, и въ немъ до обѣда «кровѣ» не захолодаютъ, то ожидаютъ въ скоромъ времени еще покойника.

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по матери.

Родная ты моя матушка, что-жъ ты мне, малую сиротинушку, покинула и съ малыми дѣтками своими?

• Скажи, моя родная матушка, какъ мнѣ съ ними горя проводить? Какъ мнѣ ихъ урастить?

Куды мнѣ маю нисчастную галовушку опридилить?

Скажи, родная матушка, кто мною будить клопотать и пичалитца; кто мнѣ што пригадай и хто мнѣ што придумай?

Хто мне будить работушки привучать и хто мне будить на разумъ наставлять? И кому я нада, и кому я жалка?

Правѣть, моя родная матушка, хуть единственная словичка какъ мнѣ съ малости лѣтъ горюшка гаривать и къ кому мнѣ пріютитца и къ кому мнѣ прикланѣтца.

Радимый жа мой батюшка нипастяный жизни, и тоже онъ самъ у дварѣ ни

живеть. Одна жъ у mine родная тётушка—тая у бѣдности живеть ничаво она мнѣ ни пумагѣть.

Дѣтки май малыи, дѣтки май дробныи, радимый мой братицъ, радимая май сестрица, полыайдитя къ сваей родной матушки и успраситя у сваей родвый матушки, у бабушки, на каво ава надѣлась...

Ана жъ знать наша радимая матушка, што у ей никаво радныхъ нѣтути.

Каба жъ намъ малымъ дѣткамъ и дробнымъ сротамъ каба жъ была сродствія какак!...

Какъ у прочихъ матакъ родный батюшка,—онъ ба нашъ быль родный дядюшка: каба жъ тибѣ, родная матушка, быль родимый братчикъ, юнъ ба нашъ быль родный дядюшка: онъ ба насть прючаль и онъ ба нашъ горюшка разскажаль.

(с. Пятницкое, Мосальского уѣзда).

Причитаніе „на дитья“.

Дѣтки мян малыи, дѣтки май жалки, ия гнѣвайтись, май дитѣтушки, што я за вами плоха хадила—вѣрно, а вась ни накармила и ни напоила!..

Когда вы наражались, я только Господа Бога и просила, каба вась только у хрящѣную вѣру увести, а памрѣшь—и Вожь съ табою!...

Жизнь моя непастаяна, судьба моя нисчасная!... И съ малости лѣтъ я горя приняла и съ маладости я добра ни видала и къ старости сиѣ добра ни съ откѣда ни вижу: и ножинки сваи я притаптала и ручинки сваи я примахала—чужіи работушки работала...

Ну, вы, дѣтки май милыи, пумалитя Господу Богу аба мнѣ, каба мнѣ Гаспотъ вѣку укаратиль: я ажидаю таво! што къ старости кармить—пашть мнѣ некаму и печалитца мною некаму...

(с. Пятницкое, Мосальского уѣзда).

Причитаніе, нашъ мужа въ солдаты провожала.

Друхъ жа ты мой, друхъ жа ты мой жалкий!

Ягада жъ ты май ни саспѣлая, ягада жъ ты май нисазрѣлая, твой жа родный батюшка и твая родная матушка и твае родныи братцы усё тибѣ гаварили «мы пайдемъ длинную дорогу мѣрить—ты атстѣнись дома»..

А родная мать и скажить: «дурная галава добраю сѣсть да канца: пайдѣть май дитя Аликсюшко, а ты атстѣнись дома—такой нигадай!»

Ни знала твая родная матушка, што ету тибѣ нужду снести; не знала твая родимая, что ету тибѣ длинную дорогу мѣрить.

Ну, пращай, мой милый друхъ: атставилъ ты mine, милый друхъ съ младости лѣтій горя горивать и чужіи дворы мнѣ считать, чужіимъ атцамъ съ матирими служить.

Приважи, мой милый друхъ, свайму родному батюшко, када я буду мима итить, и зайду къ ини за гостя, штоба ини mine пакарими и напаили, штоба добрымъ mine словить прютили—и тымъ я буду давольна и благадарна.

(с. Пятницкое, Мосальского уѣзда).

Причитаніе по мужу.

Куда жъ ты, милый дружичка, п харашо ли тибе я, милый дружичка, вабрала?!

Что же ты, милая дружичка, ты mine съ маладыхъ гадочекъ бросиль и съ малими дѣтушками?!

Я за тобою, милый дружичка, пажила и въ волюшки и въ холюшки; была я адѣта и абута; была я и сыта, и давольна.

Ни дай мнѣ, милый дружичка, мнѣ, горькой, мучитца—и паложъя вы, мине, горькю, къ сибѣ рядушкамъ и сваихъ дѣтушикъ миныхъ ни даращеныхъ.

Када падходимъ къ магилачки, просимъ:

— Разступись, матушка сыра зимля, раскалися, грабава доска! Распалыхнитись, ѿлы полатны! Развидѣ свои уста халодныи и прикажи мнѣ, милый дружичка, какъ мнѣ малалѣтныхъ возрастать будить. (с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Дочь причитываетъ:

Харашо ли тибе, матушка, харашо ли тибе, родная, я тибе сабрала?!

Куды жъ ты, матушка, скора паспишила?!

Въ какую ты дарожинку ты атправилишьси, въ дарожинку нивазвратимую?

Ты, маи матушка родная, была привѣмица, придѣмица... пріѣдимъ къ тибе, горький, въ гости мы съ сваимъ горимъ, а ты мине, матушка, всѣ взвисяляшишь!...

Чаво мнѣ ни дастанить, чаво мнѣ ни прибритешъ мужъ съ плахко галовушкаю, ты мнѣ, бывала, всѣ всѣ дабавляшишь.

Нахажусь разутая и раздѣтая—скальтишь да мине да горький и ни дайте мнѣ па бѣламъ свѣти горюшка мыкатъ.

Подходя къ могилѣ вмѣстѣ съ тѣломъ покойнаго, дочь причитываетъ громко выкликивая:

«Разступись, матушка сыра зимля, и раскатись, грабава доска, и распалыхнитись, ѿлы полатны—развидѣтъ сваи уста халодныи, ускройти сваи ясны очи, матушка, и скажите хуть одно мнѣ словичка—вы бъ умодили Господа Бога и положили бѣ вы мине горькю съ малымъ дѣтушиками къ сибѣ рядушкамъ.

Причитаніе по ребенку.

Что жъ ты, дѣтычка милая, куды жъ ты сабрался? Или я, дѣтычка, за табою плоха хадила? Ни за чѣмъ, дѣтычка, я ни кидаласи, ни за какою работашкаю... я тибе наблюдала: я думала, што тибе узрашу—всѣ на тибе радовалася—думалась вырастить къ старости на пракармленіе. (с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по родителямъ.

Радимый батюшка, что же вы, родный батюшка, ўздушили? Какую вы дарожинку сабралися? И вы мине, радитили, бросили втакую горькую—ни дорастили вы мнѣ маихъ малалѣтныхъ!

И вы мине, горькю и нисчастную, вы бъ мине палажили бѣ къ сибѣ надъ правая крылушка... И какъ вы, мои родители, очиць скора паспишили и аставили мине горькю нисчастную! Я, матушка гасударыня, ни магу безъ васъ сваихъ малалѣтныхъ возрастить—и находимся мы, радитили, и галодныи и халодныи!

Вы бѣ, маи радитили Господа Бога аба мнѣ абъ горький, и палажили бѣ маихъ малалѣтныхъ вы къ сибѣ подъ правая крылушка, и ни дайти вы имъ ца чужими углушкиамъ шататца!... (с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по отцу.

Радимый батюшка жаланный, што жъ ты мине горькую бросиль биздачорную*)? На чаво жъ ты мине спакинулъ?

Асталась я горькія нисчастная круглая сирата!

Заставилъ ты мине, батюшка, кукушкой кукувать, горькій пташкой гаревать... Не съ кимъ мнѣ, батюшка, словичка сказать, негдѣ мнѣ, горький, несчастный,

*) Въ словѣ «биздачорную» «б» произносится какъ «г».

глазачки простудить. Не съ кимъ мнѣ падумать, не съ кимъ мнѣ посавѣтыватьца. А ты, батюшка, бытъ мнѣ придумщикъ, бытъ са мной савѣтщикъ. Када я ни пайду съ какимъ горюшкамъ, ты са мной падумашь, ты са мной пасавѣтуишь. Отдумаль *) радимый мой батюшка, отсовѣтываль! прашай, мой родный батюшка, прашай, жаланный! Ускрой свои ясны вочушки, прамолви, батюшка, хуть адно словичка! Кличу я тибе, батюшка родный, кличу, ни дакличуся!

Ничаво ты, батюшка родный, на эти славечушки, ничаво ты мнѣ ни атмолвиль!

Пакланись ты, мой родный батюшка, маей родный матушки; рассказы ты родный матушки, какъ я горькая, несчастная, близъ тибе горюшка мычу съ малалѣтными съ дѣтушками.

(с. Желѣзцево, Перемышль. уѣзда).

Тетка утѣшаєтъ плачущую.

— Не плачь, не плачь, милая: какъ нибудь Гаспотъ абдумантъ! танерь сами стали матери!

— Какъ жа мнѣ, тетушка радимая, ни плакать, ни гаревать. Остались мы горькіи, нисчастныи, кругомъ горькіи безродныи...

Прочитаніе по ребенку.

Охъ, ты, милый мой дитёначикъ, жаланный ты, мой дитенакъ, што ты уздуналъ, што ты загадаль: либо ты галодёнъ бытъ, либо ты халадёнъ бытъ...

Куда жъ ты, мой дитёначикъ, куда жъ ты паспишиашь, у какую путь—дарожинку? Аткуда намъ, дитёначикъ, тибе дажидатца?

Скажи, мой дитёначикъ, въ какой день небе паджидать, въ какой празникъ.

Хадила я за табой хадила, очки ни спала, все думала пиримѣнушки даждус!

(с. Желѣзцево, Перемышль. уѣзда).

Сообщ. В. Н. Добровольский.

О Сибирскомъ Полярномъ Отдѣлѣ Сѣверо-тихо-океанской экспедиції.

(Изъ письма къ Предсѣдателю Этнографического Отдѣла Императ. Русского Географич. Общества).

Пользуемся промежуткомъ свободного времени, чтобы сообщить Вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ и задачахъ Сибирского Полярного Отдѣла Сѣверо-тихо-океанской Экспедиціи. Составъ экспедиціи въ настоящее время увеличился двумя новыми членами. Одинъ изъ нихъ Норманъ К. Бѣкстонъ—американецъ, и прикомандированъ къ нашему отдѣлу Зоологический Департаментомъ Музея въ качествѣ коллекціониста-зоолога и отчасти ботаника. Г. Бѣкстонъ участвовалъ въ Экспедиціи, снаряженной въ 1896 г. Филадельфійской Академіей Наукъ къ мысу Барро для составленія этнографическихъ и зоологическихъ коллекцій, которая въ настоящее время разрабатываются въ г. Філадельфіи, въ вышеназванной Академіи. Другой изъ новыхъ членовъ экспедиціи Александръ Аксельродъ—швейцарецъ, студентъ Цюрихскаго Политехникума и приглашень наше въ качествѣ помощника при производствѣ этнографическихъ и антропологическихъ работъ. Музей снабдилъ насъ также метеорологическими и геологическими инструментами, и, насколько позволить досугъ, мы будемъ собирать свѣдѣнія и по этимъ отдѣламъ. Г. Бѣкстону инструкція зоологического департамента указываетъ обратить главное вниманіе на мелкихъ млекопитающихъ, затѣмъ также на крупныхъ млекопитающихъ,

*) О въ словѣ «отдумаль» произносится съ большою выразительностью.

штиць и рибъ. Онъ будеть также заниматься собираниемъ растеній для гербарія и насѣкомыхъ.

Главной задачей экспедиції является однако ея этнографическая часть, а именно подробное изученіе трехъ народностей съверо-востока Азіи: юкагировъ, коряковъ и чукочъ съ точки зрѣнія этнологической, лингвистической и соматологической. Коллекціи Экспедиції должны охватить весь объемъ материальной и духовной жизни племенъ и, кроме различныхъ предметовъ туземного производства, будуть заключать обширное собраніе антропологическихъ фотографій, антропометрическихъ измѣрений и гинсовыхъ масокъ. Для этой цѣли у насъ имѣется пять фотографическихъ аппаратовъ различной системы, 3.000 пластинокъ, два фонографа, два прибора антропометрическихъ инструментовъ системы проф. Бонза и проч. Изученіе другихъ племенъ той же области: камутовъ, аратскихъ эскимосовъ (быть можетъ, даже камчадаловъ) тоже будетъ производиться, хотя по инструкціи Музея оно имѣть только второстепенное значеніе. Впрочемъ, составленіе подробныхъ плановъ работы и распределеніе ея отдѣловъ предоставлено музеемъ на наше усмотрѣніе, но съ тѣмъ, чтобы материалы, собранные нами во время нашей предыдущей Экспедиціи, послужили отправнымъ пунктомъ для новыхъ работъ.

Музей предоставилъ въ наше распоряженіе средства, вполнѣ достаточныя для успѣшного веденія работъ, и общая сумма расходовъ по нашему Отдѣлу въ настоящее время достигаетъ 15.000 долларовъ.

Въ Нью-Йоркѣ мы провели три недѣли, занимаясь подготовленіемъ къ экспедиціи. Проф. Бонзомъ за это время былъ организованъ рядъ собраний, где принимали участіе различные члены Съверо-тихо-океанской экспедиціи, находившіеся въ Нью-Йоркѣ (г.г. Бертолдъ Лауферъ, Гарланъ Смитъ, К. Фарраль и др.), а также и другіе заинтересованные лица. На этихъ собранияхъ происходилъ обмѣнъ информацией по различнымъ вопросамъ этнографіи народовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Тихаго Океана, и между прочимъ былъ прочитанъ рядъ рефератовъ профессоромъ Бонзомъ объ эскимосскомъ языке, Богоразомъ о чукотскомъ языке, Іохельсономъ о юкагирскомъ языке и д. Б. Лауферомъ о языкахъ айновъ. Докторъ Лауферъ два мѣсяца тому назадъ вернулся изъ Азіи, где онъ провелъ въ качествѣ члена Съверо-тихо-океанской экспедиціи два года среди гиляковъ, гольдовъ и айновъ. Въ настоящее время, онъ находится въ Нью-Йоркѣ и намѣревается приступить къ обработкѣ своихъ материаловъ. Вскорѣ послѣ прѣѣзда онъ прочелъ докладъ о своихъ работахъ въ Нью-Йоркскомъ этнологическомъ обществѣ.

Изъ С.-Франциско мы отправляемся завтра черезъ Гонолулу и Нагасаки во Владивостокъ, куда разсчитываемъ прибыть въ началѣ русскаго мая.

Во Владивостокѣ мы займемся окончательной организацией экспедиціи, разборкой запасовъ, отправленныхъ нами туда изъ Одессы, С.-Петербурга, Москвы, Антверпена, Нью-Йорка и С.-Франциско. Общий вѣсъ нашей влади вмѣстѣ съ тѣми запасами, которые будутъ пріобрѣтены во Владивостокѣ достигаетъ 1000 пудовъ. Во Владивостокѣ экспедиція раздѣлится на двѣ партии. Первая подъ руководствомъ Богораза отправится въ Анадымский край и къ Берингову морю. Другая подъ руководствомъ г. Іохельсона — въ Гижигинский округъ. Обѣ партии плѣтутъ съѣхаться зимою въ Гижигѣ, откуда Богораз возвратится на чукотскій полуостровъ, и закончить полевые работы осеніемъ 1901 года; къ тому времени имѣть за нимъ прѣѣхать специальный пароходъ. Г. Іохельсонъ имѣть окончить свои работы въ Гижигинскомъ округѣ лѣтомъ 1901 года, послѣ чего онъ долженъ черезъ Становой хребетъ перейти въ верховье Колымы для дополненія своихъ материаловъ о юкагирахъ. Обратный путь въ Нью-Йоркъ онъ совершилъ черезъ Якутскъ, Иркутскъ и С.-Петербургъ. По дорогѣ г. Іохельсону поручено составить Якутскую коллекцію, для которой ассигнована специальная сумма.

Таковы въ общемъ планы нашего отдѣла Съверо-Тихо-Океанской экспедиціи.

Предъ отѣздомъ изъ Нью-Йорка мы просили проф. Бонза послать Вамъ коші нашихъ отчетовъ Музею о ходѣ нашихъ работъ.

Владимиръ Богоразъ. В. Іохельсонъ.

СТРАН.

4. П. Лупповъ. „Христіанство у ватажковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстий о нихъ до XIX вѣка“. *Ильинскаа*. . . . . 277—283
5. Nová mapa Království českého. Sestavil V. Kotyška Kreslil N. Hanf. Měřítko 1 : 200.000. *Г. Ильинскаго*. 283
6. Smíchovsko a Zbraslavsko. Společnou prací učitelstva Redaktoř prof. Fr. Hansl, c. k. okresní školní inspector. *Г. Ильинскаго* . . . . . 283—284
7. Starožitnosti země české. Sestavil L. Pič Dil. I. Čechy předhistorické. Na základě praehistoricé sbírky Musea Krála Českého. *Г. Ильинскаго*. . . . . 284—286
8. Rodinný nedíl čili zádruhu v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastním. *Г. Ильинскаго* . . . . . 286—287
9. Führer durch Dalmatien. Herausgegeben von Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. *Г. Ильинскаго* . . . . . 287—288
10. Гупуљщина. Написав проф. Володимирь Шухевич. *Г. Ильинскаго* . . . . . 288—289
11. Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія Науков. Тон. ім. Шевченка. *Г. Ильинскаго* 289
- 12 Старивые сборники русскихъ пословицъ, поговоровъ, загадокъ и проч. XVII—XIX ст. *Г. Ильинскаго* . . . . . 289—291

Отдѣлъ IV.

С м ъ с ь.

1. Смерть, похороны и причитанія. (Этнографический матеріалъ Калужской губ.). *В. Н. Добровольскаго* . . . . . 292—295
  2. О Сибирскомъ Полярномъ Отдѣлѣ Сѣверо - тихо-океанской экспедиції. (Изъ письма къ Предсѣдателю Этнографического Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общества). *В. Борграза и В. Лохельсона* . . . . . 295—296
-